СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

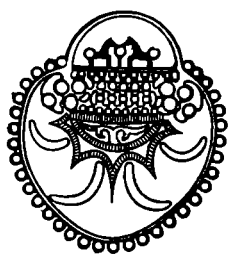
3

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



ДЕВЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1965

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, главный редактор,
С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, А. Я. Брюсов, М. К. Каргер,
Е. И. Крупнов, Б. Б. Пиотровский, Е. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Ответственный секретарь *А. И. Мелюкова*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-09826 Подписано к печати 7/VII 1965 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 10
Печ. л. 28,0+2 вкл. Уч.-изд. л. 29,7 Тираж 1985 экз. Заказ 2406

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

В Комитете по Ленинским премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР

О присуждении Ленинских премий за наиболее выдающиеся работы в области науки и техники.

Комитет по Ленинским премиям в области науки и техники постановил:

I

Присудить Ленинские премии 1965 г. за наиболее выдающиеся работы в области науки:

7. ***ВОРОНИНУ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ***, доктору исторических наук, заведующему отделом Института археологии Академии наук СССР, — за научный труд «Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков» (в 2 томах), опубликованный в 1961 и 1962 годах.

Статьи

В. Г. КОТОВИЧ

О ХОЗЯЙСТВЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА В ДРЕВНОСТИ

Рассмотрение хозяйственной деятельности древнего населения горных районов Дагестана имеет важное значение как для освещения социально-экономического и культурного развития местных племен в медно-бронзовом веке, так и для понимания специфических особенностей исторического процесса на данной территории в последующее время, вплоть до средневековья.

В дореволюционной историографии вопрос этот не ставился совсем, так как большинство исследователей того времени разделяли взгляды Д. Н. Анучина о позднем (в железном веке) заселении горного Дагестана, связывая его с якобы имевшим место процессом массового вытеснения туда населения равнины более сильными племенами [1].

Подлинно научное изучение экономики древних насельников горного Дагестана началось уже в годы Советской власти. А. П. Круглов, одним из первых исследовавший древние памятники Дагестана, пришел к выводу, что хозяйственное освоение горных районов, которое он связывал с развитием отгонного скотоводства, началось еще в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.) [2]. Позже Р. М. Мунчаев, основываясь на результатах изучения Е. И. Крупновым северокавказских памятников докобанского периода, счел возможным отнести начало этого процесса в III тысячелетие до н. э. Причину его он также усматривал в развитии полукочевого скотоводства (в основном овцеводства) [3]. Взгляды названных исследователей, основанные на учете экономического фактора, несомненно, сыграли положительную роль в изучении древней истории горного Дагестана, доказав более глубокую, чем это представлялось дореволюционным ученым, древность заселения его территории. Подчеркивая это, следует все же признать, что они должны быть пересмотрены в свете новых археологических данных, ставших известными за последнее десятилетие.

Прежде всего, это касается вопроса о времени заселения горного Дагестана. Сейчас здесь известны не только памятники IV—II тысячелетий до н. э., но также местонахождения и стоянки различных периодов каменного века. Судя по ним, человеческая деятельность началась в горном Дагестане в конце ашеля — раннем мустье и продолжалась в последующие периоды каменного века [4].

---

[1] Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. ИРГО, XX, вып. 4, СПб., 1884, стр. 449; Р. М. Магомедов. Проблема происхождения народов Дагестана в дореволюционной историографии. УЗ ДГУ, VI, Махачкала, 1960, стр. 37—56.

[2] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. (Тезисы канд. дис.), КСИИМК, XIII, 1946, стр. 134.

[3] Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореф. канд. дис. М., 1953, стр. 14—15.

[4] В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 217—223.

По-новому должен ставиться вопрос и об экономической основе человеческой деятельности в горном Дагестане в различные исторические эпохи. Мнение о хозяйственном освоении горных районов путем переселения туда в III—II тысячелетиях до н. э. пастушеских, овцеводческих племен с равнины никак не подтверждается новыми материалами, вследствие чего от него приходится отказаться. Рассмотрение данного вопроса следует начинать с характеристики хозяйственной деятельности древнейших насельников Дагестана, прослеживая затем ее эволюцию. При этом особое внимание должно быть уделено изучению хозяйства горцев в эпохи меди и бронзы, начиная с которых на территории горного Дагестана прослеживается непрерывный процесс развития местных племен.

В палеолите и в мезолите основу хозяйственной деятельности первобытных коллективов, населявших горные районы Дагестана, составляли охота и собирательство. Об этом можно судить по характерным особенностям кремневого инвентаря, предназначенного для охоты и обработки охотничьей добычи, а также по остеологическим данным. В частности, изучение остеологических находок из Чохской и других стоянок [5] позволяет заключить, что население горного Дагестана в конце верхнего палеолита и в мезолите специализировалось главным образом в охоте на диких баранов и козлов.

В материалах дагестанских неолитических памятников отчетливо прослеживается замена микролитоидного кремневого инвентаря макролитоидным. Аналогичные изменения претерпевают в эту эпоху орудия труда и в ряде других областей юга нашей страны и сопредельных стран, где в неолите впервые возникает земледельческо-скотоводческое хозяйство [6]. Особенно многочисленны в инвентаре раннеземледельческих памятников Передней и Средней Азии крупные ножевидные пластины и их сечения [7]. Как установлено опытным путем, подобные пластины, зачастую не имевшие специальной ретуши, использовались либо в качестве жатвенных ножей, либо вкладышей для серпов [8].

Среди материалов дагестанских неолитических памятников большое место занимают крупные ножевидные пластины, наряду с которыми встречаются также топоры с подшлифованным лезвием, орудия типа «пик», а в самом конце неолита — небольшие зернотерки, находимые вместе с костями домашнего быка [9]. Все эти находки говорят о начавшемся переходе от присваивающего охотничье-собирательского хозяйства к производящему, основанному на первобытном земледелии и скотоводстве, что было, по-видимому, вызвано общим для всего Кавказа подъемом производительных сил в неолите, на развитие которых оказывали положительное воздействие тесные культурно-исторические связи с Передним Востоком, а также наличие благоприятных естественно-географических условий. Судя по значительной облесенности горного Дагестана в древности и имея в виду особенности орографии и состав слагающих его горных пород, можно предпо-

[5] Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа. М.—Л., 1959, стр. 195, табл. 42; К. Н. Золотов. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 288.

[6] А. А. Формозов. Микролитические памятники Азиатской части СССР. СА, 1959, 2, стр. 56; его же. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 86—87.

[7] В. М. Массон. Средняя Азия и древний Восток. М., 1964, стр. 24 сл.

[8] С. А. Семенов. Жатвенные кремневые ножи из поздненеолитического поселения Лука Врублевецкая. СА, XI, 1949, стр. 151—154; его же. Первобытная техника. МИА, 54, 1957, стр. 142—150; В. М. Массон. Джейтун и Кара-депе. СА, 1957, 1, стр. 146; Г. Ф. Коробкова. Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1961, стр. 112—114; С. Н. Бибиков. Из истории каменных серпов на Юго-Востоке Европы. СА, 1962, 3, стр. 3—12.

[9] В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Неолитическая стоянка близ г. Буйнакска (Дагестан). КСИИМК, 67, 1957, стр. 78—82; В. И. Марковин. Неолитическая стоянка близ Махачкалы. МАД, I, 1959, стр. 21—30; В. Г. Котович. Ук. соч., стр. 184—216.

лагать, что древнейшими способами возделывания растений здесь, как и повсеместно [10], были подсечно-огневое, а местами — у подножий сланцевых хребтов — и лиманное земледелие.

В энеолите, насколько об этом можно судить по материалам Гинчинского поселения (IV тысячелетие до н. э.), в горном Дагестане существовала развитая местная культура с отчетливыми признаками влияния халафской культуры (наличие тонкостенной расписной керамики) [11]. Ее экономическую основу составляло земледельческо-скотоводческое хозяйство. Занятия земледелием подтверждаются находками многочисленных зернотерок и жатвенных ножей, отпечатками соломы на керамической массе. Жатвенными ножами служили крупные ножевидные пластины неолитического облика [12]. Подобные орудия известны и в других энеолитических (IV тысячелетие до н. э.) памятниках Кавказа (нижние слои Нахичеванского Кюль-Тепе, Шому-Тепе) [13] и Иранского Азербайджана (слой «М» Геой-Тепе) [14]. Обитатели Гинчинского поселения разводили крупный и мелкий рогатый скот. Можно полагать, что и в эту эпоху в горном Дагестане применялись прежние способы возделывания злаков — подсечно-огневое и лиманное земледелие. Однако площади возделываемых земель, по-видимому, возрастали по мере увеличения населения.

В медно-бронзовом веке (III—II тысячелетия до н. э.) оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство по-прежнему составляло основу экономики племен горного Дагестана. Занятия земледелием в III тысячелетии до н. э. документируются находками кремневых вкладышей от составных серпов, зернотерок, специальных печей для сушки и обжаривания зерна и выпечки хлеба, а также зерен злаков и их отпечатков на керамике, происходящими из Мекегинского [15], Гапшиминского [16], Хунзахского [17] поселений. В памятниках II тысячелетия до н. э., таких как Верхнегунибское [18], Сигитминское скальное [19], Усишинское [20] и другие поселения, находки земледельческого инвентаря весьма многочисленны и разнообразны, что свидетельствует о дальнейшем развитии земледелия и его ведущей роли в экономике местных племен.

Относительно крупные размеры дагестанских горных поселений медно-бронзового века с мощными (более 1 *м*) толщами культурных напластований указывают на долговременное обитание на них сравнительно многочисленного населения. Данное обстоятельство наводит на мысль о том, что племена горного Дагестана, подобно некоторым другим раннеземледель-

---

[10] Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 100—101; Ю. Ф. Новиков. О возникновении земледелия и его первоначальных формах. СА, 1959, 4, стр. 39—40.

[11] Раскопки поселения проводились в 1962—1964 гг. Гинчинским отрядом ДАЭ. Пользуюсь случаем выразить признательность руководителю отряда М. Г. Гаджиеву за любезно предоставленную возможность привести в данной статье некоторые сведения об этом памятнике.

[12] М. Г. Гаджиев. Древнейшее оседло-земледельческое поселение в горном Дагестане. Тезисы доклада на Кавказской секции Объединенного пленума ИА и ИЭ АН СССР 3 апреля 1964 г. в г. Москве.

[13] О. А. Абибулаев. Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане. СА, 1963, 3, рис. 2, *2—4*; И. Г. Нариманов. Древнейшие серпы из Азербайджана. СА, 1964, 1, рис. 2, *1, 2, 4, 7, 11, 14*.

[14] T. Burton Brown. Excavations in Azerbaijan, 1948, London, 1951, табл. 44.

[15] В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда ДАЭ в 1959 г., рукопись. РФ ИИЯЛ, д. № 2643.

[16] В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 24.

[17] Раскопки 1-го горного отряда ДАЭ в 1964 г. (руководитель М. Г. Гаджиев).

[18] В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. (Предварительное сообщение о раскопках 1958 г.). МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 207 сл.

[19] В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. УЗ ИИЯЛ III, Махачкала, 1957, стр. 158—159.

[20] В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда ДАЭ в 1959 г.

ческим племенам Юго-Восточной Европы [21], уже в эту эпоху были знакомы с пашенным земледелием.

Последнее среди прочих факторов предполагает также использование тягловой силы животных и применение специальных пахотных орудий. Находки глиняных моделей колес в дагестанских памятниках медно-бронзового века [22] доказывают применение местными племенами тягловой силы скота уже в III—II тысячелетиях до н. э. В качестве упряжных животных, судя по остеологическим данным и находкам глиняных зооморфных статуэток, использовался крупный рогатый скот. Что же касается древнейших пахотных орудий, то они пока не были обнаружены в памятниках рассматриваемого времени, как, впрочем, и в более поздних комплексах, когда их существование уже не вызывает сомнений. Отсутствие находок пахотных орудий неудивительно, ибо они обычно изготовлялись из дерева, которое сохраняется лишь в особо благоприятных условиях.

Вопрос о времени появления пахотных орудий и становлении пашенного земледелия на Кавказе требует особого рассмотрения. Известно, что кавказские племена в медно-бронзовом веке поддерживали тесные связи с населением Переднего Востока, являвшегося древнейшим и наиболее важным центром возникновения земледелия и скотоводства [23]. Здесь чрезвычайно рано (не позднее IV тысячелетия до н. э.) становится известно и пашенное земледелие [24], что подтверждается, в частности, наличием соответствующей лексики в шумерских пиктографических текстах [25]. Широкое распространение пашенного земледелия в этих странах в первой половине III тысячелетия до н. э. засвидетельствовано письменными источниками, причем в Двуречье применялись две разновидности плуга, предназначенные для легких и тяжелых почв [26]. Во второй половине III тысячелетия до н. э. в Двуречье, а в первой половине II тысячелетия до н. э. в Хеттском царстве деревянные плуги снабжались металлическими (?) сошниками [27]. В начале I тысячелетия до н. э. в Ванском царстве употребляются уже железные сошники [28].

Наиболее ранние факты применения пахотных орудий в странах Переднего Востока относятся к IV—III тысячелетиям до н. э., когда население Кавказа, особенно племена т. н. «куро-аракской» культуры, поддерживали весьма тесные связи с переднеазиатским миром [29]. Весьма примечательно, что эти связи проявлялись не только в области культуры, но также

---

[21] С. Н. Бибиков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого триполья. (Опыт изучения первобытной экономики). СА, 1965, 1, стр. 48—62.

[22] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68. 1958, рис. 8, *6*; В. И. Марковин. Археологические памятники в районе сел. Капчугай (Дагестан). СА, XX, 1954, рис. *4б*; В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, I, Махачкала, 1959, табл. I, *6*; М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник. (Предварительное сообщение), УЗ ИИЯЛ, X, Махачкала, 1962, рис. 9, *1*.

[23] В. С. Титов. Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена. КСИА, 88, 1962, стр. 17—20.

[24] Д. Г. Редер. Появление плуга и мотыги в древнем Египте и Шумере. Сб.: «Древний мир». М., 1962, стр. 165—170; М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957, стр. 86.

[25] А. А. Вайман. Исследование шумерских пиктографических текстов. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1962 г. Л., 1963, стр. 15.

[26] Б. Б. Пиотровский, Н. Д. Флиттнер. История техники древнего Двуречья. Сб.: «Очерки по истории техники древнего Востока». М.—Л., 1940, стр. 23—25; И. М. Лурье. История техники древнего Египта. Там же, стр. 152.

[27] Б. Б. Пиотровский, Н. Д. Флиттнер. Ук. соч., стр. 25; З. А. Менабде. К вопросу об экономическом развитии Хеттского царства. Сб.: «Проблемы социально-экономической истории древнего мира». М.—Л., 1963, стр. 83.

[28] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 141, рис. 9.

[29] А. А. Иессен. Кавказ и древний Восток в IV—III тысячелетиях до нашей эры. КСИА, 93, 1963, стр. 6; К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Историческое значение Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э. СА, 1963, 3, стр. 11—12.

и в сфере производства. Последние не ограничивались исключительно металлургией, но, несомненно, касались и земледельческой техники, в первую очередь орудий труда. В частности, об этом свидетельствует происшедшая не позже начала III тысячелетия до н. э. замена древнейших жатвенных орудий в форме ножевидных пластин двусторонне обработанными специализированными типами вкладышей, предназначенными для оснащения массивных челюстевидных серпов египетского типа, южное происхождение которых не вызывает сомнений. Показательно, что у древних земледельцев Юго-Восточной Европы подобная же смена типов жатвенных орудий произошла лишь спустя почти целое тысячелетие [30].

В свете изложенного наиболее вероятной датой знакомства кавказских племен с применением пахотных орудий нам представляется III тысячелетие до н. э.— период наиболее широких взаимоотношений Кавказа с Передним Востоком. Иначе остается совершенно необъяснимым, каким образом кавказские земледельцы, располагавшие немалыми возможностями для развития у себя пашенного земледелия, не практиковали его вплоть до эпохи поздней бронзы (когда, по мнению некоторых исследователей, оно распространилось на Кавказе [31]), между тем как это важнейшее достижение раннеземледельческой техники уже в III—II тысячелетиях до н. э. стало известно населению юго-восточных и даже северо-западных областей Европы [32]. Очевидно, в действительности все происходило иначе, и кавказские племена одними из первых знакомились с достижениями земледельческой культуры стран Переднего Востока, применяя затем их у себя. В частности, знакомство закавказских, так называемых «кура-аракских» племен с пашенным земледелием недавно было документировано соответствующими археологическими материалами [33]. Не исключено, что одной из причин широкого расселения этих племен к северу и югу от места их первоначального обитания послужило раннее распространение у них пашенного земледелия.

Глубокая древность пашенного земледелия на Кавказе подтверждается и данными этнографии, в частности, исключительным многообразием встречаемых здесь типов пахотных орудий, прекрасно приспособленных к местным структурам почв и различным системам земледелия, практиковавшимся в разных районах в те или иные исторические эпохи [34]. Г. С. Читая выделяет в Абхазии отдельные типы пахотных орудий, восходящие к шумерским образцам, бытовавшим еще в IV тысячелетии до н. э. [35]. Близкая картина наблюдается и в Дагестане, где также применялись разнообразные типы пахотных орудий [36], локальное своеобразие которых,

---

[30] С. Н. Бибиков. Из истории каменных серпов на Юго-Востоке Европы, стр. 12, 13, 24.

[31] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 71; Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, стр. 33; его же. Земледелие в древнем и средневековом Азербайджане. Доклад к VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук. М., 1964, стр. 2.

[32] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука Врублевецкая на Днестре. МИА, 38, 1953, стр. 282; Б. А. Латынин. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. КСИИМК, 70, 1957, стр. 13; Б. А. Шрамко. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника. (В связи с проблемой возникновения пашенного земледелия в Восточной Европе). СА, 1964, 4, стр. 99—100; Г. Кларк. Ук. соч., стр. 108—109; А. Я. Брюсов. К вопросу об истории земледелия в датской археологической литературе. СА, 1957, 2, стр. 266.

[33] А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбниси. I. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби (Твлепиа-кохи). Тбилиси, 1962, стр. 61, табл. XXXIII, *11*.

[34] Народы Кавказа, II, М., 1962, стр. 235—240, 464—465.

[35] Г. С. Читая. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий. Сообщ. АН ГрузССР, II, 3, Тбилиси, 1944, стр. 193, 198.

[36] З. А. Никольская, Е. М. Шиллинг. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана. СЭ, 1952, 4, стр. 94—100; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 62—65.

обусловленное приспособленностью к местным условиям, может служить свидетельством их древности. На это же указывают и данные языкознания [37]. Помимо общего для дагестанских языков названия легкого горского пахотного орудия: *пуруц*, *берец*, *буруц* — у аварцев, *реббцу* — у андийцев, *дурац*, *дураз* — у даргинцев, *хъарас* — у лаков, *тъурез* — у лезгин, *дуруц* — у табасаранов [38], подобное же сходство прослеживается и в названиях ярма: *рукь* — ав., *рукьо* — анд., *дук I* — дарг., *рук I* — лак., *вик*, *вик I* — лезг., *йурккаг* — таб., *окь* — арч., пашни (села): *хур* — ав., анд., *хъу* — дарг., лак., *хуьр* — лезг., *гъул* — таб., *хор* — арч., упряжного быка: *оц* — ав., *унсо* — анд., *унц* — дарг., *ниц* — лак., *йац* — лезг., *йиц* — таб., *анс* — арч. [39]. Сходство наблюдается также в названии гумна, копны, соломы, мякины и в некоторых других терминах, так или иначе связанных с пашенным земледелием. Общая для дагестанских языков терминология пашенного земледелия, вероятно, сложилась еще в рамках общедагестанского языка-основы, существование которого языковеды относят ко времени не ближе III тысячелетия до н. э. [40].

Приведенные данные позволяют пересмотреть вопрос о сравнительно позднем появлении на Кавказе пахотных орудий и принять мнение тех исследователей, которые относят возникновение здесь пашенного земледелия к III тысячелетию до н. э. [41]. Это заключение вполне приложимо и к горному Дагестану, где при раскопках Верхнегунибского поселения в слое, относящемся к рубежу III—II тысячелетий до н. э., были обнаружены глиняные рельефы со стилизованными изображениями сцен пахоты [42].

Еще одним древним земледельческим орудием является молотильная доска, известная в Двуречье в III тысячелетии до н. э. [43] Основываясь на случаях нахождения таких орудий в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы и раннего железа [44], некоторые исследователи относят к этому же времени и их первое появление на Кавказе. Однако между началом хозяйственного применения этих орудий и использованием их в качестве предметов погребального ритуала, отличающегося чрезвычайной консервативностью, должен быть значительный хронологический разрыв. Поэтому можно предполагать, что молотильные доски появились на Кавказе вместе с пахотными орудиями или несколько позже. В Дагестане остатки погребения с молотильной доской обнаружены в одном из древних (?) курганов близ Дербента [45]. Небезынтересно отметить, что еще сравнительно недавно молотильные доски употреблялись на Кавказе (включая Да-

---

[37] Пользуюсь случаем выразить признательность доктору филологических наук Ш. И. Микаилову, оказавшему большую помощь в подборе языковедческих материалов.

[38] А. Н. Генко. О названиях «плуга» в северокавказских языках. ДАН СССР. Л., 1930, 7, стр. 132—134; З. А. Никольская, Е. М. Шиллинг. Ук. соч., стр. 94.

[39] С. М. Хайдаков. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961, стр. 11, 24.

[40] Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 17.

[41] О. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 267; А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Ук. соч., стр. 61; А. К. Сохадзе. Пережитки скотоводческих культов у западногрузинских горцев. Доклад к VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук. М., 1964, стр. 4.

[42] Раскопки Гунибского отряда ДАЭ в 1963—1964 гг. (руководитель В. М. Котович).

[43] Б. Б. Пиотровский, Н. Д. Флиттнер. Ук. соч., стр. 27.

[44] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 71; Я. И. Гуммель. Курган № 2 близ Ханлара. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 45—47; Т. Н. Чубинишвили. Погребение с молотильной доской на Самтаврском могильнике. Сообщ. АН ГрузССР, XXI, 1, Тбилиси, 1951, стр. 61; Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане, стр. 45—47.

[45] А. А. Русов. Отчет о летних и осенних работах в южном Дагестане. Пятый археологический съезд в Тифлисе. I. Труды предварительных комитетов. М., 1882, стр. 543—544.

тестан), в Турции и еще в некоторых горных районах, примыкающих к Восточному Средиземноморью.

Возвращаясь к характеристике земледельческой культуры горного Дагестана в медно-бронзовом веке, отметим, что переход к пашенному земледелию сделал возможным освоение более крупных площадей. Вероятно с этого времени в горном Дагестане стали практиковаться залежная и переложная системы земледелия. С развитием пашенного земледелия в горных районах вскоре ощутилась нехватка пригодных для этой цели земель, главным образом древних речных террас, плоскогорий, плато и иных естественных поверхностей выравнивания, встречающихся здесь в весьма ограниченном количестве. Это стимулировало раннее развитие в Дагестане своеобразного террасного земледелия, возникновение которого можно отнести по имеющимся данным к медно-бронзовому веку, а расцвет — к позднеантичному и раннесредневековому периодам. Следовательно, отмечаемый специалистами высокий уровень террасного земледелия в горном Дагестане не случаен. В нем ярко отражается «тысячелетний агротехнический опыт земледельцев высокогорных районов» [46].

Основными земледельческими культурами, возделывавшимися в Дагестане в медно-бронзовом веке, были мягкие и твердые сорта пшеницы, голозерные и пленчатые ячмени, лен [47]. Судя по совместной находке в одном сосуде на Гильярском поселении зерен пшеницы и ячменя, можно полагать, что в III тысячелетии до н. э. дагестанские племена, подобно другим раннеземледельческим племенам Кавказа, практиковали смешанные посевы разных злаков.

Другой важной отраслью хозяйства населения горного Дагестана в медно-бронзовом веке было скотоводство. Основу его, по единодушному признанию всех исследователей, составляло разведение крупного и мелкого рогатого скота. Однако значение различных отраслей древнего животноводства оценивается по-разному. По мнению первых исследователей дагестанских памятников медно-бронзового века, местное скотоводство, развивавшееся в сторону увеличения поголовья мелкого рогатого скота, приняло со временем полукочевую форму [48]. Эти взгляды — не что иное, как механическое перенесение на Дагестан схемы освоения горных районов, разработанной А. А. Миллером применительно к другим районам Северного Кавказа [49]. Сравнение тех условий с естественно-географической средой Дагестана показывает, что особенности орографии последнего определили специализацию хозяйственного развития не по вертикальным зонам, как на Северном Кавказе, а по естественноисторическим зонам и округам, соответствующим конкретным геоморфологическим областям и районам [50]. Поэтому нельзя безоговорочно переносить упомянутую схему на Дагестан без учета особенностей его естественно-географических условий. Это становится особенно очевидным при рассмотрении вопроса о кормовой базе. Известно, что в ряде районов Северного Кавказа и Закавказья именно недостача кормовых ресурсов в окрестностях поселений определила уже в бронзовом веке овцеводческую направленность в разви-

---

[46] Н. И. Вавилов. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. «Природа», 1936, 2, стр. 80—81.

[47] В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. УЗ ИИЯЛ, IX, Махачкала, 1961, стр. 285; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. УЗ ИИЯЛ, VIII, Махачкала, 1960, стр. 337, 338, 345.

[48] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э., стр. 134; Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана, стр. 14—15.

[49] А. А. Миллер. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. ПИМК, 1933, № 1—2, стр. 51.

[50] С. В. Зонн. Опыт естественно-исторического районирования Дагестана. Сб.: «Сельское хозяйство Дагестана». М.— Л., 1946, стр. 49 сл.

тии скотоводства, ставшего вследствие этого полукочевым [51]. Между тем, в горном Дагестане, располагавшем большими пастбищными угодьями, способными и в наше время обеспечить кормами значительное поголовье скота [52], столь острой нехватки кормов, по-видимому, не ощущалось. Поэтому скотоводство здесь оставалось на всем протяжении медно-бронзового века оседлым. Его кормовую базу составляли, очевидно, пастбищные угодья, расположенные как непосредственно около поселений, так и на некотором расстоянии от них, но в пределах строго определенной, вероятно, не очень большой территории, принадлежавшей конкретному роду племени.

Своеобразие путей развития древнего дагестанского животноводства подтверждается и остеологическими материалами [53]. Их сравнительное изучение показывает, что в составе стада, разводимого обитателями дагестанских поселений в медно-бронзовом веке, на одну голову крупного рогатого скота в среднем приходилось 1,6—2, редко 2,5—3 головы мелкого рогатого скота. Такое соотношение, учитывая более высокую мясную и молочную продуктивность крупного рогатого скота, свидетельствует о его преобладающей роли в местном животноводстве. В отдельных памятниках на протяжении II тысячелетия до н. э. наблюдается даже рост поголовья крупного рогатого скота [54]. Однако видеть в этом общую для всего Дагестана тенденцию развития животноводства было бы преждевременным, имея в виду разнообразие его экологических условий, которые могли оказывать значительное и даже определяющее влияние на состав стада в каждом конкретном случае.

Раннему становлению полукочевого овцеводческого хозяйства препятствовали: бездорожье, пересеченный рельеф, значительная облесенность и, наконец, постоянные межплеменные столкновения. Все это отрицательно сказывалось на самой возможности беспрепятственно осуществлять ежегодные сезонные перегоны отар скота на большие расстояния. Имелись и другие, еще более основательные причины. Как показывает опыт изучения полукочевого скотоводства в других районах нашей страны, оно никогда не практиковалось всеми членами коллектива, а только зажиточной верхушкой. При этом часть его продукции предназначалась для обмена. Следовательно, полукочевое скотоводство предполагает, с одной стороны, далеко зашедшую имущественную и социальную дифференциацию общества, а с другой — возможность широкого обмена избытка продуктов животноводства [55]. В свете этих фактов становится очевидным, что при господстве первобытнообщинных отношений у дагестанских племен в медно-бронзовом веке здесь отсутствовали необходимые для возникновения полукочевого скотоводства и социально-экономические предпосылки. Совокупность указанных причин определила оседлый характер древнего дагестанского скотоводства. Такое направление в развитии животноводства не представляет исключительного явления. Сходными путями разви-

---

[51] Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955, стр. 6; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 83.

[52] Е. В. Шифферс. Природная кормовая растительность горного Дагестана. Сб.: «Сельское хозяйство Дагестана». М.— Л., 1946, стр. 183; Л. Н. Чиликина. Очерк растительности Дагестанской АССР и ее природных кормовых угодий. Сб.: «Природная кормовая растительность Дагестана». Махачкала, 1960, стр. 8—83; Л. Н. Чиликина, Н. Д. Унчиев. Материалы к кормовой характеристике основных типов пастбищ и сенокосов Дагестана. Там же, стр. 89—147; Х. М. Хашаев. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959, стр. 48—51.

[53] К. Н. Золотов. Ук. соч., стр. 288—289.

[54] В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 107—108.

[55] С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. «Материалы отделения этнографии» (Географического общества СССР), ч. 1, Л., 1961, стр. 10—15.

валось древнее животноводческое хозяйство и у населения других областей [56], в том числе и у некоторых кавказских племен [57].

Помимо рогатого скота древние дагестанские животноводы разводили также свиней, ослов, а со второй половины II тысячелетия до н. э. — и лошадей. Однако количество костей этих животных в материалах исследованных поселений сравнительно невелико [58].

Большое место (от 10 до 50%) среди остеологических материалов занимают кости диких животных. А если припомнить, что излюбленными сюжетами многочисленных наскальных изображений этой эпохи являются фигуры диких животных и охотничьи сцены, то значение охоты выступает еще более наглядно. Видимо, животноводство еще не могло полностью удовлетворить потребности населения в мясной пище, вследствие чего на всем протяжении медно-бронзового века охота играла немаловажную, хотя и подсобную роль в хозяйстве местных племен.

Итак, освоение горного Дагестана началось не в медно-бронзовом веке, как это представлялось еще недавно, а по крайней мере на рубеже ашельской и мустьерской эпох нижнего палеолита. Палеолитические и мезолитические насельники страны гор занимались охотой и собирательством. Переход от присваивающего хозяйства к производящему завершился здесь в конце неолита. Становление и развитие земледельческо-скотоводческого хозяйства происходило в сложных горных условиях, и это с самого начала определило некоторые его специфические особенности.

В энеолите и медно-бронзовом веке оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство составляло экономическую базу развития местных племен. В это же время им становится известно и пашенное земледелие, возможно, привнесенное в Дагестан «куро-аракскими» племенами. Скотоводство на всем протяжении данной эпохи оставалось оседлым. Полукочевое скотоводство возникло в горном Дагестане значительно позже, когда для этого созрели необходимые социально-экономические предпосылки. Определенное значение имели и изменения в естественно-географической среде, выразившиеся прежде всего в уничтожении лесов земледельцами. Раннее возникновение и длительное господство в горном Дагестане натурального земледельческо-скотоводческого хозяйства, развивавшегося в условиях острой нехватки пахотных угодий, наложило отпечаток известного своеобразия на весь ход социально-экономического, культурного и этнического развития местного населения.

---

[56] М. П. Грязнов. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 21—28; Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, 61, 1958, стр. 156.

[57] О. Джапаридзе. Ук. соч., стр. 256; А. А. Формозов. О хозяйстве племен майкопской культуры Прикубанья. КСИА, 88, 1962, стр. 32.

[58] К. Н. Золотов. Ук. соч., стр. 288—289.

А. К. АМБРОЗ

РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ КУЛЬТОВЫЙ СИМВОЛ («РОМБ С КРЮЧКАМИ»)

Изучение древней религиозной символики имеет большие традиции. Давно уже выяснено значение таких древних символов, как круг, крест, свастика, триквестр, треугольник, распространенных по всему миру и тем не менее повсюду имеющих одно и то же значение: огонь, солнце, жизнь, а для последнего знака — земля, твердь. Но многие не менее распространенные в древности символы еще не привлекли внимания исследователей. Таковы «ромбы с крючками».

Поводом для настоящего исследования послужили находки на древних поселениях «почепской» культуры в районе г. Брянска (I—II вв.) [1] посуды с награвированными изображениями ромбов с крючками (рис. 1). Эти знаки не предназначались для украшения посуды, так как располагались то сбоку, то на дне сосуда. Таким образом, мы имеем дело с какими-то символическими изображениями.

Просмотр ряда русских и зарубежных работ по символике не дал никаких сведений о смысле загадочного знака. Лишь П. Якобсталь в 1951 г. составил обширный список его древних изображений, не касаясь семантики [2]. В русской литературе знак этот вообще не выделен. Сторонники солярной теории считали его вариантом круга с загнутыми лучами [3].

Поиски этнографических аналогий показали, что изучаемый знак — один из основных элементов крестьянского геометрического орнамента XVIII—XX вв. на огромной территории, охватывающей Среднюю и Восточную Европу (Балканы, дунайские страны, западная часть СССР, включая русских, украинцев, белорусов, народы Прибалтики и Поволжья), значительную часть Азии и Африки. Он особенно част у земледельческих народов, известен у скотоводов, но почти совсем не встречается у охотничьих народов севера Сибири [4]. Знак принадлежит к архаическому пла-

---

[1] А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, 1, стр. 62—70.

[2] P. Jacobsthal. The Date of the Ephesian Foundation-Deposit. JHS, LXXI, London, 1951, стр. 89, 90, 93—95. Этот список неполон, так как материал (особенно если включить этнографические данные) буквально неисчерпаем.

[3] Е. Н. Клетнова. Символика народных украс Смоленского края. Труды Смоленских государственных музеев, I, Смоленск, 1924, стр. 117—118; В. А. Фалеева. Русская народная вышивка (древнейший тип). Л., 1949, стр. 5—6; Л. А. Динцес. Древние черты в русском народном искусстве. История культуры древней Руси, II. М.— Л., 1951, стр. 475—477.

[4] В Сибири он известен лишь у хантов, манси и у северных алтайцев, где, по данным С. В. Иванова, образует как бы периферию основного района распространения, лежащего в европейской части СССР и в Средней Азии. С. В. Иванов. Материалы орнамента к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси. СЭ, 1952, 3, стр. 90, табл. III, *4—7*; стр. 95—97. У других народов Сибири этот узор встречается, по-видимому, лишь эпизодически и не принадлежит к основным типам орнамента. С. В. Иванов. Орнамент. Историко-этнографический атлас Сибири. М.— Л.,

сту в орнаментике Индонезии, бытует у некоторых народов Океании. В ткачестве древнего Перу иногда наблюдаются сходные начертания [5], но, учитывая большое отличие древней американской орнаментики от евразийской, говорить о тождестве изображений ромба с крючками на обоих континентах пока преждевременно. Ромб с крючками част в археологических материалах Европы и Передней Азии.

Современные народные названия этого знака или чисто формальны или их скрытый смысл нам уже не понятен. По-видимому, общеславянское

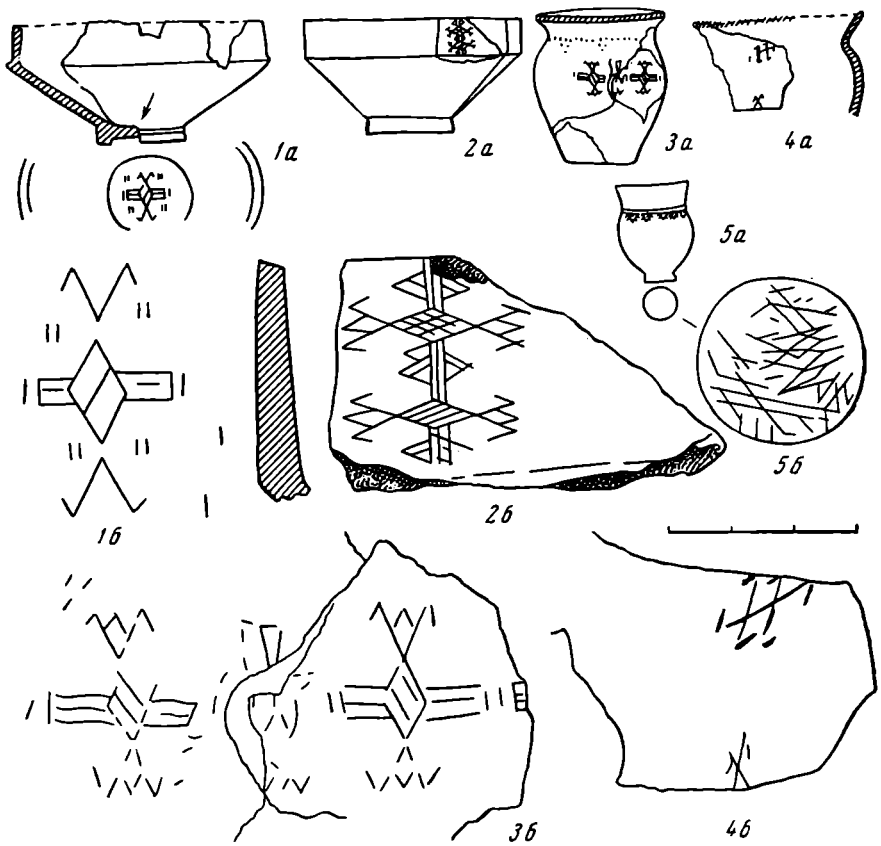


Рис. 1. Символические изображения на посуде верхнедеснинских поселений I—II вв.

1, 3, 4 — Почеп; *2, 5* — Синьково. Сосуды *1, 2, 5* — лощеные

название ромба с крючками — «лягушка» (у болгар — «жаба») [6]. У русских он также называется «кучерявым кругом» («кругом» вышивальщицы называли ромб), «гусаром», половинные изображения — «пальцы», «крючки», «гребешки». Киргизские вышивальщицы иногда называют этот знак

1961, стр. 378, табл. I, *13—14*; II, *17, 19*; 14, *11*; 15, *1*; 16, *2*, 26, *4* (?), 28, *13*; 31, *8—9*; 36, *8, 22*; 37, *3—4*; VII, *4—5*; VIII, *7* (?) и карта 4 (тип VII).

[5] W. Reiss, A. Stübl. Das Totenfeld von Ascon in Peru, 2, Berlin, 1887, табл. 42, *3*; 48 (летучие мыши); 54, *1*; 55*а*, *4—5* (наиболее близки), 57, *2*; 60*а*; *4* (стилизованные человеческие фигуры); 61 (очень близки); 67*а*, *1*; 68*а*, *1*; 68*в*, *1*, *4* (зооморфные); 73, *6*; 74, *2*.

[6] Е. Н. Клетнова. Символика..., стр. 120 (Смоленщина); Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. М., 1927, стр. 83 и 97 (Брянщина); Л. Динцес, К. Большева. Народные художественные ремесла Ленинградской области. СЭ, II, 1939, стр. 120 (бассейны рек Шексны и Мологи); П. П. и Н. П. Стахановы. «Сапожковское городище» писцовых книг 1727—28 гг. со стороны историко-этнографической. Сапожок, 1927, стр. 14 (Рязанская обл.) И. Коев. Българската везбена орнаментика. София, 1951, стр. 152, текст к табл. XXXIX, *в* и XLII, *г* (Болгария).

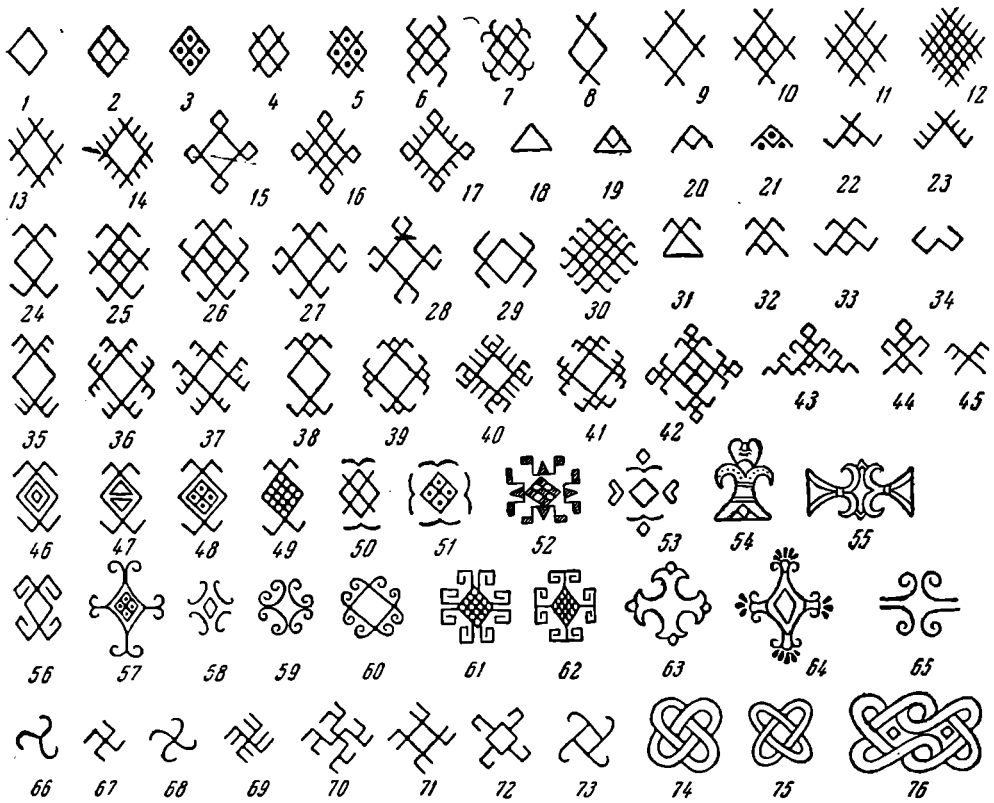


Рис. 2. Примеры вариаций геометрических символов

изображением четырех голов горных козлов — трофея удачной охоты [7]. Ни одно из этих названий, записанных со слов современных вышивальщиц, не объясняет ни популярности этого узора, ни его разнообразных, но очень устойчивых начертаний. Вообще большинство современных народных названий элементов геометрической вышивки случайно и основано на чисто внешних ассоциациях. Аналогичный вывод получен исследователями для орнамента многих народов мира [8].

Единственным источником остаются сами изображения. Они хорошо подразделяются на три варианта: 1) одиночный знак, 2) цепочка из чередующихся ромбов, как бы нанизанных на общую ось, 3) сложная круговая композиция с крючковым ромбом в центре. Начнем с рассмотрения первого варианта.

Изучаемый знак сохраняет неизменной общую форму, но зато бесконечно варьирует в деталях (рис. 2, *24—65*). Крючки трактуются то в виде плавных завитков, то спиралей, то меандров. Знак имеет то одну, то две, то четыре пары крючков. В парах крючки загнуты то наружу, то внутрь. Так же варьирует и ромб: его середина то пуста, то перекрещена двумя или несколькими перпендикулярами (шашечная, иногда с точками в центре каждой шашки); состоит из двух треугольников или заштрихована вкось и т. д. Изменчивость деталей формы, однако, не меняет сущности знака. В самом деле, такую же пестроту вариантов дает знак огня и солнца — свастика (рис. 2, *66—76*): то спиралевидные концы, то угловато изогнутые, далее концы бесконечно усложняются, а в середине свастики даже появляется ромб. Эти вариации бывают подчас настолько сложны и запутанны, что лишь с трудом можно вскрыть первоначальный смысл

[7] М. В. Рындин. Киргизский национальный узор. Л.— Фрунзе, 1948, табл. XXXII, *7* и LXIX, *48*.

[8] С. В. Иванов. Народный орнамент как исторический источник (к методике изучения). СЭ, 1958, 2, стр. 9—16.

Рис. 3. Композиции, раскрывающие древний смысл ромба с крючками

1 — греческий идол VI в. до н. э.; *2* — трипольская статуэтка; *3* — глиняная статуэтка бронзового века из Румынии (XV—XIII вв. до н. э.); *4* — статуэтка позднего бронзового века из Молдавии; *5* — статуэтка татуированной женщины из Конго (племя балуба); *6, 7* — женская и мужская татуировки архаического типа из Индонезии; *8* — орнаментика архаической культовой женской одежды из луба в Индонезии; *9—11* — символы, вышитые на женских рубахах чувашей (*9* — XVIII в., *10—11* — XIX в.); *12—15* — изображения голов богини и ее прибога в русской вышивке; *16* — глиняное изображение богини-матери с рождающимся сыном из Ходмезёвашархей (неолитическая «культура Тиссы», III—II тысячелетия до н. э.); *17* — древнегреческий любовный амулет; *18* — поясные подвески алтайской женщины — мешочки, содержащие пуповины дочери и сына. (Рис. *2, 3, 5, 16—18* даны схематично)

рисунка. Так, на латышском виллайне XI—XIII вв. из Стамериене представлено 14 вариантов свастики, что свидетельствует об одновременности и равноправности бытования различных (от простых до самых сложных) вариантов одного символа. Эти же сложные варианты свастики (совершенно тождественные латгальским) есть на русской вышивке XIX в.[9], на пшеворской посуде начала нашей эры в Польше и на глиняных штампах начала I тысячелетия до н. э. в Азербайджане[10]. Создается впечатление, что очень рано ромб с крючками выступает во вполне сложившемся виде, как и свастика. Проследить развитие обоих символов не удается[11].

---

[9] Е. Н. Клетнова. Символика..., табл. XXVIII, *4, 5, 15—17*. Ср. Latviešu kultūra senatnē. Rigā, 1937, рис. 18 и табл. LII.

[10] Д. А. Халилов. Поселение на холме Сары-Тепе. СА, 1960, 4, стр. 73, рис. 7.

[11] К тому же выводу пришла в отношении древних символов M. Gimbutas. Ancient Symbolism in Lithuanian Folk Art. Philadelphia, 1958, стр. 127.

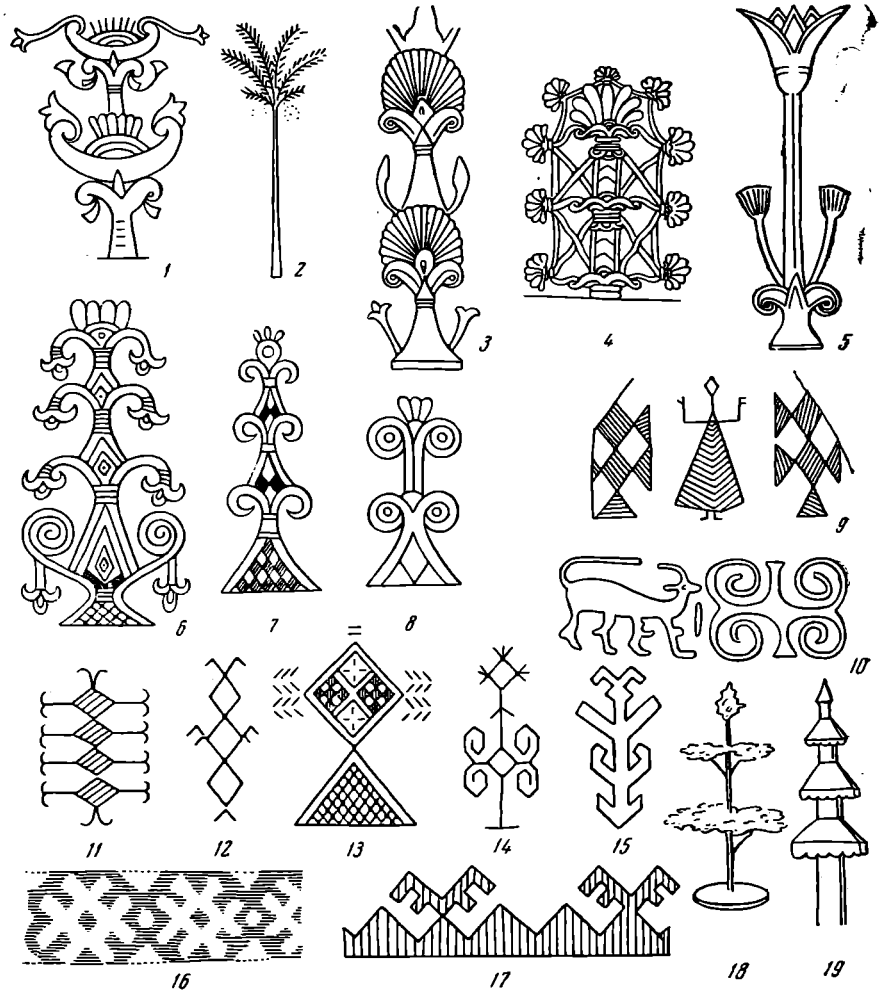


Рис. 4. Изображения древа жизни

1, 3, 4, 5 — сиро-финикийские и ассирийское (*4*) культовые изображения; *2* — сиро-финикийское изображение финиковой пальмы на бытовой сцене; *6—8* — на греческих вазах «ориентализирующего» стиля (VII—VI вв. до н. э., Крит); *9* — на гальштатском сосуде из Венгрии; *10* — на раннединастической месопотамской печати из Сирии; *11* — на иранской энеолитической расписной керамике; *12—13* — на алжирской посуде XIX в.; *14, 16* — в русской вышивке; *15* — в вышивке хантов; *17* — на латышских виллайне XII—XIII вв.; *18* — «майское дерево»; *19* — резной столб из Литвы. (Рис. *1—9, 11—19* — даны схематично)

Нельзя провести резкой грани между ромбом с крючками и другими вариантами ромбов. По форме различаются простой ромб («круг», рис. 2, *1*), «репей» (рис. 2, *9*), «круг» со многими отметами» (рис. 2, *10—14*), ромб с двумя парами отмет, ромб с четырьмя отметами, расположенными посередине сторон — возможность вариации очень велика. Сердцевины таких ромбов тоже бывают гладкими или шашечными. Несомненно, все ромбы, включая ромб с крючками, образуют одну большую группу родственных между собою символов. Значение простого ромба хорошо известно: это символ женского начала в природе. В таком значении он выступает от палеолита до наших дней [12]. В русской этнографической литературе его почему-то отождествляют с диском.

Анализ изображений показывает связь ромба с крючками с магией плодородия (рис. 3). Различные ромбы (включая ромбы с крючками) часто используются в русской архаической вышивке для обрамления растений, а также для изображения побегов, прорастающих на теле божеств

[12] N. Fettich. Über den Sinn der prähistorischen Ornamente. AAB, 1958, стр. 122.

и коней. Ромб с крючками служит центральным элементом дерева жизни в русской вышивке XIX в. (рис. 4, *14—15*), в греческой вазописи IX—XIII вв. до н. э. (рис. 4, *6—8*) и на керамике алжирских кабилов XIX в. (рис. 4, *12—13*). В архаической русской вышивке он часто передает голову Великой матери и головы ее прибогов (рис. 3, *12—15*). То это ромб с двумя парами крючков (по бокам головы), то с тремя, то с одной — на макушке [13]. Поскольку все божество обычно прорастает растительными побегами, ромб с крючками изображает здесь голову с проросшими из нее ветвями. Иногда второстепенные, фоновые человеческие фигуры настолько сливаются с крючковым ромбом, что уже нельзя наверное решить, человек это, растение или ромб (рис. 2, *43—44*) [14].

Известны древние идолы с изображенными на них ромбами с крючками: на груди (эпоха бронзы, Румыния, рис. 3, *3*) [15], на спине (предскифская культура Молдавии, рис. 3, *4*). Перекрещенный ромб с точками отмечает лоно трипольских женских статуэток из Сабатиновки (рис. 3, *2*) [16]. Не менее красноречивы этнографические данные. У чувашей ромбы с крючками были центральным мотивом нагрудной вышивки женских рубах. В XVIII в. эта вышивка была широкой и покрывала всю грудь. В ней относительно небольшие вышитые ромбы с крючками (рис. 3, *9*) сочетались с выполненным аппликацией крупным меандром или S-видными знаками. В первой половине XIX в. площадь вышивки уменьшилась и остались лишь крупные ромбы с крючками («кеске»), часто осложненные добавлением мелких декоративных деталей (рис. 3, *10*). Во второй половине XIX в. их сменили «сунтах» — ромбы из кумачовой ленты, нашитые на грудь (рис. 3, *11*). В XX в. постепенно исчез и этот узор [17]. Значение «кеске» почти забыто. Все же сейчас считается выясненным, что они были характерны для наряда замужней женщины и нашивались на обе груди. У марийцев вышивка на груди женского платья еще сохранила название «сторожа грудей». Исследователи считают, что и чувашская вышивка типа «кеске» имела охранительное значение, оберегая молоко у кормящей женщины. Есть сведения, что на платьях девушек кеске не было, а у вдов их количество уменьшалось [18]. В Индонезии, на островах Сунда ромб с крючками — специфически женский узор татуировки (рис. 3, *6*). Мужчины татуируются изображениями косых крестов (рис. 3, *7*). В других частях Индонезии геометрическая татуировка сменилась новой, с изобразительными сюжетами (драконы и пр.), но мотив ромба с крючками сохранился в украшении архаической одежды, где он сочетается с фигурами ящериц, покровительниц домашнего очага (рис. 3, *8*). У племени балуба в Конго многочисленные статуи женщин, поддерживающие стулья вождей, украшены татуировкой в виде большого ромба с крючками. Рисунок нанесен рубцами на животе вокруг пупка (рис. 3,

---

[13] В. А. Фалеева. Ук. соч., табл. VI, VII, IX (одинаково трактованы голова богини и листья дерева), XIII, XIV; В. Воронов. Крестьянское искусство. М., 1924, рис. 84; В. А. Городцов. Дакосарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, 1. М., 1926, рис. 7, *11* и *12*.

[14] T. Vahter. Les figures humaines dans la broderie de Carélie et l'Ingrie. ESA, XII, Helsinki, 1938, рис. 26, 27, 29, 32.

[15] V. Dumitrescu. Necropola de incineratie din epoca bronzului de la Cîrna. Bucureşti. 1961, стр. 330 и табл. CLIII; CLIV, *1*; CLV, *2*, CLVI; CLVII; CLVIII, *1*, CLX; А. К. Амброз. Указ. соч., рис. 8, *13*.

[16] В. П. Петров, М. Л. Макаревич. Об изображении на древнерусском браслете. КСИА, 12, 1962, стр. 45, рис. 2, *3*, *4*. Женская статуэтка из Болгарии: П. Детев. Материалы за праисторията на Пловдив. ГП и НМ, III, София, 1959, стр. 34, рис. 51, *3*.

[17] Н. И. Гаген-Торн. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960, стр. 34—37.

[18] Т. Акимова. Эволюция женского костюма у саратовских чувашей. Тр. НВОК, 35, 5, Саратов, 1928, стр. 30—32; Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваши, I, Чебоксары, 1956, рис. 110 и 111, стр. 270—271; Н. И. Гаген-Торн. Женская одежда..., стр. 18, 46, 213—215 и рис. 10—17, 20, 63.

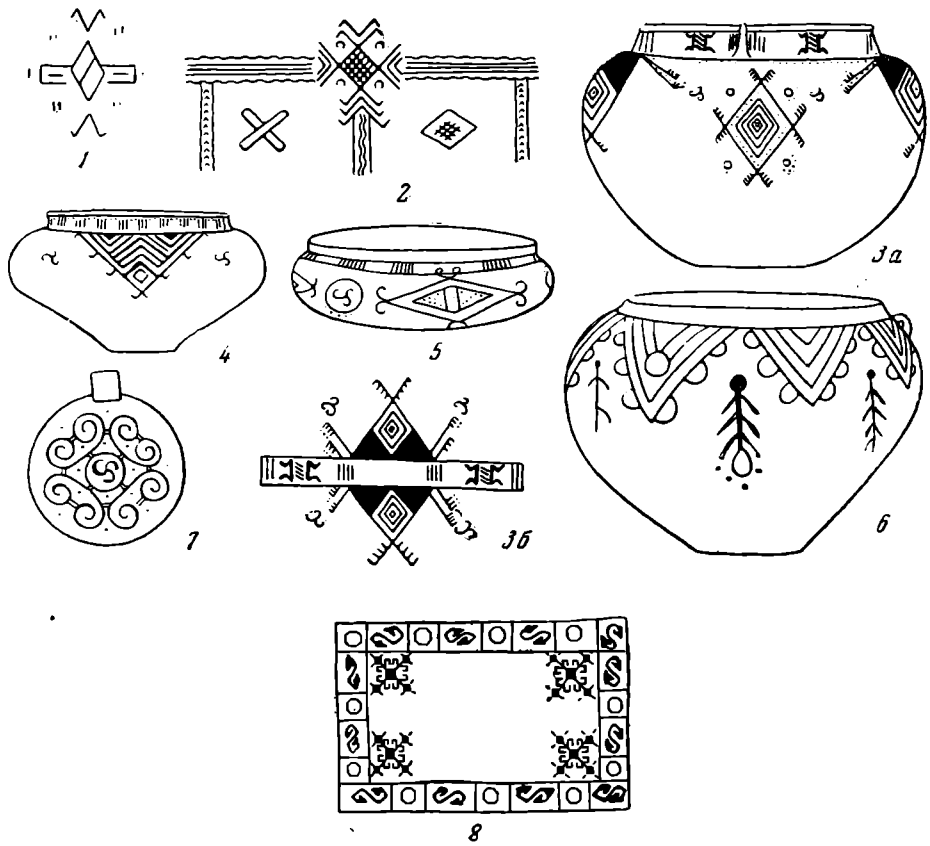


Рис. 5. Ромбы с крючками в сочетании с солярными символами

1 — Почеп, I—II вв.; *2* — Ханлар, Азербайджан, эпоха бронзы; *3—4, 6* — Чехия, на расписной посуде VI—V вв. до н. э. (*3б* — реконструкция полного рисунка по половинному изображению); *5* — Силезия; *7* — Гнездово, подвеска X в.; *8* — чувашский свадебный обрядовый платок

5а, б) и часто подчеркнут окраской [19]. Ромб с крючками связан и с символикой свадьбы: у русских он вышивался на наряде невесты [20], у чувашей — на свадебных платках, в Закарпатье вырезался на рукоятках деревянных свадебных топориков [21]. В Индии, по сообщению Я. Д. Шарма (Индия), знаки рис. 2, *2* и *24* связаны с женской обрядностью, с почитанием богинь (богинь вообще); в обрядовые праздники женщины расписывают ими стены домов.

Итак, одиночный ромб с крючками — символ плодородия. Судя по его месту в различных композициях, он мог означать землю, растение и женщину одновременно.

Второй вариант композиций — цепочка ромбов (рис. 1, *2*; 5, *6—9*, *11—17*). Изображены только ромбы с крючками, или в чередовании с простыми ромбами или с «репьями». Эта композиция прослеживается повсеместно, а по времени — с энеолита (рис. 4, *11*) до XIX—XX вв. Цепочка ромбов изображает дерево жизни. Детально разработанные образцы деревьев в такой трактовке имеются на древнегреческой керамике «ориентализиру-

---

[19] F. M. Olbrechts. Les arts plastiques du Congo Belge. Bruxelles, 1959, табл. XXIV, *124, 125*; XXV, *126*; XXVI, *130—133*, *135*; XXVIII, *137* и единственная мужская статуэтка — табл. XXIX, *143*; E. Leuzinger. Afrika. Kunst der Negervölker. Baden-Baden, 1961, стр. 167—170, рис. 60, и 121. Э. Лойцингер считает сложную рубцовую татуировку признаком высшего слоя.

[20] М. Е. Шереметева. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины. Калуга, 1925, рис. 7.

[21] И. Ф. Симоненко. Быт населения Закарпатской области. СЭ, 1948, 1, стр. 84, рис. 11.

ющего» стиля (VIII—VII вв. до н. э., рис. 4, *6—8*), в очень близкой к ним трактовке в резьбе на стенах Георгиевского собора XIII в. г. Юрьеве-Польском [22], на русских вышивках XIX — начала XX в. (рис. 4, *14—15*) и на современной посуде Алжира (рис. 4, *12—13*).

Изображения священного дерева не в виде реального растения, а как бы ряда малых деревьев, нанизанных на ось, были широко распространены в религиозном искусстве разных стран. В Передней Азии оно передавалось как ряд маленьких финиковых пальм, поставленных друг на друга (Ассирия, Финикия, хетты, рис. 4, *1*, *3—5*). Эти пальмы сильно стилизованы, и часто им придано сходство с крючковыми треугольниками. В Европе ту же схему повторяли «майское дерево» и копирующие его деревянные языческие столбы Литвы (рис. 4, *18—19*) [23]. Несомненно, все эти изображения и рассмотренные выше цепочки ромбов передавали один и тот же образ, возможно, каких-то фетишей.

Наконец, последний и самый интересный вариант — сложная композиция из ромба с крючками, горизонтальных полос по бокам и четырех штрихов по кругу (рис. 5). Прямые аналогии этой композиции известны мне пока лишь в двух областях (кроме Десны): на сосуде эпохи бронзы из Азербайджана (рис. 5, *2*) и на многочисленных позднегальштатских лужицких расписных сосудах из Чехословакии и Силезии (рис. 5, *3—5*). Причем на лужицких сосудах эти изображения наиболее разработаны и детализированы. Ромб в них часто разделен пополам или перекрещен двумя перпендикулярами, «крючки» многозубчатые. Ромб дан то целиком, то лишь наполовину. Это все тот же сложный нерасчлененный и всеобъемлющий образ: мать — земля — растение. Но вокруг «земли» — кружки или триквестры — символы солнца. Горизонтальные «крылья» передают, видимо, земную твердь, может быть, и воду (волнистая линия на азербайджанском сосуде). На одном лужицком сосуде внутри этих крыльев (по горлу сосуда) помещены человеческие фигурки, как бы «сидящие на корточках» и поднявшие руки к голове (рис. 5, *3а*, *б*) — эти изображения известны от неолита Европы (линейно-ленточная керамика) и энеолита Ирана до современного искусства Океании и индейцев Америки. Они связаны с материнскими культами плодородия (изображения Лайя Гаури, почитаемые в Индии от начала нашей эры до сих пор, Баубо в Египте римского времени, богиня рождения у ацтеков). Все они изображали женщин не в «позе поклонения», а в позе священного брака или в позе роженицы [24]. Таким образом, «круговые» композиции на лужицких сосудах передают сложный космический образ: вселенная — с плодоносящей землей-матерью как центром мировой системы, и солнцем (мужским началом) как ее спутником и подателем жизни. На одном из синхронных лужицких сосудов есть и антропоморфизированное изображение того же сюжета: схематичное изображение женщины со стоящими по бокам двумя мужчинами (пол всех фигур специально подчеркнут, рис. 5, *6*).

Сюжет женского божества, окруженного мужскими спутниками, распространен чрезвычайно широко и представлен в многочисленных вариантах: женщина и двое мужчин, женщина и мужчина, женщина и птица, женщина и животные мужского пола, то же, но с заменой женщины растением, и, наконец, как мы видим, геометрический вариант.

---

[22] А. К. Амброз. Ук. соч., рис. 8, *5*. Там же, рис. 8, *1—4*, *6*, *7* — другие примеры аналогичных изображений.

[23] M. Gimbutas. Ancient Symbolism..., рис. 132, 134—138.

[24] H. D. Sankalia. The Nude Goddess or «Shameless Woman» in Western Asia, India and South-Eastern Asia. «Artibus Asiae», XXIII, 2, Ascona, 1960, стр. 112, 113, 121, 123; G. Wilke. Die Religion der Indogermanen. Leipzig, 1923, стр. 17 и рис. 23; Umění čtyr světadílů z Českych sbírek, I, Praha, 1956, стр. 239; С. М. Мапр. К изучению персидской свадьбы. МАЭ, IX, Л., 1930, стр. 207 и табл. IV, *9*; S. K. Lothrop, W. F. Foshag, J. Mahler. Pre-Columbian Art. London, 1957, стр. 241, рис. 13 (ср. табл. XXXVI, *52*).

Разнообразие символов культа земли, по-видимому, передает различные смысловые оттенки. Изучая афинские земледельческие культы, Б. Л. Богаевский установил множественность образов, под которыми земледельцы почитали землю: земля вообще — как смутное, неоформленное понятие; мать-земля — как мать всего живого; земля-почвенная — как более близкий земледельцу образ; божество покрытого бороздами, вспаханного поля; божество спелого хлебного поля [25].

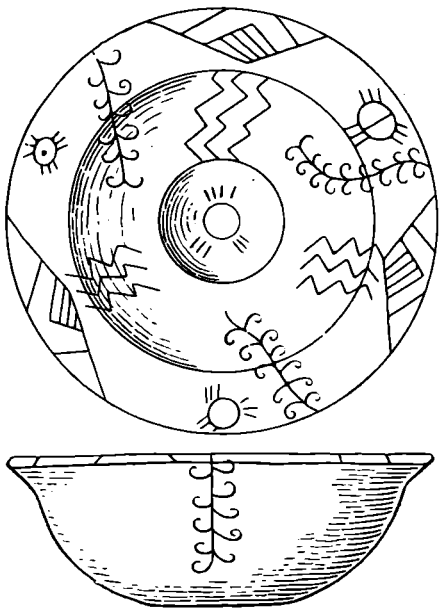


Рис. 6. Лужицкая чаша VI—V вв. до н. э. с изображением шашечных ромбов

Опираясь на эти данные, можно гипотетически наметить значение символов. Простой ромб или треугольник (рис. 2, *1*, *18*; 3, *16*) был знаком земли вообще, «земной тверди». Шашечный ромб (рис. 2, *2—3*, *19—21*) скорее всего знак земли-почвенной, обработанной для посева. Пересекающиеся линии штриховки могли первоначально изображать те невысокие земляные валики, которыми делилось пахотное поле в условиях поливного земледелия, а в условиях неполивного земледелия они могли отождествляться с сеткой борозд, получавшихся в результате поперечного перепахивания поля (необходимого при более примитивных орудиях пахоты). Точки могли изображать семена (?). Ромб с крючками был символом матери-земли плодоносящей, знаком плодоносящего поля. Поэтому он отождествлялся и с древом жизни. Конкретный пример дифференцированного применения этих символов — лужицкая расписная чаша VI—V вв. до н. э. из Силезии (рис. 6). Изображены земля, солнце (выделено красным цветом), дожди и растения (колосья?). Различия в передаче «солнц» говорят о том, что здесь показана природа не вообще, а в какие-то различные моменты, судя по изображениям колосьев, имеющие место в период от колошения до полного поспевания хлебов. Согласно агрономическим данным, на это время требуются именно три периода дождей и три солнечных периода [26]. Возможно, перед нами магическая чаша для обрядов вызывания благоприятной погоды, сходная с описанными Б. А. Рыбаковым календарными сосудами. Хлеба на чаше намеренно показаны не ромбами с крючками, а шашечными ромбами и колосьями: ведь дожди должны увлажнить не урожай, а землю, солнце же должно дать свет и тепло растениям. Может быть, горизонтальные полосы на рис. 5, *1—4* передают почвенную влагу, и тогда эти рисунки также изображали наиболее благоприятные условия для хорошего урожая?

Археологические материалы не дают пока возможности точно датировать время появления ромба с крючками, так как почти все его изображения относятся уже к тому периоду, когда чисто культовый символ начинал превращаться в орнамент. Поэтому приходится исходить из общих периодизаций истории религии. Поставленной задаче особенно отвечает построенная на материалах древнегреческой мифологии периодизация А. Ф. Лосева. Ромб с крючками не мог возникнуть на основе стихийно-

[25] Б. Л. Богаевский. Земледельческая религия Афин, I, Пгр., 1916, стр. 96, 106, 110, 125, 130, 131; 174, 230, 231, 238.

[26] Б. А. Рыбаков. Календарь IV в. из земли полян. СА, 1962, 4, стр. 83—84 и рис. 15.

фетишистского хтонического мировоззрения примитивных охотников и собирателей [27]. В период развитого производящего хозяйства с его развитым анимизмом и антропоморфизмом [28] геометрические символы уже приобретали реликтовый характер и начинали превращаться в орнамент. Наиболее вероятным временем возникновения ромба с крючками остается период раннего производящего хозяйства, период стихийно-демонического хтонического мировоззрения, по терминологии А. Ф. Лосева. В это время человек впервые начал управлять действием некоторых законов природы; возникло понятие вещи, отдельное от самой вещи; сложилось космогоническое представление о матери-земле как основе всего сущего и об ее мужском спутнике и супруге [29].

К сожалению, пока неизвестны ромбы с крючками, изображенные на этом этапе. Возможно, это объясняется тем, что они были объектами культа и изображались во время культовых церемоний на земле, на хлебе и поэтому не сохранились. Сохранившиеся образцы относятся уже к периоду весьма развитого земледелия, к концу эпохи первобытнообщинного строя. Наиболее древние по времени изображения ромба с крючками известны в энеолите Ирана (IV тысячелетие до н. э., рис. 2, *52*; 4, *11*). В IV—III тысячелетиях до н. э. они встречаются в малоазийских памятниках эпохи бронзы; в III тысячелетии до н. э.— в культурах дунайского неолита, где геометрические знаки сочетались с женскими и мужскими фигурами и изображениями козлов [30]. На всей этой территории знаки известны и во II и в I тысячелетиях до н. э., когда они стали гораздо обильнее и во многих местах образовывали композицию «геометрического чина»: они есть в Двуречье, Армении, Азербайджане (рис. 5, *2*), Сирии и Финикии, на раннегреческом Крите, в Элладе, Малой Азии, Австрии (Гальштате), у населения Чехии, Силезии и Молдавии.

От греческой архаики до эллинизма, а позднее, в первых веках нашей эры, в римских провинциях были распространены женские украшения в виде ромба с крючками, в первую очередь фибулы-броши (рис. 7, *5—6*). Так как многим провинциальным брошам с эмалью (в виде колес, животных, голубей, сандалий и др.) исследователи приписывают значение амулетов, то, по-видимому, ромб с крючками также не был просто орнаментальной формой. Большое распространение ромбы с крючками и шахматные ромбы, S-видные завитки и свастики получили в декоре женских украшений раннего средневековья. Варварские мастера переосмыслили старую провинциальную форму двупластинчатых фибул, превратив их ромбическую ножку в изображение ромбического древа жизни, окруженного животными и птицами (рис. 7, *1—4*). Древо жизни с сидящим на нем верховным божеством в образе орла известно в религиозных воззрениях многих народов мира [31]. С целью подчеркнуть именно растительный характер ромбовидной ножки фибул на ней часто изображали или ромб с крючками, или два ряда завитков, или перекрещенный ромб. Древо увенчано головой животного или человека. В лесной полосе СССР ромб с крючками появился, вероятно, поздно: он впервые зафиксирован для I—II вв. на Десне, где выступает в таком архаичном применении, которое не отмечено больше нигде.

В вопросе о происхождении ромба с крючками еще много неясного. Трудно говорить о конвергенции знака для областей Европы, Западной и Средней Азии, так как археологические данные показывают постепенное и последовательное распространение символа в стороны от древнейшего

---

[27] А. Ф. Лосев. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, стр. 12, 13, 16, 34—46.

[28] Там же, стр. 14—17, 46—84.

[29] Там же, стр. 61, 64—65, 94, 105.

[30] А. К. Амброз. Ук. соч., рис. 8, *12*.

[31] J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, стр. 70—71.

переднеазиатского очага земледелия [32]. Вероятно, он распространялся в зоне, которая получила из этого очага семена культурных растений [33]. Ведь примитивное земледелие включало аграрно-магические обряды как неотъемлемую часть производственного процесса, и естественно, что переходившие к земледелию племена вместе с земледельческими навыками заимствовали и обряды с соответствующими символами. Возможно, что на

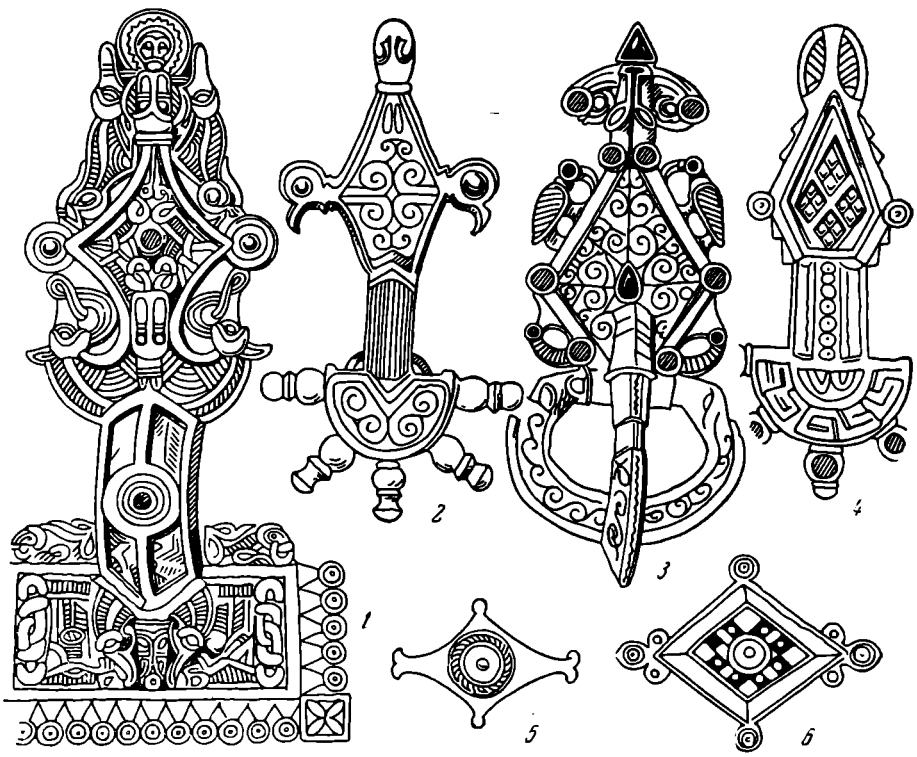


Рис. 7. Ромбы в орнаментике женских украшений I—III и V—VI вв.

1 — Дания; *2* — Керчь; *3* — Венгрия; *4* — Германия. *1, 2, 4* — фибулы VI в.; *3* — пряжка второй половины V в.; *5, 6* — провинциально-римские броши I—III вв.

распространение ромба с крючками из определенного центра указывает неравномерность, своеобразная «избирательность» его распределения: его не было в земледельческих дунайских культурах со спиральной орнаментикой (линейно-ленточной и трипольской, хотя в трипольской есть перекрещенный ромб), не было и в древнем Египте.

Поразительно на первый взгляд, что этот сложный по начертанию символ и даже связанные с ним композиции могли сохраняться в неизменном виде на столь огромных пространствах в течение шести тысяч лет, сохраняя при этом и свой смысл. Основанием этому послужила сравнительная однородность раннеземледельческой среды и общеизвестная большая близость раннеземледельческих культов у разных народов.

Сказанное подтверждается знакомством с судьбой знака, оказавшегося в иной среде, вошедшего в культуру кочевников. В Средней Азии постоянно происходило внедрение кочевников в земледельческие районы, и элементы культуры оседлого населения широко впитывались кочевническим

[32] Роль Индии и стран Восточной Азии в возникновении и распространении ромба с крючками пока неясна, но надо иметь в виду, что земледелие появилось там хотя и независимо, но гораздо позже, чем в Передней Азии. В. М. Массон. Историческое место среднеазиатской цивилизации. СА, 1964, 1.

[33] Для других символов об этом пишет M. Gimbutas. Ancient symbolism..., стр. 124—127. Карту очагов земледелия см.: M. Nowiński. Dzieje upraw i roślin uprawnych. Poznań, 1957, рис. 4.

искусством. Перекрещенный ромб с крючками широко распространен в современном киргизском узоре, он остался и здесь символом добра и изобилия, но трактуется уже как знак удачной охоты (рис. 8, *1—2*). Он стал знаком ложки с пищей, знаком обильной еды (рис. 8, *3—4*). Также интересно киргизское геометрическое «изображение пира», на котором, по объяснению вышивальщиц, гости под музыку едят вареную баранину (рис. 8, *9*). На самом деле это узкая кайма, «вырезанная» из обычного

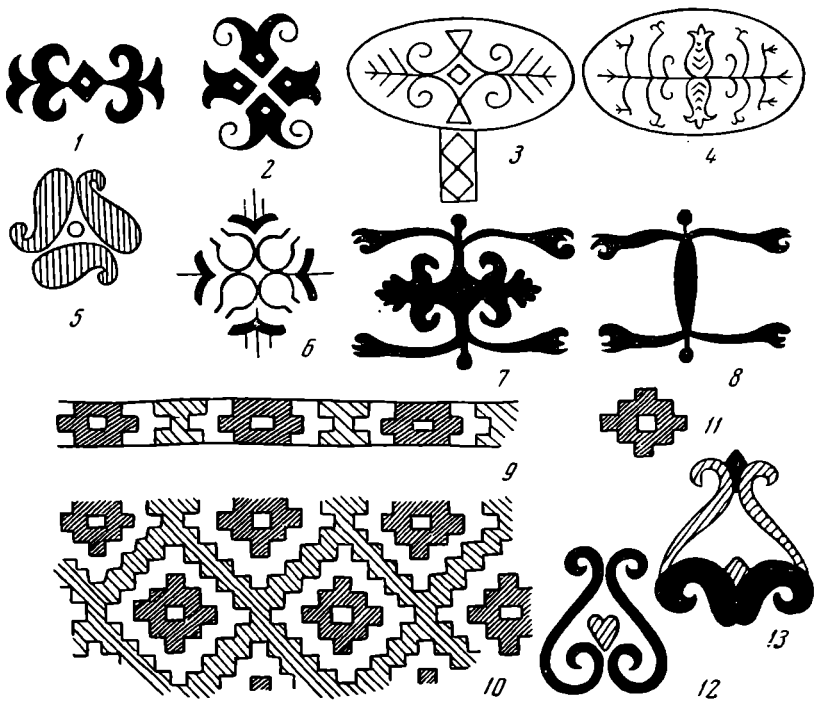


Рис. 8. Ромбы с крючками и некоторые другие элементы в киргизском народном орнаменте

10 — реконструкция узора, из которого образована кайма *9*

ромбического шашечного узора (рис. 8, *10*),— обычный элемент земледельческого орнамента, подвергшийся переосмыслению в заимствовавшей его кочевой среде [34].

Пока символ был изображением божества, святыней, он, очевидно, был понятен каждому и изображался только при ритуальных действиях. Ромбы с крючками могли чертить на земле или на хлебе, поэтому их ранние, неорнаментальные изображения почти не сохранились. Некоторое представление о таких обрядах дает языческий обычай «освящения» закладываемой усадьбы, сохранявшийся у белорусских крестьян до XIX в. На месте будущего дома хозяин чертил на земле квадрат, перекрещенный двумя перпендикулярами, и в каждый из четырех малых квадратов клал по камню, взятому с одного из четырех разных полей (ср. символ рис. 2, *3*) [35]. По-видимому, знак «шашечного ромба» должен был обеспечить изобилие обитателям будущей усадьбы. Другая группа возможных обрядов — обряды типа всезерния. В специальном сосуде варили зерна злаков,

[34] М. В. Рындин. Киргизский национальный узор, подписи к табл. XLI, *7*; LVIII, *27*; LXIX, *48* и LX, *31*. В сильно видоизмененном виде и с совершенно иным истолкованием: там же, табл. LXIII, *37* и LXIV, *40*. Там же, табл. LVI, *24* — приведен узор, истолковываемый как «две собаки, дерущиеся из-за кости» — обычный растительный мотив, известный еще на древнегреческой керамике и позднее, в средневековье (рис. 8, *12—13*).

[35] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. ИКДР, II, М.— Л., 1951, стр. 402.

магически имитируя поспевание посевов в земле. Этот обряд хорошо известен по древнегреческим и этнографическим материалам [36]. Может быть, с близким обрядом связаны разбитые и потом выброшенные в мусор ритуальные сосуды со знаками из Синькова и Почепа.

На следующем этапе знак терял значение святыни, но сохранял магическое значение; он становится орнаментом, но строго регламентированным по начертанию. Еще в середине XIX в. в некоторых областях России

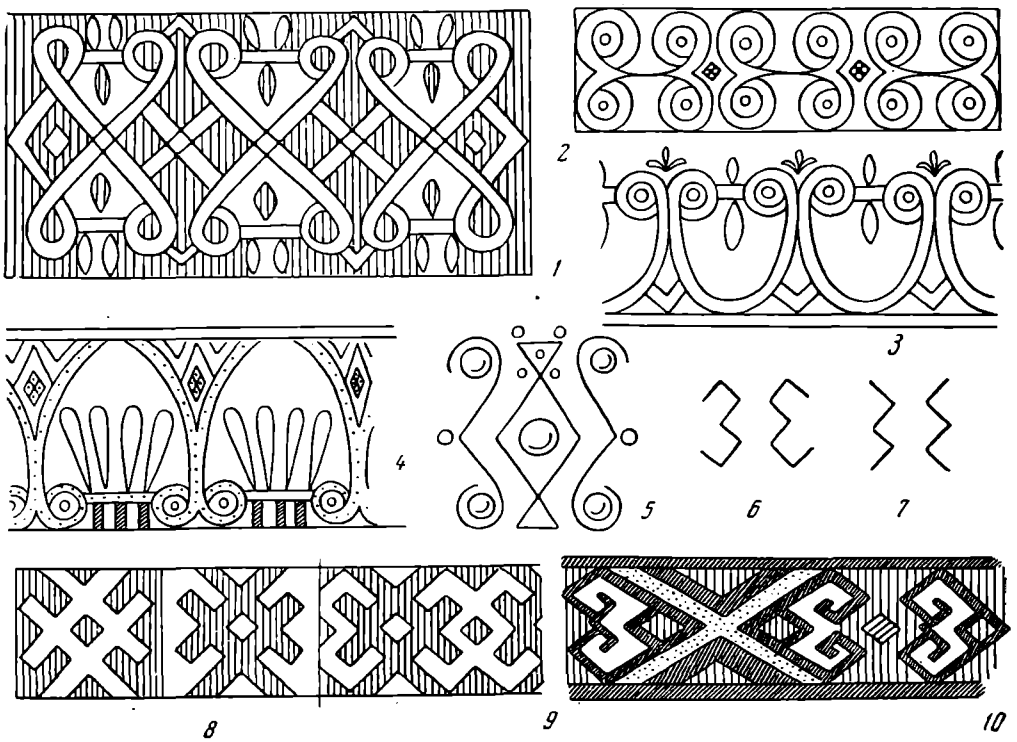


Рис. 9. Геометрический орнамент на стадии разложения

1—4 — на греческой посуде «ориентализирующего» стиля (VII—VI вв. до н. э., Крит); *5* — на бронзовом поясе из Гальштата (V в. до н. э.); *6—8* — в русской вышивке (*9* — тот же узор в первоначальном виде); *10* — в болгарской вышивке

сохранялся обряд «чтения» узоров во время крещенских смотрин невест. Старуха показывала собравшимся вышитые невестой подолы рубах и объясняла значение каждого узора [37].

Еще позднее прямое магическое значение знака забылось, но традиция еще некоторое время охраняет знак от искажений как «полезный», «хороший».

Наконец, знак превращается только в украшение. Вступают в полную силу законы художественного творчества, форма знака быстро искажается и постепенно исчезает.

Превращение ромбов с крючками в орнамент происходит повсюду в последний период первобытнообщинного строя, а разложение этого орнамента — тогда, когда домашнее женское производство керамики и тканей уступает место городскому, ремесленному. Абсолютная датировка этих этапов очень разнообразна. В Греции разложение архаического геометрического орнамента на ремесленной посуде интенсивно шло уже в гомеров-

[36] Б. Л. Богаевский. Ук. соч., стр. 192—208; А. А. Передольская. Об отражении обряда «всезерния» в терракотах V в. до н. э., найденных в Северном Причерноморье. МИА, 33, 1954.

[37] В. И. Чичеров. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв. Тр. ИЭ, XL, М., 1957, стр. 113.

скую эпоху IX—VIII вв. до н. э. (рис. 9, *1—4*), а в VI—V вв. эти мотивы исчезли на посуде совсем, претворившись в стилизованный растительный орнамент. В России разложение геометрического орнамента началось не позднее X в., в районах с лучше сохранившимся домашним производством оно затянулось местами вплоть до начала XX в. [38]. Формы разложения архаического орнамента очень близки повсюду от древней Греции до современной Болгарии или европейской части СССР (рис. 9, *5—10*).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. *1*, *а*, *б* — Ф. М. Заверняев. Археологические находки возле г. Почепа. КСИИМК, 53, 1954, рис. 63, *1* и *1а*; *2а*, *б*, *5а*, *б* — раскопки автора; *3а*, *б* — Ф. М. Заверняев. Почепское селище первых веков н. э. СА, 1960, 4, стр. 184, рис. 3, *1*; *4а*, *б* — Ф. М. Заверняев. Селища бассейна р. Судости, СА, 1960, 3, стр. 185, рис. 4, *10*.

Рис. 2. *52* — L. Vanden Berghe. Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959, рис. 8 *b*, *88*; *53* — G. Wilke. Pannonische Keramik. RE, 10, Berlin, 1928, табл. 9, *3*; *54*, *55*, *57*, *64*, *74*, *76* — J. K. Brock. Fortetsa. Early Greek Tombs Near Knossos. Cambridge, 1957, рис. 5 *bf*, 5 *bh*, 11 *ai*, 16 *ae*, *ah*; *73* и *74* — также Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954, табл. XXV, *1*; *60*, *68* — С. И. Руденко. Башкиры. М.— Л., 1955, рис. 251 *б*, 252 *а*, 253 *б*, 257 *е*; *61* — В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 76.

Рис 3. *1* — «Античная терракота (из музеев ГДР)», набор открыток, вступительный текст Н. Н. Бритовой. М., 1959; *2* — В. П. Петров, М. Л. Макаревич. Об изображении, рис. 2; *3* — V. Dimitrescu. Necropola... de la Cîrna, табл. CLV, *2*; *4* — О. Н. Мельниковская. Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы. КСИИМК, 56, 1954, рис. 33, *1*; *5а* — E. Leuzinger. Afrika, рис. 60; *5б* — F. M. Olbrechts. Les arts plastiques, табл. XXIV, *124*, *125*; *6*, *7* — F. A. Wagner. Indonesia. The Art of Island Group. London, б/г., рис. в тексте; *8* — Л. А. Мерварт. Способы украшения одежды из древесной коры у индонезийцев. МАЭ, VIII, Л., 1929, рис. 3 и стр. 314, 315, 319; *9* — Г. А. Никитина, Т. А. Крюков. Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары, 1960, рис. 1; *10* — Н. И. Воробьев и др. Чуваши, рис. 111; *11* — Н. И. Гаген-Торн. Женская одежда, рис. 14; *12*, *14* — В. А. Городцов. Дако-сарматские элементы, рис. 7 и 12; *13* — В. Воронов. Крестьянское искусство, рис. 84; *15* — Л. А. Динцес. Древние черты, рис. 243; *16* — N. Fettich. Über den Sinn, табл. IV, *2*; *17* — Enciclopedia classica. Storia e antichita. Torino, 1959, стр. 199; *18* — Л. П. Потапов. Одежда алтайцев. МАЭ, XIII, М.— Л., 1951, рис. 36.

Рис. 4. *1—3* — J. L. Myres. The Amathus Bowl. JHS, III-1, London, 1933, табл. I и стр. 38, рис. 7; *4* — И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флиттнер. Очерки по истории техники древнего Востока. М.— Л., 1940, рис. 9; *5* — S. Moscati. Le antiche civiltà semitiche. Bari, 1958, табл. VII; *6—8* — J. K. Brock. Fortetsa, рис. 16, *af*, *ai*, *aq*, *ar*; *9* — М. Гёрнес. Первобытная культура, III, Рига, 1914, рис. 21; *10* — P. Amiet. La glyptique mesopotamienne archaique. Paris, 1961, табл. 85, *E*; *11* — L. Vanden Berghe. Archéologie de l'Iran, рис. 40, *8*; *12*, *13* — H. Balfet. Les poteries modelées d'Algérie dans les collections du Musée du Bardo. «Libyca», VII, 2, 1956, табл. XI, XV, рис. 7, 8; *14* — В. В. Стасов. Русский народный орнамент. СПб., 1872, табл. XLV, *144*; *15* — С. В. Иванов. Материалы орнамента, табл. IV, 1; *16* — Е. Н. Клетнова. Символика, табл. XXIX, 5; 17 — Latviešu kultūra, табл. LII; *18*, *19* — M. Gimbutas. Ancient Symbolism..., рис. 134, 136.

Рис. 5. *2* — Я. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, рис. 28, *7*; *3*, *4*, *6* — J. Filip. Pradzieje Czechosłowacji. Poznań, 1951, рис. 61, *9*, *12*, *15*; *5* — RE, 7, Berlin, 1926, табл. 198, *k*; *7* — А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, табл. IV, *23*; *8* — И. Бороздин. Проблемы изучения художественной культуры Советского Востока. Сб. «Художественная культура Советского Востока». М.— Л., 1931, стр. 11, рис. 3.

Рис. 6. M. Zimmer. Die bemalten Tongefässe Schlesiens aus vorgeschichtlicher Zeit. Breslau, 1889, табл. VII, *3*.

Рис. 7. *1* — B. Salin. Die altgermanische Tierornamentik. Stockholm, 1904, рис. 519; *2* — ГИМ, № 46029; *3* — G. Annibaldi, J. Werner. Ostgotische Grabfunde aus Asquasanta. «Cermania», 41, 2, Berlin, 1963, табл. 45, *3*; *4* — J. Werner. Münzdatierte austrasische Grabfunde, Berlin, 1935, табл. 4 *A*.

Рис. 8. *1—9*, *11—13* — М. В. Рындин. Киргизский национальный узор. Л.— Фрунзе, 1948, табл. XLI, *7*; LVI, *23*, *24*; LVIII, *27*; LIX, *30*; LX, *31*; LXIII, *37*; LXIV, *40*; LXV, *42*; LXIX.

Рис. 9. *1—4* — J. K. Brock. Fortetsa, рис. 11 *ar*, 16 *g*, *j*, *q*; *5* — K. Kromer. Das Gräberfeld von Hallstatt. Firenze, 1959, табл. 155, *1а*; *6*, *7* — П. П. и Н. П. Стахановы. «Сапожковское городище», рис. «крючки, 4», «решетка, 5»; *8*, *9* — Н. И. Лебедева. Народный быт, рис. 107, 109; *10* — И. Коев. Българската везбена орнаментика, табл. XLII, *6*.

[38] О русской орнаментике — А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 69, прим. 24.

Т. В. БЛАВАТСКАЯ

АСПУРГ И БОСПОР в 15 г. н. э.

Письма Аспурга относительно Горгиппии [1] содержат ряд важных данных по внутренней истории Боспорского государства.

Новое освещение получает вопрос о положении Горгиппии, одного из крупных городов Боспора, в начале I в. Данная тема тесно связана с общей проблемой взаимоотношений центральной власти и городов в эллинистических монархиях. Обладавшее протоэллинистическим характером еще в начале IV в. до н. э. государство боспорян [2] уже с тех времен должно было вырабатывать нормы отношений между своими разнохарактерными частями и центральной властью. Этнические различия внутри класса свободного населения определили параллельное существование полисной организации у боспорских греков и племенного самоуправления у местного населения [3]. Скудость источников долгое время не позволяла выяснить особенности положения городов Боспора, возникших как самостоятельные полисы и затем подчиненных авторитету династов [4]. Исследование монетного чекана боспорских городов позволило А. Н. Зографу впервые отметить факты, указывающие на длительное существование самоуправляющейся городской общины на Боспоре [5]. Другие данные об автаркии боспорских городов на протяжении многих столетий обстоятельно исследованы К. М. Колобовой [6]. Выводы обоих авторов находят полное подтверждение в новых рескриптах Аспурга. Эти документы весьма важны тем, что в них отразились не только традиционные нормы отношений царя и городов, но и особые, временные условия, возникшие на Боспоре в начале правления Аспурга.

Традиционным является определение Горгиппии «полисом», причем указы Аспурга доставляют этому самое раннее эпиграфическое свидетельство [7]. Наименование Горгиппии полисом позволяет уверенно причислить ее к другим городам Боспора, пользовавшимся какой-то автономией, среди которых К. М. Колобова называет Пантикапей, Фанагорию, Танаис.

---

[1] См. Т. В. Блаватская. Рескрипты царя Аспурга. СА, 1965, 2, стр. 197—209.

[2] В. Д. Блаватский. Il periodo del Protoellenismo sul Bosporo. «Atti del VII Congresso Internazionale di Archeologia classica», III, Roma, 1961, стр. 49—66.

[3] Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 232—236.

[4] Точка зрения А. Хеисса, исключившего Боспор из своего исследования, потому что он изучает лишь «нормальные» эллинистические царства и полисы (A. Heuss. Stadt und Herrscher des Hellenismus. Leipzig, 1937), достойна самого решительного порицания.

[5] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 162—191.

[6] К. М. Колобова. Политическое положение городов в Боспорском государстве. ВДИ, 1953, 4, стр. 47—71. В. Ф. Гайдукевич, считающий остатки полисной организации на Боспоре малозначительными (В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. АГСП. М.—Л., 1955. стр. 117 и 141), видно, не склонен согласиться с аргументацией названной исследовательницы.

[7] К. М. Колобова. Ук. соч., стр. 55; Т. В. Блаватская. Строительная надпись из Горгиппии. ВДИ, 1951, 2, стр. 117.

Впервые появляется в надписях и гражданский этникон горгиппиян — Γοργιλλεῖς — известный ранее лишь по монетам [8].

Гражданская община горгиппиян (ὁ δῆμος Γοργιλλέων был известен из надписи конца I в. [9]) при Аспурге являлась правоспособной административной единицей, которую центральная власть признавала обособленным юридическим целым внутри государства. Административное выделение городской общины означает, что она являлась носителем известной суммы гражданских прав и обязанностей. Вместе с тем город входил в общую административную систему и находился в подчинении у царя. Указы Аспурга освещают лучше всего именно зависимость Горгиппии. Непререкаемый тон, с которым Аспург распоряжается вопросом налогового обложения и действующими нормами права (весьма характерны его выражения συνεχώρησα и δοκιμάζω), показывает, что существовавшие городские органы самоуправления обладали ограниченными возможностями. Устанавливая льготы дружественным ему горгиппиянам, боспорский царь обращается непосредственно к своим чиновникам, игнорируя местные городские власти. Вероятно, правовое положение Горгиппии в Боспорском царстве в изучаемое время приближалось к статусу многих греческих полисов в Малой Азии. Там в монархии Селевкидов большинство старых эллинских городов сохраняли свою политию и собственные законы, но не имели политической независимости и были обязаны подчиняться распоряжениям царя и платить ему форос и налоги [10]. В царстве Атталидов подобные обязательства несли полисы, подчиненные царям и не имевшие элевтерии [11]. Описанная система взаимоотношений малоазиатских полисов и эллинистических монархов восходила к политике Александра, рассматривавшего эти полисы как города зависимые, но отнюдь не союзные [12]. Видимо, в боспорской государственной идеологии I в. существовала сходная концепция, согласно которой города находились в подчинении у царя. Вела ли эта идея свое происхождение от Спартокидов или она была насаждена на Боспоре Митридатом и его преемниками — судить трудно. Однако можно с уверенностью сказать, что при Митридате зависимость городов заметно усилилась [13], что вызвало их недовольство. То обстоятельство, что одной лишь Фанагории Помпей даровал в 63 г. до н. э. элевтерию и автономию [14], показывает, что остальные боспорские полисы обладали тогда гораздо меньшими правами. В дальнейшем самостоятельность городов претерпела новые утеснения, поскольку выпуск городской монеты, в том числе и фанагорийской, прекратился полностью при Полемоне [15]. Отмеченный ход событий находит логическое завершение в том состоянии далеко зашедшей зависимости Горгиппии от царя, которое демонстрируют рескрипты Аспурга. Действительно, не только взимание налогов в царскую казну или введение нового порядка в области гражданского права явилось функцией царских чиновников, но даже опубликование милостей монарха в отношении полиса поручалось им. Видимо, право публикации важных распоряжений царя было исключительной прерогативой центрального аппарата и городские магистраты не допускались даже к этому. В изучаемое время на Боспоре, очевидно, имели боль-

---

[8] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 182, табл. XLII, *14*; Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, стр. 176.

[9] В. В. Латышев. Эпиграфические новости из южной России. ИАК, 37, СПб., 1910, стр. 70—73. № 7.

[10] M. Rostovtzeff. The Social and Economic History of the Hellenisitc World. I—III, Oxford, 1941, стр. 525—530.

[11] E. V. Hansen. The Attalids of Pergamon, N. Y., 1947, стр. 156.

[12] M. Rostovtzeff. Ук. соч., стр. 153.

[13] Рассказывая об уплате фороса Митридату населением Херсонеса Таврического и земель Синдики, Страбен (VII, 4, 6) не выделяет особо города,— по-видимому, полисы Боспора платили царю дань хлебом и серебром наравне с сельской территорией.

[14] App. Mithr. 113; К. М. Колобова. Ук. соч., стр. 65.

[15] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 193.

шую силу централизующие тенденции, влияние которых отражалось отрицательно на объеме свобод городских общин.

Данные рескрипта А свидетельствуют, что в области судебных установлений боспорский царь являлся высшей решающей инстанцией для городской общины. Выражение в А9 ... μένειν αὐτοῖς βεβαίως ... позволяет думать, что Горгиппия составляла обособленный от прилежащей территории судебный округ, в котором имели силу законы, отвечавшие потребностям горожан. Обращение Аспурга к Панталеонту и Феангелу заставляет думать, что названные лица были связаны с судами, ведшими важнейшие гражданские дела, какими являлись среди прочих и процессы о наследстве. Сейчас нет оснований утверждать, что все судопроизводство Горгиппии находилось в руках царских чиновников. Вероятно, городская община имела своих судебных магистратов, ведавших мелкими правонарушениями. Если обратиться к практике других эллинистических монархий, то и в монархии Селевкидов [16] и в полисах птолемеевского Египта [17] засвидетельствована ведущая роль царских судов, компетенция выборных городских судебных магистратов была ограничена. Допустимо предположить, что структура судоустройства Боспора могла развиваться в том же направлении.

Содержание рескрипта А свидетельствует, что в области наследственного права в Горгиппии действовали нормы эллинистической юридической мысли. Понятие κληρονομία, в условиях жизни классического полиса означавшее наследство [18], позднее получило и более специальное значение «завещания о наследстве» [19]. В горгиппийской надписи, как нам кажется, указанный термин следует толковать именно как «порядок наследования».

Весьма важно то, что юридическая терминология нового документа обнаруживает близость терминологии тех немногих частно-правовых документов Боспора, которые ныне известны. Мы имеем в виду греческие манумиссии боспорян, где часто содержится упоминание о законном наследнике — клерономе [20]. Очевидно, частное право боспорских городов в вопросах наследственного права исходило из общеэллинских законов, по которым наследник получал недвижимое имущество. Ясно, что вопрос о порядке наследования и праве распоряжения наследным имуществом интересовал в первую очередь состоятельные слои горгиппийского населения — землевладельцев, торговцев, ремесленников, солдат, моряков,— имевших более или менее прочные достатки. Беднякам редко приходилось обращаться в суд из-за наследства. Поэтому очевидно, что благожелательность царя к городу направлялась прежде всего на пользу зажиточных горгиппиян, особенно ревностно поддерживавших Аспурга в трудные годы начала его правления.

Специальное распоряжение Аспурга о наследственном праве показывает, что население Горгиппии было недовольно законами о нем, существовавшими у них до месяца Даисия 15 года. В качестве особо благожелательной акции монарха горгиппияне получили право теперь и впредь пользоваться митридатовыми законами о наследовании. В чем состояла суть наследственного закона Митридата Евпатора, остается пока неизвестным. Но примечательно само название — ἀγχιστευτικὸς νόμος, исходящее из понятия ἀγχιστεία, обозначающего круг ближайших кровных

---

[16] M. Rostovtzeff. Ук. соч., стр. 440, 1429, № 241.

[17] R. Taubenschlag. The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri, 332 BC — 640 AD, Warszawa, 1955, стр. 479—488.

[18] Liddell-Scott⁹. s. v.

[19] C. B. Welles. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934, № 51, строка 25 — письмо пергамского царя II в. до н. э. с дарованием льгот греческим военным колонистам.

[20] В двух манумиссиях из Горгиппии встречаем выражение ἀπὸ παντὸς κληρονόμου. — IOSPE, II, № 400; Т. В. Блаватская. Горгиппийская манумиссия 67 г. н. э. СА, XXVIII, 1958, стр. 91.

родных и ставшего уже в V в. до н. э. термином, означающим право наследования по родству [21]. Позволим высказать следующее предположение: в установлениях Митридата ведущим принципом выступало понятие «законный наследник по праву близкого родства». Если эта догадка верна, то, следовательно, благодеяние Аспурга состояло в том, что Горгиппия получила закон о наследстве, лучший потому, что в нем особо выдвигался принцип законного наследования ближайших родственников. Видимо, до распоряжения Аспурга в наследственном праве горгиппиян были какие-то правила, ограничивавшие родичей-наследников. Упоминание «Евпаторова закона о наследовании» показывает, что в боспорском гражданском праве произошли значительные изменения при Митридате, который отменил или переделал существовавшие ранее юридические нормы наследования. Отсюда новый закон получил весьма характерное название «закон Евпатора».

Можно полагать, что, проводя в северопонтийских полисах реформу, Митридат стремился унифицировать законы в разных частях своего царства, и тем самым боспоряне-горожане получили правила, аналогичные таковым, имевшим силу в полисах Понтийского царства — Синопе, Амисе и др. Законодательство Евпатора, сменившее, по-видимому, юридические нормы наследования спартокидовского Боспора на систему права типичной эллинистической монархии, каким было собственное царство Митридата, ввело в боспорском городе установления, выработанные для городов, зависимых от монарха. Тем не менее, это законодательство оказалось выгодным населению Горгиппии. В дальнейшем закон Евпатора о наследстве был отменен. Кто из преемников Митридата — Фарнак, Асандр, Динамия или Полемон — уничтожил этот закон, сказать трудно.

Отмена Евпаторова закона нанесла ущерб интересам имущих слоев городского населения. Памятуя, как сложны наследственные тяжбы вообще и как много трудностей выпало на долю боспорских городов в периоды борьбы разных претендентов на боспорский престол в предшествующие Аспургу 25—30 лет, станет вполне очевидной глубокая заинтересованность боспорян в получении более справедливого закона о наследовании. Вероятно, в Горгиппии таким законом считался Евпаторов [22], и Аспург решил пойти навстречу желаниям горожан.

Возможны и другие понимания упомянутого в письме А термина. К. К. Зельин высказал предположение, что закон Евпатора мог закрепить определенные правила о наследовании, оградив их от попыток изменить в ту или другую сторону. Такое истолкование представляется нам заслуживающим серьезного внимания.

Второй рескрипт Аспурга раскрывает одну из сторон фискальных взаимоотношений Горгиппии с центральной властью: горожане вносили в царскую казну поземельную подать в размере, зависевшем от урожая в полях и виноградниках. Данный вид обложения — пропорциональная подать с «плодов» — был широко распространен в эллинистическом мире: полисы и подчиненные территории платили царям налоги с продуктов сельского хозяйства, лесных промыслов, рыболовства. Известие о существовании системы пропорциональной подати и в Боспорском государстве весьма важно по многим причинам. Прежде всего, теперь стала очевидной общность системы поземельного обложения полисов Боспора и малоазийских эллинистических монархий. Мы говорим с уверенностью о налогах многих полисов Боспора потому, что стиль второго письма Аспурга не оставляет сомнений в том, что податные обязательства Горгиппии пред-

---

[21] Liddell-Scott[9] s. v. Судя по Аристофану (Av, 1661), право наследования по родству подтверждено уже законами Солона в Аттике.

[22] Здесь уместно вспомнить о той большой популярности, которой пользовалось имя Митридата на Боспоре. Не только Динамия подчеркивала свое происхождение от Митридата, но даже узурпатор Скрибоний выдавал себя за внука Евпатора (Dio Cass, LIV, 24). Аспург же назвал Митридатом старшего сына.

ставляли общеизвестные формы налогового обложения. Возможно, что эта система шла еще от спартокидовских времен. Однако при Митридате в систему налогообложения Боспора могли быть введены черты, взятые Евпатором из фискальной практики своих южных владений,— ведь монарх-пришелец стремился к насаждению понтийских порядков на Боспоре, как показывает медный чекан его чиновников (А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 186). Предполагаемые нами нововведения в налоговой системе логично связать с тем форосом, который уплачивали Митридату зерном и деньгами его северопонтийские земли (Strab., VII, 4, 6).

Далее, горгиппийские подати весьма интересны как редкий пример ясного изложения налоговых обязательств полиса перед монархом. Ведь система уплаты поземельного налога и малоазийскими полисами до сих пор еще не вполне ясна. Сведений о внесении полисами пропорциональных податей не так много. Можно указать в Ликии город Телмесс, который платил Птолемеям десятину [23], в пергамских владениях полис Темнос вносил десятину с земли, принадлежавшей ранее царю [24]. Обычно в царстве Атталидов, как полагает Хэнсен, с городов взималась не пропорциональная подать, но налог в виде твердо установленной суммы [25]. В монархии Селевкидов, как подчеркивает Ростовцев, существовали большие различия в системе поземельного обложения полисов [26]. По-видимому, и там во многих случаях форос полисов составлял строго фиксированную сумму. Известие о пропорциональной подати на Боспоре представляет значительный интерес для экономической истории всего эллинистического мира.

Достойно внимания бытование на Боспоре в I в. системы пропорционального обложения полисов, учитывающей колебания урожая и тем самым платежеспособность граждан. Преимущества такой повинности перед постоянной рентой указывал в 41 г. до н. э. Антоний, специально подчеркивая жителям Пергама, что римляне установили им пропорциональные подати, тогда как Аттал взимал фиксированную сумму [27]. По-видимому, Аспург или его предшественники ввели аналогичный порядок, стремясь создать выгодные условия для казны и для полисов. Проведение боспорскими монархами политики некоторого благоприятствования полисам сказывается и в цифрах налога: с вина и пшеницы (возможно, и ячменя) горгиппияне платили обычно одиннадцатую часть, с проса же, вероятно, меньше. Примечательно, что указанные нормы немного меньше распространенной в эллинистическом мире десятинной подати. Правда, там десятиной облагали преимущественно храмы, клерухов и жителей царской хоры [28].

Для экономической истории Горгиппии интересно перечисление тех культур, которые подлежали обложению. Одинаково ценились пшеница и вино — видимо, оба вида сельскохозяйственной продукции были наиболее доходными и горгиппияне широко производили и то и другое.

Весьма примечательно появление проса в числе облагаемых культур Боспора. Как известно, просо в античном мире не пользовалось почетом, его считали варварской едой. Между тем на Боспоре оно было широко распространено [29]. При раскопках боспорских деревень, как любезно сообщила нам И. Т. Кругликова, остатки проса находят в большем коли-

[23] M. Rostovtzeff. Ук. соч., стр. 337.

[24] C. B. Welles. Ук. соч., № 48 D3. Плохая сохранность документа ограничивает его истолкование.

[25] E. V. Hansen. Ук. соч., стр. 188—194.

[26] M. Rostovtzeff. Ук. соч., стр. 444, 464—469.

[27] App. BC, V, 4.

[28] Клерухи уплачивали Атталидам $^1/_{20}$ с виноградников, а с пшеницы и других плодов — $^1/_{10}$ (C. B. Welles. Ук. соч., № 51). Во владениях Селевкидов была аналогичная подать, как показывает надпись из Селевкии Тралл (C. B. Welles. Ук. соч., 41). Ростовцев ставит вопрос о том, что в последнем документе речь идет о налогах храма (M. Rostovtzeff. Ук. соч., стр. 1440, № 282).

[29] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 74—79.

честве, чем зерна пшеницы. Отметим, что высокая урожайность названной культуры делала ее особо выгодной. Принимая во внимание то, что уже в раннюю пору существования Горгиппии среди обитателей ее были выходцы из соседних племен [30], можно легко понять, каким образом любимое аборигенами просо стало впоследствии важной статьей сельскохозяйственной продукции города. Фискальный аппарат Боспора проявил, нужно признать, известную гибкость и расчетливость, включив этот популярный злак в число облагаемых культур.

Следует остановиться еще на одном обстоятельстве. В рескрипте В речь идет лишь о поземельных налогах. Аспург, видимо, не отменял налоги с рыболовства, ремесел, мореходства, торговли. Вероятно, поземельная подать являлась самой важной среди обязательств горожан, и поэтому Аспург решил отменить именно этот налог в знак особого благоволения к городу. Щедрость, проявленная признательным Аспургом, может быть оценена вполне лишь если вспомнить, что цари Боспора в I—III вв. довольно редко даровали освобождение от налогов. Нам известны лишь два случая: Савромат II дал освобождение от вывозной пошлины с тысячи артаб хлеба [31] горгиппийскому фиасу навклеров для восстановления на эти средства храма Посейдону (следовательно, фиас навклеров получил не столько беспошлинность, сколько подарок на храмовое строительство); из Фанагории дошли обломки акта [32] с дарованием какому-то высокопоставленному боспорянину освобождения от всех налогов по всему царству... καὶ ἀνεισφορίαις ἁπάσαις κατὰ ταῖς τὴν β[ασιλείαν...]. Аспург же отменил налог с плодов для всей горгиппийской общины. Широта его жеста была весьма велика — ведь боспорская казна должна была быть сильно опустошена во время поездки династа к Тиберию, когда Аспургу пришлось затратить много средств на подарки, а может быть и на взятки, чиновникам из окружения императора.

Вместе с тем снятие поземельной подати указывает на то, что данным актом Аспург рассчитывал отблагодарить подавляющее большинство граждан Горгиппии. Здесь можно найти косвенное указание на то, что землевладельцы составляли значительную часть гражданской общины и, тем самым, что Горгиппия обладала достаточно обширной хорой. Выделение города и его территории в особую административную единицу известно было уже давно благодаря сведениям о чиновниках, носивших наименование ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππίας [33], тогда как соседнее племя аспургиан имело специального магистрата — ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν [34]. Теперь благодаря рескриптам Аспурга становится понятным еще один из мотивов столь ригористического деления этих рядом живущих, хотя и разных этнически, групп боспорского населения. Для царской казны поземельный оброк с эллинских или варварских территорий, видимо, разнился очень сильно и потому двусоставность боспорского населения получила такое яркое отражение в официальной терминологии. Надписи Танаиса освещают весьма длительное административное разделение греческой и варварской общин даже внутри одного города. Можно думать, что решающим фактором этого разграничения были причины не столько идеологического, сколько экономического характера. Конечно, большую роль играло и различие систем гражданского права у эллинов и варваров, также способствовавшее их административному обособлению.

Необходимо уделить некоторое внимание исполнителям царских распоряжений — Панталеонту и Феангелу. Носители обоих имен неоднократ-

[30] В. В. Латышев. ΠΟΝΤΙΚΑ. СПб., 1909, стр. 257—258.

[31] С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.— Л., 1953, стр. 204—216.

[32] IOSPE, II, № 362; ср. В. В. Латышев. Дополнения и поправки к надписям, изданным в сб. «Inscr. orae sept. Ponti Euxini», т. I, II и IV. ИАК, 10, СПб., 1904, стр. 94.

[33] IOSPE, IV, № 434; Л. А. Ельницкий. Подпись под статуей из Анапы. ВДИ, 1949, 4, стр. 132—136.

[34] IOSPE, II, № 29 и 431.

но встречены в боспорской ономастике первых веков нашей эры. Особенно славен тезка Панталеонта — наварх, поставивший в Пантикапее посвящение Посейдону и Афродите в царствование Асандра (47/6—17/6 гг. до н. э.) и Динамии [35]. Большой промежуток времени между наархом Панталеонтом и горгиппийским носителем этого имени позволяет лишь предположить, что они могли быть представителями разных поколений одной и той же семьи.

Вопрос об официальном положении Панталеонта и Феангела достоин внимания. Отсутствие их чинов в рескриптах отвечает весьма распространенному обычаю эллинистических царей именовать своих чиновников только по имени. Даже к сатрапам монархи обращались в письмах лишь по имени. В письме А Панталеонту и Феангелу поручено организовать и оплатить публикацию царского рескрипта, в письме В им предписано распорядиться согласно указу царя об отмене взыскания поземельных денег. Характер обоих поручений оставляет впечатление, что Аспург обращается к чиновникам, ведающим и, видимо, возглавляющим царскую финансовую администрацию в Горгиппии. Употребленное им в В5 выражение ὅπως οἰκονομήσητε... прямо указывает на звания экономов [36]. Должность экономов в царской администрации Горгиппии уже была известна из надписи фиаса навклеров [37], в которой упомянуты экономы двух различных категорий: ἱερῶν οἰκονόμος и οἱ ἐγκυκλίων οἰκονόμοι, последние, судя по контексту надписи [38], несколько менее чиновные. Разветвленность должностей экономов в Горгиппии в последней четверти II в. заставляет думать, что казначейские магистраты в боспорских городах составляли тогда довольно многочисленную коллегию. Возглавлять их должны были старшие управители, очевидно именовавшиеся экономами без какого-либо уточняющего и ограничивающего термина. Можно полагать, что Панталеонт и Феангел, к которым непосредственно обращался Аспург, были именно такими ведущими в коллегии экономов Горгиппии.

Многочисленность чиновников с наименованием «эконом» роднит боспорскую бюрократию с египетской администрацией, где экономы также были в большом числе и выполняли различные по важности обязанности [39].

Дробность функций горгиппийских экономов отражает сложность фискальной администрации Боспора в I—III вв. Наличие сановного ὁ ἱερῶν οἰκονόμος[40] указывает на обособление храмовых средств от общегосударственной казны. Далее, отдел фиска, ведавший налогами, дифференциро-

[35] IOSPE, II, № 25.

[36] Можно привести аналогию в селевкидской административной переписке: стратег Метрофан поручил эконому Никомаху написать текст контракта о продаже царского поместья на двух стелах, которые должно поставить в Эфесе и в Дидимах, а также выдать деньги из царской казны на оплату всех вытекающих расходов (C. B. Welles. Ук. соч., № 19).

[37] В. В. Латышев. Неизданные горгиппийские надписи. ИАК, 37, стр. 38—43, № 2.

[38] С. А. Жебелев полагал, что ὁ ἱερῶν οἰκονόμος заведовал «денежной частью фиаса, поскольку фиас был и культовой организацией» (С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 211). Приведенное мнение представляется нам противоречащим контексту самой надписи, где сначала обозначено наименование должности в фиасе, затем приведено имя лица и уже в конце — его государственный чин: «...фиаситы, возглавляемые жрецом Афинодором, сыном Селевка, первым наместником царства, и синагогом Мойродором, сыном Неокла, наместником Горгиппии и фронтистами (попечителями) Коссом, сыном Атта Коссова, и Фарнаком сыном Нумения, экономом храмовых средств. Фиаситы: Панталеонт, сын Фарнака, стратег...». Строгое соблюдение составителями текста надписи указанного порядка по отношению к руководителям и рядовым фиаситам заставляет считать должность храмового эконома городской, а не фиасовой магистратурой.

[39] Strab. XVII, 1, 12; К. К. Зельин. Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э. М., 1960, стр. 378—386.

[40] В. В. Латышев указал на присутствие эконома храмовой казны также и в надписи IOSPE, IV, № 434, строка 3 (ИАК, 37, стр. 42, прим. 6), где должность эта упомянута прежде авторитетного магистрата — попечителя сирот.

вал поступления от податей, взимавшихся прямо с населения, и от пошлин, сдававшихся на откуп. На это указывает то обстоятельство, что доходы от последних взимали два или три ἐνκυκλίων οἰκονόμοι — термин этот впервые удачно понял С. А. Жебелев как «должностное лицо, ведавшее отдаваемыми на откуп податями» [41]. Судя по положению в фиасе навклеров, экономы энкиклиев были чиновниками средней руки.

Возможно, что и в Горгиппии во главе приходного отдела городского фиска стоял магистрат, именовавшийся «доходчиком» — ὁ προσοδικός ,— эту должность в Танаисе около 230 г. исполнял весьма богатый гражданин Мений сын Харитона, отстроивший заново ворота города [42].

Итак, данные рескриптов Аспурга позволяют лучше узнать систему фискальной администрации в боспорском городе [43]. Ее разветвленность полностью отвечает сложной структуре общегосударственных финансовых органов Боспора изучаемого времени. Находившееся в столице главное управление казной состояло, как кажется, из разных отделов: в него входила в I в., судя по надписи трех ее начальников — οἱ ἐπὶ τοῦ προσοδικοῦ πιστολογραφίου,— канцелярия доходов [44], которую должна была дополнять канцелярия расходов. Каково было отношение обоих отделов фискального управления к ὁ ἐπὶ τῶν λόγων — должности, засвидетельствованной в 270-х годах [45],— судить трудно. Возможно, что ὁ ἐπὶ τῶν λόγων был «начальником отчетов» [46], но не исключено истолкование этого наименования как «начальник над казначеями» [47] — такая должность могла существовать в обоих разделах финансового управления Боспора.

Приведенный выше экскурс в область табели о рангах боспорских финансовых магистратов позволяет найти новые черты сходства административного устройства Боспора и эллинистических государств. Вопрос этот тем более интересен, что новые данные открывают еще одну сторону в истории Боспора первых веков — здесь продолжали развиваться институты эллинистической монархии, тогда как в Средиземноморье государственный аппарат империи приспособил эллинистические административные органы к своим нуждам.

При чтении рескрипта В возникает вопрос: на один год или на несколько лет получили горгиппияне освобождение от поземельной подати. Опубликование второго письма не предписывалось Аспургом, оно было обнародовано, видимо, по инициативе самих граждан. Можно полагать, что это сделано ими потому, что Аспургом была дана бессрочная ателия. Увековечить в камне такую льготу было чрезвычайно выгодно для землевладельцев Горгиппии.

Новые документы весьма важны для освещения внутренней истории Боспора в 14 и 15 гг. Аспурговы указы порождены стремлением царя щедро отблагодарить Горгиппию за ее благосклонность и лояльность по отношению к нему. Инициатива исходила от самого монарха, без каких-

---

[41] С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 212.

[42] IOSPE, II, № 432.

[43] Возможно, что в каждом городе был свой взыскатель штрафов, известный пока лишь в Пантикапее в III в.— δικῶν πράκτωρ в IOSPE, IV, № 342.

[44] Ю. Марти. Неопубликованные археологические памятники Керченского Историко-археологического музея им. А. С. Пушкина. ВДИ, 1941, 1, стр. 198—212, № XXVII. Издатель определил опубликованный им памятник как коллективное надгробие. Однако это скорее строительная надпись, вставленная некогда в стену героона или алтаря, возведенного на территории пантикапейского некрополя. Отсутствие отчеств названных начальников приходной канцелярии — Гиакинфа, Сократа и Милесия — привело издателя к мысли, что перед нами имена вольноотпущенников. Вероятнее, что магистраты опустили свои отчества намеренно, чтобы исполнить надпись более крупным шрифтом, упомянув и свой чин.

[45] IOSPE, II, № 29, A и B.

[46] В. Ф. Гайдукевич (Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 344) полагает, что начальник отчетов исполнял функции «министра финансов». Нам кажется, что наименование этой должности слишком узко для главы всего боспорского казначейства.

[47] Liiddell-Scott[9], s. v. λόγος.

либо просьб со стороны города [48]; следовательно, правитель государства был особенно заинтересован в поддержке Горгиппии. Конечно, этого ожидали и от других полисов Боспора — ведь города всегда играли важную роль не только в экономике государства, но и как опорные пункты царского владычества в стране.

Судя по А 6—7, Аспург неоднократно встречал благожелательность со стороны Горгиппии. Особо подчеркнутое самим царем, это обстоятельство указывает, что в первые годы правления ему пришлось столкнуться и с враждебностью каких-то земель Боспора, возможно, даже некоторых крупных городов. Этот, ставший лишь ныне известным, факт логично дополняет известия боспорских монет о правлении неизвестного лица в течение двух лет перед приходом к власти Аспурга [49]. Период этот справедливо назван А. Н. Зографом темным, и слова Аспурга еще раз подтверждают верность упомянутой оценки. Видимо, сыну Асандра и Динамии не сразу удалось утвердиться на престоле своих предков. Вероятно, Аспург уделил особое внимание привлечению полисов на свою сторону с самого начала правления. Глухой намек на усилия его в этом направлении имеется в рескрипте А, где говорится об «уже данных мною (и действующих) распоряжениях» — возможно, что эти ἐντολαί касались не только Горгиппии, но и прочих полисов Боспора и были изданы за некоторое время до отъезда Аспурга из Боспора весной 15 г. Хотя содержание ранних указов неизвестно, но возможно, что и тогда Аспург ввел в силу Евпаторов закон о наследовании, оказывая тем самым какую-то большую уступку населению каких-то городов.

Все же расчеты Аспурга на полное умиротворение внутри государства не оправдались, и его отъезд послужил сигналом для выступлений враждебных ему сил в некоторых городах Боспора. Неизвестно, какие полисы, подобно Горгиппии, «сохранили себя в полной безмятежности» (А8), но, судя по горячей признательности Аспурга горгиппиянам, на стороне его было отнюдь не подавляющее большинство полисов. Освободить от поземельной подати Аспург мог лишь немногих, самых верных союзников, иначе царская казна потерпела бы большой урон.

Вопрос о том, где происходили волнения против Аспурга, не может быть разрешен в настоящее время. Зато некоторому уточнению подвергается состав проаспурговой группировки. Его связь с племенем Аспургиан, обитавших между Фанагорией и Горгиппией [50], показывает, что это сильное и активно участвовавшее во внутренней политике государства племя [51] являлось главной опорой власти Аспурга [52]. Позиция Горгиппии безусловно зависела от политики аспургиан. Сопоставляя данные новых документов с упомянутыми выше известиями Страбона, можно высказать предположение, что южные земли азиатского Боспора составляли главную опору Аспурга в первые годы его правления [53]. Видимо, этот правитель отвечал интересам не только ряда местных племен, но и греческих городов, соседивших с ними. Это была довольно широкая база, и потому Аспург по возвращении из Рима довольно быстро справился с враждебными ему выступлениями: уже в мае — июне 15 г. он произвел пересмотр

[48] В практике эллинистических царств дарование каких-либо льгот или привилегий городам по большей части происходило вследствие просьб самих полисов, посылавших ко двору специальные посольства,— см., например, C. B. Welles. Ук. соч., № 6, 15, 22; IG IX, I [1], № 78.

[49] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 191.

[50] Strabo. XI, 2, 11.

[51] Война аспургиан с Полемоном и казнь ими этого царя, попавшего к ним в плен, служат яркими тому примерами.

[52] В. В. Латышев. PONTIKA, стр. 103—104.

[53] Не был ли азиатский Боспор основной базой и Асандра в те годы, когда он добивался боспорского престола? А. Н. Зографу удалось подметить, что Асандр сначала не имел власти над Пантикапеем и чеканил, вернее перечеканивал, царскую медную монету где-то вне боспорской столицы (А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 190) — но происходило ли все это в дельте Гипаниса?

льгот дружественных ему полисов. Вероятно, города, где происходили волнения, были урезаны в своих правах.

Заключая рассмотрение Аспурговых указов, вновь подчеркнем, что в отношениях царя с Горгиппией можно заметить много черт, сходных со связями эллинистических царей и подвластных им эллинских полисов. Возможно, что период в несколько десятилетий после правления Митридата VI Евпатора представлял собой отрезок в истории Боспора, характеризующийся не только ростом влияния местного населения, но и успленным проникновением эллинистических государственных форм в боспорские институты. В дальнейшем, по мере усиления сарматских влияний, этот процесс глохнет [54]. Но в начале I в. он протекал еще весьма активно.

Изложенные соображения являются первыми попытками интерпретации новых ценнейших документов из древней Горгиппии. Надписи эти сообщают о ранее не предполагавшихся событиях, за ними видим скрытые, еще неясные факты, о которых можно высказывать самые разные гипотезы. Безусловно, указы царя Аспурга явятся предметом многих исследований.

Дополнения. После опубликования текста изучаемых писем (Рескрипты царя Аспурга, СА, 1965, № 2, стр. 197—208) я прочла доклад о них на конференции эпиграфистов, посвященной 150-летию работы Берлинской Академии наук по изданию Свода греческих надписей (происходила 27—29 апреля 1965 г. в ГДР), где услышала интересные соображения авторитетнейших эпиграфистов. Ниже мы изложим их вкратце.

Письмо А, стк. 7—8. Проф. Гюнтер Клаффенбах предлагает перенести запятую, поставленную после ἀτα[ρα]ξίαι, в стк. 8, после ἐντολάς. Следует признать, что такая пунктуация делает более стройным грамматическое построение фразы «... в полной безмятежности согласно данным мною распоряжениям, я определяю...». Но вызывает недоумение то, что Аспург отдавал специальное распоряжение о сохранении ему верности полисами. Возможно, что данная формулировка усложнена составителем текста во имя большей торжественности.

Письмо А, стк. 10. Буквы ΕΚΘΕΣΙΑΤΙΣ[Α]ΝΤΕΣ Г. Клаффенбах предлагает читать как одно слово. Однако нам кажется, что резчик пропустил N в конце слова ΕΚΘΕΣΙΑ и что здесь следует читать ἐκθεσία(ν) τίσ[α]ντες οὖν... «Итак, оплативши обнародование...».

Письмо А, сткк. 10—11. Г. Клаффенбах справедливо заметил ненадобность восстанавливаемого нами предлога κατὰ, а также и то, что слово γενέσθαι поставлено составителем текста напрасно. С этими замечаниями рассматриваемое место должно транскрибировать так: ...φανερὰν ποιή-[σ]ατε⟨γενέσθ[αι⟩τοῖς | πᾶσιν] τὴν ἡμετέραν κρίσιν.

Письмо В, сткк. 3—4. Вместо восстанавливаемого нами ἀποτελουμένης, определяющего ἑνδεκάτης, Г. Клаффенбах предлагает читать в начале стк. 5 слово ἀπολελύσθαι, так что основная мысль фразы будет изложена так: [...συνε]χώρησα... [ἀπολελύσθαι] ἑνδεκάτης «...я даровал ... освободиться от одной одиннадцатой...». Признавая возможность такого построения, решаюсь заметить, что при таком чтении ощущается нехватка термина, передающего обязательства платежа.

Письмо В, стк 4. Проф. Ж. До заметил, что в снимке надписи читается ἐνδεκάτης, тогда как в транскрипции я поставила ἐγδεκάτης. Это — описка, к сожалению, не замеченная вовремя.

---

[54] Интересно, что Асандр отказался от системы понтийского летосчисления и на своих золотых ставил только годы своего правления (А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 189). Не было ли это одной из форм протеста против принесенных из Понта новых институтов?

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

О ДАТИРОВКЕ ПАМЯТНИКОВ ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В 1960 г. мною опубликована работа, в которой были изложены археологические обоснования датировки известных памятников енисейской письменности, определена этническая принадлежность оставивших их людей, предпринята попытка установления генеалогии древнехакасских беков, а также границ их феодальных уделов, согласно расположению памятников и по эволюции выбитых на них личных тамг [1]. В Туве был зарегистрирован тогда 41 памятник енисейской письменности, и мною было высказано пожелание, чтобы тюркологи-языковеды ознакомились с оригиналами памятников Хакасии и Тувы.

С удовлетворением можно отметить, что этот призыв был услышан, и уже летом 1961 г. Хакасию и Туву посетили специалисты по древнетюркской письменности А. М. Щербак и И. А. Батманов. Изучением надписей на месте занялись также тюркологи З. Б. Арагачи и Д. М. Насилов. Сбор и изучение памятников продолжались в 1962—1963 гг.

В 1960 г. в музее г. Кызыла хранились стела Уюк-Туран и привезенные мною в 1959—1960 гг. памятники Кезек-Хурэ и Элегест II. В 1961 г. директор музея М. Г. Шкляев, при участии А. М. Щербака, привезли еще 15 камней с надписями, из которых два не были ранее известны (Хербис-Баары и Оттук-Даш III), а в 1963 г. в г. Кызыл была доставлена стела Сайгыниз Тес-Хема [2]. Таким образом, в Кызыльском музее создалось собрание из 19 памятников енисейской письменности, которые оказалось возможным изучать одновременно. К сожалению, работники музея свозили стелы с первоначальных мест без участия археологов, в результате в ряде случаев оказались не исследованными курганы или же те древние сооружения, возле которых они стояли. Это лишает возможности установить точную датировку памятников письменности, так как в самих текстах дат нет. Подобное трагическое положение ранее создалось в Хакасско-Минусинской котловине, где стелы без археологического изучения были свезены в Минусинский музей.

Архивные изыскания и новое рассмотрение памятников, хранящихся в Минусинском музее, позволили уточнить, что до 1961 г. было известно не 41, а 42 сохранившихся памятника из Тувы.

Оказалось, что упомянутый мною памятник из Тувы [3], изданный С. В. Киселевым под литерой «В», является памятником Оттук-Даш I

[1] Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. СА, 1960, 3.

[2] А. М. Щербак. Новая руническая надпись на камне. Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, IX, Кызыл, 1961; Сб.: «Памятники древнетюркской письменности Тувы, I, Кызыл, 1963, стр. 23 (здесь памятник Оттук-Даш назван ошибочно «вторым». Оттук-Даш I и Оттук-Даш II хранятся в Минусинском музее, куда привезены А. В. Адриановым в 1915 г. Архив ИА АН СССР, дело № 120 за 1915 г., стр. 7). См. A. Ščerbàk. L'inscription runique d'Oust-Elégueste (Touva). Ural-Altaische Jahrbücher, 35, B, 1964.

[3] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 120; С. В. Киселев. Неизданные надписи енисейских кыргызов. ВДИ, 1939, 3, стр. 133, В.

(№ 4) [4], что в Минусинском музее хранится (без номера и паспорта) памятник Оттук-Даш II [5], что оба эти памятника в 1915 г. были найдены А. В. Адриановым, лежащими «в степи близ Оттыгташа (на левой стороне Улухема, около 30 верст ниже Элегеса)» и тогда же доставлены в Минусинский музей [6]. Выяснилось, что находящийся в том же музее (без паспорта и номера) памятник, ныне опубликованный Д. М. Насиловым (III) [7], был найден Ф. Я. Коном в 1902 г. в урочище Чер-Чарык на левом берегу Хемчика и тогда же доставлен в музей. Кроме того, Ф. Кон обнаружил на левом берегу Улуг-Хема «верст 7—8 не доезжая устья р. Барыка», в местности «Хаяр-каны-устю-Кыих» большую плиту с надписью, разбитую на четыре части, два малых обломка от которой он отправил в Минусинский музей [8]. Это и есть памятник из урочища Эль-Бажы на левом берегу Улуг-Хема в 3 *км* выше горы Хайыракан, где А. В. Адрианов, по указанию Ф. Кона, в 1916 г. взял оставшиеся два больших обломка той же плиты и доставил в Минусинский музей [9]. Ныне памятник Эль-Бажы опубликован Д. М. Насиловым (II) [10], который учел надпись на трех частях и не использовал четвертого обломка. Отмечу также, что Насилов (I) переиздал безымянный памятник Минусинского музея из Тувы (№ 41), опубликованный С. В. Киселевым под литерой «Г». Однако происхождение его пока остается невыясненным [11].

В 1961—1962 гг. в Туве обнаружено еще семь памятников: Хербис-Баары [12] и Оттук-Даш III [13] привезены музейными сотрудниками, а Саргал-Аксы, Суглук-Адыр-Аксы, Канмыылдыг-Хову и Ортаа-Хем опубликованы З. Б. Арагачи [14]. Наконец, нами в 1962 г. обнаружен памятник Ир-Холь [15]. Таким образом, на 1964 г. в Туве насчитывается 49 памятников енисейской письменности и известно местонахождение 50-го погибшего для науки (Эльдег-Кежиг) [16].

Изучение семи новых памятников подтвердило выводы, сделанные мною в упомянутой выше работе 1960 г. На пяти из них были обнаружены тамги, относящиеся к тем же выделенным мною шести группам тамг древнехакасских бегов (рис. 1—5), причем каждая новая тамга заняла свое место в общей генеалогии тамгообразных знаков (рис. 1, *16*; 3, *3* и *9*; 5, *15* и *16*).

Кроме того, два памятника (Хербис-Баары и Ир-Холь) оказались стоящими с юго-восточной стороны насыпей древнехакасских курганов с погребениями по обряду трупосожжения, совершенно так же, как у опи-

[4] С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 20 (№ 4).

[5] Стоит в павильоне Минусинского музея между № 3 и 35; имеет восемь знаков (размеры 0,96 × 0,43 *м*, толщина 12 *см*). Опубликован как «Памятник Пукин-Тирга». И. А. Батманов и А. Ч. Куна а. Памятники древнетюркской письменности Тувы, II, Кызыл, 1963, стр. 21—23.

[6] Архив ИА АН СССР, дело № 120 за 1915 г., стр. 7.

[7] Д. М. Насилов. О некоторых памятниках Минусинского музея. «Народы Азии и Африки», 1963, 6, стр. 128—129, рис. 2.

[8] Исследования Ф. Я. Кона в земле урянхов. РАЖ, XII, 4, 1903, стр. 116—117.

[9] Архив музея Томского университета № 79 (дневники, записи, фотографии 1915—1916 гг. А. В. Адрианова). Памятник в Минусинском музее № 37, 37а и два мелких обломка без номеров.

[10] Д. М. Насилов. Ук. соч., стр. 125—128, рис. 3 и 4.

[11] Там же, стр. 124—125, рис. 1; С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 133. Г; скорее всего это стела «из лога Улуг-Сайра на правой стороне Улуг-Хема против устья р. Элегеста, верстах в 10 от берега Енисея, в горах», которую нашел у кургана А. В. Адрианов в 1915 г. (Архив ИА, д. № 120, стр. 7) и вывез в музей (в 1916 г.?).

[12] А. М. Щербак. Ук. соч. Древнехакасский курган, у которого стояла стела, раскопан в 1958 г. С. И. Вайнштейн. Курганы и стелы с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары. Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, X, Кызыл, 1963, стр. 264—267.

[13] Найден у горы Оттук-Даш, в километре на восток от станции Оттук-Даш, недалеко от парома на Боян-Кол.

[14] З. Б. Арагачи. Новые эпиграфические находки в Туве. Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ. X, стр. 247—256.

[15] Л. Р. Кызласов. Новый памятник енисейской письменности. СЭ, 1965, 2.

[16] Публикация И. А. Батмановым знаков на стеле из Хачы-Хову, как якобы изображающих «явно добуквенные знаки и буквы енисейского алфавита» и даже

санных мною ранее семи курганов[17]. Таким образом, ныне в разных районах Тувы раскопано археологами девять древнехакасских курганов, у которых с восточной или юго-восточной стороны стояли стелы с эпитафиями. Имеются сведения и о десятом кургане с памятником Уюк-Туран (№ 3). Со слов находчика, эта стела находилась «над склепом, в котором были обнаружены золо-

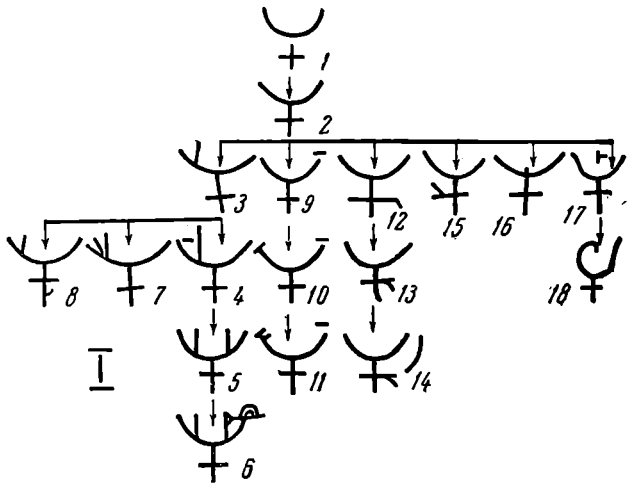


Рис. 1

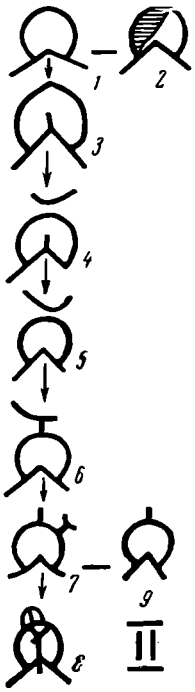


Рис. 2

Рис. 1. Таблица тамг I группы

1 — с писаницы на горе Туран (правый берег Енисея в Красноярском крае); *2* — памятник Кёжээлиг-Хову (№ 45); *3* — памятник Барык III (№ 7); *4* — памятник Барык II (№ 6); *5* — памятник Барык IV (№ 8); *6* — памятник Барык I (№ 5); *7* — тамга на плите без надписи у кургана близ памятников на р. Барык (ныне в Кызыльском музее); *8* — тамга на скале в Овюре; *9* — памятник Уюк-Туран (№ 3); *10* — памятник Кызыл-Чираа I (№ 43); *11* — памятник Кызыл-Чираа II (№ 44); *12* — памятник Эль-Бажы; *13* — на плите без надписи возле каменного изваяния «Богатырь» близ Знаменки в Хакасии; *14* — на памятнике «Богатырь» близ Знаменки в Хакасии (№ 37); *15* — памятник Телэ (№ 46); *16* — памятник Оттук-Даш III: *17* и *18* — на скале Кулузун в горах Берт-Даг

Рис. 2. Таблица тамг II группы

1 — памятник дер. Означенная (№ 25); *2* — памятник р. Абакан (№ 48); *3* — памятник Хая-Бажы (№ 24); *4—8* — на скале Хая-Бажы; *9* — с Тепсейской писаницы (на р. Тубе в Красноярском крае)

«опыт чтения» их [И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, 4, стр. 19, 25—27; Памятники древнетюркской письменности Тувы, I, стр. 8 и 65—66] не должны вводить в заблуждение исследователей. Эта стела и ее знаки никакого отношения к памятникам древнетюркской письменности не имеют. Стелы в Хачы-Хову (близ р. Саглы), стоящие в оградках, осмотрены мною в 1957 г. На них изображены козлы, тамги и предметы в виде спаренной секиры или боевого молота с ручкой (J. G. Granö. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909. Journal de la Société Finno-Ougrienne, XXVIII, Helsinki,1912, X—XI; Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Сб. «Северная Монголия», II, Л., 1927, рис. 11, 12 и табл. VII, *2*), которые И. А. Батманов «читает» (?) как «баш»!

Что касается оленных камней из-под Самагалтая и у горы Ортаа-Тей, якобы имеющих отдельные знаки или «следы надписи среди петроглифов» (И. А. Батманов и А. Ч. Куна а. Ук. соч., II, стр. 38—41), то и эти памятники VII—III вв. до н. э. никакого отношения к рунике не имеют. Найденные и изученные в 1947 г. экспедицией С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой, при участии Л. Р. Кызласова (Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция. КСИИМК. XXVI. 1949, стр. 120—122, рис. 49 вверху) и повторно обследованные Л. Р. Кызласовым в 1955 г., они содержат рисунки животных и ни одного рунического знака на них нет.

[17] Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 101—102; его же. Новый памятник енисейской письменности. Так же с восточной стороны насыпей курганов находятся стелы с надписями и в соседней северной Монголии — см. А. М. Щербак. Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии. ЭВ. XIV, 1961; G. J. Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. Journal de la Société Finno-Ougrienne, XXX, Helsingfors, 1913, стр. 3 (в последнем случае надпись и курган древнехакасские).

тые и серебряные вещи» [18], т. е., очевидно, над древнехакасским курганом, так как именно в этих курганах встречается особенно много вещей из благородных металлов [19].

Кроме того, в 1961 и 1963 гг. было раскопано еще два округлых каменных кургана, у которых стелы с надписями стояли в одном случае с западной (Саргал-Аксы), а в другом — с северной (Сайгын в ур. Кезек-Тыт) стороны курганных насыпей [20]. У раскопанного мною в 1959 г. на р. Межегее кургана Кезек-Хурэ № 1 стела с надписью стояла в северо-западной части насыпи.

Несмотря на отсутствие находок, эти курганы (Саргал-Аксы № 1, Кезек-Тыт № 2 и Кезек-Хурэ № 1), над насыпью которых оказались лишь ямки с остатками деревянных

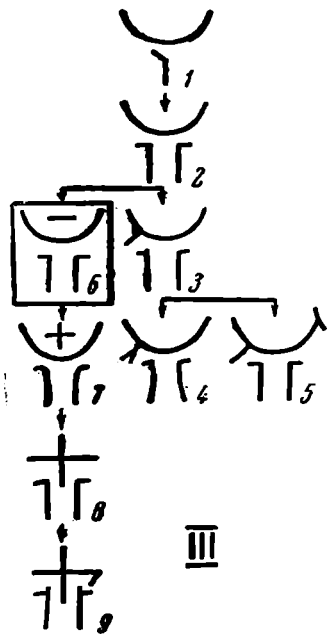


Рис. 3

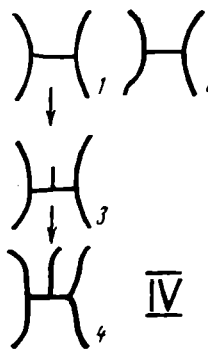


Рис. 4

Рис. 3. Таблица тамг III группы

1 — на скале Хая-Бажы; *2* — на «оленном камне» в логу Мунгаш-Чирик на р. Бегре; *3* — памятник Ир-Холь (Элегест IV); *4* — памятник Элегест II; *5* — памятник Элегест III; *6* — теоретическая реконструкция тамги; *7* — с писаницы на горе Туран (правый берег Енисея в Красноярском крае); *8* — памятник р. Элегест I (№ 10); *9* — памятник Хербис-Баары

Рис. 4. Таблица тамг IV группы

1 — памятник Чаа-Холь VII (№ 19) и на скале Хая-Бажы; *2* — памятник Чаа-Холь II (№ 14); *3* — с Тепсейской писаницы (на р. Тубе в Красноярском крае); *4* — памятник Чаа-Холь VIII (№ 20)

столбов и кострища, также, очевидно, являются древнехакасскими, ибо установка спорных столбиков в ямах обычна для чаа-тасов Хакасии VI—IX вв. [21] и, кроме того, аналогичные столбики были обнаружены в древнехакасском кургане № 18 под г. Чинге на р. Элегесте (А. В. Адрианов, 1915), который, кроме стелы-памятника Элегест I (№ 10), с северо-западной стороны насыпи имел еще каменный столб без надписи [22].

---

[18] И. А. Батманов, З. Б. Арагачп, Г. Ф. Бабушкин. Ук. соч., стр. 31.

[19] Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении). ВМГУ, сер. IX, история, 1964, 4, стр. 78—80.

[20] Раскопаны М. Х. Маннай-оолом, см. его «Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г.» Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, X, стр. 246.

[21] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 565, 599; Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948; Л. Р. Кызласов. Сырский чаа-тас. СА, XXIV, 1955, рис. 39, 44.

[22] А. В. Адрианов. Дневник раскопок, произведенных в Урянхайском крае (рукопись). Архив музея Томского университета, № 78; Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 101—103. Аналогичные курганы со столбиками в ямках и без находок раскопаны еще А. В. Адриановым (Бий-Хем, 1916, № 31) и Л. Р. Кызласовым (пос. Сарыг-Булун, 1955, № 2 и 3; Кезек-Хурэ, 1959, № 1 и 2).

По новым данным, из 49 известных в Туве стел с енисейскими надписями 22 стояли у курганов, которые, к сожалению, не все были раскопаны археологами, но 13 раскопанных оказались древнехакасскими. Еще финские археологи И. Р. Аспелин и А. О. Гейкель, разыскивая в Туве памятники енисейской письменности в 1888—1889 гг., заметили, что стелы стояли у курганов «с восточной стороны в 2—3 *м*» [23]. Гейкель, найдя в 1889 г. новые тогда стелы Хемичк-Чиргакы и Чаа-Холь III у каменных курганов, хотел произвести их раскопки, но не смог из-за запрещения тувинской администрации [24].

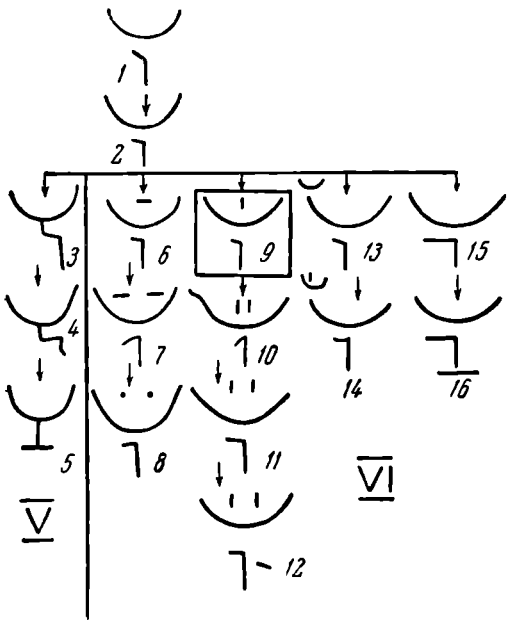


Рис. 5. Таблица тамг V и VI групп

1, 3, 4 — на скале Хая-Бажы; *2* — памятник Чаа-Холь IX (№ 21) и на скале Хая-Бажы *5* — памятник Хемчик-Чиргакы (№ 41); *6* — памятник Чаа-Холь V (№ 17); *7* — памятник Бай-Булун I (№ 42); *8* — памятник Бай-Булун II (№ 49); *9* — теоретическая реконструкция тамги; *10* — памятник Чаа-Холь III (№ 15); *11* — памятник Чаа-Холь IV (№ 16); *12* — памятник Уюк-Тарлаг (№ 1); *13* — памятник Чаа-Холь XI (№ 23); *14* — памятник Чаа-Холь X (№ 22); *15* — памятник Ортаа-Хем; *16* — памятник Суглук-Адыр-Аксы

Такие курганы, у которых с юго-восточной стороны стояли стелы с надписями, финны копали в те же годы в Хакасско-Минусинской котловине [25]. Впоследствии известный русский археолог А. А. Спицин, докладывая о «каменных плитах из Минусинского края с письменами орхонского типа», сделал вывод, что эти стелы всех видов, «встречаемые вместе при подножии курганов, могут быть, как и курганы, приписаны хакасам» [26].

Естественно, что стелы, на которых высечены надгробные эпитафии, стояли у могил тех людей, чьей памяти посвящены сами надписи.

Однако 13 стел стояли одиночно без курганов [27] (четыре из них — вблизи друг друга на р. Чаа-Холь: № 14, 18, 19, 20). Это, очевидно, памятные столбы в честь павших на чужбине воинов, останки которых не могли быть найдены и погребены [28]. Еще восемь стел с эпитафиями стояли в рядах из четырех плит: а) четыре стелы с текстами в Кӧжээлиг-Хову на р. Чаа-Холь (№ 17, 21, 22, 23) [29]; б) две стелы с текстами в одном ряду с двумя простыми плитами (одна упала) на р. Барык (№ 6 и 7) [30] и в) стелы с надписями (каждая в ряду с тремя

[23] I. R. Aspelin. Tschudische Inschriften am oberen Ienissei. ZE, 20, Berlin, 1888, стр. 462—466.

[24] I. R. Aspelin. Die Ienissei-Inschriften. ZE, 21, Berlin, 1889, стр. 744—746.

[25] Там же. A. O. Heikel. Die Grabuntersuchungen und Fu ıde bei Tasheba. ZFA, XXVI, Helsinki, 1912.

[26] ЗРАО, XI, 1—2, СПб., 1899, стр. 398.

[27] Из них четыре стояли в небольших прямоугольных оградках, сооруженных в более раннее время. Здесь надписи вырезаны на старых, уже до этого стоявших плитах.

[28] Современные хакасы ставят подобные памятники с надписями (кресты или столбы) погибшим на Отечественной войне воинам близ улусов, на месте, где прежде стояла юрта, в которой родился погибший на чужбине, ибо «душа погибшего на чужбине должна вернуться на родину».

[29] А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в центральной Туве, Тр. ТКАЭ, I, М.— Л., 1960, стр. 71—72, рис. 82. К сожалению, план расположения стел отсутствует.

[30] И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Ук. соч., стр. 35. План также отсутствует.

другими плитами без надписей) на Кёжээлиг-Хову на р. Эжим[31] и с р. Телэ. Составленные мною в 1955 г. планы расположения последних памятников показывают, что четыре плиты обычно ставились в ряд с ССВ на ЮЮЗ (рис. 6). Сейчас еще трудно сказать, для чего это делалось, но аналогично ориентированные ряды плит обычны для средневековых чаатасов Хакасии[32].

Наконец, надписи высечены на скале Хая-Бажы (правый берег р. Хемчик), подобно надписям на знаменитой Сулекской писанице (скала Пичиктиг-хая) в Хакасии или Тепсейской писанице на р. Тубе. О том, как стояли еще пять стел из Тувы, пока выяснить не удалось (см. приложение).

Итак, даже по способу установки части стел с надписями (хотя и без курганов, но рядами) их можно признать древнехакасскими.

Установка вертикальных стел с надписями (у курганов, в рядах или одиночно) никогда не практиковалась алтайскими тюрками — тугю и другими племенами, входившими в I тюркский каганат (552—630 гг.). Это государство занимало огромную территорию от Каспийского моря до Ордоса и от Алтая до Тянь-Шаня. С середины VI в. на этой территории вместе с алтайскими тюрками распространились присущие им погребальные сооружения с тюркским обрядом (курганы с погребениями по обряду трупоположения с конем) и поминальные сооружения (оградки из плит и камней, иногда с каменными фигурами людей и со столбиками-балбалами).[33] Но ни на Алтае, ни в других бывших районах I тюркского каганата не обнаружено ни одной вертикальной стелы с надписью.

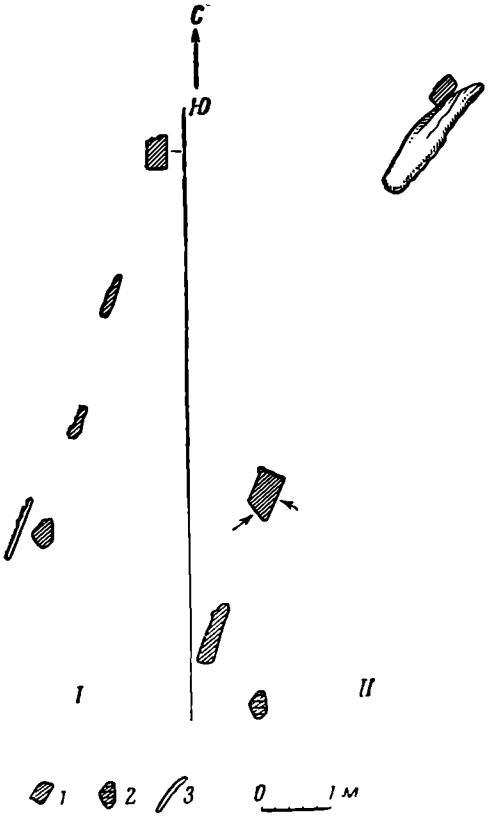


Рис. 6. Планы расположения рядов из четырех вертикально вкопанных плит со стелами

I — ряд Тёрт-кёжээ на р. Телэ, правом притоке Эжима с памятником Телэ (№ 46); *II* — ряд в Кёжээлиг-Хову на правом берегу Эжима с памятником Кёжээлиг-Хову (№ 45):
1 — вертикально стоящие плиты; *2* — обломанные; *3* — поваленные.
Стрелками указаны грани с надписями. Планы сняты Л. Р. Кызласовым в 1955 г.

Только в период II восточнотюркского каганата (682—745 гг.) орхонские тюрки заимствовали установку вертикальных стел с надписями, но и то их ставили лишь при поминальных сооружениях самых выдающихся древнетюркских полководцев. Известно всего пять таких памятников, посвященных военачальникам, умершим в 20—30-х годах VIII в., т. е. уже в конце существования древнетюркского государства (стелы Кули-Чура, Тоньюкука, Алп Элетмиша, Кюль-Тегина и Бильгя-Кагана).

---

[31] Там же, фото на стр. 33.

[32] Л. Р. Кызласов. Хакасская археологическая экспедиция 1958 г. Уч. зап. ХНИИЯЛИ, VIII, Абакан, 1960, стр. 165—166; его же. Хакасская археологическая экспедиция 1959 года. Уч. зап. ХНИИЯЛИ, IX, Абакан, 1963, стр. 159—160; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 414—415.

[33] Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). ВМГУ, сер. IX, истор. науки, 1960, 1; его же. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей. СА, 1964, 2.

Исключительное право установки стел самым прославленным полководцам, среди которых оказался лишь один каган, и отсутствие стел, посвященных памяти множества других каганов и древнетюркской знати (не говоря уже о поминальных оградках рядового населения),— все это свидетельствует о том, что и в период II каганата у тюрок-тугю в целом не было обычая ставить стелы с эпитафиями в честь даже самых знатных людей [34].

Сосредоточение большого количества памятников енисейской письменности в Минусинском и Кызыльском музеях, среди которых оказались не осмотренные нами раньше (Барык I—IV; Чаа-Холь II, VI, VIII и Чаа-Холь V, IX—XI в МАЭ), тамги вновь найденных стел (Хербис-Баары, Оттук-Даш III, Ортаа-Хем, Суглук-Адыр-Аксы, Ир-Холь), обнаружение дополнительных материалов в архивах [35] — все это способствовало уточнению очертаний отдельных личных тамг древнехакасских беров. Установление новых деталей тамговых знаков и их подлинных черт не по публикациям, чаще всего искаженным, а по натуре, позволило выявить многие истинные взаимосвязи тамг и, в связи с этим, уточнить генеалогические линии шести групп наиболее знатных древнехакасских семейств владельцев «шести багов» — феодальных уделов Тувы в IX—X вв. При этом были получены новые подтверждения установленной ранее датировки памятников с этими тамгами (от середины IX до рубежа XI в.) и их хакасского происхождения, ибо недостающие тамги были обнаружены к северу от Саян в Хакасско-Минусинской котловине (рис. 1, *1*, *13*, *14*; рис. 2, *1*, *2*, *9*; рис. 3, *7*; рис. 4, *3* и рис. 7—8). Наличие одинаковых тамг на различных скалах говорит о том, что люди оставляли свои «отметки» в местах, где они побывали, а серии взаимосвязанных тамг, отличающихся незначительными деталями, доказывают личный характер каждой тамги, связанной, вместе с тем, со своей семейной группой (рис. 7—8).

Приводим выправленные таблицы типологической взаимозависимости и генеалогической последовательности тамг (рис. 1—5), на основании которых мною были даны датировки каждому памятнику (см. приложение) [36]. Эти таблицы будут еще уточнены при дальнейших исследованиях [37].

Как отмечалось в литературе, в языке памятников орхоно-енисейской письменности в целом наблюдаются следы говоров. Любопытно в связи с этим, что енисейские надписи, найденные в Хакасско-Минусинской котловине, т. е. собственно древнехакасские памятники легко разделяются на два наречья по употреблению в ряде слов «и» или «э» (ил, эл — «государство», бир, бер — «дай» и т. п.). Хотя к IX в. уже имело место перемешивание населения, но все же при картографировании памятников видно, что на поднаречье «э» говорили тогдашние северные хакасы, жившие на Чулыме, Черном и Белом Юсах (по Малову — памятники № 38, 39), по левому берегу Енисея от р. Ташебы (№ 40), горы Куня (Под-

[34] Нельзя думать, что стелы просто не сохранились, в то время как на огромной территории тюркских каганатов археологам известны сотни древнетюркских поминальных сооружений и каменных изваяний людей, не говоря уже о курганах. Рунические надписи Киргизии высечены не на стелах, а на лежащих валунах, и они датируются IX—X вв.

[35] Особое значение имело ознакомление в 1961 г. с рукописями А. В. Адрианова о писаницах Енисея в музее Томского университета (Архив, № 55. 75—79). Пользуюсь также возможностью выразить мою благодарность научному сотруднику Национального музея в Хельсингфорсе (Финляндия) Т. Едгрену за любезное сообщение о некоторых материалах.

[36] О методе см. Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. Об изменении личных тамг см. Д. Н. Соколов. О башкирских тамгах. Тр. ОУАК, XIII, Оренбург, 1904 (выделившийся член семьи «вынужден придумать для себя отличную от отцовской тамгу... Самый обычный способ изменения тамги есть прибавление к наследственной добавочных черточек...». Второй способ — опрокинутые тамги; «поворот ее под прямым углом или перевод из прямого положения в косвенное»).

[37] Автору не удалось видеть тамги Куйлуг-Хем (№ 12), Чаа-Холь III (№ 15) и выявить детали тамг некоторых памятников IV и VI групп.

кунинская) до Теси, Ербы (№ 37) и ниже. Северные хакасы жили также на правобережье Енисея в долине р. Тубы (№ 35, 36).

На поднаречье «и» говорили южные хакасы, жившие в междуречье Абакана и Енисея (в так называемой Койбальской степи к северу от Джойского хребта) до Монока и Соса (№ 28, 29) до Очур (№ 26) и до устья Ои (№ 27), а также по левому берегу Абакана и по всей долине

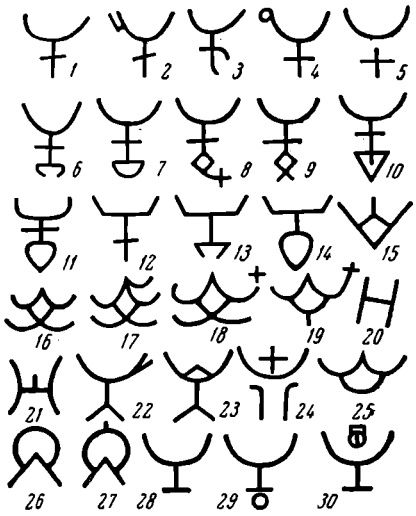


Рис. 7

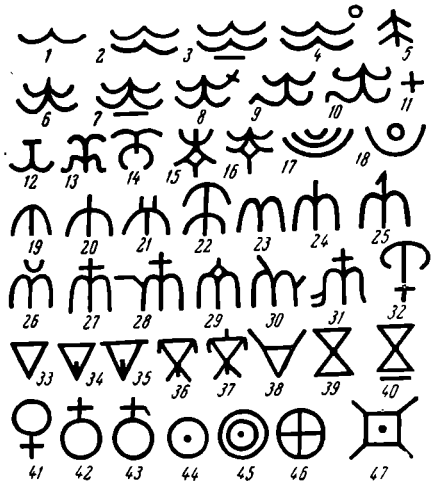


Рис. 8

Рис. 7. Тамги из Хакасско-Минусинской котловины (по А. В. Адрианову)

1 — по одному разу на писаницах Оглахтинской (левый берег Енисея), Тепсейской (на р. Тубе) и Сулекской (р. Хара-Юс); *2, 5, 24* — писаница на горе Туран (правый берег Енисея); *7* — на Туранской и Сулекской писаницах; *3* — на плите возле каменного изваяния «Богатырь» близ дер. Знаменки; *4* — писаница Пановского лога на левом берегу Енисея у р. Коксы близ утеса Чарымтыг-хая; *6* — писаница Боярская на р. Тесь; *8, 9, 11—15, 17—22, 27, 28, 29* — писаница на горе Тепсее ниже Мосеевой горы на р. Тубе (среди енисейских надписей); *10* — на плите тагарского кургана на левом берегу Енисея; *16* — на памятнике № 27 и четыре раза на Тепсее; *23, 25, 30* — писаница Абаканско-перевозинская на левом берегу Енисея; *26* — на памятнике № 25, дважды на Тепсее и один раз на Абаканско-перевозинской

Рис. 8. Тамги из Хакасско-Минусинской котловины (по А. В. Адрианову)

2 — на Тепсейской писанице пять раз, семь раз на Туранской и на плите тагарского кургана у Сандочика по дороге из Потрошиловой в Знаменку; *3* — четыре раза на Туранской писанице и у Сандочика; *1, 5, 6* — два раза; *7, 8* — два раза; *11, 12, 18, 19, 20* — два раза; *21, 22, 24* — три раза; *28, 29, 30, 31* — два раза; *32, 39, 40, 41, 46* — на Тепсейской писанице (среди енисейских надписей); *4* — на Абакано-перевозинской писанице; *9, 10, 36, 37, 44, 45* — писаница на горе Суханиха у дер. Потрошиловой; *13—16, 26, 47* — на Туранской писанице; *17* — на Тепсее и трижды на Суханихе; *23* — на Туране и на курганных плитах у Гладкого мыса по дороге из Потрошиловой в Минусинск на 13 *км*; *25* — на курганной плите у Гладкого мыса; *27* — на Суханихе и девять раз на Тепсее; *33—35, 38* — в большом количестве на Майдашинской, Тепсее, Туране, Суханихе; *43* — на писанице Майдаши (правый берег Енисея ниже Минусинска); *42* — на плите у Сандочика

Уйбата (№ 30—34). Лишь в первой половине IX в., когда началась двадцатилетняя война с уйгурами, граница с которыми проходила по Саянам, памятники северных древних хакасов закономерно появляются на юге Хакасско-Минусинской котловины (эпитафии двух братьев: на левом берегу Абакана — № 48 и на левом берегу Енисея — № 25; рис. 2, *1*, *2*) [38].

Впервые нами отмечаемое наличие в средневековой Хакасии VII—IX вв. двух групп тюркоязычного населения («северного» и «южного» наречий) отражало, очевидно, вполне реальную картину, ибо близкие наречия зафиксированы наукой и у современных хакасов: «э» — наречие у северных хакасов (кызыльцы, шорцы, а также бельтиры), «и» — наречие у южных (сагайцы, качинцы) и в литературном языке [39]. Очевидно,

[38] Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 113, прим. 75—76.

[39] Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, табл. I, *15*; Д. Ф. Патачакова. Система звуков качинского диалекта, Уч. зап. ХНИИЯЛИ, VII, Абакан, 1959, стр. 22—25.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Памятники енисейской письменности Тувы

№№ п/п	Наименование памятника	№ памятника (по С. Е. Малову) или издание	Датировка автора	Местонахождение на 1964 год	Кто и когда открыл	Как стоял на месте и кто исследовал	Кто и когда доставил в музей
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Уюк-Тарлаг	1	Рубеж X—XI вв.	Минусинский музей, № 20	И. Р. Аспелин, 1888	Одиночно	А. В. Адрианов, 1916
2	Уюк-Аржан	2	745—840 гг.	Минусинский музей, № 21	»	У кургана Көктон, № 54, А. В. Адрианов, 1916	»
3	Уюк-Туран	3	Конец IX в.	Кызыльский музей	И. Г. Фунтиков, 1886 и И. Р. Аспелин, 1888	У кургана IX—X вв.	Музей, 1947
4	Оттук-Даш I	4 (С. В. Киселев, В)	840—X в.	Минусинский музей, № 39	»	На кургане лежал вместе с Оттук-Даш II	А. В. Адрианов, 1915
5	Барык I	5	Конец X в.	Кызыльский музей	Д. А. Клеменц, 1891	Вместе с Барык IV у кургана	Музей, 1961
6	Барык II	6	Начало X в.	»	»	В ряду из 3 плит (с Барык III)	»
7	Барык III	7	Конец IX в.	»	»	В ряду из 3 плит (с Барык II)	»
8	Барык IV	8	Середина X в.	»	»	с Барык I у кургана	»
9	Карасуг	9	IX—X вв.	»	И. Р. Аспелин, 1888	У кургана	»
10	Элегест, Чинге-Даг	10	Конец X в.	Минусинский музей, № 19	»	У кургана г. Чинге, № 18 А. В. Адрианов, 1915	А. В. Адрианов, 1915
11	Бегре	11	Конец X в.	Минусинский музей, № 40	В. А. Ошурков, 1892	У кургана Мунгаш-Чирик, № 34, А. В. Адрианов, 1916	А. В. Адрианов, 1916
12	Куйлуг-Хем	12	Конец IX в.	На месте	И. С. Боголюбский, 1882	В оградке	—
13	Чаа-Холь I	13	Конец IX в.	Минусинский музей, № 33	В. А. Ошурков, 1892	Одиночно	В. А. Ошурков, 1892
14	Чаа-Холь II	14	Середина IX в.	Кызыльский музей	И. Р. Аспелин, 1888	Одиночно, вблизи № 18	Музей, 1961
15	Чаа-Холь III	15	Середина X в.	На месте (?)	А. О. Гейкель, 1889	У кургана	—

16	Чаа-Холь IV	16	Конец X в.	Музей Хельсинки (Финляндия)	И. Р. Аспелин, 1888	Одиночно (?)	И. Г. Гранэ, 1907
17	Чаа-Холь V	17	Начало X в.	Музей антропологии и этнографии (Ленинград)	»	В ряду из 4 плит (17, 21, 22, 23)	А. Д. Грач, 1958
18	Чаа Холь VI	18	IX—X вв.	Кызыльский музей	»	Одиночно, вблизи № 14	Музей, 1961
19	Чаа-Холь VII	19	Середина IX в.	Минусинский музей, № 35	»	Одиночно, вблизи № 14 и 18	П. Е. Островских, 1897
20	Чаа-Холь VIII	20	Начало X в.	Кызыльский музей	И. Р. Аспелин, 1888	Одиночно, вблизи № 14, 18 и 19	Музей, 1961
21	Чаа-Холь IX	21	Конец IX в.	Музей антропологии и этнографии (Ленинград)	»	В ряду из 4 плит (17, 21, 22, 23)	А. Д. Грач, 1958
22	Чаа-Холь X	22	Середина X в.	»	»	»	»
23	Чаа-Холь XI	23	Начало X в.	»	»	»	»
24	Хая-Бажы	24	Середина IX в.	Скала, на месте	А. В. Адрианов, 1881	Скала	—
25	Хемчик-Чиргакы	41	Конец X в.	Минусинский музей, № 34	А. О. Гейкель, 1889	У кургана	Г. П. Сафьянов и А. В. Адрианов, 1901
26	Бай-Булун I	42	Середина X в.	Минусинский музей, № 38	А. В. Адрианов, 1915	У кургана Бай-Булун, № 21, А. В. Адрианов, 1915	А. В. Адрианов, 1915
27	Кызыл-Чыраа I	43	Начало X в.	Кызыльский музей	А. В. Адрианов, 1916	Одиночно, в 400 м к ЮЮВ от № 28	Музей, 1961
28	Кызыл Чыраа II	44	Середина X в.	»	»	В оградке, в 400 м к ССЗ от № 27	»
29	Кӧжээлиг-Хову	45	Середина IX в.	»	»	В ряду из четырех плит	»
30	Телэ	46	Конец IX в.	»	И. Г. Гранэ, 1907	В ряду из четырех плит	»
31	Бай-Булун II	49 (С. В. Киселев, А)	Конец X в.	Минусинский музей, № 22	А. В. Андрианов, 1915	У кургана Бай-Булун, № 22, А. В. Адрианов, 1915	А. В. Адрианов, 1915
32	?	50 (С. В. Киселев, Б)	?	Минусинский музей, № 42 и 42а	?	?	?
33	?	51 (С. В. Киселев, Д)	800—840 гг.	Минусинский музей, № 36 и 36а	?	?	?
34	Элегест II	С. Е. Малов, З. Б. Арагачи и Л. Р. Кызласов	Середина X в.	Кызыльский музей, № 3747	И. Г. Гранэ, 1907	У кургана пос. Элегест, № 19а, С. А. Теплоухов, 1926	Л. Р. Кызласов, 1960
35	Эле ест III	С. С. Малов, А. М. Щербак	Середина X в.	»	»	У кургана пос. Элегест, № 19б, С. А. Теплоухов, 1926	Музей, 1961

Продолжение

№№ п/п	Наименование памятника	№ памятника (по С. Е. Малову) или издание	Датировка автора	Местонахождение на 1964 год	Кто и когда открыл	Как стоял на месте и кто исследовал	Кто и когда доставил в музей
1	2	3	4	5	6	7	8
36	Улуг-Сайра?	С. В. Киселев, Г и Д. М. Насилов, I	IX—X вв.	Минусинский музей, № 41	А. В. Адрианов, 1915?	У кургана, А. В. Адрианов, 1916 ?	А. В. Адрианов, 1916?
37	Эль-Бажи	Д. М. Насилов, II	Конец IX в.	Минусинский музей, № 37, 37а, 37б, 37в.	Ф. Я. Кон, 1902	В четырех кусках под скульптурой тигра XIII—XIV вв.	Ф. Я. Кон, 1902—2 куска и А.В. Адрианов, 1916 еще 2 куска
38	Чер-Чарык	Д. М. Насилов, III	IX—X вв. ?	Минусинский музей, без №	Ф.Я. Кон, 1902	?	Ф. Я. Кон, 1902
39	Оттук-Даш II	И. А. Батманов и А. Ч. Кунаа	840—X в.	Минусинский музей, без №	А. В. Адрианов, 1915	На кургане лежал вместо с Оттук-Даш I	А. В. Адрианов, 1915
40	Малиновка	Э. Р. Рыгдылон и Л. Р. Кызласов	Конец XI—нач. XII в.	Минусинский музей (?)	С. В. Киселев, 1947	У кургана Малиновка, № 1, Л. Р. Кызласов, 1955	Э. Р. Рыгдылон, 1948
41	Сайгын	Ю. Л. Аранчын	XI—XII вв.?	г. Кызыл	Ю. Л. Аранчын, 1950	У кургана Кезек-Тыт, № 2 М. Х. Маннай-оол, 1963	А. Ч. Кунаа, 1963
42	Кезек-Хурээ	Л. Р. Кызласов	XI—XII вв.	Кызыльский музей, № 3505	С. В. Киселев, 1947	У кургана Кезек-Хурээ, № 1, Л. Р. Кызласов, 1959	Л. Р. Кызласов, 1959
43	Хербис-Баары	А. М. Щербак	Рубеж X—XI вв.	Кызыльский музей	С. И. Вайнштейн, 1958	У кургана Хербис-Баары, № 1, С. И. Вайнштейн, 1958	Музей, 1961
44	Оттук-Даш III	И. А. Батманов и А. Ч. Кунаа	Конец XI в.	Кызыльский музей	З. Б. Арагачи, 1961	Одиночно	Музей, 1961
45	Саргал-Аксы	З. Б. Арагачи	IX—X вв.?	на месте	Г. Н. Потанин, 1879	У кургана Саргал-Аксы, № 1, М. Х. Маннай-оол, 1961	—
46	Суглуг-Адыр-Аксы	»	Середина X в.	»	Р. С. Хунай-оол, 1962	В оградке, А. Д. Грач, 1962	—
47	Канмыылдыг-Хову	»	IX—X вв. ?	»	З. Б. Арагачи, 1962	З. Б. Арагачи, 1962 (в оградке?)	—
48	Ортаа-Хем	»	Начало X в.	»	А. Д. Грач, 1962	В оградке, А. Д. Грач, 1962	—
49	Ир-Холь (Элегост IV)	Л. Р. Кызласов	Начало X в.	»	Л. Р. Кызласов, 1962	У кургана Ир-Холь, № I, Л. Р. Кызласов, 1962	—

эти современные наречия должны теперь быть сопоставлены в историческом плане с наречиями «э» и «и», зафиксированными на памятниках письменности древних хакасов, тем более, что совпадает даже географическая локализация носителей этих наречий.

Неудивительно, что после разгрома уйгуров в 840 г. и переселения части древних хакасов в Туву [40] в бассейне верхнего Енисея и Хемчика появились памятники, также отражающие наречия северных и южных древних хакасов [41]. При этом, очевидно, основные силы южных хакасов прошли в Монголию, свидетельством чего является известная суджинская (№ 47) древнехакасская стела с надписью на южном «и»-наречии (биртим, мен и пр.) [42], а Тува была поделена между феодалами, преимущественно северохакасскими по происхождению и языку.

Последнее видно по значительному преобладанию среди древнехакасских памятников Тувы надписей на северохакасском «э»-наречии.

Если теперь сопоставить наречия тех памятников, которые составили на основании взаимосвязи тамг выделенные мною группы (рис. 1—5), то увидим, что памятники II (№ 24, 25, 48), IV (№ 14, 19, 20), V (№ 21, 41) и VI (№ 1, 15, 16, 17, 21, 22, 23, 42, 49) группы целиком относятся к «э»-наречию. В III группе лишь один памятник Ир-Холь (Элегест IV) относится к «и»-наречию и «с»-диалекту, в то время как остальные (Элегест I, Элегест II, Элегест III, и Хербис-Баары) все написаны на северном «э»-наречии. А в I группе тамг (рис. 1), кроме восьми северных памятников имеются, по И. А. Батманову, три памятника на южном «и»-наречии (№ 5, 6, 43).

Так как взаимосвязь тамг и генеалогия их являются безусловно доказанными, то все эти тамги и памятники принадлежали феодалам северохакасского происхождения, которые говорили на «э»-наречии. Поэтому большинство их эпитафий написано сородичами на том же языке.

Ввиду того что эпитафии на стелах высекались после смерти героя и, очевидно, писались особыми писцами [43], то, естественно, тексты памятников отражают в первую очередь наречие и диалектные особенности самого писца или резчика текста, а отнюдь не того умершего феодала, от имени и ради которого сделана надпись.

Любопытно в связи с этим, что памятники из I и III групп, написанные на южном наречии, появляются одновременно в начале X в. и только № 5 относится к концу X в. (рис. 1 и 3, см. приложение). Таким образом, с 840 г. (года завоевания Тувы) до начала X в. в Туве преобладали северноязычные древнехакасские писцы и лишь в начале X в. (вероятно, нужно учитывать и возвращение к тому времени части южных хакасов из Монголии) появились древнехакасские писцы, говорившие на южном «и»-наречии.

Все это позволяет сделать вывод, что разница наречий писцов, отраженная в некоторых енисейских надписях, отнюдь не противоречит утверждению по тамгам близкого семейного родства и генеалогической взаимосвязи древнехакасских бегов, которым посвящены надписи. Ведь оба эти наречия употреблялись в письменном литературном языке древних хакасов.

---

[40] Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. Уч. зап. ХНИИЯЛИ, VIII; его же. Этапы средневековой истории Тувы, стр. 78—83.

[41] Собственно чики Тувы писали в VIII—IX вв. на «э»-наречии (судя по их надписям № 2 и 51) — см. Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 98—100.

[42] С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 84—85; И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Ук. соч., стр. 40. Стела в Судже также стояла у древнехакасского каменного кургана, рядом с которым был еще один курган. G. I. Ramstedt, Ук. соч., стр. 3.

[43] С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 44: «Писавший это был Аннгин»; стр. 77: «Шогур — я написал».

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

О ДАТИРОВКЕ ТИПОВ ВЕЩЕЙ ПО ПОГРЕБАЛЬНЫМ КОМПЛЕКСАМ

В современной археологии проблема максимально точных и объективных датировок по-прежнему занимает одно из главных мест. Развитие естественнонаучных методов датировок (по C^{14}, по палеомагнетизму, дендрохронологии и т. п.) не снимает необходимости совершенствования старых традиционных приемов археологических датировок. Для ряда эпох (особенно тех, которые отстоят от нас на сравнительно короткий промежуток времени) методы датировок по радиоактивным изотопам углерода и другие методы физико-химических наук пока неприменимы. Огромное количество археологических памятников и культур не имеет дендрохронологической шкалы или условий для применения какого-либо другого естественнонаучного метода датировки.

Мы возвращаемся в этой статье к старому методу типологического анализа, который, на наш взгляд, в современной археологической литературе безосновательно упрощен и сведен к простому сопоставлению аналогий. В большинстве археологических работ системы датировок строятся на простом подборе аналогий в памятниках, имеющих более или менее определенные даты. Строятся длинные цепи таких аналогий, которые иногда, если проследить ход ассоциаций, оказываются замкнутыми.

А между тем приведенные для отдельных типов вещей датированные аналогии не могут служить сами по себе средством для выделения хронологически определенных типов вещей, таких, которые мы могли бы в свою очередь использовать для датировки комплексов исследуемой культуры и ее этапов. Вполне понятно, что какой-либо тип вещи мог в разных районах иметь разный период бытования. Мы рискуем, ограничиваясь датировкой по аналогиям, допустить существенные ошибки. Поэтому аналогии следует сопоставить с исследованием сопряженности типов вещей, внутри самого материала исследуемой культуры. Необходимо выявить такие группы типов, которые закономерно встречаются вместе, в одних погребениях, и установить, что эти встречи типов происходят потому, что они бытовали в одно время. Так мы получим комплексы приблизительно синхронных типов. Сопоставив эти комплексы с находками хорошо датирующих вещей (например, монет), мы сможем абсолютно датировать каждый из этих комплексов, превратив таким образом типы вещей, входящие в каждый комплекс, в средство для датировки погребений.

Таков общий ход построения системы датировок по погребальным комплексам. Он не нов по своей идее. Такой метод в общей своей форме применялся рядом исследователей, например А. В. Арциховским[1] и С. В. Киселевым[2]. Этот метод основан на том допущении, что если мы наблюдаем частую встречаемость двух типов вещей вместе в каком-либо единовременном комплексе, то можно предположить приблизительную

[1] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 129 сл.
[2] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 192 сл.

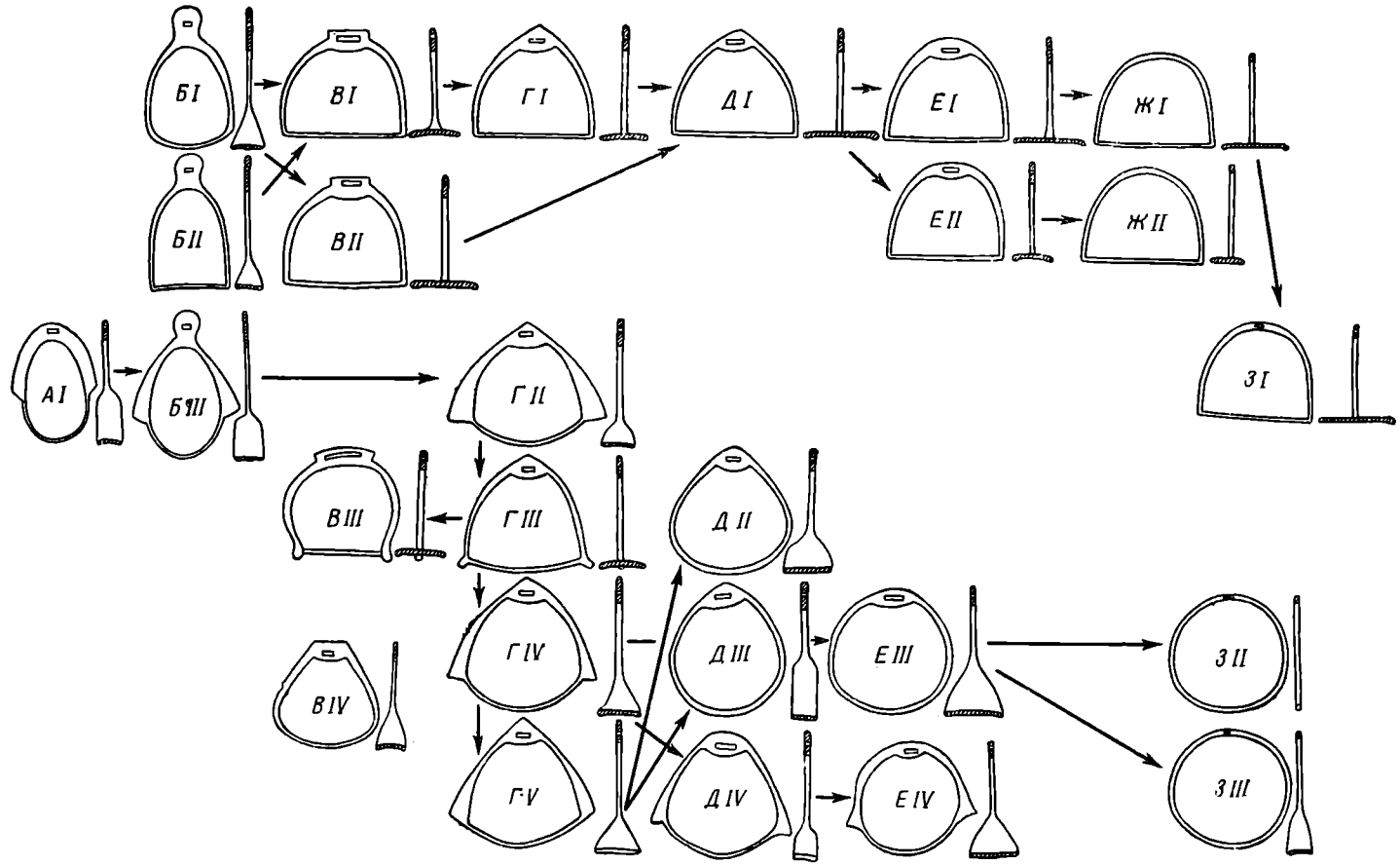


Рис. 1. Стремена

синхронность этих типов. Отсюда, если тип «А» часто встречается с типом «Б», а тип «Б» часто встречается с типом «В», можно предположить синхронность типов «А» и «В». Возникает возможность строить цепи взаимосвязанных типов, приблизительно относящихся к одному времени, одному периоду.

Таким образом, только тогда, когда даты аналогий вещей подтвердятся установленными внутри самой исследуемой культуры устойчивыми связями, которые разобьют материал на группы типов, соответствующих

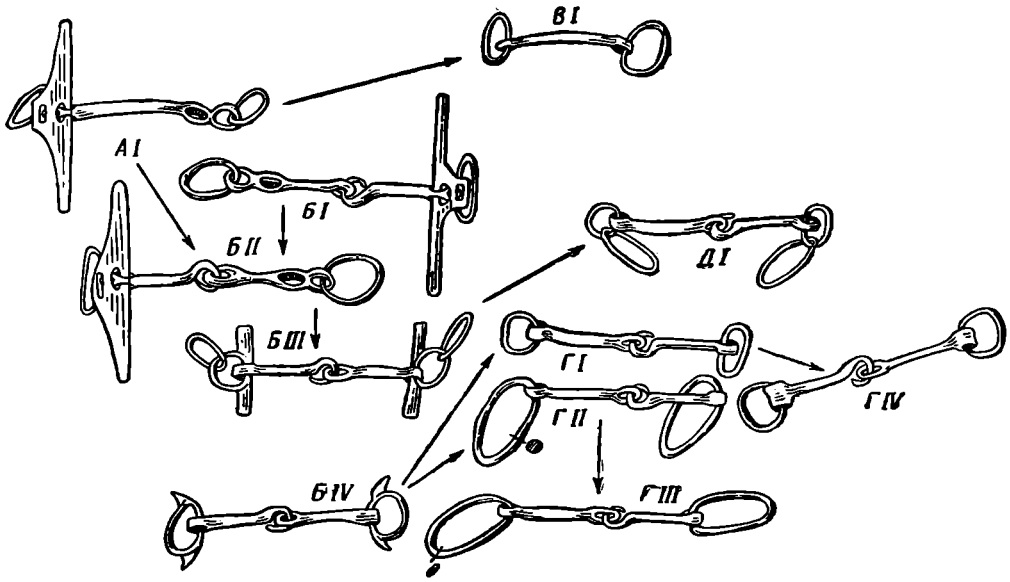


Рис. 2. Удила

хронологическим периодам,— только тогда эти аналогии можно использовать для точных датировок.

Возьмем в качестве примера культуру средневековых тюркоязычных кочевников Восточной Европы (печенегов, торков и половцев). Мы избрали именно этот материал по следующим соображениям: 1) в этой культуре нет памятников с четкой стратиграфией, которые могли бы дать хотя бы относительные даты; 2) к ней пока что не применимы методы физики, химии и биологии для решения вопросов датировок; 3) в настоящее время известно более 1000 позднекочевнических погребений, которые дают достаточно надежное статистическое основание для применения типологического метода в полном объеме.

Наибольшее значение для датировок имеют в нашем материале предметы оружия и конской сбруи. Это наиболее массовые категории вещей, дающие большие серии предметов местного, степного производства. Выберем четыре категории вещей: стремена, удила, стрелы и костяные орнаментированные накладки на колчаны, и построим системы их типологической классификации. При этом мы будем выделять отделы по каким-то кардинальным, определяющим внешний вид вещи признакам, а типы — по деталям формы.

Классифицируя стремена, мы определяем отделы по верхней части стремени (по петле для путалища), а типы — по нижней части (по подножке). Не вдаваясь в детали, мы даем эту классификацию на рис. 1 в виде эволюционного ряда стремян, в котором развитие идет от округлой, отделенной от дужки петли (отдел «Б») через невысокую прямоугольную петлю (отдел «В») к арочной дужке с прорезью (отдел «Е»). Направление ряда можно в некоторых случаях установить по рудимен-

там (остатки боковых лопастей в виде выступов стремян у типа ГIII и ГIV).

При классификации удил (рис. 2) мы берем для выделения отделов устройство удил (наличие псалий и перегиба у стержня удил), а для выделения типов — форму псалий и колец для ремней. И здесь удается наметить некоторый эволюционный ряд типов от сложных удил с псалиями

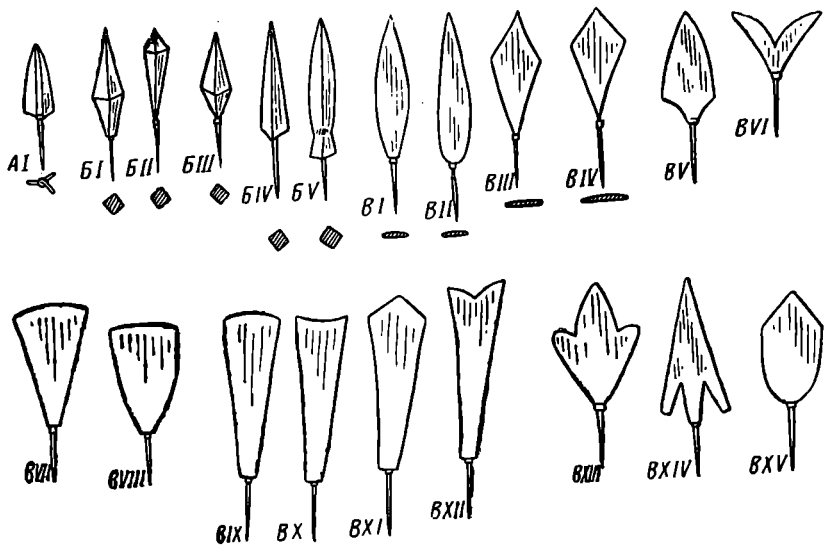


Рис. 3. Стрелы

и кольцами (отдел «А» и «Б») к простым удилам с одной парой колец (отдел «Г»).

Классификация железных стрел (рис. 3) строится на двух признаках: поперечное сечение (отделы) и продольное сечение (типы).

Все костяные накладки с орнаментом для колчанов (рис. 4) настолько стилистически близки друг к другу, что они составляют, по нашему мнению, один тип.

Мы можем подобрать большое количество аналогий почти для каждого выделенного типа в других синхронных культурах. Какое же значение на данном этапе нашей работы имеют аналогии?

1. Они показывают ареал типа. Оказывается, что все типы в степях имели широкий ареал и не могли быть специфически местными, узко локальными признаками.

2. Они подтверждают построенные типологически эволюционные ряды. В целом типы, расположенные в начальных звеньях рядов стремян и удил, имеют более ранние аналогии, чем типы, расположенные в конечных звеньях.

3. Они указывают на приблизительную длительность бытования типа. Мы можем на основании аналогий указать типы, живущие очень долго (например, удила типа ГI и ГII, стрелы типов AI, БI — БIII, BI, BII, BIII, BVI, BVII, BXII).

Составив классификацию типов вещей, мы еще не можем сказать, как датируются сами типы в культуре поздних кочевников. Для этого нужно исследовать взаимовстречаемость типов в комплексах, т. е. в самих кочевнических погребениях: изучение взаимовстречаемости представляет собой статистическое исследование. Мы должны в это исследование ввести какой-то критерий, показывающий, в каких случаях встречаемость типов является случайной, а в каких она выражает закономерную связь.

Если мы возьмем два типа предметов, то отношение числа их совместных находок ко всему числу погребений с этими категориями вещей (т. е. возможных случаев их совместных находок) будет выражать час-

тость явления. Последняя должна примерно соответствовать его вероятности. Ведь вероятность события и есть та относительная частота, с которой интересующее нас событие наступает при большом количестве повторений опыта. В данном случае нас интересует, с какой вероятностью наступает событие АВ, состоящее в совместном нахождении в одном погребении типа А и типа В, при повторении опыта (т. е. при рассмотрении

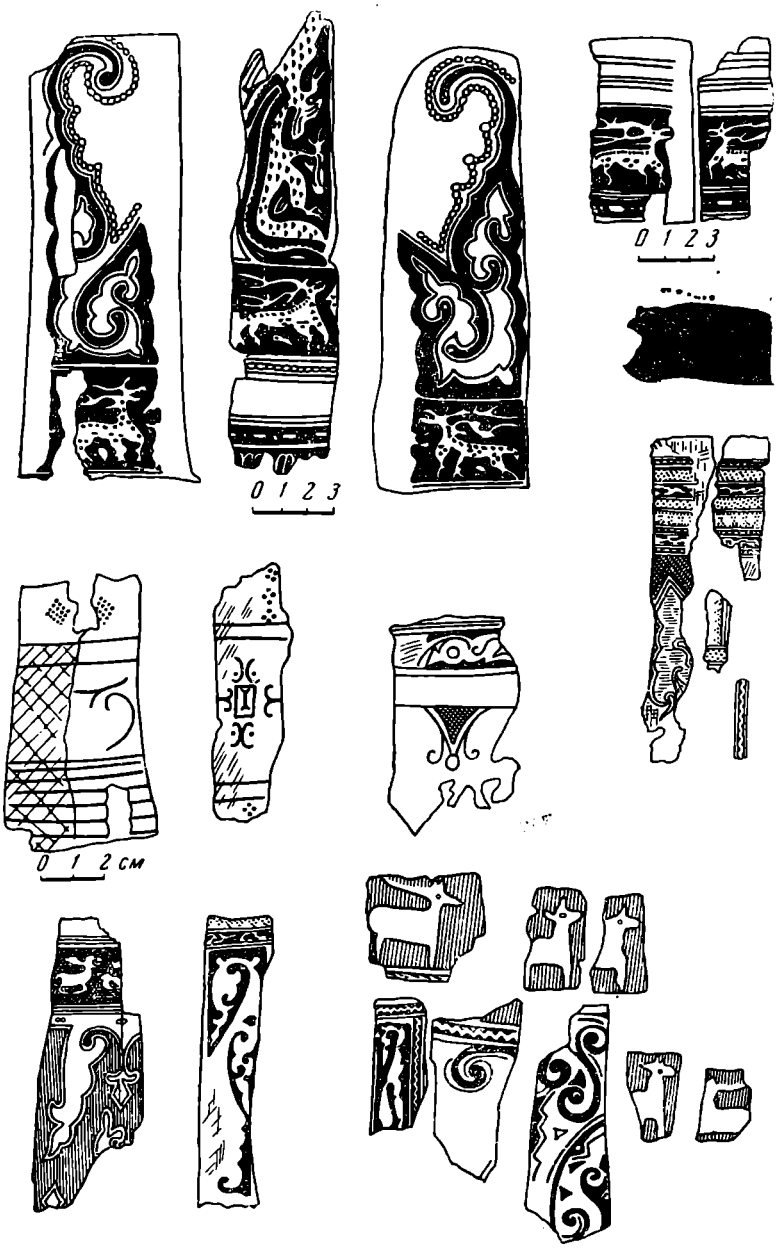


Рис. 4. Накладки на колчан с орнаментом

одного за другим погребений, в которых содержатся вещи тех категорий, к которым принадлежат типы А и В, и, следовательно, имеется возможность наступления события АВ). Как определить вероятность попадания в одно погребение типов А и В? Эта вероятность будет равна произведению вероятностей находки каждого этого типа в отдельности. Последняя величина будет примерно равна отношению всего количества вещей данного типа к числу погребений с предметами всех определенных типов этой категории, как возможных случаев находки типа. Мы получим, та-

ким образом, две величины — наблюденная частость явления и гипотетическая вероятность, вычисленная при предположении, что встреча двух типов в одном погребении — случайное событие, а сами типы не связаны друг с другом. Если частость больше вероятности, то очевидно, что между типами установлена связь (сопряженность). Если частость примерно равна вероятности, то между типами нет связи (сопряженности) и попадание двух типов в одно погребение — события независимые. Если, наконец, частость меньше вероятности, то между типами имеется отрицательная связь, т. е. какие-то причины разъединяют типы А и В, не дают им встретиться в одном погребении.

Если установлена связь (сопряженность) типов, то понятно, что эта связь объясняется единовременностью существования типов вещей. Синхронность как бы сближает пары типов, делая частоту попадания их в одно погребение больше теоретической величины вероятности этого события.

Как оценить это расхождение частости и теоретической вероятности, чтобы отобрать только закономерные случаи расхождений?

Обратимся к методам математической статистики, основанной на теории вероятностей.

Типы «А» и «В» имеют определенное количество встреч (событие АВ) в одном погребении (m_{ab}). Отношение числа погребений с типом «А» (a) ко всем погребениям с этой категорией (n_a) вещей дает вероятность $\left(p_a = \frac{a}{n_a}\right)$ попадания именно типа «А» в погребение с данной категорией вещей. Подобным образом определяется и $p_b = \frac{b}{n_b}$. Возьмем число погребений, где есть обе категории, к которым относятся типы «А» и «В» (n_{ab}). Произведение $p_a \cdot p_b = p_{ab}$ дает вероятность совместного наступления событий «А» и «В», т. е. совместная находка обоих типов в одном погребении.

Если среди n_{ab} погребений, содержащих обе категории вещей, к которым относятся типы «А» и «В», имеется m_{ab} погребений с совместной находкой типов «А» и «В», то отношение $\frac{m_{ab}}{n_{ab}}$ дает частость наступления интересующего нас явления. Остается сопоставить две величины: $p_{ab} = p_a \cdot p_b = \frac{ab}{n_a n_b}$ — теоретическая (гипотетическая) вероятность одновременной находки типов «А» и «В» в погребении («ожидаемая частость» явления при допущении, что типы «А» и «В» независимы); $\frac{m_{ab}}{n_{ab}}$ — действительная частость того же явления.

Мы будем иметь дело с близким к нормальному распределению величины $\frac{m_{ab}}{n_{ab}}$ в случае, если типы «А» и «В» взаимонезависимы и на отклонения этой величины от ожидаемой воздействует множество случайных причин. При выборке из n_{ab} элементов (число погребений с обеими категориями) вероятность события АВ будет иметь квадратическое отклонение:

$$\sigma = \sqrt{\frac{p_{ab}(1 - p_{ab})}{n_{ab}}}.$$

Двукратное превышение величиной σ разности между действительной частостью события АВ и ожидаемой ее величины по теории выборки математической статистики свидетельствует о том, что с точностью 95% мы можем говорить о наличии связи между событиями «А» и «В». Трехкратное превышение повышает надежность до 98% (правило трех сигм) [3].

---

[3] Дж. Э. Юл, М. Дж. Кендэл. Теория статистики. М., 1960, стр. 439—448.

Таким образом, мы можем ввести критерий k:

$$k = \frac{\frac{m_{ab}}{n_{ab}} - p_{ab}}{\sqrt{\frac{p_{ab}(1 - p_{ab})}{n_{ab}}}} \geqslant 2.$$

Другой вопрос, возникающий при группировке типов в синхронные комплексы, состоит в следующем: все ли типы вещей могут объединять типы, по отдельности связанные с ними, но не связанные между собой? Здесь мы должны исходить из того, что распространение какого-либо типа во времени, как показали наблюдения археологов, происходит по законам нормального распределения. Вначале тип появляется в незначительном числе экземпляров, затем число его образцов увеличивается, в какой-то период достигает максимального уровня и затем уменьшается. Кривая роста и убыли числа экземпляров типа в период его бытования имеет вид симметричной кривой, если исчезновение или возникновение типа не объясняется каким-либо внешним обстоятельством.

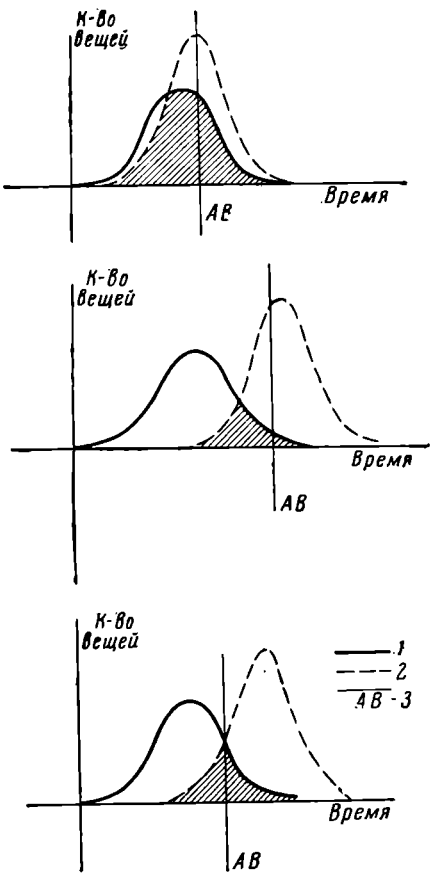


Схема 1. Графики, иллюстрирующие различные случаи взаимовстречаемости двух типов в погребении

1 — график типа А, *2* — график типа В, *3* — место погребения с типами А и В (событие АВ) во времени

Понятно, что встречаемость типов в одном комплексе объясняется тем, что по времени погребение расположено на том участке оси абсцисс, которому соответствует перекрещивание двух таких кривых (схема 1).

Погребение может лежать как на участке оси абсцисс, соответствующем совмещению тех частей графиков, которые относятся к периоду максимального распространения типов (1), так и в той области, которая соответствует совмещению либо максимальной распространенности одного типа и сокращенной уже распространенности другого типа (2), либо в области сокращенных распространенностей обоих типов (3). В первом случае погребение будет приходиться на тот отрезок времени, когда оба типа «А» и «Б» были в периоде максимальной распространенности, во втором случае — на тот период времени, когда один тип начал уже выходить из употребления, в третьем случае — один тип вещей уже выходил из употребления, а другой только появлялся в обиходе. Чем ближе вершины кривых, тем больше уверенности в их синхронности; чем дальше эти вершины, тем такая уверенность меньше. И, наконец, при большом расхождении вершин кривых, отражающих распространение во времени типов, мы вообще должны отказаться от синхронизации этих типов.

В нашем материале нет таких возможностей изучения истории вещевых типов, как, например, в Новгороде. Мы не можем строить графики, показывающие распределение типа по периодам. Потому и вводится строгий математический критерий. Встречаемость типов должна быть при-

знана случайной (расхождение вершин кривых типов должно быть достаточно большим, чтобы отказаться от синхронности этих типов) в том случае, когда в построенных нами таблицах критерий k не достигает избранного нами уровня (порога). И наоборот, встречаемость типов признается закономерной (расхождение кривых типов должно быть признано достаточно малым, чтобы провести синхронизацию этих типов), когда в построенных нами таблицах критерий превышает избранный нами уровень. Как мы указали, этим уровнем может быть признано для k число 2.

При группировке синхронных типов некоторые типы выполняют роль «объединяющих». С ними связаны по отдельности другие типы. Мы должны предъявлять таким «объединяющим» типам особо строгие требования. Во-первых, эти типы не должны отличаться чересчур длительным периодом своего бытования. По аналогиям можно хотя бы примерно судить о степени длительности бытования тех или иных типов. Во-вторых, эти типы не должны объединять типы вещей, стоящие на разных концах эволюционного ряда. Даже когда мы не знаем длительности бытования типа, если он объединяет типы, далеко стоящие друг от друга по эволюционному ряду, то такой тип должен быть исключен из числа типов-«объединителей», так как, видимо, его хронологический диапазон был слишком велик. В-третьих, большое значение имеет наблюдение над отрицательными показателями связи, говорящими о том, что между данной парой типов закономерно отсутствует встречаемость и, следовательно, во времени эти типы далеко отстоят друг от друга. В том случае, если какой-либо тип вещи объединяет эти два закономерно не встречающихся между собой типа, он также должен быть исключен из числа «объединяющих» типов как слишком долговечный.

При избранной нами системе подсчета в нашем показателе сопряженности нет никаких элементов связи между самими категориями вещей. Известно, что в силу половых, имущественных или возрастных отличий погребенных в некоторых случаях подбор вещей в могилах различен. Поэтому некоторые вещи преимущественно встречаются с определенными категориями других вещей. Но так как мы частоту встречаемости типа определяем по отношению только к этой категории, а теоретически ожидаемое число встреч пары типов определяем относительно общего количества встреч только этих категорий, то все элементы связи

Таблица 1

Событие AB		a	n_a	$p_a = \frac{a}{n_a}$	b	n_b	$p_b = \frac{b}{n_b}$	$p_{ab} = p_a p_b$	n_{ab}	m_{ab}	$\frac{m_{ab}}{n_{ab}}$	k
Тип A	Тип B											
Стремя AI	Стремя БI	3	179	0,017	22	179	0,123	0,0021	80	1	0,0125	2,1
» AI	» БIII	3	179	0,017	2	179	0,011	0,0002	80	1	0,0125	8,0
» AI	Удила БIV	3	179	0,017	2	163	0,012	0,0003	84	1	0,0119	1,9
» AI	» ГI	3	179	0,017	69	163	0,423	0,0072	84	1	0,0119	0,5
» AI	» ГII	3	179	0,017	33	163	0,202	0,0034	84	2	0,0238	3
» AI	Стрела БI	3	179	0,017	2	139	0,013	0,0002	62	1	0,0161	8,9
» БI	» БII	22	179	0,123	7	139	0,050	0,0062	62	1	0,0161	0,99
» БI	Удила БI	22	179	0,123	10	163	0,061	0,0075	84	3	0,0357	3,0
» БI	Стрела AI	22	179	0,123	4	139	0,029	0,0036	62	1	0,0161	1,7
» БI	Удила BI	22	179	0,123	47	163	0,289	0,0356	84	3	0,0357	6,05
» БI	» ГI	22	179	0,123	69	163	0,423	0,0520	84	5	0,059	0,3
» БI	» БII	22	179	0,123	3	163	0,018	0,0022	84	1	0,0119	2
» БI	Стрела BII	22	179	0,123	62	139	0,374	0,0042	62	5	0,0806	9,1
» БI	» BI	22	179	0,123	30	139	0,216	0,0266	62	3	0,0484	1
» БI	» БIII	22	179	0,123	10	139	0,071	0,0087	62	1	0,0161	0,6
» БII	Стремя ГI	2	179	0,011	11	179	0,062	0,0007	80	1	0,0125	3,9
» БII	Удила BI	2	179	0,011	47	163	0,289	0,0033	84	1	0,0119	1,2

между категориями вещей в наших подсчетах устранены. Поэтому связь, оцененная по нашим подсчетам, отражает только хронологическую связь типов.

Рассмотрим связь между типами сбруи и оружия: для группировки по синхронным группам на основании взаимной встречаемости в одних комплексах мы взяли наиболее часто встречающиеся в погребениях четыре категории: стремена, удила, стрелы и орнаментированные накладки на колчан.

Разумеется, виды таблиц, в которые могут быть сведены наблюдения над взаимовстречаемостью, могут быть различны. Часто используют для этой цели таблицы типа «турнирной». Но в такой таблице нет места для того, чтобы показать все расчеты по определению критерия. В них можно лишь записать полученные значения критерия.

Мы предлагаем следующие виды таблицы, где в конце строки записаны все данные о взаимовстречаемости одной пары типов (табл. 1).

Между собой стремена имеют следующие значимые связи:
1. АI — — — — БI, АI — — — — БIII. 2. БII — — — — ГI, ГI — — — — ГII, ГI — — — — ГIII, ГII — — — — ГIII. 3. ДIII — — — — ЖII, ДIII — — — — ЗII. 4. ВIII — — — — ДII.

«Объединяющими» типами в данном случае являются стремена АI, ГI и ДIII, удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к этим типам.

Рассмотрим значимые (где $k \geqslant 2$) связи между удилами и стременами (табл. 2).

Таблица 2

Удила	Стремена									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	АI, БI, БIII	БII, ГI, ГII, ГIII	ДIII, ЖII, ЗII	ВIII, ДII	ГV	ДI	ЕI	ЖI	ЕIII	ДIV
АI										
БI	+									
БII	+									
БIII										
БIV						+	+			
ВI		+					—			
ГI		+		+	+		+			+
ГII	+								+	
ГIII				+						
ГIV							+			
ДI								+		

Примечание. Знак + означает наличие положительной связи между типами, знак — означает наличие отрицательной связи.

На роль типов-«объединителей» здесь претендуют следующие типы удил: БIV, ГI, ГII. Удила ГI и ГII имеют очень широкий хронологический диапазон и объединяют поэтому группы типов, отстоящие очень далеко по эволюционному ряду стремян друг от друга. Они отпадают. Тип БIV объединяет соседние типы стремян ЕI и ДI. Эту группировку стремян по связи с общим типом удил БIV мы можем принять.

Отметим, что начальные типы ряда стремян сопряжены с начальными типами ряда удил, срединные типы ряда стремян — со срединными типами ряда удил и, наконец, конечные типы ряда стремян — с конечными типами ряда удил. Как показал еще О. Монтелиус [4], сопоставление параллельных эволюционных рядов весьма существенно для построения си-

[4] O. Montelius. Die ältere Kulturperioden in Orient und Europa, I, Die Methode. Stockholm, 1903.

стемы датировок. Мы располагаем группы в соответствии с местом входящих в них стремян и удил в эволюционных рядах этих двух категорий. Таким образом, создается уже некоторая возможность относительной датировки выделенных групп типов.

Рассмотрим значимые связи между стременами и удилами, с одной стороны, и стрелами и орнаментированными накладками на колчан — с другой (табл. 3).

Таблица 3

Стрелы	1	2	3	4	5	6, 7	8	9	10	11
	Стремена AI, БI, БIII, удила, БI, БII	Стремена БII, ГI, ГII, ГIII, удила BI	Стремена ДIII, ЖII, ЗII	Стремена BIII, ДII, удила ГIII	Стремена IV	Стремена ДI, EI, удила, БIV, ГIV	Стремена ЖI, удила ДI	Стремена EIII	Стремена ДIV	Стремена BIV
AI	+	+								
БI	+			+						
БII	+	+		+	+	+				
БIII	+					+	+			
БIV		+								
БV										
BI	+			+				+		+
BII										
BIII	+	+			+				+	+
BIV										
BV			+							
BVI										
BVII										
BVIII										
BIX				+						
BX				+		+	+			
BXI				+		+	+			
BXII							+			
BXIII							+			+
BXIV							+			
BXV										
Орнаментированные накладки колчанов						+		+		

Стрелы типа AI, объединяющего 1-ю и 2-ю группы, а также типы BI, BIII, BV, BVI имели широкий хронологический диапазон (судя по аналогиям).

Стрелы типов БI, БII, БIII, BI, BIII объединяют группы, далеко отстоящие в эволюционном ряду стремян или удил (т. е. несоседние в этом ряду группы типов). Типы стрел БII объединяют 2, 6, 7-ю группы, между типами которых имеются отрицательные показатели связи между стременами EI и удилами BI.

Все эти, видимо, долговечные типы, таким образом, должны быть исключены из числа «объединяющих» типов. Остаются типы стрел BX и BXI, которые объединяют группы 4, 6, 7, 8 и 11 и, судя по аналогиям в Восточной Европе, встречаются только в комплексах XIII—XIV вв. Их мы можем признать «объединяющими» типами.

Рассмотрим связи между стрелами и орнаментированными накладками на колчан. Последние, кроме типов хронологически длительных, имеют значимые связи со стрелами типа BVII, BX, BXI. Это подтверждает правильность нашего объединения групп по стрелам типов BX, BXI. Эти типы стрел сами оказываются объединенными одним типом орнаментированных накладок, которые, судя по их стилистическому единству и аналогиям в датированных комплексах, бытовали сравнительно недолго в XIII—XIV вв. Орнаментальные накладки на колчан объединяют группу 6, 7 и группу 9.

Кроме того, имеются существенные связи между следующими типами стрел:

AI — BV, БI — БII, БII — BIII, БII — BXI, БIII — БV, BI — BV, BI — BVI, BI — BVII, BII — BV, BIII — BX, BXI — BXV, BVI — BXIII, BVI — BXV, BIX — BX, BIX — BXI, BIX — BXIII, BIX — BXIV, BX — BXV, BXI — BXII, BXI — BXIII, BXI — BXIV, BXI — BXV, BXIII — BXV.

Исключим пары, в которые входит хотя бы один тип, имеющий длительный период бытования (типы AI, БI — БIII, BI, BII, BIII, BV, BVI,

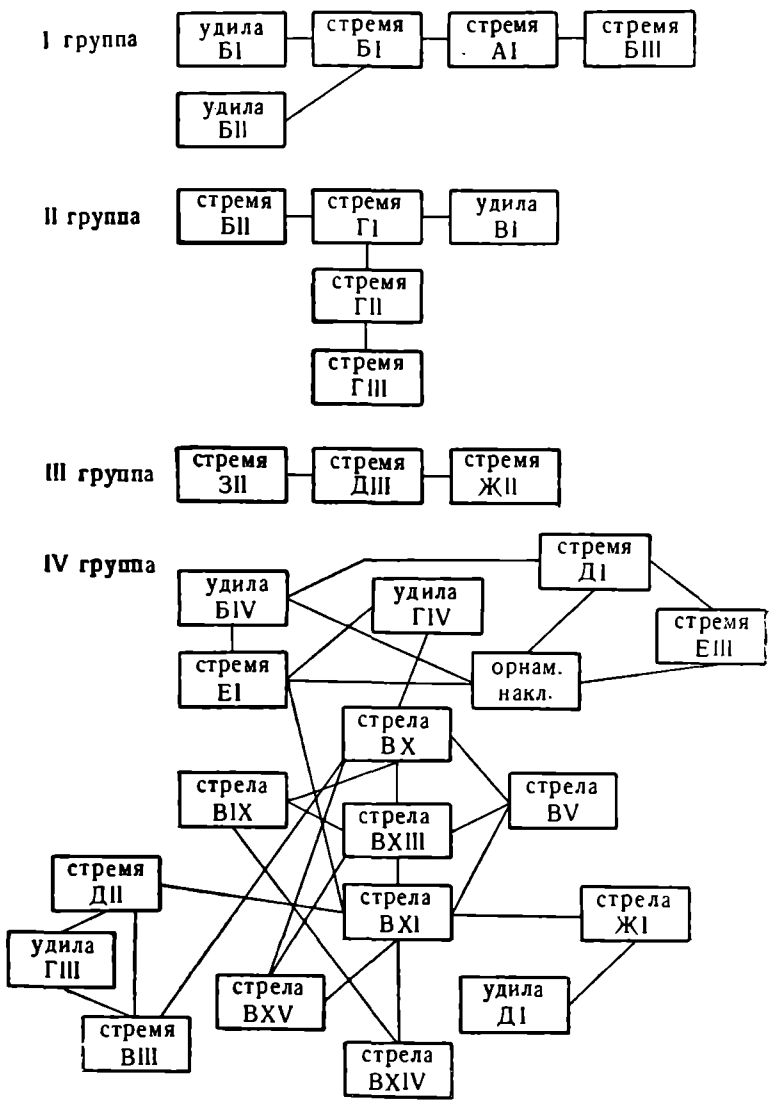


Схема 2. Связи типов четырех групп

BVII, BXII). Остаются связи, которые объединяют между собой стрелы типа BIX, BX и BXI. Это подтверждает наше объединение групп удил и стремян. Кроме того, с этими типами связаны и типы стрел BXIII, BXIV и BXV.

Эти комплексы являются основой для всей дальнейшей работы. Именно типы оружия и сбруи, наиболее массовые в обиходе поздних кочевников, дают наиболее надежные датировки (предметы оружия и воинского снаряжения в других археологических культурах обычно являются также основой датировок).

Еще раз вернемся к вопросу об объединении несвязанных типов путем установления их связи с каким-либо третьим типом. Полученные нами группы взаимосвязанных типов следует проверить: не образуют ли они цепочку связей, вытянутую в одну линию и не имеющую перекрестных или замкнутых связей. Вполне понятно, что в таком случае синхронность всей группы типов вызывает сомнение, так как слишком уда-

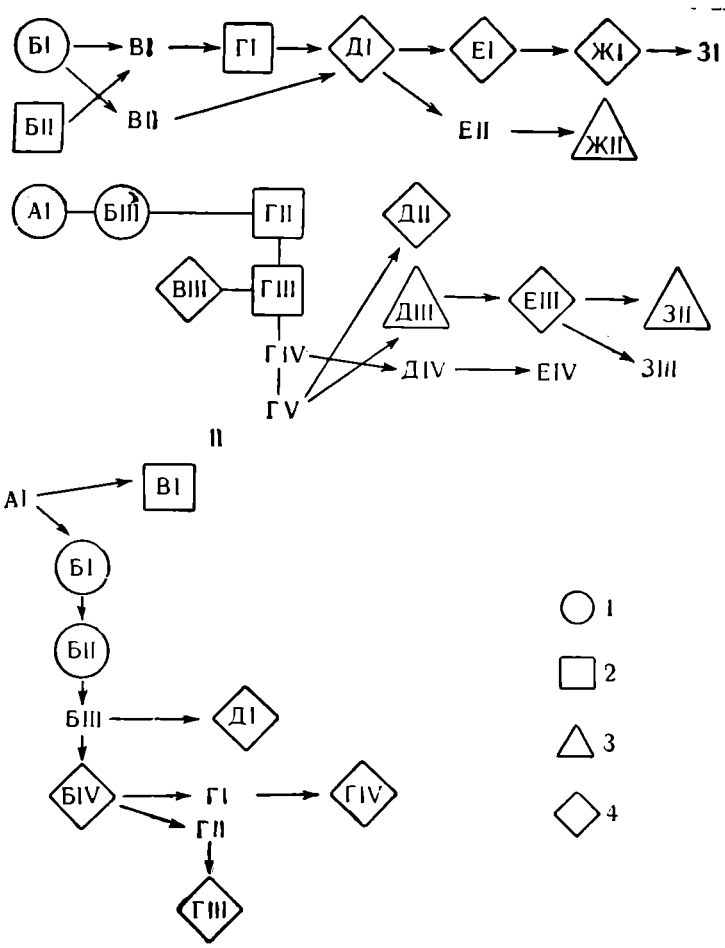


Схема 3. Эволюционные ряды стремян и удил

I — стремена, *II* — удила; *1* — I группа, *2* — II группа, *3* — III группа, *4* — IV группа

ленные друг от друга звенья этой цепи связи могут отличаться существенно и по времени (схема 2).

При нашей группировке типов наиболее удаленные в цепи связей типы отделяются друг от друга не более чем четырьмя промежуточными типами. При достаточно строгом критерии ($k \geqslant 2$), примененном нами для отбора значимых корреляционных связей, это число промежуточных звеньев нам представляется допустимым.

Далее следует проверить соответствие выделенных групп эволюционными рядами стремян и удил (схема 3). Стремена и удила I группы оказались начальными звеньями эволюционного ряда. Стремена и удила II группы оказались в этих рядах правее типов I группы. Стремена и удила III и IV групп заняли крайние справа звенья рядов. Это говорит о том, что расположение групп в порядке I, II, III и IV, видимо, соответствует их действительному хронологическому порядку.

Стремена и удила III группы занимают в эволюционном ряду неопределенное положение. Некоторые составляют конечные звенья ряда стремян (стремена ЖI и ЗII), другие — звенья, стоящие левее стремян

IV группы (стремена ДIII). Это указывает на то, что по времени стремена III группы, будучи промежуточным звеном между вещами II и IV групп, частично захватывали время бытования типов IV группы.

Дальнейшее объединение групп на основе установления связей типов, входящих в разные группы, с одним каким-либо типом другой категории было бы опасным. Во-первых, другие категории (шлемы, сабли и т. п.) имеют меньшее число экземпляров, их типы были менее распространены и потому на наши построения может оказать слишком сильное влияние элемент случайности. Во-вторых, объединив любую пару групп, мы получим увеличение расстояний между наиболее отдаленными типами вещей, связанных посредством двух-трех промежуточных типов. А это делает синхронность всей цепи типов, всей группы сомнительным.

Отметим, что связи между типами, которые мы объясняем совпадением периодов их бытования, т. е. причиной хронологической, не являются связями этническими или локальными. Все учтенные типы имеют очень широкий ареал, который исключает принадлежность какого-либо типа к узкой локальной или этнической группе памятников.

Теперь необходимо определить абсолютные даты всех четырех групп-периодов. Это возможно сделать, отметив случаи находок монет с вещами выделенных типов и приведя аналогии сгруппированным типам в абсолютно датированных памятниках.

Монеты VII, XI и XII вв. были три раза найдены в погребениях с типами вещей I группы. Типы I группы имеют следующие аналогии: стремена АI — в памятниках XI—XII вв.[5]; стремена БI — в памятниках VIII—X вв.[6]; стремена БIII — в памятниках IX—X вв.[7]; удила БI и БII в памятниках VIII—X вв.[8].

В погребениях II группы монет не обнаружено. Типы II группы имеют следующие аналогии: стремена ВII — в памятниках XII — начала XIII в.[9]; стремена ГI — ГIII — в памятниках XIII — начала XIV в.[10].

В погребениях III группы монет не обнаружено. В погребениях IV группы найдены 11 раз джучидские монеты конца XIII—XIV в. Типы IV группы имеют следующие аналогии: стремена ЕI в памятниках XIV в.[11]; стремена ЕIII, ЖI — в памятниках XII—XIV вв.[12]; удила

---

[5] Р. К. Куликаускене. Погребения с конями у древних литовцев. СА, XVII, 1953, стр. 221; Литовское народное искусство. Вильнюс, 1958, стр. 358, № 556; N. Fettich. Die Metallkunst der Landnehmenden. Ungarn. Budapest, 1937, табл. LXXII, *35*.

[6] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, 1958, стр. 122, 132; С. С. Сорокин. Железные изделия Саркела-Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 148, 149, 191, 192; Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака. СА, XXII, 1955, табл. II; М. К. Каргер. Древний Киев, I, М., 1958, стр. 182, рис. 29; Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА. 11, 1949, стр. 35, рис. 9; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары. М., 1964, табл. IX.

[7] N. Fettich. Ук. соч., табл. LXVII.

[8] Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951, рис. 2; С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 192, 193, 149, 150; М. Ф. Жиганов. Старший Кужендеевский могильник в долине р. Теша, СА, 1959, 1, рис. 5, *4*; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., табл. IX; J. Hampel. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. I. Braunschweig, 1905, стр. 246—250; Р. К. Куликаускене. Ук. соч., стр. 217—218; В. А. Грінченко. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. «Археологія», III, Київ, 1950, табл. I, *5*, *6*.

[9] В Изяславле, раскопки М. К. Каргера.

[10] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 185; С. К. Кабанов. Погребение воина в долине р. Кашка-Дарья. СА, 1963, 3, стр. 237 (датировка комплекса необоснованно занижена); в Изяславле, раскопки М. К. Каргера.

[11] В Новом Сарае (Эрмитаж, Сар.— № 739); А. Е. Алихова. Муранский могильник и селище. МИА, 42, 1954, стр. 268, рис. 10, *2*; в Увеке (Саратовский музей № 1040).

[12] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научн. изв. Смоленского ГУ, 3, вып. 3, 1926, стр. 268, рис. 20, *2*; А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 188, рис. 22, *6*.

ГIII — в памятниках конца XII — начала XIII в. [13]; стрелы BIX — в памятниках XIII—XIV вв. [14]; стрелы BXI — в памятниках XIII—XV вв. [15]; стрелы BXIII — в памятниках XIII—XIV вв. [16]; орнаментированные накладки в памятниках XIII—XIV вв. [17].

Таким образом, типы I группы закономерно встречаются с монетами и имеют аналогии X—XII вв.; типы II группы имеют аналогии XII — начала XIII в.; типы III группы имеют аналогии конца XII — начала XIII в.; типы IV группы закономерно встречаются с монетами и имеют аналогии конца XIII—XIV в.

Установленная на основании эволюционного ряда последовательность групп подтверждается прекрасно. Приблизительно выделенные четыре комплекса вещей мы можем отнести к следующим отрезкам времени: I группа — X — XI вв.; II группа — XII в.; III группа — конец XII — начало XIII в.; IV группа — вторая половина XIII—XIV в.

В итоге мы получаем список типов, которые имеют достаточно точные и узкие даты.

I период (X — конец XI в.); стремена типов AI, БI, БIII; удила типов БI и БII.

II период (XII в.): стремена типов БII, ГI, ГII, ГIII; удила типа BI.

III период (конец XII — начало XIII в.): стремена типов ДIII, ЖII, ЗII.

IV период (конец XIII—XIX в.): стремена типов BIII, BIV, ДI, ДII, EI, EIII, ЖI; удила типов БIV, ГIII, ГIV, ДI; стрелы типов BIX — BXI, BXIII — BXV; орнаментированные накладки на колчан.

Остается исследовать распределение типов остальных категорий вещей по выделенным нами четырем периодам. Можно применить тот же критерий для оценки встречаемости того или иного типа в определенный период. Но крайнее значение критерия, при котором еще возможно случайное попадание вещи того или иного типа в какой-либо период и после которого можно говорить о наличии определенной закономерной связи между типом и хронологическим периодом, следует повысить. Дело в том, что распределение типов по периодам происходит на основании встреч определенной вещи с типами, выделенными в наши четыре периода. А так как при этом цепочка синхронизируемых типов вещей удлиняется, то необходим более строгий критерий для отбора закономерных связей, чтобы длительность того периода, в пределах которого типы признаются синхронными, не увеличивалась чрезмерно. Мы принимаем все значения k бóльшие 3 за показатель закономерной встречаемости типа в определенный период, т. е. за свидетельство о решительном преобладании типа в

---

[13] В Изяславле, раскопки М. К. Каргера; во Вщиже, раскопки Б. А. Рыбакова, ГИМ, оп. 1149, № 91708, хр. VIII, 69/9а; в Болгарах, раскопки А. П. Смирнова, ГИМ. хр. 25/366.

[14] В Каракоруме, раскопки С. В. Киселева; в русских городищах, разрушенных татарами. Р. О. Юра. Древний Колодяжин. АП, IV, 1950, рис. 35; В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XII, *1—5*; А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 49, 1955, стр. 184, рис. 143, *13, 18*; А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 166; Археологическая карта Казахстана, III, Алма-Ата, 1960, 87, 88.

[15] А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 167, рис. 13, *32*; стрелы типа BXI найдены в Болгарии близ г. Варны на месте битвы 1440 г. (в экспозиции музея в Варне).

[16] А. Л. Монгайт. Ук. соч., стр. 184, рис. 143, *16*; в Новом Сарае, раскопки Г. А. Федорова-Давыдова. Стрелы типа XIII распространены были в Сибири и в более ранние эпохи (это так называемые «пламевидные» стрелы); в Восточную Европу они попали, видимо, с монголами и встречаются особо часто на русских городищах, разрушенных монголами в XIII в.

[17] А. П. Окладников. Древнемонгольский портрет, надпись и рисунок на скале у подножья горы Богдо-уула. Монгольский археологический сборник. М., 1962; в Наровчате, раскопки А. Е. Алиховой в 1959 г.; М. Ф. Жиганов. Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей мордвы в XIII—XVI вв. Сб. «Из древней и средневековой истории мордовского народа». Саранск, 1959, стр. 154, рис. 64; на городище Верхний Джулат, раскопки В. А. Кузнецова; Л. В. Алексеев. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии. СА, 1962, 4.

определенный период, при котором встречаемость этого типа в другие периоды можно признать случайной.

Не вдаваясь в подробности классификации множества категорий вещей, для которых здесь нет места, приведем в качестве образца начало таблицы (табл. 4) распределения типов по выделенным четырем периодам. В таблице в скобках дается значение критерия.

Таблица 4

Тип А	a	n_a	$p_a = \frac{a}{n_a}$	n_{ab}	В			
					I группа $b = 36$ $n_b = 287$ $p_b = 0{,}125$	II группа $b = 63$ $n_b = 287$ $p_b = 0{,}220$	III группа $b = 9$ $n_b = 287$ $p_b = 0{,}031$	IV группа $b = 179$ $n_b = 287$ $p_b = 0{,}624$
Сабли AII	8	20	0,400	15	—	2(0,7)	—	3(—0,5)
» БI	4	20	0,200	15	1(—1,1)	—	—	—
» БI	3	20	0,150	15	—	—	—	1(0,07)
» БII	3	20	0,150	15	—	—	—	1(0,07)
» БIII	5	20	0,250	15	—	2(1,4)	—	3(0,5)
Шлемы I	3	14	0,214	9	—	1(0,8)	—	—
» II	3	14	0,214	9	—	—	—	—
» III	3	14	0,214	9	—	—	—	2(0,7)
» IV	4	14	0,286	9	—	—	1(3,4)	1(—0,5)
» V	1	14	0,072	9	—	—	—	1(0,9)

и так далее . . .

Полученные закономерные связи между типами вещей, с одной стороны, и группами стремян, удил, стрел и накладок на колчан (например, на нашей таблице закономерная связь шлема IV типа с погребениями III группы) позволяют пополнить список датированных вещей. Проверка по собранным при классификации типов аналогиям может сократить этот список за счет некоторых типов, встречающихся в памятниках разных эпох. Но остальные типы, у которых аналогии по времени совпадут с установленной статистически связью этого типа с каким-либо выделенным нами выше хронологическим периодом, могут быть признаны типами датирующими, с узким хронологическим диапазоном.

Отметим, что не все датирующие типы могут быть выделены методом составления табл. 4. Дело в том, что некоторые женские украшения часто не попадали в погребения с конской сбруей и удилами. Так, в IV период у кочевников наметилось разделение инвентаря мужских и женских могил. В женские погребения почти перестали класть предметы конской сбруи, но часто клали серьги, зеркала и особый вид монгольского головного убора из бересты — бокку. Таким образом, хотя ряд типов зеркал, серьги так называемого типа «знака вопроса» и бокка почти заведомо датируются строго золотоордынским временем и имеют большое количество аналогий в золотоордынских памятниках, предложенным методом (т. е. статистическим подсчетом встречаемости их в погребениях, датированных по оружию и конской сбруе) они не выделяются как датирующие типы.

Поэтому пришлось повторить ту работу, которую мы провели для стремян, удил, стрел и накладок, для типов серег, бокки и зеркал. Оказалось, что из множества типов этих категорий независимо от типов стремян, удил и стрел выделяется несколько хронологических групп, которые можно датировать теми же периодами по встречаемости в них погребений с монетами.

После этого мы смогли составить таблицу по типу табл. 4 взаимовстречаемости всех остальных типов вещей в погребениях, датирован-

ных на основании типов серег, бокки и зеркал, применив те же статистические методы определения существенных связей между явлениями. Оказывается, что те вещи, которые систематически закономерно встречались с определенными группами погребений, датированных на основании стремян, удил, стрел и накладок, закономерно встречаются в соответствующих группах погребений, датированных по женским украшениям: бокке, серьгам, зеркалам. Конечно, такими типами оказываются те категории вещей, которые в данном материале встречаются одинаково часто и в мужских и в женских погребениях.

Введение математических методов статистики в изучение даты вещей ставит археологию на прочный научный фундамент. Оказывается, что частая, казалось бы, взаимовстречаемость двух типов вещей еще не говорит о их синхронности. Она может быть случайной, если оба эти типа вообще распространены широко и встречаются в больших количествах. В этом случае вероятность случайного попадания их в одно погребение сравнительно высока. А ведь в работах, где взаимовстречаемость исследуется без применения математической статистики, «на глазок», именно на эти связи и обращается внимание при синхронизации типов вещей. Наоборот, когда редкие вещи встречаются между собой, пусть небольшое число раз,— малая вероятность их совместного попадания в один комплекс делает такое явление весьма существенным. Но оно ускользает от внимания исследователя, если он не вводит в свои подсчеты математического критерия, позволяющего ему точно оценить значимость полученных цифр.

Л. Л. ПОЛЕВОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ МОЛДАВИИ XIV В.

XIII—XIV века представляют собой слабо изученный период истории Молдавии, так как письменные источники этого времени очень скудны, а археологические данные, полученные за последнее время, в большей части не опубликованы и не обобщены. Имеются лишь публикации некоторых материалов по отдельным памятникам [1].

Между тем период XIII—XIV вв. в истории Молдавии имел первостепенное значение. Именно в этот период, накануне образования самостоятельного государства, происходит сложение основных черт материальной культуры молдавского народа и оформление экономической основы будущего государства.

В настоящей работе преследуется цель постановки некоторых вопросов истории и археологии этого периода, разработка которых связана с дальнейшим накоплением источников.

*
* *

Археологические работы последних лет, проведенные Пруто-Днестровской экспедицией, дали настолько выразительные материалы, что на их основании можно сделать ряд новых наблюдений.

В сравнении с XII—XIII вв. (рис. 1) археологическая карта Молдавии XIV в. несравненно более насыщена. В пределах бессарабских кодров [2], от Котовска до Оргеева и от Ясс (РНР) до Бендер, открыто большое число поселений, относящихся к первой половине XIV в. Эти поселения обычно располагаются в лесистой местности, в пригодных для земледелия и скотоводства долинах рек, на первой надпойменной террасе (рис. 2).

Наиболее многочисленны здесь поселения, характеризующиеся «красно-желтой» керамикой, изготовленной из плотного теста без видимых примесей, в технике ленточной формовки на медленно вращавшемся круге. Обжиг такой посуды, обычно сквозной и равномерный, производился в специальных глинобитных горнах.

Значительная часть этой керамики богато орнаментирована. Орнамент состоит из сочетаний концентрических горизонтальных полос фестонов, наколов частым гребнем, одинарных или двойных волн, многорядных волн и т. д. Многие сосуды дополнительно покрыты красной краской и украшены вертикальными пролощенными линиями.

---

[1] Г. Д. Смирнов. Археологические исследования Старого Орхея. КСИИМК, 56, 1954; его же. Из истории Старого Орхея, Изв. Молд. ФАН СССР, 4(70). Кишинев, 1960; Э. А. Рикман. Археологические работы в 1954 г. на городище у с. Костешты. Изв. Молд. ФАН СССР, 5(25), 1955; И. Г. Хынку. Раскопки на селище XII—XV веков. Лукашевка V. КСИА АН СССР, 86, 1961.

[2] Кодры — возвышенность в междуречье рек Реута и Прута, расчлененная густой сетью долин и балок.

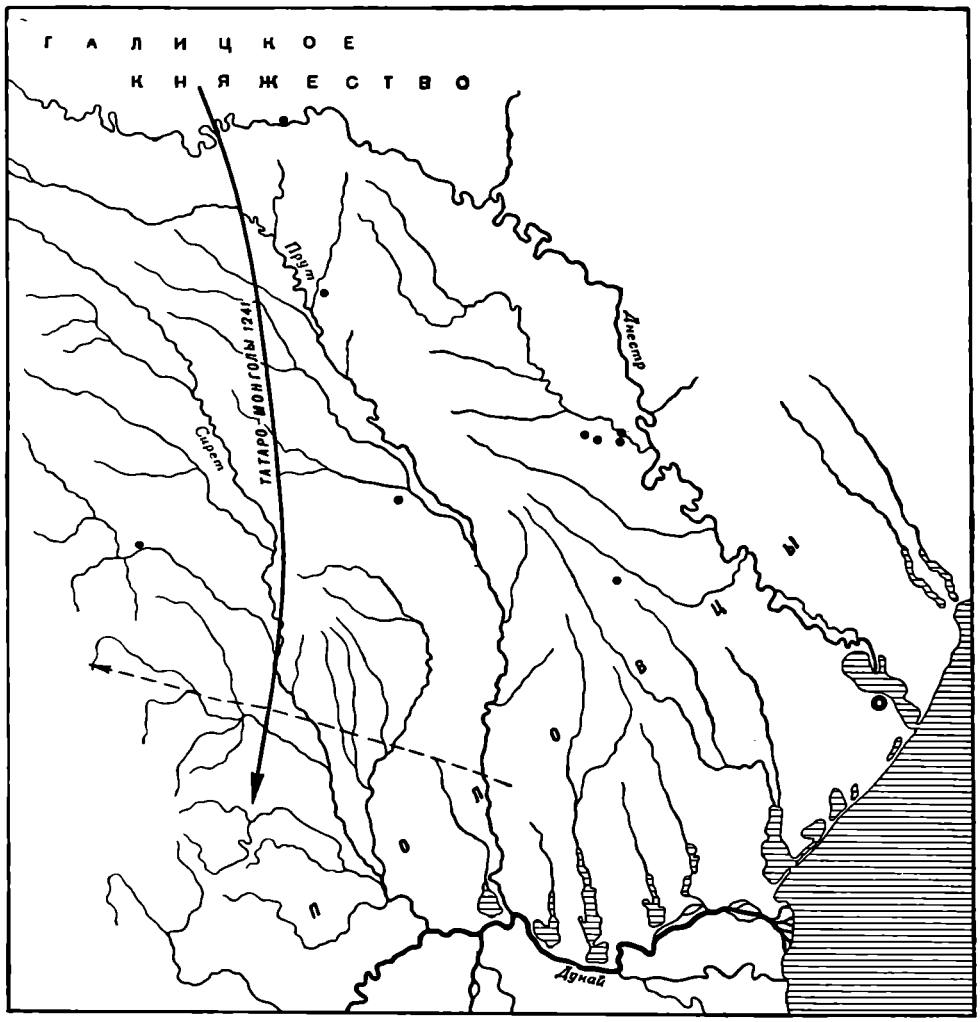


Рис. 1. Молдавия в середине XIII в.

1 — поселения, известные по раскопкам

Ассортимент «красно-желтой» керамики невелик: это большие двуручные амфоровидные сосуды, одноручные кувшины, большие двуручные горшки, горшки с одной ручкой и миски (рис. 3).

Датировка поселений с описанной керамикой не вызывает сомнений. Стратиграфические наблюдения в Старом Орхее и Костештах, где она встречается в горизонте с джучидскими монетами XIV в. (до середины 60-х годов), находка клада серебряных джучидских монет того же времени на селище Лозово I достаточно убедительны[3].

Культурно-этническая интерпретация «красно-желтой» керамики в настоящее время возможна лишь в очень ограниченной степени. Аналогии этой керамики известны на Нижнем Дону[4], Нижней Волге[5], Северном

[3] В коллекции монет, собранных во время раскопок на городище Старого Орхея, серебряные и медные монеты джучидских ханов Узбека, Джанибека, Кильдибека, Абдаллаха, правивших с 1313 по 1369 г. Последняя монета датируется 1364/5 г. Среди джучидских серебряных и медных монет из Костешт — монеты Узбека, Джанибека и Абдаллаха. Последние монеты также относятся к середине 60-х годов XIV в. Клад джучидских серебряных монет с поселения Лозово I состоит в основном из монет Абдаллаха, а также монет Джанибека и Бирдибека с позднейшими надчеканками. Клад найден Г. П. Сергеевым и хранится в ГИКМ МолдССР.

[4] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, 131, 1935, стр. 89—90.

[5] И. И. Ляпушкин. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища. МИА, 62, 1958, стр. 243, рис. 18, стр. 261—262.

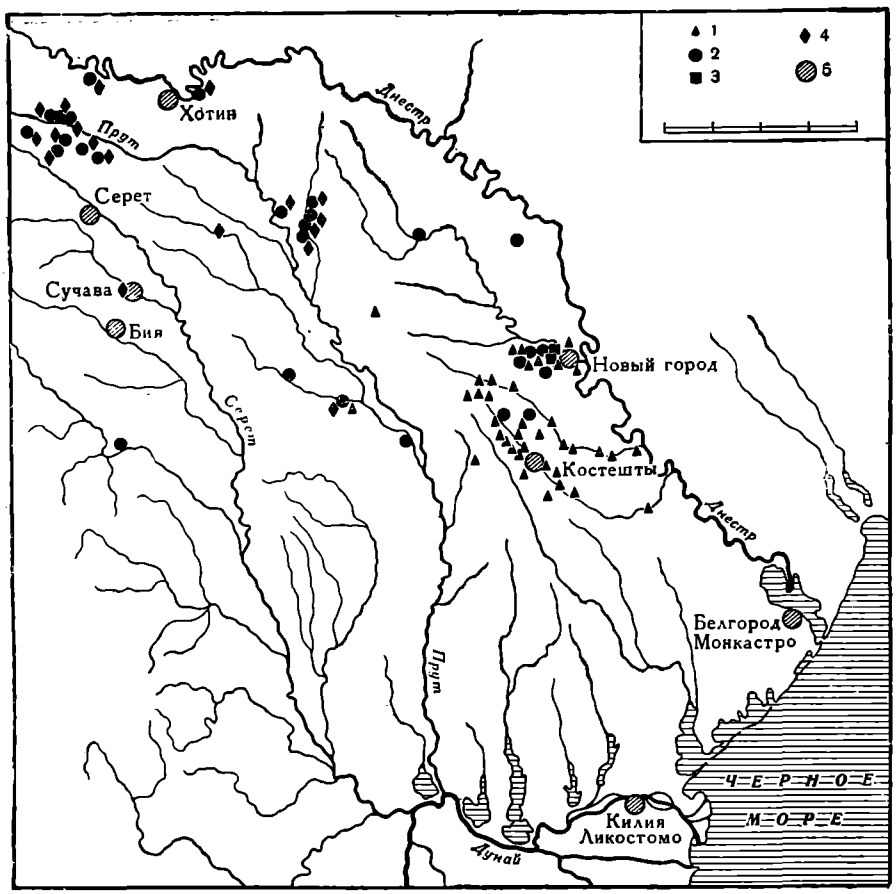


Рис. 2. Молдавия в XIV в. (Археологическая карта составлена по материалам Л. Л. Полевого и П. П. Бырня)

1 — селища с «красно-желтой» керамикой первой половины XIV в. (смешанное население Северного Причерноморья); *2* — славяно-волошские селища первой половины XIV в., *3* — галицко-русские селища первой половины XIV в.; *4* — молдавские селища второй половины XIV в.; *5* — города

Кавказе[6], в Крыму[7]. Они охватывают обширную область от Северного Причерноморья до Прикаспия. Характерно, что эти находки связаны с наиболее развитыми районами оседлой цивилизации с разноплеменным населением: аланами, оседлыми половцами, болгарами, руссами, греками, армянами и др.[8]. Нужно думать, что поселения в Пруто-Днестровье также принадлежали разноэтничным элементам.

В «красно-желтой» керамике Пруто-Днестровского междуречья прослеживаются алано-болгарские традиции (форма, орнаментация и др.). Это согласуется с выводом А. П. Смирнова и Г. А. Федорова-Давыдова относительно близкой к пруто-днестровской керамики Поволжья[9].

---

[6] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, 23, 1951, стр. 291, рис. 18; В. А. Кузнецов, О. В. Милорадович. Археологические исследования в Северной Осетии в 1959 г. КСИА АН СССР, 84, 1961, стр. 110, рис. 40, *1—4*.

[7] М. А. Тиханова. Базилика, Мангуп. МИА, 34, 1953, стр. 344—345, рис. 10, *б*, *в*.

[8] Г. Ф. Дебец. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма. Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, XII, 1949, стр. 343—346, 386; А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, 17, 1950, стр. 35; В. В. Гинзбург. Этногенетические связи древнего населения волгоградского Заволжья. МИА, 60, 1959, стр. 576—594.

[9] А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов. Задачи археологического изучения Золотой Орды. СА, 1959, 4, стр. 131.

В последнее время на интересующей нас территории начали выявляться памятники иного рода, с керамикой галицко-русского типа. На поселении Бранешты III керамика такого рода встречена в комплексах вместе с материалом XIV в. [10].

Кроме того, в культурных слоях поселений XIV в. встречаются находки керамики, аналогии которой имеются в Подунавье [11] (Костешты, Старый Орхей, Ханска III) и на восточных склонах Карпат [12] (Костешты) — районах, населенных славяно-романским элементом. А на некоторых поселениях (Лукашевка V, Петруха I) выявлены древние славяно-романские традиции [13].

Итак, уже в первые две трети XIV в. центральная часть Пруто-Днестровского междуречья оказывается довольно густо заселенной разноэтничным населением.

* * *

В конце XIII — XIV в. в Пруто-Днестровье появляются и начинают быстро расти города. Возникновение и расцвет городов в Пруто-Днестровском междуречье связаны с дальнейшим углублением общественного разделения труда между ремеслом и сельским хозяйством, развитием товарно-денежного обращения, формированием местных рынков.

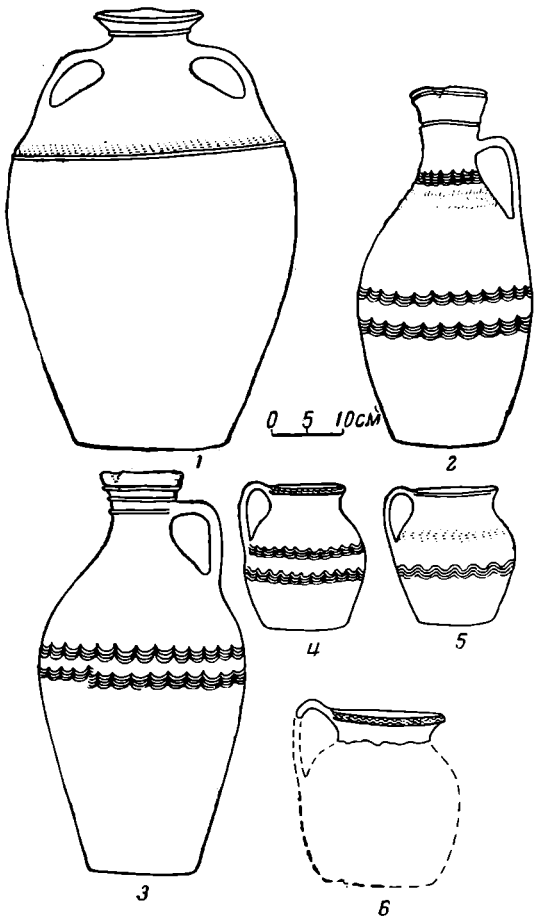


Рис. 3. «Красно-желтая» керамика первой половины XIV в. с поселений Пруто-Днестровского междуречья

Один из таких городов (Старый Орхей, или Новый город) [14] появился на рубеже XIII — XIV вв. в самой глубине междуречья Днестра и Прута (городище у современного с. Требужены Оргеевского района МолдССР). Судя по многочисленным находкам «красно-желтой» керамики и керамики славянского облика, в конце XIII — начале XIV в. здесь были селища, впоследствии переросшие в город. В окрестностях города выявлено значительное число поселений XIV в.— своего рода культурное гнездо, экономическим центром которого стал Новый город.

---

[10] Раскопки П. П. Бырня (1958). Материалы хранятся в Отделе археологии Института истории Академии наук МолдССР.

[11] Р. Попов. Сондажи и разкопки в Голямата пещера през 1932 г. Мадара I. София, 1934, стр. 192—195, обр. 173, *3*; В. Миков. Последни могилни находки. Мадара I. София, 1934, стр. 432, обр. 296 а; Р. Попов. Материали отъ разкопките през 1934/35 г. Мадара II. София, 1936, стр. 46, обр. 60 *А*.

[12] Поселение Бытка-Доамней (у г. Пятра Нямц), открытое и обследованное в 1958 г. Могошану.

[13] И. Г. Хынку. К вопросу о средневековой керамике Молдавии. «Матеріали з археології Північного Причерномор'я», II, Одеса, 1959, стр. 94—95.

[14] По мнению С. А. Яниной, определившей группу джучидских монет из Старого Орхея, на них вычеканено наименование города «Новый город».

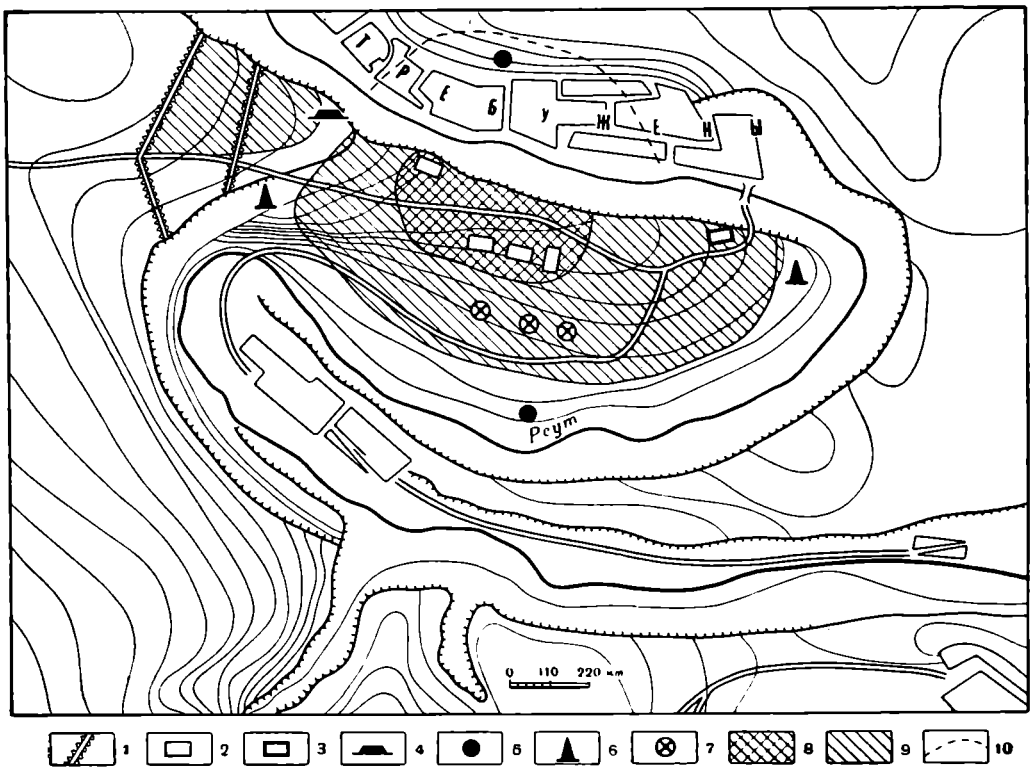


Рис. 4. Старый Орхей. Схематический план города середины XIV в. (по Г. Д. Смирнову)

1 — земляные валы; *2* — крупные каменные здания; *3* — баня; *4* — усыпальница-дюрбе; *5* — гончарные горны; *6* — кладбища; *7* — кузнечные мастерские; *8* — часть города, заселенная зажиточным населением; *9* — районы расположения ремесленных мастерских и жилищ бедноты; *10* — примерная граница ремесленного пригорода

Город возник в местности, удобной для обороны — в излучине нижнего течения р. Реут, перерезавшей Приднестровскую известняковую гряду. Обрывистые скальные берега реки, окружающей город с трех сторон, в сочетании с водной преградой представляют собой естественную крепость. Перешеек, соединяющий излучину с массивом гряды, был укреплен земляным валом со рвом. Таким образом была обеспечена защита города со всех сторон. Он занимал большую площадь, составлявшую около 2 *км* в длину и около 1 *км* в ширину.

Многолетние археологические исследования (руководитель Г. Д. Смирнов) позволили представить облик города в XIV в., его топографию [15] (рис. 4).

В центральной части городища находились крупные каменные сооружения дворцового типа, окруженные скоплением жилищ рядового населения. Северо-западнее, в районе более поздней цитадели XV в., на краю обрыва — развалины крупного кирпичного здания, вблизи которого были раскрыты также кирпичные сравнительно небольшие жилища. Западнее центральной части — ремесленные мастерские (пекарня, гвоздильная мастерская), жилища. Очень маленькие, примитивные жилища, сооруженные из деревянных прутьев и глины на основании из разнокалиберных, необтесанных известняковых камней, находились на западной окраине города, на второй террасе.

---

[15] Г. Д. Смирнов. Археологические исследования Старого Орхея; его же. Из истории Старого Орхея. Позже, в XV в. здесь располагался молдавский средневековый город Орхей, который погиб в середине XVI в. Место, где он располагался, получило наименование Старого Орхея.

В южной части территории располагались также жилища и ремесленные мастерские (кузнечные, кирпичные). На восточной окраине открыты остатки большой, сложенной из камня бани XIV в. в два отделения, своим планом чрезвычайно напоминающей Красную палату из Булгар на Волге [16]. Недалеко от бани — кладбище. Погребения с костяками в вытянутом на спине положении, ориентированными головой на запад, сопровождались находками джучидских монет середины XIV в.

На склоне второй террасы в западной части городища раскопаны остатки мусульманского погребального памятника — дюрбе, сложенного из кирпича; захоронение было произведено в прямоугольной яме, вырубленной в скале, и покрыто известняковой плитой с арабской надписью.

Город разросся настолько, что захватил и противоположный северный пологий берег реки, где раскопками раскрыт гончарный комплекс: гончарная мастерская-землянка и два обжигательных горна XIV в.

Конструкция и планы капитальных построек (дворцовые сооружения, усыпальница и т. д.), кирпичных жилищ и других сооружений не оставляют сомнения в их поволжском происхождении [17]. Для отопления существовали печи с системой горизонтальных отопительных каналов, часто проходящих в лежанках. Такой способ обогрева жилищ широко известен в Поволжье [18]. Очевидно, оттуда этот тип отопления проник в Пруто-Днестровье.

В развалинах различных сооружений города найдены арабские лапидарные надписи XIV в. В быту жителей употреблялись предметы поволжских типов, большие глиняные сосуды — хумы, копилки и др. [19]. Много фрагментов привозной поволжской керамики XIV в. Многочисленны находки джучидских серебряных и медных монет начала 60-х годов XIV в.

Наряду с поволжским, в культуре города (особенно в поливной керамике) ярко прослеживается влияние Крыма и Закавказья.

Второй город XIV в. возник в пойме широкой долины р. Ботна, на южной границе кодров у с. Костешты Котовского района МолдССР. Он не был укреплен, лишь вблизи его западной окраины имелась небольшая цитадель [20]. Город занимал площадь около 4 *км*^{2} (рис. 5).

Наиболее густонаселенной была западная часть, где в излучине реки сосредоточены крупные каменные общественные сооружения и дома богатой части населения города, снабженные водопроводом. В восточной части поселения располагались главным образом жилища бедноты.

Такое жилище (№ 2) было раскопано в северо-восточной части поселения. Жилище однокамерное, с примыкающим к нему хозяйственным помещением (хлев?). Конструктивно оба помещения были связаны между собой в одно сооружение, разделенное массивной перегородкой из сырцового кирпича и известняковых камней. Стены жилища были возведены из прутьев на столбах и обмазаны глиной. В юго-восточном углу жилого помещения находился тондир. Б. А. Куфтин [21] отмечает распространение подобного рода жилищ с хлевом в степном Крыму и Причерноморье. Он роднит их с черкесскими плетневыми жилищами. На средневековом аланском

---

[16] А. П. Смирнов. Волжские Булгары. М., 1951, стр. 210 сл., табл. XIII, *141*; табл. XIV, XV, XVI, XVII.

[17] Ф. Баллод. Приволжские «Помпеи». М.— Прг., 1923, стр. 101 сл.; Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. СА, 1959, 4, стр. 251, 259.

[18] Ф. Баллод. Ук. соч., стр. 28 сл.; Г. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч., стр. 250, 251, 256.

[19] К. Папа-Афанасопуло. Золотоордынская керамика. УЗСГУ, III, 3, Саратов, 1925, стр. 58, рис. 1; О. С. Хованская. Гончарное дело города Болгара. МИА, 42, 1954, стр. 359—360.

[20] Земляное укрепление на коренном берегу в северной части города более позднее — конца XIV в. См. Э. А. Рикман. Ук. соч., стр. 105.

[21] Б. А. Куфтин. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Мемуары ЭОЛЕАЭ. М., 1925, стр. 29, 50.

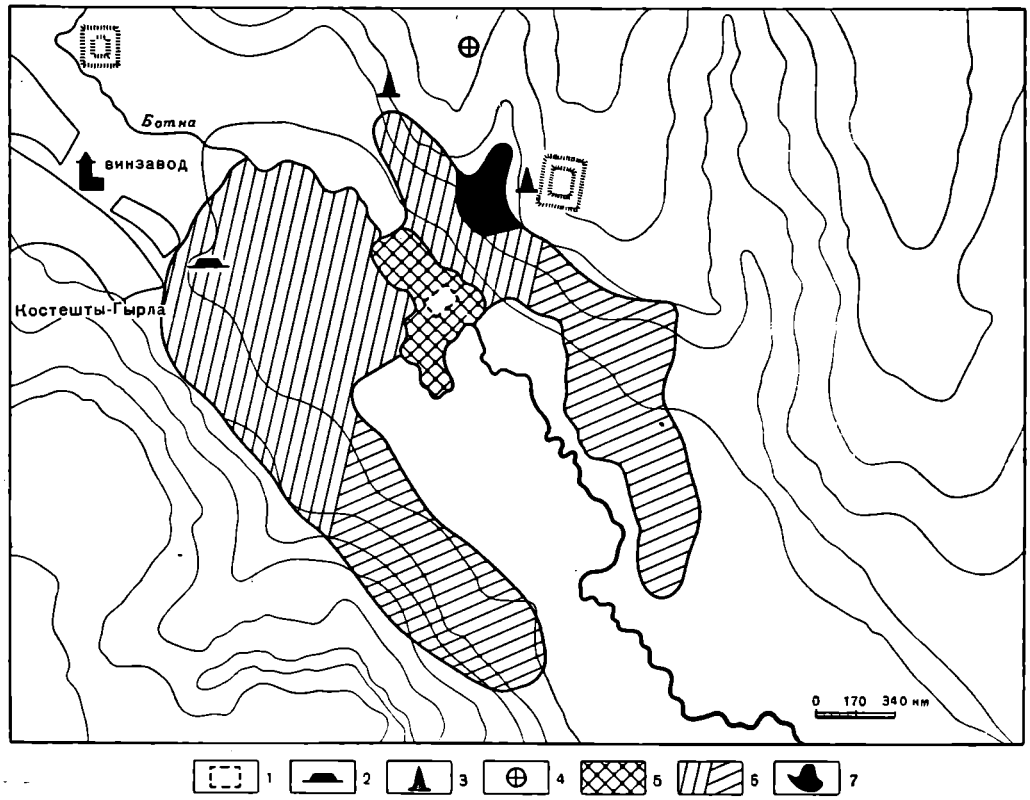


Рис. 5. Костешты. Схематический план города середины XIV в.

1 — крупные каменные здания; *2* — усыпальница-дюрбе; *3* — кладбище; *4* — скопления железных шлаков; *5* — часть города, заселенная зажиточным населением; *6* — районы расположения ремесленных мастерских, жилищ бедноты и т. д.; *7* — гончарный район

поселении Заюково (Северный Кавказ) открыты близкие по типу жилища с тондирами [22].

Остатки зданий и жилищ заметны не по всей территории поселения, а отдельными скоплениями на наиболее возвышенных местах поймы. На северной окраине города два кладбища: в одном погребения ориентированы по линии север-юг [23], в другом — по линии запад-восток. На северной же окраине города были сосредоточены гончарные мастерские с обжигательными горнами.

Здесь в 1954, 1957 и 1959 гг. были раскопаны пять помещений гончарных мастерских, обжигательные горны и другие объекты. Наряду с обычными жилищами-полуземлянками или наземными сооружениями, служившими одновременно помещениями для гончарной мастерской, в Костештах открыта большая землянка, специально сооруженная для гончарной мастерской (рис. 6).

Яма землянки площадью около 60 $м^2$ была обшита тесом и перекрыта четырехскатной деревянной крышей на 18 стояках. В северо-западном углу вдоль стен находилось вырезанное в материковой глине невысокое возвышение. В центральной части землянки располагались три тондира, поддувала которых были выведены в сторону входа, на восток. Рядом с тондирами у южной стенки землянки располагалась яма, куда бросали гончарный брак. В юго-восточном углу, под слоем обрушившейся и сгоревшей кровли, непосредственно на дне землянки лежал слой чистой глины,

[22] Е. И. Крупнов. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946, стр. 37.

[23] Э. А. Рикман. Ук. соч., стр. 105; раскопки автора в 1959 г. Материалы хранятся при Отделе археологии Института истории АН МолдССР и в антропологической лаборатории Института этнографии АН СССР.

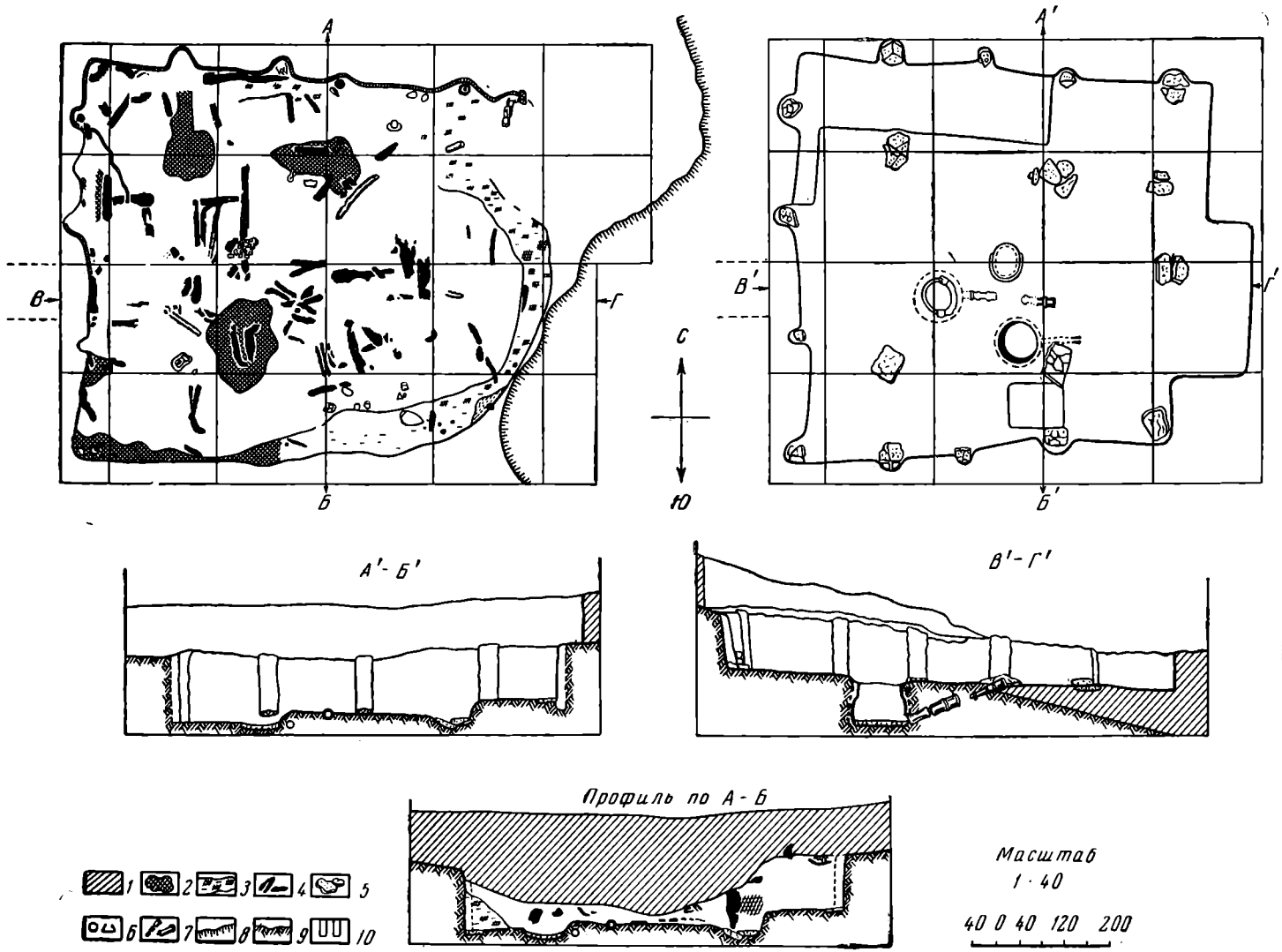


Рис. 6. Костешты. Гончарная мастерская V (середина XIV в.)

1 — чернозем; *2* — обожженная глина; *3* — слой сырой глины; *4* — обуглившиеся бревна; *5* — известняковые камни; *6* — тондиры; *7* — гончарные трубы; *8* — край оврага; *9* — материк (глина); *10* — углубления для столбов в стенках землянки

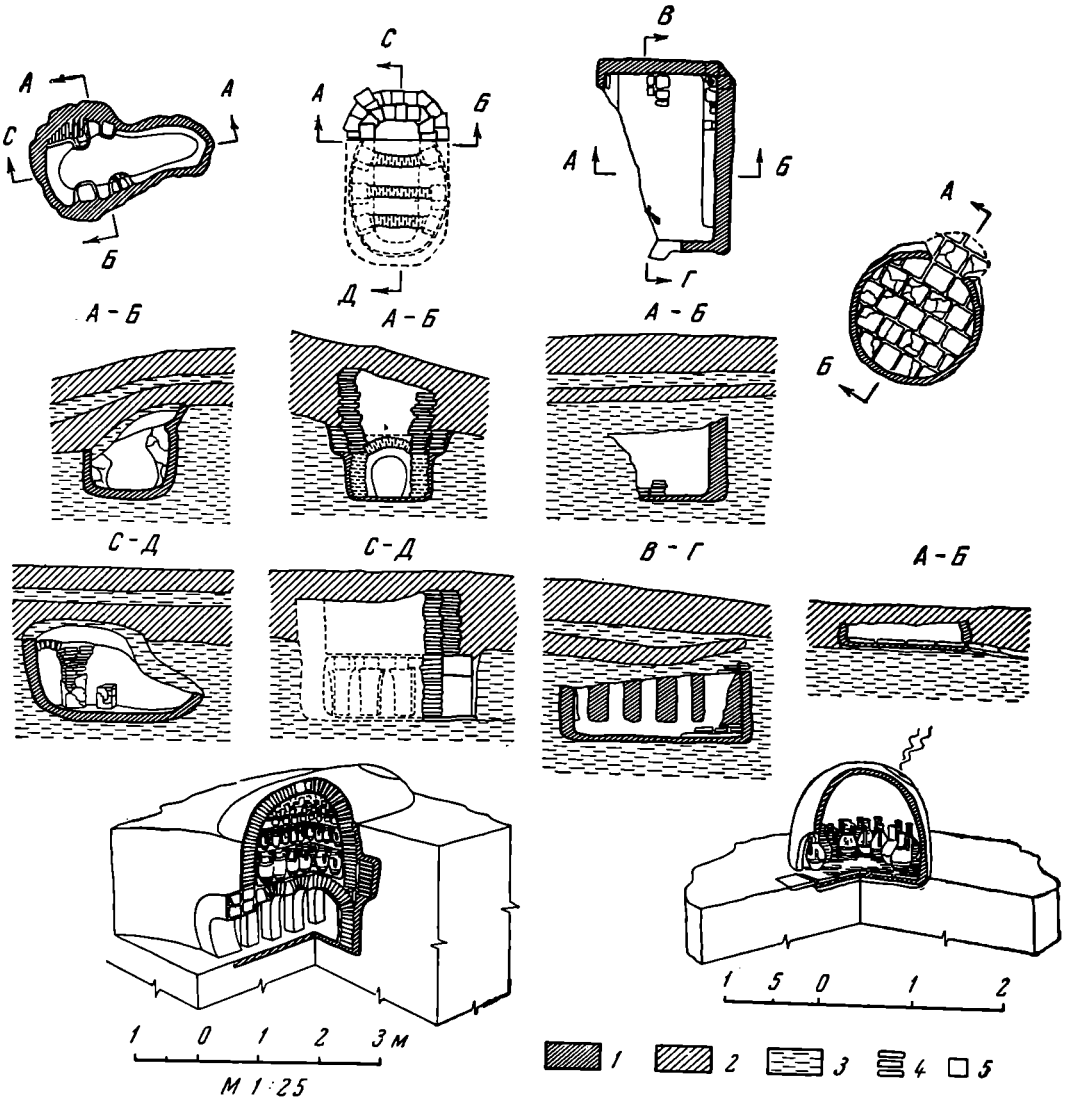


Рис. 7. Костешты. Городские гончарные горны середины XIV в.

1 — обожженная глина; *2* — чернозем; *3* — глина (материк); *4—5* — кирпич

вероятно, подготовленной для формовки изделий. В землянке найдены готовые изделия и брак поливной и неполивной посуды. Особо следует отметить производство односвечевых и многосвечевых керамических подсвечников.

Появление в Костештах в XIV в. больших мастерских со специально сооруженным помещением — результат развития городского гончарства, обеспечивающего массовое производство товара для городского рынка.

Большие гончарные мастерские XIV в. с разделением труда известны в Поволжье [24] и Закавказье [25].

В Костештах, а также в других пунктах Пруто-Днестровского междуречья (Старый Орхей, Бравичены) открыты городские керамические обжигательные горны XIV в. (рис. 7). Это двухъярусные сооружения, с расположенными одна над другой топочной и обжигательной камерами, зарытые в почву почти до верха обжигательной камеры. Полость топочной

[24] О. С. Хованская. Ук. соч., стр. 348; Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки нового Сарая..., стр. 260—261.

[25] В. В. Джапаридзе. Художественная глазурованная керамика Грузии XI—XIII вв. СА, XVII, 1953, стр. 208.

камеры, грушевидной или прямоугольной в плане, вырезалась в материковой глине; стенки ее обмазывались глиной. Перекрытием топочной камеры служил кирпичный коробовый свод, покоившийся на нескольких арках, сложенных также из кирпича. На своде лежал под обжигательной камеры; в этой перегородке между камерами были проделаны отверстия-продухи. Обжигательная камера также складывалась из кирпича со сводчатым перекрытием (рис. 7, *1, 2*).

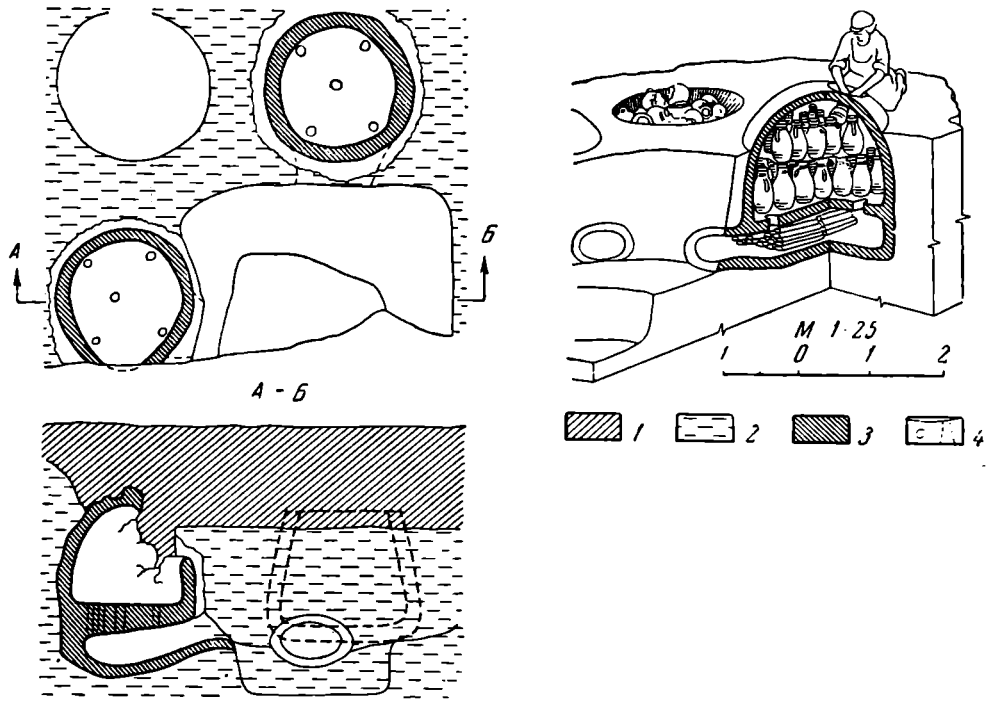


Рис. 8. Лозово I. Сельские гончарные горны середины XIV в.
1 — чернозем; *2* — глина (материк); *3* — обожженная глина; *4* — продухи

Городские горны, в которых производился обжиг посуды и других бытовых изделий, вероятно, представляют собой модификацию местных глинобитных двухъярусных сельских гончарных горнов (рис. 8). Мы не находим аналогий этим горнам за пределами Пруто-Днестровского междуречья, кроме двух пунктов: Болгар[26] и Ага-Базара[27]. Характерно, что исследователи этих памятников в свою очередь не находят им аналогий ни среди других болгарских гончарных горнов, ни среди средневековых горнов европейской части СССР.

Крупные горны для обжига кирпича (рис. 7, *3*), открытые в Пруто-Днестровском междуречье, имеют такую же конструкцию, как горны, найденные в Поволжье[28], Западном Казахстане[29], Воронежской области[30] и Закавказье[31].

---

[26] Б. Б. Жеромский. Подгорная слобода города Болгары. КСИИМК, L, 1953, стр. 60.

[27] К. А. Смирнов. Керамический горн на болгарском поселении Ага-Базар. МИА, 111, 1962, стр. 90—91.

[28] О. А. Хованская. Ук. соч., стр. 366; И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, стр. 107—110.

[29] Г. И. Пацевич. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике. КСИИМК, 69, 1957.

[30] В. П. Левашова. Золотоордынские памятники в Воронежской области. Тр. ГИМ. 37, М., 1960, стр. 175—179.

[31] К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки, I, Ереван, 1952, стр. 236—237, рис. 222.

Для обжига поливы костештские гончары применяли небольшие полусферические однокамерные горны (рис. 7, *4*). Сложенный из кирпича, под этих горнов был перекрыт глинобитным сводом. По-видимому, такой же горн XIII в. для обжига поливных плиток и писанок был найден при раскопках Старой Рязани[32]. Гончары Костешт для обжига полив использовали также и тондиры.

В облике материальной культуры Костешт, как и в Старом Орхее, прослеживается влияние Поволжья: наличие тех же копилок, хумов, арабских лапидарных надписей некротического характера[33] и др. Наконец, на поселении также найдено большое количество монет, в основном это медные джучидские монеты XIV в. Однако, в отличие от Старого Орхея, в Костештах нет характерной для Поволжья системы отопления жилищ. Здесь употреблялись тондиры — печи, распространенные в Закавказье[34], на Ближнем Востоке и в Средней Азии[35]. Поливная керамика Костешт близка к крымско-кавказской.

Третий город находился в устье Днестра на месте древней Тиры (современный Белгород-Днестровский). К сожалению, мощный слой XIII—XIV вв. этого выдающегося многослойного памятника плохо исследован. Однако уже то, чем мы располагаем, позволяет говорить о близости его материальной культуры к культуре первых двух городских центров Пруто-Днестровского междуречья.

В раскрытых на берегу лимана кварталах средневековых каменных домов, в восточной части города, обнаружены такие же печи — тондиры[36]. Значительны находки «красно-желтой» керамики[37], хотя основную массу составляет поливная и другая керамика XIII—XIV вв.[38].

Находки клада джучидских монет конца XIII — начала XIV в.[39], монеты киликийской Армении этого же периода[40], джучидские монеты XIV в.[41], вместе с поливным керамическим материалом XIII—XIV вв., показывают, что этот город возник раньше Старого Орхея и Костешт. Уже в конце XIII в. здесь существовала генуэзская фактория, ведшая интенсивную торговлю с прилегающей областью; основной статьей вывоза являлось зерно. В то же время здесь появляются армянская и еврейская торгово-ремесленные колонии[42]. В XIV в. Белгород становится одним из важнейших экономических и культурных центров Северного Причерноморья.

---

[32] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.— Л., 1948, стр. 349—350; А. Л. Монгайт. Старая Рязань. М., 1955, стр. 113—114.

[33] Надписи прочтены В. А. Крачковской и датированы ею палеографически XIV в. В. А. Крачковская. Новая арабская надпись из Молдавской ССР. ЭВ, XIII, 1960.

[34] Г. А. Ломтатидзе. Важнейшие результаты археологических раскопок в Рустави. Материалы по археологии Грузии и Кавказа, I, Тбилиси, 1955, стр. 201. С. Д. Лисициан. Очерки этнографии дореволюционной Армении. «Кавказский этнографический сборник». М., 1955, стр. 206 сл.; А. Л. Якобсон. Раскопки на городище Орен-Кала в 1953—1955 гг. МИА, 67, 1959.

[35] Б. А. Куфтин, говоря о том, что в Крыму нет тондиров, указывает на их распространение в Малой Азии, Иране, Закавказье, Средней Азии. Б. А. Куфтин. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Мемуары ЭОЛЕАЭ, стр 24; М. В. Воеводский. К истории гончарной техники народов СССР. «Этнография», 1930, 4, стр. 65.

[36] Л. Д. Дмитров. Розкопки в м. Білгороді-Дністровському в 1947 р. АП, IV, Київ, 1952, стр. 60—61.

[37] Фонды Белгород-Днестровского историко-краеведческого музея № 9089, А-1657, А-4694. Наблюдения автора в 1959 г. во время раскопок Тиры (руководитель А. И. Фурманская).

[38] Фонды Белгород-Днестровского историко-краеведческого музея, № А-5453, 1635, 1672, 3395, 3733, 3384, 1794, 1819, 3199, 3190, 3219, 3265, 1681 и др. Наблюдения автора в 1959 г. во время раскопок Тиры.

[39] Архив ЛОИИМК, ф. 1, д. № 175, 1904; ОАК за 1904 г., стр. 121—122.

[40] Gr. Avakian. Trei monete ale regilor armeni găsite la Cetatea-Albă. BSNR, 49—50, Bucureşti, 1924.

[41] Фонды Белгород-Днестровского историко-краеведческого музея № 1273, 1283, 1361, 1278, 1280, 1578, 1277, 1302, 1575, 1333 — монеты Джанибека и Абдаллаха.

[42] G. I. Bratianu. Contributions à l'histoire de Cetatea-Albă (Akkerman) aux XIII-e et XIV siécles. BSH, III, 1927, стр. 26.

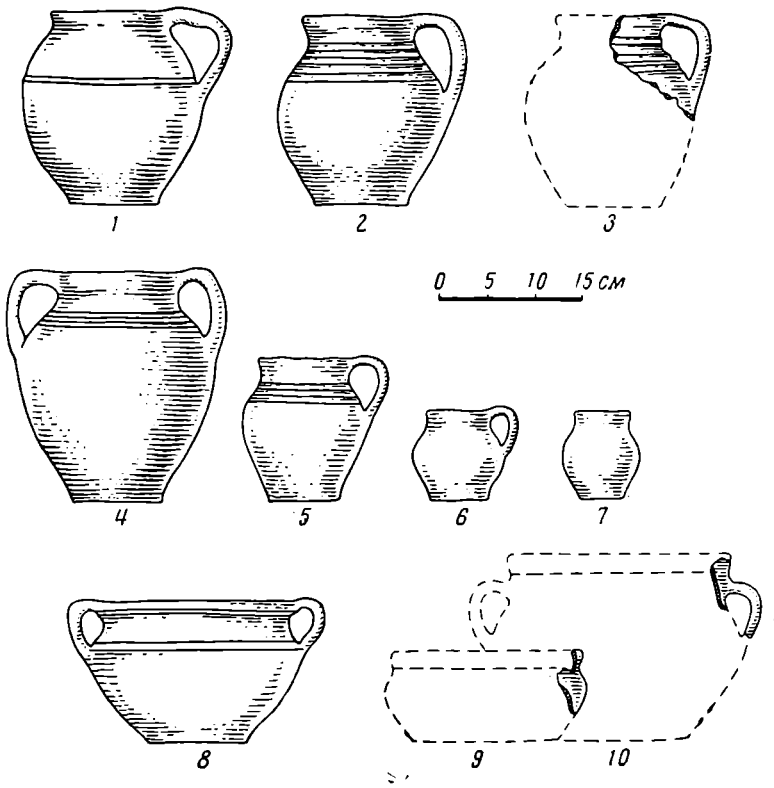


Рис. 9. Основные формы неполивной городской керамики Прут-Днестровского междуречья середины XIV в.

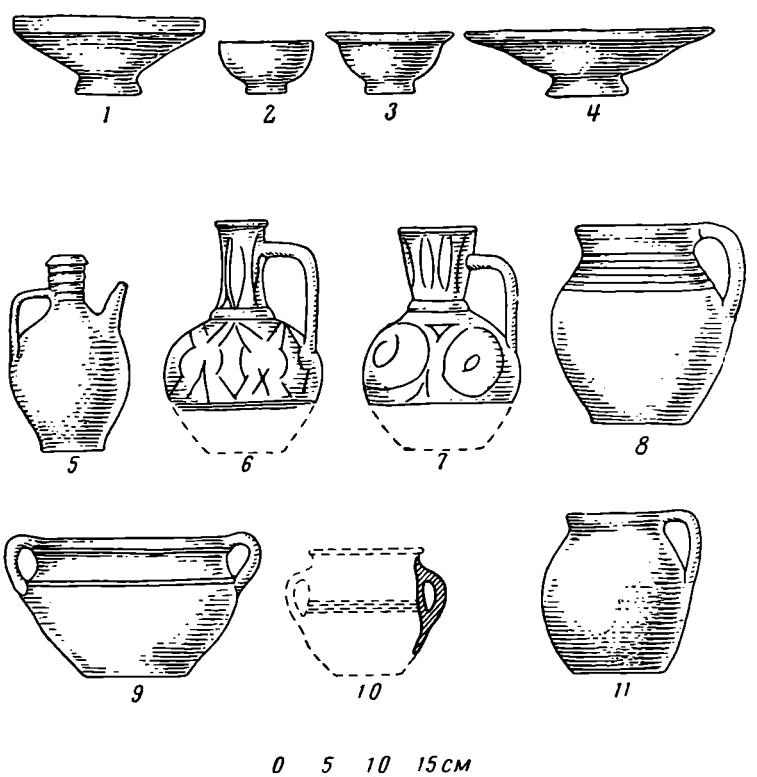


Рис. 10. Основные формы поливной городской керамики Прут-Днестровского междуречья середины XIV в.

Помимо городов в Пруто-Днестровье в этот период появляются также поселения — центры деревенского ремесла, обслуживающие близлежащую округу. Одним из них было поселение Лозово I с довольно высокоразвитым гончарством, снабжавшим посудой поселения в долине р. Быковец.

Многочисленные поселения, поселения — центры деревенского ремесла, а также города — экономические и культурные центры Пруто-Днестровского междуречья XIV в.— должны быть подвергнуты дальнейшим исследованиям.

Развитие производительных сил этой области в XIV в. связано с появлением здесь значительных масс населения — ремесленников, купцов, развитием городов. Этот процесс можно проследить на примере гончарного ремесла, изученного лучше, чем другие отрасли производства того времени.

Наряду с обычным домашним производством керамики (лепная посуда, обожженная в бытовых печах) происходила концентрация гончарного производства в сельских ремесленных центрах, обслуживающих округу из нескольких сел (Лозово I). Керамика формовалась из лент с последующей подправкой на медленно вращавшемся гончарном круге. Обжиг осуществлялся в сравнительно небольших двухъярусных гончарных горнах, сложенных из глины (Бранешты III [43], Лозово I).

Наконец, вместе с появлением и развитием городов гончарное производство сделало дальнейший шаг в развитии техники. Хотя и сохранилась ленточная техника лепки сосудов, формовка производилась на быстро вращавшемся гончарном круге. Внедряются обжигательные горны нового типа, сложенные из кирпича: они конструктивно совершеннее и больше прежних (Старый Орхей, Костешты). Сильно вырос объем продукции, увеличился ее ассортимент; кроме того, стандартизировалась значительная часть керамических изделий (рис. 9—10).

В городах происходила концентрация и территориальное выделение гончарного ремесла. На северной окраине Костешт появился квартал гончаров. Начинали выделяться отрасли гончарного производства (кирпичное, поливное и т. д.).

* * *

Культура городов и поселений Пруто-Днестровья XIV в. связана с разноэтничным населением. Выше уже говорилось, что поселения с «красно-желтой» керамикой входят в круг поселений XIII—XIV вв. Северного Причерноморья вплоть до Нижней Волги и р. Урал. Есть поселения, связанные с культурой Галицкой Руси, поселения славяно-волошские. В Старом Орхее и Костештах есть керамика, типологически близкая к керамике с восточных склонов Карпат (славяне, волохи) и Нижнего Придунавья (болгары, волохи). Эти факты могут служить дискуссионным материалом для проблемы заселения Молдавии накануне образования молдавского государства, проблемы формирования молдавского народа и его культуры.

В культуре Пруто-Днестровских городов и поселений XIV в. скрещивались различные влияния, шедшие с Балкан, из юго-западной Руси, Поволжья, Крыма, Закавказья, Малой Азии, Византии. В очерченной нами области юга Пруто-Днестровья главными были культурные потоки из Поволжья, с одной стороны, и Крыма — Закавказья — Малой Азии,— с другой. Они и определяли в основном облик пруто-днестровской городской культуры первой половины XIV в.

Прослеживаются черты сходства топографии городов XIV в. Пруто-Днестровья с городами в Нижнем Поволжье [44]. Влияние поволжской куль-

---

[43] Раскопки П. П. Бырня в 1958 г. Материалы хранятся в Отделе археологии Института истории Академии наук МолдССР.

[44] Г. А. Федоров-Давыдов. Ук. соч., стр. 249 сл.

туры сказывалось в строительстве (дворцовые сооружения, мечеть, усыпальница в Старом Орхее, усыпальницы у с. Бравичены Оргеевского района [45], в Костештах; конструкция жилищ в Старом Орхее), в быту населения (калориферы в жилищах Старого Орхея), оно отразилось в ассортименте керамики (копилки, хумы, подсвечники и др.), проявилось в наличии арабских лапидарных надписей.

Второй основной поток культурного влияния если не более значителен, то по крайней мере не уступает первому. Подавляющая часть поливной керамики по формам, технологии и декору входит в круг керамики, распространенной в Нижнем Подунавье, Крыму, Закавказье, Ближнем Востоке, Византии [46]. В строительстве влияние Закавказья ярко отразилось на примере бани II из Старого Орхея. Она чрезвычайно сходна с Красной палатой — баней из Поволжских Булгар и аналогичными памятниками из Крыма (Карасу-Базар), Закавказья (Ани, Анберд) и др. Анализ строительных приемов, конструктивных особенностей и архитектуры привел исследователя древних Булгар А. П. Смирнова к выводу, что прототипы булгарских бань (значит и орхейской) следует искать на Кавказе или в Крыму и что их первыми строителями были армяне [47]. Наконец, распространенные в Белгороде-Днестровском и Костештах печи-тондиры, служившие для отопления жилищ и выпечки лепешек, широко известны в Закавказье, на Ближнем Востоке, в Средней Азии.

Вместе с ярко выраженными элементами культурных влияний извне культура городов XIV в. в Пруто-Днестровье отличалась самобытными чертами. Неполивная городская керамика в основной части форм не находит аналогий в других областях, кроме сфероконусов (Восток), копилок и хумов (Поволжье), некоторых форм горшков (Крым), светильников (Киев), маркотцов (Нижнее Подунавье).

Таким образом, при изучении формирования городской культуры Пруто-Днестровья XIV в. нужно учитывать скрещивание двух основных потоков культурных влияний, шедших из Черноморского бассейна, с одной стороны, и Поволжья — Северного Кавказа,— с другой. Вместе с тем, в вопросе формирования городской культуры необходимо выяснить роль местного, слабо изученного славяно-волошского элемента.

Возникает вопрос, сыграла ли культура XIV в. Пруто-Днестровского междуречья какую-то роль в формировании средневековой материальной культуры молдавского народа, прослеживаются ли между ними элементы преемственности? Не претендуя на окончательное решение этого вопроса, связанного с проблемой формирования молдавской культуры вообще, укажу на некоторые наблюдения. Распространенная в северо-западном Причерноморье в XIII—XIV вв. поливная посуда, орнаментированная в технике граффито, зачастую подцвеченная подглазурной росписью, продолжала бытовать в гончарстве Молдавии вплоть до недавнего времени.

Во время раскопок столицы Молдавского княжества Сучавы была раскрыта гончарная печь XV в., в которой оказались поливные миски с высоким поддоном и орнаментом граффито, мало отличающиеся от таких же мисок XIV в. [48]. В керамическом материале из Сучавы встречаются поливные кувшины с узким горлом и одной ручкой, иногда покрытые граффито, также близкие к поливным кувшинам XIV в. из Старого Орхея, Костешт и других городов северо-западного Причерноморья.

Раскопки поселения у с. Анены-Русены Бульбокского района Молд-ССР [49] выявили характерные в этом смысле керамические материалы XVI в. Типы посуды чрезвычайно близки к некоторым формам городской

---

[45] Г. Ф. Чеботаренко, П. П. Бырня. Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 г. Изв. МолдФАН СССР, 4(70).

[46] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 167 сл.

[47] А. П. Смирнов. Волжские Булгары. М., 1951, стр. 143.

[48] Şantierul arheologic Suceava. SCIV, VI, 3—4, 1955, стр. 780—782.

[49] Раскопки П. П. Бырня и И. Г. Хынку (1957 г.).

посуды Пруто-Днестровья XIV в.— это кувшины с узким горлом и носиком, миски с кольцевым поддоном и вертикальным бортиком. На поселениях XVI в. в зоне кодров МолдССР[50] часты находки фрагментов поливных мисок с кольцевым поддоном, орнаментированных в технике граффито и подглазурной росписью. Наконец, посуда подобного рода известна по раскопкам молдавского средневекового города Старого Орхея (XV—XVI вв.) [51]. Традиции поливной посуды XIV в. сохраняются в молдавском гончарстве более позднего времени (техника граффито, набор цветных полив и т. д.) [52]. Для украшения городской поливной керамики XIV в. употреблялись прозрачные свинцовые глазури в основном различных оттенков зеленого и желтого цвета; в меньшей степени — коричневого и голубого. Для молдавской средневековой керамики XV—XVIII вв. (вплоть до наших дней) характерны те же цвета свинцовых прозрачных полив, с предпочтением зеленого, создающего основной цветовой тон.

Проведенный Ю. Л. Щаповой спектральный анализ полив Пруто-Днестровья XIV—XVIII вв. также позволяет ставить вопрос о возможности сохранения традиций полив XIV в. в более позднее время.

Эти предварительные наблюдения показывают, что дальнейшее накопление и обобщение материала должно производиться с учетом указанных здесь явлений. Пока еще нельзя сказать, заимствованы ли поздней молдавской керамикой некоторые формы и декоративные приемы непосредственно от городской керамики XIV в. типа Старый Орхей — Костешты или здесь имел место более сложный процесс. Может быть, эти явления связаны с влиянием всей причерноморской средневековой поливной керамики, в том числе Пруто-Днестровской XIV в.

---

[50] Материалы из разведывательных сборов автора.

[51] Г. Д. Смирнов. Из истории Старого Орхея, стр. 81 сл.

[52] B. Slătineanu, P. Shahl, P. Petrescu. Ceramica, Arta populară în R.P.R. Bucureşti, 1958, стр. 18—19; N. Constantinescu. Contribuţie la cunoaşterea ceramicii bizantine de la Cetatea Albă (Belgorod Dniestrovski). SCIV, X, 2, 1959 стр. 446—449.

К 80-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БРЮСОВА

А. Я. Брюсов родился в Москве 29 сентября 1885 г. Он родной брат замечательного русского поэта Валерия Яковлевича Брюсова. В 1904 г., после окончания гимназии, Александр Яковлевич поступил на историко-филологический факультет Московского университета.

В молодости А. Я. Брюсов провел много лет в путешествиях по странам Европы, Ближнего и Дальнего Востока. До 1914 г. Александр Яковлевич в основном занимался литературной работой, писал и печатал стихи. Он перевел на русский язык ряд произведений классической английской, испанской и португальской литературы.

Во время первой мировой войны Александр Яковлевич был в действующей армии, участвовал в боях, а с 1915 по 1919 г. находился в плену в Германии. По возвращении на Родину был призван в ряды Красной Армии, где служил в информационной части Управления связи Красной Армии.

В 1922 г. Александр Яковлевич поступил на археологическое отделение факультета общественных наук Первого Московского государственного университета и окончил его в 1924 г. В 1925 г. А. Я. Брюсов стал сотрудником Государственного Исторического музея, в котором и проработал около 40 лет. Еще будучи студентом, Александр Яковлевич определил целью своей исследовательской работы изучение Севера. В 1925 г. А. Я. Брюсов поступил в аспирантуру РАНИОН и уже в 1928 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Северо-Запад СССР с конца 3-го до начала 1-го тысячелетия до н. э». В этой работе А. Я. Брюсов на основании изучения материалов многих памятников сделал первую попытку осветить быт древнего населения Карелии. Им были сделаны также ценные исторические выводы о путях заселения человеком территории Карелии, о сложении древних племен и о взаимоотношении между племенами.

Последующие работы А. Я. Брюсова были посвящены вопросам датировки отдельных памятников, соответствию археологических культур этническим общностям, вопросам экономики древних племен. Изучая вопросы происхождения неолитических племен Карелии, Александр Яковлевич вынужден был обратиться к исследованию памятников эпохи неолита Волго-Окского междуречья, результатом чего явилась серия статей, посвященных этой проблеме.

В работе А. Я. Брюсова всегда большое место занимали теоретические положения, базируемые на изучении материалов многочисленных памятников. Ему никогда не было свойственно чистое вещеведение, наоборот, для него характерен широкий размах исторических обобщений, исходящих из глубокого знания истории и теории марксизма. Например, он заинтересовался положением Ф. Энгельса о том, что между территориями, заселенными различными племенами, находилась нейтральная полоса, более узкая у племен, родственных друг другу по языку, и более широкая у племен неродственных.

Ф. Энгельс при этом ссылался на зону пограничного леса у германцев, зону саксонского леса между славянами и германцами и т. д. Тщательное обследование, проведенное А. Я. Брюсовым в пограничном районе между территорией, занятой в древности племенами карельской и каргопольской культур, в районе Водлозера полностью подтвердило положение Энгельса.

Еще в 1935 г. А. Я. Брюсовым была опубликована статья «Кризис буржуазной археологии и поиски новых путей вслепую». В этой статье дается острая критика работ западноевропейских археологов. Особенно резкой критике в этой работе подверглись шовинистические статьи Коссины, который доказывал, что якобы все «передовые культуры» были созданы «германцами».

В конце 30-х и в 40-х годах А. Я. Брюсов занялся изучением памятников в Вологодской обл., где основное внимание уделил исследованию торфяниковых стоянок. Здесь, на р. Модлоне Александру Яковлевичу впервые в СССР удалось открыть свайное поселение. При изучении этого памятника А. Я. Брюсов первый из советских археологов стал пользоваться для датировок методами естественных наук.

В 1943 г. Александр Яковлевич защитил докторскую диссертацию на тему «История древней Карелии».

В 1952 г. вышло в свет наиболее крупное исследование А. Я. Брюсова — «Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху». В этой монографии Александр Яковлевич поставил ряд важных для археологической науки вопросов: что следует понимать под термином «неолит», «археологическая культура», теория «сегментации племен». Сложный вопрос о том, что такое «археологическая культура», нашел здесь очень широкое, разностороннее толкование, основанное на глубоком анализе всех известных археологических материалов. Большое внимание А. Я. Брюсов уделил теории сегментации племен и доказал, что процесс сегментации имел место в эпоху неолита в европейской части нашей страны. Очень важно и разобранное в этой книге положение о родовых и племенных языках. А. Я. Брюсов привел интересные доказательства тому, что каждая археологическая культура соответствует группе родственных племен, говорящих на диалектах одного языка. Названная книга является до сих пор основополагающей для всех изучающих эпоху неолита. Она вызвала большой интерес за рубежом и была издана на немецком языке в Германской Демократической Республике.

Хорошее знание многих европейских языков дало возможность А. Я. Брюсову внимательно следить за работами зарубежных ученых и остро откликаться на все новое, что появлялось в печати на Западе.

В связи с этим следует вспомнить статью А. Я. Брюсова «К вопросу о заселении Севера европейской части СССР в неолитическую эпоху». В этой работе Александр Яковлевич дал резкую критику работ буржуазных археологов, в частности статьи Р. Индреко, в которой автор проповедует «цивилизирующее влияние германцев на „дикие" племена», выразившееся якобы в продвижении так называемых культуртрегеров на восток вплоть до Тихого океана через Урал, Прибалтику и Сибирь. Этой упрощенной антиисторической гипотезе А. Я. Брюсов противопоставил более сложную, но безусловно более соответствующую исторической реальности картину (основанную на богатом археологическом материале) первичного заселения северной полосы европейской части СССР не с Запада, а с Востока, из районов Зауралья.

В последующих работах А. Я. Брюсов обращается к разрешению другой весьма важной задачи, которая нашла свое отражение в статье «К вопросу об индоевропейской проблеме» (1958). В этой острополемической статье А. Я. Брюсов совершенно по-новому ставит вопрос о том, что «процесс расселения индоевропейцев и распад индоевропейского языкового единства должен был закончиться ко времени мезолитической и ранненеолитической эпох». Хотя приведенные в названной статье доказательства и

вызывают частичные возражения у некоторых исследователей, однако уже сама постановка такого вопроса представляет большой интерес.

В последние годы А. Я. Брюсов работает над чрезвычайно сложной темой, связанной с изучением «культур с боевыми топорами». Разработка ее требовала не только исчерпывающих знаний огромных вещественных памятников нашей страны, но и знания соответствующих материалов Западной Европы. Исследуя эту проблему со свойственной ему тщательностью, привлекая практически весь известный археологический материал, он освещает ее с новых и очень широких позиций.

В работах «Об экспансии культур с боевыми топорами» (1961) и «Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. (этногенетический очерк)» (1965) А. Я. Брюсов поставил в порядке гипотез ряд вопросов, связанных с выяснением исходной области экспансии этих культур, путей, по каким они распространялись, причины, которые вызвали это движение, и, наконец, к какой семье народов принадлежали эти племена.

В настоящее время А. Я. Брюсов продолжает работать над теоретическими вопросами археологии и, в частности, над индоевропейской проблемой.

Вся многогранная научно-исследовательская работа А. Я. Брюсова тесно связана с двумя крупнейшими археологическими учреждениями страны — Государственным Историческим музеем и Институтом археологии. Поступив в 1925 г. в ГИМ помощником хранителя археологического отдела, он был с 1929 по 1960 г. заведующим первым археологическим отделом, а затем консультантом музея в этом же отделе.

В результате почти ежегодных (за исключением 1941—1944 гг.) полевых экспедиций А. Я. Брюсовым собран огромный археологический материал, явившийся базой для экспозиций Исторического музея по истории первобытно-общинного строя и образовавший основной фонд музея по эпохе неолита.

Александр Яковлевич был автором многих экспозиций Исторического музея. Путеводители по этим экспозициям, издававшиеся в 1937, 1939, 1940 и 1960 гг., составлялись при его участии и под его редакцией.

В годы Великой Отечественной войны А. Я. Брюсову была доверена эвакуация музейных ценностей. За успешное выполнение этой работы он был записан в Республиканскую Книгу Почета Народного Комиссариата Просвещения в 1943 г.

В 1932—1939 гг. Александр Яковлевич был старшим научным сотрудником ГАИМК и ИИМК. С 1944 г. по настоящее время он старший научный сотрудник Института археологии АН СССР. В качестве заведующего отделом полевых исследований он сделал очень много для совершенствования методики археологических исследований в СССР. Его консультациями и советами пользуются все археологи, ведущие полевую работу.

Александр Яковлевич внес большой вклад в развитие археологии и краеведения Вологодской обл. Благодаря его раскопкам созданы экспозиции по первобытно-общинному строю в музеях Вологодском, Череповецком, Кирилловском. Он был автором и редактором ряда краеведческих изданий и «Сборника по археологии Вологодской области» (1961); выступал с яркими докладами на Вологодской археологической конференции (1962).

Помимо научно-исследовательской, А. Я. Брюсов занимался и педагогической деятельностью. С 1927 г. он читал курс истории развития общественных формаций в Коммунистическом университете Китая, ряд курсов в Московском государственном университете, курс археологии СССР в Карело-Финском университете, курс лекций в Австрии. В 60-х годах он читал курс «Каменный век в СССР» в Московском государственном университете.

Александр Яковлевич щедро и любовно делится своими знаниями и опытом с молодежью. Он сумел передать своим ученикам страстную увле-

ченность наукой и воспитал много хороших археологов, ставших уже кандидатами наук.

В 1953 г. А. Я. Брюсов вступил в члены КПСС.

Зарубежным археологам хорошо знакомо имя А. Я. Брюсова, который является почетным членом «Доисторического Общества» (Prehistoric Society) в Англии, членом научного общества при Парижском университете, почетным членом Международного Общества доисторических и раннеисторических знаний системы ЮНЕСКО; ряд работ А. Я. Брюсова опубликован в зарубежных изданиях таких стран как Англия, Франция, ФРГ, ГДР, Финляндия, Мексика.

Правительство Советского Союза высоко оценило плодотворную деятельность Александра Яковлевича, присвоив ему звание заслуженного деятеля науки РСФСР (1947), заслуженного деятеля науки Карело-Финской АССР, и наградило его рядом почетных грамот и медалей, а в 1953 г.— орденом Ленина.

В. М. Раушенбах

Список научных трудов А. Я. Брюсова

1. Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения, Л., 1926.
2. Статьи в 1-м издании БСЭ, начиная с 1925 г.: мадленская культура; мустьерская культура; могильники; неолит; палеолит; свайное поселение и др.— всего около 150; статьи во 2-м издании БСЭ с 1949 по 1957 г.: азильская культура; Модлонское свайное поселение и др.— всего около 100; статьи в Советской Исторической Энциклопедии с 1961 г.
3. Археологические исследования на северо-западе СССР. «Советская Карелия», 1 и 2, Петрозаводск, 1927.
4. О раскопках в Чухломском уезде Костромской губ. летом 1925 г. Сб.: «Материалы к доистории Центрально-промышленной области», 1927.
5. Справка о раскопках, произведенных в 1924—1925 гг. в пределах Центрально-промышленной области одной из групп московских археологов. Там же.
6. Что представляют собою стоянки на Летнем берегу Белого моря? ТСА РАНИОН, 3, М., 1928.
7. Федоровская стоянка, ТСА РАНИОН, 2, М., 1928.
8. Селище XVII века «Верхняя Лопшенга» на Летнем берегу Белого моря. Сборник СА РАНИОН, 4, М., 1928.
9. Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа. Тр. Секции теории и методологии. РАНИОН, 2, М., 1928.
10. А. Я. Брюсов, А. В. Арциховский и др. Новые методы археологии. ИМ, 1929, 14.
11. Приемы выработки каменных орудий на северо-западе СССР. Сб.: «Техника обработки камня и металла». М., 1930.
12. К вопросу об археологии и археологических исследованиях по доистории северо-запада СССР. «Советская Карелия», 1(2), 1930.
13. Древние поселения на рр. Суне и Черной. «Советская Карелия», 9—10, 1930.
14. Краеведение и археологическая работа в Карелии Сб.: «Краеведение в Карелии на новом этапе». Петрозаводск, 1930.
15. Каменные насыпи Карелии, ПИДО, 5, 1934.
16. Кризис буржуазной археологии и поиски новых путей вслепую (А. Броггер). ПИДО, 9—10, 1935.
17. Предисловие к Сборнику статей по археологии СССР. Тр. ГИМ, VIII, М., 1935.
18. Архитектура доисторической эпохи. В Приложениях к кн. О. Шуази. История архитектуры, I, М., 1937.
19. Путеводитель по 1—4 залам ГИМ. М., 1937.
20. Карельские петроглифы. ВДИ, 1, 1937.
21. Экспозиция отдела древнейшей истории в ГИМ'е. «Советский музей», 3, 1938.
22. Рец.: Новая книга о древнейшей истории человечества. (П. П. Ефименко. Первобытное общество). «Книга и пролетарская революция», 5—6, 1939.
23. Путеводитель по 1—4 залам ГИМ. Изд. 2 исправл. и дополн. М., 1939.
24. Наука о древностях. «Знание — сила», 5, 1939.
25. Гонцовская стоянка. СА, V, 1940.
26. История древней Карелии. Тр. ГИМ, 9, 1940.
27. Следы палеолитической стоянки у сел. Улянк (Чувашская ССР). Сб.: «Итоги работ 2-го пленума Комиссии ископаемого человека Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода». Бюлл. комиссии, 6—7, 1940.
28. Путеводитель по 1—4 залам ГИМ. Изд. 3. М., 1940.
29. Отчет о раскопках 1938—1939. Тр. ГИМ, 12, М., 1941.
30. Археологические работы в Вологодской области в 1937—1940 гг. КСИИМК, X, 1941.

31. Свайное поселение на р. Модлоне. Тр. ГИМ, 17, М., 1941.
32. Село Улянк, 1936. АИР, М.—Л., 1941.
33. Караваевский могильник. Тр. ГИМ, XII, М., 1941.
34. Поиски золота в Карело-Финской ССР в конце XVIII века. Тр. ГИМ, XIV, М., 1941.
35. Окский неолит. Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 г. (АН СССР, ОИФ). М.— Л., 1945.
36. Окский неолит. Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. (АН СССР, ОИФ). М.— Л., 1947.
37. «Неолит». Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М., 1947.
38. Предисловие к Археологическому сборнику. НИИК Карело-Финск. ССР. Петрозаводск, 1947.
39. Археологические памятники III—I тысячелетий до нашей эры в Карело-Финской ССР. Археологический сборник. Петрозаводск, 1947.
40. Сунские стоянки. Там же.
41. Стоянки в низовьях р. Выга около петроглифов Бесовые Следки. Там же.
42. Стоянки на Машозере и озере Лососином. Там же.
43. Белевская неолитическая культура. КСИИМК, XVI, 1947.
44. Краткий отчет о работах Северной археологической экспедиции в 1945 г. в Чарозерском районе Вологодской области. КСИИМК, XVII, 1947.
45. Археологические карты № 1 и 2 в «Атласе истории СССР» для средней школы (совместно с А. П. Смирновым), ч. I, М., 1947.
46. Краткий обзор археологических работ в Карело-Финской ССР. Материалы юбилейной сессии Ученого совета НИИК, К-ФССР. Петрозаводск.
47. Белевская культура. Рефераты научных работ АН СССР, 1947.
48. Результаты Вологодской археологической экспедиции в Чарозерском районе Вологодской области. КСИИМК, XXI, 1947.
49. Путеводитель по залам ГИМ. Раздел «Доклассовое общество на территории СССР». М., 1947.
50. Археологическое изучение Карело-Финской ССР за 30 лет. «Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти». Петрозаводск, 1948.
51. Заселение севера европейской части СССР по археологическим данным. Уч. зап. ЛГУ, 105. Сер. востоковед., 2, 1948.
52. Предисловие к Археологическому сборнику. Тр. ГИМ, 17, М., 1948.
53. Раскопки в Чарозерском районе Вологодской области в 1946 г. КСИИМК, XX, 1948.
54. Северная археологическая экспедиция. КСИИМК, XXVI, 1949.
55. «Сетчатая» керамика. СА, XIV, 1950.
56. Уральская археологическая экспедиция. КСИИМК. XXXVII, 1951.
57. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области. МИА, 20, 1951.
58. Рец. А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, т. I. МИА, т. 18, 1950. ВДИ, 4, 1951.
59. Первобытно-общинный строй на территории Карелии. История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века. Макет. Петрозаводск, 1951.
60. Заселение севера европейской части СССР в неолитическую эпоху. Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. М., 1951.
61. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
62. Рец. Сб.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества». ВДИ, 1953, 2.
63. Рец. G. Clark. Praehistoric Europe. The Economic Basis. ВДИ, 1953, 3.
64. Рец.: История древнего мира. Учебник для учительских институтов под редакцией В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского. М., 1952. ВДИ, 1953, 2.
65. Некоторые теоретические основы хронологии неолита. СА, XVIII, 1953.
66. К вопросу о заселении севера европейской части СССР в неолитическую эпоху. КСИИМК, XLIX, 1953.
67. К критике ошибок археологов при истолковании древних петроглифов. Сб.: «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953.
68. Предисловие к Трудам ГИМ, XXII. Археологический сборник. М., 1953.
69. Предисловие к кн.: Б. В. Ляпунов. Из глубины веков. М., 1953.
70. Предисловие к кн.: Д. Г. Кларк. Доисторическая Европа. Экономический базис. М., 1953.
71. Предки народов Зауралья. Сб.: «По следам древних культур». От Волги до Тихого океана. М., 1954.
72. Рец. П. П. Ефименко. Первобытное общество. ВДИ, 1954, 1.
73. Предисловие к кн. Т. Б. Попова и В. М. Раушенбах. Археологические материалы в краеведческих музеях. М., 1954.
74. Рец. М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. ВДИ, 1954, 2.
75. Die Wanderungen der ursprünglischen Stämme und die Resultate der Archäologie. AAKb, XXV, 1954.

76. К вопросу о единстве происхождения древних племен на севере Европы. Тезисы докладов на Объедин. конференции по археол., этногр. и антропол. Прибалтики. М., 1955.
77. От редакции. (О желательности более тесного культурного сотрудничества между археологами Советского Союза и прогрессивными учеными других стран). СА, XXIV, 1955.
78. Eines der Merkmale des gemeinsamen Ursprungs der vorgeschichtlichen Stämme im europäischen und westsibirischen Teil der Sovjetunion. «Finkst Museum», 62, Helsingfors, 1956.
79. О целях и задачах археологии и о состоянии и перспективах археологического обследования Вологодской области. Труды научной конференции по изучению Вологодской области. Вологда, 1956.
80. Neolithic Dwellings in the Forest Zone of the European Part of the USSR. PPS, XXI, London, 1956.
81. Археологические данные об экономике доклассового общества в неолитическую эпоху. СА, XXV, 1956.
82. Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI, 1956.
83. А. Я. Брюсов и др. Некоторые вопросы возникновения человеческого общества, СА, 1957, 1.
84. К вопросу о передвижениях древних племен в эпоху неолита и бронзы. СА, XXVII, 1957.
85. К вопросу о теории диффузии. СА, 1957, 1.
86. К вопросу об истории земледелия в датской археологической литературе (1950—1953). СА, 1957, 2.
87. Г. Чайльд. Археологические документы по предыстории науки. Пер. с англ. ВИМК, 1 и 2. 1957.
88. Geschichte der neolitischen Stämme im europäischen Teil der UdSSR. Berlin, 1957.
89. Рец. Ethnographisch-archäologische Forschungen, 1, 2, 3 за 1953—1955 гг. Berlin. ВДИ, 1957, 2.
90. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе. СА, XXVII, 1957.
91. А. Я. Брюсов и Д. А. Крайнов. Проблемы северного мезолита. Тезисы докладов Всесоюзного междуведомств. совещания по изучению четвертичного периода 16—27 мая 1957 г. М., 1957.
92. К вопросу об индоевропейской проблеме. СА, 1958, 3.
93. Рец. M. Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe. Cambridge.
94. Les tribus néolithiques du territoire de l'URSS et la Sibérie Occidentale. Cahiers d'Histoire Mondiale. Chaier hors série. Neuchatel, France, 1958.
95. A. Y. Brjusov und A. M. Sacharov. Geschichte. 1. Urgesellschaft und Sklavenhaltergesellschaft. 2. Periode des Feudalismus. Die UdSSR. Encyklopädie der Union der Sozialistischen Sovietrepubliken. Leipzig, 1959.
96. Неолитические жилища лесной зоны европейской части СССР. Сб.: «Вологодский край». Вологда, 1959.
97. В. А. Городцов (К столетию со дня рождения). Тр. ГИМ, 37, 1960.
98. Льяловская стоянка на р. Клязьме в Московской области. СА, 1960, 3.
99. Quelques mégalithes du nord de l'URSS. «Antiquités nationales et internationales», 2, Paris, 1960.
100. The Problem of Drinking Water in Antiquity. Bericht über den V Internationalen Kongress für vor und Frühgeschichte. Hamburg, Berlin, 1958.
101. Concerning the Relationship and Ethnic Makeup of the Tribes of the Northern European Part of the USSR during the Neolithic and Early Bronze Age. 2 Bericht über den V Internationalen Kongress für vor und Frühgeschichte. Hamburg, Berlin, 1958.
102. Рец. Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, 87, 1961.
103. Предисловие. Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961.
104. Караваевская стоянка. Там же.
105. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н. э. СА, 1961, 3.
106. Рец.: P. Bosch-Gimpera. El problema indoeuropea. Mexico, 1960, СА, 1961, 2.
107. Рец.: F. C. Hibben. L'Homme préhistorique en Europe. СА, 1962, 2.
108. Рец.: G. Glark. World Prehistory. СА, 1962, 1.
109. Мезолитическая неурядица. Историко-археологический сборник МГУ к 60-летию А. В. Арциховского. М., 1962.
110. Le problème indoeuropéen et la civilisation de haches de combat. VI. congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Moscou, 1962.
111. Ein neolitischer Kahn aus dem Historischen Museum in Moskau. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, XLII, Wien, 1962.
112. Sur l'origine de la culture d'Andronovo. A Pedro Bosch-Himpera en su septuagesimo aniversario de su nacimento Mexico, 1963.

113. A propos de la region d'origine et des voies d'expansion de la civilisation haches de combat et de corrélation de cette expansion. Actes de VI congrés International des sciences anthropologiques et ethnologiques, 2, Paris, 1963.
114. История СССР в 12 томах, т. I. ч. 1, § 2. Макет (совместно с Д. А. Крайновым, Т. С. Пассек и А. А. Формозовым).
115. Методы раскопок торфяниковых стоянок. М., 1963.
116. Что надо понимать под этническими общностями в археологии и их значение для проблемы происхождения древних и современных народов. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
117. Каменные боевые сверленые топоры на территории европейской части СССР (совместно с М. П. Зиминой). Свод археологических источников (в печати).
118. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. (Этногенетический очерк). СА, 1965, 2.

К 60-ЛЕТИЮ ЭЛЬВИРЫ ДАВЫДОВНЫ ШНОРЕ

Исполнилось 60 лет видному латвийскому археологу, старшему научному сотруднику Института истории АН Латвийской ССР, кандидату исторических наук Эльвире Давыдовне Шноре.

Э. Д. Шноре родилась 15 января 1905 г. в Риге в семье ремесленника. В 1922 г. по окончании средней школы она поступила на историческое отделение философско-филологического факультета Латвийского университета. По окончании курса Э. Д. Шноре в 1932 г. была оставлена при университете для специализации по археологии Латвии. В порядке подготовки к научной деятельности она была командирована в 1932 г. в Стокгольм, в 1935 г.— в Париж, в 1937 г. — в Хельсинки.

С 1930 по 1946 г. Э. Д. Шноре с небольшими перерывами сотрудничала в археологическом отделе Музея истории Латвии и вела полевую работу. 11 научных работ, написанных ею в 30-х годах, свидетельствуют о глубоких знаниях как археолога, точности применявшейся ею техники раскопок, стремлению к строго обоснованным в научном отношении выводам.

Новый этап исследовательской работы и крупных научных достижений начался в жизни Э. Д. Шноре с 1946 г., когда она стала ведущим археологом Института истории только что созданной Академии наук Латвийской ССР.

За годы плодотворной работы по археологии Латвии Э. Д. Шноре исследовала свыше 50 археологических памятников, в том числе 7 городищ, и опубликовала около 60 научных работ.

В 1947—1948 гг. под руководством Э. Д. Шноре был полностью раскопан могильник периода раннего феодализма в Нукши. Важные итоги о социальной дифференциации и этническом составе населения были обобщены в коллективном труде (Нукшинский могильник. МИА Латв.ССР 1, Рига, 1957).

В 1949—1954 гг. под руководством Э. Д. Шноре производились раскопки на городище Асоте (близ Екабпилса), где находился один из экономических и политических центров латгалов (I тыс. до н. э.— XIII в. н. э.).

Исследования на городище Асоте легли в основу кандидатской диссертации Э. Д. Шноре, защищенной ею в 1958 г. и позволили ей опубликовать монографию, являющуюся самой обширной из работ, посвященных одному археологическому памятнику Латвии (Э. Д. Шноре. Асотское городище

по данным археологических раскопок. 1949—1954. Рига, 1958; Астское городище. МИА Латв.ССР, II, Рига, 1961).

В 1964 г. Э. Шноре руководила раскопками на городище Селпилс — экономическом и политическом центре селов.

Для успешного развития археологии в Советской Латвии необходимо было вскрыть и разоблачить ошибки и фальсификации, накопленные в большом количестве латышской буржуазной археологией. В 1952 г. Э. Д. Шноре публикует первый в латвийской советской археологической науке критический историографический обзор «Против буржуазных концепций в археологии Латвии» (Сб. Буржуазные националисты — фальсификаторы истории Латвии. Рига), в котором анализирует методологические ошибки, допущенные Ф. Балодисом и др. в трактовке проблем первобытного общества, а также балто-славянских и балто-норманских отношений.

Научная деятельность Э. Д. Шноре в послевоенные годы протекала в тесном сотрудничестве с выдающимся эстонским археологом профессором Х. А. Моорой. В 1952 г. Э. Д. Шноре редактирует книгу Х. А. Мооры «Первобытнообщинный строй и раннефеодальное общество на территории Латвийской ССР» (Рига, 1952), в которой учтены материалы последних раскопок латвийских археологов и сформулированы с марксистских позиций основные черты истории этой эпохи. Эта работа до сих пор остается настольной книгой по археологии Латвии. В 1952 г. опубликована также написанная Э. Д. Шноре совместно с Х. А. Моорой глава о первобытнообщинном строе на территории Латвии в первом томе трехтомной «Истории Латвийской ССР» (Рига, 1952). Эта глава содержит анализ социально-экономических, культурных и этнических процессов, протекавших на территории Латвии в период существования первобытнообщинного строя.

Основное внимание Э. Д. Шноре в послевоенный период привлекали две взаимосвязанные проблемы истории раннего феодализма в Восточной Латвии — развитие производительных сил и производственных отношений на населенной латгалами территории и связи латгалов со славянами. В свете решения данных проблем определялся выбор Э. Д. Шноре объектов для раскопок (Нукшинский могильник, городища: Асоте, Кишукалнс и др.) и были написаны первые в археологической науке Советской Латвии значительные монографии и публикации. Э. Д. Шноре принимает активное участие в республиканских, межреспубликанских и общесоюзных научных сессиях археологов. В 1964 г. она вместе с коллегами подготовила для VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук в Москве доклад «Данные археологии об этногенезе латышей».

Глубокое знание предмета, отличные педагогические данные позволили Э. Д. Шноре стать подлинным воспитателем молодого поколения археологов Советской Латвии. Э. Д. Шноре обучила их методам работы, технике раскопок; она консультировала и рецензировала работы историков, этнографов, искусствоведов, лингвистов, в которых затрагивались археологические проблемы. Молодые археологи могут учиться у Э. Д. Шноре беззаветной любви к своему делу, простоте, товарищеским отношениям с коллегами, отзывчивости, готовности всегда оказать квалифицированную помощь, умению подчинять свои личные интересы интересам коллектива, выдержке в трудную минуту.

Свой юбилей Эльвира Давыдовна Шноре встретила в расцвете творческих сил, поглощенная работой над курсом «Археология Латвии» и над своей новой монографией «Восточно-балтийские племена в I и в начале II тысячелетия нашей эры». Пожелаем ей успешного завершения этих и еще многих других работ, новых достижений в изучении прошлого латышского народа!

Г. П. Строд

К 60-ЛЕТИЮ ВИКТОРА ФРАНЦЕВИЧА ГАЙДУКЕВИЧА

В 1964 г. исполнилось 60 лет старшему научному сотруднику Института археологии АН СССР, доктору исторических наук, профессору Виктору Францевичу Гайдукевичу.

Виктор Францевич родился 12 ноября 1904 г. в Ленинграде в семье врача. Окончив среднюю школу, он в 1923 г. поступил в Ленинградский университет, где специализировался в области античной археологии, истории и археологии Северного Причерноморья. В 1928 г. по окончании университета В. Ф. Гайдукевич уехал в Керчь и стал научным сотрудником Керченского Археологического музея. Научная деятельность Виктора Францевича началась в «столице Боспорского царства», среди первоклассных памятников античности. Еще студентом, с 1926 г., В. Ф. Гайдукевич стал принимать участие в археологических экспедициях. Работая в Керченском музее, он участвует в раскопках Херсонеса, Китея, Фанагории и других древних городов и поселений на Боспоре. Результатом работы в музее явилась первая книга «Античные керамические обжигательные печи» (1934). С тех пор Виктор Францевич Гайдукевич посвятил себя исследованию Боспора, уделяя главное внимание вопросам экономической истории.

Вернувшись в Ленинград, В. Ф. Гайдукевич поступает в аспирантуру ЛИФЛИ, по окончании которой в 1932 г. зачисляется старшим научным сотрудником ГАИМКа. В 1934 г. он возглавил большую «Боспорскую археологическую экспедицию», которая успешно работает и по настоящее время. Огромный вклад в науку внесли полевые исследования малых городов Боспора, раскапывавшихся этой экспедицией. Раскопки Мирмекия и Тиритаки позволили открыть новые страницы в истории и экономике Боспорского царства, в частности установить развитие рыбного промысла и широкий размах винодельческого хозяйства.

Началась Великая Отечественная война. В осажденном Ленинграде В. Ф. Гайдукевич вместе с коллективом ГАИМКа участвовал в оборонных работах. Эвакуированный в Ташкент, он продолжал полевые изыскания. В связи с возведением Фархадской гидроэлектростанции возникла необходимость исследования зоны строительства. В. Ф. Гайдукевич был назначен руководителем Фархадской археологической экспедиции. Напряженные работы проводились зимой и летом, зачастую в очень тяжелых условиях. За два года раскопок на Фархаде были открыты ценнейшие архитектурные сооружения и найдены интереснейшие памятники культуры; результаты этих работ явились серьезным вкладом в археологию Средней Азии. Исследовательская работа В. Ф. Гайдукевича на Фархадстрое была дважды отмечена Президиумом Академии наук СССР. По окончании войны Боспорская экспедиция под руководством В. Ф. Гайдукевича возобновила исследования малых городов Боспора. Подлинным открытием явились раскопки Илурата — города-крепости первых веков нашей эры, степного форпоста Боспорского царства, название которого было также установлено Виктором Францевичем на основании данных античных писателей. Раскопки В. Ф. Гайдукевича отличаются планомерностью и систематичностью, глубоким и всесторонним изучением исследуемых объектов. Образцово поставлены им и публикации отчетов, каждая из которых представляет научное исследование.

В. Ф. Гайдукевич — автор 83 печатных трудов, в которых освещается все многообразие изучаемых им проблем истории, экономики и культуры Боспора.

Обобщающим трудом является книга В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство» (М.—Л., 1949), за которую ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук. В ней воссоздана история Боспорского царства на основе глубокого комплексного изучения источников. Оригинальными частями являются главы, посвященные боспорским городам, сельскому хозяйству, производству и художественным ремеслам. В книге представлен материал, касающийся не только Боспора, Херсонеса и Ольвии, но и с достаточной полнотой дана картина степного мира. Взаимоотношения греческих городов со степным окружением, взаимодействие их, отражения этого взаимодействия в области экономики и культуры являются ценнейшим вкладом в советскую историческую науку. В настоящее время В. Ф. Гайдукевичем подготовлено расширенное второе издание, где учтены результаты новейших археологических исследований. Большое значение имеет его обобщающее исследование по античным городам Северного Причерноморья (История античных городов Северного Причерноморья. В кн.: «Античные города Северного Причерноморья». М.-Л., 1955).

Наряду с исследованием широких исторических проблем Виктор Францевич занимался углубленным изучением отдельных сторон жизни Боспора. Важна его статья о боспорском ткацком ремесле (К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях. МИА, 25, 1952) и фундаментальная работа о боспорском виноделии (Виноделие на Боспоре, МИА, 85, 1958). Серия статей, посвященных черепицам и клеймам на них, служит образцом исследования этой группы материала.

С 1938 г. Виктор Францевич Гайдукевич ведет преподавательскую работу в Ленинградском университете, сначала в качестве доцента, а затем профессора. Им прочитаны курсы: «Основы археологии», «Северное Причерноморье в античную эпоху», «Античная археология». Многие археологи, окончившие Ленинградский университет, прошли подготовку у Виктора Францевича в университете и в его экспедиции.

Одновременно с большой научной работой В. Ф. Гайдукевич ведет и научно-организационную работу. После смерти акад. С. А. Жебелева он возглавляет группу античной археологии в ЛОИА АН СССР. Коллектив, работающий под его руководством, успешно разрабатывает проблемы, связанные с историей и археологией Северного Причерноморья.

Последние годы В. Ф. Гайдукевич много работал в составе группы, состоявшей из сотрудников Института археологии и Ленинградского отделения Института истории, возглавляемой акад. В. В. Струве, являясь его заместителем. Группа подготовила новый полный свод боспорских надписей. Особенно много внимания В. Ф. Гайдукевич уделил составлению исторического комментария к надписям и исторической топографии.

Товарищи по работе желают Виктору Францевичу бодрости, здоровья и новых творческих успехов.

С. И. Капошина,
Т. Н. Книпович,
А. Л. Якобсон

Публикации

И. И. КОРОБКОВ

НОВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА ЯШТУХЕ

(по результатам работ 1961 г.)

Яштухское палеолитическое местонахождение открытого типа в окрестностях Сухуми является первым памятником, давшим сведения о наличии нижнего палеолита на территории СССР. Оно было открыто еще в 1934 г. экспедицией под руководством С. Н. Замятнина и исследовалось им в течение 1934—1938 гг. Громадное количество материала, собранного здесь, опубликовано до сих пор весьма недостаточно [1]. Открытие впервые в СССР нижнего палеолита привлекло к себе внимание геологов, попытавшихся совместить данные археологического и геологического изучения памятника для выяснения взаимной хронологической датировки нижнего, среднего и верхнего палеолита. В разное время на Яштухском местонахождении работали геологи Г. Ф. Мирчинк, Е. В. Шанцер, В. И. Громов, Л. Н. Соловьев. Результаты их работ сводятся в основном к выделению в окрестностях Сухуми пяти террасовых уровней и приурочению к каждой из этих террас определенного археологического материала [2]. Наиболее исчерпывающе увязка археологического материала с террасами была проведена В. И. Громовым, его оценка возраста террас хорошо согласуется с датировкой археологического материала, найденного на этих террасах, но в то же время не могли не сказаться те неточности, которые были свойственны только что начавшей развиваться науке о палеолите. Например, считалось установленным, что мустье должно соответствовать времени миндель-рисса или рисса. В. И. Громов писал: «Таким образом, мустьерскую стадию мы можем связать с концом теплой и влажной эпохи (миндель-рисс) и началом холодной и влажной (рисс)» [3]. В соответствии с этим В. И. Громов считал третью и четвертую террасы Яштухского местонахождения (давшие находки мустьерского времени) также относящимися к миндель-риссу [4]. Однако исследования Л. Н. Соловьева [5], обнаружившего в цоколе третьей террасы Яштуха морскую фауну, позволили ему отнести основание этой террасы к карангатскому времени (рисс-вюрм) и предположить, что горизонты карангатского возраста участвовали также и в сложении более высокой, IV террасы. Возражая ему, В. И. Громов писал: «Если принять рисс-вюрмский возраст карангатской фауны третьей тер-

[1] С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937; его же. Очерки по палеолиту. М.— Л., 1961.

[2] В. И. Громов. Итоги изучения геологических условий нахождения палеолита на Кавказе. БКИЧПЕ, 6—7, 1940; Е. В. Шанцер. Условия залегания и датировка абхазского палеолита. Там же.

[3] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Тр. ИГН, 64, 17, М., 1948, стр. 262.

[4] Там же, стр. 273—274.

[5] Л. Н. Соловьев. К вопросу о геологической датировке абхазского палеолита. БКИЧПЕ, 6—7, стр. 101—105.

расы в Абхазии, то придется вернуться к прежним представлениям о позднем рисс-вюрмском или вюрмском возрасте мустье»[6]. Но именно к этим представлениям в настоящее время и пришло большинство специалистов, как геологов, так и археологов, на Западе. На ряде памятников, как пещерных, так и открытого типа, они убедительно доказали рисс-вюрмский и вюрмский возраст мустье, и прежде всего — для всей Средиземноморской провинции[7].

Возникшая в результате такого расхождения мнений по поводу датировки террасовых уровней нечеткость представления о Яштухе, как о памятнике в целом, поставила вопрос о необходимости дополнительного изучения археологического материала Яштуха[8]. Этим вопросом занялись грузинские исследователи, которые в 1958 г., после долгого перерыва, возобновили работы на Яштухе[9]. Наиболее ценными результатами следует считать обнаружение ими культурного слоя при шурфовке на верхнем плато. Однако, придавая этому открытию исключительное значение, Н. З. Бердзенишвили высказала мысль, что «основные культурные слои нижнего палеолита залегали на вершинах... и ливневыми водами остатки смывались вниз»[10]. В то же время, как отмечает и сама Н. З. Бердзенишвили, наиболее древних форм кремневого инвентаря Яштуха шурфовкой не было обнаружено и условия первоначального залегания его остаются неясными. Недооценка грузинскими археологами метода точной фиксации подъемного материала, хотя и не находящегося in situ, но располагающегося недалеко от места его первоначального залегания, привела к тому, что вопрос о локализации материала на местонахождении не был поставлен, остались неясными возможные условия залегания древнейшего комплекса, и была вообще поставлена под сомнение ценность подъемного материала, собираемого на террасах и в руслах рек, а не на верхнем плато. В то же время несмешанность материала в выявленном культурном слое не была доказана. Результаты работ 1958 г. при объективной оценке их могут свидетельствовать о следующем:

а) кремневый материал конца ашеля-мустье отлагался в делювиальных суглинках одновременно как на вершинах, так и на террасах, но на последних он в дальнейшем был частично выпахан и еще более переотложен.

б) наиболее древний материал местонахождения залегает, по-видимому, в таких условиях вторичного переотложения, которые шурфовкой нельзя выявить и которые могут быть выяснены лишь при изучении более глубоких разрезов, в частности в руслах рек, а также при тщательном изучении подъемного материала с применением метода точных статистических подсчетов на определенной площади, взятой в разных пунктах местонахождения.

В 1958 г. экспедицией Института истории им. Джавахишвили такая работа не была проделана. Проведение же подобного исследования на Яштухе, возможно, позволило бы выявить строго локализованные комплексы и тем самым дать более точную характеристику данному памятнику.

Осенью 1961 г. мне была предоставлена возможность вместе с М. З. Паничкиной произвести краткий рекогносцировочный осмотр Яштухского местонахождения, а затем при участии сотрудника ЛОИА геолога П. М. Долуханова осуществить сбор материалов и изучение условий

---

[6] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование..., стр. 273.

[7] F. Zeuner. The Shore-Line Chronology of the Palaeolithic of Abri Zumoffen, Adlun Caves, Lebanon. Bulletin de Musée de Beyrouth, XVI 1961; D. A. E. Garrod. The Ancient Shore-Lines of the Lebanon, and Dating Mt. Carmel Man. «Hundert Jahre Neanderthaler», 1958.

[8] Автор приносит глубокую благодарность М. З. Паничкиной за любезное разрешение использовать все материалы предыдущих сборов на Яштухе.

[9] Н. З. Бердзенишвили. Новые данные о палеолите Абхазии. Тр. Абхаз. ИЯЛИ, XXX, Сухуми, 1959, стр. 159—180.

[10] Там же, стр. 179.

его залегания на различных участках местонахождения. К сожалению, из-за ограниченности во времени работы в 1961 г. носили сугубо предварительный характер; краткий обзор их результатов описан ниже.

В послевоенное время возникло опасение, что в связи с быстрым расширением границ города Сухуми исчезнет возможность дальнейшего исследования Яштухского местонахождения. Наш осмотр показал, что табачные поля и приусадебные участки, расположенные на значительной части местонахождения, доступны для изучения и сбора археологического материала. Особенно это относится к руслам рек Восточной и Западной Сухумки, верхнему плато гор Яштух и Бырц и, прежде всего, к верхней (80—100 *м*), так называемой Яштухской террасе, давшей весь комплекс разновременного материала Яштухского местонахождения. Все эти участки были осмотрены нами в 1961 г., был собран подъемный материал, состоящий приблизительно из 150 предметов.

Из 30 пунктов сборов подъемного материала, выделенных С. Н. Замятниным на Яштухском местонахождении, наиболее значительные остались доступными для продолжения работ и в настоящее время. Это имеет большое значение для уточнения особенностей уже собранного материала и проведения дополнительных сборов именно на этих пунктах. К сожалению, центральный пункт местонахождения (Яштух 1), давший большое количество материала при сборах 1934—1938 гг., в настоящее время занят под городское кладбище.

Основная масса предметов, собранных на плато и на табачных полях, не имеет сильных следов окатанности: у отщепов острые края и грани. По степени сохранности материала с первого взгляда можно определить, в каких условиях и где был найден тот или иной предмет. Наиболее окатанные предметы собраны в русле рек, сглаженность граней имеют орудия, найденные на склонах горы Яштух (по дороге на верхнее плато). Орудия, найденные на табачных полях и на верхнем плато Яштуха, имеют наиболее острые края. Это, возможно, свидетельствует о том, что на основных склонах террасы значительного переотложения материала не происходило. Этот вывод несколько расходится с выводом грузинских археологов, производивших сборы подъемного материала на Яштухе и шурфовку на верхнем плато горы Яштух в 1958 г. Грузинские археологи считают [11], что орудия с острыми гранями могли находиться только на верхнем плато Яштуха и оттуда, в результате эрозионных процессов, сносились ливневыми потоками и рассеивались по плоскости примыкающих к Яштуху террас. Однако, если бы происходило переотложение материала с верхнего плато на поверхность террас и рассеивание на большой площади (в несколько квадратных километров), этот материал обязательно был бы сильно окатан. Кремень яштухского типа легко поддается порче: даже небольшое (по расстоянию) переотложение его по склону горы с верхнего плато, как показали наблюдения, приводит к сглаживанию граней, а перекатывание в русле потока ведет к интенсивному износу поверхности. Однако такое изменение (окатанность) отсутствует у большинства найденных нами на поверхности террасы кремней, даже у тех, которые типологически кажутся наиболее древними. Приходится предположить, что разновозрастные палеолитические предметы как на верхнем плато, так и на склонах террас находятся в одинаковых условиях небольшого переотложения в массе делювиальных наносов. Взаимное расположение различных по возрасту предметов в этих почвах, возможное место и характер их первоначального залегания еще предстоит выяснить, но теперь уже ясно, что верхнее плато не являлось единственным местом, откуда мог вымываться разновременный палеолитический материал.

---

[11] Н. З. Бердзенишвили (Киладзе), И. А. Гзелишвили. Новые данные о палеолите Абхазии. Тезисы докладов. Тр. КИЧПЕ, 1961, XVIII.

Анализ собранного нами кремневого материала показал, что основную массу коллекции 1961 г. составляют отщепы: из 147 предметов — 122 отщепы и орудия на отщепах, причем большинство из них имеет сохранившуюся ударную площадку. Поэтому изучение материала целесообразнее начать с определения характера именно ударных площадок, как наиболее массового технического показателя данной коллекции. Такое изучение может помочь нам в расчленении всего материала на хронологические комплексы, характеризуемые определенной техникой (таблица).

Нуклеусов в коллекции имеется 18 экз., но лишь 11 из них представляют собой типологически определенные формы. По характеру сохранности и принципам скалывания они могут быть подразделены на определенные группы.

Первая, наиболее древняя в нашей коллекции группа состоит из двух предметов. Один из них — так называемый «чопперовидный нуклеус». Ударная площадка и плоскость скалывания отщепов у таких нуклеусов образует клиновидный край, напоминающий лезвие рубящего орудия, а противоположная часть нуклеуса представляет собой «пятку». Такие нуклеусы широко известны в клектоне Англии (chopperr-cores). Данный экземпляр отличается тем, что здесь налицо два характерных технических принципа, которые в дальнейшем получают широкое развитие в собственно леваллуазской технике: а) подправка площадки (здесь еще грубая и частичная) и б) веерообразное скалывание (у данного экземпляра еще сильно напоминающее скалывание древнего дисковидного нуклеуса благодаря центростремительной направленности сколов и заламыванию отщепов и центре плоскости скалывания).

Вполне допустимо предположить, что с ядрища такого типа могли получаться отщепы с площадками третьего, четвертого, а возможно, и первого типов (см. выше). У нас имеется один массивный отщеп с площадкой первого типа и негативами сколов, соответствующих древнему веерообразному типу скалывания.

Второй нуклеус ранней группы — протолеваллуазский со скошенной площадкой, подправленной двумя крупными сколами, и направленным скалыванием. С такого типа нуклеуса могли получаться отщепы с площадками 2, 3, 5 и 6-го типа.

Вторую (основную) группу составляют собственно леваллуазские нуклеусы — 8 экз. Среди них — одноплощадочные, для скалывания широкого пластинчатого отщепа — 3 экз.; в их числе один — с двусторонним противолежащим скалыванием; треугольный леваллуазский нуклеус с двусторонним смежным скалыванием — 1 экз.; леваллуазские нуклеусы с круговой площадкой — 3 экз. Эта группа нуклеусов представлена тремя типами: а) вырабатывающимся, по-видимому, из двуплощадочного леваллуазского, б) так называемым «черепаховидным» нуклеусом и в) поздним «леваллуазско-дисковидным» типом.

Третью группу составляют два нуклеуса, характеризующие собой нелеваллуазскую фацию мустье. Один из них относится к своеобразному типу мустьерских дисковидных нуклеусов, у которых начинает вырабатываться принцип направленного скалывания (переход к зарождающейся технике верхнего палеолита?).

Производя техническую оценку собранной коллекции в целом (без учета вторичной обработки предметов), можно сказать, что в ней отчетливо прослеживаются три комплекса, для каждого из которых характерны: а) клектонская техника (два нуклеуса и 16 сколов); б) небольшой процент ранних и поздних леваллуазских форм (три поздних и пять раннелеваллуазских нуклеуса, 10 поздних леваллуазских пластин и плохо выраженных острий и два пластинчатых отщепа); в) своеобразный тейякский облик, присущий наибольшему числу отщепов. В их число не входят отщепы первичной отески нуклеусов и бифасов и подправки площадок нуклеусов. Всего можно выделить 22 экземпляра подобных предметов. Тейяк-

Тип	Характер площадок	Количество	Приблизительная хронологическая и техническая оценка
1	Площадки широкие, сильно скошенные (угол тупой — 125 — 135°). Неподправленные	6	Древний (клектонский) тип скалывания. Для всех отщепов, помимо указанных признаков скошенности и подправленности площадки, характерны массивные ударные бугорки и широкие конусы удара с хорошо выраженным рельефом брюшка
2	Тип скошенности тот же. Площадки подправлены у края, основная плоскость остается неподправленной	3	
3	Площадки клектонские — двухгранные. Характер скошенности тот же. Часть плоскости площадки составляет крупный подправочный скол, другая часть остается неподправленной	2	
	Всего	11	
4	Площадки неширокие, более горизонтальные, чем клектонские (угол 100 — 105°), часто со следами предыдущего отщепления в том же направлении на спинке отщепа (внешний край площадки вогнут). Неподправленные	24	Более развитая техника скалывания, удар более прямой, отщепы меньше и правильнее. В хронологическом отношении часть «тейякских площадок» может быть более древней, например типы 4, 5, 8
5	Площадки тейякские*. Подправлены у края	7	
6	Площадки тейякские-двухгранные	6	
7	Тейякские, оформленные одним сколом	11	
8	Тейякские «точечные« площадки Плоскость площадки невелика, она или не подправлена, или оформлена одним сколом	9	
	Всего	57	
9	Мустьерские, тонкие, часто изогнутые «в форме летящей птицы» площадки. Нефасеттированные (одним сколом)	5	Тип скалывания, хронологически относящийся к периоду среднего палеолита, а технически — леваллуазской или мустьерской технической фации. Тонкие, часто узкие и незначительные в плане площадки принадлежат в основном пластинам и пластинчатым отщепам
10	Мустьерские фасеттированные овальные	13	
11	Фасеттированные изогнутые «в форме летящей птицы»	2	
12	Мустьерские двугранные	6	
	Всего	26	
13	Площадки отщепов оббивки и подправки. Тонкие, изогнутые	5	Типы площадок с 13 по 16 принадлежат к отщепам подправки нуклеусов и оббивке рубящих орудий. Типологически они сходны с площадками собственно отщепов тейякского и мустьерского возраста, но поскольку отщепы подправки не могут являться хронологически показательными, данные типы площадок следует отличать. Для типологического определения возраста этих отщепов есть ряд признаков (см. у Борда)
14	Площадки отщепов оббивки и подправки. Овальные, фасеттированные	7	
15	Площадки с вертикальными частями негативов (относящиеся к отщепам подправки площадки леваллуазского нуклеуса)	2	
16	Площадки типа тейякских, одним сколом, но относящиеся к отщепам подправки нуклеуса	3	
	Всего	17	

* Мы предлагаем, по аналогии с термином «площадки клектонских отщепов» или «клектонские площадки» для площадок с углом наклона 125° и более, термин «тейякские площадки» для площадок с углом наклона 100 — 110°. Название «тейякский» по своему происхождению должно наводить на мысль о «предмустьерском» или «раннемустьерском» типе техники.

ский тип характеризуется укороченными пропорциями отщепов, имеющих произвольные очертания, следы неправильных скалываний на спинке и гладкую или сбитую одним сколом площадку. Выделенным техническим комплексам вполне соответствуют типологические комплексы, выделяемые на основе вторичной обработки предметов.

Древний комплекс. Клектонские пластинчатые отщепы — 2 экз. (рис. 1, *6*; ср. также «Палеолит Абхазии», рис. 2). Яштухские орудия этого рода имеют отретушированные края, ретушь располагается на отдельных участках края, придавая ему зубчатость. Она наносится по краю то со спинки, то с брюшка, иногда противоположные рабочие края имеют противолежащую ретушь. Перечисленные признаки: а) оформление рабочего края в виде участков с выемками и б) нанесение ретуши как со спинки, так и с брюшка — находят применение и для создания более законченных орудий, имеющих, вероятно, те же функции скребел — ножей. В нашей коллекции их 3 экз. Типологически все они не схожи между собой. Одно из них, наиболее совершенное, имеет бифациальную подправку края (рис. 1, *7*). Другой край этого орудия (возможно, скребловидный) обработан ретушью в виде выемок, он мог служить также и для упора. Приостренный край имеет подправку сколами в верхней части со спинки, а в нижней — с брюшка, что напоминает принцип оформления позднеашельских бифасов. Оба края этого орудия овальновыпуклые и сходятся, что напоминает типологически прототип орудия, которое Борд определяет как racloir convergente convexe. Выпуклый рабочий край другого орудия (рис. 1, *5*) также оформлен неровной ретушью, которая придает ему зубчатость. Противоположный рабочему массивный край отщепа образует естественный «обушок», который мог служить для упора. Этот же принцип ножа-скребла с упором характеризует и третье орудие. Оно напоминает по принципу подготовки eclat tronque obliquement Борда [12], но изготовлено на клектонском отщепе и имеет тщательно отретушированный рабочий край. Скошенную грань для упора пальца оформляет ретушь иного типа — мелкая, затупливающая. Она нанесена с брюшка.

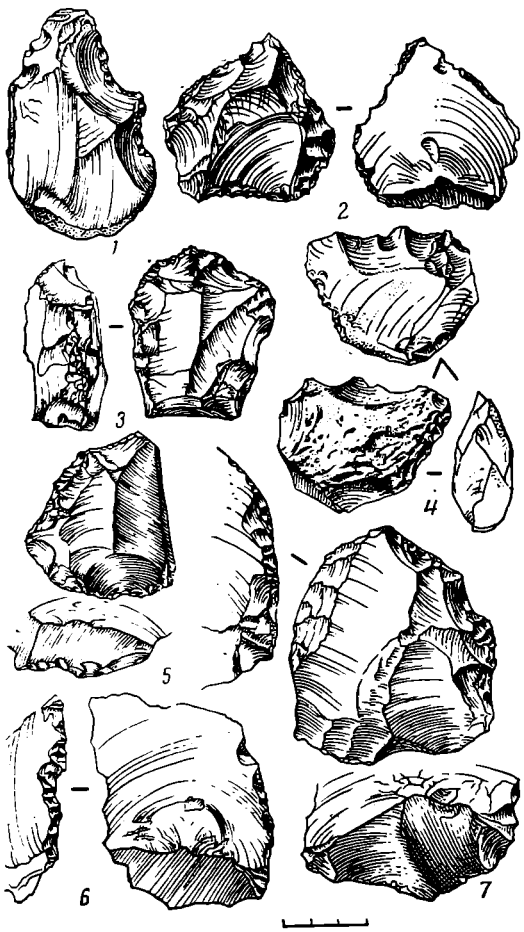


Рис. 1. Кремневый инвентарь с Яштухского палеолитического местонахождения

Другим характерным типом орудия является архаичный остроконечник на массивном отщепе клектонского облика (рис. 1, *2*). Он мог употребляться в качестве клинка. В той же функции клинков-ножей

[12] Здесь и ниже автор основывается в типологических определениях на работе: F. Bordes. Typologie du paléolithique ancien et moyen, I, Bordeaux, 1961.

могли употребляться также массивные отщепы, у которых сходящиеся в острие грани носят следы использования, а иногда и ретушь. В коллекции подобных отщепов — 5 экз. Сходящиеся края, оформленные крутыми глубокими фасами-негативами от сколов, придают краю выемчатый характер. Это так называемые «клектонские анкоши» по Борду. Подобные орудия выделил в инвентаре Яштуха еще С. Н. Замятнин [13]. В тех случаях, когда край у таких массивных клектонских отщепов был выпуклый, его с помощью выемчатого ретуширования делали более заостренно-сходящимся в острие клинка. Кроме орудий такого рода, в древнем комплексе выявляются и собственно выемчатые орудия. Они характеризуются двумя и более крупными выемками, расположенными бок о бок. Основания этих выемок часто имеют следы выщербин от употребления или небольшую ретушь (рис. 1, *1*) [14]. Этот тип орудия широко представлен начиная от древних клектонских отщепов с выемками (encoches clactonienné — их выделено 5 экз.), вплоть до мустьерских выемчатых орудий, являющихся порою комбинированными.

К древней группе следует также отнести орудие типа транше с обработкой рабочего края не ретушью, а отеской. Имеются орудия как с односторонней отеской (рис. 1, *3*), так и с двусторонней (рис. 1, *4*).

Леваллуазский комплекс. Орудия леваллуазского комплекса весьма немногочисленны и однообразны. Они представлены тремя плохо выраженными треугольными отщепами (point), двумя пластинками с крутой краевой ретушью и одним ножом со спинкой (couteau à dos naturel). Прочие немногочисленные отщепы леваллуазского облика вообще не имеют вторичной обработки. Два крупных пластинчатых отщепа раннелеваллуазского типа имеют такую же обработку, как и орудия тейякского комплекса, и будут рассмотрены ниже.

Тейякский комплекс (35 предметов со вторичной обработкой). Несмотря на количественно большой состав орудий в этом комплексе, все они могут быть сведены в немногие группы. Прежде всего — это группа орудий, у которых рабочий край оформлен ретушью в виде различного рода выемок, часто расположенных рядом. Это — так называемые «encoches» et «denticules» (здесь мы их не разделяем). Орудия с выемками существуют не только самостоятельно, но и в комбинации с другими типами. Имеются экземпляры, у которых выемки сочетаются с закругленными ретушью выступами типа «à museau» или nosed sc.— 7 экз. или с высокими скребками — 2 экз., в том числе — одно тройное орудие — сочетание трех признаков (ретушированная выемка, скребок «à museau» и сверло). Встречаются комбинации «encoches» и «denticules» с проколками и сверлами — 2 экз., оформление с помощью отретушированных выемок (encoches) клювовидных острий типа «bec» — 3 экз. К такому же типу комбинированных орудий принадлежат округлые выемчатые скребки, рабочий край у них оформлен в виде нескольких тщательно отретушированных выемок. Эти орудия очень напоминают соответствующие экземпляры из пещерных комплексов Кавказа (материал Ахштырской и Хостинской II пещеры). Наконец, наиболее совершенным выражением этого принципа оформления рабочего края с помощью выемчатой ретуши (à encoches) являются скребла с вогнутым рабочим краем (racloir concave), форма, тесно связанная с «encoche» общностью производственных функций (2 экз.). Из других типов скребел выделяются скребла с прямым (1 экз.) и выпуклым рабочим краем (1 экз.), так называемые «racloir lateraux», а также своеобразная форма скребла racl. dejeté с тупым углом схождения рабочих краев — 3 экз. Последний тип представлен лишь очень невыразительными экземплярами.

---

[13] С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии, табл. 7 и 9.
[14] Ср. также С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии, табл. 8.

Иное назначение имеет типологическая форма eclats et lames tronque obliquement — 4 экз., характеризующаяся затупливающей ретушью, которая скашивает один край для упора пальца. Такие орудия могли служить в качестве ножей. На ряде отщепов имеется ретушь, не образующая сколько-нибудь выраженного рабочего края. Их можно классифицировать просто как отщепы с ретушью или следами использования.

Если производить оценку технических принципов вторичной обработки в целом по всем комплексам, то обнаруживаются любопытные факты преемственности ряда традиций во времени. Она проявляется прежде всего в отношении орудий с выемками. Выемчатые орудия древнего комплекса (так называемые клектонские анкоши), оформленные техникой глубоко фасового скола, в тейякском комплексе сменяются орудиями, у которых выемки encoches оформляются тщательной ретушью, намеренно углубляющей край орудия. Если учесть, что типологически гораздо более разработанный материал мустье Франции [15] показывает связи определенных мустьерских индустрий с клектонской техникой (например, мустье типа Ферасси — тейяк и мустье типа Кина), то можно с определенной долей вероятия предположить, что на Яштухе некоторые технические традиции существовали и развивались также в течение довольно долгого периода времени. Зарождение общих традиций в древних индустриях Яштуха можно видеть, например, в развитии принципа оформления ножей со скошенным, притупленным ретушью упором, в широком применении выемчатых орудий как в древнем, так и в тейякском комплексе и в ряде других общих черт. Обильный материал тейякских сколов с их неправильностью граней, укороченностью пропорций и характерной вторичной обработкой в виде выемок, чрезвычайно сходен с материалом Веймара — Таубаха [16], хотя соответствующий комплекс Яштуха кажется более архаичным, так как ударные площадки отщепов этого комплекса не подправлены, а сами отщепы более массивны. Но для Таубаха весьма характерны нуклеусы с круговой площадкой, которые также имеются и на Яштухе (коллекция сборов 1936—1938 гг., хранящаяся в МАЭ).

Другой тип орудия тейякского комплекса — так называемые «dejeté», хотя они в нашей коллекции и очень невыразительны, напоминают мустье фации джабрудьена на Ближнем Востоке (пещеры Джабруд, Адлун, Табун) [17]. На сходство своего материала с мустье пещеры Джабруд указывали и исследователи Таубаха — Эрингсдорфа [18].

Мустье фации джабрудьена также, по-видимому, уходит корнями в клектонские традиции.

На Яштухе такой процесс развития, по-видимому, осложнялся проникновением и дальнейшим взаимовлиянием ашело-леваллуазских элементов. На нашем материале эти элементы можно видеть в характере подтески орудий, наличии двусторонне обработанного ножа-скребла (рис. 1, 7) на массивном леваллуазском отщепе, наличии ряда характерных леваллуазских нуклеусов, а также комплекса позднелеваллуазских форм.

Эти выводы вполне соответствуют полевым наблюдениям ряда исследователей о наличии нескольких комплексов на Яштухе. Все исследователи Яштухского местонахождения, и прежде всего С. Н. Замятнин, отмечали, что данный памятник — местонахождение смешанного материала. Приведенные выше результаты трех различных оценок собранного нами материала: по характеру ударных площадок, по характеру вторичной обработки и по нуклеусам — несмотря на вполне объяснимое цифровое несовпадение между одинаковыми комплексами при выделении их разными

---

[15] F. Bordes. L'evolution buissonante des industries en Europe occidentale... «L'Anthropologie», 54, 1950, стр. 393—420.

[16] G. Behm-Blanke. Altsteinzeitliche Rastplätze in Travertingebiet von Taubach, Weimar, Ehringsdorf. Alt-Thüringen, 4, Weimar, 1960, стр. 153—169.

[17] A. Rust. Höhlenfunde von Yabrud. «Syrie», 1950.

[18] G. Behm-Blanke. Ук. соч.

способами — целиком подтверждает это. Ясно, что, наряду с выделением различных комплексов в уже собранных коллекциях, совершенно необходимо проследить условия первоначального залегания и возможную локализацию вторичного залегания каждого из этих комплексов. Наметки этого были сделаны еще С. Н. Замятниным, когда он отметил локализацию верхнепалеолитического материала на определенных участках местонахождения и прослеживал залегание древнепалеолитических вещей в гравиях, наряду с отсутствием их в перекрывающих эти гравии суглинках [19]. Данные нашего рекогносцировочного осмотра в сочетании с данными изучения коллекции С. Н. Замятнина дают некоторые дополнительные сведения о локализации материала на площади местонахождения.

1) В коллекции 1961 г. полностью отсутствуют верхнепалеолитические кремни. Это может означать, что в силу тех или иных причин нам не удалось быть на участках местонахождения, где локализуется верхнепалеолитический комплекс.

2) Изучение коллекции С. Н. Замятнина (№ 5359 в МАЭ) показало, что значительную долю яштухских нуклеусов составляют нуклеусы с круговой площадкой. В 1961 г. таких нуклеусов мы не нашли. Выяснение условий их нахождения поможет локализовать и этот комплекс, имеющий много общего с традициями тейякской техники (например, тейяк Таубаха).

3) Точно так же в коллекции С. Н. Замятнина есть данные о локализации типично леваллуазских треугольных и четырехугольных нуклеусов.

4) В 1961 г. наиболее древний материал Яштуха был найден в трех пунктах: у обнажения, где выходят галечники (верховья Западной Сухумки), в верховьях Восточной Сухумки, а также на верхнем плато и на склонах горы Яштух. Наш материал (особенно массивные отщепы и орудия с выемками клектонского типа) полностью, даже в деталях, сходны с материалом, собранным С. Н. Замятниным в 1934 г. [20]. Это позволяет судить и о возможной локализации наиболее древнего яштухского материала. Все эти наблюдения при дальнейших работах на Яштухе предстоит подтвердить с помощью статистических методов подсчета материала (подсчет материала на месте, сбор его на определенной площади и отбор только после полного подсчета по типам техники и формам и т. д.).

---

[19] С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии, стр. 19—20.
[20] Там же, стр. 43—45, табл. 8—9.

Г. И. АНДРЕЕВ, Ю. М. ФОМИН, П. П. ПАШКИН

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПОДКАМЕННОЙ ТУНГУСКИ

В 1961 г. при работах экспедиции № 5 Всесоюзного аэро-геологического треста на среднем течении р. Подкаменной Тунгуски, в поселке Байкит, сотрудник экспедиции П. П. Пашкин обнаружил древнее поселение, на котором были найдены кости животных, обломки посуды и каменные орудия [1].

Районный центр Байкит расположен на первой надпойменной (12-метровой) террасе правого берега р. Подкаменной Тунгуски, у впадения в нее ручья Байкитик. На этом участке долина Подкаменной Тунгуски глубоко врезана относительно водоразделов (на 300—400 *м*), причем северный склон ее у подножья которого находится поселение, очень крутой и обрывистый. Ручей Байкитик в межень имеет ширину 10—15 *м* и глубину на перекатах 50—60 *см*. Вода в Байкитике очень холодная в течение всего года, что характерно вообще для всех малых рек районов, где имеется многолетняя мерзлота и развиты карбонатные карстующиеся породы, так как эти реки в значительной степени питаются за счет подземного стока. Но в отличие от большинства таких рек, как правило, высыхающих в середине лета, Байкитик достаточно полноводен до самой осени. Объясняется это довольно значительными размерами его водосбора, окруженного высокими горами, вершины которых сложены водоупорными глинистыми песчаниками, глинистыми сланцами и пластовыми интрузиями траппов. На них в силу хорошего увлажнения сформировался мощный моховой и более густой растительный покровы, которые хорошо защищают мерзлотные слои от быстрого и глубокого протаивания. В связи с этим питание реки происходит равномерно на протяжении всего лета, а атмосферные воды задерживаются от быстрого стока. Интересно также то, что в самых низовьях вся водосборная чаша Байкитика пересекается грядой (дайкой траппов), в которой русло проточило только узкое ущелье. Холодные воздушные массы, образующиеся в ночное время, скатываясь с окружающих хребтов (600—700 *м*) в широкую долину Байкитика, не находят быстрого выхода вниз по ней, как на других реках. Узкий выход из долины приводит к тому, что холодный ветер дует из долины на протяжении всего последующего дня, распространяясь по всей террасе, ширина которой достигает здесь 0,5 *км*. Это благоприятно сказывается на защите жителей от гнуса. Подобные места поэтому привлекают внимание не только людей, но и оленей. Холодная вода Байкитика привлекает к устью последнего значительное количество хариусов, ленков и тайменей (речные лососевые,

[1] Еще более многочисленные и разнообразные материалы были собраны здесь же Н. В. Дреновым, Г. Н. Садовниковым, В. П. Белозеровым, В. В. Синицыным, В. П. Дунаевым и др. Коллекция была передана в Сибирское отделение АН СССР для научной обработки (дальнейшая ее судьба нам неизвестна). Небольшие сборы на этом же поселении у нефтебазы произведены и начальником партии Р. А. Подрабинек.

любящие низкую температуру воды), которых без особых трудностей можно ловить удочкой и сетями или бить острогой.

Расположение поселения на правом берегу у высокого крутого склона долины, т. е. на склоне южной экспозиции и к тому же в излучине реки, является не случайным; такое местоположение защищало поселение с севера от холодных ветров и давало широкий обзор, способствуя предупреждению опасности нападения.

Аналогичные места на высоких излучинах рек, даже для однодневных стоянок, выбирают в настоящее время и эвенки. Место для поселения в древности было выбрано, следовательно, очень удачно.

Терраса в настоящее время во многих местах подмыта. В обрыве хорошо видно ее строение. На коренных породах (известняках и песчаниках) залегает горизонт грубозернистых песков с линзами гравия, его мощность 0,3—0,5 *м*. Выше налегают тонкослоистые мелкозернистые пески и супеси серого и темно-серого цвета мощностью около 4,5—5 *м*.

Над ними, непосредственно выше устья Байкитика, по Подкаменной Тунгуске, на 200—300 *м* протягивается горизонт мощностью 0,05—0,2 *м*, в котором отдельными линзами встречается очень много древесных углей, тонких обгоревших кусков дерева и золы. В золе много пережженных обломков костей. Выше этого горизонта залегает 1,5—2-метровая толща тонкозернистых песков и супесей с часто встречающимися полусгнившими кусками дерева, сучьев, стволов, коры.

В верхней части этого горизонта (0,5—0,7 *м*) в виде отдельных скоплений наблюдаются остатки древнего культурного слоя с кострищами, около которых располагаются расколотые и обгорелые кости, каменные орудия и керамика.

Этот вскрытый в обнажениях культурный слой залегает вдоль обрыва террасы от устья Байкитика вверх по течению Подкаменной Тунгуски на 500—700 *м*.

Над этим слоем располагается современный почвенный слой 0,5—0,8 *м*. Поверхность террасы покрыта чахлой растительностью: низкорослыми лиственницами, елями и березой.

Таково расположение и стратиграфия Байкитского поселения.

Приступая к анализу находок из Байкита, напомним, что судьба наиболее многочисленной коллекции, собранной здесь, остается неясной, поэтому в настоящей статье рассматриваются небольшие материалы из сборов Р. А. Подрабинека и отдельные предметы, оставшиеся от основной коллекции. В коллекции Р. А. Подрабинека имеются лишь отщепы, пластины, нуклеусы и скребки [2].

Пластины из Байкитского поселения довольно разнообразны. Наряду с грубыми массивными первичными пластинами, ребристыми пластинами, здесь много узких изящных ножевидных пластин. Им соответствуют и нуклеусы — конические одноплощадочные, различающиеся и материалом и степенью сработанности.

Скребков пять. Сделаны они как на пластинах, так и на отщепах. Почти все скребки концевые, с полукруглым или прямым рабочим краем. Три скребка сделаны на пластинчатых отщепах, так называемых роговиков, и очень близки между собой. Их полукруглые рабочие края обработаны крутой высокой ретушью. Близки и размеры. Так, длина одного из них 47 *мм*, ширина рабочего края 31 *мм*. Размеры второго и третьего соответственно таковы: 44 × 28 и 37 × 28 *мм*. Четвертый концевой скребок сделан на широкой пластине того же материала и имеет прямой рабочий край, испещренный заломами. Длина его 60 *мм*, ширина рабочего края

[2] Изготовлены они из того же сырья, что и орудия на поселении Усть-Камо, на материалах которого мы остановимся подробнее несколько ниже. Если перемешать пластины, нуклеусы, скребки из обоих поселений (Байкитского и Усть-Камо), то разделить их уже будет невозможно. Это свидетельствует, следовательно, не только о применении однородного сырья, но и о том, что техника обработки камня и изготовления орудий на указанных поселениях была одна и та же.

28 мм. Лишь у одного орудия рабочий край расположен не на осевой линии пластинчатого отщепа, а сбоку (боковой скребок). Скребок этот отличается не только типом, но и материалом. Поверхность скребка серая (по-видимому, патинирована); под свежими сколами проступает черный цвет. Длина и ширина скребка почти одинаковы — 37 и 36 *мм*.

От основной коллекции из Байкита сохранились лишь тесла, часть костяного гарпуна и массивный одноплощадочный конический нуклеус.

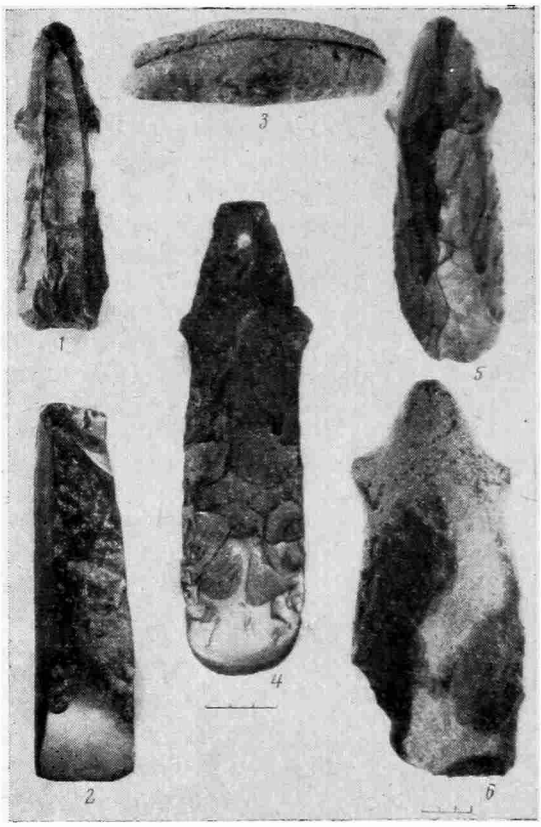


Рис. 1. Каменные орудия из поселений Байкит и Усть-Камо

Фрагментарность гарпуна (отсутствует основание) не позволяет, к сожалению, говорить уверенно о его общем виде. Отметим, что он очень тщательно отполирован и заострен. Сохранившиеся обломки двух бородок расположены с одной стороны орудия. Длина сохранившейся части гарпуна 98 *мм*, толщина 8—10 *мм*.

Все три тесла, имеющиеся в нашем распоряжении, формально можно отнести к типу тесел с цапфами (или, как их иначе называют, «топорами с выступами», «топорами с закраинами», «топорами с соскообразными выступами» и т. д.).

Наличием цапф или выступов и ограничивается, однако, их «единство». Судя по формам орудий, материалу, из которого они сделаны, технике их изготовления, следует думать, что функциональное назначение их различно.

Одно из тесел узкое, длинное, массивное (рис. 1, *4*), обработано путем оббивки и ретуширования. В сечении тесло треугольное, т. е. оно односторонне-выпуклое. Лезвие обработано довольно тщательно и подшлифовано. Совершенно очевидно, что подобное орудие могло использоваться и для работы по дереву.

Другое тесло с выступами очень широкое и почти плоское, но также односторонне-выпуклое. Плоская сторона обработана оббивкой и лишь обушковая часть ретуширована. Выпуклая сторона также первоначально обработана оббивкой, а затем ретуширована. Почти по всему периметру орудия наблюдается зашлифованность. Наиболее тщательна она на лезвии, а также на участках, прилегающих к выступам (ниже их). Обушок дугообразный, лезвие почти прямое. Следы работы на последнем говорят о том, что орудие употреблялось при обработке дерева. Длина орудия 132 *мм*, наибольшая ширина (у выступов) 94 *мм*, толщина (высота) 20 *мм*.

Третье тесло очень своеобразно. Оно узкое и обработано совершенно в иной манере. Мастер при его изготовлении применил и ретуширование и шлифовку (правда, ретушь здесь не фасеточная, а точечная). Одна из широких сторон от обушка до лезвия отшлифована. Другая широкая поверхность до лезвия покрыта точечной ретушью, а лезвие отшлифовано. Выступы несколько смещены относительно друг друга. Лезвие очень сильно разбито, что свидетельствует, видимо, об относительной мягкости по-

роды камня, из которого сделано орудие (кремнисто-глинистая порода).

Итак, даже то немногое, что рассмотрено выше, показывает, насколько интересны и разнообразны находки из Байкита. В нашем распоряжении в силу причин, указанных выше, отсутствует ряд категорий орудий, поэтому большое значение имеют находки с других поселений Подкаменной Тунгуски, открытых в 1961—1962 гг.

В 1961 г. находки каменных орудий отмечены также на левом берегу Байкитика, в 200—300 *м* выше основного байкитского поселения, и в поселке Суринде, расположенном на одноименной реке (левом притоке р. Нижний Чунку), примерно в 100 *км* северо-восточнее Байкита.

В 1962 г. остатки поселений были обнаружены на правом берегу Подкаменной Тунгуски, около фактории Куюмба и на левом берегу у фактории Усть-Камо. В последнем пункте сотрудниками одной из партий (начальник партии А. А. Боручинкина) произведены наиболее полные сборы археологического материала.

В этом месте рекой размывается высокая пойма (около 10 *м*). В нижней части она сложена слаболитофицированными глинистыми несортированными песками видимой мощностью 3—4 *м* с линзами галечника. Верхняя часть сложена тонкой иловатой супесью. Ширина высокой поймы 130 *м*. Над ее поверхностью поднимается пологий уступ 15—18-метровой эрозионной террасы, которую следует считать первой надпойменной. Выше отмечается часть второй надпойменной террасы, высотой 35 *м*, на которой сохранились остатки аллювиального покрова небольшой мощности. Ширина этой террасы 70—80 *м*.

Пойма прорезается тремя логами, расположенными с интервалами 50—60 *м* друг от друга. Их появление связано, очевидно, с культурным освоением данного участка, с вырубкой леса. Основная масса находок сосредоточена в паберете между первым (считая от устья р. Камо) и вторым логами, причем бóльшая часть ближе к первому логу. По мере приближения ко второму логу находок становится все меньше, и за вторым логом они исчезают.

Орудия, представленные в коллекции, изготовлены из осадочных пород (песчаников), изверженных (долериты) и метаморфических пород (кремнисто-глинистые сланцы, роговики и, возможно, так называемые горелики). Все указанные породы в той или иной степени представлены в бассейне Подкаменной Тунгуски. В то же время нельзя не отметить сходство материалов, из которых сделаны собранные орудия, с материалами, употреблявшимися на древнем Чадобецком поселении в среднем течении р. Ангары. В этой связи обращаем внимание на географическое положение поселения в устье р. Камо, верховья которой очень близко подходят к правым притокам Ангары. Это обстоятельство позволяет предполагать, что р. Камо являлась одним из путей сообщения древнего человека между бассейнами рек Ангары и Подкаменной Тунгуски.

Эту же мысль, как нам представляется, подтверждает и сопоставление орудий с Подкаменной Тунгуски с ангарскими. Для этого рассмотрим инвентарь посления в Усть-Камо.

В коллекции, к сожалению, отсутствует керамика, хотя фрагменты сосудов на поселении и были отмечены.

Очень разнообразен каменный инвентарь поселения, причем не следует забывать, что перед нами лишь материалы сборов.

Поражает, прежде всего, обилие нуклеусов. Их в коллекции свыше 50 экземпляров. Подавляющее большинство нуклеусов одноплощадочные. Иногда площадки создавались одним направленным ударом, но чаще всего они оформлены рядом сколов. Одноплощадочные нуклеусы очень разнообразны. Основную массу их составляют почти круглые или широкоовальные нуклеусы, у которых ширина площадки приближается к их длине (рис. 2, *13, 18*; рис. 3, *12, 13*). Варьируют они в основном величиной, т. е. степенью сработанности, и реже материалом.

Второй подтип, хотя и немногочислен, но очень выразителен. Это сильно уплощенные нуклеусы, ширина площадки которых почти вдвое меньше ее длины (рис. 2, *16*).

Есть нуклеусы, у которых одна или две стороны не подвергались обработке и на некоторых сохранилась естественная корка (рис. 3, *11*).

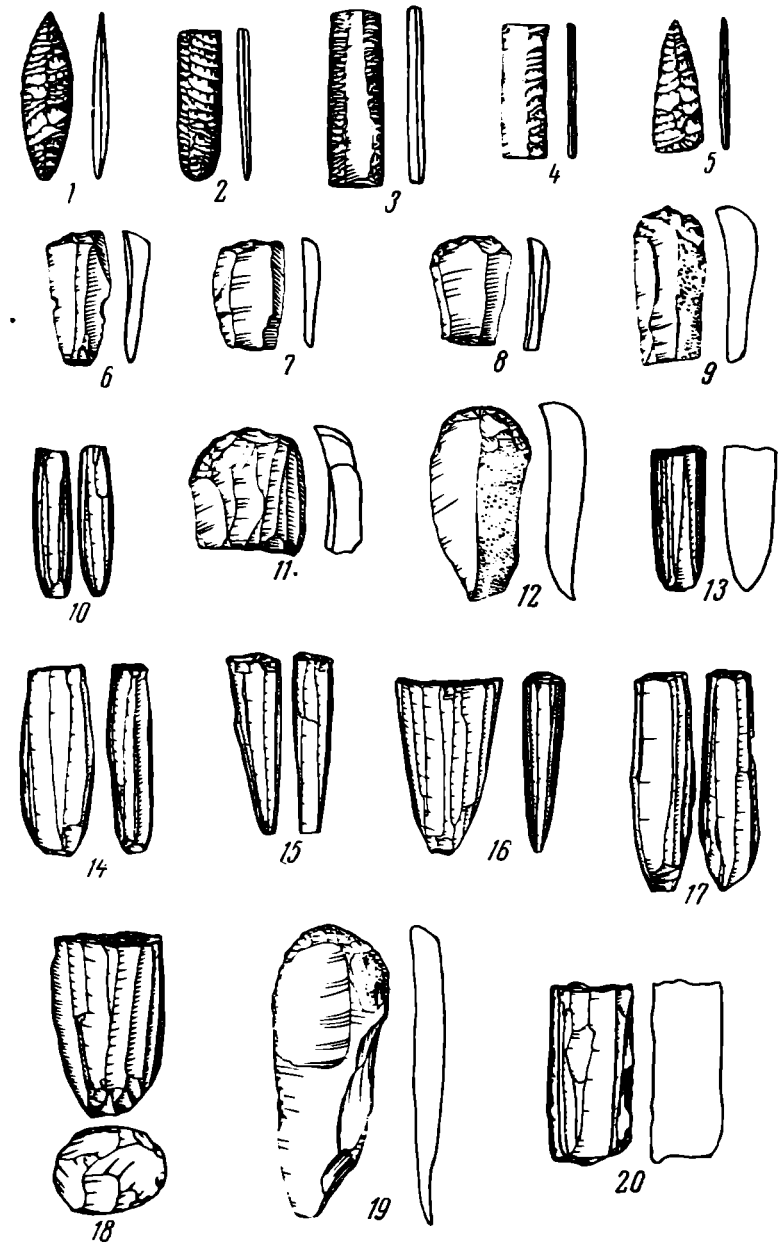


Рис. 2. Каменные орудия из поселений Усть-Камо

Хорошо представлены узкие, длинные карандашевидные нуклеусы, поражающие правильностью огранки (рис. 2, *10*), а также нуклеусы, приближающиеся к карандашевидным (рис. 2, *14, 17*). Особенностью карандашевидных нуклеусов является малая поверхность площадок. Напротив, у прочих типов нуклеусов площадки значительны (например, рис. 2, *10, 14, 16, 17, 18*; рис. 3, *11—13*). Двухплощадочных нуклеусов лишь три экземпляра, причем даже здесь можно выделить подтипы — цилиндрические и усеченно-конические. Пластины, снимавшиеся с последних, часто не имели правильной огранки.

Пластин в коллекции из Усть-Камо очень много. Часть пластин массивна и груба, другие — узкие, тонкие с одной или двумя гранями. Много ребристых пластин. Наличие большого числа типов нуклеусов и пластин позволяет утверждать, что техника снятия ножевидных пластин стояла на высоком уровне. Изучение нуклеусов, пластин и орудий, сделанных на

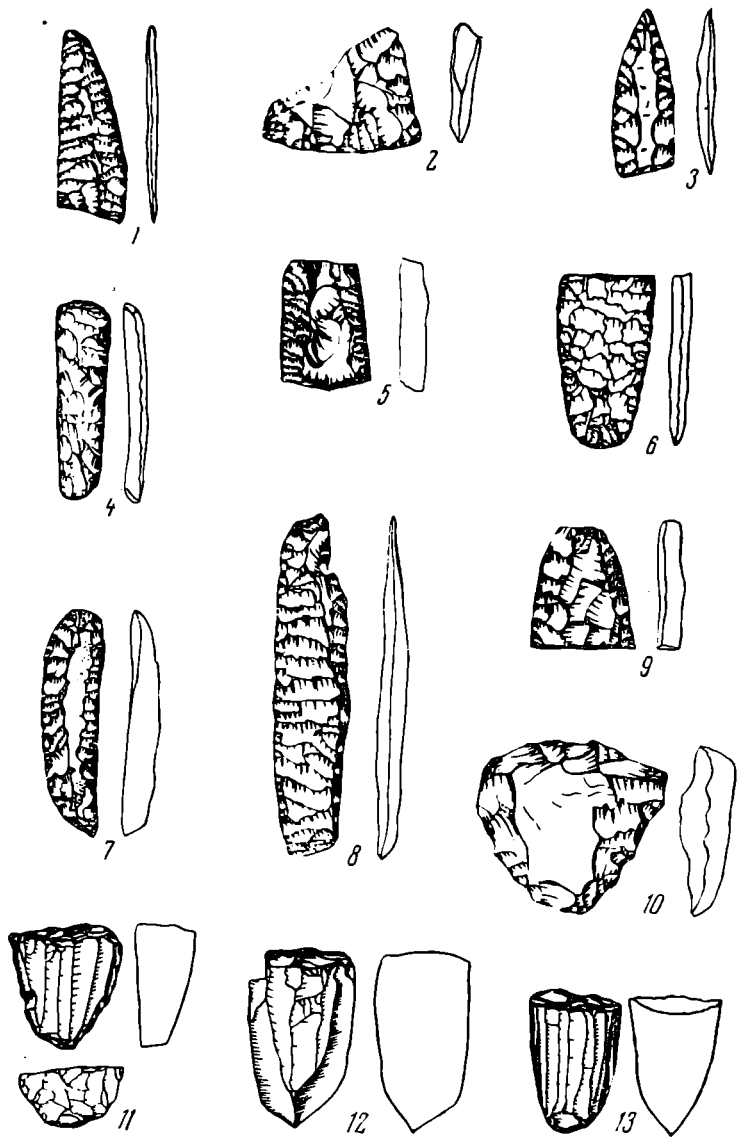


Рис. 3. Каменные изделия из Усть-Камо

пластинах, показывает, что для различных категорий орудий брались соответствующие пластины. Для скребков и ножей, как правило, шли первые, довольно грубые пластины, а для вкладышей, наконечников стрел — правильные ножевидные пластины.

На некоторых пластинах нанесена ретушь, на других ее нет.

О том, что часть пластин без дополнительной обработки находила себе применение в качестве вкладышей, свидетельствует обломок костяного ножа, в пазу которого сохранились ножевидные пластины (рис. 4, *2*). Костяная обойма отполирована до блеска. «Рукоять» ее (до паза) желтая, т. е. имеет натуральный цвет кости, в то время как остальная часть обоймы темно-серая. Не вставлялась ли рукоять ножа в дополнительную деревянную или костяную обойму? Обойма к обоим концам суживается. Общая длина ее была, видимо, 14,5—15 *см*.

Интересно отметить, что среди огромного количества осмотренных нами пластин и отщепов нет ни одного резца, поэтому следует предположить, что прорезание паза было совершено ножевидной пластиной. Ширина паза не превышает 1—1,5 *мм* при глубине 4,5—5 *мм*. В найденной части обоймы сохранились два вкладыша — обычные узкие ножевидные пла-

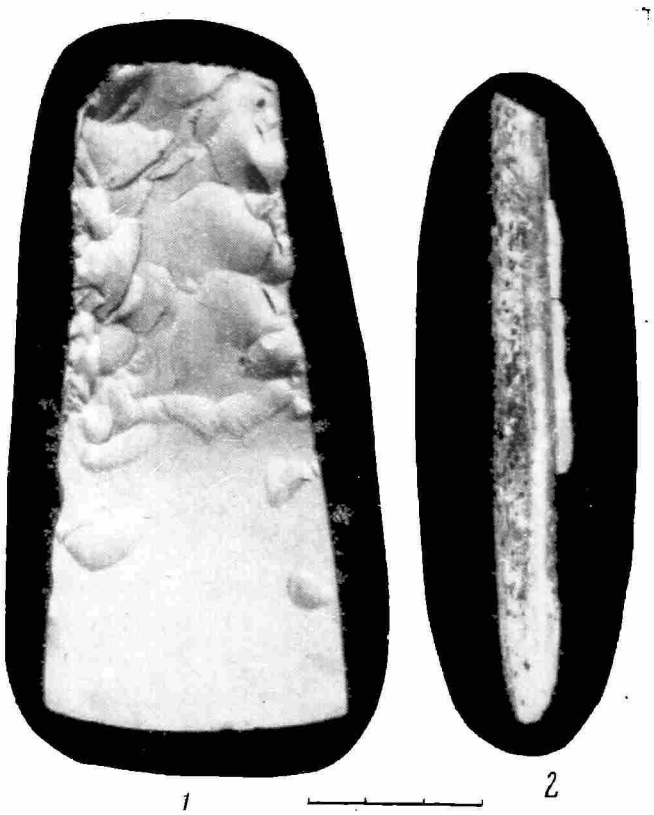


Рис. 4. Предметы из Усть-Камо

1 — каменное тесло; *2* — костяной нож с вкладышем

стины, лишенные каких-либо следов дополнительной обработки. Обнаружить в пазу скрепляющие материалы не удалось; вкладыши вставлялись, видимо, в предварительно распаренную обойму, стенки которой при остывании плотно обхватывали часть пластины с ребром. Длина одного из вкладышей 2,7 *см*, другого — 2,1 *см*. Так как общая длина паза, судя по размерам ножа, была равна 11,5—11,7 *см*, а длина части паза, где отсутствует пластина,— 2,1 *см*, можно предположить, что всех вкладышей было пять.

В коллекции имеется еще один обломок костяного предмета, представляющий собой заготовку другого вкладышевого орудия. На одной из узких ее поверхностей сохранились хорошо выраженные следы начала подготовки паза, а на широкой поверхности — следы резания или строгания каменным орудием, причем лезвие последнего имело существенные дефекты. В качестве вкладышей употреблялись также пластины из роговика, частично отретушированные с одной из сторон (рис. 2, *4*). На пластинах, кроме того, делали скребки, ножи, наконечники стрел.

Скребков найдено больше 20 экземпляров, все они концевые. Нет ни одного круглого, бокового или вогнутого скребка. Отсутствуют микроскребки, и, напротив, орудия этой категории большей частью сравнительно велики.

По форме рабочего края можно выделить два основных типа скребков: а) с полукруглым рабочим краем; б) с прямым рабочим краем. Часть скребков является как бы промежуточными между первыми и вторыми.

Скребки с полукруглым рабочим краем наиболее многочисленны. Сделаны они на грубых отщепах (рис. 2, *19*), на пластинчатых отщепах (рис. 2, *12*), на пластинах (рис. 2, *8*, *9*) и на расколотых нуклеусах (рис. 2, *11*). Скребки этого типа крупные (от 45 до 93 *мм*). Рабочий край их чаще всего обработан высокой крутой ретушью и, как правило, расположен на конце пластины или отщепа, противоположном тому, где наблюдается ударный бугорок. Интересно также отметить, что, за редким исключением, обработке подвергнута только рабочая часть орудия. Лишь на некоторых экземплярах наблюдается подтеска противоположного края пологими сколами (рис. 2, *19*), что свидетельствует, по-видимому, об употреблении этих скребков в костяных или деревянных рукоятях. Другая часть скребков (бóльшая) не имеет этой подтески, и, следовательно, ими работали без дополнительных приставок.

Скребки с прямым рабочим краем сравнительно небольших размеров (от 28 до 53 *мм*) и делались, как и орудия первого типа, на отщепах, пластинах и расколотых нуклеусах, хотя предпочтение отдавалось пластинам (рис. 2, *6*, *7*). Рабочий край поэтому чаще обработан более пологой ретушью. Есть экземпляры, у которых рабочий край очень крутой.

Интересно отметить, что на многих скребках хорошо видны следы работы ими, оставшиеся в виде смятости и выкрашивания. Наиболее сработанные орудия подправлялись вторично, отчего рабочий край их в профиле выглядит не выпуклым, а вогнутым. У некоторых же скребков с полукруглым рабочим краем нетрудно заметить небольшую заполированность рабочей поверхности. Наличие смятости рабочего края и выкрошенности на одних скребках и заполированности на других свидетельствует о том, что хотя типологически все орудия относятся к скребкам, но функции их были различными.

Большую и разнообразную серию в коллекции представляют ножи. Помимо ножей вкладышевого типа, описанного выше, здесь можно выделить еще один тип ножа, который также был, по-видимому, вкладышевым.

Ножи эти почти треугольные в плане с очень тщательно двусторонне обработанными поверхностями (рис. 3, *1*). Одна из длинных сторон прямая, другая несколько выгнутая. Малая сторона ножа, как правило, прямая и располагается под прямым углом к другой прямой (длинной) стороне орудия. Нож тонкий. Лезвия обработаны очень тщательно. Длина одного из экземпляров 95 *мм*.

Интересен большой массивный нож, сделанный из ороговикованной осадочной породы желтовато-серого цвета (рис. 3, *8*). Нож треугольный в сечении; вершиной треугольника является лезвие, а основанием — спинка ножа. Лезвие обработано двусторонней пологой заостряющей ретушью, спинка, напротив, притупляющей. Лезвие и спинка ножа параллельны друг другу. На одном из концов орудия (на рисунке на верхнем) сделана выемка для привязывания.

На массивной пластине сделан нож иного типа (рис. 3, *7*). Орудие это было, по-видимому, комбинированным и употреблялось и как нож и как скребок. В сечении нож треугольный, но в отличие от только что описанного вершина треугольника лежит не на лезвии, а на грани пластины, а основанием является брюшко пластины, на котором и располагались оба лезвия. Обработано орудие только со стороны спинки, причем отделаны оба лезвия. Одно из них несколько выпуклое, другое — вогнутое. Последнее обработано более тщательно. Один из концов ножа (на рисунке верхний) служил скребком. Длина ножа-скребка 110, ширина 30, высота 10 *мм*.

Были и листовидные ножи или клинки. Об этом можно судить по обломкам ряда орудий. Среди них были и однолезвийные и двулезвийные, обработанные и с одной и с двух сторон. Тщательность обработки (часто, но не всегда) зависела от того материала, из которого они делались. Так, на одном из обломков ножей (рис. 3, *5*) наблюдается великолепная ретушь, тогда как на другой пластине, той же ороговикованной породы, но худшего качества, обработка совсем иная и более грубая (рис. 3, *9*). Эти ножи-клинки, судя по найденным обломкам, были значительных размеров и довольно массивны (см., например, рис. 3, *6*).

В коллекции имеется очень широкий нож, сделанный на массивном отщепе (рис. 3, *2*). Орудие хотя и поломано, но о форме его судить все же можно. Нож был либо трапециевидным, либо треугольным в плане. Орудие обработано с двух сторон: на одной ретушь спокойная, на другой же она скорее напоминает сколы. Лезвием ножа служила несколько выпуклая сторона (на рисунке она снизу), отделанная заостряющей ретушью с обеих сторон. Другие стороны обработаны притупляющей ретушью.

Наконечников стрел и дротиков хотя и немного, но они разнообразны. Наконечники стрел трех типов, причем каждый из них представлен лишь одним экземпляром. Целых наконечников два. Один из них лавролистный (рис. 2, *1*), сделан на пластине ороговикованной породы серовато-розового цвета. Он очень тщательно обработан с обеих сторон. Второй наконечник треугольный в плане имеет прямое, слегка скошенное основание (рис. 2, *5*). По сравнению с первым он отделан небрежно, что объясняется, видимо, несколько более худшим качеством материала, из которого он сделан. Третий наконечник поломан (отсутствует жало), но, судя по всему, он был иволистной формы с закругленным основанием (рис. 2, *2*). Наконечник обработан ретушью, близкой к струйчатой.

Наконечником стрелы или дротика следует считать, по-видимому, также поделку из кремнисто-глинистой породы почти черного цвета, изображенную на рис. 2, *3*. Жало у него отсутствует, основание прямое, без дополнительной отделки. Обе боковые грани, напротив, очень тщательно обработаны с обеих сторон. И характер ретуши и углы «заточки» граней таковы, что вряд ли в этом орудии можно видеть обломок ножа.

Целый наконечник дротика лишь один (рис. 3, *3*). Он треугольный, со слегка скошенным прямым основанием, сделан из светло-серого кварцита. По форме он довольно близок наконечнику стрелы, изображенному на рис. 2, *5*. Обработка наконечника не завершена (на рисунке он повернут к читателю именно незавершенной стороной).

Имеющиеся в коллекции тесла по технике обработки делятся на две группы: шлифованные и оббито-ретушированные. К первой группе относятся два тесла. Одно из них большое, массивное, трапециевидное в сечении и в плане, сделано из темно-серого роговика (рис. 1, *2*). Лезвие почти прямое и заточено асимметрично. Все поверхности тесла отполированы до блеска, но при этом все же хорошо видны следы окончательной обработки орудия в виде очень длинных штрихов, тянущихся вдоль длинной оси. Лишь на ребрах остались следы первоначальной обработки — ретушь, которой полировка хотя и коснулась, но окончательно не уничтожила. Следы сработанности лезвия указывают на работу теслом по дереву.

Второе тесло меньше и легче. Изготовлено оно из буровато-желтой кремнисто-глинистой породы (рис. 4, *1*). В плане тесло трапециевидное, в сечении четырехугольное, но в отличие от первого, почти квадратного, оно сравнительно тонкое: наибольшая толщина отмечена в месте перехода тесла в лезвие. Она равна 14 *мм*, а у обушка достигает лишь 10 *мм*. Почти прямое лезвие заточено асимметрично, оно с обеих сторон отполировано до блеска, остальные поверхности (и широкие и узкие) сохранили следы первоначальной обработки — оббивку и ретуширование.

Следы изношенности на лезвии свидетельствуют об употреблении этого орудия при обработке дерева.

Особенно интересны тесла с цапфами (или «топоры с выступами»), отнесенные нами ко второму типу. Они различаются и по размерам, и по форме, и по технике обработки, и по материалам, поэтому каждое тесло требует индивидуального описания. Самым крупным и массивным является тесло с выступами, сделанное из куска мелкозернистого долерита серого цвета. Человек, делавший данное орудие, умело использовал материал и форму камня (рис. 1, *6*). Он подверг обработке лишь обушковую часть и лезвие, оставив на теле орудия естественную корку. Лезвие оформлено рядом довольно значительных сколов. Еще более крупные сколы образовались уже в процессе работы.

Верхняя, обушковая часть тесла, включая выступы, обработана точечной ретушью. Применение данной техники связано, безусловно, с материалом, примененным для выделки этого тесла. Тесло массивное: его вес 1600 *г*.

Второе тесло с выступами сделано из темно-серого роговика. Оно треугольное в сечении и обработано сколами и ретушью (рис. 1, *5*). Обушок заостренный. Закругленное лезвие орудия оформлено длинной пологой ретушью и со стороны брюшка несколько подшлифовалось в результате работы. Боковые стороны покрыты более крутой и грубой ретушью, и лишь цапфы отретушированы довольно тщательно. Наибольшая толщина (высота) тесла находится в месте перехода к лезвию и равна 40 *мм*. Это тесло очень напоминает массивное узкое тесло из Байкита (рис. 1, *4*).

Материал, примененный для изготовления орудия, его форма, техника обработки, а также вес (390 *г*) говорят о том, что назначение этого тесла иное, чем рассмотренного выше.

Третий вид тесел с цапфами представлен также только одним экземпляром (рис. 1, *1*). Он самый малый и по размерам и по весу (160 *г*). Тесло сделано на грубой крупной плоской пластине роговика. В отличие от предыдущего здесь скребковой ретушью обработано не лезвие, а обушок. Лезвие последнего орудия в процессе употребления сильно забито, что свидетельствует о работе по какому-то твердому материалу. Функционально это тесло отличалось от двух рассмотренных выше.

Значительным является факт находки в одном комплексе на поселении Усть-Камо различных видов тесел с цапфами. К этому факту мы еще вернемся несколько ниже.

Кроме орудий, которые по определенным признакам можно объединить в серии: ножи, скребки, тесла и т. д., в коллекции имеются отдельные экземпляры предметов, назначение которых или неопределенно, или неизвестно.

Таково, например, массивное скребловидное орудие (рис. 3, *10*) подтреугольной формы, сделанное из расколотой роговиковой гальки. Сторона, на которой произведено расщепление гальки, обработана множеством ударов, нанесенных под различными углами. Противоположная поверхность (на рисунке она обращена к читателю) обработана лишь по краям, причем две стороны — крутой притупляющей ретушью, а третья (лезвие) — заостряющей ретушью с обеих сторон.

Очень интересен предмет в виде сегмента (рис. 1, *3*) из буроватого песчаника (наибольшая ширина 40 *мм*, наибольшая толщина 24 *мм*). На широких поверхностях орудия хорошо выражены следы потертостей, образовавшихся как бы от трения веревки и расположенных перпендикулярно длинной оси орудия. В центре одной из широких поверхностей, несколько приподнятой над потертыми краями, наблюдается подшлифованность (на рисунке в виде темного пятна). По дуге, вдоль длинной оси орудия, проходит узкий прямой и глубокий желобок. То обстоятельство, что желобок очень ровный, а стенки его почти перпендикулярны, позволяет утверждать, что орудие это не предназначалось для заточки

или шлифовки костяных или каменных предметов [3]. Об этом же свидетельствует и расположение желобка по дуге, а не на ровной плоскости. Под сомнение следует поставить и возможность употребления этого орудия в качестве грузила, так как уже известные грузила Сибири и Дальнего Востока имеют другие формы [4]. Более вероятным нам кажется предположение об употреблении подобного орудия в качестве блока для обработки сухожилий животных.

Таков, вкратце, инвентарь поселения Усть-Камо. Наличие разнообразных ножей, скребков, наконечников стрел и дротиков является хорошим свидетельством большого значения охоты в жизни древних жителей поселений Подкаменной Тунгуски. Расположение поселений на берегах рек, часто на стрелках, обнаружение костяного наконечника гарпуна позволяет говорить о рыболовстве. Отсутствие грузил в коллекции, состоящей из подъемного материала, следует, по-видимому, объяснить невыразительностью орудий подобного рода, отчего их часто не замечают, а потому и не собирают. Также могли не привлечь внимания собирателей и составные части рыболовных крючков, небольшие по размерам цельные костяные крючочки и мелкие кости рыб.

В настоящее время трудно, естественно, в полной мере судить о том, какие работы выполнялись различными типами тесел. Шлифованные тесла, а также некоторые тесла с выступами или цапфами использовались для обработки дерева. Бо́льшая часть орудий, имевших цапфы, употреблялась для других работ. Об этом свидетельствуют и большой вес орудий и угол «заточки» лезвия. Возможно, что прав О. Н. Бадер, видевший в некоторых орудиях этого типа мотыги для обработки земли [5]. Если бы подобное положение удалось достаточно убедительно обосновать, это имело бы очень большое значение для правильного понимания процессов, протекавших в лесной полосе Сибири.

Ознакомившись с комплексами орудий из поселений Байкита и Усть-Камо и высказав соображения относительно хозяйства их древнего населения, попробуем (предварительно, разумеется) определить место памятников Подкаменной Тунгуски как во времени, так и в пространстве.

Рассмотрение обоих комплексов убеждает нас прежде всего в том, что они близки между собой по времени и относятся к одной культуре. Аналогии для большей части орудий следует, по-видимому, искать в Прибайкалье [6] и, отчасти, в районе Красноярска, потому что эти области наиболее близки к бассейну Подкаменной Тунгуски и изучены они лучше других областей Восточной Сибири, хотя и для этих областей полных и основательных публикаций комплексов ранних материалов почти нет.

Как ни малочислен костяной инвентарь, имеющийся в нашем распоряжении, он все же может быть сопоставлен с прибайкальскими образцами. Костяному гарпуну, например, находим близкие аналогии среди изделий серовского времени из погр. № 1 Голомыска и № 1 Братского камня [7]. Близки они, видимо, и инвентарям погребений глазковского времени, где мы также видим гарпуны с бородками, расположенными лишь с одной стороны [8]. Нетрудно убедиться и в том, что Прибайкалье — одна

---

[3] При заточке любых предметов стенки желобка сужаются внутрь и желобок в разрезе выглядит в виде латинской буквы V.

[4] В. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950, стр. 242, рис. 72; Г. И. Андреев. Некоторые вопросы культур Южного Приморья в III—I тысячелетиях до н. э. МИА, 86, 1960, стр. 153, рис. 11, *2*.

[5] О. Н. Бадер. Неолитическая стоянка на р. Полуденке близ Тагила. Сб.: «Первое Уральское археологическое совещание», I—V, Пермь, 1948, стр. 39.

[6] Говоря о Прибайкалье, мы имеем в виду территорию, включающую в себя бассейны р. Ангары и верховья р. Лены, побережье и острова Байкала, низовья р. Селенги, т. е. Прибайкалье в понимании его А. П. Окладниковым.

[7] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 239.

[8] А. П. Окладников. Ук. соч. МИА, 43, 1955, стр. 79.

из областей, где очень пышно расцвела вкладышевая техника [9]. Здесь, видимо, и следует искать аналогии для вкладышевых изделий с Подкаменной Тунгуски.

Гораздо разнообразнее каменный инвентарь, но и он имеет ближайшие аналогии среди памятников Прибайкалья. При сравнении, например, части нуклеусов из Байкита и Усть-Камо с прибайкальскими мы видим, что и по типу, и по технике снятия пластин и обработки площадки, и по размерам они очень близки между собой [10].

На поселениях Подкаменной Тунгуски отмечен ряд типов скребков, которые имеются и в погребальных комплексах Прибайкалья. Так, концевые скребки с полукруглым и прямым рабочим краем, сделанные и на отщепах и на пластинах, имеются в инвентарях могил № 3 и 4 в Нохое (глазковское время) [11]. Здесь же есть и боковой скребок [12], близкий такому же из Байкита. Подобные скребки употреблялись в Прибайкалье и в более раннее время [13]. Правда, все рассмотренные типы скребков бытуют очень длительное время на огромной территории и не могут характеризовать поэтому какую-либо определенную культуру. Но в коллекции с Подкаменной Тунгуски нет небольших круглых скребков, столь характерных, например, для Забайкалья и Прибайкалья [14], и совсем отсутствуют миниатюрные скребки. Предстоит, следовательно, выяснить, является ли это отсутствие случайным вследствие неполноты сборов или оно закономерно и выражает определенное отличие.

Как бы ни были разнообразны ножи с Подкаменной Тунгуски, рассмотренные выше, многим из них мы также находим аналогии в Прибайкалье. Тонкие двусторонне ретушированные подтреугольные ножи из Усть-Камо (рис. 3, *1*) очень напоминают такие же орудия из погр. № 2 в Серово [15]. В коллекции из Усть-Камо мы обращали внимание на ножи или кинжалы, изображенные на рис. 3, *6*, *9*. Очень близкие им образцы имеются в могильниках серовского этапа Прибайкалья, например, в погр. № 8 Братского камня, в погр. № 1 В. Середкино [16] и в ряде других мест.

Сложнее обстоит дело с наконечниками стрел. В коллекции из Усть-Камо имеются иволистные, лавролистные и треугольный наконечники стрел с прямым основанием. Посмотрим, какие же типы наконечников стрел бытуют в Прибайкалье в серовско-глазковское время. Как отмечает А. П. Окладников, в могилах серовского времени часто еще встречаются «древние наконечники исаковского типа, с угловатой асимметричной выемкой в основании и соответственно, одним более длинным шипом. Но наряду с ними появляются и наконечники обычного неолитического типа с симметричной дугообразной выемкой. Наиболее же характерен для серовских погребений сравнительно небольшой наконечник с насадом (черенком)» [17].

---

[9] А. П. Окладников. Ук. соч. МИА, 18, стр. 215, рис. 62; стр. 365, рис. 109; МИА, 43, стр. 75, рис. 22.

[10] А. П. Окладников. Ук. соч. МИА, 18, стр. 199, рис. 41.

[11] А. П. Окладников. Ук. соч. МИА, 43, стр. 103, рис. 36, *4*, *6*.

[12] Там же, рис. 36, *5*.

[13] А. П. Окладников. Ук. соч. МИА, 18, стр. 198.

[14] А. П. Окладников. Ук. соч. МИА, 43, стр. 103, рис. 36, *2*.

[15] А. П. Окладников. Ук. соч. МИА, 18, стр. 197, рис. 401, нижний ряд.

Интересно отметить, что этот тип ножа употреблялся на очень широкой территории и характерен, судя по всему, для культур лесной полосы от Приуралья до Тихого Океана. О. Н. Бадер. Новые раскопки Турбинского I могильника. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, 1, М., 1959, стр. 82, рис. 15; Г. И. Андреев. Археологические исследования на южном и восточном побережье Приморья в 1960 году. КСИА АН СССР, 93, 1963, стр. 110, рис. 42, *19*, *21*.

[16] А. П. Окладников. Ук. соч. МИА, 18, стр. 218, рис. 64 (левый); стр. 219, рис. 65 (правый).

[17] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 229—230, рис. 68.

Для Прибайкалья глазковского времени А. П. Окладниковым выделено девять типов наконечников стрел [18]. Лишь один тип наконечников стрел из Усть-Камо можно сопоставлять с глазковскими — треугольный с прямым основанием (рис. 2, *5*). Последний близок, как нам представляется, к некоторым экземплярам из погр. № 1 в Бурети III [19]. Среди глазковских наконечников имеются и с округленным основанием (девятый тип по А. П. Окладникову) [20], но эти наконечники резко отличаются по своим пропорциям от наконечников из Усть-Камо, а поэтому не могут быть сопоставлены. Вместе с тем, в материалах из Усть-Камо и Байкита нет многих типов наконечников стрел, столь типичных для Прибайкалья: треугольных с выемкой в основании, ромбовидных, наконечников с боковыми выемками, ланцетовидных, черенковых (с насадом) и др. [21]. Наличие на поселениях Подкаменной Тунгуски ряда типов наконечников стрел, отсутствующих в Прибайкалье, и напротив, отсутствие многих прибайкальских типов — явление, по-видимому, не случайное, а поэтому при дальнейших работах на Подкаменной Тунгуске на него следует обратить самое пристальное внимание.

Рассмотрим, с чем можно сопоставить тесла с Подкаменной Тунгуски. К сожалению, рисунки тесел с выступами из Прибайкалья не опубликованы, и о их существовании можно судить лишь со слов некоторых исследователей [22]. В. Н. Чернецов, ссылаясь на сообщение А. П. Окладникова, пишет: «По указанию А. П. Окладникова „топор с выступами" найден в неолитических памятниках на Тихом Плесе (р. Лена), в горизонте, залегавшем ниже пласта с предметами, оставленными носителями китойской культуры. Окладников различает два типа „топоров с выступами" — ангарский и байкальский. Ангарские топоры — обивной техники, из кремнистого сланца. Они удлиненной формы (около 30 *см*), с треугольным поперечным сечением и с узким рабочим концом. Байкальские топоры — из кристаллической породы, изготовлены тонкой обивкой, более короткие и с закругленным концом» [23].

Выше мы специально подчеркивали, что и в Байките и в Усть-Камо наблюдается смешение в одном комплексе «топоров с выступами» различных типов. Подобное сочетание различных типов орудий в одном комплексе на ряде памятников Подкаменной Тунгуски, видимо, не случайно, и оно заставляет осторожнее относиться к локализации тех или иных типов и, напротив, позволяет сделать предположение о том, что многообразие типов связано с функциональным назначением орудий.

Бóльшая часть «топоров с выступами», происходящих из различных районов Сибири, не опубликована, поэтому картографирование их в настоящее время невозможно. Следует лишь сказать, что эти орудия характерны только для лесной полосы и в степи их нет. В связи с этим крайне желательно произвести исследование всех имеющихся в настоящее время «топоров с выступами» с целью выяснения функционального назначения каждого орудия. Произведя такую работу, можно было бы выделить

---

[18] А. П. Окладников. Ук. соч. МИА, 43, стр. 62; стр. 63, рис. 18; стр. 214—215, рис. 99—100.

[19] Там же, рис. 18, *21*.

[20] Там же, рис. 18, *18*.

[21] Между тем южнее, в районе Красноярска, многие из этих типов наконечников стрел имеются. И. Савенков. Каменный век в Минусинском крае. М., 1897, стр. 34—45, рис. 157—183, табл. XXIV, *1—13*; В. Г. Карцов. Материалы и археология Красноярского края. Красноярск, 1929, табл. II, *1—35*.

[22] Как мне любезно сообщил М. М. Герасимов, среди его ангарских сборов имеется около полутора десятка тесел с выступами. Он отметил также, что в сборах А. П. Окладникова их около трех десятков.

[23] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953, стр. 10, прим. 2.

В последнее время о находках топоров с выступами мы находим сообщение у А. П. Окладникова (А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен среднего Енисея. СА, 1957, 1, стр. 35).

определенные типы орудий, установив при этом зависимость между формой, техникой обработки, весом, материалом, из которого они сделаны, с теми функциями, которые эти типы орудий выполняли. Это имело бы огромное значение для правильной реконструкции хозяйства племен на различных территориях.

Бытование «топоров с выступами» в Восточной Сибири большинство исследователей связывает с серовско-китойским временем. Например, В. Н. Чернецов относит «топоры с выступами» и к серовскому [24] и к китойскому времени [25]. А. П. Окладников, рассматривая находки со среднего Енисея, пишет: «В Базаихе был обнаружен и характерный для неолита Прибайкалья так называемый топор (т. е. скорее мотыга или тесло) с ушками. Такие изделия встречены за последние годы при раскопках неолитических поселений на островах и по берегам Ангары выше Иркутска, где они датируются серовским и китойским временем [26]. О китойском возрасте топоров с закраинами пишет и Р. В. Николаев [27].

Шлифованные тесла из Усть-Камо могут быть сопоставлены с рядом тесел серовского времени. Так, массивное, почти квадратное в сечении тесло из Усть-Камо (рис. 1, *2*) ближе всего теслу из могилы № 3 у Н. Середкино [28], а четырехугольное в сечении малое тесло (рис. 4, *2*) хорошо сопоставляется с теслом из могилы № 1 у Городища [29].

Итак, из приведенных сопоставлений видно, что многие категории как каменных, так и костяных орудий с поселений Подкаменной Тунгуски и Прибайкалья имеют черты сходства. Эти черты сходства прослеживаются, однако, не среди изделий одной какой-то культуры (например, серовской), но и в вещах китойского и глазковского времени. Поскольку мы не знаем условий залегания вещей в культурном слое и у нас нет абсолютной уверенности в однослойности поселений в Байките и Усть-Камо, мы вынуждены быть осторожными в отнесении материалов с Подкаменной Тунгуски к какому-то одному времени. В нашем распоряжении нет также керамики с этих поселений, а она могла бы помочь определить верхнюю и нижнюю границы времени существования памятников. Именно поэтому впредь до накопления новых материалов (особенно керамики) и получения хорошо документированной стратиграфии поселений Подкаменной Тунгуски мы можем предполагать, что рассмотренные вещи и поселения относятся к III—II тысячелетию до н. э.

---

[24] В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 10.
[25] Там же, стр. 25.
[26] А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей..., стр. 35.
[27] Р. В. Николаев. Археологические находки на севере Красноярского края. СА, 1960, 1, стр. 255.
[28] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, стр. 201, рис. 43 (левый нижний).
[29] Там же, правый нижний.

А. П. ДЕРЕВЯНКО

НОВОПЕТРОВСКАЯ КУЛЬТУРА (КУЛЬТУРА ПЛАСТИН) НА СРЕДНЕМ АМУРЕ

За последние годы систематическими полевыми исследованиями Дальневосточной археологической экспедиции открыто и раскопано на Среднем Амуре много памятников каменного века [1].

Особое место среди неолитических культур Дальнего Востока занимают поселения новопетровской культуры ножевидных пластин, впервые обнаруженные Дальневосточной археологической экспедицией под руководством А. П. Окладникова в 1961 г. на Амуре близ с. Константиновки.

В настоящее время памятники этой культуры известны как на Амуре (Константиновка, Новопетровка, Сергеевка), так и по р. Зее (ст. Арга). Один из самых выразительных памятников этого времени был обнаружен и исследован экспедицией в 1962 г. у с. Новопетровки.

Раскопанное здесь жилище было одновременно, по-видимому, и мастерской, где велась первичная обработка и изготовление каменных орудий. При зачистке пола в жилище около трех рабочих камней-наковален было обнаружено несколько десятков призматических нуклеусов и ножевидных пластин.

В 1963 г. работы в районе с. Новопетровки были продолжены отрядом Дальневосточной экспедиции, в состав которого входили студенты Благовещенского пединститута под руководством А. П. Окладникова [2].

В 2—2,5 *км* от раскопа 1962 г. на высоком живописном мысу, склоны которого круто опускаются к долине р. Дунайки, вновь были обнаружены отщепы и ножевидные пластины из желтовато-белой и белой зернистой породы — вулканического туфа. В числе подъемных находок имеется около двух десятков мелких и крупных отщепов, получившихся в результате первичной обработки заготовок для нуклеусов, около десятка ножевидных пластин и три грузила. На четырех ножевидных пластинах видны следы работы: мелкие беспорядочные сколы. Грузила, судя по их небольшому размеру, употреблялись для малых рыболовных сетей и были сделаны из хорошо окатанных речных галек. Они прикреплялись к сети при помощи выемок, образованных сколами с двух противоположных сторон.

При зачистке обреза дорожной выемки выяснилось, что отщепы и пластины встречаются вдоль дороги на протяжении 100—150 *м* на глубине 50—70 *см* от дневной поверхности. Здесь же нами был заложен небольшой разведочный раскоп (2 × 1,5 *м*), выявивший следующую стратиграфию: сверху находится небольшой слой наброса (10—15 *см*); под

[1] А. П. Окладников. Основные проблемы древней истории Дальнего Востока. Тезисы докладов и сообщений Третьей дальневосточной конференции по истории, археологии и этнографии. Комсомольск-на-Амуре, 1962, стр. 5—6.

[2] В работах участвовали: Б. Сапунов, А. Коровин, В. Кошелев, А. Мазин, А. Филоненко, В. Семин.

ним — тонкий почвенно-дерновый слой (8—12 *см*); глубже залегает светло-коричневый песок с редкими включениями более темного и плотного речного песка.

В слое песка на глубине 40 *см*, в северо-восточном углу раскопа, было обнаружено скопление каменных изделий. Среди них особо выделяются три крупных нуклеуса. Материалом для первого из них послужил плотный светло-серого цвета вулканический туф. Этот нуклеус (рис. 1, *1*) редкий образец как по значительному размеру, так и по выразительности формы. По способу обработки он напоминает палеолитические нуклеусы клиновидной формы. Характерные особенности этого нуклеуса заключаются в следующем: во-первых, снятие пластин производилось только с одной стороны; во-вторых, нуклеус имел наклонную ударную площадку, которая составляет с рабочей стороной угол примерно в 50°. Для придания нуклеусу в наклонном состоянии устойчивого положения с тыльной стороны нижняя площадка нуклеуса скошена несколькими поперечными сколами так, что при своем рабочем положении нуклеус имеет широкую плоскость опоры. Ударная площадка выровнена мелкими поперечными сколами и представляет собой сравнительно ровную поверхность, удобную для нанесения целенаправленного удара. Нуклеус имеет у верхнего основания форму неправильного параллелограмма. С него скалывали широкие длинные пластины и успели снять только один ряд пластин, в основном же нуклеус только подготовлен к работе. Обращает внимание характерная особенность этого нуклеуса — глубокие, резко очерченные впадины вдоль его краев. Им на снятых пластинах должны соответствовать резко выпуклые, круто очерченные ударные бугорки. Очевидно, удары по краю нуклеуса наносились очень сильной, уверенной рукой мастера, хорошо знавшего свойство камня.

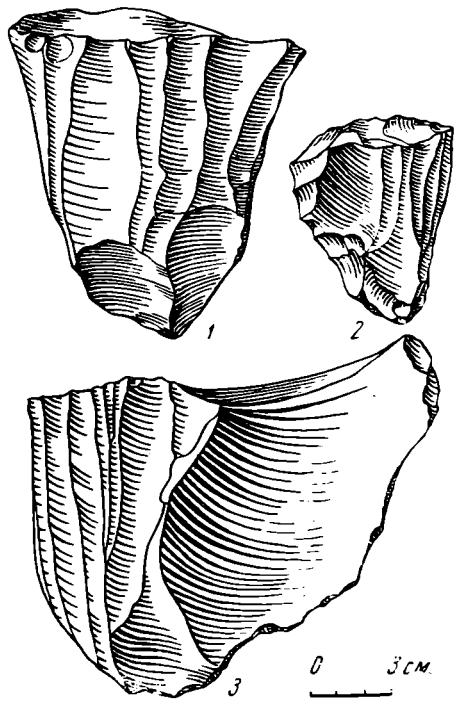


Рис. 1. Нуклеусы, найденные при раскопках у с. Новопетровки

Другой нуклеус по общему виду и технике обработки тоже напоминает верхнепалеолитические нуклеусы клиновидной формы[3] (рис. 1, *3*). Он имеет широкую ударную площадку, подправленную поперечными сколами так, что она образует небольшое углубление от края к центру. Тонкие длинные пластины правильной формы снимались на этом нуклеусе только с одного конца. Другой же его конец обработан широкими боковыми сколами и был превращен в извилистое ребро. У нижнего основания хорошо заметны следы боковой подтески для придания краю острорежущей поверхности. Этот нуклеус в типологическом отношении можно отнести к так называемым гобийским нуклеусам, так как только один край его затесан рядом параллельных узких сколов. Другой край превращен в широкое лезвие, которое могло употребляться в качестве скобеля или режущего инструмента. Нуклеусы такого рода распространены

[3] М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы. Археологический сборник, 1, П., 1959.

весьма широко — от Гоби, где они были обнаружены впервые экспедицией Эндрьюса в 1926 г., до Аляски [4].

За последние годы Дальневосточной археологической экспедицией много таких специфических изделий обнаружено на Среднем Амуре и по р. Зее. В 1963 г. серия заготовок гобийских нуклеусов найдена при раскопках мезолитической мастерской у с. Устиновки (раскопки А. П. Окладникова). Столь широкое распространение гобийских нуклеусов позволяет говорить о широких межплеменных связях в эпоху каменного века, когда древние племена шли вслед за стадами северного оленя вплоть до Американского континента. С другой стороны, важно заметить, что нуклеусы гобийского типа всюду, где они встречаются, датируются или мезолитическим временем или свидетельствуют о древних традициях в более поздних неолитических культурах. При этом следует подчеркнуть, что гобийские нуклеусы распространены в Центральной и Северной Азии широкой полосой, которая начинается на западе Центральной Азии в Синцьяне, захватывает Монголию с центром в Гоби и тянется далее через среднее и отчасти нижнее течение Амура и Чукотский полуостров к Берингову проливу. На Американском материке территория распространения гобийских нуклеусов достигает Аляски.

Третий нуклеус, меньших размеров, представляет собой замечательный по совершенству техники сколов образец односторонне-конического нуклеуса (рис. 1, *2*). Один конец его — ударная площадка — широких неправильно округлых очертаний. Противоположный конец имеет вид тупого, массивного острия. Несколько выпуклая площадка оформлена узкими сколами, направленными от края к центру. Противоположный конец нуклеуса был заострен боковыми подтесывающими фасетками ретуши.

Пластины снимались с нуклеуса только с одной стороны. Негативные желобки от снятых пластин сравнительно узкие и строго параллельны друг другу.

Все три описанных выше нуклеуса были полностью оформлены и приготовлены к дальнейшему использованию: с них снято всего лишь по нескольку пластин. Возможно, то место, где они были найдены, являлось небольшой неолитической мастерской. За это говорит и один найденный здесь же замечательный в своем роде образец заготовки нуклеуса. Это первичная заготовка, ее с первого взгляда даже трудно принять за нуклеус — настолько она груба. Рассматривая ее, можно ясно видеть, как поступал мастер, поставивший своей целью изготовить односторонний конический или клиновидный нуклеус. С массивного куска кремнистой породы он сначала снял желвачную корку. На одной стороне заготовки уцелели остатки этой корки, темно-желтого цвета, гладкой и блестящей. Корка снималась широкими и плоскими фасетками сколов. Общая форма заготовки напоминает клин с широкой площадкой сверху, которая оформлена двумя широкими сколами, сходящимися посередине широким ребром. Две широкие стороны тоже были обтесаны широкими грубыми сколами. Третья плоскость была обработана более тщательно. Она предназначалась для снятия ножевидных пластин. Острый нижний конец специально подготовлен широкими, но короткими сколами.

Таким образом, в нашей коллекции представлены по крайней мере три стадии обработки нуклеусов и два их основных вида: односторонне-клиновидные и нуклеусы гобийского типа.

Рядом с нуклеусами лежали отжимник и наконечник стрелы. Отжимник сделан из небольшого сильно сработанного нуклеуса (рис. 2, *1*), имеющего в плане форму неправильного прямоугольника. Его бо́льший

---

[4] А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1954, стр. 38—42; его же. О первоначальном заселении человеком внутренней части Чукотского полуострова. ИВГО, 85, 4, 1954.

край оформлен крутыми беспорядочными сколами и выбоинами, получившимися в результате работы по камню. Одна сторона отжимника — плоская. Другая — выпуклая, оформлена широкими сколами, плавно спускающимися к рабочей поверхности. Существенно, что отжимник сделан из более плотного материала — темно-желтого кремня.

Наконечник стрелы сделан из небольшой ножевидной пластины с одной гранью на спинке (рис. 2, *2*). Острый кончик оформлен мелкой тща-

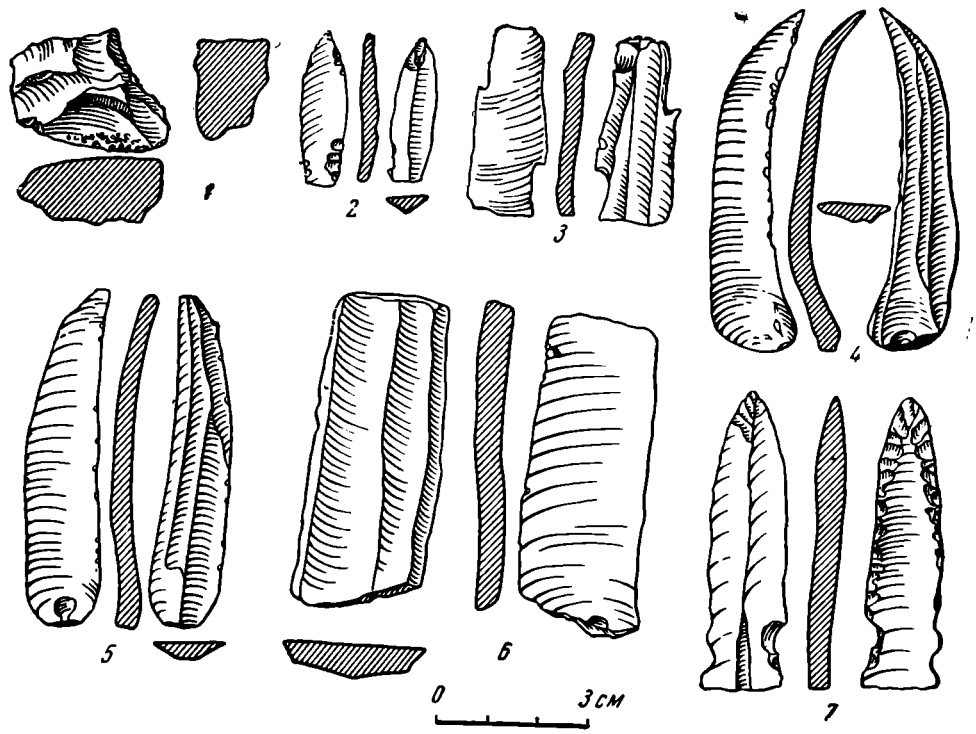


Рис. 2. Каменные изделия из раскопок 1963 г. у с. Новопетровки

тельной ретушью с брюшка и двумя-тремя фасетками со спинки. Мелкой крутой ретушью с брюшка подправлены и длинные края наконечника, к насаду фасетки вдоль одного края широкие, с другого — еле заметные.

Неподалеку от нуклеусов лежали четыре ножевидные пластины и большое количество мелких и крупных отщепов. Одна пластина узкая, с двумя параллельными гранями на спинке, без каких-либо следов обработки; вторая пластина широкая, с двумя параллельными гранями на спинке, третья же сходится со второй гранью. По одному краю вдоль спинки пластины видны следы очень мелкой крутой ретуши, образовавшейся в результате работы по твердому материалу, возможно по кости. Две другие пластины имеют неправильные грани на спинке.

Весь описанный выше материал концентрировался в одном северо-восточном углу раскопа. По-видимому, здесь была небольшая мастерская. За это говорит тот факт, что при дальнейшей зачистке обреза дороги в 2 *м* от раскопа были обнаружены остатки жилища. Зачисткой вскрыта большая линзовидная западина. Она характеризуется типичным для древних жилищ заполнением темного цвета.

Стратиграфия разреза этого жилища такова: сверху находится слой наброса в 10—12 *см*. Под ним прослеживается почвенно-дерновый слой, засыпанный набросом. Ниже наблюдается гумусированный слой, который по цвету гумуса и по распространению делится на два горизонта: сверху лежит менее гумусированный слой с включениями темно-желтого мате-

рикового песка. Этот слой на плечиках разреза распространяется на 50 *см* далее, чем нижний слой, и связан, по-видимому, с перекрытием жилища. Под ним наблюдается хорошо гумусированный слой темной супеси. Длина западины жилища в разрезе 6 *м*, глубина ее от дневной поверхности 1,4 *м*.

При зачистке разреза первого жилища сразу же под погребенной почвой было обнаружено несколько маленьких обломков неорнаментированной посуды. Она была сделана из глины с небольшой примесью дробленого мелкого песка. С наружной стороны сосуды были красного цвета, а с внутренней — черного — результат неравномерного кострового обжига сосуда.

Ниже, в верхнем слабогумусированном слое, было обнаружено шесть крупных отщепов, сколотых с желвака при первичной обработке. В этом же слое было обнаружено более десятка мелких отщепов, некоторые из них имеют хорошо выраженный ударный бугорок. В том случае, если имеется ударный бугорок, этот край уже, но массивнее. Из двух ножевидных пластин одна имеет мелкие беспорядочные сколы вдоль одного края — следы работы по твердому материалу.

В нижнем слое жилища находки располагались главным образом в нижней части заполнения над полом. Наибольший интерес из найденных здесь изделий представляет резец (рис. 2, *3*) с двумя противолежащими резцовыми сколами. Резец изготовлен из ножевидной пластины, имеющей на спинке две грани, причем одна из них оформлена дополнительными фасетками сколов. По одному краю орудия видны также мелкие сколы со стороны спинки и с брюшка. Этим краем резца пользовались, по-видимому, в качестве режущего инструмента. Таким образом, данное орудие было универсальным: резцовые сколы предназначались для различных стадий обработки, а один край служил в качестве ножа.

На полу жилища было обнаружено два массивных скола с нуклеуса, на которых ясно видны следы снятия с нуклеуса ножевидных пластин. Один из этих нуклеусов был призматический, двуплощадный. Одна площадка оформлена мелкими дополнительными сколами и превращена в ровную, удобную для нанесения удара поверхность. Нуклеус был испорчен неправильным сильным ударом сбоку.

Второй нуклеус похож на третий из раскопа № 1. В этом случае площадка, с которой снимались пластины, была сколота преднамеренно, так как в нижней части нуклеуса видны дополнительные фасетки сколов, имеющих определенное производственное назначение. Нижняя, широкая часть нуклеуса была превращена в своеобразное орудие типа скобеля.

Особо обращают на себя внимание три ножевидные пластины. Первая — кривая, широкая внизу и заостренная вверху, имеет на спинке три грани (рис. 2, *4*). Со спинки край одной грани дополнительно оформлен в нескольких местах мелкой ретушью. Вторая пластина с тремя широкими параллельными гранями (рис. 2, *5*), с брюшка по краю у нее видны мелкие выбоины. Этой пластиной пользовались в качестве ножа. Третья пластина массивная, с явно выраженным ударным бугорком, так же как и первые две, употреблялась в качестве режущего инструмента (рис. 2, *6*).

Отщепов в этом слое было найдено 11. Два из них массивные, снятые с краев нуклеуса. Один отщеп оформлен с брюшка глубокими выемками — фасетками, образующими хорошее зубчатое лезвие. Другой отщеп подправлен вдоль острого края ретушью со стороны брюшка и спинки.

Зачисткой обреза первого жилища выяснилось, что оно было впущено в материк на 1,2 *м* и представляло собой большой полуподземный дом. Пол его, судя по обрезу, был ровный без каких-либо заметных следов понижения к центру. Чтобы выяснить размеры оставшейся части жилища, была заложена поперечная контрольная траншея. Жилище вдавалось в глубь холма на 4 *м*. Плечики котлована круто поднимались, об-

разуя отвесный уступ. При закладке траншеи было выявлено несколько готовых орудий труда и отщепов. Материал концентрировался в основном в нижней части заполнения жилища (на полу или выше него на 20—25 *см*).

Наибольший интерес представляет острие, сделанное из ножевидной пластины и обработанное тонкой и ровной ретушью вдоль брюшка (рис. 2, 7). Кончик острия оформлен как продольными, так и поперечными сколами. На другом конце с обеих сторон имеются довольно глубо-

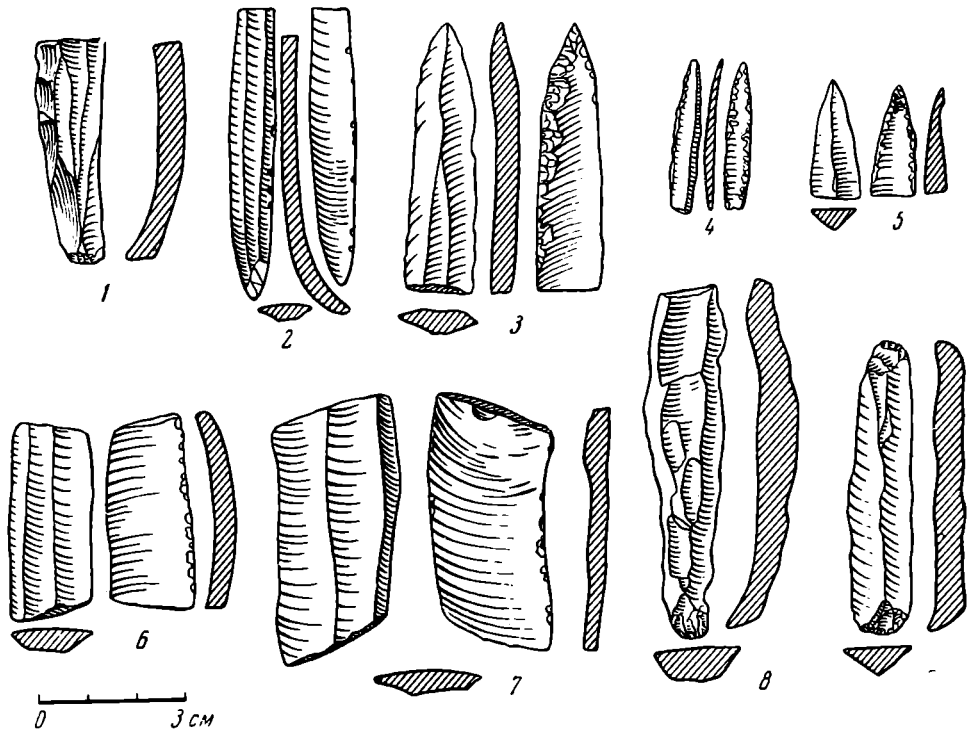


Рис. 3. Каменные изделия из раскопок 1963 г. у с. Новопетровки

кие выемки, сделанные преднамеренно, так как ретушь глубокая и выемки симметричны. Они несомненно служили для закрепления острия на какой-то деревянной рукояти или древке. Такие выемки характерны для наконечников стрел и копий, а также для некоторых клинков и ножей, получивших в нашей литературе названия американоидных, по сходству с аналогичными изделиями из Северной Америки.

Здесь же было найдено два концевых скребка. Первый сделан из ножевидной пластины, хотя его грани не строго параллельны друг другу (рис. 3, *1*). Рабочая часть скребка узкая и оформлена очень крутой, почти отвесной ретушью. Второй скребок сделан из большого отщепа, его рабочая поверхность обрабатывалась совершенно отвесными сколами. Длина рабочей поверхности скребка 3 *см*.

В контрольной траншее найдены четыре ножевидные пластины, на которых видны зазубрины от работы (рис. 3, *2*). При дальнейшей зачистке обреза дороги, в 30 *м* от первого жилища, была обнаружена вторая линзовидная западина второго жилища, протянувшаяся по обрезу вдоль дороги на 6,5 *м*. Пол жилища в северо-западной части понижается. В северо-восточном углу была хорошо заметна небольшая западина, возможно, от ямы одного из опорных столбов, впущенных в материк на 20 *см*.

В верхнем слое заполнения, при зачистке обреза жилища, найдены две ножевидные пластины с явными следами работы, два грузила для сетей и около десятка отщепов.

Первая ножевидная пластина, несколько изогнутая, имеет на спинке три грани. Другая, меньшая, пластина отретуширована с брюшка мелкими сколами.

Среди находок обращает на себя внимание сильно сработанный нуклеус. Как и все описанные выше образцы, он обрабатывался только с одной стороны, другие же грани были обработаны выравнивающимися сколами. В результате неудачного удара или недоброкачественности материала часть рабочей поверхности изделия была утрачена, и он потерял свою правильную форму.

Из орудий труда особо надо отметить массивную толстую проколку из ножевидной пластины с крутой ретушью по широкому краю. Рабочая часть проколки выступает в виде прямого угла. Другой край оформлен мелкими сколами и удобен для держания в руке.

В заполнении жилища найдено небольшое грузильце, сделанное из маленькой речной гальки; два его края имеют выемки с обеих сторон. Из шести ножевидных пластин три имеют следы работы. Отщепов — 23 экз.

После зачистки обреза в жилище № 2 была проложена поперечная контрольная траншея. Длина оставшейся части жилища — 5 *м*. Заполнение ее составляла темно-коричневая супесь. В заполнении контрольной траншеи обнаружено два наконечника и две проколки, шесть ножевидных пластин, отбойник, наковаленка и два концевых скребка. Первый наконечник (рис. 3, *3*) сделан из широкой правильной ножевидной пластины. Кончик острия обработан крутой мелкой ретушью с обоих краев, но только с брюшка. Ретушью также обработан один его край и тоже с брюшка. Другой край обработан ретушью только у насада. Возможно, это был вкладыш составного режущего инструмента, так как острие обработано только по одному краю и немного изогнуто.

Другое острие — наконечник стрелы (рис. 3, *4*). Он изготовлен из ножевидной пластины. Наконечник тоже обработан только с брюшка, но в отличие от первого ретушь нанесена по обоим краям пластины. К насаду острие сужается. Наконечник имеет очертания листка ивы.

Третье острие — проколка (рис. 3, *5*), сделанная из изогнутой ножевидной пластины, с одной гранью на спинке. С брюшка, вдоль обоих краев, острие оформлено ретушью. Кончик заострен мелкими поперечными фасетками сколов. Четвертое острие является своеобразным орудием, сочетающим в себе признаки острия и скребка; верхний край его оформлен крутой ретушью и напоминает острый, выступающий вперед шип.

Здесь же были обнаружены шесть пластин. Две из них сняты с боковых граней нуклеусов (рис. 3, *6*, *7*). Пластин, снятых с боковых граней краев призматического нуклеуса, в данном комплексе обнаружено несколько, по-видимому, они снимались для подправки нуклеуса.

Орудиями для обработки камня являются отбойник и наковаленка. От последней сохранилась половина удлиненной базальтовой гальки с утолщением на одном конце. Со всех сторон на гальке видны мелкие выбоины; вероятно, на ней вели первичную обработку нуклеусов.

Отбойником служила прямоугольная галька длиной 8 *см*. Один край отбойника отколот по всей поверхности несколькими сильными ударами.

Два концевых скребка близки по форме скребкам из первого жилища. Первый скребок изготовлен из массивного скола боковой грани нуклеуса (рис. 3, *8*). Грани на его спинке выровнены несколькими беспорядочными сколами. Рабочая поверхность скребка узкая, приостренная несколькими узкими фасетками сколов. В 0,6 *см* от рабочей поверхности на боковой грани сделано желобчатое углубление. Эта грань имеет с брюшка мелкую ретушь.

Второй скребок сделан из пластины, имеющей одну высокую грань на спинке (рис. 3, *9*). У него обработаны крупной ретушью оба конца.

На том конце, где находится ударный бугорок, скребок тоньше и обработан продольными сколами только по самому краю. Противоположный конец значительно толще и обработан в основном продольными сколами.

Рассмотренный нами новый памятник культуры пластин ставит ряд больших общих вопросов в связи с известными ранее памятниками этой культуры (Сергеевка, Новопетровка, Константиновка) и в связи с некоторыми аналогичными формами каменного инвентаря в неолитических памятниках Сибири, Якутии, Приморья.

Весь описанный нами материал по степени обработки и по назначению может быть разделен на несколько типологически устойчивых групп: 1) клиновидные односторонние нуклеусы, со скошенными площадками и нуклеусы гобийского типа, 2) пластинчатые острия и наконечники стрел, оформленные ретушью только с брюшка, 3) изготовленные из ножевидных пластин концевые скребки.

Нуклеусы, встреченные в поселениях новопетровской культуры пластин, имеют ярко выраженные архаические черты. Наибольший интерес в связи с этим представляют клиновидные нуклеусы со скошенными площадками, которые А. П. Окладников совершенно справедливо называет эпилеваллуазскими [5].

Что же касается нуклеусов гобийского типа, то впервые на своеобразие орудий, у которых с одной грани снимали ножевидные пластины, а ребро с противоположной стороны превращали дополнительной ретушью в полукруглое лезвие, применявшееся в качестве скребка или ножа, обратил внимание Б. Э. Петри, который и предложил называть их нуклеусами-скребками [6].

Иной точки зрения в вопросе о нуклеусах-скребках придерживается М. З. Паничкина, которая считает термин нуклеусы-скребки не совсем правильным и относит нуклеусы такого типа к клиновидным, под которыми понимает довольно обширную группу нуклеусов [7]. Она считает, что хотя в некоторых случаях они могли использоваться в качестве скребков, но в основном эти нуклеусы предназначались для снятия с них микропластин.

На наш взгляд, правы те археологи, которые выделяют нуклеусы-скребки в особую группу. В своей первоначальной производственной основе нуклеусы-скребки близки к клиновидным нуклеусам, но в отличие от последних для нуклеусов-скребков мастер применял, как правило, специальные заготовки. Если высота клиновидного нуклеуса превосходит длину рабочей площадки, то у нуклеусов-скребков высота меньше длины рабочей площадки. С таких нуклеусов скалывали узкие и короткие пластины, но зато третья грань, дополнительно обработанная ретушью, представляла собой полукруглое лезвие и оно могло употребляться в качестве скребла или ножа. В данном случае мы уже имеем не нуклеус, а скребок особого типа. Некоторые из этих форм нуклеусов, обработанные соответствующим образом, близки по форме к ориньякским нуклевидным многогранным резцам [8].

Нуклеусы-скребки — своеобразная форма орудий труда, употреблявшихся особенно долго на территории Сибири и Дальнего Востока, начиная с верхнего палеолита и до раннего неолита [9].

---

[5] А. П. Окладников. Мезолит Приохотья. Тезисы докладов к Всесоюзному совещанию по изучению четвертичного периода. Новосибирск, 1964, стр. 92.

[6] Б. Э. Петри. Неолитические находки на Байкале. Сб. МАЭ, III, 1913.

[7] М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы.

[8] М. М. Герасимов. Люди каменного века. М., 1964, стр. 115, рис. 5.

[9] Н. К. Ауэрбах. Палеолитическая стоянка Афонтово III. Труды Общества изучения Сибири и ее производительных сил. 7, 1930, стр. 25, 27; А. П. Окладников. Следы палеолита в долине р. Лены. МИА, 39, 1953, стр. 39; его же. Далекое прошлое Приморья, Владивосток, 1959, стр. 38; его же. Мезолит Приохотья; Г. П. Сосновский. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины. Сб. «Палеолит СССР», Л., 1935; З. А. Абрамова. Палеолитические находки в районе Кях-

Кроме нуклеусов-скребков широкое распространение в Сибири и на Дальнем Востоке получили пластинчатые острия, обработанные только с одной стороны — с брюшка. Сама форма пластинчатых острий, а также обработка ретушью только части лезвий и кончиков указывает на бесспорную связь с древней мезолитической техникой обработки кремня и типами острий, характерных для мезолита. Подобные пластинчатые острия была обнаружены А. П. Окладниковым в 1949 г. на берегах р. Халхин-гол, впадающей в озеро Буир-нур на территории Монгольской Народной Республики.

В Прибайкалье аналогичные острия обнаружены в древнейших погребениях в пади Хинской и пади Частые на Ангаре [10].

Еще шире распространяются эти орудия в Забайкалье, где они получили название даурских наконечников стрел. В долине Амура, между Сретенском и Благовещенском, такие наконечники были обнаружены в Шилкинской пещере [11].

В Хабаровском краеведческом музее имеется несколько даурских наконечников стрел в составе коллекции, собранной на Среднем Амуре при постройке Амурской железной дороги.

В памятниках новопетровской культуры пластинчатые наконечники преобладают. Для этой культуры характерна обработка с брюшка не только наконечников, но и проколов, шильев, вкладышей для составных режущих инструментов, т. е. это была устойчивая технологическая традиция.

Описанные изделия А. П. Окладников разделяет на несколько типологических вариантов и групп. В первую группу входят острия простейшего типа, в виде ножевидных пластин, у которых краевой ретушью с брюшка обработан конец, противоположный ударному бугорку. Вторую группу составляют острия с боковой выемкой. К третьей группе принадлежат острия в виде ивового листа, с суженной ретушью нижней частью. Четвертую группу составляют острия, у которых нижний конец тоже обработан, но не округлен, а превращен ретушью в прямо срезанный насад. Пятая группа — острия со скошенным насадом [12]. При раскопках неолитического поселения на Нижнем Амуре в с. Кондоне были встречены пластинчатые острия с черешком такого же типа, как в раннем неолите Якутии [13]. Их следует выделить в шестой тип пластинчатых наконечников. И, наконец, в Новопетровке был обнаружен седьмой тип пластинчатых острий с симметричными боковыми выемками у насада.

Все перечисленные типы пластинчатых острий относятся к раннему неолиту. Исключение составляет Шилкинская пещера, так как в ней наряду с пластинчатыми остриями встречаются и наконечники стрел, двусторонне ретушированные с симметричными и асимметричными жальцами. Архаичные черты имеют также характерные для кремневого инвентаря памятников новопетровской культуры концевые скребки на ножевидных пластинах, такие скребки встречаются на Дальнем Востоке в мезолитических и ранненеолитических памятниках [14].

Формы нуклеусов, пластинчатые острия, концевые скребки — все это вместе взятое свидетельствует о ранней датировке новопетровской куль-

---

ты. МИА, 39, стр. 268; е е ж е. Красный Яр — новая палеолитическая стоянка на Ангаре. СА, 1962, 3, стр. 151; Н. Н. Д и к о в. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных. Сб.: «История и культура народов Северо-Востока СССР», Магадан, 1964, стр. 9—10.

[10] А. П. О к л а д н и к о в. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950, стр. 161—162.

[11] А. П. О к л а д н и к о в. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура. МИА, 86, 1960, стр. 11—72.

[12] А. П. О к л а д н и к о в. Шилкинская пещера..., стр. 64.

[13] А. П. О к л а д н и к о в. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.— Л., 1935. стр. 113, рис. 33.

[14] А. П. О к л а д н и к о в. Мезолит Приохотья, стр. 92.

туры, и если бы не фрагменты керамики, то ее можно было бы датировать поздним мезолитом.

Как следует из анализа кремневого инвентаря Новопетровского поселения, представленная им древняя культура имеет весьма архаический облик и глубокие, мезолитические корни. Ее истоки, несомненно, коренятся в мезолите Дальнего Востока. Поселение около дер. Устиновки на р. Тадуши в Приморье наиболее близко Новопетровскому поселению по характеру и типам каменных изделий. Однако для датировки новопетровской культуры решающее значение имеет наличие керамики: керамика эта по своему облику тоже очень примитивна, и мы можем с полной уверенностью считать ее древнейшей для Среднего Амура, а может быть и вообще для всего Дальнего Востока.

Ориентировочно учитывая датировки неолитических культур в соседнем Прибайкалье, а также в Японии, где широко применяется радиокарбоновый анализ для определения возраста неолитических памятников, следует датировать Новопетровское поселение, а по нему и всю эту культуру, временем не моложе III, а может быть и концом IV тысячелетия до н. э.

В связи с этим особый интерес представляют вопросы, связанные с изучением хозяйства и образа жизни населения Среднего Амура во время существования новопетровской культуры.

В хозяйстве и образе жизни носителей новопетровской культуры пластин на Среднем Амуре точно так же, как и в кремневом инвентаре, обнаруживаются определенные архаические черты. Основными занятиями новопетровцев, судя по каменному инвентарю, были охота и рыбная ловля; никаких следов земледелия не имеется. Земледелие появляется здесь много позже, на том этапе, к которому относятся остатки поселения на Осиновом озере у с. Войково.

Особое значение для специфики всей культуры в целом должно было при этом иметь рыболовство — та отрасль хозяйства, которая в условиях Амура доминировала в жизни местных племен на протяжении тысячелетий и определяла особенности их быта. Именно с оседлостью рыболовческих племен следует связывать и характер жилищ в Новопетровке. В то время как в соседнем Забайкалье, а также в Прибайкалье и в Монголии неолитические племена вели полубродячий или бродячий образ жизни, на Среднем Амуре уже в IV—III тысячелетиях до н. э. возникают поселки, состоявшие из ряда домов, имевших полуподземный характер, с устойчивой и достаточно сложной архитектурной конструкцией.

Таким образом, перед нами впервые вырисовываются весьма интересные и во многом необычные контуры своеобразной древней культуры, существовавшей в начале неолитического времени на Среднем Амуре.

Культура эта тем более интересна, что она находилась в сложных связях с неолитическими культурами соседних территорий и, судя по распространению таких специфических вещей, как пластинчатые наконечники, оказывала на них свое влияние: во всяком случае ясно, что Забайкалье и Монголия не были источником так называемых даурских острий. Острия эти там рассеяны редко и не имеют местных корней. Может быть, следует поэтому пересмотреть и самый термин «даурские острия», впервые отмеченный Г. Ф. Дебецом, который предложил для Забайкальского неолита термин «даурская культура» [15].

Во всяком случае ясно, что новопетровская культура пластин на Среднем Амуре представляет важное явление в истории Дальнего Востока и соседних с ним областей Сибири и Центральной Азии [16]. Дальнейшее изучение ее памятников принесет несомненно много важных новых сведений по ранней истории этих областей Азии.

[15] Г. Ф. Дебец. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья. ИАИИ МГУ, III, 2-а, М., 1930, стр. 163.

[16] А. С. Лукашкин. Исследование неолитических стоянок близ станции Цицикар. «Вестник Маньчжурии», 3, Харбин, 1934, стр. 1—30; В. Е. Ларичев. Неолитические памятники бассейна Верхнего Амура, МИА, 86, стр. 117.

М. А. ДЭВЛЕТ

БОЛЬШАЯ БОЯРСКАЯ ПИСАНИЦА

Наскальные изображения, известные в Сибири под названием «писаниц», являются одним из важнейших исторических источников, отражающих те стороны хозяйства, быта, мировоззрения древних людей, о которых в ряде случаев нельзя составить представления по другим археологическим памятникам. Это живописный рассказ прошлых поколений о самих себе. В то же время наскальные рисунки представляют собой яркие образцы изобразительного искусства от глубокой древности до средневековья. Петроглифы из разных мест обычно имеют определенные повторяющиеся сюжеты. В Южной Скандинавии это сцены морских походов, сражений, угона скота, похорон на ладьях; в Испании — рисунки кинжалов; во Франции на дольменах изображались топоры, ступни ног, каракатицы; на Альпийских петроглифах — сцены пахоты и т. д. [1]. Для сибирских писаниц наиболее характерны изображения диких животных, сцен охоты, сражений, сцен из области шаманского культа [2]. Среди наскальных рисунков Южной Сибири особое место занимают «Боярские» писаницы. Представляя собой картину жизни древних поселков, они отличаются по сюжету от рисунков других районов Сибири.

Из Боярских писаниц до недавнего времени была опубликована лишь одна [3], хотя в литературе упоминались и другие наскальные изображения Боярского хребта. Они были открыты А. В. Адриановым, приступившим в 1904 г. к исследованию писаниц Минусинского уезда по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. В том же году он открыл, заэстампировал и описал множество наскальных рисунков, в том числе писаницу, известную под названием Боярской (мы будем называть ее Малой Боярской). Кроме того, А. В. Адрианов отметил еще несколько групп изображений и среди них указал на писаницу, недавно опубликованную студентами Московского высшего художественно-промышленного училища под названием Большой Боярской [4]. Первое упоминание о группе Боярских писаниц мы находим в статье А. В. Адрианова «Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г.» [5]. Позднее, публикуя выдержки из полевого дневника,

[1] А. Я. Брюсов. К критике ошибок археологов при истолковании древних петроглифов. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953, стр. 96.

[2] Д. Г. Савинов. Наскальные изображения в Центральной Азии и Южной Сибири. ВЛГУ, 20, сер. ист. Л., 1964, стр. 140—143.

[3] М. П. Грязнов. Боярская писаница. ПИМК, 1933, 7—8, стр. 41; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 184; табл. XIX, *1*.

[4] В. Николаенко, А. Щавелин. Датировано железным веком. «Советский Союз», 1963, 4, стр. 50—51.

[5] А. В. Адрианов. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. Изв. Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, 1904, 4, стр. 30.

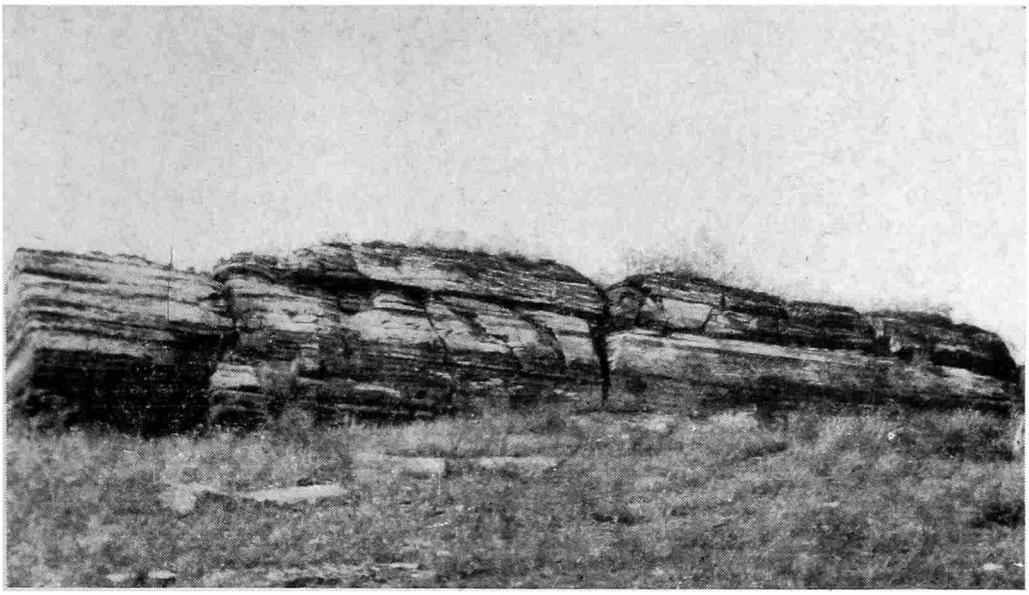


Рис. 1. Общий вид Большой Боярской писаницы

А. В. Адрианов, подробно остановившись на описании местонахождения и изображений Малой Боярской писаницы, отметил, что в полуверсте от нее он и его спутники «увидели большую писаницу; она сплошь покрывала гладкую грань утеса на протяжении 5 сажен, занимая в высоту 145 *см*. Вся эта площадь,— писал А. В. Адрианов,— сплошь покрыта выбитыми фигурами, но большею частью плохо сохранившимися или густо затянутыми лишайником. В нижнем ряду фигур выбиты дома, лестница, люди; выше — люди в разных позах, какие-то четырехугольные предметы — „шкатулки", как их окрестили мои сотрудники,— животные и проч.». В этом описании нетрудно узнать Большую Боярскую писаницу. «Мы не делали попытки,— продолжал А. В. Адрианов,— эстампировать или даже зарисовать эту писаницу, требовавшую предварительной очистки и продолжительной остановки, а последняя была невозможна ввиду отсутствия у нас необходимого снаряжения, вдали от воды и человеческого жилья и ввиду крайне дурного состояния погоды; холод, ветер, моросивший дождь, выпавший на отдаленных горах снег указывали, что эту работу нужно отложить на лето. Поэтому мы решили использовать время нашего пребывания в Боярах лишь для беглой рекогносцировки» [6]. В 1905 г. работы по исследованию наскальных рисунков не были продолжены, но в последующие годы А. В. Адрианов вновь посетил хребет Бояры, о чем свидетельствует повторный эстампаж Малой, а также эстампажи отдельных фрагментов Большой писаницы, хранящиеся в собрании археологического отдела Музея антропологии и этнографии АН СССР.

В 1931 г. Боярские писаницы обследовали С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова. Они сделали эстампаж Малой писаницы, отливка с которого экспонируется в одном из залов Государственного исторического музея в Москве [7]. Наскальные рисунки Боярского хребта были привлечены С. В. Ки-

[6] А. В. Адрианов. Писаница Боярская. Изв. Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии..., 1906, 6, стр. 55—56.

[7] Помимо Малой, С. В. Киселев описал еще новую писаницу Боярского хребта, нам не известную: «На другой писанице тех же Бояр, внизу, т. е. на переднем плане, стоят четыре дома, аналогичных только что описанным. В отдалении (значительно выше) стоит один большой дом. Между ним и четырьмя домиками расположены неправильные четырехугольники, покрытые штриховкой. Все остальное пространство заполнено изображениями животных». С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 254.

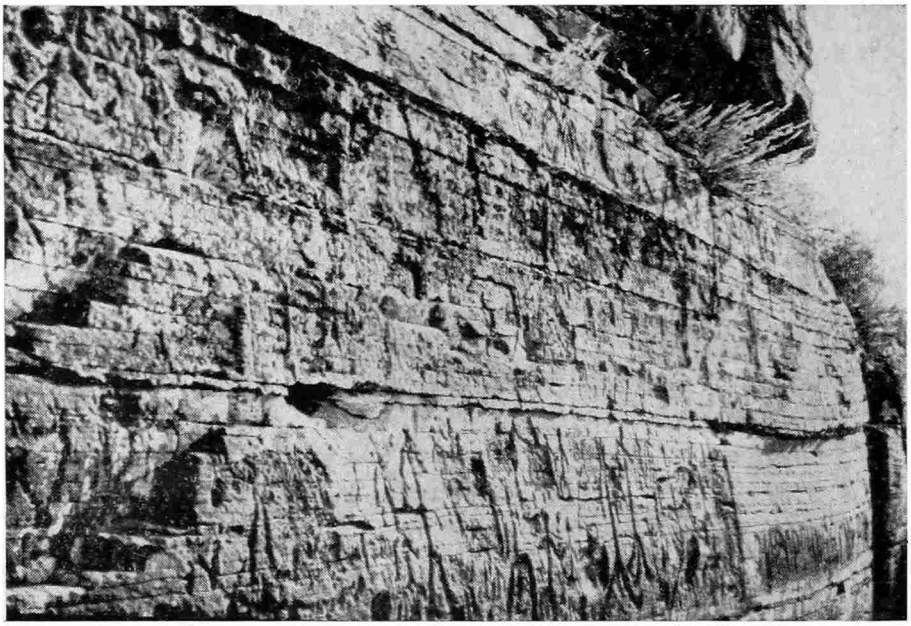


Рис. 2. Правая часть Большой Боярской писаницы

селевым для реконструкции социального строя тагарской эпохи[8]. Фотография, прорисовка и описание знаменитой писаницы были помещены С. В. Киселевым в монографии «Древняя история Южной Сибири».

Малая писаница впервые была опубликована в 1933 г. М. П. Грязновым, который воспроизвел ее, соблюдая детали техники изображения, по рисунку, скопированному в натуральную величину с эстампажа А. В. Адрианова. М. П. Грязнов особо подчеркнул значение памятника для социальной истории древнего населения Южной Сибири[9].

Летом 1962 г. шестеро студентов, членов Студенческого научного общества МВХПУ, эстампировали и сфотографировали наскальные изображения на хребте Бояры. Местонахождение Большой и Малой писаниц им указал председатель Троицкого сельсовета А. И. Никулин. Участники студенческой экспедиции сняли эстампаж Большой Боярской писаницы, прорисовка с которого в натуральную величину, наряду с фотопанорамой Малой, а также слепками, рисунками и великолепными фотографиями каменных баб из Абаканского музея, экспонировалось в ноябре — декабре 1962 г. в Москве на выставке в Училище, а затем в Доме архитектора. Выставка пользовалась большим успехом, информации об экспедиции появились в ряде газет, рисунок Большой Боярской писаницы был опубликован в журнале «Советский Союз». Сообщалось, что члены экспедиции приступили к созданию книги о своем путешествии. Организаторы выставки сумели популяризировать уникальные памятники первобытного искусства, привлечь к ним внимание широкого круга общественности, что не всегда удается археологам-профессионалам[10]. Однако значение студенческой экспеди-

[8] С. В. Киселев. Разложение рода и феодализм на Енисее. ИГАИМК, 65. Л., 1933.

[9] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 45.

[10] О необходимости шире пропагандировать знания о первобытном искусстве свидетельствует тот факт, что при обсуждении выставки выявилась полная неосведомленность в вопросах отечественной археологии людей даже близких к археологии специальностей — искусствоведов, не различающих памятники искусства каменного и железного веков. По сообщению кандидата архитектуры И. Кадиной на обсуждении выставки в МВХПУ проф. Н. М. Соболев заявил следующее: «Должен поздравить наших робинзонов. Ведь до сих пор для изучения подобных древних памятни-

ции снижено неточностью эстампажа, снятого с Большой Боярской писаницы.

Последнее обстоятельство обусловило необходимость опубликовать в журнале «Советская археология» точную прорисовку Большой Боярской писаницы. Прежде чем к этому приступить, я сочла необходимым ознакомиться с писаницей на месте. При осмотре писаниц хребта Бояры летом 1963 г. я убедилась, что рисунок, представленный участниками студенческой экспедиции, существенно расходится с подлинником. Не говоря уже о смещении фигур с целью достижения компактности общей картины, а также неточном воспроизведении многих деталей, имеются ошибки, вызванные тем, что в ряде случаев естественные дефекты камня были приняты за изображения, а значительное количество древних рисунков упущено. Потребовалось вновь скопировать Большую Боярскую писаницу [11]. При прорисовке с эстампажа мною было сознательно упущено два сомнительных, неясных места в первой части писаницы, где почти невозможно отличить искусственно выбитые линии и силуэты от естественных углублений.

Наскальные изображения, рассматриваемые в настоящей статье, получили свое название по горному хребту Бояры, на склонах которого их создали древние художники. Боярский хребет протяженностью около 12 *км*, сложенный из пластов девонского песчаника, расположен вдоль среднего течения притока Енисея, речки Сухая Тесь, по правой ее стороне. Обильные луговые травы в этих местах создавали благоприятные условия для пребывания скотоводческих племен в глубокой древности. О жизни, кипевшей когда-то в долине речки Сухая Тесь, свидетельствуют многочисленные памятники древности: курганные могильники тагарской эпохи, находящийся поблизости знаменитый Копёнский чаатас, каменные «бабы», древние оросительные каналы, остатки поселений, рисунки на скалах.

Малая писаница находится в 6 *км* от с. Троицкого, в верхнем логу хребта Бояры, справа от дороги, ведущей в деревню Копёны. Большая расположена приблизительно в 400 *м* от Малой, выше по седловине. Она высечена на отвесной грани скалы, опоясывающей вершину травянистой сопки, круто поднимающейся над седловиной (рис. 1). В западной части выходы коренной породы девонского песчаника образуют причудливые навесы и пещерки. Часть скального пояса, обращенная на юг, представляет собой естественный фриз, который древние художники покрыли рисунками на пространстве в 9,8 *м* длиной и 1,5 *м* шириной.

Большая Боярская писаница прослеживается несравненно хуже, чем Малая. Поверхность ее испещрена шрамами, царапинами, выбоинами, прорезана глубокими трещинами, часть которых, как видно, существовала еще до того, как первобытные художники нанесли на скалу свои рисунки (рис. 2). Время сгладило изображения, местами они густо поросли лишайником. Кроме того, Большая Боярская писаница невыгодно расположена в отношении освещения. В то время как Малая писаница почти весь день хорошо видна благодаря боковому свету, Большая, обращенная на юг, четко прослеживается вечером и особенно ясно — ранним утром, когда косые лучи восходящего солнца скользят по шероховатой поверхности скалы. Постепенно становясь все отчетливее, рисунки оживают, и перед зрителем возникает поселок древних жителей Среднего Енисея, их жилища,

---

ков культуры нам приходилось импортировать материалы из Франции. Теперь для нас открыты отечественные памятники древнейшей культуры». Канд. искусствоведч. наук И. Е. Данилова сказала на обсуждении: «Мы часто пользуемся книгами Лота аб африканских росписях. И даже не подозревали, что у нас есть такой богатый отечественный материал. Это — великолепное подспорье для изучения материальной и художественной культуры наших древних предшественников». И. К а д и н а. Увлекательный поиск. «Вечерняя Москва» от 22 декабря 1962 г.

[11] Пользуюсь случаем принести свою благодарность М. Ф. Косареву и В. А. Николаеву за помощь при снятии эстампажа, О. И. Пархайло за помощь при подготовке материалов к изданию.

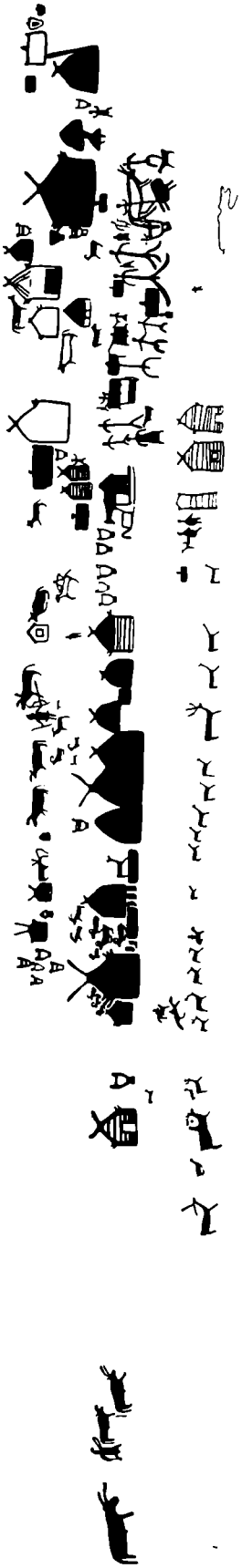


Рис. 3. Прорисовка с эстампажа изображений на Большой Боярской писанице

скот, домашняя утварь, оружие, а также и сами творцы наскальных изображений (рис. 3). Внизу три всадника на лошадях и один на северном олене гонят оленье стадо к бревенчатым домам, обращенным к зрителю фасадом со входом. В центре среднего яруса изображений помещена главная группа жилищ: большие рубленые избы с покатыми крышами и конические постройки, напоминающие юрты. Около жилищ помещены котлы и животные: бараны с мощными крутыми рогами и коротенькими хвостиками, козлы с характерными бородками и длинными рогами, загнутыми назад. Слева, на значительном расстоянии, человек в своеобразном головном уборе гонит к домам длиннорогий крупный рогатый скот. Наверху опять дома, а между ними котлы, крупный рогатый скот, бараны, лошади, одна из которых оседлана. Всадник в одной руке держит повод, а в другой, видимо, нагайку. Поблизости человек в остроконечном головном уборе с натянутым сложным луком в одной руке и посохом (?) в другой, у его ног — собака. Около построек изображены люди в молитвенной позе с воздетыми к небу руками. Лишь каких-нибудь 20—30 минут изображения видны отчетливо. Солнце поднимается выше, рисунки постепенно исчезают. В древности изображения были видны значительно лучше, они еще не потемнели от времени и выделялись светлыми розовато-сиреневыми пятнами на красно-буром фоне скалы. Скальные выходы для писаницы были выбраны древними художниками с таким расчетом, чтобы быть хорошо заметными издали.

Рисунки высекались так называемой точечной техникой, обычной для тагарской эпохи, путем нанесения многократных прямых или чуть наклонных ударов по обуху какого-то острого металлического орудия, оставлявшего на поверхности скалы углубления неправильной формы. В результате сотен и тысяч терпеливых ударов составлялись контурные и силуэтные изображения с выщербленной шероховатой поверхностью. Значительные по размерам рисунки, такие как жилища, выполнялись посредством снятия слоя поверхности девонского песчаника по всей площади изображения, при этом пространство между нанесенными обычным способом точечными углублениями, по-видимому, скоблилось. Большинство изображений Большой писаницы (как и Малой) сделано силуэтом, некоторые контуром. В ряде случаев рисунки детализированы, имеется внутренняя разработка поверхности, например у жилищ и котлов внутриконтурное пространство заполнено рядом деталей. Рисунки животных, изображенных в профиль, обнаруживают глубокую наблюдательность исполнителей. Фигуры животных динамичны, полны экспрессии, большинство их изображено в движении слева направо. Антропоморфные фигуры даны в фас, значительное число изображений людей крайне условно,

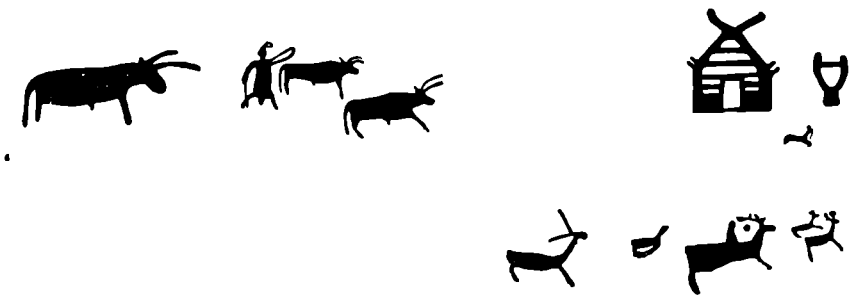


Рис. 4. Изображения на Большой Боярской писанице (деталь)

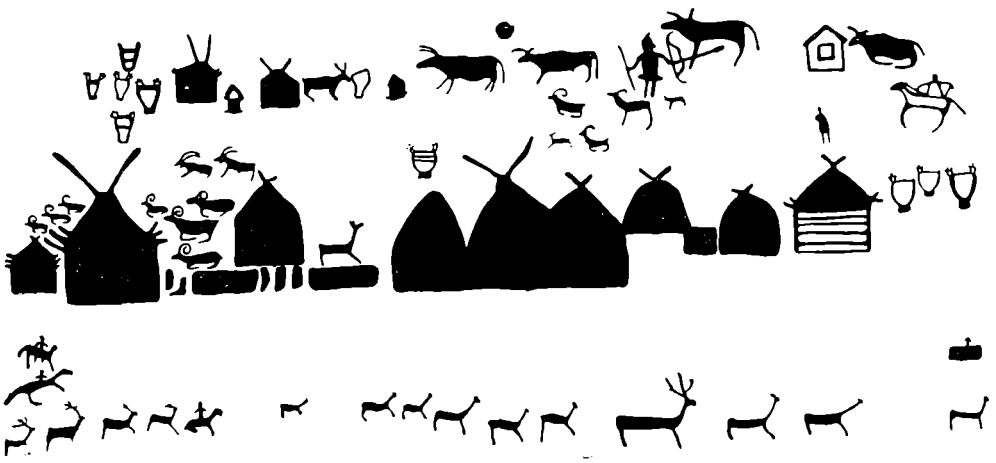


Рис. 5. Изображения на Большой Боярской писанице (деталь)

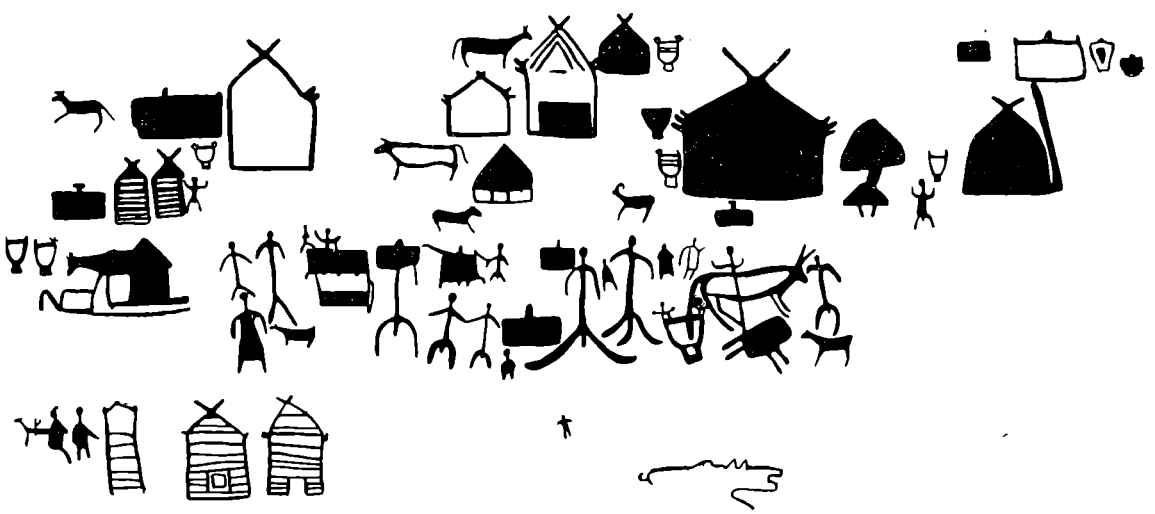


Рис. 6. Изображения на Большой Боярской писанице (деталь)

Рис. 7. Правая часть среднего яруса Большой Боярской писаницы

лаконично, почти превращено в схему. Рисунки каждой писаницы дают образы не изолированные друг от друга, а связанные сюжетом, и составляют единые композиции (рис. 4—6). Малая писаница одноярусна, Большую характеризует ритм четких поясов, что обусловлено слоистостью девонского песчаника. Между ярусами Большой писаницы имеется внутренняя связь, в пределах ярусов рисунки комбинируются в группы, объединенные определенным содержанием. Пропорции в основном соблюдаются в каждом ярусе. Не исключено, что здесь имеются зачатки перспективы: изображения, которые следует представлять себе стоящими далее других, нарисованы выше. Из общей композиции стилистически выпадает только правая группа изображений среднего пояса. Здесь отсутствует повествовательный сюжет, хотя изображены человеческие фигуры и реальные предметы. Рисунки беспорядочно перекрывают друг друга, масштаб и пропорции не соблюдаются, это какие-то символы, знаки людей и предметов (рис. 7).

При описании Малой Боярской писаницы М. П. Грязнов подробно останавливался на вопросе о хронологической последовательности нанесения изображений, доказывая, что все изображения сделаны более или менее одновременно, что первоначальные изображения и дополнения к ним созданы одним и тем же общественным коллективом. «Если же окажется, что некоторые фигуры все-таки сделаны в другую эпоху, но той же самой техникой и повторяют имеющиеся уже изображения (ведь мог же, например, досужий пастух выдолбить рядом с изображенным оленем другого такого же), то это для нас особого значения не имеет. Если копия настолько хороша, что не отличается от оригинала, то в известных случаях она вполне может служить объектом изучения» [12]. Нам представляется лишенным основания в данном случае предположение о возможности позднейших добавлений рисунков «досужим пастухом». Правда, А. В. Адрианов, лучший знаток наскальных изображений Енисея, предостерегал археологов, упоминая о подростке качинце, пастухе, который, «чтобы скоротать время, когда ему приходится наблюдать с горы за пасущимся стадом, воору-

[12] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 42—43.

женный железным клином, усердно импровизировал каждый день на подходящих плитах в том или другом месте района его пастьбы; то он воспроизводил копии с фигур древних писаниц, то импровизировал, но относился к работе с сосредоточенной серьезностью» [13]. Подновление древних рисунков современными пастухами засвидетельствовано и на других территориях [14]. Однако теперь, после опубликования второй группы рисунков Боярского хребта, уже не возникает сомнения, что изображения каждой из писаниц, как Большой, так и Малой, были высечены приблизительно одновременно, в одну и ту же историческую эпоху, в определенный непродолжительный отрезок времени: они чрезвычайно близки по технике, стилистическим особенностям, сюжету, композиции, хотя сюжетно-смысловая сторона гораздо богаче представлена на Большой, чем на Малой.

Встает вопрос о последовательности создания писаниц. Мне представляется очевидным, что создание Малой писаницы хронологически предшествовало созданию Большой. Для подобного утверждения имеются следующие основания: во-первых, Малая писаница выбита на великолепном гладком, естественном фризе. Еще А. В. Адрианов обращал внимание на то обстоятельство, что художниками древности для изготовления писаниц выбирались наиболее плотные и прочные породы, лучшие по качеству и доступности участки утесов. Для Большой писаницы подобного гладкого фриза в этой местности не нашлось. Но с лощинами Боярского хребта, как видно, к тому времени уже были связаны какие-то культовые традиции, поэтому именно здесь, вблизи первой, несмотря на отсутствие подходящей плоскости, на скале, уже в древности испещренной трещинами, с неровной, уступчатой, выщербленной поверхностью, была выбита другая писаница, бóльшая по размерам. Во-вторых, при высекании Большой писаницы была применена частично новая, выемчатая техника, которая, как показал С. В. Киселев, является более поздней по сравнению с точечной [15].

Установление абсолютной хронологии наскальных изображений, как известно, составляет самую сложную задачу. При разработке проблемы датировки петроглифов обычно анализируют сюжет, художественные особенности, исследуют технические приемы нанесения рисунков на скалы. Решающее значение при этом имеет соответствие наскальных рисунков одновременным надежно датированным предметам, найденным при раскопках [16]. Опорными пунктами для датировки Большой Боярской писаницы мы считаем рисунки котлов, сложного лука, лежащих баранов, технику нанесения изображений, а также принимаем в расчет конструкцию жилищ, изображенных на писанице.

Изображения бронзовых котлов дают широкие рамки для хронологического определения писаницы, в их пределах мы должны попытаться уточнить датировку. Бронзовые котлы, получившие общее название «скифских», были широко распространены в древности на степных и прилегающих к ним лесостепных территориях европейской части СССР, Казахстана, Сибири, вплоть до Забайкалья и Китая. В. П. Левашева и Э. Р. Рыгдылон наметили четыре провинции их распространения: европейские степи, Сибирь, Семиречье и Северный Китай [17]. Б. А. Шрамко выделил собственно скифский, сибирский и сарматский типы котлов [18]. Котлы сибирского типа характеризуются полукруглыми ручками, вертикально поставленными на

[13] А. В. Адрианов. Отчет об исследовании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. Рукопись. Хранится в музее ИИМК ТГУ, Дело 55, стр. 2—3.

[14] Н. О. Бурчак-Абрамович, Н. К. Верещагин. Рисунки на скалах гор Кызыл-Кум и Кичик-Даг в Кабристане. ДАН АзербССР, III, 5, 1947, стр. 228.

[15] С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц. Сб. «Техника обработки камня и металла». М., 1930, стр. 97.

[16] А. Д. Грач. Петроглифы Тувы. Сб. МАЭ, XVII, 1957.

[17] В. П. Левашева, Э. Р. Рыгдылон. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящихся в Минусинском музее. КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 135.

[18] Б. А. Шрамко. Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца. Канд. дис. Харьков, 1953, стр. 192—207.

верхнем обрезе края, с одним или тремя гвоздевидными отростками в верхней части, а также орнаментом на стенках в виде двойного или тройного выпуклого горизонтального шнура. Именно такие классические котлы сибирского типа изображены на Большой Боярской писанице. Наибольшее количество бронзовых котлов в Сибири происходит со Среднего Енисея, в одном только Минусинском музее их насчитывается несколько десятков — от больших и массивных до крошечных, миниатюрных. Бронзовые котлы, за исключением некоторых маленьких, а также миниатюрных подвесок, происходят из случайных находок, так как они были, видимо, ритуальными сосудами, принадлежавшими всему роду, и поэтому в могилы не ставились. Отсутствие бронзовых котлов в погребальных комплексах на территории Сибири затрудняет хронологическое определение периода их бытования. Архаический тип собственно скифских котлов датируется VII—VI вв. до н. э., классический — V—IV вв. до н. э.[19]. Г. П. Сосновский высказал предположение, что бронзовые котлы в Сибири появились ранее VIII в. до н. э.[20]. Э. Р. Рыгдылон и П. П. Хороших датируют котлы минусинского типа концом тагарской эпохи[21]. Миниатюрные бронзовые подвески, точно воспроизводящие котлы сибирского типа[22], встречаются в таштыкских склепах вплоть до II в., они известны также и в сарматских погребениях Нижней Волги[23]. Впервые в погребальном комплексе настоящий маленький бронзовый котелок с тремя шишечками на ручках и рельефными тягами на тулове был найден Л. А. Евтюховой в 1955 г. в таштыкской грунтовой могиле урочища Салбык. На данном этапе исследования вопрос о происхождении бронзовых котлов сибирского типа, так же как и их датировка, остается открытым. Надо полагать, что отдельные экземпляры бронзовых котлов бытовали длительный период в силу традиции благодаря прочности и бережному обращению с ними как предметами культа. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что в первых веках до нашей эры котлы были известны тагарским племенам, ибо в этот период среди погребального инвентаря встречаются их глиняные копии. Взаимовлияние керамических и бронзовых форм доказано на конкретном материале, причем установившиеся новые формы бронзовых сосудов, в свою очередь, оказывали влияние на производство глиняных горшков[24]. Одновременность существования бронзовых и керамических котлов подтверждается находками в погребениях гунского времени Тувы точных керамических копий бронзовых котлов гунского типа[25], а также тождественностью форм одновременных керамических и металлических котлов из Средней Азии[26]. С рисунками на Большой Боярской писанице наибольшее сходство имеет керамический котловидный сосуд из Большого Тесинского кургана, раскопанного финской археологической экспедицией под руковод-

---

[19] А. И. Манцевич. Бронзовые котлы в собрании Гос. Эрмитажа. Сб. Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 150.

[20] Г. П. Сосновский. Заметки об одной археологической находке. Этнографический бюлл. ВСОРГО, 3, Иркутск, 1923.

[21] Э. Р. Рыгдылон, П. П. Хороших. Коллекция бронзовых котлов Иркутского музея. СА, 1959, 1, стр. 258.

[22] Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, стр. 79—81.

[23] P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, abb. 49, рис. A.

[24] О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 81.

[25] С. И. Вайнштейн. Отчет об археологических раскопках могильника Кокэль в 1962 г. Альбом. Архив ИА АН СССР, р-1, 2527-А, рис. 45; его же. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. УЗ ТНИИЯЛИ, VI, Кызыл, 1958, табл. IV, *103*.

[26] Т. Н. Сенигова. К изучению технических особенностей керамики низовьев Сыр-Дарьи. Тр. ИИАЭ КазССР, 7, Алма-Ата, 1959, стр. 221, табл. IV, *6*; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 191, рис. 111.

ством И. Р. Аспелина в 1889 г. и датируемого II — первой половиной I в. до н. э.[27] (рис. 8).

Большое значение для хронологического определения писаницы имеет сложный лук с приготовленной к спуску стрелой. О существовании у тагарских племен сложного лука можно судить лишь по косвенным данным. В собственно Скифии он появился, очевидно, в VIII в. до н. э., но достоверно сложный лук известен с VI в., когда его изображения встречаются на изделиях из металла: на Кульобском и Воронежском сосудах, на многочисленных бляшках из богатых скифских курганов. Доказательством того, что у тагарского населения бытовал сложный лук скифского типа, служат бронзовые наконечники стрел близких к скифским форм и размеров[28], хотя до сих пор никаких остатков сложного лука не было найдено при раскопках. Кроме того, среди случайных находок из Хакасско-Минусинской котловины тагарского времени есть несколько бронзовых бляшек в виде миниатюрных сложных луков, на одной из них лук помещен в горит[29]. Однако величина сложного лука, изображенного на Большой Боярской писанице, говорит о том, что это лук не скифского типа, так как одной из отличительных особенностей последнего принято считать его малые размеры: $^1/_3$—$^1/_4$ человеческого роста. Отмечалось, что луки скифской формы, изображенные в росписи греческих ваз, имеют разную длину — от $^1/_5$ до более половины роста человека, эти колебания в размерах могли относиться и к самим скифским лукам[30]. Тем не менее, на писанице относительный размер лука по сравнению с фигурой человека настолько велик, что не позволяет отнести лук к скифскому типу. Смена малого лука большим происходит в конце I тысячелетия до н. э.[31], когда его величина приближается к размерам бытовавших у сибирских народов в прошлом веке длинных сложных луков[32].

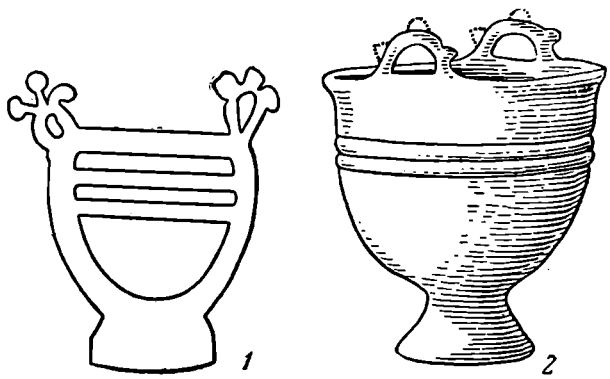


Рис. 8. Котлы сибирского типа

1 — рисунок на Большой Боярской писанице; *2* — керамический котел из Большого Тесинского кургана (Раскопки И. Р. Аспелина)

Для уточнения датировки Большой Боярской писаницы важны изображения «летящих» баранов, чрезвычайно напоминающие бронзовые бляшки из района Ордоса. Характерные для тагарской эпохи изображения благородного оленя в позе «летучего галопа», известные с V по III—II вв. до н. э., позднее сменяются изображениями других животных: лошадей, косуль, а также баранов. В раннеташтыкских склепах изыхского этапа (середина I в. до н. э.— начало I в. н. э.) были найдены небольшие деревянные статуэтки лежащего барана с крутоизогнутыми рогами. Как отмечал Л. Р. Кызласов, во II—I вв. до н. э. изображения баранов были широко распространены: в ханьском Китае и в степях Ордоса — это бронзовые

[27] М. А. Дэвлет. К вопросу о тагаро-таштыкских взаимоотношениях. СА, 1961, 4, стр. 79, рис. 1, *11*.

[28] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 204—207; Ю. С. Гришин. Производство в тагарскую эпоху. МИА, 90, 1960, стр. 155—156; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 31—70.

[29] Хранится в Минусинском музее, инв. № 9328. Тагарским временем миниатюрные луки датирует находка аналогичных бляшек в с. Степановка близ Томска в комплексе с художественной бронзой и железным предметом.

[30] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д-1-4. М., 1964, стр. 14.

[31] С. И. Руденко. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М., 1962, стр. 25.

[32] Б. Адлер. Лук и стрелы Северной Азии. РАЖ, 1903, 3—4, М., 1904, стр. 183.

статуэтки и рельефные бляшки, в Сарматии — объемные украшения золотых фибул [33].

Техника нанесения писаницы также имеет некоторое значение для определения хронологии. Эволюция технических приемов создания наскальных рисунков была изучена С. В. Киселевым, показавшим, что к концу тагарской эпохи на смену точечной технике приходит выемчатая [34]. Именно такая, усложненная техника, наряду с обычной точечной, применялась при создании Большой Боярской писаницы.

И, наконец, с датировкой Большой Боярской писаницы третьей стадией тагарской культуры согласуются данные о жилищах. На писанице изображены как бревенчатые рубленые дома, так и жилища типа юрт. Обычно принято считать, что погребальные сооружения, дома мертвых, имитируют жилища живых. Если для первых двух стадий тагарской эпохи характерны погребальные камеры в виде сруба, то лишь на тагаро-таштыкском переходном этапе наряду со срубом появляется погребальное сооружение, напоминающее юрту. Описывая покрытие склепа Большого Уйбатского кургана, датируемого первыми веками до нашей эры, Д. А. Клеменц замечает: «Если вы знакомы с устройством жилищ кочевников, то для вас достаточно сказать, что береста образовала что-то вроде сводчатой крыши юрты» [35].

Итак, Большая Боярская писаница безусловно относится к скифо-сарматской эпохе, причем в свете приведенных выше данных наиболее вероятное время ее создания — третья стадия тагарской культуры, т. е. тагаро-таштыкский переходный этап (II — первая половина I в. до н. э.). Вполне возможно, что в дальнейшем в предложенную датировку будут внесены коррективы.

Боярские писаницы имеют исключительное значение для реконструкции образа жизни тагарского населения. Сюжет Большой Боярской писаницы тесно связан с хозяйственной деятельностью древних обитателей бассейна Среднего Енисея, для которых скотоводство было основой благосостояния. Первобытные художники высекли на Большой Боярской писанице изображения именно тех животных, которые интересовали их в хозяйственном отношении [36]. Среди них коровы, як, длиннорогий крупный рогатый скот типа тура, лошади, северные олени, а также мелкий рогатый скот: овцы и козы. Изображения животных на Большой Боярской писанице значительно обогащают наши представления о составе тагарского стада, сложившиеся на основе статистики костей домашних животных в погребениях, которая, как известно, может приниматься во внимание лишь условно, так как она отражает хозяйственные изменения, преломленные в культе [37].

В нижнем ряду изображений Большой Боярской писаницы вытянулось вереницей стадо северных оленей, один из которых оседлан. Дикий северный олень еще недавно встречался в горно-таежных районах Южной Сибири [38]. В одомашненном состоянии в настоящее время на Среднем Енисее

[33] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 95; O. Sirén. Histoire des arts anciens de la Chine. II, L'epoque Han et les six dynasties. Annales du Musée Guimet. Nouv. Ser. II, Paris et Bruxelles, 1929, табл. 33, *A*; A. Salmony. Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Zoo. Paris, 1933, табл. IX, *10*; XXXIV, *4*, *5*; К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. ТОИПКГЭ, I, Л., 1941, стр. 173—217; табл. I, *1*; XII, *3*.

[34] С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц, стр. 96.

[35] Д. А. Клеменц. Письмо В. Г. Тизенгаузену от 27 июля 1889 г. Архив ЛОИА, д. № 23 за 1888 г., стр. 104.

[36] Определение животных произведено докторами биологических наук Н. К. Верещагиным, К. К. Флеровым, В. И. Цалкиным, за что приношу им глубокую благодарность.

[37] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 256.

[38] К. К. Флеров. Кабарги и олени. «Фауна СССР. Млекопитающие», I, 2, М.— Л., 1952, стр. 228; В. Г. Гептнер, А. А. Наумович, А. Г. Банников. Млекопитающие Советского Союза, I, М., 1961, стр. 316 и 308 (карта, рис. 101).

он не известен. Ближайшие соседи хакасов, занимающиеся оленеводством,— это тувинцы-тоджинцы и тофалары (карагасы). Карагасский олень признается специалистами лучшим в мире [39]. Многие исследователи склоняются к мнению, что современное саянское оленеводство — лишь осколок обширного монголо-южносибирского оленеводства древности [40]. По свидетельству этнографов, оленеводство в Саянах, к западу от Енисея, существовало еще в сравнительно недавнее время [41]. Однако древнейшим бесспорным его доказательством в Хакасско-Минусинской котловине до сих пор являлись найденные при раскопках на Сырском чаатасе две деревянные статуэтки северных оленей. Подобная им фигурка оленя известна из окрестностей г. Канска [42]. Наличие узд с круглыми бляшками на мордах оленей из Сырского чаатаса, по мнению автора раскопок Л. Р. Кызласова, с несомненностью доказывает их одомашненность и транспортное назначение под верховую езду [43]. В связи с этой находкой Л. Р. Кызласов высказал предположение, что оленеводством могло заниматься и доташтыкское население края. Точка зрения Л. Р. Кызласова оспаривалась на том основании, что отсутствие изображений на статуэтках верховых седел дает основание предполагать использование оленя только в качестве вьючного, а не ездового животного [44]. Однако рисунок оседланного оленя на Большой Боярской писанице подтверждает мнение Л. Р. Кызласова о древнем использовании северных оленей под верховую езду.

Не менее неожиданным оказалось присутствие на писанице рисунков крупного рогатого скота с направленными вперед рогами. Память о могучем, диком и неукротимом колоссе, каким был тур, сохранилась в эпосе многих народов мира: в былинах и сказаниях славян, в героических песнях народов Южной Сибири. Палеонтологические остатки тура были найдены в Сибири, в том числе на Среднем Енисее. Скелет молодого тура обнаружил В. И. Громов в дилювиальных отложениях Афонтовой горы. В Красноярском краевом краеведческом музее хранится фрагмент лба со стержнями «из Енисейской губернии» [45]. Имеются данные о том, что туры существовали здесь и в более позднее время [46], их изображения обнаружены на скалах у дер. Маткечика на Абакане [47] и в Казахстане [48]. В Забайкалье и Хакасско-Минусинской котловине древнейшие породы крупного рогатого скота, как показала В. И. Громова, оказались крупными и длиннорогими, так же как в Триполье и Анау [49]. Это говорит, по ее мнению, о возможности либо наличия самостоятельного центра приручения тура в Северной Азии, либо передачи его в одомашненном состоянии из каких-то других,

---

[39] С. В. Керцелли. Карагасский олень и его хозяйственное значение. «Северная Азия», 3, М., 1925.

[40] В. Н. Скалон. Оленные камни Монголии и проблема происхождения оленеводства. СА, XXV, 1956, стр. 98.

[41] С. И. Вайнштейн, Б. О. Долгих. К этнической истории хакасов. СЭ, 1963, 2, стр. 93—97.

[42] Л. Р. Кызласов. Статуэтка северного оленя из Канска. СА, 1962, 3, стр. 299—302.

[43] Л. Р. Кызласов. Древнейшее свидетельство об оленеводстве. СЭ, 1952, 2, стр. 39—49; его же. Таштыкская эпоха. М., 1960, стр. 132—134.

[44] С. И. Вайнштейн. К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении. КСИЭ, XXXIV, 1960, стр. 60.

[45] В. И. Громова. Первобытный бык или тур в СССР. Ежегодн. Зоол. муз. АН СССР, XXXII, 3, Л., 1931, стр. 357.

[46] Н. К. Верещагин. О прежнем распространении некоторых копытных в районе смыкания Европейско-Казахстанских и Центрально-Азиатских степей. ЗЖ, XXXV, 10, М., 1956, стр. 1544—1545.

[47] Э. Р. Рыгдылон. Заметки о наскальных изображениях у деревни Маткечика на Абакане. ИВГО, 87, 6, Л., 1955, стр. 558—560.

[48] П. И. Мариковский. Способы и объекты охоты по мотивам наскальных рисунков Чулакских гор. ЗЖ, XXXII, 6, М., 1953, стр. 1064.

[49] В. И. Громова. Материалы по изучению фауны Трипольской культуры. Ежегодн. Зоол. муз. АН СССР, XXVIII, 1, Л., 1927, стр. 83—121.

более близких, чем Западная Европа, мест [50]. Представляется более вероятной теория местного приручения тура, так как теперь известны из Южной Сибири рисунки как диких туров, так и домашнего длиннорогого скота. Изображения на Большой Боярской писанице свидетельствуют не только о том, что животные типа тура водились на территории Хакасско-Минусинской котловины, но и о том, что они были приручены или даже одомашнены.

На Большой Боярской писанице изображены четыре оседланные лошади. В тагарскую эпоху лошадь была, очевидно, основным транспортным животным на Среднем Енисее, хотя она играла значительно меньшую роль, чем на других территориях в скифское время, так как здесь не встречено погребений с конем. Однако среди случайных находок имеются в большом числе удила, псалии, уздечные бляхи. Судя по статистике костей в погребениях, лошадь получила особое значение в позднетагарское время [51].

Великолепны изображения на Большой Боярской писанице круторогих архаров. Теперь в Южной Сибири дикие бараны встречаются крайне редко. В 1928 г. был убит архар в истоках р. Чехан, на границе с Тувой. В западной части Тувы водятся аргали, в Забайкалье последний дикий баран был истреблен в 1832 г. Ископаемые остатки аргали были обнаружены под Минусинском и у Красноярска [52]. В тагарское время кости барана часто встречаются в погребениях. Трудно сказать, можем ли мы считать баранов, изображенных на писанице, одомашненными.

Под архарами изображены козы — сибирские козероги. Остатки сибирских горных козлов были обнаружены в палеолитических стоянках и окрестностях Красноярска [53]. В Южной Сибири наличие костей домашней козы при археологических раскопках устанавливается лишь в немногих случаях. Древнейшие остатки домашней козы из Хакасско-Минусинской котловины относятся к андроновской культуре, в скифское время кости домашней козы были обнаружены на Алтае и в Туве [54].

Помимо перечисленных домашних животных, на писанице изображена собака из породы лаек. В Сибири хорошо сохранившийся череп домашней собаки был найден еще в палеолитической стоянке Афонтова гора в Красноярске, он обнаруживает некоторые черты сходства с черепом крупной собаки неолитической стоянки побережья Ладожского озера [55]. В тагарское время у древнего населения Хакасско-Минусинской котловины имелась собака крупных размеров. Кости такой собаки были найдены И. Т. Савенковым в кургане по речке Узунжул, притоку р. Абакана [56]. Он отнес ее к древнеабаканской породе [57].

Главное место среди изображений Большой Боярской писаницы наряду с рисунками животных занимают постройки двух типов: бревенчатые избы (рис. 9) и жилища, напоминающие юрты. До нас не дошел ни один из древнейших памятников деревянного строительства, поэтому изображения Боярского хребта являются единственным источником о жилищах тагарской эпохи. Только в результате опыта населения, длительное время

---

[50] Вера Громова. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, I, М.— Л., 1940, стр. 98.

[51] Ю. С. Гришин. Пропзводство в тагарскую эпоху, стр. 132.

[52] В. Н. Скалон. О былом распространении диких баранов и кулана в Южной Сибири. Тр. Кяхтинского отд. ВГО, XVI, 1, Улан-Удэ, 1948, стр. 81.

[53] В. И. Цалкин. Сибирский горный козел. М., 1950, стр. 41.

[54] Вера Громова. Об ископаемых остатках козы..., стр. 98.

[55] В. А. Городцов. К истории приручения собаки в пределах СССР по данным археологии. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, стр. 151.

[56] И. Т. Савенков. Описание раскопок Узунжульского кургана. Архив Минусинского музея, фонд И. Т. Савенкова, д. 68.

[57] И. Т. Савенков. Описание черепа собаки древнеабаканской породы. ИВСОРГО, XXXIV, Иркутск, 1908.

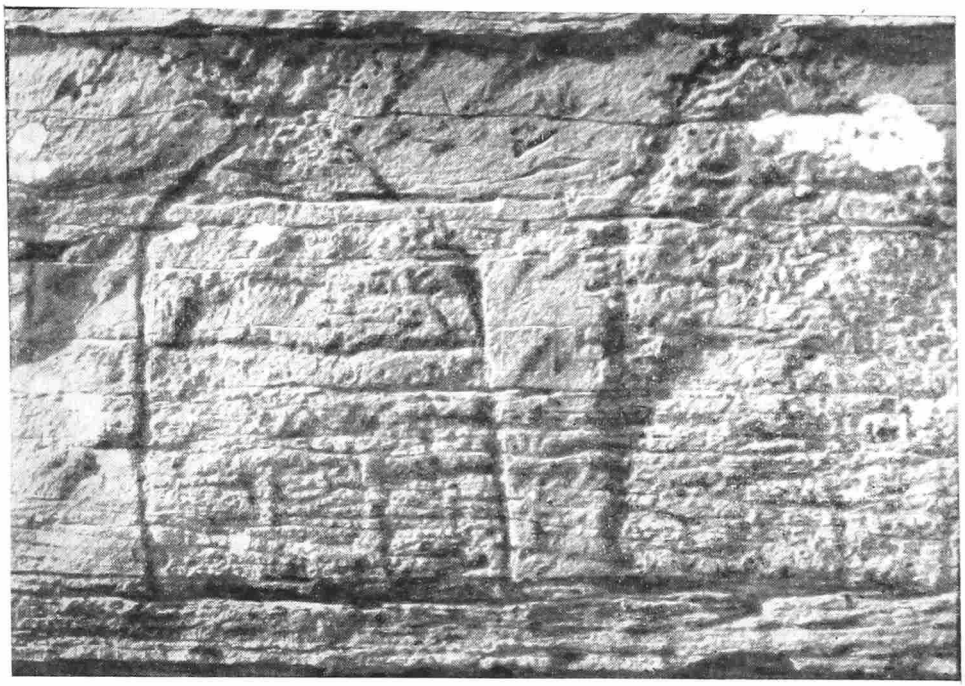


Рис. 9. Большая Боярская писаница. Изображение бревенчатых жилищ в правой части нижнего яруса

жившего в бревенчатых домах, когда основные конструктивные приемы передавались преемственно от поколения к поколению в течение веков, строительная техника могла достичь столь высокого уровня развития, какой мы наблюдаем при возведении срубов погребальных камер больших тагарских курганов. На постройку домов, очевидно, как и при строительстве срубов, укреплявших стены тагарских могил, шла лиственница, обладавшая рядом ценных качеств. Для целей консервации широко применялась береста. О давнишнем опыте в использовании тагарским населением бересты свидетельствуют многочисленные случаи ее применения при постройке погребальных сооружений. Так, куполообразные своды над склепами Уйбатского (раск. Д. А. Клеменца) и Большого Тесинского (раск. И. Р. Аспелина) курганов были покрыты берестой в несколько слоев. В Большом Салбыкском кургане (раск. С. В. Киселева) сооружение в виде усеченной пирамиды, выложенное из бревен над погребальной камерой, сверху было укрыто по склонам берестой до 15 слоев, кроме того, каждое из верхних бревен пирамиды было завернуто в прошитую бересту. Основной формой конструкции в деревянном строительстве был сруб, сложенный из горизонтальных рядов бревен, связанных в углах врубками с небольшими концами «в обло» и без концов — «в лапу». Горизонтальные бороздки на фасадах домов означают бревна срубов, сложенных в 8—10 венцов. Судя по изображенным рядом с жилищами фигурам людей, срубы несколько превышали рост человека. Бревенчатые избы отличаются друг от друга как по размерам, так и по конструктивным особенностям, в частности по конструкции кровли. Наиболее распространена была, по-видимому, так называемая самцовая крыша, сконструированная на слегах, врубленных в отдельные бревна фронтонов. Для этой формы крыши при постройке избы поверх потолка кладут еще один венец из бревен, которым и заканчиваются боковые стены; передняя же и задняя стены возводятся в виде треугольника вплоть до верха будущей крыши, причем бревна, «самцы», постепенно рубятся короче и короче[58]. Характерно, что

[58] Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. ТИЭ, нов. сер. XXXI, М., 1956, стр. 97.

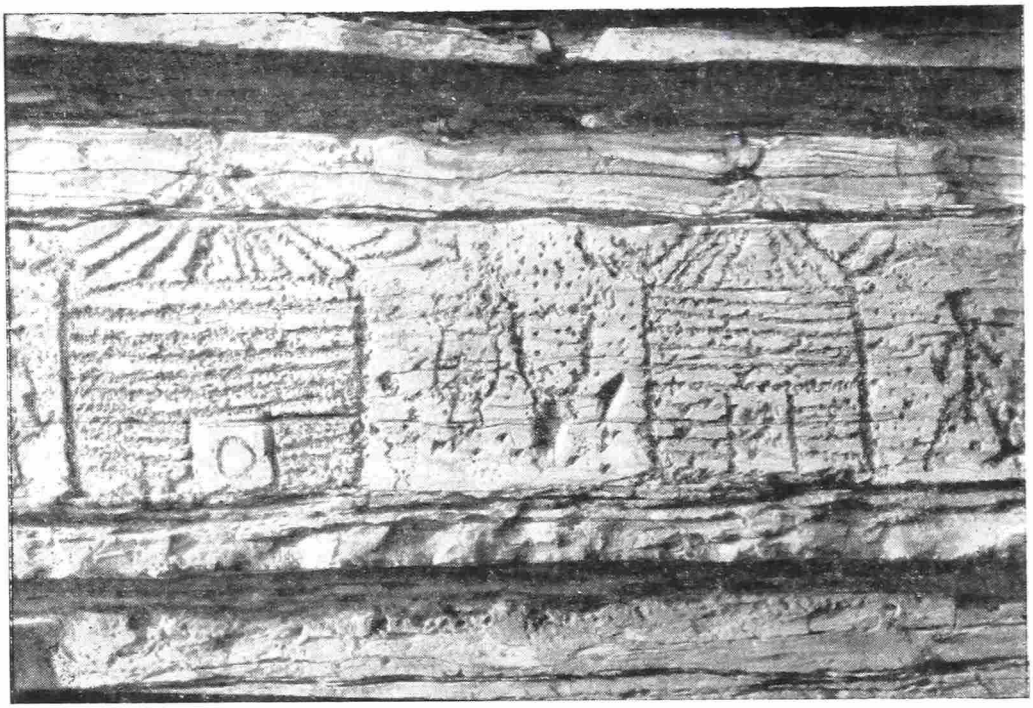


Рис. 10. Изображения домов на Малой Боярской писанице

у бревенчатых домов концы фасадных стропил, выступающие вверх, перекрещиваются, образуя развилки в виде раздвинутых ножек циркуля, как у жилищ некоторых современных сибирских народов [59], или избушки на могиле сагайцев [60]. Своеобразной особенностью большинства бревенчатых домов, изображенных на Большой Боярской писанице, являются две, так же как и на Малой, или три загибающиеся кверху полосы в месте стыка верхнего венца сруба и настила кровли (рис. 10). А. В. Адрианов видел здесь «характерную китайскую архитектуру с ее многоэтажными крышами» [61]. М. П. Грязнов полагал, что это «концы горизонтальных бревен, сдерживающих жерди или колья, на которых бревна лежат» [62]. Скорее всего, здесь изображены загибы нижних концов фасадных стропил, образованные естественным разветвлением корня дерева. Подобное, хотя и не тождественное, устройство крыш бревенчатых домов встречается у ряда современных народов Сибири [63]. В русском деревянном зодчестве такие бревна с оставленными корневищами называются «курицами» [64]. На Большой Боярской писанице изображен также дом, конструкция кровли которого отличается от описанных выше и совпадает с крышами, изображенными на Малой писанице. Реконструкция изображенного на Малой Боярской писанице бревенчатого дома с четырехскатной крышей приведена в статье М. П. Грязнова, сравнивавшего эту постройку с современными жилищами тубалар на северном Алтае [65]. По мнению В. Г. Карцова, конче-

[59] А. А. Попов. Жилище. Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961, табл. 30, *3*.

[60] В. Г. Карцов. Некоторые особенности могильных сооружений и обряда погребения в тагарских курганах близ улуса Сагай. Уз. ХакНИИЯЛИ, VIII, Абакан, 1960, рис. 11.

[61] А. В. Адрианов. Писаница Боярская..., стр. 54.

[62] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 43.

[63] А. А. Попов. Ук. соч., табл. 4, *3*; 32, *1*; IV, *8*; XX, *4*; XXV, *13*.

[64] Е. А. Ащепков. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953, рис. 93; С. Я. Забело, В. И. Иванов, П. Н. Максимов. Русское деревянное зодчество. М., 1942, рис. 59—60.

[65] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 43.

ские кровли бревенчатых домов Малой писаницы очень напоминают конические корьевые покрытия хакасских жилищ, кора на которых укрепляется лежащими поверх нее жердями, сходящимися концами к вершине кровли [66].

Другой основной тип сооружений, изображенных на Большой Боярской писанице,— жилища типа юрт. Их, как и бревенчатые избы, завершают циркульные развилки. П. И. Каралькин предложил следующую их реконструкцию по аналогии с берестяной юртой хакасов, которую он видел в 1947 г. в улусе Кызылсуг [67]. Две основные жерди, наклонно воткнутые в землю, скреплялись в месте пересечения, сюда же сходились верхние концы наклонных жердей крыши. Остов и крышу юрты покрывали берестой, которую придавливали досками. Весьма близкое по конструкции современное жилище — берестяная юрта сагайцев [68]. Впоследствии высокая техника деревянного строительства тагарского населения была частично утрачена. Исконным хакасским жилищем стала юрта [69]. В юртах, по свидетельству китайской летописи, хакасы жили в XIII—XIV вв., в юртах они продолжали жить и в XVIII в. [70] Распространенным жилищем берестяные и войлочные юрты продолжали оставаться и в XIX в. [71]

Таким образом, специфика хозяйства тагарских племен привела к возникновению сезонных жилищ: зимних срубных и летних каркасных. Наличие на Большой Боярской писанице изображений стада оленей, требующих сезонных перекочевок, а также зимних и летних жилищ, свойственных народам, ведущим отгонное или полукочевое хозяйство, позволяет сделать некоторые выводы в отношении образа жизни позднетагарских племен. В связи с ограниченностью пастбищ в речных долинах и местах расположения неподвижных зимников древним скотоводам приходилось перегонять стада летом на горные луга. Таким образом, они сохраняли корм для скота на зимний период, когда ветер обнажал на отрогах травянистую растительность, что создавало возможность содержания скота на подножном корму круглый год. «Как в настоящее время сойотом, особенно некоторых хошуонов, управляет стадо оленей или лошадей: куда он пойдет, туда должен трогаться с места и он! — так же несомненно жили в очень недавнем прошлом и минусинские инородцы» [72],— писал этнограф Е. К. Яковлев на рубеже XX в. Характеризуя образ жизни хакасов в первой половине XIX в., И. Корнилов писал: «Не мешает заметить, что кочевые инородцы перегоняют стада и табуны непременно два раза, а иногда три и четыре раза в течение года, для лета пастбища избираются в горных и прохладных долинах при берегах рек и озер; на зиму стада угоняются на места открытые, где ветер, дующий из горных падей, сносит снег и где скотина может, по малоснежью, всю зиму добывать подножный корм. Некоторые инородцы избирают сверх того для стад осенние и весенние пастбища. Перегоняя стада, хозяева вместе с ними перекочевывают с места на место, и так как пастбища по большей части постоянные, то многие инородцы устраивают на них постоянные юрты из бревен или плетня (кошмо-

---

[66] В. Г. Карцов. Некоторые особенности могильных сооружений и обряда погребения в тагарских курганах близ улуса Сагай. УЗ ХакНИИЯЛИ, VIII, стр. 178.

[67] Пользуюсь случаем выразить П. И. Каралькину глубокую благодарность за сообщенные сведения.

[68] А. А. Попов. Ук. соч., стр. 147; табл. XIII, 7.

[69] Н. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Иркутск, 1883, стр. 453.

[70] Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773—1788, ч. II, стр. 473, 478, 508 и др.; К. В. Миллер. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1776—1777, стр. 13, 153.

[71] К. М. Патачаков. Культура и быт хакасов. Абакан, 1958, стр. 59; Ю. А. Шибаева. Из истории хакасского жилища. КСИЭ, X, 1950; А. А. Кузнецова. Жилище, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев. В кн.: А. А. Кузнецова-Ярилова, П. Е. Кулаков. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898.

[72] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения южного Енисея. Минусинск, 1900, стр. 39.

вые или берестяные юрты переносятся с места на место), а потому есть улусы зимние и летние»[73]. Н. Ф. Катанов писал: «Минусинские татары около полугода (с сентября до конца года или половины апреля) живут на зимниках, где стоят их бревенчатые избы и прочные дворы для скота, а полгода (с марта или половины апреля до сентября) на летниках, где, кроме бревенчатых, берестяных или войлочных юрт да дворов из жердей или плетня, ничего нет»[74]. Эти этнографические свидетельства позволяют составить некоторое, хотя и весьма отдаленное представление об образе жизни древних предшественников хакасов.

Фигуры людей на писанице позволяют составить некоторое представление об их одежде и головных уборах. Одежда типа малицы или же короткий кафтан, опушенный мехом, головные уборы — островерхие или типа капюшонов, широко бытовавшие в скифо-сарматское время у многих племен великого пояса степей[75]. Наряду с реалистическими имеются схематические, условные антропоморфные фигуры, по большей части фаллические, подобные тем, которые встречаются в современной чукотской вышивке[76]. Эти изображения, очевидно, имеют отношение к культу.

Семантика наскальных изображений является предметом постоянных дискуссий. В последнее время все чаще раздаются голоса против утвердившегося в литературе мнения о связи петроглифов с магическими обрядами. Однако, как ни заманчиво видеть в рисунках Большой Боярской писаницы изображение реального поселка, так сказать зарисовку с натуры, с подобным взглядом вряд ли можно согласиться, хотя нельзя не признать, что рисунки в значительной мере отражали реальный мир, окружавший древних скотоводов. Нам представляется, что здесь изображен идеальный поселок, созданный воображением древних художников, ставивших себе целью обеспечить при помощи этих рисунков материальное благополучие, изобилие и процветание реального поселения. Причины, побудившие тагарцев высекать рисунки на скалах, крылись, очевидно, также в настоятельной потребности первобытного человека осознать окружающий мир, освоить действительность при помощи ее изображения. В настоящее время вопрос о внутреннем содержании и назначении рисунков Большой Боярской писаницы может быть поставлен лишь в порядке гипотезы[77]. В пользу культово-магического значения Большой Боярской писаницы мы постараемся привести ниже ряд доказательств.

Изображение на писанице многочисленных бронзовых котлов классического скифо-сибирского типа говорит о связи писаницы с культом. В реальном поселке не могло одновременно быть такого большого количества бронзовых котлов. Предположение, что здесь изображены глиняные копии бронзовых оригиналов, не может быть принято, так как ни в один период тагарской эпохи и, в частности, на третьей стадии, не бытовали исключительно керамические сосуды на поддоне. О назначении бронзовых котлов имеется свидетельство у Геродота, сообщавшего, что скифы варят в котлах мясо жертвенных животных, а кости подбрасывают в огонь. Сибирские наскальные рисунки, на которых изображались люди, варящие что-то в котлах, мешающие угли под ними, подбрасывающие топливо, являются прямой иллюстрацией к этому рассказу[78].

---

[73] И. Корнилов. Воспоминания о Восточной Сибири. «Магазин землеведения и путешествий», 3, М., 1854, стр. 605—658.

[74] Н. Ф. Катанов. Отчет о поездке в 1896 г. в Минусинский округ. Казань, 1897, стр. 8.

[75] E. F. Schmidt. Persepolis. Chicago, 1953, табл. 37, *B*; O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus with other Examples of Early Oriental Metal-Work. London, 1926, табл. XIV—XV.

[76] С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. ТИЭ, нов. сер., XXII, М.— Л., 1954, стр. 448, рис. 26.

[77] Трудно решить, изображен ли здесь поселок предков, как полагает С. С. Черников, или какое-то другое ирреальное поселение, возможно, в момент празднества.

[78] В. П. Левашева, Э. Р. Рыгдылон. Ук. соч., стр. 136.

Я вполне согласна с Л. Р. Кызласовым, высказавшим свое мнение на моем докладе на заседании Ученого совета Института археологии в январе 1965 г., что предметы прямоугольной формы с отростком в верхней части, которые А. В. Адрианов называл «шкатулками», являются, очевидно, бочонками, деревянными или глиняными, а возможно, и кожаными флягами. Деревянный бочонок близкой формы найден в таштыкском могильнике в Оглахтах, они известны и в памятниках того же времени в Туве. Подобные бочонки бытовали в прошлом веке у хакасов (рис. 11). По-види-

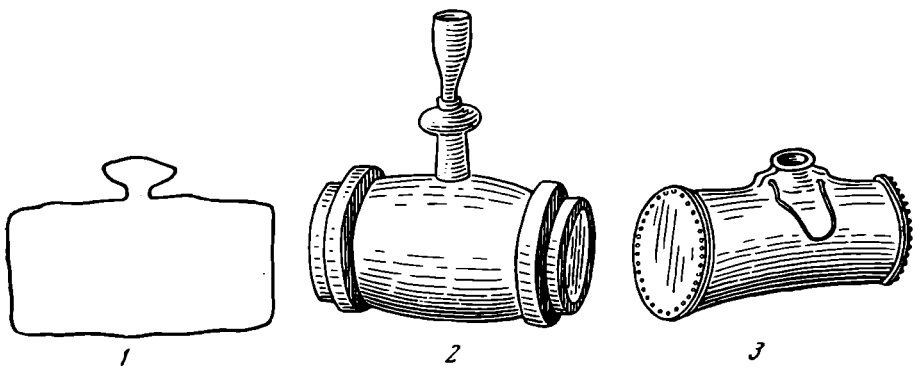


Рис. 11. Бочонки

1 — рисунок на Большой Боярской писанине; *2* — Оглахтинский могильник (хранится в ГИМ); *3* — хакасский бочонок XIX—XX вв. (по К. М. Патачакову)

мому, изображения этих предметов должны были символизировать и в какой-то мере обеспечить богатство и материальное благополучие их владельцам.

Изображения фигур людей, стоящих у домов с воздетыми к небу руками, также являются показателем магического значения рисунков. Принято считать, что этот ритуальный жест означает молитву, обращенную к небу [79]. Бронзовая миниатюрная фигурка человека в аналогичной позе адорации имеется в числе случайных находок с правобережья Среднего Енисея [80].

Не исключено, что с культом связано и изображение на писанице сложного лука. Наскальные изображения и рисунки на оленных камнях свидетельствуют об определенной специализации лука в Монголии и Сибири в скифскую эпоху, об одновременном существовании луков различного типа: большого простого, который использовался главным образом на охоте, и сложного лука скифского типа, применявшегося в военных целях [81]. Если принять, что сложный лук употреблялся в военных целях, то становится непонятным его присутствие в рисунке, изображающем мирный поселок. Однако возможно, что лук присутствует здесь в качестве орудия культового действия, так как до появления шаманского бубна у алтайцев лук и стрела выполняли роль магического культового орудия, камланье с луком производили все северные алтайцы до самого последнего времени [82]. О том, что древние предшественники хакасов также шаманили со сложным луком, свидетельствуют наскальные рисунки Хакасско-Минусинской

---

[79] А. П. Окладников. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959, стр. 93; И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Тр. XIV АС, I, М., 1910, стр. 116—117; В. И. Равдоникас. Следы тотемистических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. СА, III, 1937, стр. 12—13.

[80] Хранится в Минусинском музее, инв. № 8488, д. Паначево.

[81] В. В. Волков. Бронзовые наконечники стрел из музеев МНР. Монгольский археологический сборник. М., 1962, стр. 26.

[82] Л. П. Потапов. Лук и стрела в шаманстве алтайцев. СЭ, 1934, 8, стр. 64—76.

котловины [83]. Луку приписывались хакасами магические свойства еще в XIX в., когда модель лука, завернутую в тряпочку, клали в люльку новорожденного мальчика [84].

На связь с культом указывает рисунок фантастического животного, выбитый тонкой контурной линией в нижнем правом углу писаницы под группой схематических, условных фигур. Это верхняя часть туловища какого-то странного горбатого чудовища с передней лапой, намеченной обрывающейся линией, загнутым крючком хвостиком, маленькими ушами (или рогами) и полуоткрытой беззубой пастью. Первоначально казалось, что выбитая на скале линия случайно приняла очертания животного. Однако среди наскальных рисунков, опубликованных Х. Аппельгреном, мне удалось обнаружить изображение передней части туловища того же самого фантастического зверя, выбитое на камне ограды тагарского кургана [85]. Интересно отметить, что перед раскрытой беззубой пастью животного на втором рисунке показана фигура человека вверх ногами. Этнографы полагают, что в подобной позе изображались умершие [86]. Таким образом, сходство, почти тождество, двух изображений свидетельствует о сложившемся канонизированном образе мифического животного (рис. 12).

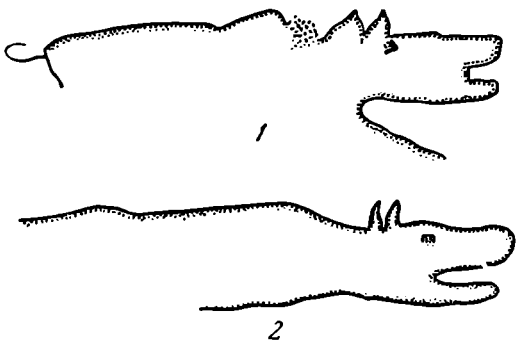


Рис. 12. Изображения фантастических зверей

1 — Большая Боярская писаница; *2* — на камне ограды тагарского кургана (по Х. Аппельгрену-Кивало)

Итак, Большая Боярская писаница была создана с культовыми целями, однако это обстоятельство не лишает ее изображений реалистического содержания, как ценнейшего источника познания жизни давно исчезнувшего общества. Изображения писаницы отражают предметы и явления реальной жизни и проливают новый свет на вопросы хозяйства, идеологии и культуры древних обитателей Среднего Енисея.

---

[83] Собрание эстампажей А. В. Адрианова, хранящееся в археологическом отделе МАЭ. Шифр XLI-48, Оглахтинская писаница.

[84] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900, Описание этнографических коллекций Минусинского музея, стр. 54.

[85] H. Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, рис. 119—120.

[86] К. В. Вяткина. Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения. Сб. МАЭ, XII, М.— Л., 1949, стр. 427.

И. П. БЕРХИН-ЗАСЕЦКАЯ, Л. Я. МАЛОВИЦКАЯ

БОГАТОЕ САВРОМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Данные письменных источников и археологические исследования свидетельствуют, что савроматы Нижнего Поволжья жили первобытнообщинным строем и находились на стадии разложения родо-племенных отношений. Вместе с тем вопрос о степени дифференциации савроматского общества остается дискуссионным.

Все исследователи склонны считать, и не без основания, что у скифов процесс разложения первобытнообщинных отношений зашел значительно дальше, чем у савроматов.

По сравнению с огромными богатыми скифскими курганами, такими как Солоха, Чертомлык, Александропольский и др., курганы савроматов отличаются более скромными размерами. Наибольшая высота савроматских курганов достигает 10 *м*, но такие насыпи единичны. Подавляющая часть курганов в высоту не превышает 1—3 *м*.

Находясь в тесных связях с античными городами Северного Причерноморья, скифы уже в IV в. до н. э. были близки к созданию государства. Они имели свои крупные торгово-ремесленные центры, одновременно служившие и резиденцией скифского вождя, осуществляющего политическую и экономическую власть.

Савроматы находились на более низкой ступени общественного развития и их родоплеменная знать не была столь богата, как скифская. Однако вряд ли можно предполагать, что савроматское общество было отягощено еще глубокими пережитками матриархата [1].

Появлению этой точки зрения в археологической литературе в значительной степени способствовал тот факт, что савроматские захоронения с богатым погребальным инвентарем до сих пор не были известны. Они, как правило, всегда оказывались разграбленными. Захоронения савроматской знати производились в обширных могилах с деревянным перекрытием на уровне древнего горизонта [2]. Со временем перекрытие сгнивало и обрушивалось внутрь могилы, в результате чего в центре кургана образовывалось естественное проседание почвы в виде воронки. Пользуясь этим признаком, грабители безошибочно попадали в могилу и грабили ее.

Большинство открытых савроматских погребений принадлежало рядовому населению. Потому-то вопрос о степени развития имущественного неравенства у савроматов все еще является спорным.

В этой связи значительный интерес представляет неограбленное богатое погребение, обнаруженное в 1963 г. в курганном могильнике «Сазонкин бугор» Астраханской археологической экспедицией Ленинградского

[1] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, 3, стр. 100—121.

[2] В могильнике у г. Ленинска Волгоградской обл. в кург. № 5 была обнаружена савроматская могила размерами 7 × 7 *м*, при глубине в 5 *м*. Материал не опубликован.

отделения Института археологии АН СССР совместно с Астраханским краеведческим музеем, работавшей под руководством В. П. Шилова. Могильник расположен в открытой степи в 9 *км* на юго-восток от с. Соленое Займище Черноярского района Астраханской обл. Часть могильника была распахана. Курганная группа состояла из 15 насыпей, вытянутых цепочкой с северо-востока на юго-запад. Среди них выделялись три сравнительно больших кургана, вокруг которых группировались остальные, мелкие.

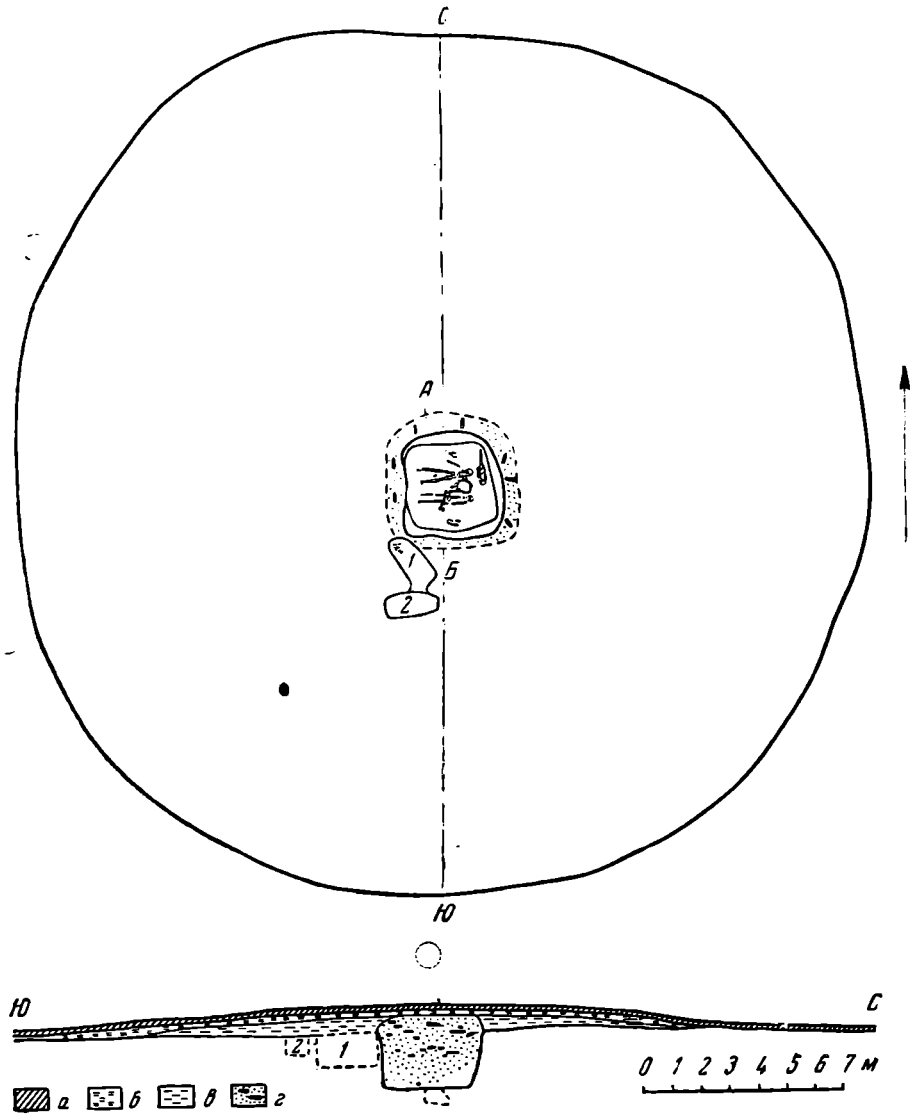


Рис. 1. План кург. № 2

а — почвенный слой, *б* — желтый суглинок, *в* — бурый суглинок, *г* — слой перемешанной земли и золы

Всего было раскопано 13 курганов, в том числе и два больших. В основном открытые погребения относятся к сарматской культуре. Богатое савроматское погребение было найдено в кург. № 2. Его округлая земляная насыпь с оплывшими краями имела диаметр — 32 *м*, высоту — 1,10 *м* (рис. 1).

Поскольку курган неоднократно распахивался, на его поверхности не осталось следов оседания насыпи на месте рухнувшего перекрытия могилы, так же как не были заметны и углубления от грабительских лазов.

Насыпь кургана состояла из почвенного слоя толщиной 0,16 *см*, желтого суглинка — 0,35 *м* и бурого суглинка — 0,60 *м*. На глубине 0,30 *м*,

в центре кургана прослежено пятно перемешанной земли и золы, диаметром 4,70 *м*, доходившее до уровня погребенной почвы. Этот мощный слой содержал большое количество угля и обгорелых кусков дерева, оказавшихся остатками надмогильного кострища, перекрывающего основную центральную могилу (рис. 1). В засыпи могильной ямы до глубины 1,30 *м*

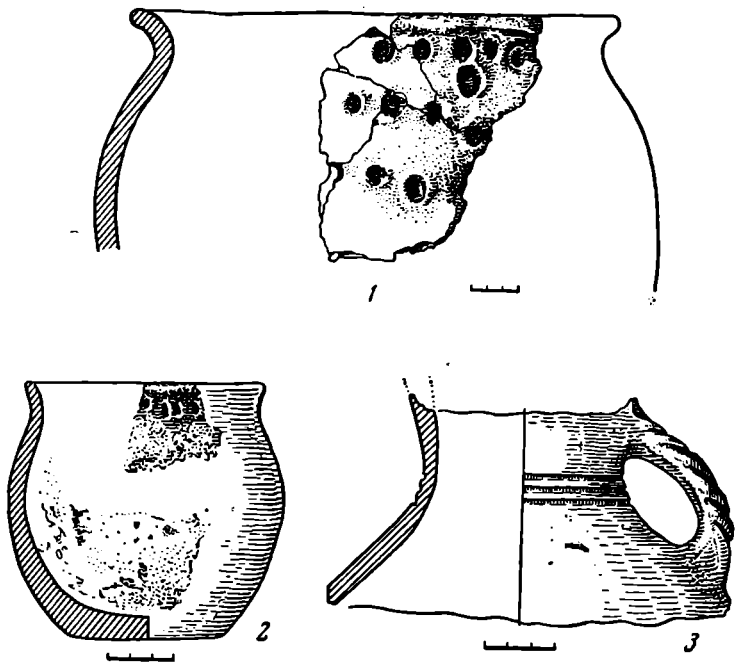


Рис. 2. Глиняные сосуды из впускного погребения

от края ее попадались зола, угли, обгорелое дерево, а также обломки керамики и кости человеческого скелета (на глубине 0,60 *м*). Нижняя часть засыпи была нетронута.

Погребальное кострище оказалось дважды нарушенным: сначала более поздним погребением, впущенным в основную могилу, и, вторично, грабительским лазом. В результате этого образовался упомянутый мощный слой перемешанной земли, заходящий в засыпь могилы. Грабители, напав на впускное захоронение и разорив его, не проникли в более раннее погребение. Южнее центральной могилы находились еще две пересекающие друг друга ямы, прорезавшие материк (размеры: 1) 2 × 0,75 × 1,20 *м*; 2) 1,85 × 0,80 × 0,75 *м*).

От впускного погребения сохранились обломки трех глиняных сосудов и разбросанные кости человеческого скелета. Два сосуда лепные. Один из них большого размера, с беспорядочно расположенными отпечатками пальцев на поверхности, имел яйцевидное тулово и резко отогнутый венчик (рис. 2, *1*). От этого сосуда найдены только два фрагмента — верхняя часть стенки и венчик. Другой сосуд, от которого сохранилось больше половины, был округлой формы с уплощенным дном и слегка отогнутым краем, в основании горла он украшен ногтевым орнаментом (рис. 2, *2*). Кроме того, в засыпи была обнаружена ручка с косыми насечками и с частью стенки от гончарного чернолощеного кувшина с круговыми бороздками по горлу. Косые насечки создают впечатление витой ручки (рис. 2, *3*). Вероятно впускное погребение относится к раннесарматскому (прохоровскому) времени.

Основная могильная яма была квадратной формы с закругленными углами (4,20 × 4,20 *м*) и ориентирована сторонами по странам света.

На дне могилы, в центре, на глубине 1,90 *м*, было обнаружено парное погребение — мужчины и женщины, лежавших на спине в вытянутом положении, головой на восток. У женского костяка руки были слегка согнуты в кистях и отведены в стороны. На костях погребенных обнаружены следы деревянных плах от перекрытия. Куски дерева находились также и в юго-западном углу и у северной стенки могилы (рис. 3).

Слева от мужского черепа стоял деревянный сосуд, украшенный двумя золотыми фигурными обкладками в виде парных голов орлиного грифона.

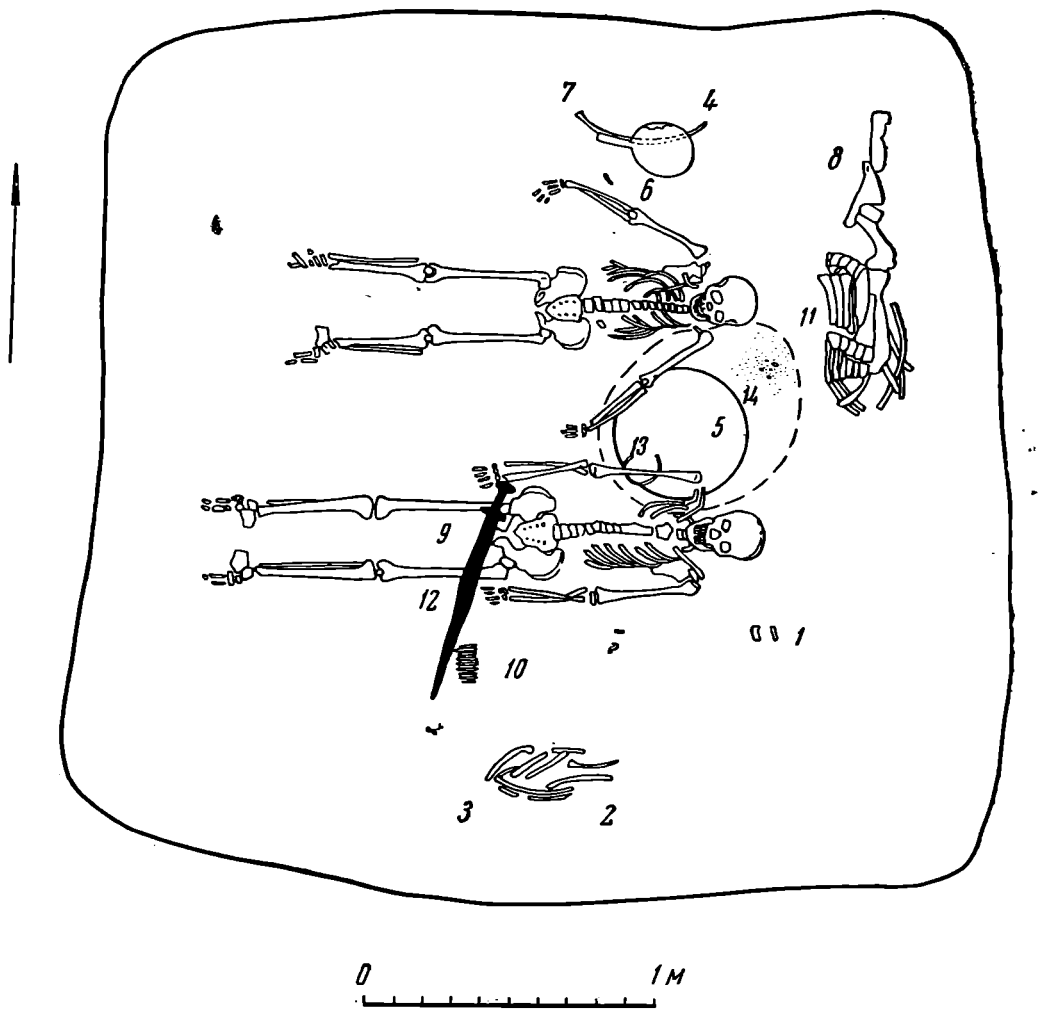


Рис. 3. План основного погребения кург. № 2

1 — остатки деревянного сосуда с золотыми обкладками; *2* — кости животного; *3* — железный нож; *4* — бронзовое зеркало; *5* — тайник; *6* — обломок кости животного; *7* — ребро животного; *8* — кости животного; *9* — железный меч; *10* — наконечники стрел; *11* — железный нож; *12* — кости птицы; *13* — гривна; *14* — золотые украшения

У левого предплечья погребенного на расстоянии 50 *см* находились кости барана и железный однолезвийный нож; на тазовых костях лежала бронзовая ворворка в виде усеченной пирамидки. Ниже, на бедренных костях, поперек скелета, был положен массивный железный меч, рукоять которого находилась рядом с кистью правой руки. Возле острия меча были обнаружены остатки колчана со 145-ю бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел с остатками древков и одним костяным наконечником. Под мечом, ниже кисти левой руки, найдены кости птицы.

В северо-восточном углу могилы, за черепом женщины, лежали кости лошади и железный однолезвийный нож. Справа от женского костяка,

около костей рук находилось большое бронзовое зеркало и ребро крупного животного с отполированной поверхностью — лощило.

Между мужским и женским костяками обнаружен тайник с золотыми украшениями, вырытый в дне могилы. Круглое отверстие тайника имело диаметр — 50 *см*. Внутри, в северо-восточной стенке тайника была сделана

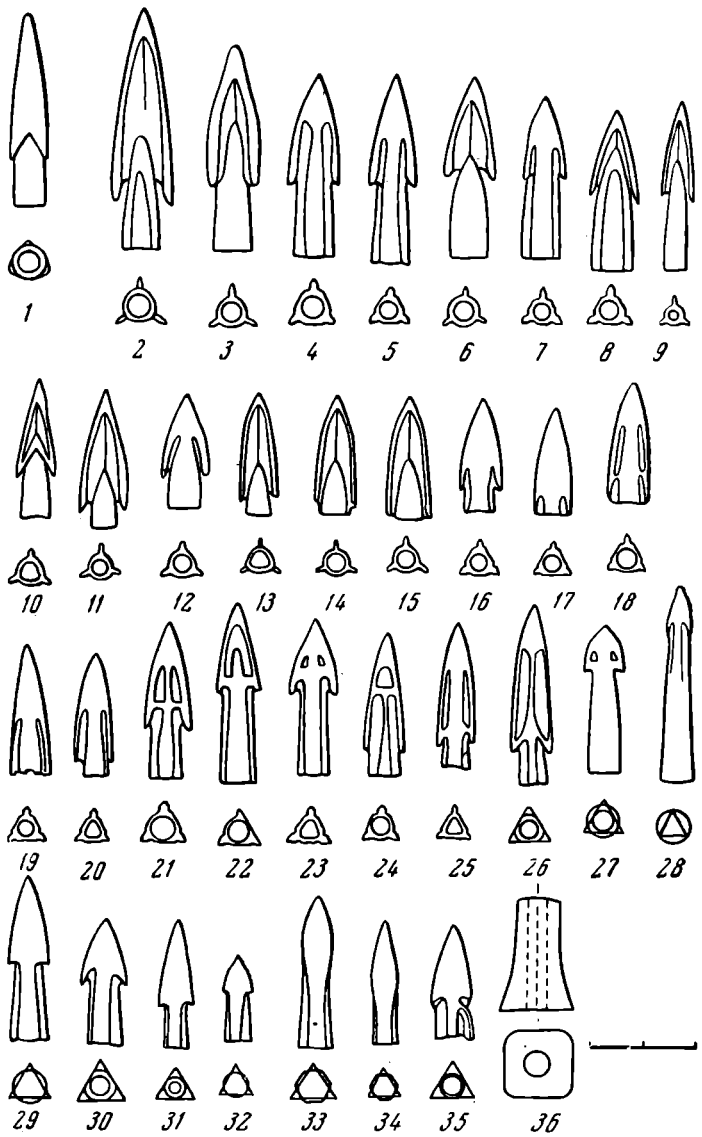


Рис. 4. Бронзовые наконечники стрел и ворворка из основного погребения

ниша шириной в 28 *см*. Наибольшая длина тайника по дну равнялась 78 *см*, глубина его при входе — 20 *см*, в нише — 63 *см*.

Сразу же у входа в тайник была найдена золотая гривна, остальные украшения — ожерелье из золотых, янтарных и сердолитовых бус, золотые бляшки и височные подвески — серьги помещались в нише.

Погребальный инвентарь можно разделить на три группы — оружие, предметы быта, украшения.

К оружию относятся железный меч, костяной и бронзовые наконечники стрел. Костяной наконечник имел конусовидную боевую головку, круглую в разрезе, с тремя треугольными вырезами-шипами и выступающей втулкой (рис. 4, *1*).

Среди бронзовых стрел выделяются два вида наконечников, трехгранные и трехлопастные. В свою очередь в каждом из этих видов различаются несколько типов.

Трехлопастные наконечники стрел относятся к трем типам: 1 — наконечники крупных и мелких размеров со сводчатой головкой и выступающей длинной или короткой втулкой — 31 шт. (рис. 4, *2*), 2 — наконечники с треугольной головкой и выступающей длинной или короткой втулкой — 10 шт. (рис. 4, *3—13*), 3 — базисные сводчатые стрелы — 2 шт. (рис. 4, *14—15*).

Первые два типа бытовали в Нижнем Поволжье длительное время (VII—II вв. до н. э.). Однако наибольшее распространение они получили в VI—IV вв. до н. э.[3]. Третий тип, базисные наконечники, появляются в Поволжье с VI в. до н. э. и встречены только в комплексах VI и V вв. до н. э.[4].

Трехгранные наконечники стрел значительно более многочисленны и разнообразны. Среди них различаются шесть типов: 1 — наконечники с непрофилированной головкой и выступающей втулкой — 3 шт. (рис. 4, *16—18*); 2 — наконечники со сводчатой или треугольной головками и выступающей втулкой — 18 шт. (рис. 4, *20*); 3 — наконечники с трехгранной сводчатой головкой, четко отделенной от втулки узкими продольными боковыми бороздками,— 25 шт. (рис. 4, *21*), или дуговидным вырезом в основании головки — 19 шт. (рис. 4, *23*), или с вилкообразным вырезом — 2 шт. (рис. 4, *22*); 4 — наконечники со сводчатой и треугольной головками, украшенные рельефной поперечной крестообразной или А-образной каймой с выступающей иногда коротко отрезанной втулкой,— 11 шт. (рис. 4, *24*), 5 — наконечники сводчатые с ровным основанием и с небольшими бороздками у основания — 2 шт. (рис. 4, *26*); 6 — наконечники со сводчатой головкой, переходящей в лопасти, отделенные от втулки продольными бороздками, при этом втулка не выступает за пределы основания лопастей — 10 шт. (рис. 4, *19*). Большинство типов наконечников стрел характерно для комплексов VI—V вв. до н. э. и не встречается позднее V в.[5]. Наконечники с непрофилированной головкой и выступающей втулкой бытуют до IV в. до н. э.

Ближайшие аналогии комплексу наконечников стрел из кург. № 2 в группе «Сазонкин бугор» имеются в Блюменфельдском кургане Нижнего Поволжья и в Соболевском кургане Южного Приуралья, относящимся к первой половине V в. до н. э.[6]

Меч, найденный в том же кургане при мужском погребении, относится к типу двулезвийных с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Его длина — 80 *см*, ширина клинка у перекрестия — 6 *см* (рис. 5). Клинок украшен продольными желобками, сходящимися к острию, а рукоять меча — поперечными и вертикальными бороздками. На поверхности клинка остались следы деревянных ножен.

Подобные мечи с желобчатой поверхностью известны на Северном Кавказе из Лугового могильника VI—V вв. до н. э.[7] в Ассинском ущелье (в Ингушетии), где их найдено несколько экземпляров[8]. Такой же особенностью отличались клинки и некоторых кинжалов из Елизаветовского могильника Прикубанья. Единичные экземпляры мечей этого типа встречены и в скифских курганах. Железный меч с брусковидным навершием, бабочковидным перекрестием и продольными желобками на клинке и на

---

[3] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 46, табл. II, III.
[4] Там же, стр. 49, табл. III.
[5] Там же, стр. 51—55, табл. IV, V.
[6] Там же, рис. 16, *А* и *Б*, рис. 19, *А* и *Б*.
[7] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения восточного Предкавказья. СА, 1957, 2, стр. 162.
[8] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 281, рис. 47.

рукоятке был найден в могильнике у дер. Волковцы бывшей Полтавской губернии. В. Гинтерс относит этот меч к V в. до н. э. [9]

Е. И. Крупнов сопоставляет такие железные мечи с бронзовыми желобчатыми кинжалами кобанской культуры и бронзовыми мечами из центрального Закавказья. Предполагая преемственность первых от вторых, он считает, что они являются изделиями кавказских местных мастеров [10].

Рис. 5. Железный меч

Приведенные аналогии позволяют меч из Сазонкинского кургана датировать V в. до н. э. Можно говорить и о его северокавказском происхождении. На территорию Нижнего Поволжья он мог попасть в результате межплеменного обмена. По-видимому, кузнечные мастерские Кавказа обеспечивали своей продукцией не только местное население, но и импортировали эти изделия в степные районы Предкавказья и Северного Причерноморья.

Найденные в Сазонкинском кургане деревянный сосуд, железные ножички и бронзовое зеркало относятся к предметам быта.

Деревянный сосуд со слегка отогнутым краем, округлыми боками и уплощенным дном был украшен с двух противоположных сторон золотыми пластинчатыми обкладками с изображениями голов грифонов. Верхний прямой край пластинок загнут и плотно прилегает к внутренней стенке сосуда (рис. 6). На внешних краях обкладок имеются мелкие отверстия, служившие для прикрепления золотых пластинок к деревянному сосуду с помощью золотых гвоздиков. Сохранилось несколько таких гвоздиков в каждой из обкладок. От самого деревянного сосуда остались незначительные обломки края и отпечаток в земле. Высота его, вероятно, была около 10 *см*, диаметр верхнего края — 13,5 *см* (рис. 7, *2*).

Стилизованные головы орлиных грифонов на обкладках выполнены в типичной для скифского звериного стиля манере. Четко видны в силуэте отдельные части птичьей головы — хищно загнутый клюв и выступающая над ним восковица. Круглый глаз передан выпуклостью и ограничен точками. Контуры головы и ее детали также обозначены линиями из точек. Верхняя часть пластины украшена рядом выпуклостей, имитирующих жемчужный орнамент, типичный для савроматской глиняной посуды. Каждая выпуклость — жемчужина заключена в квадрат, образованный точечными линиями.

Золотые обкладки от сосудов широко известны среди памятников V—IV вв. до н. э. и найдены во многих богатых курганах скифской и меотской знати. Они очень разнообразны по форме и украшены различными сюжетными композициями или геометрическим орнаментом. Обкладкам из Сазонкинского кургана по стилю и сюжету наиболее близки три золотые пластины из кургана «Острая могила» (в могильнике у с. Яблоновка бывшего Каневского уезда Киевской губернии) и одна из кургана II того же могильника. Оба эти погребения на основании чернофигурной керамики датируются Б. Н. Граковым началом V в. до н. э. [11]. Золотая обкладка с аналогичным сюжетом

[9] W. Ginters. Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928, стр. 28, табл. II, d.

[10] Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 316—326.

[11] Б. Н. Граков. Древности Яблоновской курганной группы из собрания Д. Я. Самоквасова, ТСАРАНИОН, II, М., 1928, стр. 69—78, табл. VI, *5*, *8*.

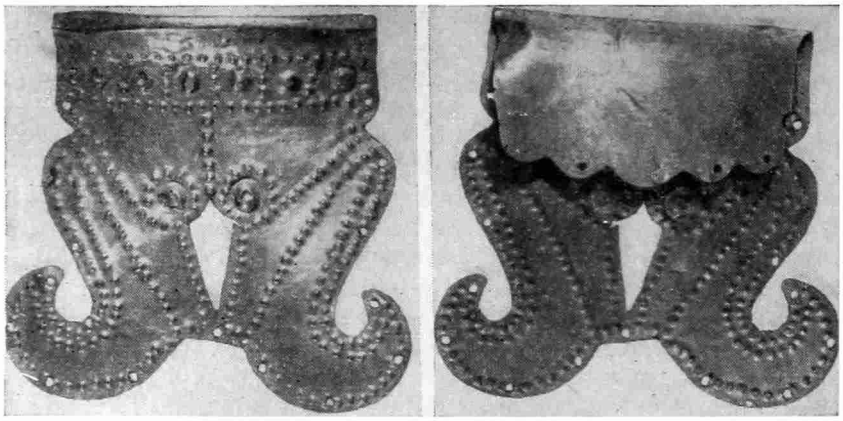


Рис. 6. Лицевая и оборотная сторона золотой обкладки от деревянного сосуда

была найдена Н. Е. Бранденбургом в разграбленном кургане 411 у с. Пекари бывшего Черкесского уезда Киевской губернии. Время этого погребения по обломкам чернофигурного плоского килика и цилиндрического ликифа определяется началом V в. до н. э. [12].

Дисковидное зеркало с прямоугольной ручкой, лежавшее рядом с женским костяком, изготовлено из одного куска бронзы (рис. 7, *1*). Ручка, сужающаяся книзу, заканчивается овальным расширением с вогнутостью в основании. Лицевая сторона зеркала выпуклая и украшена по краю на-

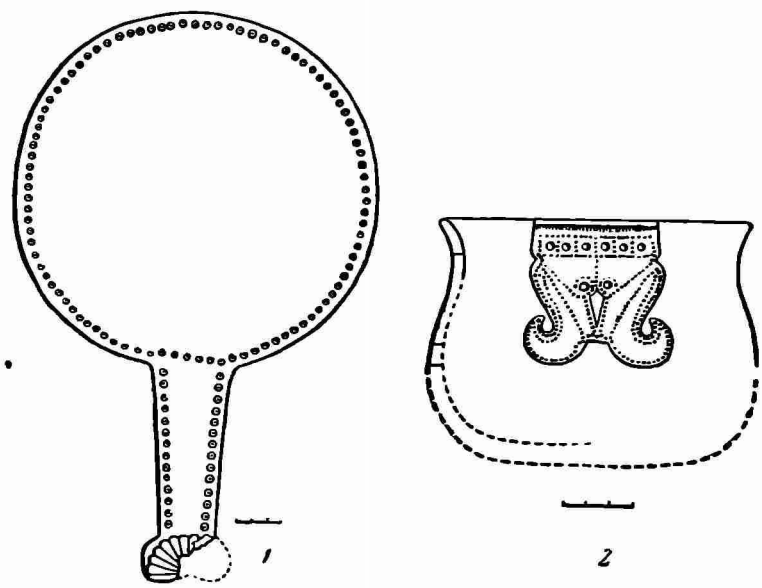


Рис. 7

1 — бронзовое зеркало, *2* — деревянная чаша с золотой обкладкой (реконструкция)

колотыми точками, заключенными в круг, нанесенный гравировкой. Овальное расширение ручки орнаментировано пальметкой.

Зеркало относится к типу ольвийских, широко распространенных в V в. до н. э. Отличительными особенностями их являются: 1) определен-

[12] Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 125. На эту аналогию нам любезно указала Л. К. Галанина — научный сотрудник Гос. Эрмитажа.

ные соотношения между величиной диска и ручки (диск всегда значительно больше ручки), 2) наличие орнамента-плетенки, украшающего края зеркала, и 3) фигурное окончание ручки, чаще всего в виде круглого расширения. Орнамент-плетенка выполнен двумя параллельными волнистыми линиями и наколотой точкой, помещенной в центре каждого плетения. Тонкие резные линии в результате действия окислов меди, которые обычно покрывают всю поверхность зеркала, часто не сохраняются. И о существовании этого орнамента на некоторых зеркалах можно судить только по оставшимся на диске и ручке проколотым точкам.

Два таких зеркала известны из хорошо датированных ранних погребальных комплексов Ольвийского некрополя. Одно из них было найдено (в могиле № 17, раскопанной в 1916 г.) вместе с кольцеобразным аском, типичным для греческой посуды конца VI — начала V в. до н. э.[13] Другое зеркало происходит из погребения, обнаруженного в 1913 г., в котором был найден глубокий чернофигурный килик с изображением фигур мужчины и женщины и пальметок. По форме килика и характеру рисунка погребение датируется первой четвертью V в. до н. э. Аналогичные зеркала встречены и в ряде скифских курганов первой половины V в. до н. э. В кург. № 505 у с. Броварки бывшей Полтавской губернии, раскопанном Н. Е. Бранденбургом в 1898 г., зеркало было найдено вместе с костяным двудырчатым псалием с головкой животного на конце, характерным для VI в. до н. э. Там же были найдены литые бронзовые бляшки в виде головы хищника с оскаленной пастью, выполненные в манере раннескифского звериного стиля, и бронзовые наконечники стрел, бытовавшие не позднее V в. до н. э. В. А. Ильинская относит это погребение к началу V в.[14]. Еще одно такое зеркало происходит из второй могилы кург. № 477, расположенного у с. Пастырское бывшего Чигиринского уезда Киевской губернии. По наконечникам стрел[15] комплекс также датируется V в. до н. э.

Зеркало из описываемого нами Сазонкинского кургана по форме, пропорциям и, вероятно, по орнаменту тождественно ольвийским зеркалам и относится к V в. до н. э.

Последнюю группу вещей представляют украшения, обнаруженные в тайнике. Среди них гладкая золотая проволочная гривна с одним утолщенным концом (другой конец обломан); ожерелье из золотых, янтарных и сердоликовых бус; золотые бусы биконической формы, спаянные из двух полых половинок, и мелкие полукруглые нашивные бляшки с двумя отверстиями для пришивания.

Самой замечательной находкой в тайнике, являющейся высоким образцом древнего ювелирного искусства, были золотые серьги. Каждая из них выполнена в виде двух всадников, стоящих на колеснице. Колесница условно изображена в виде прямоугольной рамки, сделанной из четырех узких полос, спаянных по углам. Пятая продольная полоска соединяется с поперечными и делит рамку пополам. На концы поперечных полос, выступающих за пределы рамки, надеты четыре пластинчатых круглых колесика с отверстием в центре. Обод колеса и спицы переданы напаянными рубчатыми проволочками. С оборотной стороны к полоскам припаяны проволочные петли — по пять на продольных и по две на поперечных. Сквозь петли продеты кольца с несомкнутыми концами, к которым на цепочках прикреплены желудевидные подвески. Каждый желудь спаян из двух полых половинок, к верхней части его припаяна петля, в которую вдета цепочка. На поперечных полосках колесницы помещены два всадника. Фигурки коней и людей полые, спаяны также из двух половинок. Поверхность их украшена параллельными полосками, состоящими из напаянных крупи-

[13] В. М. Скуднова. Кольцеобразные сосуды с перекидной ручкой из Ольвии. ТОАМ, Л., 1945, 1, стр. 131—139, табл. I—II.

[14] В. А. Ильинская. Керамика скифских погребений Посулья. ВССА, М., 1954, стр. 176.

[15] Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга..., стр. 137.

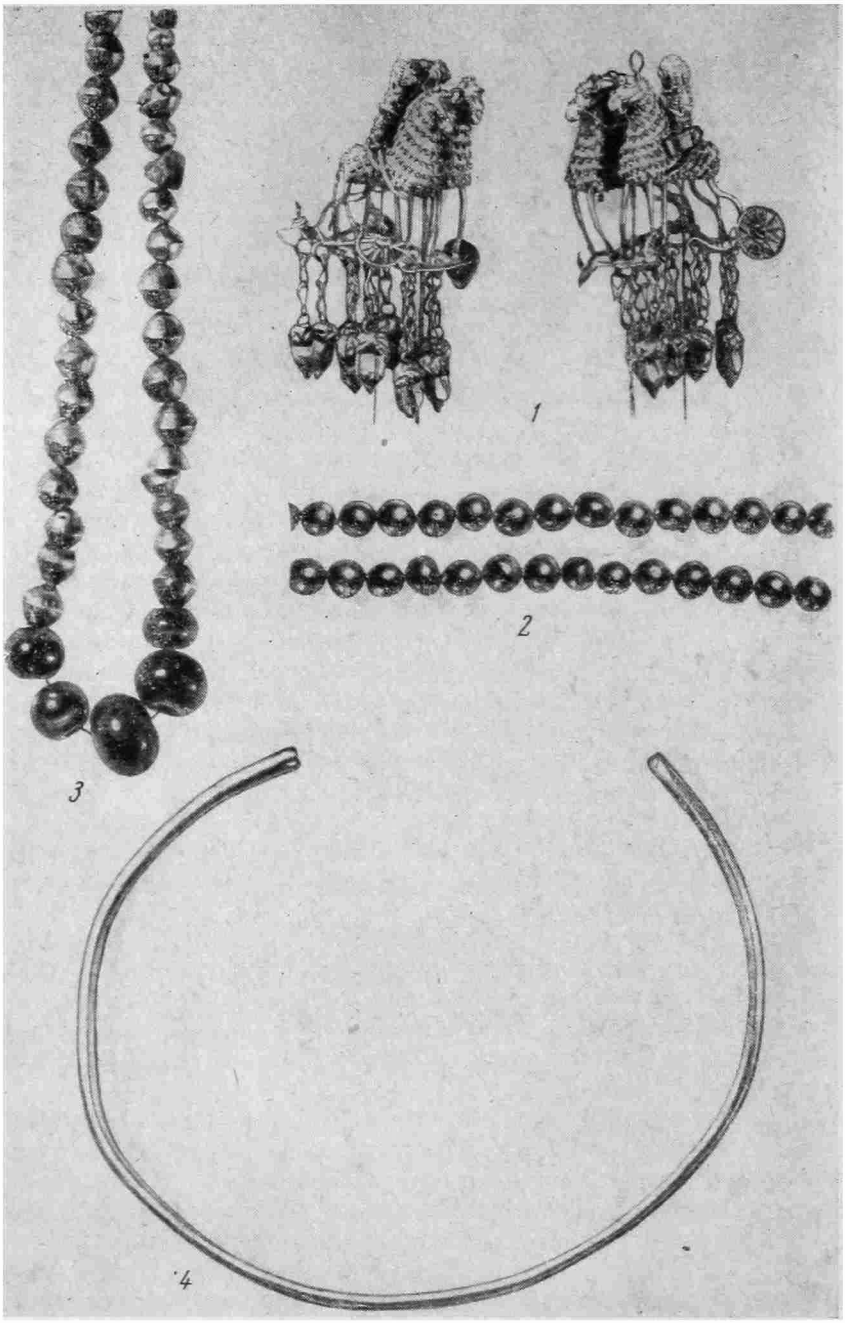


Рис. 8. Золотые украшения из таїника

1 — серьги, *2* — нашивные бляшки, *3* — ожерелье, *4* — гривна

нок зерни, сгруппированных по три вместе. Отдельные детали фигурок сделаны из листового золота или из тонкой проволоки и припаяны (горит, руки и ноги всадников, конские ноги, хвост, уши, грива и др.). Проволочные ноги лошадей имеют копыта. Всадники изображены в кафтанах и мягких капюшонах, у двух из них сбоку подвешен горит. Черты лица едва намечены и отличаются схематичностью и примитивностью. Наклоненные вперед фигурки людей и позы коней (напряженные передние ноги и согнутые задние) как бы передают движение вперед, хотя в целом изображение

довольно статично. Во всадниках, вероятно, можно видеть кочевников-воинов, на что указывает их одежда и наличие горита.

Очень близки по композиции, технике исполнения и отдельным деталям серьги, найденные в погребении из Вани близ Кутаиси. Погребение датируется концом VI — началом V в. до н. э.[16] Серьги из Вани также представляют собой колесницу-рамку с желудевидными подвесками и стоящих на ней всадников. Фигурки коней и людей украшены зернью. В качестве аналогии могут быть привлечены и серьги в виде двух коней (без всадников), стоящих на колеснице с желудевидными подвесками, из Ахалгорийского клада первой половины V в. до н. э.[17]

Произведенный нами анализ показывает, что все вещи из савроматского погребения, открытого в могильнике «Сазонкин бугор», имеют аналогии в памятниках начала V в. до н. э. Это позволяет датировать комплекс первой половиной V в. до н. э.

О принадлежности данного погребения к савроматской культуре свидетельствует не только вещевой материал, но и особенности погребального обряда. Форма и размеры могильной ямы, положение и ориентировка умерших, размещение вещей в могиле — все эти признаки, а также следы надмогильного кострища типичны для савроматских погребений Нижнего Поволжья.

В этом кургане был похоронен савроматский воин вместе с женой. Судя по сравнительно небольшим размерам насыпи кургана, умерший не был вождем или знатным военачальником. Однако, несомненно, что здесь был погребен представитель богатой прослойки савроматского общества, выделившийся из рядового населения.

Погребальный обряд и вещи из погребения позволяют сделать некоторые выводы о торговых связях и социальном строе савроматских племен Нижнего Поволжья.

Среди находок из Сазонкинского кургана имеется много привозных предметов. Золотые серьги, так же как и височные подвески из Вани и Ахалгори, изготовлены, вероятно, в одной из греческих колоний, расположенных на территории древней Иберии. В Нижнее Поволжье они попали в результате торгового обмена с племенами Северного Кавказа. Оттуда же мог быть привезен и железный меч с характерной для кавказского оружия желобчатой поверхностью клинка. Бронзовое зеркало и золотые обкладки от деревянного сосуда, возможно, доставлены из Северного Причерноморья, а янтарные бусы — из Прибалтики, где янтарь добывается издревле.

Наличие в комплексе импортных изделий различных центров производства является результатом широких торговых связей населения Нижнего Поволжья. А факт присутствия их в богатом захоронении свидетельствует, что у савроматов, так же как и у скифов, торговля была сосредоточена в руках родоплеменной знати.

Савроматское погребение, обнаруженное в могильнике «Сазонкин Бугор», являясь первым из известных до сих пор богатым неограбленным захоронением, под индивидуальной насыпью, указывает на то, что и в других подобных, но разграбленных могилах содержался также богатый погребальный инвентарь. Найденные в этом комплексе дорогие украшения и импортные вещи свидетельствуют о характере богатства знати и степени имущественного неравенства в савроматском обществе.

Парные захоронения мужчины и женщины в ряде савроматских могил позволяют предполагать наличие у савроматских племен патриархата.

Таким образом, нет сомнения, что савроматы Нижнего Поволжья находились уже на высшей ступени разложения первобытнообщинного строя, в котором патриархальная семья составляла основную хозяйственную единицу.

---

[16] Н. В. Хоштария. Археологические раскопки в Вани. Кавказско-ближневосточный сборник. Тбилиси, 1962, стр. 71.

[17] Я. И. Смирнов. Ахалгорийский клад. Тифлис, 1934, табл. III.

Дж. А. ХАЛИЛОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ У с. ХУДЖБАЛА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

Северо-восточные склоны Большого Кавказского хребта в Азербайджане богаты археологическими памятниками различных эпох. К сожалению, за псключением некоторых обследований [1] и разведок, они почти не исследовались. Районом распространения этих памятников является территория области Чола (Джоры), входившая в границы так называемой Кавказской Албании. Расположенная вдоль побережья Каспийского моря от Дербента почти до горы Беш-Бармак, Чола была одной из плодородных областей Албании и имела большое стратегическое значение; в ней находились так называемые Албанские ворота — проход между горами Большого Кавказа и Каспийским морем [2]. С отдаленных времен здесь происходили различные события, имеющие прямое отношение к истории Азербайджана и соседнего с ним Дагестана. Племена и народы этих двух стран имели тесные экономические и культурные связи. До сих пор вопрос о связях дагестанских племен (особенно горных районов) с Кавказской Албанией остается недостаточно разработанным. Между тем, новые материалы свидетельствуют о том, что культура населения Дагестана той эпохи находилась под сильным влиянием албанской культуры [3].

С 1958 г. Институт истории АН Азербайджанской ССР [4] приступил к исследованию археологических памятников в указанных местах. Проводимые в последние годы разведки показывают, что данный район особенно богат памятниками времени существования Кавказской Албании.

Целью настоящей статьи является ознакомление с одним из исследованных поселений и связанными с ним памятниками, находящимися в с. Худжбала Кубинского района Азербайджанской ССР.

Село Худжбала находится в 3 *км* к юго-востоку от г. Кусары, на левом берегу р. Куручая [5]. Указанные археологические памятники были открыты случайно во время земляных работ, после чего на них были произведены раскопки разведочного характера [6]. В результате была определена стратиграфия культурного слоя, открыта гончарная печь, погребение на могильном поле и добыт археологический материал, который вместе с находка-

[1] Эти обследования были связаны со случайными находками, обнаруженными во время хозяйственных работ.

[2] История Азербайджана, 1, Баку, 1958, стр. 77.

[3] Г. Д. Даниялов. Археологическая работа в Дагестане. МАД, 1, Махачкала, 1959, стр. 7.

[4] Работа ведется автором настоящей статьи.

[5] Эта река известна среди населения и под другими названиями: Алпанчай, Сусайчай; Куручай — ее позднее название. По рассказам старожилов, когда-то эта река была многоводная, а позже она лишилась основного источника водоснабжения и постепенно высыхала. Таким образом, бо́льшую часть года в этой реке воды не бывает. Поэтому она и получила свое позднее название. По-азербайджански «гуру» — сухая, «чай» — река. Куручай, значит, сухая река.

[6] Памятники частично обследованы автором этой статьи в 1960—1961 гг.

ми, обнаруженными случайно во время земляных и хозяйственных работ на различных участках поселения, позволяет судить о данном поселении в целом и определить время его существования.

Территория, где сохранились остатки указанного поселения, занята сельскими постройками. В середине села прежде находился высокий холм высотой более 20 *м*, при снесении его во время строительных работ и были обнаружены остатки поселения. Толщина культурного слоя 1—1,2 *м*.

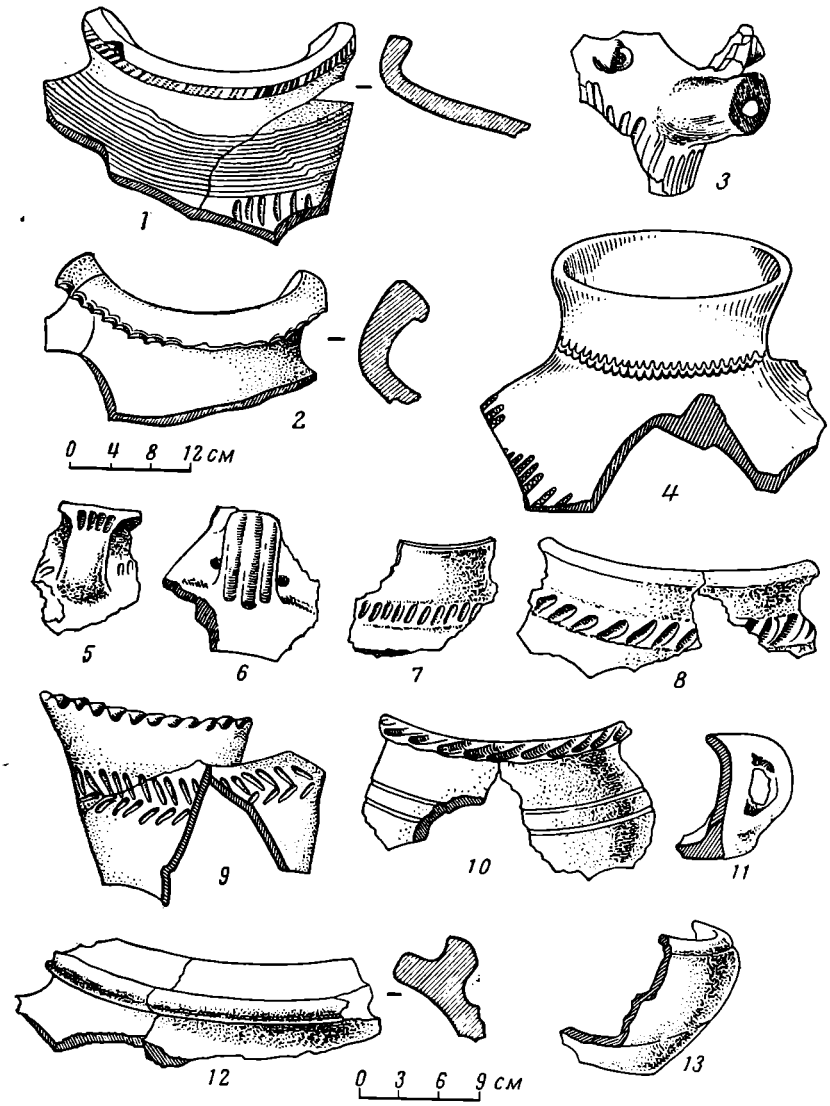


Рис. 1. Образцы керамики из поселения

На исследованном участке культурный слой был насыщен обломками глиняных сосудов, золой, костями животных (среди них череп собаки) и другими находками.

Среди добытых материалов преобладают фрагменты глиняных сосудов. В основном они красного обжига, попадаются иногда черепки черного и розового оттенков. Глиняное тесто хозяйственных и кухонных сосудов имеет примесь крупно-зернистого песка, в остальных керамических изделиях песок не встречается. Все сосуды сделаны от руки, без применения гончарного круга, но большинство сосудов отличается симметричностью форм.

Большинство обломков принадлежит хозяйственным сосудам — «кюпам» среднего и малого объема, но встречаются части больших толстостен-

ных «кюпов». По технике изготовления они одинаковы. Поверхность снаружи и изнутри больших и некоторых «кюпов» средней величины покрыта прямыми или же косыми неглубокими врезными линиями, нанесенными гребенчатым штампом. Линии являлись не только орнаментацией, но одновременно имели и практическое значение, так как предотвращали образование трещин в процессе сушки и обжига сосудов.

«Кюпы» имеют круглую горловину с отогнутыми наружу краями и украшенный нарезным или щипковым орнаментом венчик (рис. 1, *1*, *2*). Плечики некоторых «кюпов» покрыты параллельными врезанными линиями или одним рядом коротких линий, нанесенных гребенкой.

Кувшины хорошего обжига имеют красный, розовый и реже черный цвет. Они — тонкостенные с трехлепестковыми или овальными венчиками, имеют по одной ручке, расположенной на противоположной сливу стороне. В большинстве случаев по вдавленным сторонам венчика налеплено по одной «пуговке». Поверхность корпуса кувшинов часто покрыта неглубокими, чаще вертикальными каннелюрами. Горловина некоторых кувшинов орнаментирована одним рядом косых штрихов. Среди обломков имеется часть венчика с горловиной от черного лощеного кувшина (рис. 1, *3*). На краю венчика имеется трубчатый носик с отверстием, по бокам носика налеплены кружки из глины в виде глазков с веками. Все это придает носику кувшина сходство с головой какого-то животного.

Подобные кувшины с каннелюрами известны, в основном, из зоны северо-восточных склонов Большого Кавказского хребта и являются, вероятно, одним из характерных признаков локальной археологической культуры, определенные элементы которой наблюдаются в памятниках данной территории. Они относятся приблизительно к началу или первой половине I тысячелетия н. э.[7]

В Азербайджане, кроме указанного пункта, аналогичные кувшины обнаружены пока только в поселении Хыныслы, близ г. Шемахи. Оттуда происходят два кувшина, входившие в комплекс инвентаря погребений в каменных ящиках IV—VII вв. В одном из ящиков в числе прочего инвентаря найдена сасанидская серебряная драхма, чеканенная от имени царя Фироза (457—484 гг.) [8].

Одним из преобладающих типов глиняных сосудов, обнаруженных в поселении Худжбала, были разнообразные горшки, найденные в обломках.

Часто встречаются горшки с шарообразным туловом и широким венчиком. Они красного или розового цвета, имеют горизонтальные ручки на плечиках, но известны горшки и без ручек. Из обломков удалось реставрировать два горшка. Один из них (рис. 2, *4*) красного цвета, имеет на плечиках две ручки. Горло сосуда опоясывает орнамент, состоящий из ряда наклонных коротких линий, нанесенных гребенкой. Второй горшок без ручек, красновато-розового цвета (рис. 2, *6*), имеет на плечиках орнамент из волнистых врезных линий. На одном из фрагментов венчика подобного сосуда вырезан знак в виде буквы «Ж».

Среди обломков имеется верхняя часть красноглиняного сосуда со сравнительно узким и высоким горлом и слабо выраженным венчиком. Горло сосуда опоясано волнистой резной линией (рис. 1, *4*).

Среди глиняных сосудов выделяются горшки черного и темно-розового цвета. Все они являются кухонной посудой, и большинство имеет на поверхности следы копоти. Среди них есть горшки с ручками и без них (рис. 1, *7—10*). Венчик у них широкий, отогнутый наружу. Часто края венчика орнаментированы косыми нарезками. Горловина одного горшка покрыта елочным орнаментом (рис. 1, *9*). На остальных горшках орнамент встречается в верхней части корпуса. Он состоит из семечкообразных вмятин, врезных линий или же рельефного пояска с нарезками на его поверх-

[7] Материалы собраны во время разведок, пока не опубликованы.

[8] Д. А. Халилов. Раскопки на городище Хыныслы, памятнике древней Кавказской Албании. СА, 1962, 1, стр. 218, рис. 6, *2*.

ности (рис. 1, *7*, *8*). Среди обломков имеются венчики с ленточной ручкой, соединяющей край венчика с плечиком сосуда (рис. 1, *5*, *6*).

Следующую разновидность горшков составляют сосуды с рельефным валиком, опоясывающим венчик. Этот валик, вероятно, предназначался для опоры крышки. Горшки толстостенные, темно-розового цвета. Края венчика завершаются утолщением и загибаются внутрь (рис. 1, *12*). По-

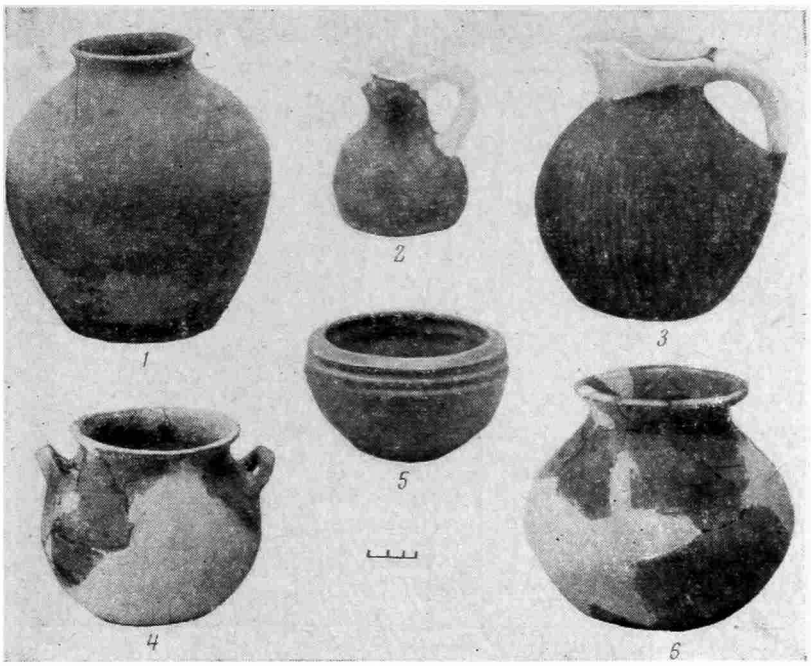


Рис. 2. *1*, *2*, *3*, *4* — глиняные сосуды из разрушенных могил; *5*, *6* — глиняные сосуды (реставрированные), обнаруженные в поселении

добные горшки также характерны для памятников первой половины I тысячелетия. Аналогичные сосуды обнаружены в поселении Хыныслы [9], Мингечаура, Топрахкала на Алазани [10] и др.

Среди посуды с поселения Худжбала имеются миски с ручками (рис. 1, *11*) или без них (рис. 1, *13*).

На поселении Худжбала обнаружены изделия из камня. Это обломки толстостенного плоского тарелкообразного сосуда и нескольких точильных камней.

Наконец, следует отметить одну монету, случайно обнаруженную на небольшой глубине. Это серебряная драхма, чеканенная на 25 году правления сасанидского царя Кубада I (489—531 гг.) [11], имеющая важное значение для датировки памятника.

На территории поселения нами была исследована гончарная печь (рис. 3), обнаруженная на приусадебном участке колхозником М. Х. Бурджалиевым на глубине 1 *м* от дневной поверхности. Обнаруженная печь представляет собой двухъярусное сооружение четырехугольной формы со сложной системой жаропроводных каналов. Сохранились нижняя топочная камера и под верхней обжигательной камеры с остатками стен высотой 10—15 *см*, толщиной 20 *см*. Сохранившаяся высота печи достигает 1,15 *м*. Площадь обжигательной камеры равняется в среднем 1,6 $м^2$.

[9] Д. А. Халилов. Ук. соч.

[10] О них сообщил нам Р. М. Ваидов, которому приносим за это свою благодарность.

[11] Определение монеты сделано канд. истор. наук А. Раджабли.

Топочная камера печи была сооружена из больших сырцовых кирпичей (размером 42 × 35 × 9 *см*) и обмазана глиной с примесью соломы. Она, вероятно, была сооружена, как и мингечаурские печи[12], в специальном грунтовом котловане прямоугольной формы. Топочная камера в плане овальная, ее размеры 1,52 × 0,6 *м*. Внутри топочной камеры на расстоянии 20 *см* друг от друга находились две пары устоев. Четырехугольный фундамент устоев был сделан из горизонтально уложенного на грунте сырцового

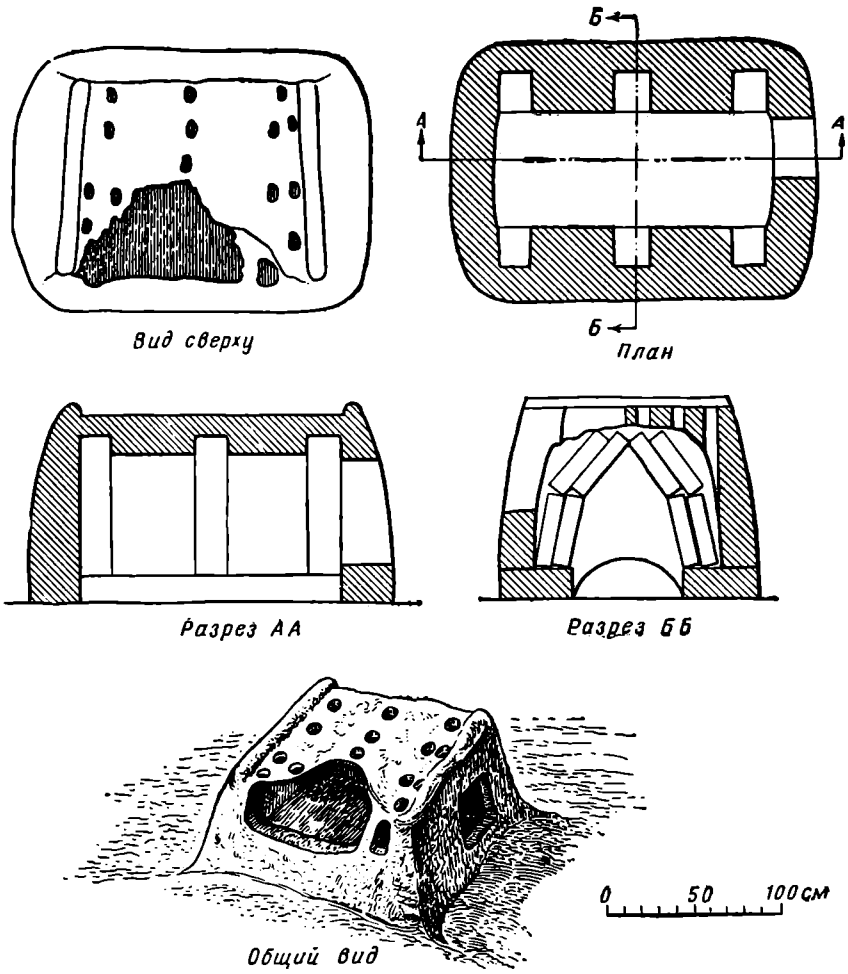


Рис. 3. План и разрезы гончарной печи, открытой в пределах поселения

кирпича. Верхняя часть устоев была выложена из вертикальных сырцовых кирпичей, поставленных в два ряда. В верхней части устои заканчивались арочным сводом. Высота проема достигала 1 *м*.

Боковые промежутки между устоями образовывали жаропроводные каналы шириной 20, глубиной 25 *см*. Они начинались на высоте 15 *см* от пола. Боковые стены топочной камеры сложены тоже из вертикально поставленных сырцовых кирпичей и обмазаны глиной с примесью соломы.

Пол обжигательной камеры был обмазан глиной; таким же образом закрывались промежутки между арками устоев. В горизонтальном перекрытии топочной камеры имелось 16 эллипсовидных и круглых сквозных отверстий — продухов, входящих в обжигательную камеру. Диаметр продухов или жаропроводных рукавов достигал 7—8 *см*. Выходные отверстия

[12] Г. И. И о н е. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура. МКА, II, Баку, 1951, стр. 35.

продухов располагались в три ряда — соответственно с системой жаропроводных каналов. По всей вероятности, камера обжига имела сводчатое перекрытие. Выходное четырехугольное отверстие было устроено в поперечной южной стене.

Такие печи очень часто встречаются в поселениях античного и раннесредневекового времени на территории Азербайджана. Печи такого типа обнаружены в Мингечауре [13], Кабале [14] и Топрахкале на Алазани [15]. Мингечаурские печи такого рода датируются промежутком времени от III в. до н. э. по II в. н. э. [16]. Печь, обнаруженная в Топрахкале, по мнению Г. М. Ваидова, относится к раннесредневековому периоду. Кабалинские печи датируются средневековьем [17].

Таким образом, печи подобного типа, не претерпевая особо больших конструктивных изменений, существовали очень долго, начиная с последней четверти I тысячелетия до н. э. до позднего средневековья.

Что касается худжбалинской печи, то она по вещевым находкам должна относиться примерно к первой половине или середине I тысячелетия.

На юго-западной и северо-восточной частях поселения во время земляных и хозяйственных работ было случайно открыто несколько погребений. По сообщениям очевидцев, все они были грунтовыми. Инвентарь из этих погребений частично удалось собрать у местного населения. На юго-западной стороне поселения были открыты два погребения. В одном из них обнаружены два глиняных кувшина [18]. Один черного цвета имеет шарообразное тулово и трехлепестковый венчик (рис. 2, *2*). От второго красноглиняного кувшина сохранилось только шарообразное тулово. Инвентарь второго грунтового погребения состоял из бронзовых украшений, бус и одного железного кинжала [19].

Бронзовые украшения состоят из шейной гривны, браслета, бус и подвесок. Шейная гривна сделана из проволоки круглого сечения. Несомкнутые концы ее расплющены ковкой. Один конец гривны завершается петлей, а другой обломан; с внутренней стороны края плоских частей гривны орнаментированы насечками (рис. 4, *8*).

Браслет с несомкнутыми концами также изготовлен из проволоки круглого сечения. Расплющенные его концы украшены чеканными стилизованными человеческими личинами (рис. 4, *5*).

Бусы (3 шт.) ажурные, две из них биконические, внутри полые. Первая бусина в середине имеет широкое кольцо, по которому напаяны маленькие колечки. Полоски, расположенные между прорезями первой бусины, украшены елочным орнаментом. Пролеты второй бусины состоят из спаянных парных колец и нешироких пластинок с елочным орнаментом (рис. 4, *2*, *6*). Третья бусина многогранная. Она состоит из припаянных друг к другу шести колечек (рис. 4, *3*).

Среди предметов, обнаруженных в могиле, особое внимание привлекают две бронзовые подвески. Техника изготовления первой (рис. 4, *1*), сделанной путем литья и пайки, очень высока. Эта подвеска состоит из проволочных колец разного диаметра (проволока в сечении круглая). Между двумя большими кольцами разного диаметра расположено литое кольцо с рельефным узором, напоминающим колосья. Внутри малого кольца помещены два креста из гладких спаянных проволок с заклепкой в центре и крест из крученой проволоки. С наружной стороны по краю

---

[13] Г. И. Ионе. Ук. соч.

[14] О. Ш. Исмизаде. О глазурованной керамике с клеймами из средневековой Кабалы (XI—XIV вв.). МКА, V, Баку, 1964, стр. 162.

[15] По сообщению начальника экспедиции Р. М. Ваидова, за что выражаем ему благодарность.

[16] Г. И. Ионе. Ук. соч., стр. 54.

[17] О. Ш. Исмизаде. Ук. соч., стр. 161.

[18] Сообщения очевидцев.

[19] Кинжал потерян, вероятно, в погребении были и другие вещи, в том числе и глиняные сосуды. Погребение полностью не было вскрыто.

большого кольца припаяны четыре пары маленьких колечек (рис. 4, *1*). Аналогичная подвеска была обнаружена в катакомбном погребении Верхнечирюртовского могильника, находящегося в долине среднего течения р. Сулак, Кызылюртовского района Дагестанской АССР [20]. Эта подвеска отличается от худжбалинской тем, что в ее верхней части изоб-

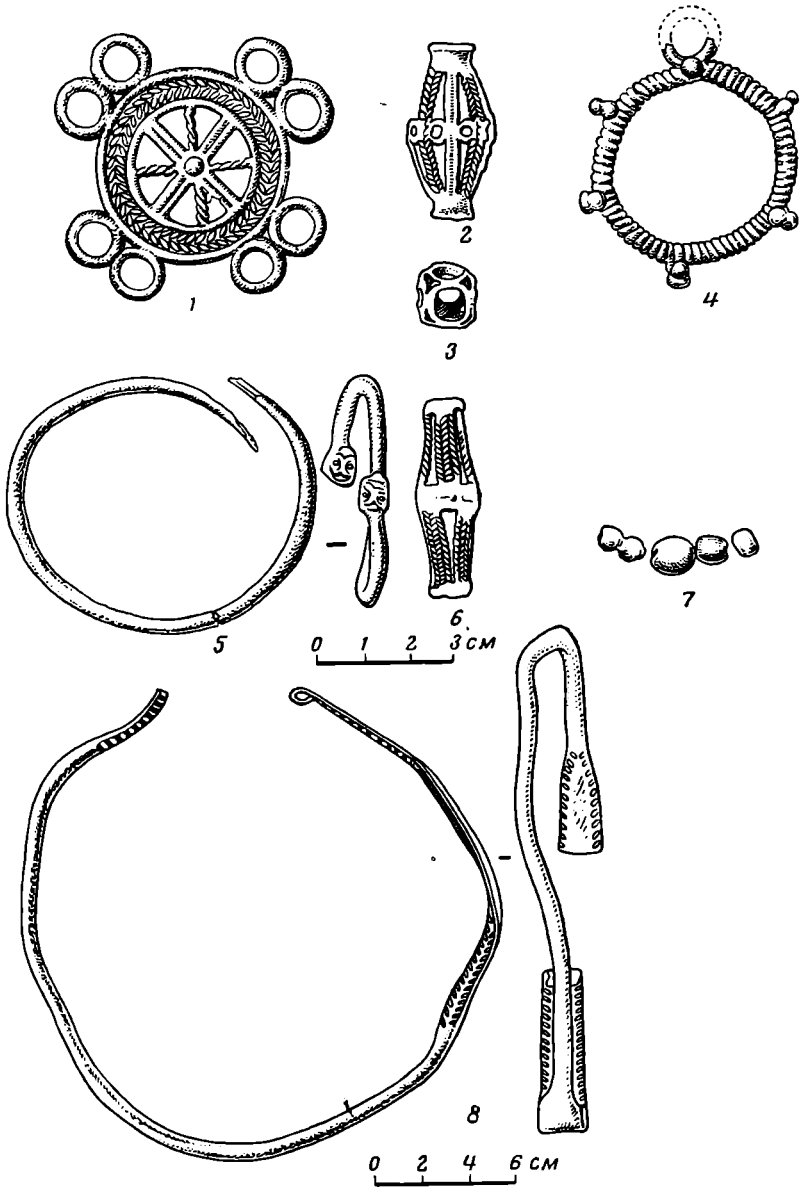


Рис. 4. Металлические украшения и бусы из разрушенных могил

ражена стилизованная человеческая фигура. Верхнечирюртовский могильник в целом датируется V—VII вв.

Вторая кольцевая подвеска из худжбалинского поселения цельнолитая, ее поверхность имитирует спиральную обмотку (рис. 4, *4*). По внешнему краю кольца в шести местах симметрично расположены группы из трех шариков. Наверху вместо среднего шарика сделано кольцевидное ушко для подвешивания. Две подобные подвески обнаружены в катакомбном погребении № 10 того же Верхнечирюртовского могильника [21]. В от-

[20] Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 258—260, 263, рис. 11, *9*.

[21] Н. Д. Путинцева. Ук. соч., стр. 258, 259, рис. 9, *1*.

личия от худжбалинской подвески, верхнечирюртовские гладкие с четырьмя симметрично расположенными выступами.

Результаты спектрального анализа описанных нами бронзовых украшений представлены в таблице [22].

№ № пп	Предметы	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe	P
1	Шейная гривна	82,1	0,7	3,0	13,2	0,05	0,025	0,1	0,001	0,015	0,035	0,003	0,2	0
2	Браслеты	78,2	0,001	0,2	20	0,06	0,003	0,02	0	0	0,5	0	0,4	0
3	Ажурная бусина	96,2	0,95	1,85	0,008	0,05	0,003	0,15	0,001	0,008	0,05	0	0,1	0
4	» »	Оск.	5,8	4,4	0,01	0,07	0,07	0,08	0,002	0,02	0,08	0,001	0,2	0
5	Подвеска	Оск	1,55	2,7	0,03	0,03	0,01	0,1	0,001	0,002	0	0	0,4	1,2
6	»	94,0	2,1	2,35	0,2	0,2	0,15	0,1	0,002	0,02	0,07	0,001	0,2	0

В число украшений входили и разноцветные бусы из пасты и стекла (рис. 4, *7*). Среди пастовых имеются шарообразные с гофрированной поверхностью, многогранные и бочковидные.

В северо-восточной части поселения в разное время при земляных работах было разрушено несколько погребений. Инвентарь их, за исключением трех глиняных сосудов, собрать не удалось. Один — красноглиняный кувшин с шарообразным корпусом, трехлепестковым венчиком и ручкой (рис. 2, *3*). Поверхность тулова до плечиков покрыта неглубокими вертикальными каннелюрами. Второй сосуд — красноглиняная миска с плоским дном и загнутыми внутрь краями (рис. 2, *5*). Края венчика опоясаны парными врезными линиями. Третий — красноглиняный горшок с яйцевидным туловом и низким горлом (рис. 2, *1*).

Для более полного представления о погребениях на северо-восточном участке был заложен раскоп размером 4 × 5 *м*. На глубине 0,8 *м* в грунте было обнаружено погребение. Бóльшая часть костей покойника истлела. Деформированный череп был в сравнительно хорошем состоянии. Судя по положению черепа и остаткам костей скелета, покойник был похоронен на спине в вытянутом положении, головой на запад. У черепа лежала бедренная кость какого-то крупного животного. Здесь же находился тонкостенный плоскодонный кувшин красного цвета с яйцевидным туловом, поверхность которого покрыта неглубокими вертикальными каннелюрами (рис. 5, *4*). Такие же, но горизонтальные каннелюры украшали верхнюю часть кувшина. Венчик трехлепестковый, по сторонам слива — по одному круглому налепу. Поверхность ручки покрыта тонкими и слабо выраженными волнистыми линиями. На верхней части ручки вырезан знак в виде креста, на дне — шестилучевая звезда, вероятно, являвшаяся знаком мастера-гончара.

У височной части черепа обнаружена пара бронзовых серег (рис. 5, *2*). Они состоят из двух колец, вдетых друг в друга. Большое кольцо на одном конце заканчивается многогранником, другой конец заострен; несомкнутое малое колечко сделано из плоской пластины. Подобные серьги разной величины характерны для раннесредневековых памятников Дагестана [23]. Такие серьги часто встречались в погребениях Верхнечирюртовского [24], Гапшиминского [25] и Галлинского [26] могильников Дагестана III—VII вв. Такая же серьга, но золотая, была обнаружена в Морском Чулаке

---

[22] Анализы сделаны в лаборатории археологической технологии Института истории АН АзербССР И. Р. Селимхановым.

[23] Некоторые дагестанские археологи их считают не серьгами, а привесками.

[24] Н. Д. Путинцева. Ук. соч., стр. 258—261.

[25] В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. МАД, II, стр. 274.

[26] Д. М. Атаев. Некоторые средневековые могильники Аварии. МАД, II, стр. 232—233.

у станции Синявки, на развалинах Танаиса в грунтовом погребении, относящемся к IV—V вв. [27].

Хотя такие украшения встречаются и в памятниках Юго-Восточной и Центральной Европы, но наибольшее их число и самые ранние прототипы обнаружены на северо-восточном Кавказе, в частности в Дагестане, что и дало возможность Д. М. Атаеву считать эту территорию областью их

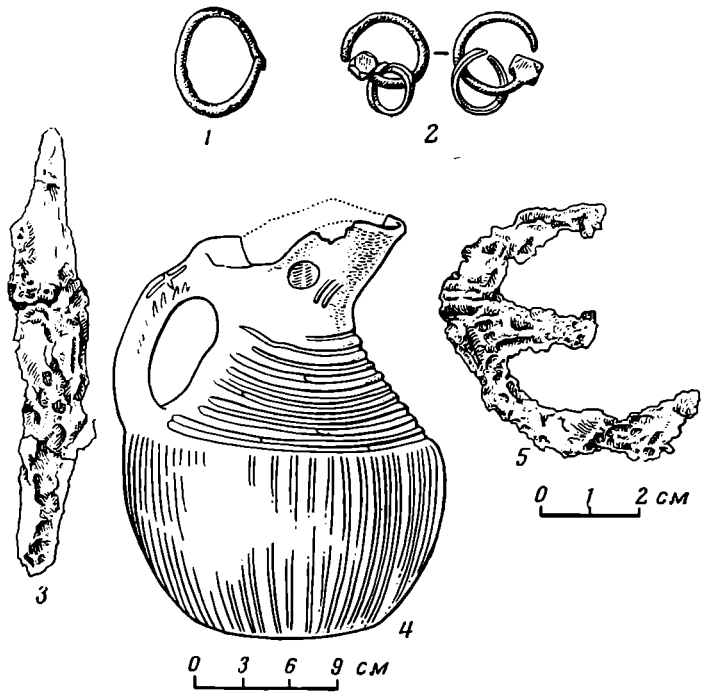


Рис. 5. Комплекс инвентаря раскопанного погребения

1 — бронзовая подвеска; *2* — бронзовая серьга; *3* — железный нож; *4* — глиняный кувшин; *5* — железная пряжка

возникновения [28]. Очевидно к этой территории можно отнести и прилегающие к ней с юго-запада районы Азербайджана.

В погребении обнаружены и другие предметы — овальное кольцо с несомкнутыми концами из круглой в сечении проволоки (рис. 5, *1*), железная пряжка (рис. 5, *5*), железный нож (рис. 5, *3*) и разноцветные стеклянные бусы средней величины и разной формы.

Этим исчерпываются, в основном, материалы, добытые на поселении Худжбала и связанном с ним могильнике. Приведенные аналогии позволяют отнести поселение и расположенные около него могильник и обжигательную печь к первой половине или середине I тысячелетия [29].

Выше было сказано, что материалы, в частности металлические украшения, в большинстве случаев имеют аналоги среди памятников Дагестана, в особенности его горной части. Это сходство наблюдается и в керамике. Все это свидетельствует о наличии определенной близости между археологическими культурами восточного Азербайджана и прилегающих к нему районов Дагестана.

[27] И. С. Каменецкий, В. В. Кропоткин. Погребение гуннского времени близ Танаиса. СА, 1962, 3, стр. 236.

[28] Д. М. Атаев. Височные привески с четырнадцатигранником. СА, 1963, 3, стр. 231—235.

[29] Выше было упомянуто, что в южной части участка, занятой остатками поселения и производственных сооружений, встречались пока в незначительном количестве черепки ранних поливных сосудов, что свидетельствует о непрерывности жизни в поселении и в последующих веках. Однако слой, относящийся к этому периоду, пока не подвергся исследованию и потому его характеристику здесь не приводим.

М. М. МИХЕЛЬБЕРТАС

РИМСКИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ В ЛИТВЕ

В исторической и археологической литературе мало освещен вопрос о торговых связях древнебалтских племен, обитавших в первые века нашей эры на юго-восточном побережье Балтийского моря, с провинциями Римской империи. Некоторый свет на этот вопрос проливают античные письменные источники. Римский историк Корнелий Тацит, рассказывая о племенах «эстиев» (балтов), отмечает, что «...они одни собирают по мелководным местам и берегу янтарь, ...собирают его и без всякой обделки доставляют и сами с удивлением принимают за него деньги» [1]. Другой римский автор Плиний Старший упоминает римского воина, который был специально послан за янтарем на далекое побережье Балтийского моря [2]. Свое путешествие римский воин начал с города Карнунтума в Паннонии. По словам Плиния, он прошел почти все Балтийское побережье и привез с собой столько янтаря, что им был украшен весь амфитеатр, а также одежда и оружие гладиаторов.

Говоря о торговле древнебалтских племен (живших на территории Литвы) с Римской империей, приходится опираться в основном на археологический материал. В исследованных археологических памятниках Литовской ССР обнаружено большое количество римских монет и некоторые предметы провинциально-римского импорта: металлические сосуды, бусы из разноцветной эмали, стекла и другие украшения.

Часть таких предметов была опубликована в разное время вместе с другими материалами из раскопок. Так, в 1860 г. Ю. И. Крашевский описал бронзовые статуэтки, обнаруженные в могильнике Швекшна (Зап. Литва) [3]. В 1877 г. Я. Н. Садовский в труде о торговых путях древних греков и римлян к Балтийскому побережью упоминает бронзовую фигурку косули, обнаруженную в Ожкабаляй (Вилкавишкский р-н) [4].

В конце XIX — начале XX в., в связи с начавшимися более оживленными археологическими исследованиями, увеличилось и число находок римских импортных предметов. В 1883 г. опубликована римская крыльчатая фибула, обнаруженная в Адакавских курганах (Скаудвильский р-н) [5]; в 1884 г.— римские фибулы из Намунелё Радвилишкис (Биржайский р-н) и Адакавас [6]; в 1887 г.— пластинка, покрытая эмалью, из

[1] Tacitus. Germania, I, 45.
[2] Plin. N. H. XXXVII, 30—52.
[3] J. I. Kraszewski. Sztuka u Słowian, szczególnie w Polsce i Litwie przedchrześcijańskiej. Wilno. 1860.
[4] J. N. Sadowski. Die Handelsstrassen der Griechen und Römer durch das Flussgebiet der Oder, Weichsel, des Dniepr und Niemen aus die Gestade des Baltischen Meeres. Jena, 1877.
[5] J. Döring. Eine altrömische Fibula im Mitauschen Museum. «Sitzungsberichte der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst». Mitau, 1883, стр. 35, табл. II, *a—d*.
[6] J. P. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, V, Helsinki, 1884.

Аукштакиемис (Клайпедский р-н) [7]. В 1897 г. вышла работа О. Алмгрена о формах фибул Северной Европы [8], в которой указаны находки римских крыльчатых фибул в Литве. В 1900 г. опубликована украшенная эмалью фибула из Пакальнишкяй (Паневежский р-н) [9]; в 1910 г.— крыльчатые фибулы из Байоришкяй (Паневежский р-н) [10]. Однако не все исследователи считали римские изделия импортными. Так, И. Р. Аспелин, Э. Маевский, М. Макаренко только описали или дали рисунки римских предметов, не выделяя их из местных изделий.

В 1926 г. М. Эберт [11] опубликовал каталог римских импортных изделий, обнаруженных на территории Восточной Пруссии. Там указаны два места находок римских предметов в Западной Литве.

В 1930 г. В. Антоневич [12] описал находки римских статуэток в Вильнюсском крае.

В 1936 г. В. Гинтерс в статье, посвященной римскому импорту в Латвии [13], осветил вопрос о торговле балтов с провинциями Римской империи. Там описаны и римские фибулы с эмалью, обнаруженные на территории Литвы. Немало внимания уделяет римскому импорту в Прибалтике Х. Моора в работе, посвященной старому железному веку в Латвии [14]. Им затронуты вопросы о римских импортных предметах на территории древних балтов, указаны их торговые пути и интенсивность торговли в разное время.

Римские фибулы с эмалью, найденные в Литве, упоминает П. Куликаускас [15], бронзовый кувшин из Вершвай (г. Каунас) публикует И. Пузинас [16]. В другой статье он же суммирует известные ему находки крыльчатых фибул на территории Литвы, коротко упоминает другие римские импортные предметы [17].

Х. Ю. Эггерс в большой работе о римском импорте в Европе за границами империи [18] перечисляет известные ему римские импортные предметы в Литве, пытаясь с их помощью установить даже этнические границы [19]. На основании находок римских бронзовых сосудов Эггерс проводит границу между балтскими и германскими племенами по р. Пасарге. По его мнению, в первые века нашей эры на запад от Пасарге очень распространен обычай класть покойнику в могилу импортные бронзовые сосуды (территория германских племен), на восток же от Пасарге распространены могильники с римскими монетами, где бронзовые сосуды в могилах очень редки (территория балтских племен). На основании распространения римских фибул Эггерс также пытается провести границу между балтскими и финно-угорскими племенами (римские фибулы на

---

[7] O. Tischler. Eine Emailscheibe bon Oberhof und Abriss der Geschichte des Emails. «Schriften der physikalisch-ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg», 1887.

[8] O. Almgren. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussichen Formen. Stockholm, 1897. Автор данной статьи пользовался вторым изданием книги, вышедшим в серии «Mannus Bibliotek», 32, 1923.

[9] E. Majewski. Kurhany w Pakalniszkach. «Światowit», II, 1900.

[10] M. Makarenko. Zabytki przedhistoryczne gub. Kowieńskiej. «Kwartalnik Litewski». 2, Petersburg, 1910.

[11] M. Ebert. Truso. Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft, 3, № 1, Berlin, 1926.

[12] W. Antoniewicz. Czasy przedhistoryczne i wczesnodziejowe ziemi Wileńskiej. Wilno i ziemia Wileńska, I, Wilno, 1930.

[13] V. Ginters. Romas imports Latvijā. «Senatne un māksla», 1936, 2.

[14] H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., II, Tartu, 1938.

[15] P. Kulikauskas. Emalioutieji dirbiniai Lietuvoje. «Vytauto Didžiojo Kultūros Muziejas Metraštis», I, Kaunas, 1941.

[16] J. Puzinas. Dvigubas, IV amž. kapas, surastas Veršvuose. Там же.

[17] J. Puzinas. Die Flügelfibeln in Litauen und ihre Bedeutung für die Handelsgeschichte. Ur- und Frühgeschichte als historisches Wissenschaft. Heidelberg, 1950.

[18] H. J. Eggers. Der römische Import im Freien Germanien. Atlas der Urgeschichte. 1. Hamburg, 1951.

[19] Там же, стр. 28—30.

территории финно-угорских племен почти неизвестны). Однако утверждения Эггерса не совсем убедительны. Небольшое количество бронзовых сосудов в могильниках балтских племен частично можно объяснить отсутствием хорошо исследованных памятников того времени [20].

В работе К. Маевского [21] о римском импорте на славянских землях указываются также торговые пути от римских провинций к Балтийскому морю. В каталоге находок указана и фибула с эмалью из Пакальнишкяй (Паневежский р-н) [22].

В литовской советской археологической литературе вопрос о предметах провинциально-римского происхождения почти не затронут. Некоторые импортные вещи опубликованы вместе с другим материалом из разных раскопок. Так, в 1951 г. П. Куликаускас издал фрагменты бронзового сосудика, обнаруженного в могильнике Курмайчяй (Кретингский р-н) [23]. В другой статье [24] он упоминает некоторые римские украшения. Л. Накайте в статье о серебряных украшениях [25] указывает и несколько фибул провинциально-римского производства. Больше внимания предметам римского импорта уделяется в труде «Очерк литовской археологии» [26]. В нем указаны римские предметы, найденные на территории Литвы, и на основе этих находок делается попытка установить места их производства и торговые пути. Однако в данной работе вопрос о римском импорте и влиянии римской культуры шире не затрагивается.

Таким образом, до сих пор нет сводной работы о предметах римского происхождения, найденных на территории Литвы.

В настоящей статье мы делаем попытку привести наиболее полные данные о металлических предметах, происходящих из провинций Римской империи, установить, какими путями и из каких именно провинций они попали в Литву, какое влияние имели на продукцию местных ремесленников. В статье использован материал из музейных собраний Литовской ССР, а также опубликованный в археологической литературе. Поскольку часть вещей во время Отечественной войны пропала, часть не имеет точной документации и подробные обстоятельства находки их неизвестны, трудно порой сказать, действительно ли предмет является привозным. Издаваемый нами каталог римских предметов не претендует на полноту. Он только частично отражает торговые связи римских провинций с древнелитовскими племенами. Надо полагать, что в будущем при более широком исследовании могильников и других памятников I—IV вв. коллекция предметов римского импорта значительно увеличится [27].

---

[20] Так, фрагменты бронзового сосудика обнаружены в могильнике Курмайчяй (Кретингский район). Х. Эггерсу также неизвестна и находка на территории древнепрусских племен. Край римского бронзового сосуда обнаружен на городище Грачёвка (быв. kraam). Ф. Д. Гуревич. Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. МИА, 76, 1956, рис, 24, *4*.

[21] K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław, 1949.

[22] Там же, стр. 98, № 331.

[23] P. Kulikauskas. Kurmaičiu (Kretingos raj.) plokštinio kapinyno tčrinėjimai. «Lietuvos TSR MA Istorijos Instituto Darbai», I, Vilnius, 1951.

[24] P. Kulikauskas. Iš metalų panaudojimo Lietuvoje istorijos. «Iš lietuvių kultūros istorijos», II, Vilnius, 1959.

[25] L. Nakaitė. Senovės lietuvių sidabriniai papuošalai. Там же.

[26] P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961.

[27] В статье не говорится о римских монетах, поскольку они опубликованы раньше. В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, 4; его же. Топография кладов римских и ранневизантийских монет на территории СССР. ВДИ, 1954, 3; его же. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961; M. Michelbertas. Romos monetų radiniai Lietuvos TSR teritorijoje. «Lietuvos TSR Mokclų Akademijos Darbai», ser. A, I (10), 1961. Также не упоминаются многочисленные бусы из стекла и эмали (о них готовится отдельная статья).

Сосуды

Среди римских импортных вещей, обнаруженных на территории Литвы, прежде всего обращают на себя внимание бронзовые сосуды.

Бронзовый кувшин хорошей сохранности обнаружен в Вершвайском могильнике (г. Каунас). Он был найден в парном погребении мужчины и женщины вместе с очень богатым инвентарем [28]. Это единственная находка такого рода в Восточной Прибалтике. Аналогий для Вершвайского кувшина не удалось обнаружить.

Близкие по форме кувшины известны на территории римской провинции Паннонии [29]. Большой кувшин близкой формы, датируемый I в. [30], известен на территории Венгрии (точное место находки не указано). Оттуда же происходят два кувшина меньших размеров, которые очень близки по форме Варшвайскому, но точно не датированы [31]. Близкий по форме кувшин обнаружен и в Рейнских провинциях, в лагере римских легионов в местности Гелдуба, но, к сожалению, и он не датирован [32]. Из-за отсутствия точно датированных аналогий невозможно установить время Вершвайского кувшина. Судя по погребальному инвентарю, в могилу он попал в IV в. Кувшины данного типа использовались как сосуды для вина или воды [33]. Вершвайский кувшин, вероятно, был сделан в Капуанских мастерских, где было особенно развито производство металлических сосудов, и через территорию Паннонии попал в Литву.

Фрагменты бронзового сосудика обнаружены также в богатом погр. № 7 Курмайчяйского могильника (Кретингский р-н). Форму сосудика и его время установить невозможно; по всей вероятности, он тоже провинциально-римского происхождения.

На остальной территории расселения балтских племен находки бронзовых сосудов в погребениях I—IV вв. почти неизвестны. Один бронзовый сосуд (ковш) найден в Калининградской обл., в могильнике Поваровка (бывш. Kirpehnen) [34]. Находки бронзовых сосудов — кувшинов, ситул, мисок и др. известны в так называемых «княжеских» погребениях на территории современной Польши и Германии [35]. В Литве бронзовые сосуды обнаружены тоже в очень богатых погребениях (возможно, членов родовой знати).

Украшения

Обильную группу импортных изделий составляют римские фибулы. По своей форме они довольно разнообразны.

Наиболее известны так называемые крыльчатые фибулы (Flügelfibeln). Обычно они бывают больших размеров, длина их достигает 15—18 *см*. Они имеют длинное прямое туловище, отделенное от головки щитком, который сверху прикрыт двумя «крыльями» с отростками (отсюда — само название фибул). Головка чаще всего бывает почти треугольной формы и частично прикрывает спираль. Некоторые фибулы данного типа орнаментированы рядами точек и углублений, а другие имеют ажурный орнамент. Крыльчатые фибулы на территории Литовской ССР обнаружены в могильнике Саргенай (Каунасский р-н), в курганах Байоришкяй

---

[28] Более подробное описание предметов, обстоятельства находок и издания, в которых они опубликованы или упоминаются, даны в каталоге (см. приложение).

[29] A. Radnóti. Die römischen Bronzegefässe von Pannonien. Dissertationes Pannonicae, cep. II, 6, Budapest, 1938, табл. XIV, *80*.

[30] A. Radnóti. Ук. соч., табл. XLIII, *1*, стр. 168.

[31] Там же, табл. XLIII, *2*, *3*, стр. 165—166.

[32] H. Petrikovits. Die Erforschung des römischen Rheinlandes seit dem zweiten Weltkrieg. Rheinisches Jahrbuch, 1, 1956, рис. 35.

[33] A. Radnóti. Ук. соч., стр. 165.

[34] M. Ebert. Ук. соч., стр. 75, № 2.

[35] K. Majewski. Importy rzymskie w Polsce, Warszawa — Wrocław, 1960, стр. 13—14.

(Паневежский р-н), Сандраусишкес (Кельмеский р-н) и Адакавас (рис. 1, *2*) (Скаудвильский р-н). К этому же типу надо отнести еще две фибулы. Одна из них обнаружена в погр. № 98 Саргенайского могильника, другая (рис. 2) — в разрушенном погребении, где-то в окрестностях Пашакарняй (Кельмеский р-н). Все шесть обнаруженных в Литве крыльчатых фибул — бронзовые; возможно, они были украшением мужчин, так как обнаружены только в мужских погребениях. Однако до сих пор они найдены только в центральной части Литвы. На другой территории расселения балтских племен крыльчатые фибулы известны только в Калининградской обл.[36]. Крыльчатые фибулы — очень частая находка в римских провинциях Паннонии и Норикума и большей частью датируются I—II вв.[37]. Наиболее вероятно, что в Литву они попали из упомянутых выше римских провинций «янтарным» путем в I—II вв.

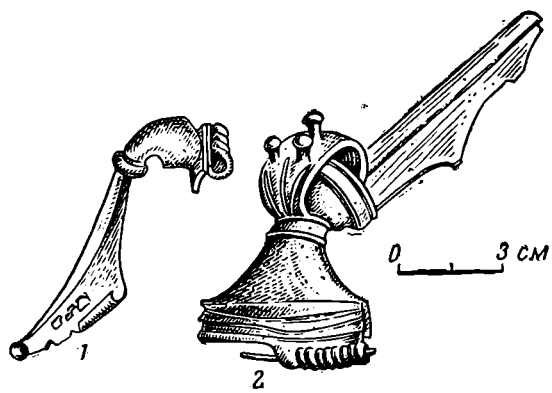


Рис. 1. Римские бронзовые фибулы из Адакавас (Скаудвильский р-н)

1 — сильно профилированная фибула, *2* — крыльчатая фибула

Из римских провинций в Литву попало и несколько сильно профилированных фибул. Так, серебряная фибула этого типа, украшенная рядами поперечных углублений и точек, обнаружена в Куршяй (Кельмеский р-н). Близкие по форме фибулы распространены в римских наддунайских провинциях, а единичные экземпляры известны в Северной Европе[38]. Указанная выше фибула датируется II в. и, скорее всего, происходит из наддунайских провинций. Небольшая, сильно профилированная фибула обнаружена в Адакавских курганах Скаудвильского р-на (рис. 1, *1*). Очень сходный экземпляр, датируемый II в., обнаружен и в бывшей Западной Пруссии, в местности Виленберг[39]. Такие фибулы были широко распространены в Паннонии в I—II вв.[40] К этому периоду приходится отнести и фибулу из Адакавас, считая ее импортированной из Паннонии. На другой территории расселения балтских племен римские сильнопрофилированные фибулы обнаружены только в Калининградской обл.[41].

Из римских провинций в Литву попала бронзовая фибула, так называемого «позднелатенского» типа, обнаруженная в Шилуте[42]. Она могла поступить в I—II вв. из наддунайских провинций, где такие фибулы были широко распространены.

Несомненно импортным изделием является круглая серебряная фибула с вложенной золотой пластинкой, найденная в курганах Норуйшяй (Кельмеский р-н), но происходит она не из римских провинций. Фибулы дан-

---

[36] M. Ebert. Ук. соч., стр. 77; J. Puzinas. Die Flügelfibeln..., стр. 193; W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, стр. 213, рис. 161, *в*.

[37] O. Almgren. Ук. соч., стр. 108—109; I. Kovrig. Die Haupttypen der Kaiserzeitlichen Fibeln in Pannonien. Dissertationes Pannonicae, cep. II, 4, Budapest, 1937, стр. 109.

[38] O. Almgren. Ук. соч., табл. IV, *69*, *70*, *71*, *73*.

[39] O. Tischler, H. Kemke. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg, 1902, табл, II, *1*.

[40] E. Patek. Verbreitung und Herkunft der römischen Fibeltypen von Pannonien. Dissertationes Pannonicae, cep. II, 19. Budapest, 1942, стр. 91—97; O. Almgren. Ук. соч., табл. IV, *67*, *68*, *69*; I. Kovrig. Ук. соч., стр. 116—119.

[41] M. Ebert. Ук. соч., стр. 77.

[42] Там же, стр. 81, № 5.

ного типа известны в Чехословакии [43]. Самые красивые экземпляры таких фибул известны в Германии, в местности Гаслебен (Hasleben) в Тюрингии, где производство их особенно было развито и откуда они вывозились в Северную Европу [44]. Интересно отметить, что в Гаслебене очень любим был янтарь [45], что может доказывать торговые связи данной местности с Прибалтикой. Круглые фибулы этого типа датируются концом III—IV в. [46]. Таким образом, фибулу из Норуйшяй можно отнести к IV в. и считать вывезенной из Тюрингии «янтарным» путем.

Интересны римские фибулы, украшенные разноцветной непрозрачной массой стекла-эмали. Такого рода бронзовая фибула обнаружена в курганах Пакальнишкяй Паневежского р-на (рис. 3, *4*), другая — посеребренная фибула такого же типа — в Памушис Пакруойского р-на (рис. 3, *3*). Находки фибул указанного типа известны и на остальной территории расселения балтских племен. Близкая по форме фибула II—III вв. обнаружена в Капседа (Латвийская ССР) [47]. Кроме того, очень близкая экземплярам Пакальнишкяй и Памушис серебряная фибула обнаружена на территории Польши в Мазурии, в местности Богачево (бывш. Kullabrücke am Löwentinsee) [48]. Железная фибула того же типа найдена на Украине, в местности Липица Гурна у Рогатина [49]. Очень близкие экземпляры найдены в Рейнском крае [50], который являлся в те времена центром производства фибул данного типа. Эти фибулы датируются серединой II в. [51]. Такие фибулы в Литву попали, скорее всего, из Рейнских провинций морским путем или через наддунайские провинции, где они часто встречаются [52].

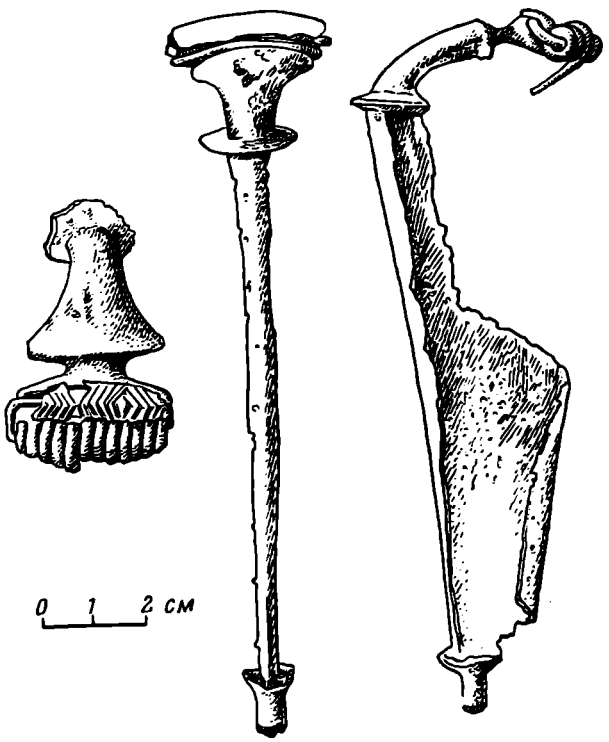


Рис. 2. Бронзовая крыльчатая фибула из Пашакарняй (Кельмеский р-н)

Две бронзовые фибулы с эмалью обнаружены в Нямунелио Радвилишкис (Биржайский р-н). Одна из них — круглая (рис. 3, *2*), вторая — пластинчатая симметричной формы (рис. 3, *1*). Очень близкие круглой фибуле экземпляры, датируемые II в., известны в Рейнских провин-

---

[43] B. Svoboda. Čechy a římské Imperium. Praha, 1948, стр. 186—189, рис. 37, *3, 7*.
[44] B. Svoboda. Ук. соч., стр. 209—226.
[45] Там же, стр. 214.
[46] Там же, стр. 214.
[47] V. Ginters. Ук. соч., стр. 53, рис. 4, *1*.
[48] J. Okulicz. Chemtarzysko z okresu rzymskiego odkryte w miejscowości Bogaczewo. na przysiółku Kula, pow. Giżycko. «Rocznik Olszryński», I, Olsztyn, 1958, табл. VII, *1*.
[49] J. Okulicz. Ук. соч., табл. VII, *4*.
[50] K. Exner. Die provinzialrömischen Emailfibeln der Rheinlande. 29. Bericht der Römisch-Germanischen Komission. Berlin, 1941, стр. 82, табл. 8, *1, 6*.
[51] K. Exner. Ук. соч., стр. 54.
[52] E. Patek. Ук. соч., стр. 123, табл. XIV, *6*.

циях [53]. Таким образом, II веком приходится датировать и обнаруженные в Литве римские фибулы с эмалью.

К изделиям римского происхождения И. Пузинас [54], а за ним и Г. Ю. Эггерс [55] причисляет две бронзовые фибулы с эмалью подковообразной формы. Одна из них обнаружена в могильнике Саргенай (Каунасский р-н), в погр. № 203, вторая же (фрагмент), где-то в Вильнюсском р-не [55]. Обе фибулы датируются II—III вв. В 1961 г. одна бронзовая подковообразная фибула данного типа обнаружена в Румшишкес (Кайшядорский р-н) [57]. Еще одна подобная фибула известна из окрестностей Киева, другая — из Мазурии (Малые Бабиенты, Польша) [58]. Фибулы, близкие по форме, также найдены в Финляндии [59] и в Эстонской ССР [60]. Однако в римских провинциях Рейнского края — в центре производства украшений, покрытых эмалью, такие фибулы неизвестны [61]. Неизвестны они также и в римских дунайских провинциях [62]. Таким образом, места производства подковообразных фибул с эмалью нам приходится искать в Прибалтике, именно в Мазурии [63] и в Восточной Литве, где фибулы данного типа были наиболее распространены.

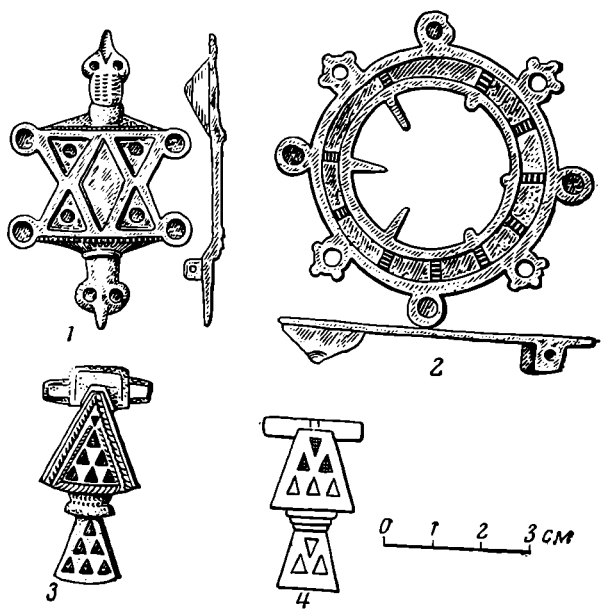


Рис. 3. Римские фибулы с эмалью

1, 2 — из Нямунелио Радвилишкис (Биржайский р-н), *3* — Памушис (Пакруойский р-н), *4* — Пакальнишкяй (Паневежский р-н)

Интересно отметить тот факт, что в Восточной Литве найдены и более поздние подковообразные фибулы с эмалью. Такие фибулы с отростками вокруг внешнего края лучка обнаружены в Великушкяй (Зарасайский р-н), Жадавайняй (Утенский р-н) и в Ракенай (Зарасайский р-н). Фибулы данного типа известны в Латвии и Эстонии. Они датируются IV в. [64]. Покрытые эмалью подковообразные фибулы, имеющие более широкий и треугольный в поперечном сечении лучек, обнаружены в Варапнишкяй (Вильнюсский р-н), два экземпляра в Бакшяй (Алитусский р-н), один в окрестностях Вильнюса [65]. Фибулы данного типа датируются V—VI вв. Таким образом, в Литве тип подковообразных фибул с эмалью бытовал довольно продолжительное время — со II по VI в.

---

[53] K. Exner. Ук. соч., стр. 111—112, табл. 16, *5*, *7*.
[54] J. Puzinas. Die Flügelfibeln..., стр. 190—191.
[55] H. J. Eggers. Ук. соч., № 2246, 2250.
[56] Находки в Каунасском Историческом музее.
[57] Фибула в ИЭМ.
[58] H. Moora. Die Eisenzeit..., II, стр. 117.
[59] H. Salmo. Finische Hufeisenfibeln. Helsinki, 1956, стр. 12—13, рис. 1.
[60] H. Moora. Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1934, рис. 24, *14*.
[61] K. Exner. Ук. соч., стр. 31—121.
[62] E. Patek. Ук. соч.; I. Sellye. Császárkori emailmunkák Pannoniából. Dissertationes Pannonicae, cep. II, 8, Budapest, 1939.
[63] Изделия с эмалью в Мазурии известны уже на рубеже I и II вв.; Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, 2, стр. 27.
[64] H. Moora. Die Eisenzeit, ..., II, стр. 105—107, рис. 20.
[65] А. А. Спицын. Предметы с выемчатою эмалью. ЗОРСАРАО, V, 1, СПб., 1903, стр. 164, рис. 188.

Кроме фибул, украшенных эмалью, из римских провинций происходят пластинки с эмалью. Одна очень нарядная бронзовая круглая пластинка обнаружена в Аукштакиемис (Клайпедский р-н). Вторая такого рода бронзовая посеребренная пластинка найдена в Плешкучяй (Клайпедский р-н). Близкая к ним пластинка с отростком, покрытая эмалью, обнаружена на территории ятвяжских племен, в курганах Швайцария Сувалкского уезда (Польша) [66]. Находки подобных пластинок известны в Готланде и в Норвегии, где они датируются III—IV вв. [67]. Наиболее вероятно, что такие пластинки попали в Литву из Рейнских провинций. Пластинки данного типа в Скандинавии и в кургане Швайцария обнаружены в мужских погребениях, богатых оружием и другим инвентарем. Это было ценное украшение, носимое членами родовой знати, украшающее или ножны меча, или пояс, или какую-нибудь часть одежды воина [68].

Обнаруженные в Литве римские украшения с эмалью являются главным образом случайными находками. Только в одном случае римская фибула с эмалью обнаружена в богатом погребении в кургане Пакальнишкяй. Исходя из всего сказанного, можно сделать предположение, что и на территории Литвы украшения с эмалями были ценными предметами, которые носили только члены родовой знати.

Статуэтки

К описанным римским сосудам и украшениям необходимо добавить интересные статуэтки, также обнаруженные на территории Литовской ССР, которые иногда считают римским импортом. Так, Ю. И. Крашевский пишет, что А. Плятер в середине XIX в., во время раскопок могильника Швекшна (Шилутский р-н), в одном погребении обнаружил семь статуэток [69]. С ними не найдено никаких других предметов, которые помогли бы датировать погребение. В других «погребениях» был обнаружен только пепел. По Крашевскому, самая большая из статуэток серебряная, пустотелая. Она изображает молодого мужчину в рогатой митре на голове, со скрещенными на груди руками. В руках мужчина держит скипетр и бич. Вторая статуэтка, как и все остальные,— бронзовая, похожая на первую, только меньших размеров. Третья статуэтка — это идущий мужчина в плоской четырехугольной шапке, руки его опущены. Четвертая статуэтка изображает кошку, сидящую на небольшом возвышении или колесе. Пятая статуэтка — это сидящая женщина в рогатой митре на голове, держащая на коленях ребенка. Шестая статуэтка — стоящий на коленях человек с поднятыми вверх, как будто для молитвы, руками. Седьмая статуэтка изображает танцующего бородатого старика, с каким-то музыкальным инструментом в руках. Крашевский все статуэтки считает египетскими. Первые две статуэтки, по его мнению, изображают египетского бога Озириса (или его жреца), третья — бога Анубиса или его жреца, пятая — богиню Изиду с Горусом, шестая — египетского жреца.

Возникает вопрос — как могли эти предметы попасть в Литву?

Известно, что еще до нашей эры некоторые восточные культы пришли в Южную Италию, позже — в Рим [70] и во время империи распрост-

[66] J. Antoniewicz. Badania kurhanów z okresu rzymskiego dokonanne w 1957 r. w miejscowości Szawjcaria pow. Suwałki, WA, 27, z. 1, 1961, Warszawa, стр. 10, табл. V, *1*.

[67] Там же, стр. 16—17, рис. 11.

[68] Там же, стр. 18.

[69] J. H. Kraszewski. Ук. соч., стр. 316—319. Судьба находки неизвестна. Очень плохие рисунки статуэток находятся в рукописях Е. Тышкевича в Рукописном отделе Центральной библиотеки АН ЛитССР.

[70] H. Lehner. Orientalische Mysterienkulte im römischen Rheinland. Bonner Jahrbücher, 129, 1924, стр. 47.

ранились почти во всех провинциях. Культы египетских божеств особенно были распространены в городах Северного Причерноморья. Культ Изиды и Сераписа был распространен в Ольвии со времен Александра Севера (222—235 гг.) [71], а в Тире этот культ был известен еще до нашей эры [72]. Из городов Северного Причерноморья статуэтки египетских божеств, по мнению К. Маевского, попали на территорию Польши [73], оттуда же они могли попасть и в Литву. Культовые статуэтки за границы империи поступали исключительно как военная добыча [74].

Я. Н. Садовский [75] упоминает бронзовую головку косули, обнаруженную в Ожкабаляй (Вилкавишкский р-н). Головка косули, по мнению Садовского, могла украшать край или ручку этрусского сосуда, или просто является произведением изобразительного искусства. Садовский определяет, что такие изделия были очень популярны в Италии, поскольку немало экземпляров обнаружено в Геркулануме. Теперь нельзя решить вопрос о происхождении головки, так как она не сохранилась, нет даже ее снимка или рисунка.

Опираясь на работу В. Антоневича, Г. Ю. Эггерс в своем каталоге римских изделий дает два места находок римских статуэток в Литве — Кярнаве и Валкининкай [76].

В Кярнаве обнаружена бронзовая статуэтка сидящего мужчины, с протянутыми вперед руками [77]. Судя по всему, она более позднего времени. О бронзовой статуэтке, обнаруженной в Валкининкай (Эйшишкский р-н) и описанной В. Антоневичем [78], нет подробных сведений, она пропала и нельзя установить, была ли она римского происхождения.

Статуэтки, найденные в Литве, очень сомнительны. В большинстве случаев они не сохранились, неизвестны обстоятельства находок. Поэтому эти предметы не включены в каталог и карту римских импортных предметов.

Анализ описанных нами памятников показывает, что на территорию Литвы из римских провинций ввозились бронзовые сосуды, украшения и фибулы, бусы из стекла и эмали и, возможно, культовые вещи (статуэтки). Римские изделия обнаружены в основном в западной и в центральной Литве. Несколько предметов найдено в северной Литве (рис. 4).

Самые ранние изделия — крыльчатые и сильнопрофилированные фибулы, часть которых могла попасть в Литву еще в I в. Гораздо больше изделий, как то: украшения с эмалями, многочисленные бусы из стекла поступают уже во II—III вв. Вероятно, тогда торговые связи с римскими провинциями становятся наиболее оживленными, что подтверждают и находки монет [79]. Можно проследить торговые связи также и в IV в.

Гораздо больше импортных предметов обнаружено на территории расселения древнепрусских племен — в современной Калининградской обл. (РСФСР) и в северо-восточной Польше. Там, кроме большого числа римских монет, найдены бронзовые и серебряные сосуды, керамика типа Terra sigillata, стеклянная посуда, римское оружие (мечи), украшения с эмалью, фибулы разных типов, бусы из стекла и эмали [80]. В Латвии число римских изделий значительно меньше, чем в Литве. Там обнаружены

---

[71] K. Majewski. Importy rzymskie w Polsce, стр. 24.

[72] В. Ф. Гайдукевич. Рец. K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław, 1949, ВДИ, 1951, 2, стр. 189.

[73] K. Majewski. Importy rzymskie w Polsce, стр. 24.

[74] K. Majewski. Importy rzymskit w Polsce, стр. 24.

[75] J. N. Sadowski. Ук. соч., стр. 174—175. Находка была в собраниях Польской Академии наук в Кракове, дальнейшая ее судьба неизвестна.

[76] H. J. Eggers. Ук. соч., № 2239 и 2247.

[77] В более ранней археологической литературе эта статуэтка принималась за Юпитера. W. Antoniewicz. Ук. соч., стр. 112, рис. 10, *2*. Находка в ИЭМ.

[78] W. Antoniewicz. Ук. соч., стр. 112.

[79] M. Michelbertas. Ук. соч., стр. 24.

[80] M. Ebert. Ук. соч., стр. 71—81; W. Gaerte. Ук. соч., стр. 210—214 и др.

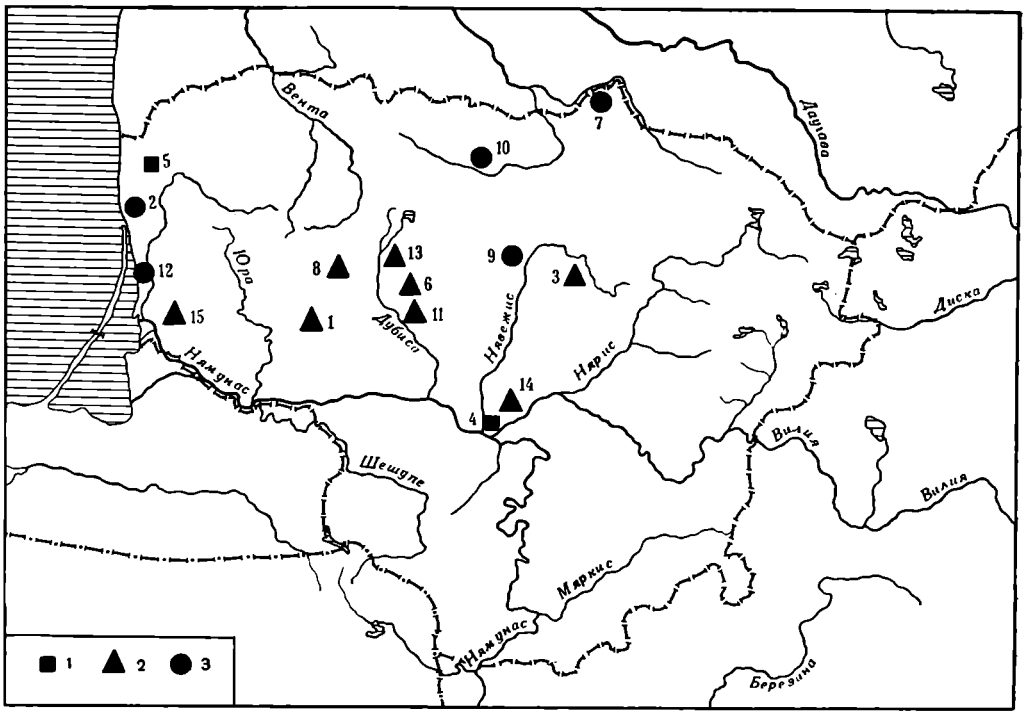


Рис. 4. Места находок римских металлических предметов на территории Литовской ССР

1 — сосуды, *2* — фибулы, *3* — изделия, украшенные эмалью

римские монеты, глиняный светильник, несколько римских фибул, бусы из стекла и эмали [81]. Это убедительно доказывает, что главную роль в торговле римлян с балтскими племенами играл янтарь — большинство римских предметов обнаружено на территории пруссов, как наиболее богатой янтарем.

Попавшие на территорию Литвы римские металлические предметы оказали некоторое влияние на формы изделий местных ремесленников.

Предметы, подражающие римским изделиям

Говоря о влиянии римских изделий, надо отметить, что прежде всего местные ремесленники подражали формам украшений. Приходится вернуться к сильно профилированным фибулам. Уже упоминалось, что несколько таких фибул происходит из римских провинций. В Литве известно и большее их количество. Они обнаружены, главным образом, в грунтовых и курганных могильниках западной и центральной Литвы, относящихся к II—III вв. [82]. Эти фибулы в старой археологической литературе назывались римскими. Они бронзовые, в большинстве случаев на лучке имеют два щитка. Головка одних фибул кончается полукруглым щитком, почти закрывающим спираль, второй щиток разделяет туловище фибулы от профилированной ножки. Другие фибулы имеют оба щитка

[81] V. Ginters. Ук. соч., стр. 47—61.

[82] Сильно профилированные фибулы найдены в следующих местностях Литовской ССР: 1) Байоришкяй (Паневежский р-н); 2) Дукштас (?) (Игналинский р-н); 3) Ягминишкес (Кельмеский р-н); 4) Курмайчяй (Кретингский р-н); 5) Куршяй (Кельмеский р-н); 6) Мацикай (Шилутский р-н); 7) Никелай (Шилутский р-н); 8) Павекяй (Кельмеский р-н); 9 Паштува (Каунасский р-н); 10) Пернарава (Кедайняйский р-н); 11) Рамбинас (Шилутский р-н); 12) Рудайчяй (Кретингский р-н).

на лучке, причем один отделяет треугольную или ромбическую головку от туловища фибулы, другой — туловище от ножки. Спираль чаще всего прикрыта цилиндрической трубочкой, орнаментированной углублениями. Некоторые фибулы имеют даже по три щитка на лучке. Типы таких фибул известны на территории древнепрусских племен [83], а также в Латвии [84]. Для сильно профилированных фибул, широко изготовляемых в мастерских римских рейнских и наддунайских провинций, характерны профилированные кольца на лучке и трубовидная головка (Trompetenfibeln) [85]. Для сильно профилированных фибул, изготовляемых на балтских землях, характерны, как уже было отмечено, высокие щитки на лучке, а сам лучек в поперечном сечении чаще всего бывает треугольный, чем эти фибулы и отличаются от римских.

Явное подражание римским фибулам видно в распространенных в западной Литве круглых ажурных и тутулиобразных фибулах. Ажурная орнаментика, любимая в изделиях римских провинций, широко применялась и в балтских землях — в Самбии, западной Литве и в Латвии (Курш) [86]. Круглые ажурные фибулы обнаружены в следующих могильниках первых веков нашей эры на территории западной Литвы: Аукштакиемис — Плуцяй (Клайпедский р-н) [87], Пришманчяй (Кретингский р-н) [88], Пангесай (Клайпедский р-н) [89].

Распространены в западной Литве фибулы и булавки с отростком в форме тутули, возникшие как подражание римским круглым тутулиобразным фибулам. Такие тутулиобразные фибулы с эмалью известны в римских рейнских [90] и дунайских [91] провинциях, несколько экземпляров найдено на территории древних балтов [92]. Тутулиобразные фибулы, изготовленные по римским образцам, обнаружены в Шернай [93], Аукштакиемис, Лаздининкай, Рекете, Пришманчяй [94] (западная Литва), Гибайчяй [95] (центральная Литва). Фибулы бронзовые, некоторые — посеребренные, иногда отросток-тутули украшен глазком из синего стекла. В западной Литве распространены серебряные и бронзовые булавки данного типа, имеющие часто железную иглу для прикрепления булавки к одежде. Такие булавки обнаружены в Шернай [96], Аукштакиемис [97], Курмайчяй [98]. Тутулиобразные булавки и фибулы датируются концом II—III в. [99].

Под влиянием римских фибул с эмалью так называемой шарнирной конструкции с трапециевидной ножкой (тип Памушис — Пакальнишкяй) в Литве был создан тип простых бронзовых фибул шарнирной конструкции с трапециевидной (треугольной) ножкой. Такие фибулы обнаружены

---

[83] W. Gaerte. Ук. соч., стр. 188, рис. 139, *f*, *g*.

[84] «Latviešu kultūra senatnē». Rīgā, 1937, табл. XVIII, *2, 6*; H. Moora. Die Eisenzeit..., II, рис. 16, *4, 5*.

[85] Такие фибулы достигли и территории древнепрусских племен. W. Gaerte. Ук. соч., рис. 138, *b*, *c*, *i*.

[86] V. Ginters. Ук. соч., стр. 58; W. Gaerte. Ук. соч., стр. 225.

[87] H. Moora. Die Eisenzeit..., II, рис. 24, *1*.

[88] P. Kulikauskas и др. Lietuvos archeologijos..., рис. 146, *2*.

[89] P. Kulikauskas и др. Lietuvos archeologijos..., рис. 149.

[90] K. Exner. Ук. соч., табл. 13, *26*.

[91] E. Patek. Ук. соч., табл. XVI, *7*.

[92] Две такие фибулы обнаружены в Латвийской ССР; V. Ginters. Ук. соч., рис. 5, *1, 3*.

[93] A. Bezzenberger. Das Gräberfeld bei Schernen (Kr. Memel.). «Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia», 17, Königsberg, 1892, рис. 11—12.

[94] P. Kulikauskas и др., Lietuvos archeologijos..., стр. 224.

[95] Šiaulių Metraštis, IV, Šiauliai, 1933, рис. 3.

[96] A. Bezzenberger. Ук. соч., табл. VIII, *12, 13, 14*.

[97] H. Moora. Die Eisenzeit..., II, стр. 198.

[98] P. Kulikauskas, Kurmaičių..., рис. 2.

[99] Датировке помогает находка в погр. № 337 могильника Аукштакиемис. В данном погребении тутулиобразные булавки обнаружены вместе с монетами Марка Аврелия, Луцилы и Криспины.

в Лаботакяй (Клайпедский р-н), Карпишкес (Шяуляйский р-н) [100], Мошкенай (Рокишкский р-н) [101]. Они датируются III в. [102].

Наконец, под влиянием фибул с подогнутой ножкой [103] в балтских землях образовался тип арбалетных фибул с подогнутой ножкой, известный на всей территории древнепрусских племен [104], в Латвии [105]. В Литве ранние арбалетные фибулы с подогнутой ножкой обнаружены в Норуйшяй (Кельмеский р-н), Лаздининкай, Курмайчяй (Кретингский р-н), Упите (Паневежский р-н). Фибулы данного типа появились в Литве в III в. и особенно были распространены в IV—V вв. [106].

Надо полагать, что из римских провинций пришли и некоторые технические навыки. Как уже отмечалось, на территории Литовской ССР известно несколько украшенных эмалью изделий провинциально-римского производства. Вместе с тем, в конце II—III в. в Литве появляются такие изделия местных ремесленников, как украшенные эмалью подковообразные фибулы [107]. Это означает, что ремесленники балтских племен использовали технику применения эмали для украшения бронзовых изделий. Вероятнее всего, что из римских провинций пришли и такие технические навыки, как покрытие бронзы серебром, украшение бронзовых изделий глазками синего стекла.

Надо отметить, что в большинстве случаев предметы, изготовленные под влиянием римских изделий, распространены в тех же районах, где и сами изделия римского импорта.

Тот факт, что римские изделия копировались, говорит не только о влиянии римской культуры, но также и о высоком уровне ремесла местных древнебалтских племен: местные ремесленники пользовались импортными образцами для изготовления своих изделий, творчески их перерабатывая, приспосабливая к местному вкусу.

Торговые пути

Анализ римских металлических предметов показывает, что они попали в Литву в основном из дунайских провинций — Паннонии и Норикума, так же как и основная масса римских монет. Можно проследить связи и с рейнскими провинциями и с провинциями Северного Причерноморья. Необходимо коротко упомянуть и об основных торговых путях, по которым римские изделия попадали на территорию Литвы.

Основную роль в торговле римлян с балтскими племенами играл так называемый «янтарный» путь. Этот путь вел из римских дунайских провинций через Клодзкий переход по кратчайшей линии к Балтийскому морю до Самбии [108]. Из Самбии «янтарный» путь, вероятно, проходил по побережью Балтийского моря до западных районов Литвы. Это подтверждают археологические находки. «Янтарный» путь имел несколько ответвлений, использовавшихся в разное время. Этим путем в Литву попала основная масса римских монет, крыльчатые и сильно профилированные фибулы, часть украшений с эмалью.

---

[100] H. Moora, Die Eisenzeit..., II, стр. 79, рис. 18, *2*, *3*.

[101] P. Kulikauskas и др. Lietuvos archeologijos..., рис. 144.

[102] H. Moora. Die Eisenzeit..., II, стр. 79.

[103] Фибулы данного типа были широко распространены в провинциях Северного Причерноморья, где они известны уже в I в. K. Majewski. Importy rzymskie w Polsce, стр. 30.

[104] W. Gaerte. Ук. соч., стр. 220.

[105] «Latviešu kultūra senatnē», табл. XI, *4*.

[106] P. Kulikauskas и др. Lietuvos archeologijos..., стр. 223.

[107] На территории Литовской ССР известно довольно много подобных изделий. Их считают продукцией местных ремесленников. P. Kulikauskas. Emaliuotieji dirbiniai Lietuvoje, стр. 56—58.

[108] K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach..., стр. 21—24.

Кроме этой сухопутной трассы существовал морской путь [109]. Исходным пунктом был город Фектио (современный Вехтен у Утрехта, Голландия), откуда римские корабли шли в путешествие вокруг Ютландского полуострова до устьев таких больших рек, как Висла, Одер, возможно Неман и Даугава. Этим путем поддерживались связи с римскими рейнскими провинциями, откуда в Литву попала часть украшений с эмалью. Важны были и восточные пути — трассы рек Прута, Днестра, Днепра, Южного Буга [110], через которые поддерживались связи с римскими провинциями Северного Причерноморья. Вероятно, оттуда на территорию Литвы попали поздние римские монеты, часть бус из стекла и эмали, предметы культа.

Скорее всего, большинство римских изделий попало в Литву через тогдашние основные торговые центры в Прибалтике — Привисленские земли и Самбию. Однако не исключена возможность, что некоторые римские купцы достигали и самой территории Литвы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Каталог римских металлических предметов *, обнаруженных на территории Литовской ССР

1. Адакавас. Скаудвильский р-н. В начале XIX в. во время исследования курганов обнаружен фрагмент римской бронзовой крыльчатой фибулы (рис. 1, *2*) и сильно профилированная бронзовая фибула (рис. 1, *1*). Более подробные обстоятельства находки неизвестны. Длина фрагмента крыльчатой фибулы 8,7 *см*, ширина головки 3,5 *см*. Фибулы вместе с другими находками из курганов в 1840 г. Хлевинский подарил Елгавскому музею, где они и находились до второй мировой войны. Дальнейшая их судьба неизвестна.

J. R. Aspelin. Ук. соч., рис. 1890 и 1888; J. Puzinas. Die Flügelfibeln..., стр. 191—192, рис. 1, *1*; P. Kulikauskas и др. Lietuvos archeologijos..., стр. 219, 225.

2. Аукштакиемис Плуцяй. Клайпедский р-н. В конце XIX в. во время исследования могильника в районе погребений III—IV вв. случайно обнаружена эмалированная круглая бронзовая пластинка. Диаметр пластинки 4,6 *см*. Ее края загнуты вниз. Пластинка украшена рядом концентрических углублений, заполненных белой, голубой и красной эмалью, которые составляют рисунок шахматной доски. В пластинке просверлена дырочка для подвешивания. Предмет был в музее «Prussia» в Кенигсберге, во время второй мировой войны пропал.

M. Ebert. Ук. соч., стр. 81, № 3; H. J. Eggers. Ук. соч., № 603; O. Tischler. Eine Emailscheibe..., стр. 38—49.

3. Байоришкяй, Паневежский р-н. В начале XX в. в раскопанных курганах обнаружены две бронзовые крыльчатые фибулы. Обе они обнаружены вместе с шейной гривной с отогнутыми во внешнюю сторону концами, двумя пластинчатыми височными кольцами, двумя наконечниками копий и втульчатым топором. Длина фибул 18 *см*. До второй мировой войны они были в археологическом музее Вильнюсского университета, во время войны пропали.

H. J. Eggers. Ук. соч., № 2238; M. Makarenko. Ук. соч., стр. 104—107; J. Puzinas, Die Flügelfibeln..., стр. 191—192.

4. Вершвай, г. Каунас. В 1939 г. во время исследования могильника в парном погребении мужчины и женщины (№ 304(197)) обнаружен бронзовый кувшин, положенный у головы женщины, вместе с другим обильным погребальным инвентарем. Высота кувшина 15,1 *см*. Диаметр его в наиболее широком месте 10,2 *см*, в наиболее узком месте горлышка — 5 *см*. В свое время кувшин имел ручку, от которой осталась нижняя часть в форме вырезанного листа. На дне — четыре выточенных концентрических круга. Диаметр дна 5,4 *см*. Кувшин хранится в КГИМ.

H. J. Eggers. Ук. соч., № 2249; P. Kulikauskas и др. Lietuvos archeologijos..., стр. 174, рис. 176; J. Puzinas. Dvigubas IV amž. kapas..., стр. 41—42.

5. Курмайчяй, Кретингский р-н. В 1940 г. во время исследования могильника в погр. № 7 обнаружены фрагменты бронзового сосудика вместе с бронзовым ленточным браслетом, двумя бронзовыми спиралевидными кольцами, железной иглой,

---

[109] W. Gaerte. Ук. соч., стр. 207; K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach..., стр. 24.

[110] K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach..., стр. 25—26.

* Места находок на карте (рис. 4) обозначены под тем же номером, что и в тексте.

медной римской монетой, двумя круглыми тутулиобразными булавками и другими предметами. Сосуд был орнаментирован рядами точек. Находка хранится в КГИМ, инв. № 1522 : 65.

P. Kulikauskas. Kurmaičių..., стр. 317, рис. 2.

6. Куршяй, Кельмеский р-н. В начале XX в. обнаружена серебряная, сильно профилированная фибула. Точные обстоятельства находки неизвестны. Спираль фибулы прикрыта щитком. Длина фибулы 4,9 *см*, ширина спирали 2,6 *см*. Фибула хранится в КГИМ, инв. № 656 : 1.

P. Kulikauskas. Iš metalų panaudojimo..., стр. 16; его же. Lietuvos archeologijos..., стр. 219—220; «Latvijas saule», № 21/22, 1924, стр. 225; L. Nakaité. Ук. соч, стр. 62, рис. 6.

7. Нямунелио Радвилишкис, Биржайский р-н. В конце XIX в. обнаружены две пластинчатые фибулы с эмалью. Более подробные обстоятельства находки неизвестны. Одна из фибул (рис. 3, *1*) представляет собой четырехугольную пластинку, концы которой украшены четырьмя заполненными эмалью кружками. С двух сторон четырехугольника фибулы находятся стилизованные головки животных. Плоскость фибулы разделена четырьмя заполненными эмалью треугольниками, в середине которых — заполненный эмалью ромб. Вторая фибула (рис. 3, *2*) представляет собой ажурный круг, средняя часть которого выломана. Края фибулы украшены узкими и широкими чередующимися между собой четырехугольниками с эмалью. Вокруг наружного края фибулы — четыре покрытых эмалью и четыре ажурных кружка. Фибулы до второй мировой войны были в Краковском музее, дальнейшая судьба их неизвестна.

J. R. Aspelin. Ук. соч., рис. 1883 и 1884; H. J. Eggers. Ук. соч., № 2240; V. Ginters. Ук. соч., стр. 56, рис. 5, *2*; 3, *6* и др.

8. Норуйшяй, Кельмеский р-н. В 1927 г. в разрушенных курганах обнаружена круглая серебряная пластинчатая фибула. В середине фибулы — орнаментированная золотая пластинка, диаметр которой 4 *см*. С обратной стороны фибулы находится спираль. Диаметр фибулы 5,5 *см*. Находка хранится в КГИМ, инв. № 644 : 4.

Lietuvių liaudies menas. Senovės lietuvių papuošalai. Vilnius, 1958, рис. 169—170; P. Kulikauskas и др. Lietuvos archeologijos..., стр. 225—226; Ūkininkas, № 11, 1927, III.13.

9. Пакальнишкяй, Паневежский р-н. В 1897 г. во время исследования курганов, в женском погребении (кург. № 11) обнаружена бронзовая украшенная эмалью фибула шарнирной конструкции (рис. 3, *4*). Вместе с фибулой найдены пластинчатые височные кольца, бронзовые крестовидные подвески, два массивных глазчатых браслета и другие находки. Фибула имеет трапециевидный лучек и ножку. Лучек фибулы украшен шестью треугольниками с эмалью, ножка имеет три аналогичных треугольника. Цвет эмали в треугольниках — красный и голубой. Длина фибулы 4,5 *см*. До второй мировой войны она находилась в Варшавском музее, дальнейшая судьба неизвестна.

H. J. Eggers. Ук. соч., № 2241; V. Ginters. Ук. соч., стр. 54, рис. 3, *4*, 4, *3*; P. Kulikauskas и др. Lietuvos archeologijos..., стр. 226; E. Majewski. Ук. соч., стр. 93—96, рис. 41—42, табл. XIV; и др.

10. Памушис, Пакруойский р-н. В 1899 г. на берегу р. Муша обнаружена бронзовая посеребренная фибула с эмалью шарнирной конструкции (рис. 3, *3*). В той же местности были найдены две бронзовые фибулы спиральной конструкции с треугольной ножкой и четыре бронзовых браслета. Обнаружены все эти вещи вместе. Местонахождение их в настоящее время неизвестно.

Головка фибулы с эмалью — это небольшая четырехугольная пластинка. Ее лучек имеет треугольную форму, ножка — трапециевидную. Плоскость лучка фибулы и ножка украшены треугольниками с красной и зеленой эмалью. До второй мировой войны фибула была в Елгавском музее, сейчас находится в Вильнюсском историко-этнографическом музее.

H. J. Eggers. Ук. соч., № 2242; V. Ginters. Ук. соч., стр. 52—53, рис. 3, *2*; P. Kulikauskas и др. Lietuvos archeologijos..., стр. 226; и др.

11. Пашакарняй, Кельмескпй р-н. В начале XX в. обнаружена бронзовая крыльчатая фибула* (рис. 2). Обстоятельства находки неизвестны. Длина фибулы 14,3 *см*, ширина спирали 3 *см*. Игла для прикрепления переломана. Орнаментированная пластинка прикрывает спираль. Фибула хранится в ИЭМ, инв. № 3939.

Не опубликована, упоминается в P. Kulikauskas и др. Lietuvos archeologijos..., стр. 225.

12. Плешкучяй, Клайпедский р-н. В 1891 г. из разрушенного могильника в музей «Prussia» в Кенигсберге попала круглая посеребренная бронзовая пластинка с отростком, украшенная кругом с красной эмалью. Более подробного описания не сохранилось, сама находка пропала во время второй мировой войны.

«Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia», 17, Königsberg, 1892, стр. 221.

13. Сандраусишке, Кельмеский р-н. В 1939 г. во время исследования курганов в погр. № 2 (курган II) обнаружена бронзовая крыльчатая фибула вместе с глаз-

* В работе P.-Kuliskauskas и др. Lietuvos archeologijos..., эта фибула неправильно указывается как найденная в Шакарняй (Пасвалийский р-н).

чатой фибулой и витой шейной гривной с петельчатыми концами. Длина фибулы 15,3 *см*, ширина спирали 3,7 *см*. Игла для прикрепления переломана. Фибула хранится в КГИМ, инв. № 1588 : 10.

H. J. Eggers. Ук. соч. № 2242; P. Kulikauskas, Kurmaičių..., стр. 354; P. Kulikauskas и др. Lietuvos archeologijos..., стр. 225, рис. 150, *1*, J. Puzinas, Die Flügelfibeln..., стр. 192—193, рис. 1, *2*.

14. Саргенай, Каунасский р-н.

а) В 1939 г., во время исследования могильника, в мужском погребении с трупоположением № 92 (233) обнаружена бронзовая крыльчатая фибула вместе с железным втульчатым топором. Длина фибулы 15,5 *см*, ширина спирали 3,4 *см*. Фибула хранится в КГИМ, инв. № 1616 : 225.

H. J. Eggers. Ук. соч., № 2245; P. Kulikauskas и др. Lietuvos archeologijos..., стр. 225, рис. 150, *4*; J. Puzinas. Die Flügelfibeln..., стр. 193, рис. 1, *3*.

б) Во время исследования 1939 г., в мужском погребении с трупоположением № 98 (225) обнаружена бронзовая крыльчатая фибула вместе с браслетом, имеющим шарообразные утолщения на концах, железной булавкой и железным втульчатым топором. Длина фибулы 13,8 *см*, ширина спирали 3,4 *см*. Фибула хранится в КГИМ. инв. № 1616 : 220.

P. Kulikauskas и др. Lietuvos archeologijos..., стр. 225, рис. 150, *2*.

в) Во время раскопок 1941 г. в мужском погребении с трупоположением № 352(48) обнаружена украшенная ажурным орнаментом бронзовая крыльчатая фибула. Она найдена вместе с глазчатой фибулой, глазчатым браслетом и железным втульчатым топором. Длина фибулы 16,5 *см*, ширина спирали 3,6 *см*. Фибула хранится в КГИМ. инв. № 1616 : 226.

H. J. Eggers. Ук. соч., № 2244; P. Kulikauskas и др. Lietuvos archeologijos..., стр. 225, рис. 150, *3*; J. Puzinas. Die Flügelfibeln..., стр. 193, рис. 1, *4*.

15. Шилуте (?). В музее «Prussia» в Кенитсберге была бронзовая фибула «позднелатенского» типа, обнаруженная где-то в окрестностях г. Шилуте (бывш. Heydekrug). Точные обстоятельства находки неизвестны. Фибула пропала во время второй мировой войны.

M. Ebert. Ук. соч., стр. 81, № 5; H. J. Eggers, Ук. соч., № 570.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

ИЗ ИТОГОВ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ РАСКОПОК ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

Археологические исследования городища древнего Пенджикента дали за последние годы много важных материалов, освещающих по-новому отдельные стороны культуры населения Средней Азии накануне арабского завоевания, в тот период ее истории, когда происходило становление феодальных отношений (VII—VIII вв.). Значение новых материалов определяется и тем, что они дают возможность по-новому решать некоторые общие вопросы истории этого времени. В настоящей статье рассматривается один из таких вопросов, а именно проблема структуры раннефеодального города Средней Азии, в частности его топография и социально-экономический состав населения.

Как известно, на городище древнего Пенджикента систематические археологические исследования начались в 1946 г. Само собой разумеется, что и раньше в опубликованных отчетах, и тем более в обобщающих работах, указанным вопросам уделялось должное внимание. В частности, структуре раннесредневекового города Средней Азии была посвящена статья В. Л. Ворониной, в которой широко использованы материалы, полученные при раскопках городища древнего Пенджикента [1]. В последние годы общий объем работ на городище значительно увеличился. Благодаря механизации наиболее трудоемких работ по удалению грунта завалов с мест раскопок оказалось возможным, в отличие от прежних лет, вести работы более ускоренными темпами и, в частности, достаточно широким фронтом приступить к вскрытию городской уличной сети. В настоящее время на основном участке раскопок — восточной части городища — вскрыты крупные отрезки трех улиц с прилегающими к ним строительными массивами и намечена линия четвертой улицы. Именно раскопка улиц позволяет сейчас совершенно по-новому ставить вопрос о характере внутригородской топографии древнего города. Насколько известно, в археологии Средней Азии до сих пор специальные раскопки уличной сети древних городов не производились. Основными ориентирами для суждения об их направлении служило местоположение ворот, которое в отдельных случаях достаточно хорошо определялось по соответствующим впадинам в крепостных стенах. От места ворот проводились обычно прямые линии улиц. В некоторых случаях улицы определялись по рельефу поверхности городища. На планах улицы если и намечались, то в виде прямых пунктирных линий, идущих от одних ворот к другим. Однако в практике археологических работ в Средней Азии не было случая проверки такого представления непосредственно раскопками. Сейчас, после вскрытия первых достаточно крупных отрезков улиц на городище

[1] В. Л. Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии. СА, 1959, 1, стр. 84 сл. На эту же тему ею защищена в 1961 г. докторская диссертация «Проблемы раннесредневекового города Средней Азии». Автореф. М., 1961.

древнего Пенджикента с полной очевидностью выясняется, что уличная сеть города (шахристана) была значительно более сложной, чем это можно было предположить по рельефу городища, и, во всяком случае, целиком не определялась местоположением ворот крепостной стены (см. ниже).

Однако основное значение раскопок улиц оказалось в другом, а именно в установлении характера прилегающих к ним застроек.

В результате исследований всех предыдущих лет, до начала вскрытия улиц, сложилось убеждение, что восточная часть городища была в основном занята постройками знати, военно-феодальной верхушки (дехкан) или имущественно близких к ним слоев купечества и жречества. Для такого представления имеется достаточно оснований, если учитывать тот факт, что именно здесь были обнаружены наиболее монументальные здания с многочисленными парадными помещениями, богато украшенными прекрасными стенными росписями и резной деревянной скульптурой. Производившиеся раскопки в других частях городища до последнего времени аналогичных парадных построек не обнаружили [2]. Естественно, что и социальный облик жителей других районов города представлялся иным. В частности, именно за пределами восточного района городища предполагалось наличие ремесленного населения. То новое и в определенной мере неожиданное, что обнаружили раскопки улиц и прилегающих к ним застроек, заключается в том, что в этой части городища на улицы выходило множество разной величины построек, торгово-ремесленное назначение которых не вызывает никаких сомнений. Иначе говоря, шахристан, притом аристократическая его часть, оказывается одновременно и центром торгово-ремесленной деятельности.

Нами были раскопаны отрезки четырех улиц разной длины (рис. 1).

Улица 1. Так обозначена, как можно полагать, главная улица восточной части шахристана. Ее ширина в среднем 5 *м*. Она тянется прямой линией с севера на юг. Прослеженная на протяжении около 90—100 *м*, улица эта отделяет строительные массивы — объекты III, XX, VII и XVI, расположенные к западу от улицы, от объектов XIII и VI, тянущихся вдоль ее восточной стороны (рис. 1).

Улица 2. Ограничивая с юга раскопанные объекты XVI и VII, она вливается под прямым углом в улицу 1. Приблизительно такой же ширины, как и последняя, она прослежена на протяжении 85 *м*. Эта улица также отличается сравнительной прямолинейностью своего направления. Вдоль северной стороны улицы расположены наружная глухая стена объекта VII и южный фасад объекта XVI. Застройка с южной стороны улицы прослежена лишь частично (объект XVII) (рис. 1).

Улица 3 пролегает с севера на юг параллельно улице 1. К востоку от нее расположены объекты III и VII, а к западу — объекты XV и XVI. Вливается в улицу 2. Она уже первых двух улиц, имея в ширину около 3 *м*. Прослежена на протяжении 80 *м* (рис. 1).

Улица 4. Намечается вдоль западного фасада объектов XVI и XV. Как можно полагать, направляется в сторону главных городских ворот. Ширина не установлена. Прослежена на протяжении около 80 *м*.

Рассмотрим ближе застройку вдоль раскопанных улиц. На раскопанном отрезке улицы 1, начиная с северного его конца, на ее западной стороне, расположено семь помещений с проходами на улицу (рис. 2). Самое северное (помещение 14) — узкий, крытый коридорчик (ширина 80 *см*), ведущий в находящиеся западнее два жилых помещения. Следующее — помещение 13 — небольшая комната (4 × 2 *м*) с единственным выходом на улицу. В западной стене прорублено небольшое окошко, южнее этого помещения — обычная для пенджикентской застройки жилая комната со сводчатым перекрытием. Расположенное вслед за нею

[2] МИА, 37, 1953, стр. 117 сл., а также сб.: «Археологические работы в Таджикистане», VI (1958), Душанбе, 1961, стр. 82 сл.

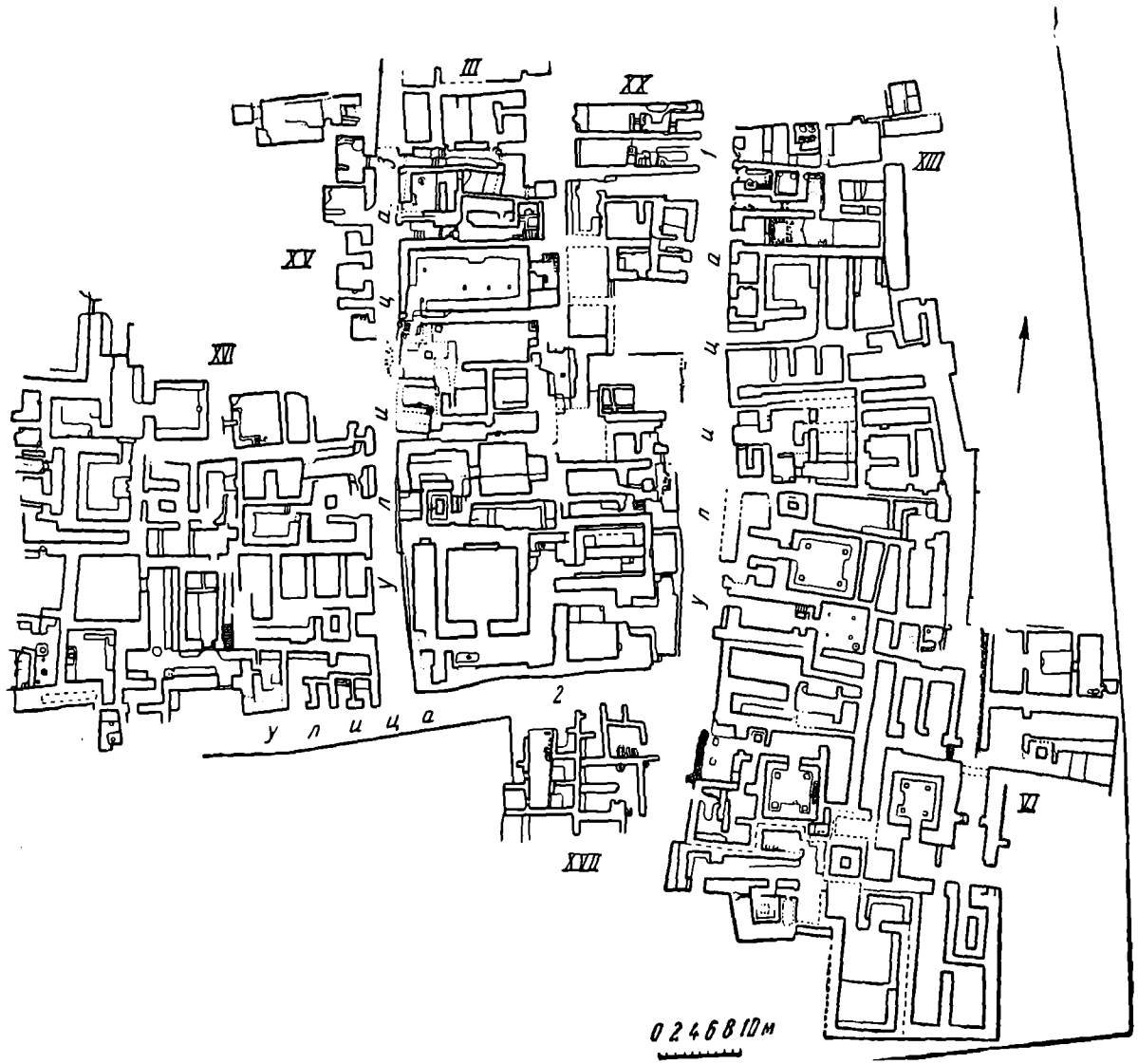


Рис. 1. Пенджикент. Общий план улиц и застройки восточной части шахристана

помещение 4, длиной около 12 при ширине 4 *м*, раскопано не полностью. Южнее помещения 4 находится помещение 6 (5,5 × 3,5 *м*). В последний период своего функционирования оно имело один выход на улицу. Дверной проем в западной стенке был заложен. Помещение это делится тонкой стенкой на два отсека. В первом отсеке у самого входа вдоль южной стены — невысокая площадка с остатками очагов. Во втором отсеке имеется суфа, занимающая более $^2/_3$ площади этой части помещения. Заканчивается этот участок объекта помещением 7 (3,0 × 2,0 *м*). Далее следует коридор, служивший проходом на улицу для двух изолированных

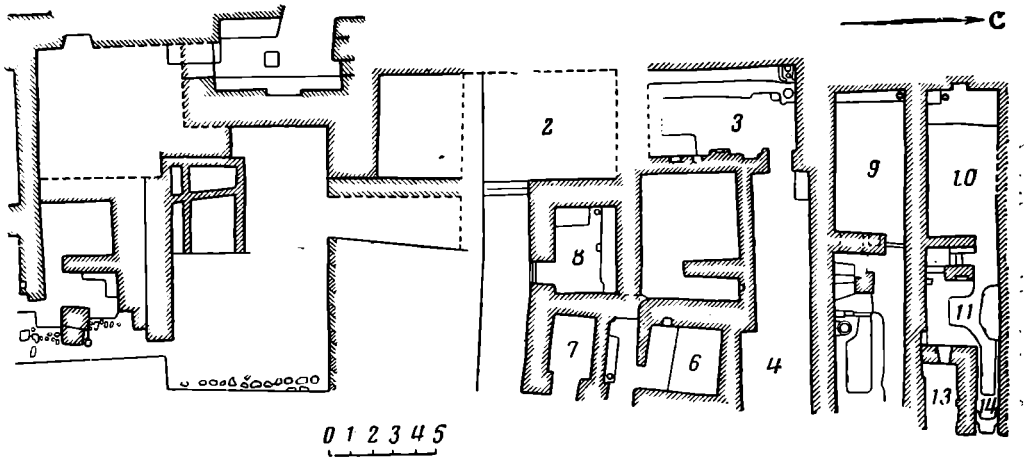


Рис. 2. Пенджикент. План объекта XX

помещений 2 и 8. Первое сравнительно большое (6 × 4,5 *м*) не сохранило каких-либо следов внутренней планировки. Что касается помещения 8, то для него характерно наличие двух высоких узких глинобитных «скамей» (высота 1 при ширине 0,5 *м*), одна из этих скамей сооружена вдоль всей северной стены, а вторая примыкает к южной половине западной. Южнее коридора улица расширяется, образуя небольшую площадь. В юго-западной части площади были раскопаны остатки небольшого помещения, очевидно, конюшни с глинобитными кормушками. Дальше на юг на эту улицу выходит главный фасад жилого массива — объекта VII.

Перейдем на противоположную сторону улицы. Здесь в северной части на протяжении 35 *м* застройка (объект XIII) характеризуется также тем, что все расположенные вдоль улицы помещения выходят на улицу (рис. 3 и 4). Всего таких помещений здесь 11. Два узких коридора служат для связи с улицей помещений, лежащих в глубине массива. Остальные небольшие помещения связаны с улицей проходами непосредственно.

Самое северное помещение 43 представляет собой небольшую комнатку (2,5 × 2 *м*) с двумя дверными проемами в сторону улицы. Кроме того, дверной проем был пробит и в восточной стене, но впоследствии заложен.

Очень интересным является следующее помещение 37. Оно также небольшое (4,2 × 2 *м*), с единственным выходом на улицу. Слева от входа у южной стены небольшая платформа с вкопанными двумя сосудами. От этой платформы отведена канавка, идущая коленообразно вдоль южной и восточной стены, облицованная и замощенная обожженными плитками (рис. 5). Вслед за этим помещением узкий коридор связывает с улицей расположенные справа и слева от него помещения. Из последних большой интерес представляет помещение 30. Оно имеет в длину более 15 *м* при ширине 3,8 *м*. В западной части на протяжении 4,5 *м* это помещение выложено жженными плитками. В вымостке оставлены различные

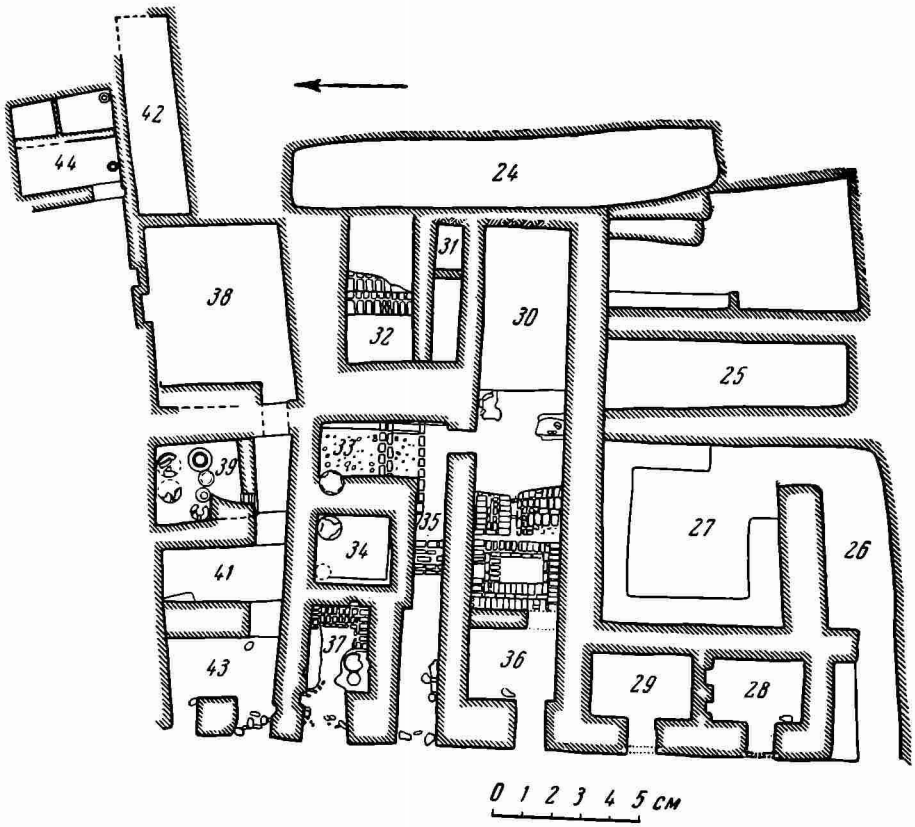


Рис. 3. Пенджикент. План северного участка объекта XIII

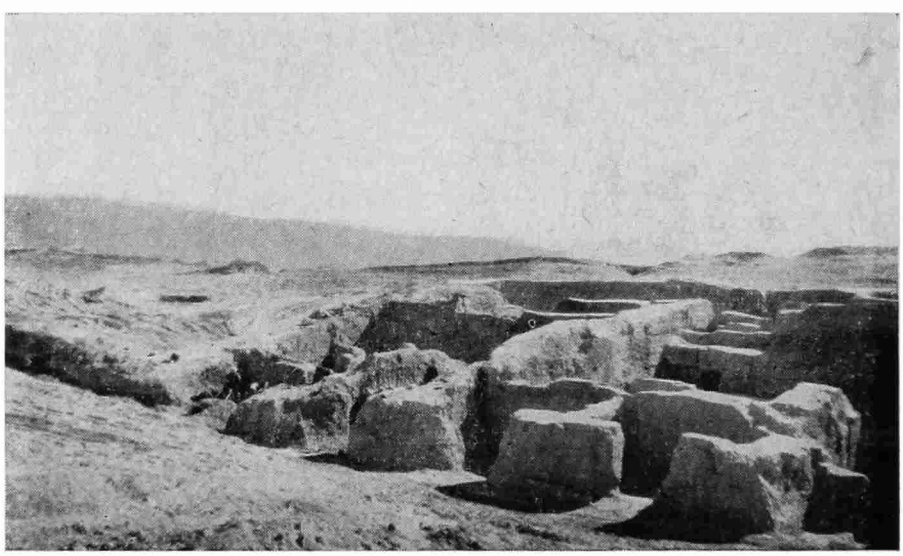


Рис. 4. Пенджикент. Северный участок объекта XIII

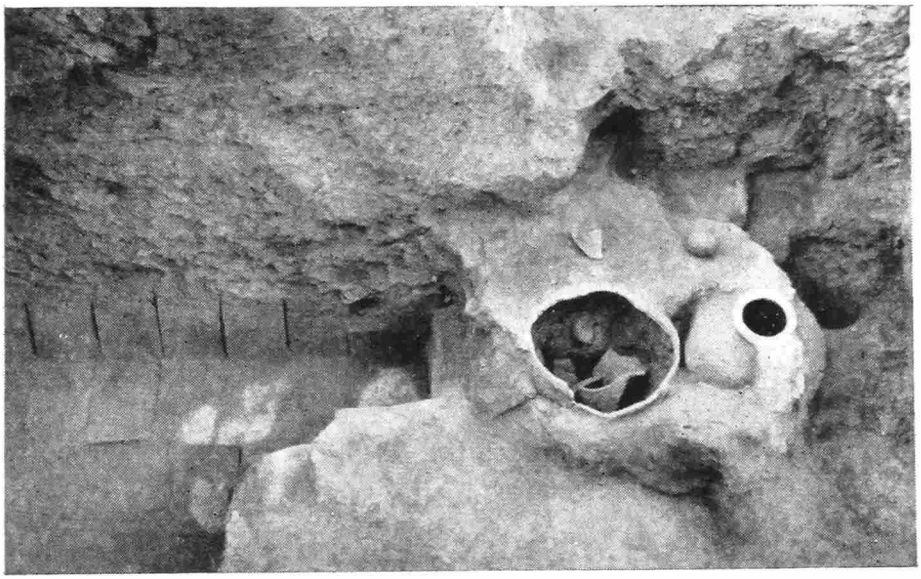


Рис. 5. Пенджикент. Объект XIII, пом. 37 (деталь)

прямолинейные незамощенные участки — следы какого-то, очевидно деревянного, сооружения, занимавшего помещение во всю его ширину. Об этом же свидетельствуют и обнаруженные у восточного края вымостки две ямки в середине и третья ближе к северной стене, пробитой, кстати, в одной из плиток. В эти ямки, очевидно, были вбиты столбики, связанные с указанным деревянным сооружением. Дальше к востоку земляной пол четко возвышается над уровнем замощенной части помещения. У южной стены открыты остатки очага. Для этой части помещения был пробит проход в упомянутый коридор. Что касается замощенной части помещения, то она соединялась проходом с небольшим помещением 34, имевшим выход на улицу. Южнее помещения 34 расположены рядом два изолированных помещения (28 и 29), каждое с самостоятельными выходами на улицу. Следующее помещение (26) служило коридором, уходящим в квадратный зал (помещение 27).

Южнее, отступя на 6 *м* от линии улицы, расположены три параллельных помещения с выходами на юг, где находился общий для них узкий коридорчик. Участок между этими помещениями и улицей, очевидно, имел перекрытие. Дальше на юг тянутся или глухие стены, или айваны фасадов жилых комплексов объектов XIII и VI.

Позволю себе попытаться определить назначение перечисленных выше помещений. Особо обратили на себя внимание изолированные помещения с единственным выходом на улицу. Ранее встречавшиеся такие помещения признавались обычно «служебными», входящими в состав жилых комплексов. Однако по мере расширения раскопок вдоль улиц стало очевидно, что такое объяснение их назначения неверно. Открытие в 1962 г. помещений 36 и 34 объекта XIII с их специфической планировкой подсказало решение вопроса. Помещения эти, несомненно, являлись ремесленными мастерскими. Очевидно, что и остальные аналогичные помещения являлись или мастерскими или же лавками торговцев. Дальнейшие раскопки других улиц полностью подтвердили это предположение.

Как указывалось, улица 2 вливается в первую. Восточный конец улицы с севера ограничен на протяжении 35 *м* глухой стеной южного фасада объекта VII. Иная картина представилась после раскопок на южной стороне этой улицы. Здесь у слияния двух улиц участок длиной 20 *м*

оказался целиком занятым небольшими помещениями того же типа, как и вдоль первой улицы. Всего на нем насчитывается 13 отдельных помещений (рис. 6). Не перечисляя каждое в отдельности, отмечу наиболее характерные. Это прежде всего помещение 13. Оно расположено на углу обеих улиц с выходом на первую улицу. У южной стены — хорошо сохра-

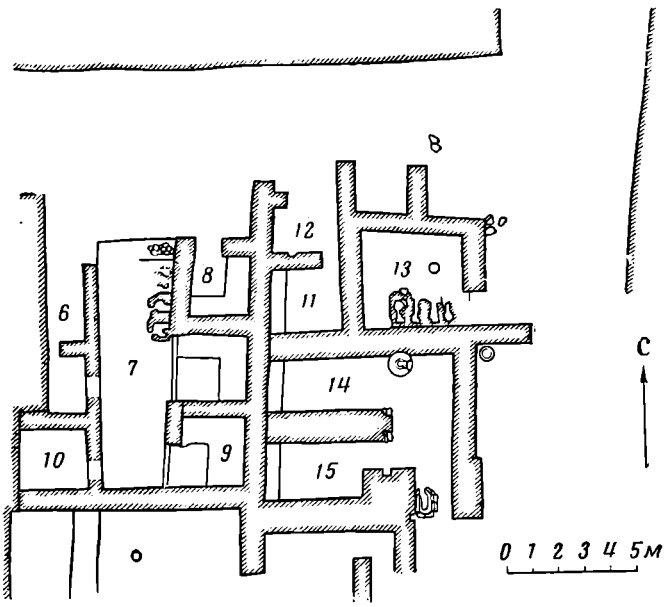


Рис. 6. Пенджикент. План объекта XVII

нившееся очажное устройство с тремя устьями и, что особенно интересно, углубление в центре пола с ошлакованными до стекловидного состояния стенками. В этом помещении, несомненно, находилась мастерская, в которой изготовлялись металлические изделия. Остатки таких же очагов, как в помещении 13, были обнаружены и в помещении 7. Это помещение служило одновременно общим проходом на улицу для четырех помещений, расположенных по обе стороны от него, будучи, очевидно, крытым «пассажем».

Постройки этого участка отличаются от обычных жилых построек своими небольшими размерами, значительно меньшей толщиной стен, отсутствием следов вторых этажей. Из 13 отдельных помещений лишь в одном или двух случаях два смежных помещения связаны друг с другом дверным проемом. Остальные изолированы друг от друга, имея самостоятельные выходы на улицу или в упомянутый «пассаж». Очевидно, что перед нами небольшой базарчик.

Западнее базарчика и объекта VII на улицу 2 своим южным фасадом выходит объект XVI (рис. 7). Центральная часть фасада занята идущим вдоль него коридорообразным вестибюлем, связанным с жилыми помещениями этого объекта. Но по краям фасада снова знакомая картина. К восточному краю фасадной глухой стены объекта примыкают пять небольших помещений, из которых три изолированные с самостоятельными выходами на улицу. Два других помещения соединяются дверным проемом. Они расположены позади указанных трех помещений и имеют один выход на улицу.

Особо большой интерес представляет группа помещений, расположенная у юго-западного угла объекта XVI. По вполне удовлетворительно сохранившимся остаткам оборудования можно считать их с полной уверенностью мастерскими по обработке железа. Всего здесь раскопаны три

мастерские. Во всех сохранились сравнительно мало поврежденные горны. Это кубовидные кирпичные платформы с вставленными в них хумами венчиками вниз, днища хумов срезаны. У основания платформ и в хумах пробиты специальные отверстия — поддувала. Для этого типа мастерских характерно также наличие различных по устройству очагов.

Рис. 7. Пенджикент. План объекта XVI

На полу и в стенах мастерских имеются углубления различных очертаний — следы от разнообразных деревянных приспособлений (рис. 8 и 9). Одна из мастерских (29) состоит из двух помещений — одного закрытого и второго в виде айвана. И в том и в другом имеется по горну. В горнах, так же как и в завале и на полах помещений, найдено большое число кусков кричного железа. Эта мастерская находится на южном конце западного фасада объекта (XVI) с выходом на улицу 4.

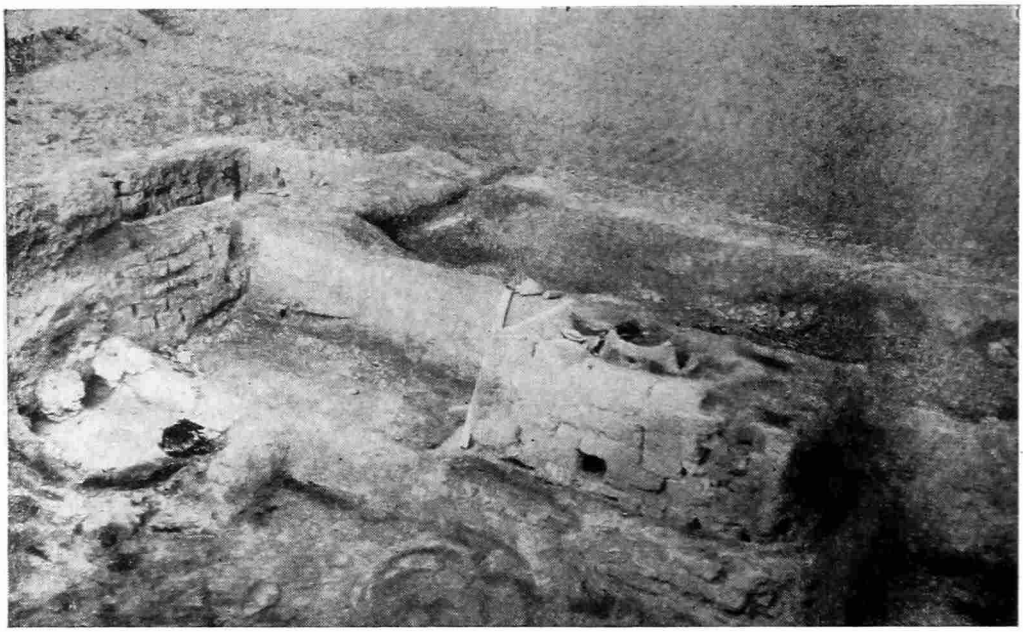


Рис. 8. Пенджикент. Объект XVI, пом. 29. Мастерская

Как отмечено выше, эта улица только намечается. Выходящие на нее постройки, прилегающие к западному фасаду объекта, полностью не раскопаны. Однако установлено, что и у северного конца фасада к глухим наружным стенам жилых комнат пристроены небольшие по площади помещения с выходами на улицу (рис. 10). В них прослеживаются остатки различных устройств, свидетельствующих о том, что и они имели производственное назначение.

Нам остается пройтись по третьей улице. Она несколько у́же первых двух. Но и здесь мы обнаруживаем ряд изолированных помещений с выходами на улицу, которые следует признать или мастерскими, или же лавками. Такие два помещения, прилегающие к восточному фасаду объекта XVI, расположены у южного края улицы (помещения 7, 13). Пять помещений находятся у восточного фасада объекта XV.

Мы не можем здесь перечислить сделанные во всех этих помещениях вещественные находки. Отметим лишь, что они не противоречат общей атрибуции этих помещений. Необходимо подчеркнуть также, что для всех этих помещений наиболее характерными являются находки относительно большого числа монет. А в мастерской 39 (объект XVI), помимо отдельных монетных находок, было найдено и два клада бронзовых монет общим числом в 130 единиц.

Таким образом, если верна атрибуция перечисленных выше построек, расположенных вдоль улиц, то всего на раскопанных участках четырех улиц насчитывалось более 40 мастерских или лавок или тех и других одновременно. К ним надо прибавить открытые еще до начала раскопок улиц на объекте III две мастерские, в которых производилась обработка металла. Не исключена вероятность того, что некоторые помещения этого же объекта, признанные «хозяйственными», в действительности служили некогда мастерскими или лавками.

Общее значение раскопок улиц и вскрываемые благодаря им картины застройки восточной части шахристана древнего Пенджикента трудно преувеличить. Вся топография города начинает вырисовываться перед нами в совершенно ином свете, по сравнению с тем, как она представля-

лась исследователям до настоящего времени. Здесь будет уместным дать хотя бы в самом кратком изложении обзор существующих в литературе по этому поводу взглядов.

Рис. 9. Пенджикент. Объект XVI, пом. 39. Мастерская

Как и многие другие вопросы истории Средней Азии, проблема топографии средневекового города была поставлена уже в работах В. В. Бартольда. Основываясь на письменных источниках, он впервые установил общий характер членения города в средние века — на цитадель (кухендиз), внутренний город (шахристан) и пригородные посады (рабад), членение, которое сохраняет и до сих пор свое научное значение. Им также было верно установлено, что первые две части города, т. е. цитадель и шахристан, сформировались в домусульманское время, в то время как рабад окончательно сложился позже [3]. Об этих широко вошедших в научный обиход положениях приходится напоминать еще раз в связи с тем, что в последнее время была сделана, как нам кажется, едва ли обоснованная попытка пересмотреть этот вопрос. Так, в названной выше статье В. Л. Ворониной мы читаем: «Открытия современной археологии дают повод оспаривать универсальность этой схемы» [4]. Прежде всего надо отметить, что сам В. В. Бартольд нигде не утверждает «универсальность» такой схемы. Речь у него идет о ряде крупных городов Средней Азии, которые попали в поле зрения использованных им источников.

Для этих городов закономерность предложенной В. В. Бартольдом схемы едва ли может быть оспорена. Однако основное возражение вызывает в работе В. Л. Ворониной ее собственная теория о путях сложения среднеазиатского города и та аргументация, которая ею приводится. В. Л. Воронина насчитывает восемь путей «формирования феодального города» [5]. Но уже при самом поверхностном знакомстве с приводимыми ею фактическими материалами обращают на себя внимание весьма существенные методические неувязки в ее построении. Объявив, что «основную тему статьи составляют города VII—VIII века» [6], автор статьи оперирует материалами самого различного времени, от II до XVII в., при этом полностью обходя молчанием влияние смены исторической обстановки, происшедшей за этот длительный период. Отметим, в частности, отсутствие указаний на такие факторы, как арабские и монгольские завоевания, образование крупных государственных объединений на территории Средней Азии (государство Саманидов, государство Тимура). Привлекаемые ею памятники по степени их археологического изучения чрезвычайно разнородны, и их сопоставление без всяких оговорок не может быть признано закономерным. Автор в большинстве случаев опирается на попутные соображения исследователей этих памятников, сделанные на основании первых разведывательных работ.

---

[3] В. В. Бартольд. К истории Мерва, ЗВО, РАО, XIX, СПб., 1910, стр. 116 сл.
[4] В. Л. Воронина. Раннесредневековый город..., стр. 87.
[5] Там же, стр. 87.
[6] Там же, стр. 85.

Рис. 10. Пенджикент. Объект XVI. Западный фасад (на переднем плане пом. 39)

Наконец, нельзя не отметить, что археологически в настоящее время наиболее полно изученный памятник VII—VIII вв.— древний Пенджикент, о топографии которого, кстати, В. В. Бартольду ничего не было известно, и где указанное членение города особо четко выражено, как раз может служить лучшим подтверждением правильности его схемы. Возражения В. Л. Ворониной тем более вызывают недоумение, что именно наблюдения над топографией древнего Пенджикента послужили едва ли не основным материалом для ее исследования.

Таким образом, попытку оспаривать определенную закономерность в сложении раннефеодального города, намеченную В. В. Бартольдом, нельзя признать удавшейся, а предложенную взамен теорию о множестве путей образования города — достаточно убедительно подтвержденной.

Однако в данной работе нас интересует главным образом вопрос о характере внутренней застройки города. По этому поводу в советской литературе преобладающей является точка зрения, которая опиралась на данные письменных источников. Из числа последних наиболее важным для интересующего нас времени служило известное сочинение автора первой половины X в. Наршахи «История Бухары». На основании имеющихся у него сведений, застройка Бухары до мусульманского времени рисовалась как «усадебная». Вполне четко этот взгляд был сформулирован автором специальной монографии по истории среднеазиатского градостроительства В. А. Лавровым. Поставив вопрос,— «что же представляет собой раннесредневековый город шахристан?» — он пишет: «Обратимся к свидетельству Наршахи, автору X в., дающему довольно подробную картину раннесредневековой Бухары. По его словам, „...в Шахристане были кёшки (замки) и некоторые кварталы далеко отстояли друг от друга подобно селениям“». Отсюда можно заключить, что доарабская Бухара представляла собой группы укрепленных усадеб дехкан, окруженных общей оборонительной стеной». Дальше автор, развивая эту мысль, не замечая внутренней противоречивости своих слов, пишет: «Размещение этих усадеб мало разнилось от загородного расселения. Едва ли не главными отличиями являлись степень густоты расположения построек, ...наличие ремесла, регулярной торговли и, наконец, та политическая роль, которую играла эта укрепленная группа усадеб, объединенная городскими

стенами. Термин „город" и „деревня" в то время постоянно смешивались» [7].

В. А. Лавров ограничился лишь цитированием одного места из сочинения Наршахи. Более полно приводит заключенный у него материал О. А. Сухарева в очень интересном сочинении, изданном в 1958 г. Этнограф по специальности, она, помимо письменных материалов, собрала на месте исключительно важный материал по топографии Бухары, без учета которого сейчас невозможно будет судить об этом важнейшем в историко-археологическом отношении городе, так же как и вообще о других средневековых городах Средней Азии.

Очень важно прежде всего подчеркнуть, что О. А. Сухаревой полностью подтвержден высказанный еще В. В. Бартольдом взгляд на то, что «ко времени покорения (арабами.— *А. Б.*) весь город (шахр) состоял только из шахристана» [8]. Убедительно ею подтверждены размеры бухарского шахристана, ранее определенные В. А. Шишкиным, согласно которому площадь, занятая шахристаном, не превышала 30—35 *га* [9].

Безусловный интерес представляет также установление О. А. Сухаревой местонахождения древних городских ворот, что и дает возможность определить контуры крепостной стены и, тем самым, общие размеры города. Однако вместе с тем по поводу внутренней застройки города она целиком придерживается приведенной выше точки зрения об усадебном ее характере. В отличие от В. А. Лаврова, О. А. Сухарева привлекла, как отмечено, не только приведенное место Наршахи, но и ряд других указаний из его сочинения. Все это заставляет проанализировать свидетельства этого источника и выяснить, действительно ли так обстоит дело. Скажем сразу, что, по нашему убеждению, текст Наршахи в действительности для приведенного толкования не дает достаточного основания. О. А. Сухарева, указывая на сравнительно небольшую площадь шахристана, замечает, что и «эта незначительная территория далеко не вся была занята застройкой: некоторые кварталы (вероятно, окраинные) были отделены и удалены друг от друга подобно селениям» [10].

Как и В. А. Лавров, О. А. Сухарева считает, что и город и его кварталы не утратили своего сельского облика. Его жители занимались земледелием, а пашни находились на территории шахристана [11]. О. А. Сухарева видит подтверждение сказанному еще в следующих сообщениях Наршахи: так, она приводит его рассказ о некоем Ала, о котором говорится, что «он построил улицу (или квартал) и все это огороженное место обработал; каждый месяц с этого огороженного места он получал доходы 1200 динаров. В этом Шахристане он имел и другие доходные участки» [12]. Здесь О. А. Сухарева от себя добавляет, что «термин, которым обозначались эти участки („мустагаллат"), показывает, что и на них высевалось зерно». О. А. Сухарева указывает также и на сообщение о дехкане Хина, владельце якобы $^1/_4$ шахристана, предполагая при этом, что он таким же образом использовал свои земли, т. е. под пашни [13]. При всей внешней убедительности приводимых цитат, они при более внимательном отношении к источнику не только не подтверждают указанные выводы, но говорят обратное тому, что в них хотят видеть названные авторы.

Позволю себе сделать несколько замечаний по поводу самого сочинения. Оригинал книги Наршахи написан в 943 г. по-арабски, но затем

---

[7] В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 53.

[8] О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958, стр. 15.

[9] Там же, стр. 28.

[10] Там же.

[11] Там же, стр. 29.

[12] Там же.

[13] Там же.

в XII в. был в сокращенном виде переведен на персидский язык. Позже книга еще раз была сокращена в том же XII в. Таким образом, дошедшая до нас редакция отнюдь полностью и в деталях не отражает первоначальный текст. Кроме того, в дошедшем до нас тексте установлено наличие и более поздних интерполяций. К этому надо добавить, что когда речь идет о терминах, при переводе с одного языка на другой от средневековых переводчиков не всегда можно ожидать адекватных эквивалентов. Надо учитывать в отдельных случаях и разные значения одного и того же термина. Иначе говоря, текст этого несомненно важного источника, прежде чем сделать из него уверенные выводы, требует каждый раз критического анализа, что не сделано, к сожалению, исследователями, во всяком случае в отношении интересующего нас вопроса.

Рассмотрим по порядку приведенные выше цитаты из сочинения Наршахи. Отметим, что его слова о том, будто бы кварталы были удалены друг от друга, подобно селениям, вклиниваются в общий текст несколько неожиданно. Они с общим рассказом не связаны или, вернее, связаны очень отдаленно. Можно с достаточным основанием думать, что они находились в более развернутом контексте, который в процессе указанных переработок книги был сокращен. Очень важны для общего понимания текста и применяемые в этой цитате термины. Так, для обозначения шахристана Наршахи по преимуществу применяет слово Ша(х)ристан. Здесь же стоит слово «шахр» [14], значение которого в ту пору было шире. Едва ли я ошибусь, если скажу, что в арабском оригинале в данном месте надо ожидать не слово «медина», равнозначащее персидскому «шахристану», а другое слово «балад», слово, как это установил с полной определенностью В. В. Бартольд, означает, по его выражению, «культурную полосу вокруг города» [15]. Бросается также в глаза, что для обозначения «квартала» в данном месте употреблено слово «махалля», в то время как в подавляющем большинстве случаев, когда речь идет о шахристане, фигурирует персидский термин «куй».

Таким образом, учитывая сказанное, данную фразу можно истолковать в том смысле, что эти замки и махалля находились в окрестностях города. Цитата, в которой говорится о квартале Ала, также поддается иному объяснению. Здесь мы сталкиваемся с фактом очень ограничительного толкования исследователями термина «мустагаллат». Совершенно необязательно считать, что он означает, как это делает О. А. Сухарева и другие исследователи, доходы от полей и пашен. Этим термином обозначается все то, что приносит доход, в том числе и земельные участки, которые сдаются в аренду под постройку, самые постройки, сдаваемые в аренду под жилье, мастерские или торговые помещения [16]. Ниже мы увидим, что это сообщение Наршахи многое разъясняет в ситуации, открытой раскопками в древнем Пенджикенте. И уже совершенно невозможно при толковании этой цитаты О. А. Сухаревой всерьез принимать приведенные Наршахи цифры о доходах Алы. Действительно, при месячном доходе в 1200 динаров годовой доход составил бы 14 400 динаров (динар — золотая монета). От засеваемых участков внутри города, при общей его территории в 30—35 *га*, такого дохода получить невозможно ни в какие времена, тем более в ту эпоху, когда реальная стоимость денег была безусловно очень высока. Да и расчет месячный от пашен — не обычен. Все это объясняется, очевидно, гораздо проще, а именно, что

---

[14] Ch. S c h e f e r. Description topografique de Boukhara par Muhammed Nerchakhy. (Publications de l'Ecole des langues orientales Vivantes, III serie, vol. XIII.) Paris, 1892. В литографированном издании «Истории Бухары» (Новая Бухара, 1322 г. х.= 1904 г. н. э.), стр. 67, вместо слов, означающих «наподобие селений», напечатано «ба джаниби рустохо», что значит «в сторону рустаков», т. е. сельских районов.

[15] В. В. Б а р т о л ь д. К истории Мерва, стр. 117.

[16] На необходимость пересмотра значения слова «мустагалл» обращал внимание неоднократно О. Г. Большаков.

доходы шли с участков и построек, сдававшихся в аренду горожанам под те или иные постройки. Арендная плата с них, очевидно, и взималась помесячно. Впрочем, и при такой эксплуатации их названная сумма кажется чрезмерной. Таким образом, в целом нам представляется, что при критическом отношении к тексту нет никакой необходимости истолковывать сведения Наршахи в пользу «усадебной» теории и тем превращать город в деревню.

Однако вернемся к древнему Пенджикенту. Надо сказать, что наиболее убедительны против указанного представления об усадебной застройке раннефеодального города именно материалы раскопок древнего Пенджикента. Застройка этого города, как показали раскопки, характеризуется компактностью и значительной густотой. Шахристан древнего Пенджикента в этом отношении, между прочим, значительно отличается от пригородного поселения, где отдельные дома (обычно небольшие) расположены в отдалении один от другого [17]. Факт этот не мог не обратить на себя внимания. А. Ю. Якубовский, который был сторонником упомянутой «усадебной» теории застройки, уже в 1951 г., после первых лет раскопок в Пенджикенте, писал о застройке Пенджикента следующее: «У шахристана древнего Пенджикента имеется еще одна особенность, которую также необходимо отметить. Бугры — остатки зданий — стоят близко один к другому. Между ними небольшие полосы свободной земли, что исключает возможность видеть в зданиях строения усадебного типа» [18].

Позже еще более решительно, также главным образом опираясь на раскопки в Пенджикенте, против «усадебной» теории застройки города выступила В. Л. Воронина, писавшая в упомянутой статье: «Раскопки древнего Пенджикента позволяют сопоставить свидетельства письменных источников и данные археологии. В шахристане городища выявляется ряд слитных жилых комплексов. Усадебный характер раннесредневекового городского жилища, на котором так настаивал А. Ю. Якубовский, должен быть в настоящее время решительно отвергнут...» [19]. Все это, на наш взгляд, безусловно справедливо. Надо только отметить, что указание на «письменные источники», якобы противоречащие этому, имеет отношение не столько к авторам письменных источников, сколько к их интерпретаторам, которые, на наш взгляд, превратно их истолковали.

Так же как и по вопросу о характере застройки раннесредневекового города, относительно проблемы социально-экономической его структуры написано довольно много. К проблеме этой неоднократно обращались многие исследователи, как историки, так и археологи. К сожалению, изложить с должной подробностью в настоящей статье все существующие по этому вопросу взгляды не представляется возможным. Мы ограничимся лишь изложением в обобщенной форме основных точек зрения, существующих в литературе на этот счет. И в данном случае мы должны предоставить первое слово В. В. Бартольду. Им впервые было высказано положение о том, что доарабский шахристан был, в основном, заселен дехканами,

---

[17] О. Г. Большаков, Н. Н. Негматов. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. МИА, 66, 1958, стр. 155 сл.

[18] А. Ю. Якубовский. Древний Пенджикент. Сб.: «По следам древних культур». М., 1951, стр. 235.

[19] В. Л. Воронина. Раннесредневековый город..., стр. 89. Следует отметить, что, как видно из приведенной выше выписки из работы А. Ю. Якубовского, он в последних своих работах не «настаивал» на обязательном усадебном характере застройки. Ссылки В. Л. Ворониной относятся к работам А. Ю. Якубовского, написанным до начала работ в Пенджикенте. Впрочем в отношении Бухары А. Ю. Якубовский и в цитируемой работе пишет: «В некоторых шахристанах, как, например, в домусульманской Бухаре, около таких крупных дехканских домов имелись небольшие усадьбы с садом, цветником». А. Ю. Якубовский. Древний Пенджикент, стр. 234.

т. е. представителями военно-землевладельческой знати и наиболее зажиточными представителями купечества [20].

Как показали раскопки в Пенджикенте, эта точка зрения не может быть принята для всего шахристана, но для определенной части территории городища это, очевидно, верно. Неоднократно касался этого вопроса в своих работах А. Ю. Якубовский. В его взглядах не трудно заметить определенную эволюцию, рассматривать которую здесь, однако, нет необходимости. Мы приведем лишь его мнение, изложенное им в одной из последних его работ.

Вот картина социального облика города (шахристана), какой она ему рисовалась: «Дома в дофеодальном городе (шахристане) принадлежали местным дехканам. Семьи были тогда патриархальными. ...В шахристанах, кроме таких дехканских жилищ, находились культовые постройки, т. е. храмы огня, храмы в честь местных божеств, манихейские храмы, несторианские церкви, буддийские и др. В дофеодальных городах Средней Азии, кроме дехкан и членов их семей, а также служителей домусульманских культов, жили еще купцы, среди которых имелись и иноземцы.

Свободных ремесленников в городах того времени было мало, и их мастерские-лавки стояли на окраинах городов у городских стен или сейчас же за их пределами...

Однако небольшое число свободных ремесленников не исчерпывает всего ремесленного производства в дофеодальном городе, так как в каждой дехканской семье имелись ремесленники-рабы, которые своими изделиями и удовлетворяли многие нужды своих господ-рабовладельцев» [21].

Особое место в археологической литературе Средней Азии по ряду важнейших проблем древней истории принадлежит С. П. Толстову, предложившему общую концепцию и по истории развития городов. В части, касающейся раннесредневекового города, его точка зрения кратко изложена в последнем его обобщающем труде «По древним дельтам Окса и Яксарта», опубликованном в 1962 г.

«В раннесредневековый период,— пишет он,— как до арабского завоевания, так и сразу после него большая часть населения живет уже в укрепленных замках, расположенных среди полей... В городах сосредоточена относительно незначительная часть населения, преимущественно феодальная знать и ее слуги. Лишь постепенно начинает зарождаться прослойка городских ремесленников, которые живут в особых кварталах» [22].

В трудах М. Е. Массона по интересующему нас вопросу мы находим отдельные замечания. Так, о Самарканде VII в. он пишет, что «ремесленное производство в значительной мере базировалось тогда на рабском труде» [23].

Специально о характере топографии и ремесленного производства некоторые существенные соображения высказал А. И. Тереножкин в связи с раскопками в Хорезме и Самарканде. О последнем для времени арабского завоевания он пишет: «К арабскому завоеванию Самарканд представлял типичный для Средней Азии средневековый город с шахристаном и ремесленным рабадом. В этом виде он сформировался не в процессе постепенного перерождения античного рабовладельческого города, а на месте его руин: возрождаясь, он складывался, как город иной социально-

---

[20] В. В. Бартольд. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. Среднеазиатский вестник. 1896, июнь. Ср. А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в Средние века (VI—XV вв.). КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 32.

[21] А. Ю. Якубовский. Древний Пенджикент..., стр. 234, 235.

[22] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 249; его же. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 124.

[23] М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, 4, стр. 156.

экономической структуры, обязанной отношениям развивающегося феодализма» [24].

Наконец, приведем некоторые утверждения, выдвинутые по этому вопросу в последней неоднократно упомянутой выше работе В. Л. Ворониной. Как мы видели, ею справедливо отвергнуто представление относительно «усадебной» застройки города. Однако с собственными ее мнениями о социальном облике города трудно согласиться. По ее словам, «тип городской застройки древнего Пенджикента, образующей целые кварталы, более отвечает указанию Истахри на „дом рода" знатных горожан древнего Мерва» и далее: «...Известно, что среднеазиатские города в пору раннего феодализма делились на кварталы по социальному и племенному признаку. О Мерве говорится, что он был разделен на четверти с определенными границами, примерно то же находим у Наршахи в отношении Бухары. Вероятно, нечто подобное было в древнем Пенджикенте, где раскопки начаты с самого богатого городского квартала» [25]. Прежде всего следует отметить, что такое деление среднеазиатского города, о котором говорит В. Л. Воронина, неизвестно. Что касается повторной ссылки на Мерв, то она не имеет собственно отношения к шахристанам Средней Азии. Истахри, как это видно, при более внимательном чтении его текста, говорит о «доме рода», который был расположен на канале Хармуэфера, протекавшем в *пригороде* Мерва. В описании этого дома говорится лишь, что в состав его построек входило «купольное» здание (кубба) без каких-либо других подробностей [26]. В тексте говорится лишь, что этот «дом рода Абу-н-Наджма вольноотпущенника рода Абу-Му'айт». Сам термин «дом рода» выбран русским переводчиком текста более или менее произвольно.

В арабском оригинале употреблено слово «āл» [27], означающее и род, и семью, и династию, и пр., а в данном случае означает потомков названного лица. Истахри в своем описании подчеркивает лишь, что купольное здание, связанное с событиями середины VIII в., еще существовало в X в., когда была написана его книга. Указание на разделение Мерва на четверти, как с полной очевидностью доказано В. В. Бартольдом, относится к пригородным районам города, а само слово четверть (по-арабски руб′) применяется «в смысле культурной полосы определенного канала» [28].

Рассмотрим попутно тезис о социальной структуре города, изложенный В. Л. Ворониной в автореферате ее докторской диссертации. «До недавнего времени,— говорится в нем,— считалось, что в черте города селились земельная аристократия, жречество, купцы со своими слугами. О. А. Сухарева и П. Н. Кожемяко в своих работах доказывают наличие в городах земледельческого населения. Застройка древнего Пенджикента свидетельствует, что земледельцы, обрабатывавшие окрестные поля, видимо, в значительной мере проживали в шахристане» [29].

По сравнению со статьей в «Советской археологии», новым является здесь то, что автор подчеркивает наличие в составе городского населения земледельцев, причем дается ссылка на П. Н. Кожемяко и О. А. Сухареву, а также на данные пенджикентских раскопок. Но ни одно, ни другое указание не может считаться убедительным. П. Н. Кожемяко [30] составил сводку данных для всего средневековья, как стран Востока, так и Запада, показывающих, что на всем протяжении средних веков городское население не порвало связей с сельским хозяйством — факт, хоро-

[24] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 165.
[25] В. Л. Воронина. Раннесредневековый город..., стр. 89.
[26] МИИТ, I, М.— Л., 1939, стр. 173.
[27] BGA, VIII, стр. 260.
[28] В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 3, прим. 4.
[29] В. Л. Воронина. Проблемы раннесредневекового города Средней Азии, стр. 7.
[30] П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 178 сл.

шо известный в науке. О. А. Сухарева это хорошо показала на примере позднефеодальных среднеазиатских городов. Однако это универсальное явление, на которое указывали и классики марксизма, не имеет отношения к рассматриваемому вопросу. В частности, именно густота заселения городов средневековья вынуждала жителей к приобретению загородных участков, куда семьи, как правило, переселялись на летние месяцы. Но это не может служить основанием для того, чтобы утверждать, что в городе жили земледельцы.

Что касается указания на «застройку Пенджикента», якобы свидетельствующую о том, что земледельцы в значительной мере проживали в шахристане, то оно по имеющимся материалам никак не может быть доказано. Во всяком случае, в характере городской застройки этого городища мы не только не находим этому подтверждение, но, наоборот, все говорит о противном. В среднеазиатской археологии до сих пор районом, наиболее изученным в отношении характера сельских поселений, является раннесредневековый Хорезм. Материалы последнего говорят против такого предположения [31]. Постройки пригородного поселения у стен самого древнего Пенджикента также говорят против этого.

В целом же существующие в советской историографии характеристики социальной структуры раннефеодального города достаточно разноречивы. В чем причина этих разногласий исследователей? Если ограничиться взглядами археологов, ведущих исследования в разных районах Средней Азии, то можно было бы думать, что различие во взглядах определяется локальными особенностями каждого района. Однако знакомство с фактическими археологическими данными показывает, что в большинстве случаев исследования (раскопки) памятников, на основании которых делается тот или иной вывод, находятся в самой начальной своей стадии. Нередко выводы делаются лишь в результате первоначального знакомства с памятником, по впечатлениям, полученным при их разведке. Многолетний опыт работ в Пенджикенте показывает, что такие наблюдения крайне обманчивы. До проведения достаточно обширных по масштабу раскопок нельзя судить ни о характере застройки, ни об общей планировке поселения, и тем более о социально-экономической его структуре. Публикации, посвященные работам в Хорезме, где отдельные памятники исследуются в течение многих лет, также подтверждают это [32].

Таким образом, если говорить об археологическом материале, то пока единственным памятником, дающим если и не полное, то достаточно определенное представление о реальной топографии и застройке города в домусульманское время, является городище древнего Пенджикента.

Сложившееся ранее представление о том, что восточная часть города была целиком занята жилищами феодальной верхушки общества, должно быть уточнено. Значительная часть построек была занята ремесленными мастерскими и торговыми заведениями. Их расположение, то, что они связаны с улицами, а также находки при их раскопках большого числа монет, может свидетельствовать о том, что ремесленники работали на рынок. Небольшие размеры мастерских не позволяют считать их многолюдными рабскими мастерскими. Представляется гораздо более вероятным видеть в них свободных ремесленников [33].

---

[31] Е. Е. Неразик. Раскопки в Беркут-Калинском оазисе в 1953—1956 гг. Сб.: «Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954—1956 гг.». М., 1959, стр. 96 сл.; е е ж е. Афригидские памятники древнего Хорезма. Автореф. канд. дис. М., 1954.

[32] Ср., например, реконструкцию городищ с так называемыми «жилыми стенами» (С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 81, рис. 20) с результатами раскопок на них (е г о ж е. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 96 сл.). Особенно показательно сравнение реконструкций Кой-Крылган-Кала до и после раскопок (см. «Древний Хорезм», стр. 99, рис. 34 и «По древним дельтам Окса и Яксарта», стр. 120, рис. 61).

[33] К аналогичному выводу автор пришел, исследуя оттиски печатей на некоторых типах керамики древнего Пенджикента. МИА, 66, 1958, стр. 128.

Само собой разумеется, что значительно более трудно решить вопрос относительно того, кому принадлежали собственно ремесленные и торговые постройки. Непосредственная близость или даже слитность их с постройками, в которых жили бесспорно представители феодальной верхушки, говорит о том, что земля, да, вероятно, и сами мастерские были собственностью именно последних. В таком случае отношения между владельцами построек и ремесленниками строились на основе аренды. Общий характер застройки восточной части города в виде крупных слитных массивов — кварталов, позволяет думать, что весь такой массив являлся собственностью одного лица. Такой квартал, ограниченный улицами, и является той основной единицей городской застройки, о которой говорит Наршахи, называя ее словом «куй»; она была не только местом проживания самого владельца, но и источником постоянных доходов благодаря сдаче в аренду или свободных участков, или построек.

Что касается жилых комплексов такого квартала, то исследование пенджикентской застройки показывает наличие в составе жилых строений восточной части города наряду с комплексами помещений очень богатыми, также и комплексы («квартиры», «секции»), значительно более скромные. По подсчету Б. Я. Ставиского, раскапывавшего объект VI в этой части города, количество отдельных помещений (по нижнему этажу) в таком комплексе варьирует от двух, притом весьма скромных, до девяти, среди которых обычно и находятся парадные залы с живописью [34].

Таким образом, можно полагать, что и жилые части квартала не обязательно были заселены социально однородными семьями. Больше того, некоторые мастерские, как выше отмечалось, соединялись со смежными жилыми помещениями. Все это свидетельствует о том, что реальная обстановка в городе была гораздо сложнее тех схем, которые предлагаются при решении социальной проблематики города раннего средневековья.

Раскопки последних лет радикально меняют представления об уличной сети города. Перед нами регулярная сеть прямолинейных улиц, разделяющих застройку на сравнительно четко ограниченные кварталы. Несомненно, имелись и площади, самые различные по размерам.

Широко распространенное мнение об обязательном якобы расположении ремесленных кварталов и базаров только у городских стен или за их пределами у ворот опровергаются раскопками в Пенджикенте самым определенным образом. Как мы видим, городские магистрали были одновременно местами производственной и торговой деятельности. Правда, не исключена вероятность и того, что для периодических ярмарок были и специальные места, как об этом сообщает Наршахи в известном рассказе о базаре Мах. Базар этот, как показала О. А. Сухарева, находился не внутри города, а за его стеной, у одних из городских ворот [35].

Довольно широко распространено представление о том, что расцвет феодального города начался в Средней Азии в IX—X вв. и что этот расцвет является следствием общих политических условий, сложившихся после арабского завоевания, что именно в это время город (топографически рабад) превращается в центр торговли и ремесла. Раскопки в Пенджикенте, в котором жизнь прекратилась не позже VIII в., говорят о том, что города Средней Азии и на ранней стадии феодального развития в VII—VIII вв. уже были такими центрами.

Судьба этого города свидетельствует также о том, что арабское завоевание прервало поступательное движение в экономическом развитии среднеазиатского города, что в шахристанах и до арабского времени велась оживленная торгово-ремесленная деятельность и что социальный состав населения городов был более сложным, чем это представлялось исследователям.

---

[34] Б. Я. Ставиский. Раскопки квартала знати в Древнем Пенджикенте. МИА, 124, 1964.

[35] О. А. Сухарева. Ук. соч., стр. 18 сл.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

ДРЕВНЕЙШИЙ РУССКИЙ ПОДПИСНОЙ МЕЧ

Изучение клинков средневековых мечей установило, что почти каждый из них был помечен надписями и знаками. Мечевые клейма указывают место и время изготовления самих вещей, поэтому их массовое обнаружение можно приравнять к открытию важного исторического источника.

Все до сих пор выявленные на мечах надписи были латинскими. Они ставились в западноевропейских мастерских. Число расчищенных в последнее время в музеях Ленинграда, Москвы и Киева клинков перешло за 80, и мы уже теряли надежду увидеть русское клеймо, как вдруг таковое оказалось там, где его труднее всего было подозревать, а именно, на клинке со «скандинавско-прибалтийской» рукоятью из собрания Киевского исторического музея. Клеймо было подписным. Его обнаружение на мече эпохи Киевской Руси имеет, на наш взгляд, немаловажное значение для изучения древнерусской материальной культуры и заслуживает особого комментария.

Памятник, о котором пойдет речь, известен в литературе не менее полстолетия. Он почти одновременно опубликован М. Грушевским [1] и Т. Арне [2] как происходящий из окрестностей Киева. Однако адрес вещи другой. Судя по описанию каталога полтавского музея, меч найден в конце 1890-х годов у м. Фощеватая (у казенной дачи), что около Миргорода б. Полтавской губ. [3] Обстоятельства находки неизвестны.

Меч сохранился почти целиком (конец лезвия обломан). Снабженный богатыми и эффективными украшениями, он привлекал внимание как уникальный чужеземный предмет, попавший на Русь [4]. Все в этом памятнике, казалось, было познано и не таило загадок. Рукоять меча с изогнутым перекрестьем и ромбоидальным навершием принадлежит к формам, распространившимся около 1000 г., когда особенно активно происходило приспособление рубящего оружия к условиям конной борьбы [5]. Клинки с подобными рукоятями найдены, в частности, у нас и в Скандинавии. Такая же рукоять изображена на шведском руническом камне из Рамтунде в Седерманланде (король Зигурд пронзает змея Фафнира — эпизод из песен Эдды) [6]. И украшения гарды фощеватовского клинка словно сошли со страниц древнеисландского эпоса, где у меча героя «на лезвии змей окровавленный лег, другой обвивает хвостом рукоять» [7].

Рукоять (рис. 1) состоит из пяти литых бронзовых частей с рельефным орнаментом из перевитых чудовищ в стиле надгробных рунических камней

[1] М. Грушевский. Иллюстрированная история Украины. СПб., б/г., рис. 48, 49.
[2] T. J. Arne. La Suéde et l'orient. Upsala, 1914, стр. 57, рис. 42.
[3] Естественно-исторический музей Полтавского губернского земства. Описание коллекций. Полтава, 1900, стр. 65, 66.
[4] А. Н. Кирпичников. Мечи Киевской Руси (IX—XI вв.). СА, 1961, 4, стр. 193.
[5] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, 11, 1949, стр. 40.
[6] H. Christiansson. Sydskandinavisk stil. Uppsala, 1959, рис. 102.
[7] Старшая Эдда. М.— Л., 1963, стр. 80.

XI в.[8]. Пасти чудовищ раскрыты, а туловища напряженно сплетены между собой. Художник изобразил в литье тяжелую устрашающую борьбу мрачных сил, борьбу, как бы подчеркивающую смертоносную сущность самого оружия.

После всего сказанного не удивительно, что М. Грушевский, Т. Арне и автор этих строк назвали рассматриваемый меч скандинавским. Позднее Х. Арбман внес поправки в это определение. Он полагал, что меч был сделан вне Скандинавии, так как трубка стержня рукояти оформлена в другом стиле (растительный и геометрический орнамент), чем перекрестье и навершие. Для чисто северных вещей Х. Арбман исключает подобную «разностильность»[9]. Это побудило нас связать меч с юго-восточной Прибалтикой. После нового обследования орнаментального убора меча район изготовления его рукояти можно отодвинуть еще южнее. Этот убор несет особенности, чуждые его родине. Выполнение фигур, местами грубоватое и схематичное, напоминает деревянную резьбу и отличается от плавных и размеренных композиций классических рунических надгробий. Извивающиеся чудовища, начертательно близкие фощеватовским (в которых лишь отдаленно угадываются скандинавские прообразы), встречаются в отделке русских вещей XI в.[10]. В итоге не будет неожиданным предположение, что бронзовые обкладки рукояти сделаны в Восточной Европе, точнее на Руси, под сильным влиянием северного искусства, осложненного растительным узором и схематизацией в деталях.

Рис. 1. Рукоять меча из Фощеватой

Клеймо, обнаруженное на лезвии, окончательно установило не скандинавское, а русское происхождение, если не всего меча, то по крайней мере, его клинка. Мета открылась в верхней трети дола лезвия у перекрестья после очистки и протравки реактивом Гейна. Она представляет двустороннюю надпись, выполненную инкрустированной в металл дамаскированной проволокой. Величина и техника исполнения букв напоминают начертания каролингских мечей X в.

---

[8] S. Lindgvist. Gotland Bildsteine, I, Stockholm, 1941. Runnensteinstill, раздел E, XI в.; рис. 147 *A*, 177, 181; H. Christiansson. Ук. соч., рис. 117, 118.

[9] А. Н. Кирпичников. Ук. соч., стр. 193.

[10] Сравни орнамент костяной рукояти ножа из Белева (раскопки Е. Н. Мельник Киевский исторический музей, инв. № 1307, 703. 57253*а*).

Надпись не имеет знаков, например крестов, типичных для западных мечей, и состоит из уставных славянских кирилловских букв (рис. 2, *1, 2*) [11]. На одной стороне лезвия выведено слово КОВАЛЬ, на противоположной — имя человека, состоящее скорее всего из шести букв. Имя, к сожалению, сохранилось плохо, его средняя часть нарушена коррозией. Здесь хорошо различимо второе слева Ю (рис. 3, *2*) и заключительное А (рис. 3, *1*). Первая буква, судя по остроугольному завершению, была Л или Д. На третьем и четвертом месте предположительно стоят Д и О (в связи с плохой сохранностью за правильность их чтения не ручаюсь). На пятом месте буква (или буквы) вовсе не сохранилась — она могла быть широко расставленной вроде Т или Ш. Древнерусские мужские имена, включающие Ю и оканчивающиеся на А, известны, но восстановить наше на основе имеющихся аналогий пока не удалось. Такое, например, произношение, как ЛЮДОТА или ЛЮДОША, обосновать не берусь. Надеюсь, что специалисты все-таки смогут убедительно расшифровать это имя.

В зависимости от расстановки слов и их понимания есть следующие чтения фощеватовской надписи. Учтем, что в пору установления ремесленных клейм следует быть готовым ко всяким неожиданностям.

Итак, первый вариант чтения: КОВАЛЬ такой-то (имя рек). Наличие выражения КОВАЛЬ сомнений не вызывает; оно присутствует в русском языке с XI в. (в хронике Георгия Амартола упомянут коваль Леон) [12] и местами дожило до наших дней. Однако подпись ремесленника с указанием на первом месте профессии и затем имени не свойственна изделиям раннего средневековья и выступает много позже, например, на пушках XVI в.

Вторым наиболее вероятным будет следующее сочетание: такой-то КОВАЛЬ. В этом случае КОВАЛЬ, обозначающее род занятий, могло являться прозвищем человека и, таким образом, быть составной частью его имени. Имена мастеров с нарицательными добавками передает и летопись (Никифор Щитник, Гаврила Щитник и т. д.) [13]. Прозвища или указание специальности обычно характеризуют в источниках городского свободного ремесленника. В рассматриваемом эпизоде имя мастера обозначало не владельца клинка, а его изготовителя. По мечам IX—XI вв. установлено, что владельческие имена на лезвиях никогда не писались. В разобранных выше вариантах разделение надписи на двух плоскостях вполне допустимо [14].

Независимо от того, какое чтение надписи следует предпочесть, ее общий смысл остается неизменным: это личное производственное клеймо, поставленное мастером-творцом изделия. Получается, что в период раннего средневековья не только на Западе, но и у нас меч был единственным оружием, удостоившимся подписной меты.

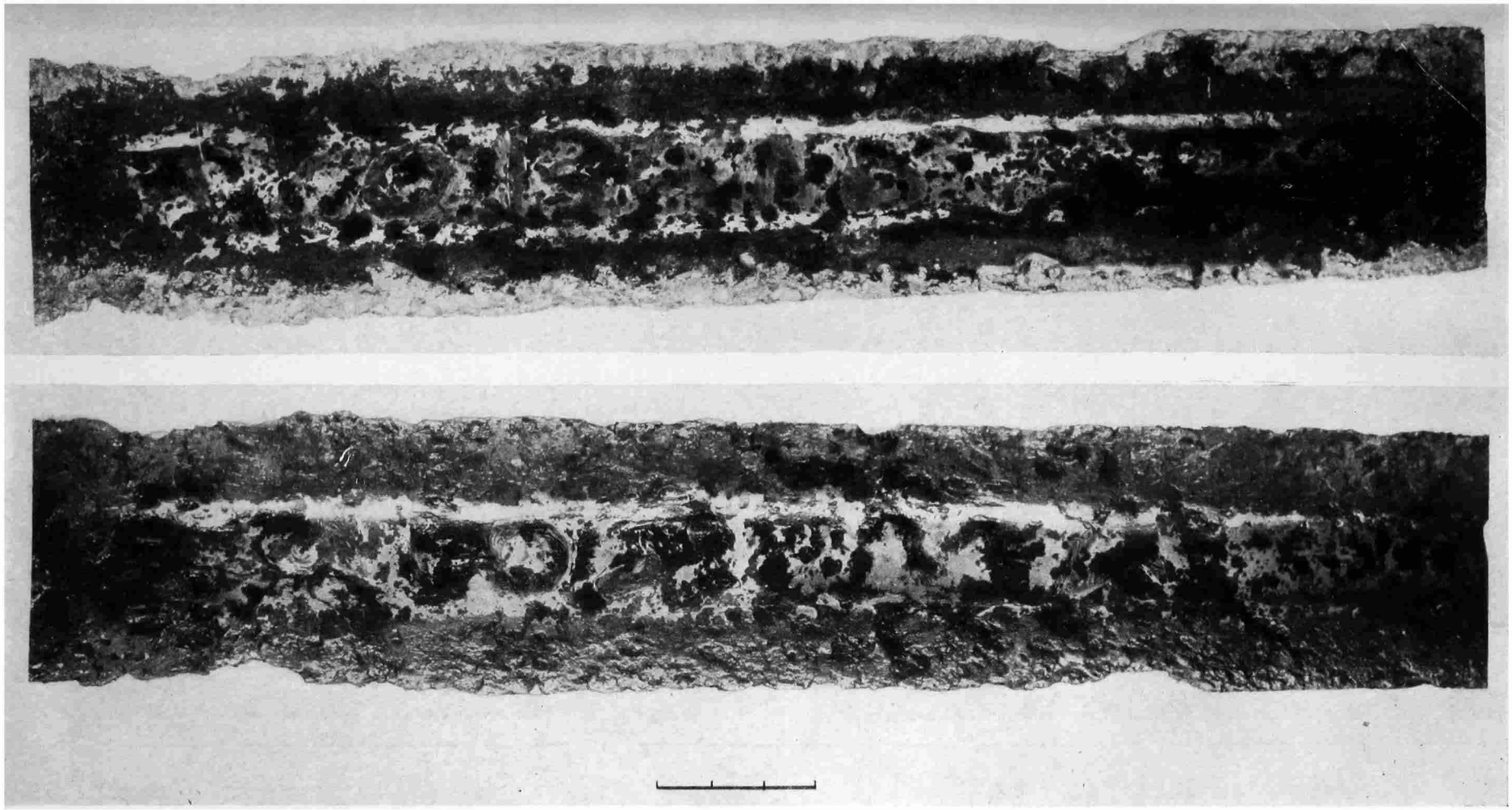
---

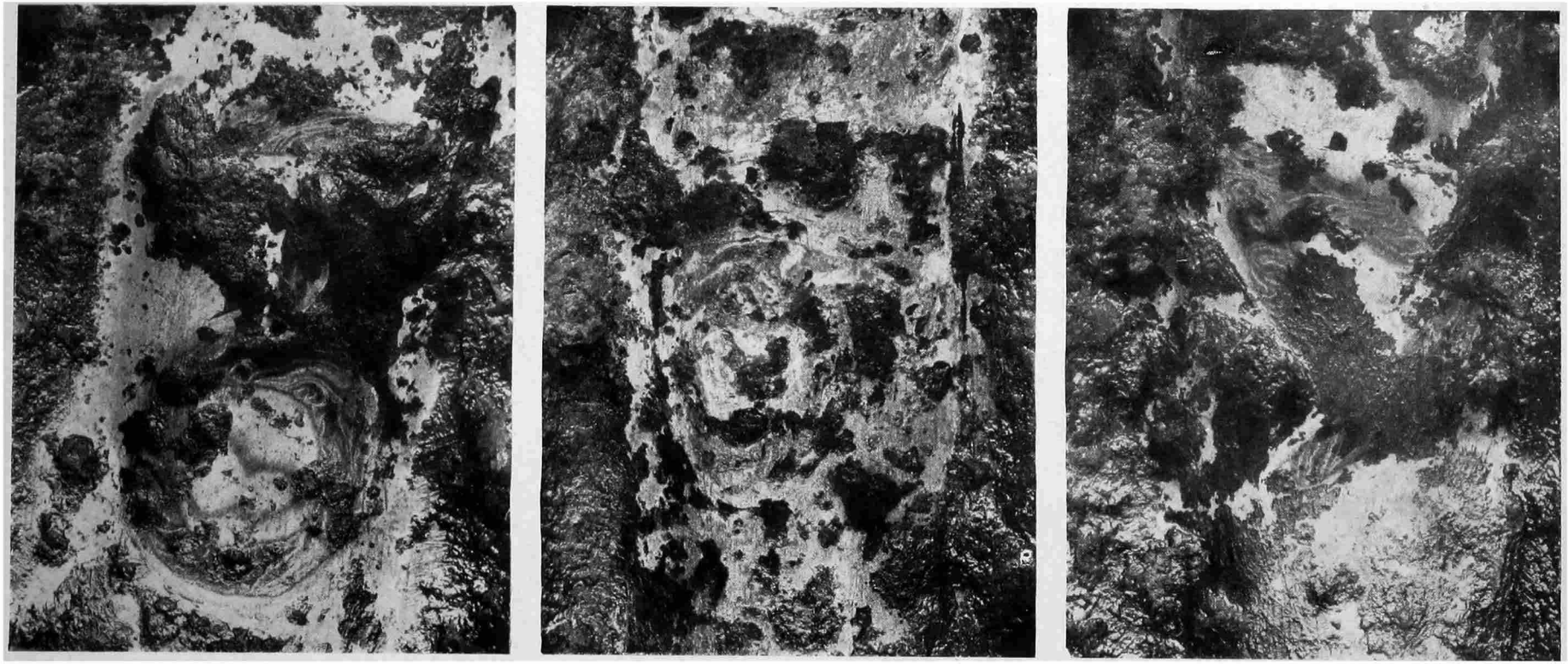
[11] Сердечно благодарю заведующих отделами Киевского научно-исследовательского института судебной экспертизы Б. Е. Гордона и М. Н. Зюскина, а также лаборантов этого института Н. Золотарева, Ю. Барановского, Л. Украинского и Е. Гутман за квалифицированное обследование и фотографирование отдельных букв и всей надписи меча. Дружескую признательность шлю аспиранту ИА АН УССР Е. В. Черненко, организовавшему эти работы.

[12] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, I, СПб., 1893, стр. 1241.

[13] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 515—516.

[14] Если заключительный Ь (рис. 3, *3*) трактовать как Ъ, у которого не сделана обязательная верхняя черта, то слово КОВАЛЬ представляется как КОВАЛЪ. Отсюда возникает третье чтение фощеватовской надписи: такой-то КОВАЛ. Эта обычная форма авторской подписи на древних изделиях. Так подписывались и отечественные мастера («Коста делал», «Братило делал») и иностранные (INGELRII ME FECIT, т. е. Ингельри меня сделал). При такой мете вещь как бы одушевлена и сама говорит всякому о своем изготовителе. Тем не менее предложенное чтение для меня маловероятно. Нет оснований подозревать кузнеца, владеющего уставным письмом, в такой бьющей в глаза ошибке, как путаница Ь и Ъ. Кроме того, при слове КОВАЛЪ существительное оторвано от своего глагола и скрыто на другой плоскости, что дробит клеймо и наносит ущерб его пониманию.





Обнаруженная надпись (учитывая специфику «письма по металлу») по палеографическим признакам может быть отнесена к XI в. (если не древнее) и ближе всего стоит к памятникам кирилловского письма конца X — первой половины XI в. (рис. 4). А признаки эти весьма архаичны. У А (в слове КОВАЛЬ, рис. 3, *1*) петля такого же типа, как на надгробной надписи 993 г. болгарского царя Самуила, на некоторых русских монетах

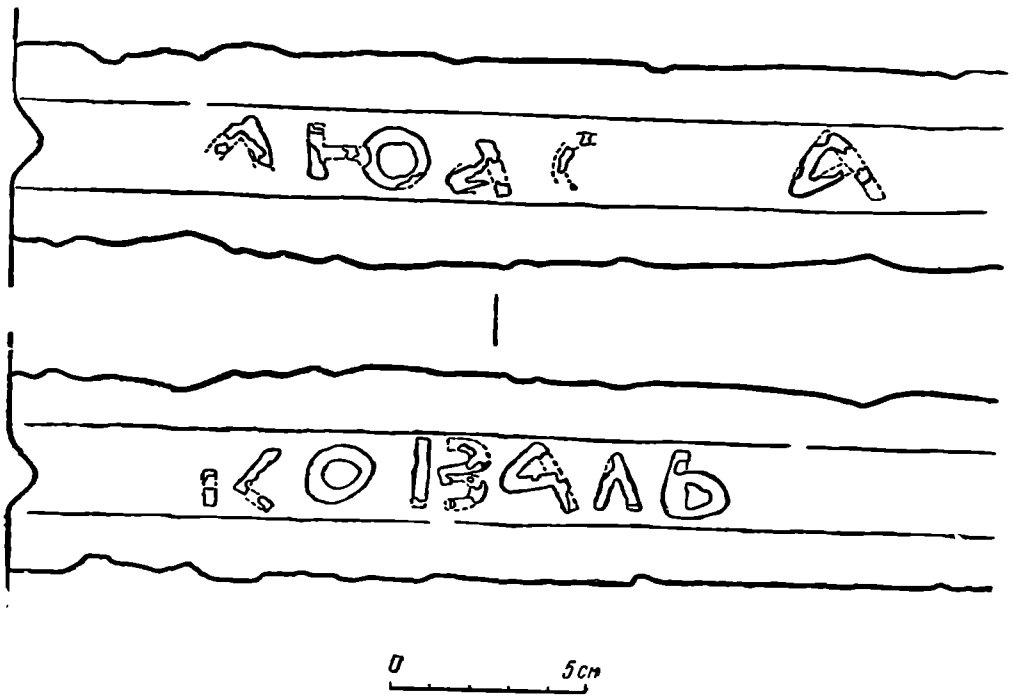


Рис. 4. Прорисовка надписи на клинке меча из Фощеватой

Владимира Святославича и в подписи Анны Ярославны на грамоте 1063 г.[15]. В надписях после X в. встречается К с отошедшей правой частью [16]. Круглое О (в нашем случае несколько скошенное) зафиксировано в памятниках XI в.[17]. Ю (рис. 3, *2*) с чертой посередине сохраняется в рукописях XI и XII вв. [18]. Обе половины В и Л пропорциональны — признак первоначальной кириллицы [19]. Верхи В и К не сокращены, а у В и Ь петли сферичны, что также характерно для древнейшего буквописания [20]. Итак, почти все сохранившиеся буквы рассматриваемой надписи убеждают в ее начертательной архаике, что подкрепляется и уравновешенным нетесным расположением самого шрифта.

У фощеватовского меча более или менее совпали типологическая, орнаментальная и лингвистическая даты. Наиболее вероятно, что это 1000—1050 гг. Похоже, что хронологического разрыва в изготовлении лезвия и его рукояти могло не быть или он был незначителен. В этом одно из указаний на выработку фощеватовского меча где-то в одном месте. Если все сказанное верно, то имеются веские основания считать нашу мету древнейшей русской вещевой надписью; она, по-видимому, несколько моложе

---

[15] Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 107, 125; В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 97; И. И. Толстой. Древнейшие монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882, табл. 1*а*, 14 сл.

[16] Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 194.

[17] Д. А. Авдусин, М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. ВАН СССР, 1950, 4. стр. 74.

[18] А. И. Соболевский, Славяно-русская палеография, I, СПб., 1901, стр. 38.

[19] Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 182; И. И. Толстой. Ук. соч., табл. 1 *а*, 7 сл.

[20] В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 102, 104.

(если не одновременна) гнездовской со словом ГОРОУХША (середина или вторая половина X в.), приблизительно одновременна подписям на серебрениках и златниках Владимира и Ярослава и старше записи князя Глеба на Тмутараканском камне 1068 г.

Русские подписные изделия XI—XII вв. не превышают десятка и принадлежат к редчайшим находкам[21]. Публикуемая надпись является старейшей «авторской» подписью на оружии и на металле, она передает древнейшее дошедшее до нас имя ремесленника-кузнеца. До сих пор известные нам по источникам упоминания кузнецов (Измаила, Самуила и Одреяна) относились к XIII—XIV вв.[22], а личные подписи оружейников фиксировались с XV в. Фощеватовская находка, таким образом, значительно удревняет даты и факты, связанные с деятельностью русских ремесленников.

Значение рассматриваемого памятника не ограничивается его древностью и эпиграфическим богатством. Археология должна выяснить, писал А. В. Арциховский, было ли в древней Руси свое производство мечей[23]. Ответ на этот вопрос волновал не одно поколение археологов и оружиеведов. Предполагая изготовление на месте некоторых рукоятей и лезвий, исследователи вплотную подошли к положительному решению проблемы. Высказывалась догадка о существовании ремесленников по производству мечей[24]. Фощеватовский меч, наконец, определенно доказывает, что собственное изготовление мечей силами грамотных мечедельцев организовалось у нас не позже первой половины XI в., может быть, около 1000 г. Единичность находки и непрочтенность имени мастера (будем надеяться, временные) не колеблют этих утверждений. Редкость археологически известных мечей XI в., особенно важных для проверки на надпись, нельзя понимать как их отсутствие или малочисленность вообще. Основные хранилища богатого оружия — курганы знати в XI в. быстро исчезают, а в поселениях того времени клинки почти не попадаются. Остается надеяться на находку потерянных, забытых или ломаных вещей. Именно к таким предметам, по-видимому, и относится наш меч — случайно дошедший осколок некогда большого и многообразного оружейного мира. Будущий поиск не только на русской, но и на зарубежной территории, возможно, наградит науку новыми приобретениями[25].

Весь облик фощеватовского меча свидетельствует о сложившихся кузнечных традициях. Имя и связанное с ним указание рода деятельности мастера проставлены оружейной мастерской задолго до того, как об этом сообщают письменные источники. Тем самым в список раннесредневековых ремесленников может быть добавлена еще одна специальность — мастера по выработке мечей. Установление деятельности мечедельной кузницы, неожиданно пришедшее не из письменного, а из вещественного источника,— показатель высокого уровня городского железообрабатывающего дела. Без преувеличения можно сказать, что никогда раньше археология не получала такого прямого и сильного сигнала о существовании в Киевском государстве эпохи Владимира и Ярослава столь высокоорганизованного ремесла.

Исследуемый памятник важен и в «международном отношении». Долгое время значение норманского оружия на Руси преувеличивалось. Выде-

[21] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 435; его же. Русская эпиграфика X—XVI вв. Сб. «История, фольклор, искусство славянских народов». М., 1963, стр. 52—54.

[22] П. Н. Жолтовский. Ларец мастера Самуила. СА, 1958, 4, стр. 209—213; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, стр. 152.

[23] А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. ДСИФ. МГУ, 4, М., 1946, стр. 9.

[24] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 73.

[25] Уже после написания статьи я узнал о находке в Паланге (Литва) меча конца X — первой половины XI в. с русской рукоятью. Р. Волкайте-Куликаускене. Мечи IX—XII вв. в Литве. Из истории культуры литовского народа, IV, Вильнюс, 1964, рис. 14 (на литовском языке).

лить это оружие среди отечественного материала оказалось трудно, ибо оно по своим формам в подавляющем большинстве случаев было общеевропейским. Несомненно, что викинги на русской службе выступили носителями и распространителями западного оружия. Происходили и более сложные явления. Фощеватовский меч считался едва ли не единственным бесспорным скандинавским клинком, найденным на Руси. Теперь же оказалось, что лезвие его было русским и влияние Севера сказалось лишь в художественной отделке в основном готового изделия. Воздействием скандинавского искусства отмечена также рукоять одного гнездовского меча X в.[26]. Так вырисовывается весьма скромная роль норманской культуры в сложении форм русского оружия.

Русские оружейники в эпоху возникновения Киевского государства были восприемниками всего лучшего, что создано в европейской военной технике. Таким и предстает древнейший русский подписной меч, который явился в результате плодотворного использования технических знаний и навыков: каролингского (техника исполнения надписи), скандинавского (орнаментальный убор), восточноевропейского и русского (клеймо и лезвие, отчасти форма рукояти). Русь после Каролингской империи явилась вторым государством в Европе, где был изготовлен собственный подписной меч. Такой представляется нам оценка нового факта из истории отечественного средневекового ремесла, факта, открывающего новые горизонты для исследователей древней русской культуры.

---

[26] А. Н. Кирпичников. Ук. соч., стр. 183, 184, рис. 3, *1*.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ РАСКОПОК 1962—1964 гг.

Берестяные грамоты, найденные в Новгороде в 1951—1961 гг. (№ 1—405), полностью изданы в 1953—1963 гг. в шести томах[1]. В настоящей статье публикуются избранные грамоты из раскопок 1962—1964 гг.

Прориси грамот, издаваемых здесь, равно как и всех грамот, найденных за четырнадцать лет, выполнил М. Н. Кислов, достигший в этом деле большого мастерства. Сличение прорисей с оригиналами производили многие археологи и историки.

Неревский раскоп, начатый в 1951 г. и давший тогда первые берестяные грамоты, в течение 12 лет расширялся во всех возможных направлениях. Это самый большой в мире кусок средневекового города, подвергнутый раскопкам, что при значительной толщине слоя потребовало больших усилий. В 1962 г. он был закончен; тогда были завершены последние прирезки, которые удалось занять раскопками. Эти прирезки, уже небольшие по площади, были последними свободными участками, и самый их подбор был труден. Современная застройка препятствует дальнейшему расширению Неревского раскопа во всех направлениях.

Но новгородские раскопки надо было продолжать. Случайные находки при строительных работах уже доказали наличие берестяных грамот во всех частях города (грамоты из этих находок изданы вместе с раскопочными, в тех же томах).

Раскопки надо было перенести из Неревского конца в другой конец, предпочтительно в Славенский, едва ли не наиболее важный.

Место нового раскопа должно было удовлетворять четырем условиям: 1) большая толщина слоя, 2) хорошая сохранность дерева, 3) наличие большого свободного пространства, 4) связь территории с историческими воспоминаниями. Новый раскоп, Ильинский, удовлетворяет всем этим условиям, равно как и Неревский.

Ильинский раскоп расположен не на Софийской стороне (где был Неревский), а на Торговой, в Славенском конце, в крайней восточной части города, на углу Первомайской и Ильинской улиц, недалеко от двух знаменитых церквей: Спаса на Ильине и Знаменского собора.

Начат Ильинский раскоп в 1962 г., когда на Неревском завершались последние работы (некоторое время они шли в обоих местах). В 1963 г. он был продолжен, в 1964 г. доведен до материка и тогда же расширен, т. е. рядом заложены новые участки, где пока что сняты верхние пласты.

В 1962 г. перед раскопками найдена при строительных работах грамота № 406. Затем экспедицией найдены в Неревском раскопе грамоты № 407—

[1] А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953 и 1954 гг.). М., 1958; их же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958; их же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956 и 1957 гг.). М., 1963; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963.

412 и в Ильинском раскопе грамоты № 413—415. В 1963 г. при строительных работах найдена грамота № 416 и в Ильинском раскопе найдены грамоты № 417—422. В 1964 г. в том же раскопе найдены грамоты № 423—428.

Часть грамот, о которых здесь пойдет речь, уже рассматривал в печати с моего разрешения В. Л. Янин [2].

При настоящей публикации проводится замена букв, отсутствующих в современном алфавите (при полной публикации это не делается никогда). Прориси приложены, и там можно прочесть подлинные буквы.

Грамота № 411 — предпоследняя грамота Неревского раскопа (рис. 1). Она найдена в 11-м или 12-м ярусе. Дата — вторая половина XIII в. или рубеж XIII — XIV вв. Это письмо, от которого оторвана небольшая левая часть, а остальное все цело. Текст: «... ора ко Ксьнье. Ожь яль будь Матфьеца, добрь скуеть, а цьпье могить добы ... Прикуеть в подкльть в пивномо. А дае Кснятиньцу его оть блюдь до мьнь ... и в сьло с посто».

Начало имени автора оторвано. Написано было: «от Федора» или «от Сидора». «Ко Ксьнье» — ко Ксенье. «Ожь» — оже, если. «Ожь яль будь» — оже яле буде — если поймали. «Матфьеца» — Матфейца. «Добрь» — добре, хорошо. «Скуеть» — скуете; здесь по смыслу надо предположить повелительное наклонение: скуйте. «Цьпье» — цепье — цепи; здесь от слова «цепь» образована собирательная форма (как в современном языке «тряпье» от тряпки и т. д.). «Могить» — могите, сумейте. «Добы» — начало слова «добыти» (конец слова оторван). Цепи надо было суметь достать, в своем хозяйстве их не было. «Прикуеть» — прикуете, прикуйте. «В подкльть в пивномо» — в подклете в пивном. Подклет — нижний этаж. Новгородские дома, судя по раскопкам, были, как правило, двухэтажные. Подклеты по этнографическим данным имеют в основном хозяйственное назначение. Пивной подклет был специально предназначен для пива. Судя по этому, дом Федора и Ксении был большой и богатый. «Дае» — дай. «Кснятиньцу» — Коснятинцу, Константинцу. Это имя образовано при помощи того же суффикса, что и имя Матфейца. «Оть» — пусть. Более известна другая форма этого слова, «ать», но в словаре Срезневского [3] есть и форма «оть». «Блюдь» — блюде, блюдет, сторожит. «До мьнь» — до мене, до меня; здесь надо переводить: до моего приезда. «В сьло» — в село. «С посто» — может быть, с погоста.

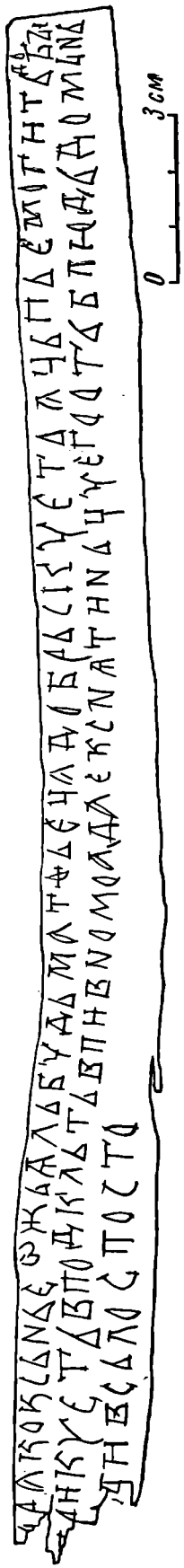


Рис. 1. Грамота № 411

---

[2] В. Л. Янин. О древнем Новгороде рассказывает береста. «Наука и жизнь», 1964, 5.

[3] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, I. СПб., 1893; II, СПб., 1902; III, СПб., 1912. Ссылки на этот словарь дальше даны в тексте много раз, поэтому страницы не указываются, порядок там алфавитный.

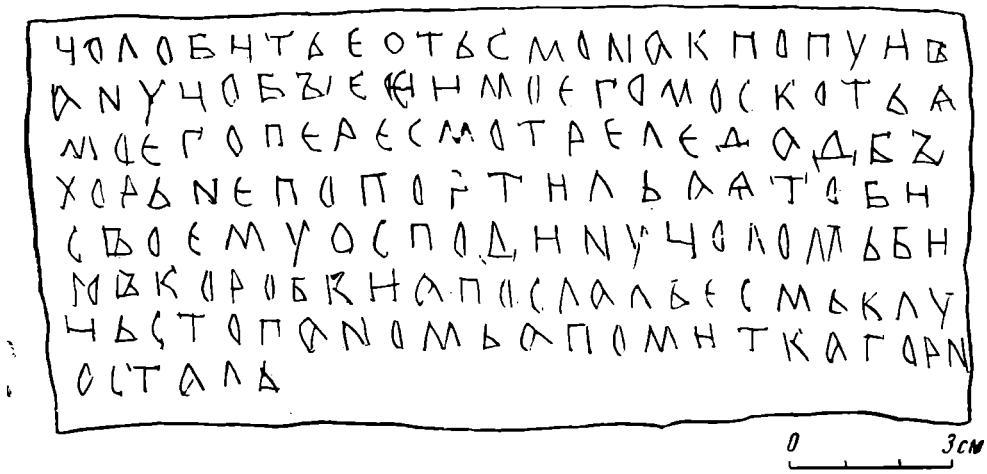


Рис. 2. Грамота № 413

Феодалы имели право арестовывать и судить зависимых от них лиц. Таким образом, распоряжения, составляющие письмо, понятны. Исполнителем этих суровых распоряжений должна была быть Ксения, жена или родственница автора.

Перевод: «от Федора к Ксении. Если Матвея поймали, хорошо его скуйте, а цепи сумейте достать. Прикуйте в пивном подклете. Дайте его Константину, пусть сторожит до моего приезда».

Последняя строка из-за разрыва не поддается толкованию и переводу.

Грамота № 413 — первая грамота Ильинского раскопа (рис. 2). Это целое письмо. Текст: «Цолобитье от Смена к попу Ивану, цобы еси моего москотья моего пересмотреле, дадбы хорь не попортиль. А я тоби, своему осподину, цоломь бию в коробки. А послаль есмь клуць Стопаномь, а помитка горносталь». Стратиграфическая и палеографическая дата — XIV век.

На первый взгляд кажется, что автор письма Семен («Смен» — обычная новгородская форма этого имени) находился в феодальной зависимости от адресата, попа Ивана. Об этом как будто говорит фраза «тоби, своему осподину, цоломь бию». Именно так писали на бересте крестьяне и ключники боярам. Но впечатление это, по-видимому, ошибочное, и здесь простая формула вежливости. Поп мог быть феодалом (конечно, мелким), но, если бы автор был его крестьянином, он попу не давал бы поручений.

«Москотья» — родительный падеж от «москотье». Такое слово в источниках неизвестно, но есть все основания видеть здесь сокращенную форму слова «москотилье». Самое раннее упоминание этого слова находится в новгородской договорной грамоте с ливонским магистром 1481 г. Там сказано: «а приедет новгородец на Ругодив с воском или с белкою или с москотильем» и т. д.[4]. Естественно, казалось бы, видеть здесь раннюю форму современного слова «москатель», что означает разные химические вещества (краски, клей и т. д.), как предмет торговли. Но это не совсем так. Я просмотрел в Институте языкознания Академии наук СССР карточки словаря древнерусского языка, содержащие этот термин или родственные ему. Цитированные там тексты относятся к XVII в. Часты упоминания типа «торгует москотильем». Некоторые люди названы москотильниками или москотинниками. Изредка упоминается покупка красок в москотильном ряду. Таким образом, современное значение уже существовало. Но чаще иные упоминания. Приведу примеры: «москотинного товару две коробки, а в них сто мошон женских, 40 мешечков шелковых» (1648 г.), «москотинного товару две коробки, а в них 18 киндяков узких, 8 козырей

[4] Акты, относящиеся к истории Западной России, I, СПб., 1846, стр. 96.

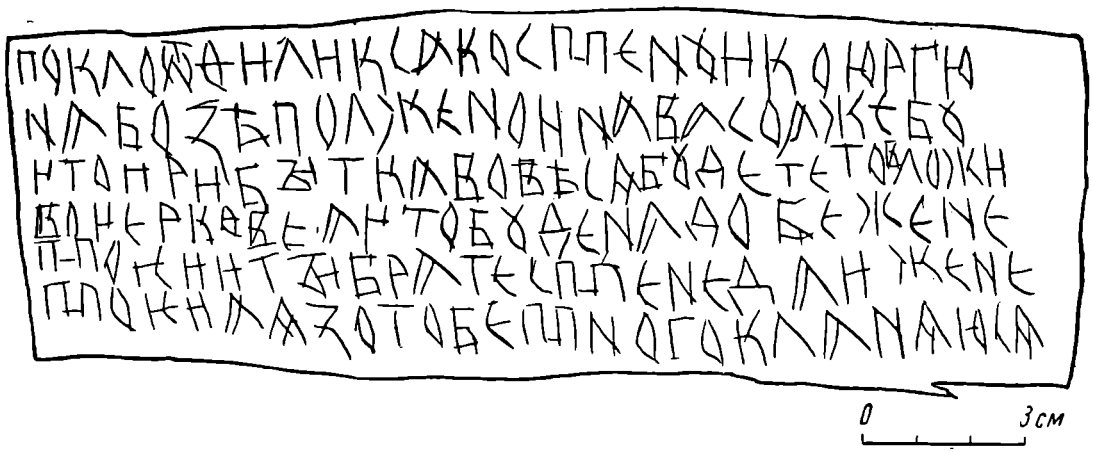


Рис. 3. Грамота № 414

бархатных» (1648 г.), «4 фунта шолку красного и цветного да иного товару москотинного» (1666 г.) и т. д. Итак, москотинным товаром назывались ткани, более или менее ценные, и мелкие изделия из них.

Слово «моего» по ошибке написано дважды. «Пересмотреле» — пересмотрел. «Дадбы» — дабы, чтобы. Адресат должен был пересмотреть москотье, принадлежавшее автору, чтобы хорь его не попортил.

Хорек едва ли был угрозой для запаса красок или запаса тканей. Но словарь Даля разъясняет загадку. Оказывается, в диалектах сохранилось одно из значений слова «хорь» — платяная моль. Тем самым подтверждается, что речь здесь идет не о красках, а о тканях. Правда, шелка моль не ест, но к москотью могли относиться и другие ткани. В приведенном тексте XVII в. сюда отнесен киндяк, ткань бумажная.

«В коробки» означает «в коробке»; вместо ятя здесь «и», что обычно в новгородской письменности, в том числе в берестяной. «Цоломь бию в коробки» — челом бью в коробке, т. е. о коробке. Семен просит попа дать ему коробку, возможно, для упаковки москотья. Не думаю, что москотье было уже ранее упаковано в коробку и что просьба о коробке просто повторяла просьбу о пересмотре москотья. Порядок слов был бы тогда иной, а в таком виде фраза только затемняла бы просьбу, без нее ясную.

«Клуць» — ключ. Ключ был послан со Степаном. Предлог «с» мог выпасть, поскольку первая буква имени тоже «с». «Помитка», может быть, памятка, особый дар. Такая огласовка возможна. Форма «помитка» неизвестна. «Горносталь» — горностай. Формы «горносталь» и «горностай» в древней Руси встречаются одинаково (см. словарь Срезневского).

Грамота № 414 тоже целое письмо (рис. 3). Текст: «Покло от Филикса ко Смену и ко Юргю. На бозе полжено и на васо, аже бу цто прибытка, во веся будете, то вложи во церкове. А цто буде надобе жене моеи, и ты, брате Смене, даи жене моеи, а язо тобе много кланяюся». Стратиграфическая и палеографическая дата — XIV век.

Слово «поклон» не дописано. Имя автора Филикс, т. е. Феликс. В православных святцах такое имя есть. В новгородских двинских грамотах XV в. упомянуто шесть Феликсов, три из них по два раза, и все они названы Филиксами [5]. Бытовало это имя и среди горожан-новгородцев. В договоре Новгорода с немцами 1338 г. упомянут наместник Феликс, имя его дошло в немецкой транскрипции [6]. «Смен» — обычная новгородская форма имени Семен. «Юрги» (дательный падеж «Юргю») — переходная форма имени Георгий, на бересте уже встречавшаяся. В XI—XIII вв. для Нов-

[5] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949, стр. 186, 217, 225, 231, 249, 254, 255, 306, 307.

[6] Там же, стр. 71.

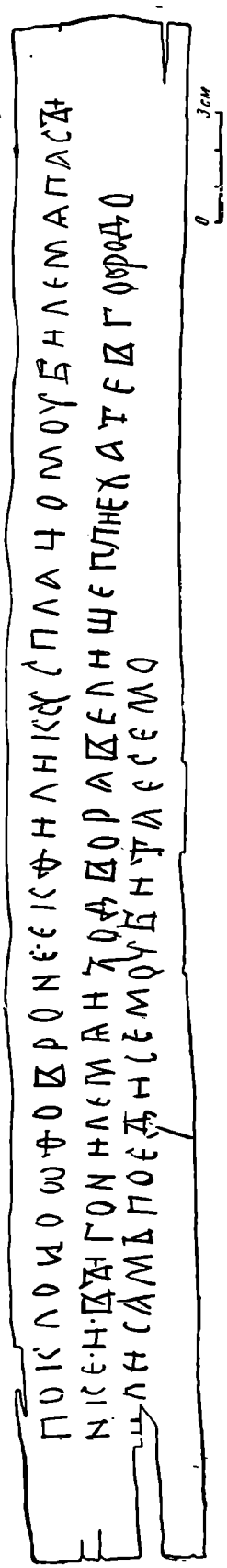


Рис. 4. Грамота № 415

города типична форма «Гюрги», в XIV — XV вв.— форма «Юрьи». Летописи и берестяные грамоты это одинаково хорошо доказывают.

«На бозе» — на боге. «На васо» — на вас. «Полжено» — положено (буква «о» пропущена). Словами «на бозе положено и на васо» автор хочет сказать, что он надеется на бога и на адресатов. «Аже» — если. «Бу» — недописанное слово «буде», будет. «Цто» — что. «Прибытка» — прибыли. В словаре Срезневского отмечены основные значения слова «прибыток» — доход, прибыль. «Во веся», вероятно, в весе. «Будете» — будет. «Вложи» — повелительное наклонение. Единственное число не должно удивлять, хотя адресатов два. Такая обмолвка естественна. «Церкове» — церковь. Прибыток надо вложить в церковь. Это можно понимать двояко. Общеизвестны летописные и иные известия о хранении товаров в церквах. Но возможен и церковный вклад, прямое пожертвование на нужды церкви.

Дальше текст прост и не нуждается ни в переводе, ни в комментариях. Феликс поручает обеспечение своей жены Семену и полностью ему это дело доверяет. Дальше обычная вежливая концовка.

В том же горизонте и в той же усадьбе, где найдена эта грамота, обнаружена свинцовая вислая печать. Новгородские раскопки дали уже много таких печатей. Но эта интересна надписью «Филиксова печать». На обороте кентавр. Редкость имени, топография и стратиграфия позволяют отождествлять автора грамоты и владельца печати. Он несомненно был должностным лицом, печати чеканились только ими. Такие лица, как правило, известны по новгородским актам. Там только один человек с этим именем, уже упомянутый наместник Феликс, известный по договору 1338 г. По авторитетному заключению В. Л. Янина, печать по всем своим признакам относится к середине XIV в.

В Новгороде слово «наместник» имело двоякий смысл. Были великокняжеские наместники и владычные наместники. Первое значение здесь исключено. Договор 1338 г. немцы заключили с великим князем и с Новгородом. Там названы: один представитель великого князя, Филипп, и шесть представителей Новгорода, в том числе Феликс. Мы можем поэтому считать его владычным наместником.

Грамота № 415 тоже целое письмо (рис. 4). Текст: «Поклоно о Фовронее к Филиксу с плацомо. Убиле мя пасынке и выгониле мя изо двора. Велише ми ехате в гоородо или самъ поеди семо. Убита есемо». Стратиграфическая и палеографическая дата — XIV век.

«Поклоно» — поклон. «О» — от: над омегой случайно пропущено выносное «т». «Фовронее» — родительный падеж от «Фовронея». В святцах есть

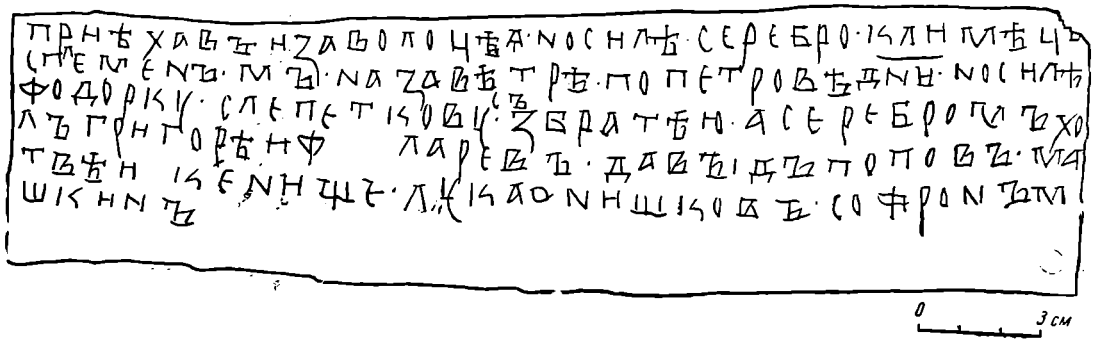


Рис. 5. Грамота № 417

женское имя Феврония. Имя адресата совпадает с именем автора предыдущей грамоты, это одно и то же лицо. «С плацомо» — с плачем. Синтаксически это можно отнести только к поклону. Получается поклон с плачем, что вполне соответствует содержанию письма.

«Убиле мя пасынке» — убил меня пасынок. Надо разобрать значение глагола «убить». В литературном языке теперь это слово значит только «лишить жизни». Такое значение обычно уже в летописях и других древнерусских текстах. Но оно не было единственным. В некоторых русских диалектах «убить» часто означает «ударить, избить», «убиться» — ушибиться. Вышеупомянутая картотека Института языкознания содержит много упоминаний слова «убить». Современное значение преобладает. Но часто этот глагол означает «избить». В связи с этим там неоднократно встречены выражения: «убить больно», «убить не до смерти», «убить до полусмерти», «убить до крови» и т. д. Таким образом, первую после поклона фразу надо переводить: «избил меня пасынок».

«И выгониле мя изо двора» — и выгнал меня со двора. «Велише ми ехате в гоородо» — велишь мне ехать в город (два «о» после «г» стоят по ошибке). Город — здесь, конечно, Новгород. Феврония живет в сельской местности и пишет жалобу Феликсу, который, судя по его печати, был должностным лицом.

Но Феврония, хотя и готова приехать в Новгород, надеется, что Феликс сам приедет, судя по словам: «или самь ноеди семо». «Семо» — сюда. По-видимому, Феврония довольно важная особа, поскольку она ждет Феликса по своему делу к себе. Кончается грамота короткой фразой «убита есемо», т. е. убита есмь, я избита.

Двор, где найдены печать Феликса, грамота № 414 и грамота № 415, принадлежал Феликсу. Печать могла быть некогда привешена к пергаменной грамоте, но могла и просто храниться про запас, что вероятнее. Грамота № 414 могла быть неотправленным письмом или, вернее, письмом, которое Семен и Юрий, вернувшись в Новгород, привезли автору, Феликсу. Ведь они должны были отчитаться в исполнении его поручений. Наконец, грамота № 415 естественно осталась во дворе адресата, Феликса.

Грамота № 417 — целый документ (рис. 5). Текст: «Приехавъ и Заволоцея, носиле серебро Климецъ с племенъмъ на заветре по Петрове дни, носиле Фодорку Слепеткову съ братею. А серебромъ холъ Григореи Фларевъ, Давыдъ Поповъ, Матвеи Кенище, Лука Онишковъ, Софронъ Мшкинъ». Стратиграфическая и палеографическая дата — XIV век.

Перед нами отчет о доставке заволоцкого серебра, т. е. государственный документ. Заволоцкое серебро — дань, доставлявшаяся в Новгород из Заволочья. Заволочье — бассейн Северной Двины, земля, лежащая за волоком, который связывал Белое озеро с Кубенским. Дань, поступавшая с этой огромной территории, имела для Новгорода большое государственное значение. Рассматриваемый документ, судя по всем его выражениям, относит-

ся лишь к какой-то части этой дани. Обилие имен говорит о громоздкости дани. Перечисленные лица могли засвидетельствовать ее состав.

«И Заволоцея» — из Заволочья. Одно из двух «з», которые должны стоять подряд, пропущено, что для древнерусских текстов естественно. Вместо «ч» стоит «ц», вместо «и» стоит ять, обе эти замены для Новгорода обычны. Дважды встречено слово «носиле» через ять. Если ять заменяет «е», надо перевести «носил»; если ять заменяет «и», надо перевести «носили». «Климецъ» уменьшительное от Клим; такое же слово встречено в грамоте № 311. Имена с окончанием на «ец» в новгородских текстах обычны. «С племенъмъ» — с племенем, т. е. с родственниками. Выражение «на заветре» в словаре Срезневского в форме «на завтрее» переведено «на следующее утро». Петров день — 29 июня. Серебро носили 30 июня. «Фодорку» — дательный падеж от «Фодорок» или «Фодорко». В имени Феодор уже древнерусские тексты отбрасывают вторую гласную, что укоренилось доныне; здесь, наоборот, отброшена первая гласная. Слепетков — отчество или (что для этого времени менее вероятно) фамилия; соответствующее имя среди древнерусских имен неизвестно. «Холъ» — ходил, две буквы пропущены. «Серебромъ холъ» — с серебром ходил или (что менее вероятно) — за серебром ходил. Дальше названы пять человек по именам и отчествам. Имена обычные. «Фларевъ» — Фролов. Позднейшее имя Фрол — искажение имени Флор. В берестяных грамотах № 186, 262 и 263 уже встречена форма Фларь. Отчество или фамилия Попов встречается в новгородских писцовых книгах конца XV в.[7]. «Кенище» — прозвище; но если буква «в» пропущена, это тоже отчество. Такое имя или прозвище в древней Руси неизвестно. Подобным образом не находит себе соответствий отчество «Онишковъ». Наконец, в последнем отчестве «Мшкинъ» пропущена буква между «м» и «ш». Возможны варианты: Машкин, Мешкин (от «мешка», медведь), Мишкин, Мошкин, Мушкин, Мышкин.

Помимо заволоцкого серебра, в Новгород ввозили «закамское серебро», т. е. уральское. Оно шло тоже через Заволочье и могло также называться заволоцким. Иван Калита в 1332 г., по словам Первой Новгородской летописи, «възверже гневъ на Новъградъ, прося у них серебро закамъское». То же известие повторено без существенных изменений во многих других летописях.

Грамота № 419 не может войти в настоящую статью, она заняла бы слишком много места, да и по содержанию своему она представляет слишком специальный интерес. Но не упомянуть ее здесь нельзя.

Участники Новгородской экспедиции 12 лет мечтали о находках берестяных книг. Рассматриваемая грамота может быть названа первой такой книгой, найденной при раскопках. Правда, размеры ее невелики, а текст церковен и по содержанию мало оригинален. Но все же здесь все признаки книги. Примерно одинаковые листики были сшиты по тому способу, по которому все книги сшиваются. Нити не сохранились, но дырочки для них все целы, и следы нитей видны, составляя швы. Двойные листы посередине согнуты и прошиты. Таких швов на всех листах по восемь. Листов (двойных) всего три, простых листов шесть, страниц двенадцать.

Книжка совсем маленькая: высота страниц от 0,046 до 0,047 *м*, ширина от 0,049 до 0,051 *м*. Они, таким образом, почти квадратны. Все четыре страницы первого двойного листа совершенно пусты. Это явная обложка. Остальные страницы помещались между ними. В согнутом и прошитом первом листе лежали два остальных, тоже согнутые и прошитые.

Первая страница текста начинается орнаментальным рисунком. Это заставка, идущая над текстом во всю длину строки. Она довольно проста. Переплетаются две полосы, не то зигзаговые, не то волнистые (различить

---

[7] Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. ЗОРСА РАО, 6, СПб., 1903, стр. 759.

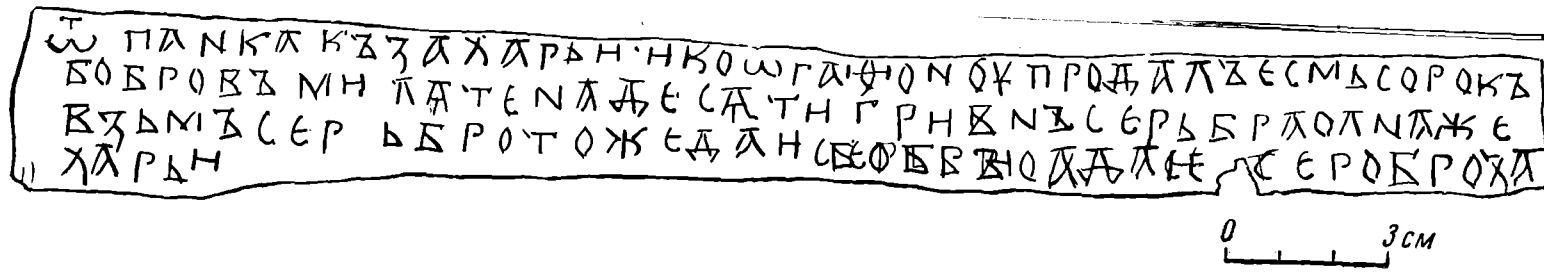


Рис. 6. Грамота № 420

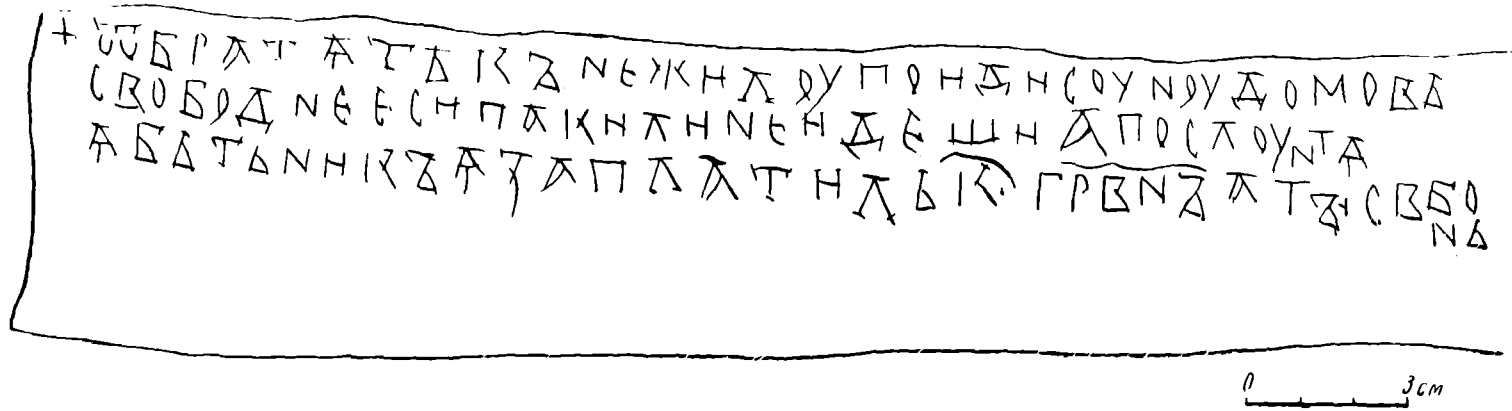


Рис. 7. Грамота № 421

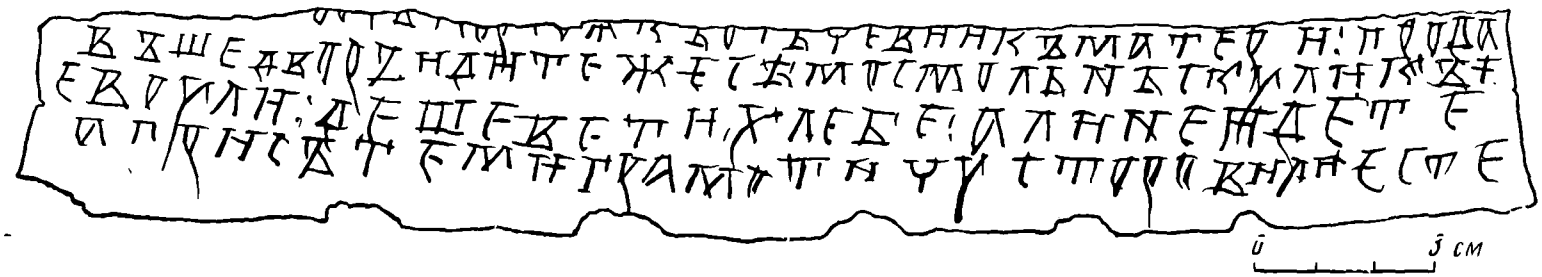


Рис. 8. Грамота № 421

это трудно из-за небрежности). Каждая полоса состоит из двух линий; всего зигзагов четыре. Этот узор настолько прост и общераспространен, что перечислять аналогии нецелесообразно. Их много и в Новгороде. Орнаменты новгородских рукописных книг вообще гораздо сложнее, в том числе и плетеные, но в них легко найти подобные элементы, равно как и в орнаментах новгородских металлических и деревянных изделий.

Текст — молитва. Стратиграфическая и палеографическая дата — XIV век.

Такая молитва читается в церквах доныне. Известна она и в древней Руси. Полный текст будет опубликован при полном издании грамот. Найденная при раскопках книжечка была изготовлена, возможно, для священника, но, вернее, для певчего.

Церковные тексты редки среди новгородских берестяных грамот. Первой берестяной молитвой была грамота № 128. Грамоту № 419 можно назвать второй. Искаженные куски молитв содержит еще грамота № 207. Некоторые обрывки грамот могут быть тоже остатками молитв, например грамота № 331, но это гадательно.

Грамота № 420 — целое письмо (рис. 6). Текст: «От Панка къ Захарьи и ко Огафону. Продалъ есмь сорокъ бобровъ Миляте на десяти гривнъ серьбра. Олна же, взьмъ серьбро, тоже даи бобры, а дае серобро Захарьи». Стратиграфическая и палеографическая дата — XIV век.

Имя Панко, может быть, и не связано с именем (или прозвищем) Пан, встречаемым в новгородских писцовых книгах конца XV в. и некоторых московских актах. Там вероятна связь с польским званием. Здесь проще предположить уменьшительное от одного из имен, которые начинаются с этого слога: Панкратий, Пантелеймон и т. д. Имя Захария в новгородских летописях обычно. Имя Агафон написано здесь через «о» в соответствии с новгородским оканьем. «Продал есмь» — я продал. Имя Милята в Новгороде известно, оно происходит от слова «милый» с обычным древнерусским окончанием. Известна новгородская книга Милятино Евангелие, написанное повелением Миляты Лукинича, по словам записи на последней странице. И. И. Срезневский датирует эту книгу 1215 г.[8]. Под 1216 г. в Первой Новгородской летописи упомянут Гаврила Милятинич.

«На десяти гривнъ серьбра» — за десять гривен серебра. Так мы узнаем цену сорока бобров, т. е. бобровых шкур. Они стоили дороже, чем можно было для этого времени предположить.

Слово «олна» чаще встречается в форме «ольна». В словаре Срезневского названы и обоснованы примерами пять значений этого слова: 1) когда, 2) так что, 3) так что только, 4) еще, 5) вплоть. Здесь подходит второе значение. Слово «же» не меняет смысла. «Взьмъ серьбро» — взяв серебро. «Даи» — дай. «Дае», судя по контексту, тоже «дай», а не «дает».

Письмо, адресованное Захарии и Агафону, кончается поручением дать серебро Захарии. Очевидно, это сказано Агафону, а двойной адрес обязывает его показать письмо Захарии для ясности расчетов.

Агафон, вероятно, приказчик или младший родственник Панка, продавшего бобров. Бобры эти хранились у Агафона, он должен был получить от покупателя их цену.

Грамота № 421 тоже целое письмо (рис. 7). Текст: «От Братяте къ Нежилу. Поиди суну домовь. Свободне еси. Паки ли не идеши, а послу н тя ябьтьникъ. Я заплатиль 20 гривенъ, а ты свбонь». Стратиграфическая и палеографическая дата — XIII век.

Имя Братята в источниках мне неизвестно, но имена с окончанием на «ята» образовывались, судя по многочисленным примерам, от всяких слов. Имя Нежила встречено в Первой Новгородской летописи под 1234 г., новгородец Нежила серебряник убит в бою с литовцами.

---

[8] И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2. СПб., 1882, стр. 91.

Непонятно слово «суну». Правда, было слово «сун», башня, но оно применялось лишь в переводной литературе. Глагольная форма не дает смысла. Остается предположить искажение слова «сыну». Буква «у» доныне при описках заменяет букву «ы». Если это так, «поиди суну» надо переводить: «пойди к сыну».

Слово «домовь» или «домови» в древнерусских текстах хорошо известно и всегда означает «домой», судя по летописям, актам и т. д. (см. словарь Срезневского). Например, в договоре Новгорода с немцами конца XII в. сказано: «ити гостю домовь без пакости».

«Свободне еси» — ты свободен. Слово «паки» имело в древнерусском языке несколько значений, но выражение «паки ли» имело значения: «или же», «если же нет» (см. словарь Срезневского). «Паки ли не идеши» — если же ты не пойдешь. «Послу» — пошлю. «Н тя» — на тебя, буква «а» после «н» случайно пропущена. «Послу н тя ябьтьникъ» — пошлю на тебя ябетников. Ябетники — судебные служащие, о них пришлось писать по поводу грамоты № 235. «Свбонь» — сокращенное написание слова «свободен». Автор два раза на протяжении краткого письма сообщает адресату: ты свободен.

Братята заплатил за Нежилу выкуп в 20 гривен. Это для XIII в. порядочная сумма. Он сообщает Нежиле, что тот теперь свободен, и предлагает вернуться домой. Неясно, где находился Нежила: в заключении или в бегах. Неясна и причина его несвободы: долги или уголовное обвинение. Во всяком случае Братята настаивает на его возвращении и даже угрожает привести его насильно. Свобода, таким образом, относительная.

Грамота № 424 — письмо, от которого оторваны только верхние части букв, составлявших имя автора (рис. 8). Текст: «Отъ ... къ отьчеви и къ матери. Продавъше дворъ, идите же семо, Смольньску ли, Кыеву ли. Дешеве ти хлебе. Али не идете, а присъте ми грамотичу, сторови ли есте». Стратиграфическая и палеографическая дата — XII век.

Имя автора прочесть нельзя. «К отьчеви» — к отцу. Письмо адресовано отцу и матери.

Сын предлагает родителям продать двор в Новгороде и переехать в Смоленск или в Киев. Судя по положению слова «семо», сюда, письмо послано из Смоленска в Новгород.

«Ти» — усилительная частица. «Дешеве ти хлебе» — дешев хлеб (вероятно, в Смоленске). «Али» — если. «Присъте» — пришлите. «Ми» — мне. «Грамотичу» — грамоту, здесь стоит уменьшительная форма. «Сторови ли есте» — здоровы ли вы. В заключение письма сын просит родителей, если они не переедут, сообщить ему письмом, здоровы ли они.

Упоминание о дешевизне хлеба в Смоленске может вызвать предположение, что в Новгороде был голод и что мысль о переезде возникла поэтому. Тогда надо предположить, что адресаты тоже нуждались в хлебе. Но, будь это так, они не могли бы совершить столь трудный и длительный переезд, тем более, что двор пришлось бы продать за бесценок. Причины подобных намерений были известны автору и адресатам, но не нам.

Из этого письма мы во всяком случае узнаем о подвижности русского городского населения в XII в.

Заметки

М. Н. КЛАПЧУК

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1962 году

В деле изучения археологических памятников Карагандинской обл. большие заслуги принадлежат геологам. Курганы и могилы первыми нанесли на карту области топографы и геодезисты Соболев, Нифантьев, А. Шренк и гидротехник А. П. Соловьев еще в XIX — начале XX вв. [1].

Археологические раскопки на территории области впервые произвел в 1905 г. гидрогеолог А. А. Козырев [2]. Одними из первых геологи открыли здесь многочисленные стоянки каменного века и производили на них сборы подъемного материала. Так, К. И. Сатпаев [3] обнаружил в 1936 г. орудия каменного века в Джезказгане, Н. Харламов в 1937 г. у оз. Коктенколь, И. П. Новохатский в 1938 г. у колодца Шакпактас около оз. Балхаш [4], Н. М. Салов в 1942 г. близ сопки Мунглу в бассейне рек Коктас — Карасай [5], и др. Отдельные находки орудий каменного века в Джезказганском и Улутауском районах сделали И. П. Ермин [6], Ю. А. Орлов и А. Н. Формозов [7], А. Ж. Машанов и А. А. Слудский, а в Прибалхашье М. Н. Дублицкая [8]. В 1952 г. во время геологоразведочных работ у могильника Нурман близ пос. Байконур В. Ф. Петрунь собрал свыше 170 неолитических предметов [9]. Год спустя С. В. Лопатин обнаружил семь позднеолитических стоянок в окрестностях ст. Киик [10].

Много ценных археологических находок на протяжении 1958—1960 гг. по среднему течению р. Сары-Су и в прилегающей к ней части Бетпак-Далы сделали Л. С. Симутин, Л. И. Бордзиловская и А. В. Гезий. Особого внимания заслуживают археологические сборы В. С. Танцырева. Летом 1960 г. в сухом логу Кенжебайсай впервые на территории Карагандинской обл. он обнаружил палеолитические орудия. В результате этой деятельности геологов количество памятников каменного века на территории области к началу 1961 г. значительно увеличилось.

---

[1] А. Х. Маргулан. Историко-топографический фон восточной Бетпак-Далы, ВАН КазССР, 1950, 6/63, стр. 61.

[2] А. А. Козырев. Раскопки кургана в урочище Кара-Агач. ИАК, 1905, 16. стр. 27—36.

[3] К. И. Сатпаев. Доисторические памятники в Джезказганском районе. «Нар. х-во Казахстана», 1941, XV, 1, стр. 69—73.

[4] Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.

[5] Археологический фонд Карагандинского обл. музея, № 1086.

[6] А. Х. Маргулан. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Казахстана. ИАН КазССР, 1948, 46, стр. 3—9.

[7] А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК АН СССР, 1950, XXXI, стр. 146, рис. 17—21.

[8] Е. И. Агеева. Хроника археологических раскопок и находок в Казахстане в 1948—1949 гг. ИАН КазССР, 1950, 108, стр. 130—133.

[9] В. Ф. Петрунь. Неолитические находки в районе Байконура и р. Тамды. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1, 1956, стр. 172—181.

[10] С. В. Лопатин. Археологические памятники в Центральном Казахстане. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 1, 1956, стр. 265—266.

На протяжении 1962 г., попутно со своей основной работой, геологи продолжали заниматься сборами археологического материала. Больше всех сделали работники Моинкумской партии и Ишимского отряда Центрально-Казахстанского геологического управления (ЦКГУ). Р. А. Зиновой, Р. А. Терещенко, С. Зиновым, А. С. Краюшкиным и автором было открыто 13 стоянок каменного века у пос. Кзыл-Джар и девять по среднему

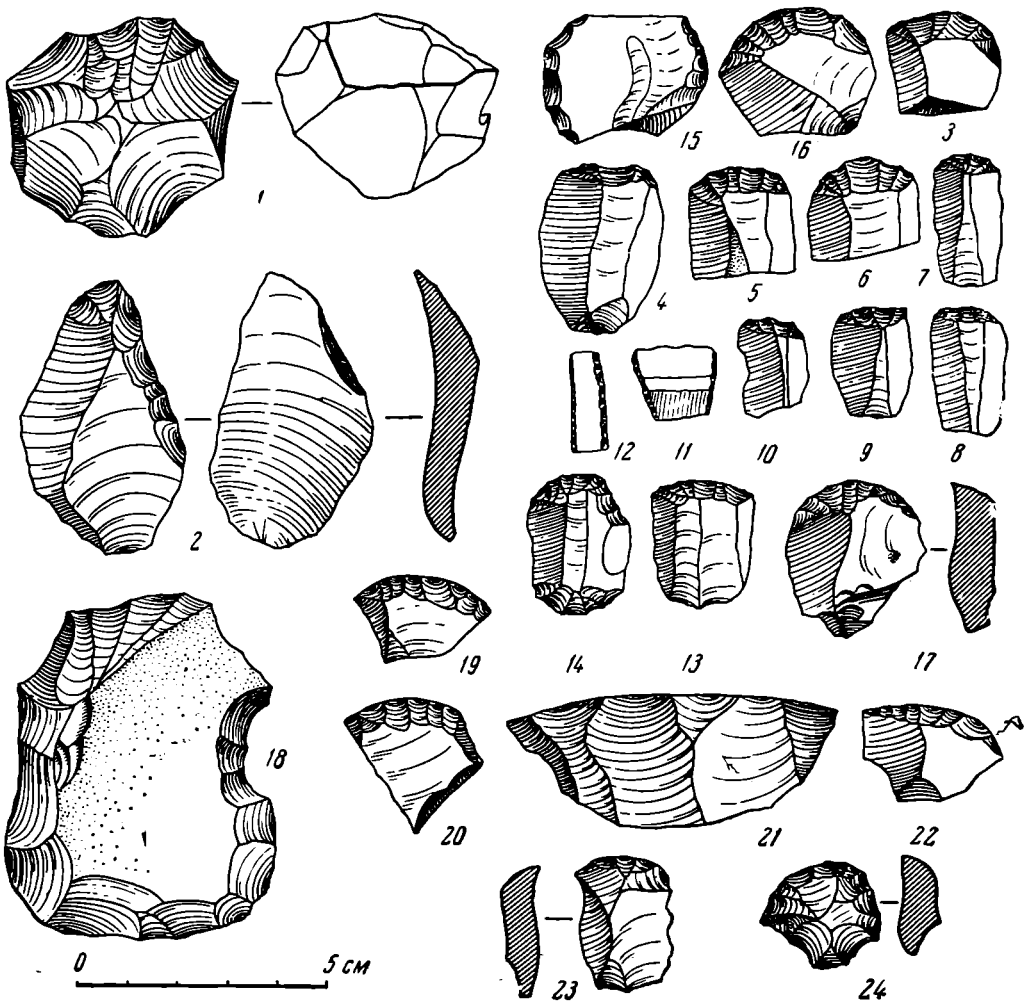


Рис. 1. Каменный инвентарь из Карагандинской обл.

Палеолит: *1* — Кзыл-Джар 3; *2* — Сары-Су; неолит: *4, 6, 9—12, 15, 16* — Кенжебайсай 2; *3, 5, 7, 8* — Кенжебайсай 3; *13, 14* — Кенжебайсай 8; *17—24* — стоянка Сары-Узень 4 и 6

течению р. Кенжебайсай. Кроме того, автор обнаружил две стоянки первобытного человека близ Караганды, две в окрестностях с. Шокай и четыре по р. Батпак. К. З. Ярмухамедова, Н. В. Аксаментов, И. Д. Ращук, Л. С. Симутин и Р. Итбаев собрали ряд орудий в Северном Прибалхашье, а Г. В. Белов и В. С. Танцырев в четырех точках западной Бетпак-Далы у оз. Дабсун-Туз.

В общей сложности на протяжении 1962 г. геологами ЦКГУ сделано свыше 6000 археологических находок. Из них свыше 300 находок имеют палеолитический и около 5500 находок неолитический возраст.

Палеолит. На территории Карагандинской обл. в 1962 г. обнаружены три палеолитические стоянки: Сары-Су, Кзыл-Джар 3 и Батпак 8.

1. Кызыл-Джар 3. На первой надпойменной террасе р. Сары-Су в 7,3 *км* к западу от пос. Кзыл-Джар на глубине 1,25 *м* найден небольшой

дисковидный нуклеус (рис. 1, *1*) с фасетками от коротких треугольных пластинок. Судя по стратиграфическому положению [11], спорово-пыльцевым данным и типологическим признакам, нуклеус имеет мустьерский возраст.

2. Сары-Су. На галечнике р. Сары-Су, в месте пересечения ее русла песками Моинкум, найдено восемь каменных предметов, носящих на поверхности следы окатанности и белесой патины. Среди находок обращают на себя внимание типичные мустьерские остроконечники (рис. 1, *2*).

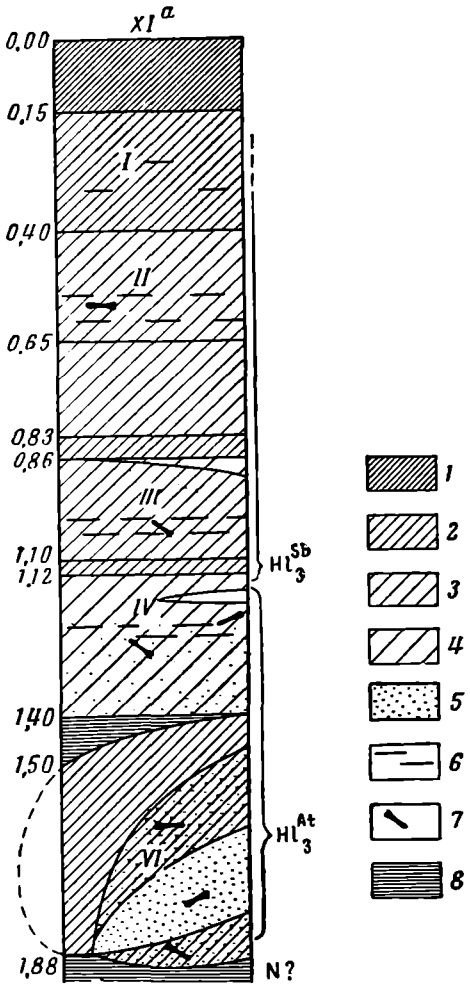


Рис. 2. Разрез по северной стенке квадрата XI-а на стоянке Караганда 15

1 — почвенный слой, *2* — суглинок темно-серый, *3* — суглинок желтый, *4* — суглинок белесый, *5* — супесь, *6* — культурные слои, *7* — находки костей животных, *8* — глина желто-синяя, Hl_3^{At}. Период атлантического климата. Hl_3^{Sb}. Период суббореального климата

3. Батпак 8. На правом берегу р. Батпак в 3 *км* к северу от одноименного селения на поверхности желто-бурого суглинка верхнеплейстоценового возраста собрано 290 предметов, которые можно датировать верхним палеолитом. Среди находок был большой дисковидный нуклеус, треугольные и ножевидные пластинки, скребок из отщепа и проколка.

Неолит. Подавляющее большинство находок 1962 г. имеет неолитический возраст. Наибольший интерес представляют находки из стоянок Кенжебайсай 2 и 8, Кзыл-Джар 20, Сары-Узень 4 и 6, Караганда 15 и Зеленая Балка 4. На каждой из них собрано не менее чем по 100—200 предметов.

Памятники бассейна рек Кенжебайсай, Коктас и Карасай характеризуются наличием микролитических орудий, в частности скребков, 43% которых изготовлено из пластин, а 54% из отщепов. Много и округлых скребков из отщепов. Среди находок попадались трапеции и вкладыши (рис. 1, *3—16*). Большинство находок изготовлено из светло-желтой яшмы и светло-серого фельзита.

Находки на правобережье р. Сары-Су и оз. Сары-Узень характеризуются преобладанием среди орудий скребков из отщепов (88%). Материалом для изготовления орудий служила яшма, окремненные песчаники и кварц (рис. 1, *17—24*).

Раскопки на стоянке Караганда 15 и Зеленая Балка 4 дали возможность выделить три этапа развития неолита на северо-востоке Карагандинской обл.

Стоянка Караганда 15 расположена в 10 *км* к югу от Караганды, на южном склоне мыса, вблизи выхода на поверхность юрских вод. Она занимает площадь около одного гектара. Раскопки произведены на площади

[11] Желто-бурые супеси, залегающие над нуклеусом, датируются верхним плейстоценом. К. В. Никифорова. Кайнозой Голодной степи Центрального Казахстана. М., 1960, стр. 159.

170 $м^2$ на глубину 0,80—1,85 *м*. Разрез показан на рис. 2, а статистические данные о находках приведены на таблице. Стоянка имела шесть культурных слоев.

Культурный комплекс первого этапа изучен на материале VI культурного слоя стоянки. Этот комплекс представлен мелкими орудиями, среди которых преобладают скребки. 93% последних представлены формами, сделанными из отщепов. Единично встречены трапеции и вкладыши

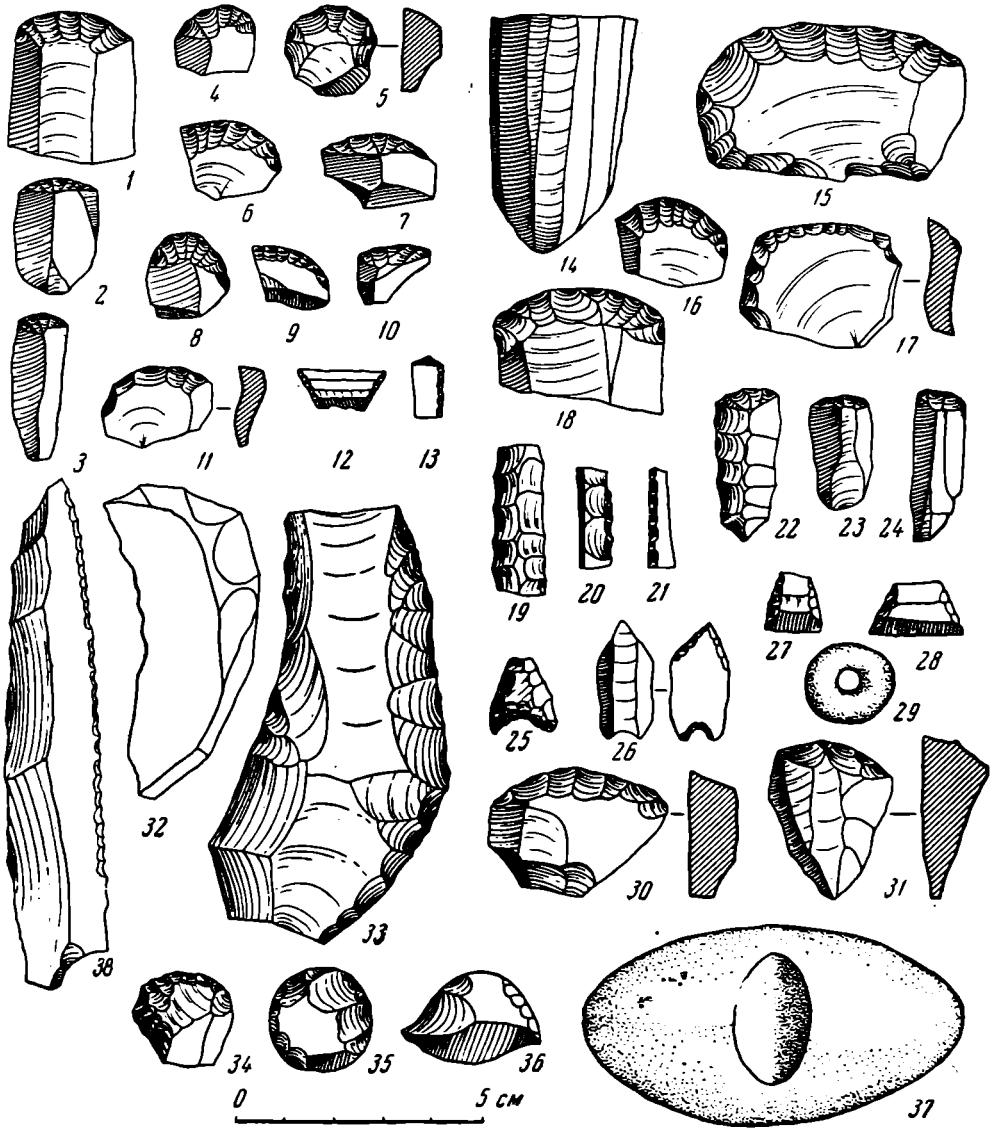


Рис. 3. Находки с неолитической стоянки Караганда 15

1—13 — IV слой; *14—31* — V—III слои; *32—37* — III слой

(рис. 3, *1—13*). По данным стратиграфии (залегание в низах темно-желтых слоистых суглинков) и пыльцевого анализа (абсолютное преобладание ксерофитов, характерное для атлантического климата), первый из изученных этапов развития неолита должен был иметь место не позднее самого начала III тысячелетия до н. э.

Второй этап неолита изучен на материале V—III культурных слоев стоянки Караганда 15. Основная масса орудий представлена здесь скребками из отщепов (84—87%). Среди скребков самыми характерными явля-

Статистика археологических находок из стоянок Караганда 15 и зеленая Балка 4

Находки	Караганда 15					Зеленая Балка 4
	Культурные слои					
	VI	V	IV	III	II	I
Всего находок	302	248	911	1996	503	1531
Нуклеусы	15	5	28	59	13	43
Пластинки ножевидные	58	54	206	526	126	384
Скребла	2	3	17	12	4	9
Скребки из пластинок	3	3	21	31	13	21
Скребки из отщепов	39	17	141	157	35	81
Наконечники стрел	1	1	4	18	7	10
Дротики	1		4	11	3	5
Проколки			4	3		2
Резцы	2	1	3	4	1	1
Трапеции		3	3	7	3	2
Вкладыши	2		1	11	6	6
Мотыги каменные				2	3	9
Серпы каменные				1		
Выпрямилки				1		
Куски керамики				3	1	13
Куски медной руды						2

ются вееровидные формы. В комплексе единично встречаются вкладыши и трапеции (рис. 3, *14—31*). Наконечники стрел — небольшие, подтреугольной формы, с выемкой у основания (рис. 3, *25*). Редко попадаются

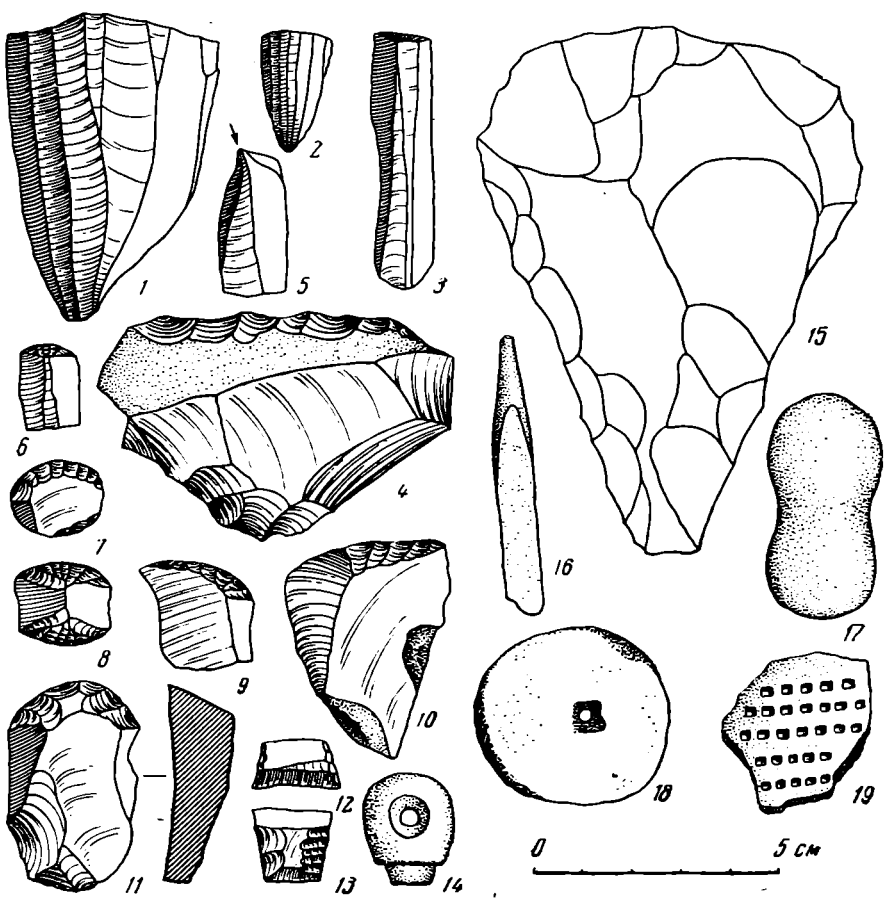


Рис. 4. Находки со стоянки Зеленая Балка 4

наконечники из пластинок с ретушью, не заходящей на брюшко и спинку (рис. 3, *26*). Предположительный возраст комплекса — III тысячелетие до н. э. Он обосновывается наличием в V—III культурных слоях пыльцевых комплексов, характерных для перехода от атлантического к суббореальному климату.

Третий этап развития неолита на северо-востоке Карагандинской области изучен на материале стоянки Зеленая Балка 4. Эта стоянка расположена в 1 *км* к востоку от полевого стана четвертой бригады совхоза «Победа» и в 17 *км* от Караганды. Она занимает часть юго-восточного склона сопки (200 × 300 *м*) у родника, приуроченного к выходу девонских пород. Раскопки произведены здесь на площади 26 *м*^{2}. Обнаружен один культурный слой, залегающий на глубине 0,20—0,65 *м*. В раскопках найдено 1530 предметов (таблица), принадлежащих одному комплексу. Большинство орудий изготовлено из темно-бурых яшмовидных пород. Среди орудий преобладали скребки из отщепов (77—79%). В комплексе встречаются клиновидные скребки, большие скребла, трапеции, вкладыши, наконечники стрел с черешками, керамика, каменные мотыги (рис. 4). Предположительный возраст его — первая половина II тысячелетия до н. э.[12] Комплекс относится к тому же времени, что и начальная стадия андроновской культуры, но увязка материалов о стоянке Зеленая Балка 4 с материалами андроновской культуры, в основном изученной по погребениям, пока сопряжена с трудностями.

[12] Комплекс имеет некоторые аналогии в инвентаре Усть-Нарыма. С. С. Черников. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956. КСИИМК, 73, 1959, стр. 99—106.

С. А. СЕМЕНОВ

КЕРАМИЧЕСКИЙ СЕРП ИЗ ДРЕВНЕГО ПОСЕЛЕНИЯ ЭРИДУ В ИРАКЕ

Мнение о широком употреблении древними земледельцами Двуречья керамических орудий труда взамен каменных и даже металлических нуждается в некоторых оговорках. Недостаток хорошего технического камня имел значение для замены его керамическими изделиями. Однако в эту эпоху существовали меновые связи ранних земледельцев Двуречья с другими странами. Недостающий камень доставлялся и имел применение в ограниченном количестве.

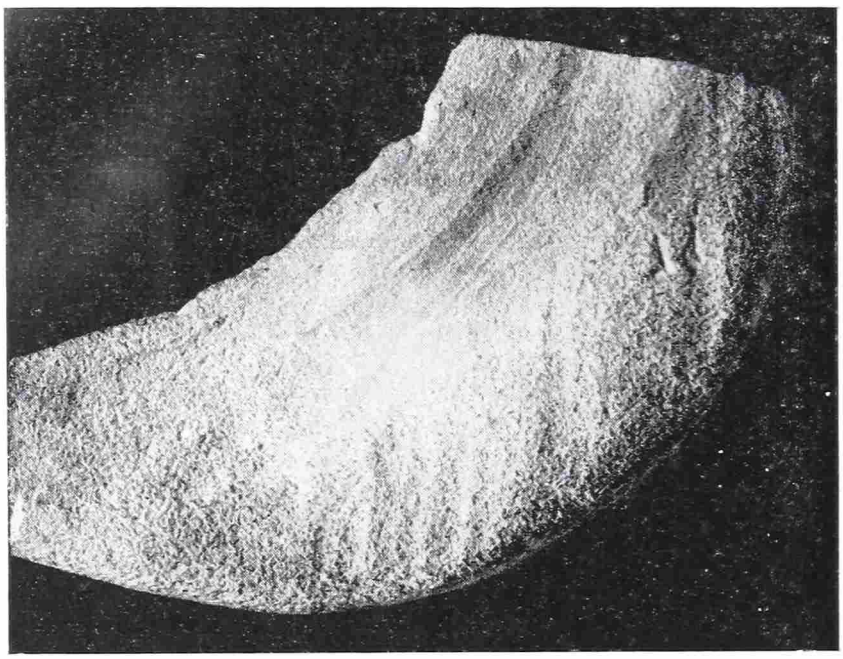
Земледельцы Эль Обеида употребляли кремневые вкладышевые серпы, хотя на этом поселении найдены серпы и керамические. Кремневые вкладыши серпов из Эль Обеида были определены Л. Вулли[1] как «лезвия кремневой пилы» (flint saw-blades). Та же ошибка в определении кремневых серпов была сделана и Р. Помпелли[2] при раскопках Анау в начале нашего века. Ошибка Р. Помпелли была вскрыта функциональным методом исследования каменных орудий в лаборатории Первобытной техники при ЛО ИА АН СССР[3].

Среди археологов существуют сомнения в отношении использования керамических серпов в сельскохозяйственной практике. На эти сомнения наталкивают некоторые факты изготовления моделей серпов из необожженной глины, имевших, вероятно, культовое значение. Таковы, например, глиняные серпы, топоры, тесла, «гвозди» из Telloh[4]. Топоры и тесла не могли иметь практического значения, даже если такие глиняные изде-

[1] H. R. Hall, C. L. Wooley. Ur Excavations, I, Oxford, 1927, табл. XV.
[2] R. Pompelly. Explorations in Turkestan, Prehistoric Civilisation of Anau. Washington, 1908, стр. 164, рис. 42—44.
[3] С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, 54, 1957, стр. 146—148.
[4] H. de Genouillac. Fouilles de Telloh, Paris, 1934, табл. 44—45.

лия обжигались. «Гвозди» из обожженной глины со шляпками, очевидно, не «вбивались» в стены жилых построек, а вмазывались при их сооружении.

Доставленные в Ленинград из Ирака Б. Б. Пиотровским части от двух керамических серпов, найденные им на развалинах древнего города Эриду, датируемые началом III тысячелетия до н. э., позволили исследовать этот



Фрагмент керамического серпа из Эриду

вопрос. Результаты исследования одного образца нельзя считать полными и окончательными ввиду отсутствия массового материала.

Прежде всего обращает на себя внимание, что это глиняное изделие, находящееся долгое время на поверхности, подверглось значительному окатыванию в условиях песчано-ветровой среды. Поверхность его повреждена естественной абразией и имеет шероховатость от множества мелких лунок. Это не позволяет увидеть следы его использования, если изделие применялось в качестве серпа.

Испытание твердости серпа методом Мооса показало следующее: серп царапает стекло, но и стекло царапает глиняный серп ввиду пористости керамической массы. По всем участкам этого керамического изделия равномерно распределены твердые частицы, придающие серпу некоторые абразивные свойства. Основная масса изделия является связующим веществом. Твердость абразивных частиц 6—7,5, а связующей массы — около 4,5—5. Любой участок керамической массы обладает достаточной твердостью, чтобы царапать нетвердую сталь, например лезвие перочинного ножа. Оставляет металлический след, хотя более слабый, и сталь швейной иглы.

Петрографический анализ, произведенный научным сотрудником лаборатории Г. М. Ковнурко, показал, что этими твердыми частицами являются зерна кварца, полевого шпата и циркона размером около 0.15 *мм*. Всего на долю обломочных минералов приходится 7% объема керамического материала. Основная масса керамики имеет серо-желтоватый цвет, переходящий в серо-зеленоватый по краям. Масса отличается стеклообразностью и пористостью с размером пор до 0.3 *мм*, видимых даже

невооруженным глазом. Однако, несмотря на пористость керамики, ее водопоглощаемость ничтожна. Это значит, что такая керамика даже в условиях влажной среды не теряла своих механических свойств.

Рентгеноструктурным анализом (Г. М. Ковнурко) установлено, что основная масса керамики имеет все признаки диопсида (минерала из группы пироксенов), образовавшегося в результате обжига при высокой температуре, достигающей 1250°. Но диопсид мог образоваться лишь в том случае, если сырой материал содержал значительное количество кальция и магния, т. е. если обжигу подвергался мергель, известковая осадочная порода, содержащая до 40—75% $CaCO_3$ и 60—25% глинистых примесей.

Количественный спектральный анализ керамики, произведенный Д. В. Наумовым, в основном подтверждает сделанные выводы. Состав окислов керамики следующий (в %):

SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	CaO	MgO	MnO	K_2O	Na_2O	TO_2
28	16	15	17	15	0,5	6,0	1,2	1,0

Кроме перечисленных элементов в составе керамики были обнаружены следы меди, олова, серебра, никеля, стронция и хрома.

Температура в 1250°, которую можно получить на древесном угле, является очень высокой. Трудно сказать без анализа, подвергались ли такому обжигу другие керамические изделия в древнем Эриду. Но даже если обжиг при такой температуре применялся только в отношении технических изделий, это свидетельствует о значительном прогрессе. Есть основания думать, что такой обжиг керамики мог возникнуть на металлургической основе. Плавка меди была известна в это время.

Эксперименты показали, что керамический серп из Эриду хорошо затачивается на абразивной плите. Следовательно, в результате затупления или выкрашивания лезвия серпа легко было восстановить его рабочие (режущие) свойства. В опытах срезания стеблей молодых кустарниковых растений, травы и веток было выявлено большое преимущество кремневых серпов перед керамическими серпами. Орудие требовало систематического затачивания лезвия. Однако использование керамических серпов для разрезания растительных волокон, срезания хлебных злаков, камыша, травы было возможно при известной тренировке.

Использование материалов, имеющих абразивные свойства, в качестве серпов установлено в Средней Азии в эпоху ранних металлов. Ю. А. Заднепровский на Дальверзинском селище в Фергане обнаружил орудия, изготовленные из различных осадочных и вулканических пород. Их форма и характер изнашивания привели к выводу о том, что здесь мы имеем весьма своеобразные серпы, изготавливаемые шлифованием.

Испытание их твердости методом Мооса дало результаты, очень близкие к результатам испытания глиняных серпов из Эриду. В работе стойкость абразивных серпов из Дальверзина все же была несколько выше стойкости керамических серпов из Эриду. Пористая структура керамического серпа понижала рабочие качества его лезвия.

Принимая во внимание значительную твердость и абразивные качества, определяемые петрографическим составом, можно заключить, что такого рода глиняные орудия могли служить серпами для срезания стеблей хлебных растений, а возможно, и молодого камыша, имевшего широкое применение в хозяйстве древних земледельцев Двуречья.

А. П. РУНИЧ

О ПОЧТИ ИСЧЕЗНУВШЕМ БЫТОВОМ ПРЕДМЕТЕ

При исследовании могильника на Кисловодской мебельной фабрике в каменных ящиках [1], относящихся к VIII—VII вв. до н. э. [2], при женских костяках среди погребального инвентаря иногда встречались предметы непонятного назначения [3]. Они сделаны из бронзы, имеют вид очень вытянутого конуса с закругленными концами, сквозным овальным отверстием

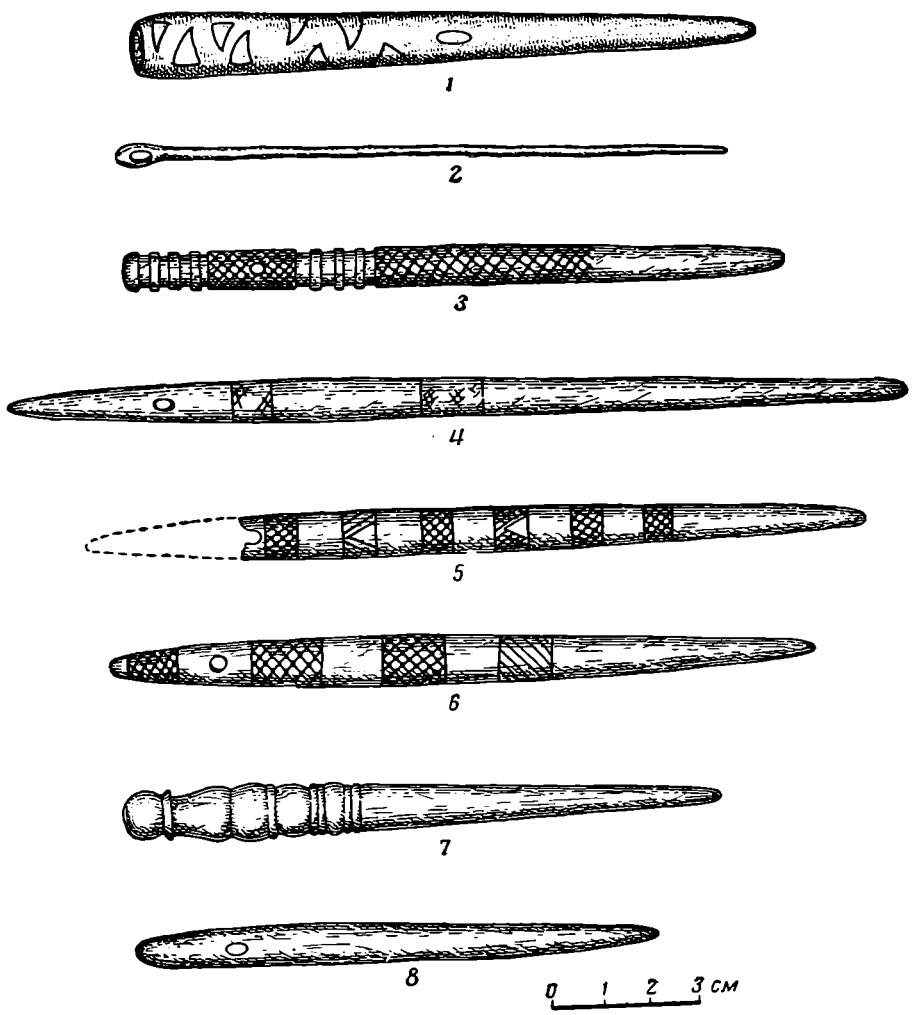


Рис. 1. Приспособления для продевания «учкура» в поясе одежды

в средней части предмета и довольно богато инкрустированы серебром (рис. 1, *1*).

В других женских погребениях этого же могильника рядом с бронзовой иглой (рис. 1, *2*) или пряслом встречались остатки от деревянных палочек длиной около 10—15 *см* и диаметром 0,5—0,9 *см*. Удалось проследить, что они утончались к концам и на одной из них отмечены следы красной краски и небольшого отверстия у заостренного конца. Такие же палочки иногда встречались в катакомбах на мебельной фабрике, у горы «Кольцо» и в некоторых других катакомбах Кисловодска. Нужно

[1] А. П. Руничч. Отчет в Архиве ИИМК АН СССР за 1959 г.
[2] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 459.
[3] А. П. Руничч. Ук. соч., табл. X, *16*.

отметить, что эти предметы обнаружены только при женских костяках и имели примерно ту же форму и размеры, что и в каменных ящиках.

При доследовании грунтового могильника у г. Кисловодска на территории совхоза «Зеленогорский» Н. Н. Михайлов [4] в женском погребении рядом с наперстком и другими вещами нашел костяной предмет того же типа, что и на мебельной фабрике. Предмет тщательно сделан, довольно богато украшен резьбой, имеет поперечные фаски и сквозное отверстие (рис. 1, *3*). Судя по погребальному инвентарю, могильник в совхозе «Зеленогорский» одновременен с Ново-Кувинским [5], и его предварительно следует отнести к XII—XV вв.

В окрестностях г. Пятигорска в так называемых «Старокабардинских курганах», относящихся к XIV—XVI вв., опять в женских погребениях рядом с ножницами для стрижки овец мы нашли веретенообразные предметы со следами резьбы и сквозным отверстием у конца (рис. 1, *4*). Аналогичный костяной предмет найден в курганном могильнике на городище Байтал-Чапкан и относится к XIV—XVI вв. (рис. 1, *5*) [6]. Т. М. Минаева сообщает, что «ниже ребер с правой стороны против поясничных позвонков предмет в виде шила с резным орнаментом. Линии орнамента окрашены в черный цвет. В верхнем конце дырочка для подвешивания предмета». Е. П. Алексеева издает такой же предмет, найденный в адыгском кургане (рис. 1, *6*), и называет его костяным шилом [7].

В. В. Саханев, описывая «курганы береговой полосы», сообщает, что при женском костяке найдена между правым локтем и туловищем костяная точеная игла [8] (рис. 1, *7*). Датировку могильника автор не указывает.

Действительно ли эти предметы походят на шило или иглу и могли ли они служить в качестве этих орудий? С этим мнением нельзя согласиться по нескольким причинам.

1) Поскольку всякое шило предназначено для прокалывания плотных материалов, как, например, кожи, оно должно быть острым и обычно имеет трехгранную форму и укреплено в рукоятке, без чего работать невозможно. В нашем случае, если «шило» и будет вставлено в рукоятку, то в рукоятке окажется или отверстие «для подвешивания», или поверхность, украшенная резьбой.

2) Непонятно, почему шило понадобилось делать из кости, а не из железа, которое прочно вошло в быт и которое наиболее подходит для этой цели?

3) Совершенно не нужна на поверхности шила резьба и тем более фаски, так как они будут создавать затруднения при прокалывании из-за дополнительного сопротивления.

4) Непонятно назначение большого диаметра такого «шила» (8—15 *мм*).

5) Не нужно в теле «шила» отверстие.

Не подходит для наших предметов и функция большой иглы, хотя в пользу этого говорят формы предметов и отверстия.

1) Для иглы не нужны поперечные углубления и фаски. Эти выемки делают указанные предметы совершенно не похожими на иглы и непригодными для применения их в качестве иглы. В этом отношении наиболее характерными являются «иглы», изображенные на рис. 1, *3*, *7*.

2) Нет такого материала, который можно было бы шить иглами, изображенными на рис. 1, *1*, *3*, *6*, диаметр которых доходит до 8—15 *мм*.

---

[4] Предмет любезно предоставлен Н. Н. Михайловым и публикуется впервые.

[5] Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкессии. Тр. Черкес. НИИ, 2, 1954, стр. 294.

[6] Там же, стр. 286, рис. 10, *ж*.

[7] Е. П. Алексеева. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкессии. Карач.-Черкес. НИИЯЛ. Черкессы, 1960, табл. 16, *9*.

[8] В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, 56, Пгр., 1914, стр. 207—208.

3) Необъяснимо, что в VIII—VII вв. до н. э. люди делали иглы из бронзы (рис. 1, *2*), а в XIII—XVI вв. их начали делать из кости.

Может быть, эти своеобразные «иглы» служили для изготовления циновок? Но и против этого предположения говорят поперечные вырезы, орнамент на поверхности орудий, их форма и диаметр, а также место расположения отверстия.

На основании приведенных доводов становится совершенно очевидным, что предметы, изображенные на рис. 1, *3—7*, никак не могли служить иглой и тем более шилом. Особенно характерным в этом отношении является предмет из могильника у совхоза «Зеленогорский» (рис. 1, *3*), орудие из могильника у мебельной фабрики (рис. 1, *1*) и из курганов на «Береговой полосе» (рис. 1, *7*).

Сравнивая между собой предметы, изображенные на рисунках, легко заметить, что они очень близки и несомненно были предназначены для одной и той же цели. Об этом говорят их размеры, форма, отверстия в теле предметов, украшения в виде резьбы, фасок или инкрустаций, закругленные, а не заостренные концы и, наконец, диаметры предметов.

Для какой же цели в действительности в быту женщины прошлых веков служили эти странные предметы? Удалось выяснить, что и в настоящее время сохранились и употребляются аналогичные предметы, которые являются принадлежностями женского домашнего обихода и служат для продевания учкура-ушкура или очкура, как его называли терские казаки [9].

Упоминание об этом способе ношения одежды мы находим у Е. Н. Студенецкой [10]. Она пишет, что покрой штанов был очень прост: «верх на вздершке». Но, к сожалению, не дает ни названия этой вздержки, ни названия предметов, которым она производилась.

Как известно, учкур-очкур или гачник [11] представляет собой своеобразный пояс, состоящий из шнура или тесьмы, которая протягивается в верхнюю часть штанов или юбки. Такой способ ношения одежды и в настоящее время имеет широкое распространение, только теперь вместо шнура протягивается резинка, а само орудие для продевания заменила обычная булавка или шпилька.

Среди народов Кавказа и в ряде других мест ношение одежды «на учкуре» встречается еще довольно часто. У карачаевцев и балкарцев этот шнур или тесьма называется «тартма», у осетин — «астæубосласæн», а у кабардинцев — «гоншхапс» [12]. Для протягивания этого шнура в быту и сейчас употребляются специально сделанные деревянные или костяные орудия. Такая современная деревянная «игла» для продевания «тартмы» из с. Учкекен Мало-Карачаевского района показана на рис. 1, *8*. Необходимо отметить, что у кабардинцев вместо такой «иглы» иногда применяются кости птиц.

Мы выяснили, что эти орудия имели и свое определенное название. Так, терские казаки их обычно называли «очкурник» или «учкурник», карачаевцы — «тартма суу́уртхуч» [13], балкарцы — «тартма суу́уруучу»

---

[9] М. А. Караулов. Говор гребенских казаков. Материалы для этнографии Терской области. СПб., 1902.

[10] Е. Н. Студенецкая. К вопросу о национальной кабардинской одежде. Уч. зап. Каб. НИИ, IV, Нальчик, 1948, стр. 205.

[11] Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, IV, М., 1955, стр. 529.

[12] Кабардинские и балкарские названия нам сообщил Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. Слово «гоншхапс» пишется и читается у кабардинцев «ГЪУЭНШХЪЭПС». Нужно сказать, что у кабардинцев буквы русского алфавита, но есть и дополнительные, например Э — краткое «а».

[13] Это название сообщено учителем Н. Х. М. Бердиевым, работающим в области этнографии.

или «саяу», кабардинцы — «гоншечшхапсщоу», а осетины — «астæубослансæн» [14], т. е. «продеватель учкура».

Сам процесс продевания, например у кабардинцев, производился следующим образом: в ушко этого предмета (гоншечшхапсщоу) продевался тонкий шнурок (вача), который завязывался так, чтобы получилось своеобразное кольцо. В эту петлю вдвое пропускался толстый шнур (гоншхапс) и производилось его протягивание. Промежуточное звено между вдевателем и шнуром было очень удобно и рационально, так как позволяло делать его более тонким, с небольшим отверстием и в то же время давало возможность протягивать довольно толстый шнур без образования узла «на ушке».

Становится очевидным, что бронзовые и костяные предметы, находимые в указанных могильниках, а также странные «палочки» не являются ни шилом, ни иглой, а были специальными орудиями и служили для продевания шнура в пояс одежды.

Необходимо сказать, что бронзовые и костяные учкуровдеватели, видимо, были в богатых семьях или у женщин — любительниц дорогих и изящных вещей, а все остальные пользовались деревянными, как более простыми и дешевыми. Вот почему при раскопках эти орудия встречаются довольно редко.

На основании проведенного исследования нами установлено, что способ ношения одежды «на учкуре» уходит в глубь веков, хотя нам пока удалось проследить его до VIII—VII вв. до н. э. Однако надо предполагать, что поскольку этот способ ношения одежды достаточно удобен, прост и был легко осуществим, он, вероятно, появился значительно раньше и, видимо, существовал и в эпоху бронзы.

[14] Сведения о том, что в недавнем прошлом подобный предмет бытовал у осетин, получены от канд. истор. наук А. Х. Магомедова через В. А. Кузнецова и Е. И. Крупнова.

Л. И. ЛАВРОВ

О ПУТИ ВТОРЖЕНИЯ КИММЕРИЙЦЕВ В ПЕРЕДНЮЮ АЗИЮ

Я. А. Манандян писал, что киммерийцы проникали в Переднюю Азию меотидско-колхидской дорогой. То был, по его мнению, «доступный и удобный прибрежный путь из Приазовья в Колхиду и Армению», роль которого «в исторической литературе совершенно игнорировалась» [1]. Этот вывод можно принять с поправкой, о которой будет сказано ниже, но прежде всего отмечу, что еще А. Б. Ашик считал, что в Переднюю Азию «киммериане шли по берегу Черного моря через Абхазию и Колхиду, а скифы проходили через Дербент [2]».

Большая заслуга в установлении путей, которыми шли на юг киммерийцы и скифы, принадлежит Е. И. Крупнову. В частности, он энергично поддержал правильный вывод Я. А. Манандяна о важной роли кавказско-черноморского направления. Е. И. Крупнов убедительно показал, что именно на этот путь указывает не только свидетельство Геродота, но и археологические данные. «Восточный берег Черного моря,— пишет Е. И. Крупнов,— не представлял собою непреодолимых препятствий даже для больших вооруженных масс и для связей между народами, доказательством чему служат древнейшие археологические материалы из этих мест и, наконец, ряд бронзовых вещей, как кельты, своеобразные ножи, кин-

[1] А. Я. Манандян. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья. Ереван, 1944, стр. 43—45.

[2] А. Ашик. Боспорское царство, I, Одесса, 1848, стр. 6.

жалы и наконечники копий, с достаточным основанием считающихся принадлежностью культуры киммерийцев... Учитывая массовость археологических материалов скифского облика из Прикубанья и Абхазии, а также данные топонимики юго-западного Кавказа, этот путь киммерийского вторжения через Колхиду нам кажется единственно возможным» [3]. Движение киммерийцев по Кавказскому побережью Черного моря признают также Б. Б. Пиотровский [4] и Г. А. Меликишвили [5].

Позиция в данном вопросе всех упомянутых авторов представляется в общем правильной, но, по нашему мнению, требует оговорки, состоящей в том, что вторжения северочерноморских племен в Переднюю Азию могли происходить не столько сухопутной дорогой по берегу Черного моря, сколько по морю, вдоль берега.

Знакомство с историческими и природными условиями Черноморского побережья Кавказа дает основание утверждать, что путешествие по берегу было связано с большими трудностями. Отроги гор, до проведения там шоссейной и железной дорог, во многих местах перегораживали единственную прибрежную тропу, и, чтобы обойти стоявшие на пути скалы, путнику то и дело приходилось входить в воду или преодолевать крутые подъемы кружной тропы. Частые в тех местах дожди каждый раз превращали многочисленные речки в грозные потоки, переправа через которые могла стоить жизни. Сохранилось немало ярких описаний трудностей, которые испытывали путники в этих местах в XIX в.

Нам могут возразить, что до нашей эры было иначе, так как с тех пор берег этой части Кавказа несколько опустился. Однако если даже допустить, что тогда горные отроги не перегораживали тропу (в чем нет никакой уверенности), то все равно были препятствия в виде речек и межплеменных войн разноязычного населения прибрежной полосы. Любое дефиле на пути, обороняемое местными жителями, превращалось в крепость, требующую осады. Что это было так, сошлюсь на обстоятельства путешествия Митридата Евпатора из Понта к Боспору Киммерийскому в I в. до н. э. Митридат не смог пройти через землю племени зихов «вследствие ее суровости и трудности пути и с трудом пробирался вдоль морского берега, очень часто переходя на море» [6].

В пользу морского пути вторжения киммерийцев на юг говорят также многовековые традиции мореходства у населения северо-западного Кавказа, убедительно показанные в работах Н. Я. Марра [7], Г. А. Дзидзария [8] и Ш. Д. Инал-Ипа [9].

Еще в начале XIX в. адыгейцы, убыхи, абазины и абхазы на собственных кораблях совершали регулярные торговые рейсы в Малую Азию и нередко вступали в морские сражения с царскими военными судами. Генуэзские документы XV в. рассказывают о нападениях зихских, т. е. адыгейских, пиратов на торговые корабли на Черном море и о сражениях с ними генуэзского флота. Яркое описание пиратских походов, которые предпринимали гениохи, зихи и ахейцы, оставил Страбон в I в. Широкое развитие горского мореходства в античное время опиралось, очевидно, на еще более древние традиции. Исследование дольменов северо-западного

---

[3] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 62; его же. О походах скифов через Кавказ. ВССА. М, 1954, стр 190, 191, 194; его же. Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА, 68, 1960, стр. 177, 178.

[4] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. Л., 1949. стр. 121.

[5] Г. А. Меликишвили. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья, I, Тбилиси, 1954, стр. 278.

[6] Strab, XI, II. 15.

[7] Н. Я. Марр. Избр. работы, I, М.— Л., 1933, стр. 73; его же. О языке и истории абхазов. М.— Л., 1938, стр. 395.

[8] Г. А. Дзидзария. К истории мореходства в Абхазии. Тр. Сухум. ГПИ, XII. Сухуми, 1959.

[9] Ш. Д. Инал-Ипа. О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху. Тр. Абхаз. ИЯЛИ, XXX, Сухуми, 1960.

Кавказа позволяет ставить вопрос о хорошем знакомстве горцев с морем уже в III тысячелетии до н. э. [10].

Насколько широко известны были в античное время так называемые «камары» — вместительные челны, которыми пользовалось население северо-западного Кавказа, видно из того, что одно из тамошних племен некоторые авторы начала нашей эры называли «камаритами». Представляется маловероятным, чтобы термин «камара» происходил, как думает Л. Н. Соловьев, от грузинского «квамарили» — «каменная соль» [11]. Не лежит ли в основе греческого названия «камара» один из вариантов имени народа «киммер» или «гамир»?

Таким образом, поддерживая гипотезу о главной роли кавказско-черноморского пути киммерийцев в Переднюю Азию, мы обращаем внимание на возможность считать этот путь морским. Этому предположению не противоречит рассказ Геродота и археологические соображения. Оно учитывает былые трудности пользования прибрежной дорогой, глубокую древность мореплавания у населения северо-западного Кавказа и, возможно, не случайное сходство имени киммерийцев с названием морских челнов, которыми пользовалось это население.

[10] Л. И. Лавров. Дольмены северо-западного Кавказа. Тр. Абхаз. ИЯЛИ, XXXI, Сухуми, 1960, стр. 106, 107.

[11] Л. Н. Соловьев. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчире. Тр. Абхазск. гос. музея, I, Сухуми, 1947, стр. 48.

И. Б. БРАШИНСКИЙ

КЛАЗОМЕНСКАЯ ГИДРИЯ ИЗ ОЛЬВИИ

Ольвийская экспедиция в 1961 г. [1] открыла небольшую яму № 4 в районе, который, вероятно, относится к северо-западной части Священного участка — теменоса (раскоп E_9). Яма имела глубину 0,68 *м* и не предназначалась для хозяйственных целей, а была связана с культовыми сооружениями, находившимися поблизости от нее. В рыхлом золистом заполнении были обнаружены раздавленные сосуды: клазоменская гидрия, два аттических и два ионийских килика, двухрожковый открытый светильник, хиосский кувшинчик и обломки двух остродонных амфор. В яме было также небольшое количество костей мелкого рогатого скота. Большинство сосудов удалось восстановить из обломков. Среди них обращает на себя внимание клазоменская гидрия.

Гидрия (рис. 1; высота 23 *см*, диаметр тулова 17,6 *см*) имеет очень четкие признаки сосудов этого типа. Глина коричневого оттенка, чистая, почти без примесей и содержит лишь сравнительно небольшое количество мельчайших золотистых блесток слюды. Тесто хорошо промешано и отмучено; обжиг сильный и ровный.

Поверхность гидрии, за исключением частей с росписью (четырехугольного широкого поля на лицевой стороне тулова и полосы на плечиках), покрыта тусклым лаком. Он имеет довольно интенсивный красно-бурый цвет, имеющий повсеместно однородный оттенок. Не покрыт лаком широкий пояс по окружности нижней части тулова у ножки.

Роспись публикуемой гидрии состоит из изображения сирены, которая занимает прямоугольное поле на лицевой стороне сосуда, и фриза в виде гирлянды бутонов лотоса, помещенного на плечиках над центральной фигурой и отделенного от поля узкой полосой лака, до рельефного валика, отграничивающего тулово от горла гидрии. Фриз шире центрального поля и окаймляет его, занимая около $^3/_4$ окружности плечиков.

[1] Экспедицию возглавляли Е. И. Леви и А. Н. Карасев; работами на раскопе E_9 руководил автор настоящей заметки.

Фигура сирены занимает все центральное поле, а волосы несколько выходят за его пределы на фриз. Детали фигуры процарапаны и прописованы белой и пурпурной красками. Сирена изображена в профиль, голова ее повернута назад к правому крылу. Крылья широко распростерты и несколько приподняты кверху; довольно короткий хвост распущен веером. Сирена стоит на проведенной глазурью черте, которая, очевидно, изображает землю. Лицо и грудь сирены (рис. 2) покрыты белой краской поверх лака; волосы, ниспадающие на плечи тремя волнистыми прядями, и зрачок глаза в виде выпуклой точки покрашены пурпуром с фиолетовым оттенком. Лицо изображено в профиль, а миндалевидный глаз процарапан в фас. Процарапаны также детали глаза, бровь и ухо, оперение крыльев и хвоста. Между резными линиями крыльев и хвоста нанесены белые полосы. Остальное оперение не обозначено; эти части покрыты лаком. На туловище сирены вдоль спины имеется линия из четырех белых точек, смысл которых неясен. Птичьи ноги тонкие, гладкие, двупалые.

Рис. 1. Клазоменская гидрия из Ольвии

Фриз состоит из 15 переплетенных бутонов лотоса; бутоны, верхняя граница которых обозначена пурпурным полумесяцем, чередуются с бутонами, нижняя часть которых покрыта белой краской. Эти последние имеют по бокам усики, обозначающие, по-видимому, раскрывшиеся бутоны. Наверху у всех бутонов имеются стебельки, которые переплетены в гирлянду.

Перед нами гидрия, которую по всем особенностям техники росписи и глине можно с полной уверенностью относить к группе клазоменской керамики. Она не принадлежит к числу выдающихся произведений клазоменской вазописи (декор весьма скромен, трафаретен и выполнен довольно небрежно), но все же представляет первостепенный интерес. Это второй целый экземпляр клазоменских гидрий, известных лишь по обломкам [2].

Декор нашей гидрии прямых аналогий не имеет. По форме она довольно близка восстановленной амфоре группы «С» по Р. М. Куку [3]. Особенности техники росписи, а также и тот факт, что гидрии характерны лишь для третьей группы «С» по типологии Кука (группа Урла) [4], приводят к заключению, что ольвийская гидрия скорее всего должна быть отнесена именно к этой группе. Правда, некоторые детали исполнения росписи отличаются от обычных приемов, характерных для этой группы. Прежде всего это относится к манере изображения крыльев сирены. На вазах группы Урла обычно изображаются сирены со сложенными крыльями, причем крыло загнуто кверху, оно оканчивается как бы завитком [5]. Между тем

[2] Первая целая клазоменская гидрия была найдены в 1927 г. в Тамани. N. Lossewa. Zwei klazomenische Vasen. Arch. Anz., I—II, 1929, рис. 2; R. M. Cook. A List of Glazomenian Pottery. BSA, XLVII, 1952, стр. 131.

[3] R. M. Cook. Ук. соч., рис. 4.

[4] Там же. стр. 141 сл.

[5] CVA. Great Britain. British Museum, VIII, London, 1954, табл. 587, *13—15*; 592, *3, 4*.

опущенные крылья сирены на ольвийской гидрии более близки по манере изображения к крыльям сирен на вазах группы Петри (группа «В») [6]. Влияние сосудов группы Петри ощущается также и в манере изображения уха сирены. Оно относится к так называемому натуралистическому типу, противоположному условному типу, обычному в группе Урла [7].

Насколько нам известно, в настоящее время среди клазоменских ваз нет сосудов, на которых центральное поле было бы занято изображением одной сирены. Обращает на себя внимание также и ее поза. В то время как обычно сирена на клазоменских вазах изображается в профиль, смотрящей вперед, с прижатыми к туловищу сложенными крыльями (таким образом, видно лишь одно крыло), на ольвийской гидрии она показана с широко распростертыми крыльями и головой, повернутой назад. Композиционно это оправдано необходимостью заполнения одной фигурой всего пространства центрального поля.

Рис. 2. Голова сирены. Деталь росписи на гидрии. Увеличено

Уже отмечалось, что в клазоменской вазописи отсутствуют сирены с распростертыми крыльями [8]. Вместе с тем известно, что клазоменский чернофигурный стиль находился под сильным влиянием аттического [9]. Близкие аналогии нашей сирене дают изображения, например, на аттических киликах мелкофигурного стиля, относящиеся к 40—30 годам VI в. до н. э. Там встречаются сирены, манера изображения которых очень близка манере исполнения сирены на рассматриваемой гидрии: распростертые крылья, повернутая назад голова [10]. Аналогичная поза сирены встречается также на халкидских лекифах [11].

Таким образом, публикуемая гидрия представляет определенный интерес и для изучения клазоменской вазописи и вносит кое-что новое в известный материал. Весьма важным является вопрос о датировке клазоменской гидрии из Ольвии.

Наиболее значительным и важным комплексом находок клазоменской керамики, как известно, являются находки в Тель-Дефеннэ в Египте, сделанные Флиндерсом Петри в 1886 г. [12] Р. М. Кук убедительно доказал, что этот комплекс относится в основном к третьей четверти VI в. до н. э. [13], что привело к необходимости передатировки всей клазоменской керамики, которая до этого считалась более ранней.

Клазоменская гидрия из Ольвии, как мы старались показать, относится к группе Урла, но вместе с тем ее роспись содержит ряд деталей, близких группе Петри. Поэтому она должна быть датирована скорее всего

[6] CVA, табл. 582; 583, *1—4*; 584, *6*; 589, *1*.
[7] CVA, стр. 24, прим. 28.
[8] G. Weicker. Der Seelenvogel in der alten Literatur und Kunst. Leipzig, 1902, стр. 114.
[9] R. M. Cook. Greek Painted Pottery. London, 1960, стр. 136.
[10] Clara Rhodos, IV, 1931, стр. 96, рис. 80.
[11] A. D. Ure. Four Lekythoi in Chalcis. JHS, LXXXII, 1962, табл. X, *5*, *6*.
[12] Flinders Petrie. Tanis, II, 1888.
[13] CVA, приложение А; R. M. Cook. A List of Clazomenian Pottery..., стр. 148.

30-ми годами VI в. до н. э. (540—530 гг.) [14]. Такая датировка находит подтверждение и в том, что особенности изображения сирены находят близкую аналогию среди аттической чернофигурной керамики мелкофигурного стиля. В пользу указанной датировки свидетельствует и материал, оказавшийся совместно с гидрией в одной яме. Прежде всего это относится к аттическим чернолаковым киликам и ионийским киликам с полосами (рис. 3, *1, 2*). Первые принадлежат к группе килнков на низкой ножке

Рис. 3. Сосуды из ямы № 4, найденные совместно с гидрией

1 — аттический чернолаковый килик, *2* — ионийский килик, *3* — ионийский светильник, *4* — хиосский кувшинчик

с пурпурной полосой на перехвате, которые в настоящее время довольно точно датируются 520—500 гг. до н. э. [15] или даже 520—515 гг. [16]. Ионийские килики находят очень близкую аналогию в килике, найденном в Тузлинском некрополе [17]. Датировка его первой половиной VI в. до н. э., предложенная Н. П. Сорокиной, едва ли может быть признана точной. Скорее килики с полосатым орнаментом относятся уже ко второй половине VI в. до н. э., о чем свидетельствуют их многочисленные совместные находки с материалом этого времени. К этому же времени, очевидно, относятся и другие предметы из рассматриваемого комплекса — двухрожковый открытый ионийский светильник (рис. 3, *3*) и хиосский кувшинчик (рис. 3, *4*).

Таким образом, небольшой ольвийский комплекс, содержащий клазоменскую гидрию, подтверждает дату, предложенную Р. М. Куком. Это особенно важно, поскольку находки из Тель-Дефеннэ до сих пор являлись по существу единственным датированным комплексом. Вместе с тем ольвийская гидрия представляет собою редкий образец среди известного материала и является новым подтверждением широких связей Северного Причерноморья, и в частности Ольвии, с Клазоменами в VI в. до н. э.

[14] R. M. Cook. Ук. соч., стр. 130 сл.

[15] Pots and Pans of Classical Athens. Excavations of the Athenian Agora. Picture Book № 1. Prepared by Brian A. Spoukes and Lucy Talcott. Princeton, 1961, рис. 4.

[16] W. Schiering, G. Weiker, A. Mallwitz, G. Kleiner. Die Ausgrabungen beim Athena-Tempel in Milet, 1957, Istanbuler Mitteilungen, 9/10, 1959—1960. Istanbul, 1960, стр. 60, табл. 66, *1*.

[17] Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. Тр. ГИМ, 26, М., 1957, табл. 8, *1*.

С. А. ЕСАЯН

ПОГРЕБЕНИЯ VI—V ВВ. ДО Н. Э. В ГОРАХ ШАМШАДИНА

(Армения)

Шамшадинский район Армянской ССР в археологическом отношении является одним из малоизученных. Отсюда в 1958 г. из случайных находок в с. Навур были переданы в Государственный музей Армении два бронзовых топора, чем и ограничиваются наши сведения об этом районе.

Шамшадинский район с юга граничит с Севанским бассейном, с востока и северо-востока с Кедабеком и Шамхором, а с севера и северо-запада

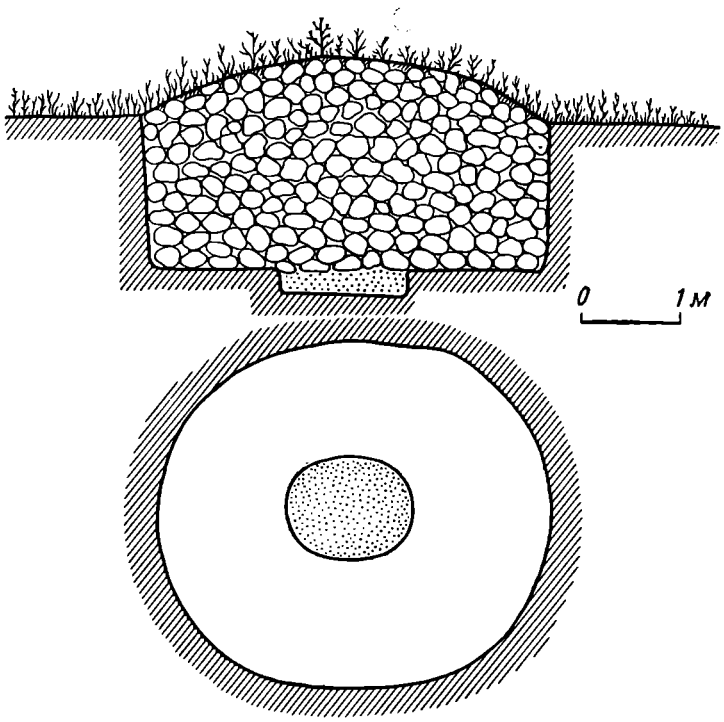


Рис. 1. План и разрез кургана в Гёзлу

с Казахским и Ноемберянским районами. Неприступные горы и глубокие долины в самом Шамшадине служили естественной защитой его населения с древних времен. В течение 1961—1962 гг. мною была произведена разведка памятников района в селах Берд, Навур, Чоратан, Колагир и Кирги. Обнаружено огромное количество могильников, состоящих в основном из каменных ящиков, грунтовых погребений и курганов. Найдено также несколько дольменов и менгиров. Только в районе селения Кирги взято на учет шесть циклопических крепостей. В самом же селении в разных могильниках раскопано около 30 погребений.

В настоящей статье я останавливаюсь лишь на одном своеобразном памятнике — кургане с кремацией, стоявшем особняком и не имеющем аналогии. Курган находится в местности Гёзлу, на западном склоне холма, на вершине которой находится циклопическая крепость Гёзлуи-Галача, обнесенная тремя рядами стен, выложенных из грубых необтесанных камней. Северная сторона кургана была снесена при строительстве дороги, тогда же рабочими был подобран небольшой одноручный кувшин.

Раскопки выявили следующую картину (рис. 1). В желтом глинистом грунте склона холма была вырыта почти круглая яма диаметром 3,7 × 4 *м*

на глубину 1,5 *м*. В центре ее находилась другая яма, но меньших размеров — 1,2 × 1 *м*. Она была сплошь заполнена золой, пеплом и углями. В этом слое было обнаружено много мелких обгорелых костей и часть человеческого зуба. Верхняя камера была забутована крупным булыжником (размером до 20—40 *см*). Среди булыжников было обнаружено свыше 100 целых и битых сосудов. В некоторые из них были положены кости

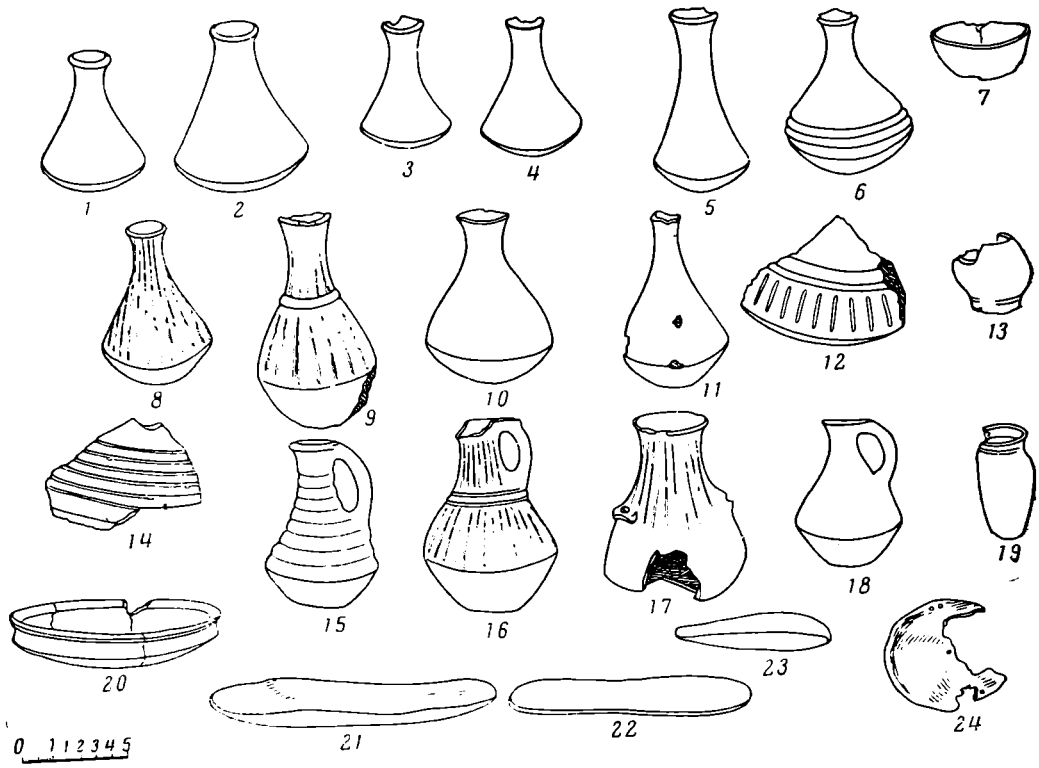


Рис. 2. Находки из кургана в Гёзлу

1—20 — сосуды; *21—23* — точильные камни; *24* — бронзовая панцирная бляха

мелкого рогатого скота, которые, в отличие от костей нижней камеры, не были обожжены. Таким образом, погребение состояло из двух камер. В первой (нижней) камере производилась кремация, после которой камера выравнивалась с уровнем пола основной камеры. Последняя заполнялась камнями, между которыми размещался инвентарь, сопровождающий прах покойника. Каменный навал поднимался над поверхностью ямы и, очевидно, засыпался землей. Обряд захоронения несколько напоминает урартский. Так, в колумбарии в Игдыре керамика с прахом и металлическими предметами клалась в расщелины скал. Здесь же скалу заменил каменный навал. Керамика Гёзлинского кургана в основном состоит из стаканчиков, кувшинчиков, мисок и «грубой керамики», делящихся на несколько групп. Все они имеют малые размеры и изготовлены или подбирались для погребального обряда. Внутри сосудов каждой группы можно заметить некоторые различия, проявляющиеся в большей или меньшей суженности горла, вариантов венчика, изгибов стенок и размеров сосудов.

Первую группу образуют 15 черных лощеных стаканчиков высотой 6—12 *см* с широким в нижней части туловом, с суживающимся невысоким горлом и чуть отогнутым наружу венчиком. В нижней части тулово образует резкий перегиб и почти сливается с широким плоским дном (рис. 2, *1—4*). Аналогичные стаканчики известны из старых раскопок Е. Лалаяна в Севанском бассейне в коллекции Эчмиадзинского музея (хранится в Гос.

музее Армении) и из Кафанского района. Все они происходят из случайных находок и не датируются.

Вторая группа состоит из 13 черных лощеных стаканчиков высотой 7—11 *см*, имеющих в отличие от первой группы вздутое тулово, высокую шейку и слегка отогнутый венчик (рис. 2, *5*, *6*, *8*). Стаканчики второй группы известны из случайных находок и из раскопок городских кварталов Кармир-Блура [1], а также из случайных находок на каменоломне неподалеку от Кармир-Блура. Подобные сосуды известны на Арагаце [2], большая группа их происходит из Кафана, где они обнаружены вместе со стаканчиками первой группы. Из этого же района в Государственный исторический музей Армении поступили аналогичные стаканчики из случайно открытых в Каджаране погребений, где они сопровождались миниатюрными сосудами в виде сапожков с широкими раструбами. В большом количестве они известны также из раскопок нижнего слоя города Двина.

Третья группа представлена 12 безручными кувшинами высотой 8—13 *см*, имеющими широкое округлое вздутое тулово, невысокую шейку и отогнутый наружу венчик. Дно широкое, плоское (рис. 2, *9—11*).

Особняком стоят четыре фрагмента аналогичных кувшинов, один из которых составляет часть черного лощеного кувшинчика, под горлом которого проходит горизонтальный выступ с отходящими от него широкими плоскими вертикальными каннелюрами (рис. 2, *12*). Другой фрагмент аналогичного кувшина отличается от описанного выше красным цветом и отсутствием каннелюров.

Остальные два фрагмента представляют собой части горизонтально каннелированных стенок безручных кувшинов (рис. 2, *14*). Следует отметить, что в указанном выше двинском комплексе вместе со стаканчиками второй группы встречены аналогичные цельные каннелированные кувшинчики. Такие же сосуды известны из Мингечаура [3] и Кафана.

Четвертая группа представлена 17 одноручными кувшинами с округло-вздутым туловом высотой 8—16 *см*. Шейка суженная, с отогнутым наружу венчиком, с дугообразной ручкой, начинающейся от края венчика и упирающейся в середину тулова. Дно широкое, плоское. Один кувшин имеет две налепные ручки на плечиках в виде горизонтальных выступов с просверленными вертикальными отверстиями. Два кувшина рассмотренной группы имеют на тулове горизонтальные каннелюры (рис. 2, *15—18*).

Пятая группа представлена одной цельной и рядом фрагментов разных черных неглубоких мисок с невысокими прямыми бортами и отогнутым наружу венчиком. Диаметр цельной миски 14 *см*, высота 5 *см* (рис. 2, *20*). Следует также отметить фрагмент миски с резко подчеркнутым выступом вместо ручки с двумя сквозными широкими вертикальными отверстиями.

Шестая группа относится к так называемой «грубой керамике». Она состоит из пяти целых и ряда фрагментов разнообразной формы небольших лепных сосудов.

В эту группу входит чаша в виде солонки (2 экз.) с высокими, чуть наклонными стенками со срезанным венчиком и плоским широким дном. Высота 3 *см*, диаметр 7 *см* (рис. 2, *7*). Аналогичная чаша происходит из указанного выше кафанского комплекса. Найдены также два кубка со вздутым туловом и плоским выступающим поддоном. Верхняя часть отбита (2 экз.). Высота 7 *см* (рис. 2, *13*). Четыре миниатюрных сосуда по форме напоминают армянские карасы с округлым дном, вытянутым туловом, чуть суженным горлом и отогнутым наружу венчиком. Высота 7 *см*, диаметр тулова 7 *см*, горла 4,5 *см* (рис. 2, *19*).

---

[1] А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини. Ереван, 1951, стр. 47, рис. 20.

[2] А. А. Мартиросян, Т. С. Хачатрян. Комплекс изделий из могильника Такиа. Изв. АН АрмССР, № 1—4, 1959, стр. 95, рис. 9.

[3] Г. М. Асланов, Г. М. Вандов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959, табл. XXVIII.

Кроме рассмотренной керамики в насыпи кургана обнаружено также 15 точильных камней, изготовленных из речных голышей. Все они носят на себе следы применения. Размеры их колеблются: длина 10—18 *см*, ширина 3—4,5 *см* (рис. 2, *21—23*). Здесь же обнаружена панцирная бляха, изготовленная из плоской листовой бронзы (диаметр 7 *см*). Она круглой, слегка выпуклой формы. В центре бляхи имеется одно маленькое круглое отверстие и два аналогичных парных отверстия на краях друг против друга (рис. 2, *24*).

Подобные панцирные диски (бляхи) известны из Головино [4], из раскопок А. А. Ивановского в Кедабеке [5] и Ресслера в Гюльдиг-Даге [6]. Диски несколько иной формы и с тупыми зубцами были обнаружены в с. Даланлар [7]. Подобные предметы были обнаружены также Я. М. Гуммелем в погребальном кург. № 1 и опубликованы как умбоны от щитов [8].

Вместе с бляхой в насыпи кургана были обнаружены: колечко из круглой толстой бронзовой проволоки со сходящими друг на друга концами и одна шаровидная сердоликовая бусина с односторонним сверлением.

Таким образом, при рассмотрении комплекса изделий из кургана мы замечаем, что они в основном состоят из своеобразной посуды, находящей свои аналогии в Зангезуре (Кафан, Каджаран), Арагаце (Такия), Севанском бассейне (Камо) и на Кармир-Блуре. Датировка этой керамики встречает затруднения. Основная масса изделий в виде стаканчиков характерна для сравнительно большого промежутка времени. Они впервые появляются в лчашенском комплексе и относятся к началу гончарного производства позднебронзовой эпохи. Они характерны, с одной стороны, для керамики с двухцветной окраской и орнаментацией, типичной для конца среднебронзовой эпохи, и для керамики доурартского типа Кармир-Блура. Последние, сохраняя внешние формы лчашенских изделий, имеют много отличительных черт, создающих совершенно особую группу указанных стаканчиков. Вместе с тем рассматриваемая форма изделий, как отметили выше, характерна для Двина, где она встречается в доармянском слое.

Рассматриваемые нами сосуды по форме близки к кармир-блурским и двинским образцам, однако они отличаются от тех и других. Поэтому на основании одной только керамики определить дату кургана невозможно, так как приведенные аналогии охватывают промежуток времени почти в 700 лет — от XIII по VI в. до н. э.

Большую роль в определении времени рассматриваемого кургана играют одноручные кувшины, форма ручек которых характерна для позднего, в частности урартского, времени (рис. 2, *15*). К этому же времени может относиться ручка другого сосуда, которая в верхней части имеет небольшой шиповидный выступ — прием, характерный для керамики эпохи VIII—VI вв. до н. э. Но некоторые ручки сосудов (рис. 2, *18*) напоминают более поздние образцы, представленные раскопками в Джарарате [9] и Идженане [10], которые датируются VI—IV вв. до н. э. В пользу поздней датировки свидетельствует и то обстоятельство, что близкие по форме ручки

---

[4] А. О. Мнацаканян. Раскопки могильников в Головино. Тр. Гос. музея Армении, V, стр. 32—38.

[5] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, VI, М., 1911, табл. VIII, рис. 14—18.

[6] ОАК за 1889 г., стр. 73, рис. 149, *4*.

[7] Н. В. Минкевич-Мустафаева. Об археологических находках из сел. Доланлар. Сб. «История материальной культуры Азербайджана», I, Баку, 1949, стр. 61, табл. III, *5*.

[8] Я. И. Гуммель. Погребальный курган № 1 около Еленендорфа. Баку, 1931, табл. VI.

[9] А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян. Новые данные о материальной культуре древней Армении. Изв. АН АрмССР, 1961, 8, рис. 3.

[10] С. А. Есаян. Археологические находки близ поселка Идженан. Изв. АН АрмССР, 1961, 4, рис. 3, *4*.

известны также в ялойлутепинской культуре, хотя здесь керамика по форме резко отличается от наших образцов [11].

Таким образом, курган из Шамшадина является одним из немногочисленных памятников рассматриваемого типа в Армении и по конструкции он единственный. Раскопки кургана указывают, что погребальный обряд с кремацией, известный в эпоху бронзы по памятникам Триалети и Кировакана, сохраняется в урартскую эпоху (Игдир, Нор-Ареш) и продолжает бытовать до раннеармянского периода, хотя наряду с кремацией во всех эпохах применялись и другие формы захоронения. Материал, представленный курганом в Гёзлу, относится к малоизученному времени VI — начала V в. до н. э., т. е. к периоду образования древнейшего Армянского государства, заменившего Урартское царство. Рассмотренный материал является поэтому связующим звеном между памятниками позднеурартского и раннеармянского периода и до некоторой степени восполняет лакуну между указанными периодами.

[11] О. Ш. Исмизаде. Ялойлутепинская культура. Баку, 1956, табл. XXV, *1*.

Н. А. БОГДАНОВА

СКИФСКИЕ И САРМАТСКИЕ СТЕЛЫ ЗАВЕТНИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

На могильнике I в. до н. э.— III в. н. э. близ с. Заветное, исследование которого с 1954 г. проводится Бахчисарайским историко-археологическим и Московским государственным историческим музеем [1], было обнаружено шесть надгробных стел. Две из них опубликованы [2], четыре были обнаружены в 1962—1963 гг. и публикуются впервые.

Стела № 3 была найдена под дерновым слоем в юго-восточной части могильника на глубине 20 *см* от поверхности почвы. Она лежала плашмя, рельефом вверх, прикрывая могильную яму № 218.

Стела выполнена из местного мшанкового известняка. Изображена мужская фигура, горельефно выделяющаяся на фоне гладко отесанной плиты (высота рельефа 0,7 *см*). Размеры: высота 95 *см*, наибольшая ширина 45 *см*; толщина 17 *см*. Голова, частично правая рука и ступни ног отбиты. На мужчине надет кафтан с длинными рукавами, суживающийся в талии и расширяющийся к подолу, который доходит почти до колен; на ногах штаны и, очевидно, мягкая обувь.

Остроугольный вырез на груди намечен четырьмя параллельными углубленными бороздками. В согнутой в локте левой руке намечены пальцы, держащие ритон. Руки и ритон изображены рельефом (высота 0,2 *см*).

Правая рука отведена в левую от зрителя сторону, сохранилась лишь ее плечевая часть. Вертикальные бороздки на плите изображают какой-то предмет, на который рука опирается. Ноги коленями повернуты от зрителя влево, что придает фигуре элемент движения. Задняя сторона плиты грубо обработана (рис. 1).

Близких аналогий нашей стеле, имеющей характер статуарного рельефа, подыскать не удалось. Наиболее близок ей тип статуарных рельефов прикубанского круга [3]. Автор статьи описал три барельефа, обнаруженные близ станции Преградной, с ритонами в руках и в одежде в виде «туники».

[1] Н. О. Богданова. Могильник I ст. до н. э.— III ст. н. э., біля с. Завітне Бахчисарайського району. Археология, XV. Київ, 1963, стр. 95—109.

[2] Н. А. Богданова. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму. СА, 1961, 2, стр. 249—252, рис. 1, *2*.

[3] Н. Каменев. Попытки археологических разведок в Кубанской области. «Кубанские ведомости», № 47, 1870.

Из барельефов один изображает женщину с ритоном. Памятник имеет явные признаки эллинистических влияний [4].

Из памятников этого круга с заветнинской стелой можно сравнивать статуарный рельеф Краснодарского музея, представляющий собой воина, одетого в кафтан с остроугольным вырезом на груди и штаны; в левой руке у него ритон [5]. Обнаруженная нами нижняя часть памятника показала, что это не статуя, а статуарный рельеф, фоном для которого, в особенности в нижней части, служила плита.

Рис. 1. Статуарный скифский рельеф № 3

По трактовке руки, держащей ритон, заветнинская стела близка плите из Анапы, хранящейся в Одесском археологическом музее [6]. По предположению П. Н. Шульца, рельеф датируется I—II вв. и изображает встречающуюся в более ранних изделиях греко-скифского художественного ремесла сцену побратимства [7].

Таким образом, наш статуарный рельеф по мотиву (ритон, прижатый к груди) и по стилю примыкает к кругу скифских и позднескифских памятников Северного Кавказа, но он является пережитком более ранних скифских каменных изваяний и содержит некоторые признаки эллинистических и даже римских влияний (относительно свободный поворот ног, не встречающийся в скифских изваяниях, облик одежды). В связи с этим можно упомянуть найденный Т. Н. Высотской в 1962 г. на городище Алма-Кермен близ с. Заветное фрагмент краснолакового римского блюда первых веков нашей эры с барельефным изображением мужской фигуры, у которой положение ног и подол одежды напоминают сходные детали нашего рельефа [8].

Точно датировать памятник трудно, так как в могиле, которую он прикрывал, никаких вещей не обнаружено. С уверенностью можно сказать, что датировка укладывается в первые три века нашей эры, так как могила расположена среди погребений, относящихся к этому времени [9], и что западная ориентировка скелета в могиле характерна для многих скифских погребений и реже встречается у сарматских.

Вторая стела, обнаруженная в 1962 г., отличается от описанной выше как по своему характеру, так и по изображенным предметам. Эта стела

[4] МАК, VII, М., 1898, стр. 141, табл. XXIII, *4*.

[5] А. А. Миллер. Новый источник к изучению связей Скифии с Кавказом. ИРАИИМК, 4, 1925, стр. 108—109, рис. 7.

[6] И. И. Козыренко. Тамги на археологических памятниках Одесского государственного археологического музея. МАСП, 1. Одесса, 1957, стр. 93, табл. 1, *4*; Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1960, стр. 76, рис. 31.

[7] П. Н. Шульц. О скифской монументальной скульптуре. Архив ЛОИИМК, 1933, стр. 280.

[8] Т. Н. Высотская. Отчет о раскопках 1962 г. скифо-сарматского городища Алма-Кермен близ с. Заветное. Архив ИА АН УССР, инв. № ф-та 4.

[9] Н. А. Богданова. Отчет о раскопках могильника первых вв. н.э. близ с. Заветное в 1962 г. Архив ИА АН УССР.

№ 4 была обнаружена в мягком золистом грунте недалеко от юго-западного склона городища Алма-Кермен. На плите прямоугольной формы, гладко отесанной с лицевой и боковых сторон, углубленными линиями нанесены схематические изображения рук с растопыренными пальцами, в правой руке — ритон, в левой — длинное копье (рис. 2). Над ритоном заметно изображение сарматского знака, нанесенного углубленными врезными линиями и аналогичного сарматским знакам, высеченным на стенах пещеры Ак-Кая № 2 в Крыму[10]. Знак поврежден глубокими царапинами, пересекающими всю верхнюю часть плиты, верхний край которой отбит. Размеры сохранившейся части стелы: высота 78 *см*, ширина 43 *см*, толщина 13 *см*. По бокам плиты тоже имеются резные изображения: справа часть руки, согнутой в локте, слева — меч длиной 33 *см* с прямым перекрестием и прямоугольным утолщением в нижней части ножен.

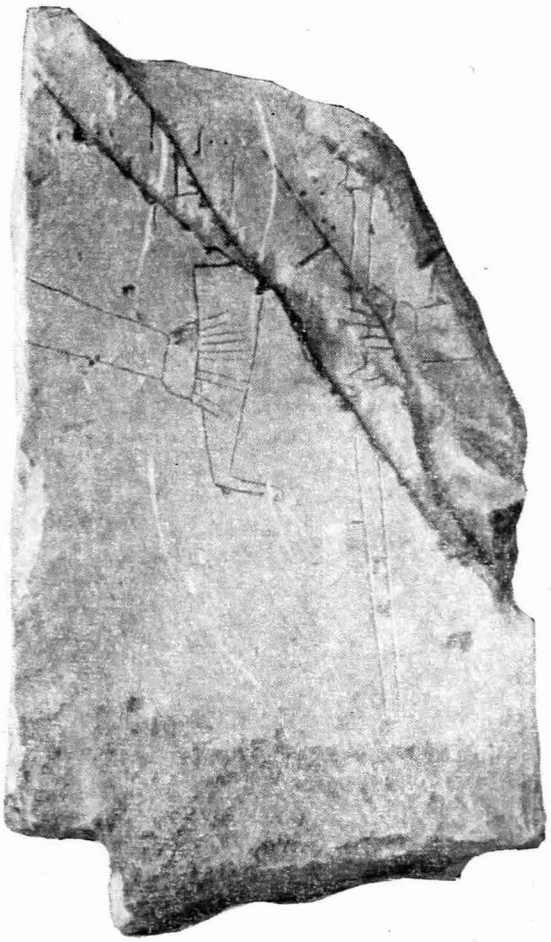


Рис. 2. Сарматская стела № 4

Характер стелы и изображенные предметы сближают ее со стелой № 1 (1958 г.)[11]. Ее, по-видимому, можно отнести к кругу сарматских стел и датировать первыми веками нашей эры.

Антропоморфные стелы, найденные в 1963 г., объединяет обобщенная трактовка изображения и примитивность исполнения. Однако есть между ними и существенные различия.

Стела № 5, выполненная из известняка, была вкопана в гумусный слой на глубину 40 *см* от поверхности почвы. Она поддерживалась в вертикальном положении плоской горизонтально положенной плитой, захоронения под которой обнаружено не было (рис. 3, *1*). Стела имела размеры: высоту 68 *см*, ширину в плечах 45 *см*, толщину 10 *см*. Она изображает фигуру мужчины с остроконечным головным убором, правая сторона и верх которого отбиты. Шапка украшена по краю валиком, изображающим, по-видимому, опушку. На остроконечном лице врезными линиями намечены усы и борода. Фигура трактована схематично: едва выделены плечи и талия. Интересной деталью является углубление, хорошо видное на правом плече и едва заметное на левом. Оно изображает, по всей вероятности, шейную гривну или ворот одежды. Ближайших аналогий стеле подыскать не удалось ни среди памятников раннескифской скульптуры IV—III вв. до н. э., ни среди более поздних надгробий. Однако некоторые ее детали (остроконечный головной убор, напоминающий известные скифские шапки с опушкой

[10] Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья, стр. 118, рис. 58.

[11] Н. А. Богданова. Две стелы из могильника у с. Заветное..., рис. 1, *2*.

или лентой по краю, на плечах — изображение шейной гривны или ворота плаща, бородатое лицо) сближают нашу стелу с известными изображениями скифов-воинов на рельефе, найденном у с. Керменчик близ Симферополя и на монете царя Скилура [12]. Ее предположительно можно отнести к памятникам скифской монументальной скульптуры.

Стела № 6 (рис. 3, *2*) была вертикально вкопана в изголовье подбойной могилы № 265, ориентированной с северо-запада на юго-восток. Она вплот-

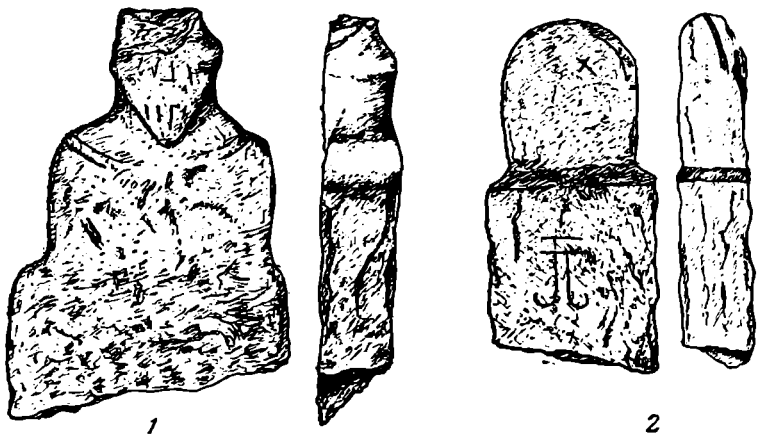


Рис. 3. Стелы № 5 и 6

ную стояла к плите прямоугольной формы размером 110 × 40 *см*. К сожалению, могила была ограблена, кости (большая берцовая, остатки черепа и кости рук) в беспорядке разбросаны по всей могильной яме. Датировать захоронение можно только по фрагментам красноглиняного кувшина первых веков нашей эры, лежавших рядом с прямоугольной плитой на глубине 50 *см* от поверхности почвы. Стела представляет собой схематически выполненную из известняка фигуру с едва намеченной головой и плечами. Поверхность плиты грубо обработана. Ее размеры: длина 61 *см*, ширина в плечах 30 *см*, толщина 13 *см*. На одной из сторон, наиболее тщательно обработанной, процарапано два знака: в верхней части косой крест, в нижней — знак ⋕ [13].

Схематические антропоморфные надгробия известны среди памятников Керченского полуострова, Прикубанья и Поволжья [14].

Наличие на нашей плите двух «сарматских знаков» дает возможность предположить, что она относится к памятникам монументальной сарматской скульптуры, как и две стелы 1958 и 1962 гг. Таким образом, шесть стел Заветнинского могильника, различных в иконографическом и стилистическом отношении и не имеющих прямых аналогий в Северном Причерноморье, служили, по-видимому, одной цели — отмечать на поверхности земли некоторые захоронения, возможно, в большинстве случаев воинов.

---

[12] П. Н. Шульц. Скульптурный портрет скифских царей Скилура и Паллака. КСИИМК, XII, 1946, стр. 44—57, рис. 21, 23.

[13] Аналогичный крестообразный знак известен на обломке известнякового надгробья, хранящегося в Керченском музее. Нижний знак напоминает знак на кувшине из могилы № 15 Заветнинского могильника, который Э. И. Соломоник считает сарматским. Э. И. Соломоник. Ук. соч.

[14] А. П. Иванова. Боспорские антропоморфные надгробия. СА, XIII, 1950, стр. 239—240; А. П. Смирнов. Куйбышевская каменная баба. КСИИМК, XII, 1946, стр. 40—43; В. М. Сысоев. Древности по верхнему течению р. Кубани. МАК, IX, М., 1904.

Они, как и весь материал могильника [15] и городища Алма-Кермен, отражают смешанный состав населения этого района Крыма в первые века нашей эры. Здесь широко представлен позднескифский и сарматский элементы, меньше — позднетаврский. В то же время в материале могильника, как и в скифском статуарном рельефе, чувствуется позднеэллинистическое влияние провинциально-римской культуры.

[15] Н. А. Богданова. Ук. соч., стр. 106—107.

Г. Д. БЕЛОВ

СТЕКЛОДЕЛИЕ В ХЕРСОНЕСЕ

В XXV квартале Херсонеса в 1963 г. были найдены в большом количестве обломки плоского оконного стекла и стеклянной посуды. Они лежали кучами в нескольких местах на полу помещения, возле его наружной юго-западной стены, граничащей с XIII поперечной улицей. Кроме того, осколки стеклянной посуды встречались в слое земли, заполнявшей помещение, в особенности же много их было в подвале В и цистерне Г: здесь масса обломков стекла насыщала собою всю насыпь сверху донизу (рис. 1). При разборке этих материалов было обращено внимание на куски керамики с приставшей к ним стеклянной массой, а также на то, что среди обычных обломков посуды и плоского стекла находились массивные куски большей толщины. У нас, естественно, возникло предположение о том, не могли ли быть куски керамики со стеклянной массой обломками тиглей, в которых плавилось стекло. Для проверки этого предположения мы передали образцы материалов на Ленинградский завод художественного стекла. В лаборатории завода эти образцы были подвергнуты анализам, о результатах которых главный инженер завода А. А. Кирьенен сообщил следующее.

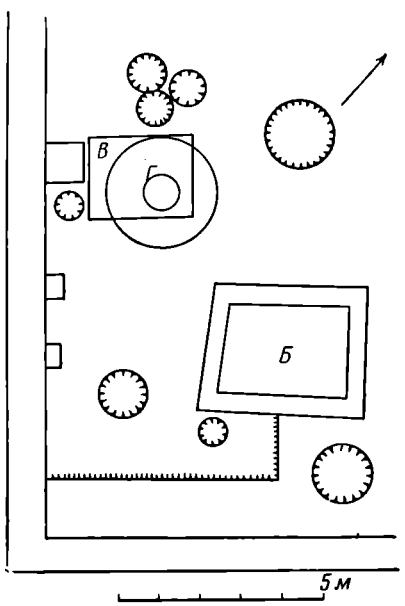


Рис. 1. План помещения с подвалом В

При осмотре образцы были разделены на три группы: к первой отнесли плоские образцы типа оконных стекол, ко второй — обломки изделий, к третьей — бесформенные куски стекломассы. Все образцы в большей или меньшей степени покрыты темной, легко снимающейся пленкой. Пленка очень тонкая, стекловидная, с наружной стороны покрыта породой темно-серого цвета, со стороны, прилегающей к стеклу, пленка имеет металлический блеск. Под пленкой — стекло с шероховатой поверхностью, окрашено в радужные тона, легко слоится до определенного предела.

Среди образцов стекла и керамики есть несколько экземпляров, свидетельствующих о существовании в Херсонесе стекольного производства: бесформенные куски стекла могли быть невыработанной стекломассой; куски керамики с приставшим стеклом, а также некоторые, как бы разъединенные стеклом, участки керамики могли быть остатками какой-то емкости, в которой варилось стекло.

Приводим результаты анализов в % (таблица).

Название образцов	SiO_2	TiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	CaO	MgO	Na_2O	K_2O
Кусок стекломассы	65,34	—	5,70		7,39	2,90	18,83	
Плоское стекло	64,70	—	2,65	1,25	8,43	0,85	22,02	
Подставка рюмки	64,51	—	3,14	1,15	7,76	1,56	21,90	
Подставка рюмки	64,30	—	5,70		8,30	1,02	20,74	
Пленка [1]	41,35	14,45		2,60	5,55	1,98	4,75	

[1] Качественной реакцией обнаружены хром и медь. Потери при прокаливании 24,3%.

Судя по данным анализов, состав стекломассы незначительно отличается от составов остальных стекол, во всяком случае в пределах, допускаемых составом сырья.

Совместное нахождение остатков невыработанной стекломассы, обломков изделий в разных стадиях выработки, кусков керамики со стеклом, а также тот факт, что составы стекол одинаковы, является определенным доказательством существования в Херсонесе стекольного производства. Этот вывод подтвердил М. А. Безбородов, который после осмотра материалов вполне согласился с выводами А. А. Кирьенена.

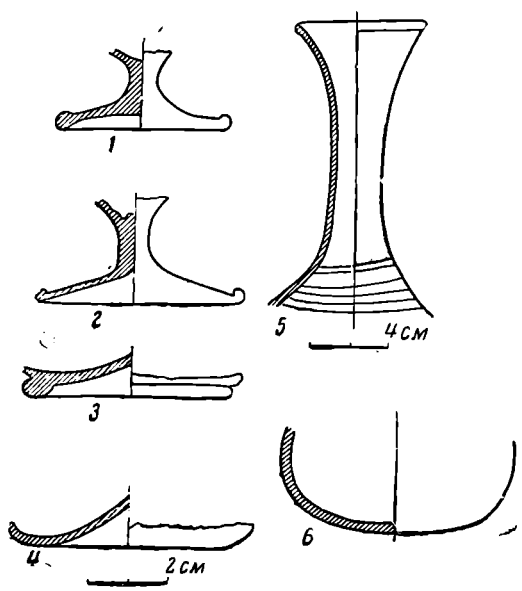


Рис. 2. Фрагменты стеклянной посуды

Но возникает вопрос — к какому времени относится стекольное производство. Эту задачу возможно решить на основании изучения тех предметов, которые были найдены вместе с обломками стекла.

Наибольшее число обломков принадлежит сосудам рюмкообразной формы, имеющим круглую выпукло-вогнутую подставку с короткой ножкой, над которой начинается вместилище (рис. 2, *1*, *2*). Диаметры подставок колеблются от 3,5 до 5 *см*, в среднем около 4 *см*, высота же ножек 1,7—3 *см*. Другой тип сосудов не имеет ножек, дно их вогнутое снизу и выпуклое внутри, на дне кольцевая подставка (рис. 2, *3*). Третий тип — без кольцевой подставки, но дно также выпукло-вогнутое (рис. 2, *4*). Горлышки сосудов различны: цилиндрические с тонким валиком-венчиком или с раструбом (рис. 2, *5*). Эти фрагменты посуды можно сравнить с образцами стеклянной посуды, найденными в других центрах Северного Причерноморья. Материалы позднеантичного и раннесредневекового времени собраны и изучены Н. П. Сорокиной; в их числе имеются и предметы из Херсонеса. Сравнение фрагментов Херсонеса из раскопок 1963 г. с опубликованными Н. П. Сорокиной позволяет отнести их к типу А, который автором датируется в основном IV и началом V в. Так, подставки с ножкой рюмкообразных сосудов находят прямые аналогии в материале из Тамани [2], донышки сосудов с кольцевой подставкой или без

[2] Н. П. Сорокина. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища, М., 1963, рис. 7, *3*—*7*.

нее [3], аналогичные горлышки и венчики [4]. Из некрополя Фанагории происходят сосуды с раструбом горла [5], с которыми можно сравнить сосуд из Херсонеса (рис. 2, *5*); погребения Фанагории датируются II—V вв. Н. П. Сорокина считает, что стеклянные сосуды типа А, одинаковые по форме и фактуре как в Гермонассе (Тамань), так и в Херсонесе, происходят с Ближнего Востока, из мастерских Сирии или Палестины.

Обратимся к материалу, который найден вместе со стеклом. Как в помещении, так и в подвале В и цистерне Г находились в большом количестве обломки керамики и другие предметы. Амфоры, по форме их ножки, ручек и горла, аналогичны амфорам III—IV вв. [6]. К тому же времени принадлежат светильники с рубчиками или точками на плечиках, некоторые с гладким щитком. Краснолаковые блюда характерны по форме: приземистые и широкие, на низкой кольцевой подставке; они находят себе очень близкие аналогии на Боспоре [7], а также в Ольвии и Танаисе.

На внутренней стороне дна этих блюд встречаются клейма в виде креста и других изображений. Аналогичные клейма известны на блюдах, найденных на Боспоре [8]. Наряду с блюдами найдены краснолаковые миски и чашки, кухонная посуда — сковородки и горшки. Монеты в помещении и подвале В и цистерне Г чеканены в IV—V вв. (Константином II, Феодосием I, Львом I, Зеноном).

Таким образом, все материалы, происходящие из указанных помещений и подвала, относятся к IV—V вв. Следует добавить, что в соседнем квартале при раскопках в 1957—1961 гг., в засыпи рыбозасолочных цистерн найдены были также в очень большом количестве обломки аналогичной стеклянной посуды, в частности множество подставок рюмок. В настоящее время мы не можем еще решить вопрос о происхождении различных типов стеклянных изделий: какие из них привозные и какие местного производства. Но можно утверждать, что на рубеже III—IV вв. или уже в IV в. в Херсонесе стеклянная посуда изготовлялась. Сходство состава стекла в изделиях, в кусках стекломассы и в осколках плоского стекла позволяет считать некоторые из них изготовленными на месте. В дальнейшем, по мере накопления материалов, необходимо произвести еще ряд анализов для проверки первых наблюдений.

---

[3] Н. П. Сорокина. Ук. соч., рис. 4, *7—11*.

[4] Там же, рис. 4, *12—14*.

[5] В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. МИА. 19, 1951, рис. 8, стр. 200—206.

[6] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, рис. 91, *а*, *б*, 94, *б*, 95, 104 *в*.

[7] Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 319, рис. 12, 13; Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. МИА, 85, стр. 302, рис. 15.

[8] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, 25, рис. 160, 161; Т. Н. Книпович. Ук. соч., рис. 14.

М. Н. ФЕДОРОВ

К ВОПРОСУ О ПОСЛЕДНЕМ КАРАХАНИДСКОМ ДВОРЦЕ НА АФРАСИАБЕ

На цитадели домонгольского Самарканда и в ее окрестностях издавна находили множество глазурованных кирпичей с бирюзовой, белой и красно-коричневой поливой, облицовочные плиты из резной терракоты, местами покрытой голубой поливой, фигурный жженый кирпич и другие предметы архитектурного декора. В Самаркандском музее имеются плиты из резной терракоты, местом находки которых является район цитадели. В 1874 г. на Афрасиабе были произведены первые раскопки. Судя по

описанию местности, Борзенков копал на цитадели. Там были найдены остатки полов помещения, вымощенные разноцветным глазурованным кирпичом[1]. Вымостка пола здания глазурованным кирпичом в те, да и более поздние времена считалась небывалой роскошью, и здания с такими полами насчитывались единицами. Во время раскопок М. Пачоса на крепостной стене цитадели, в ремонтной кладке и забутовках предмонгольского периода было встречено множество глазурованных и фигурных кирпичей, фрагменты штукатурки с полихромной росписью, фрагменты резного штука, иногда подкрашенного, крупные керамические плиты, имеющие форму равнобедренной трапеции и покрытые красно-коричневой поливой. Эти плиты несомненно были сделаны для вымостки полов.

Фрагмент терракотовой плиты с надписью

В 1962—1963 гг. при вскрытии трубопроводов, снабжавших водой цитадель и соборную мечеть Самарканда, автор этих строк также обнаружил к западу от цитадели ряд предметов архитектурного декора, в том числе резные терракотовые плиты (размером 35,5 × × 21 × 4,5 *см*) с чудесным геометрическим орнаментом. Наибольший интерес представляет фрагмент резной терракотовой плиты, покрытой голубой поливой. На этом фрагменте строгим и изящным почерком вырезано слово الغ «улуг», великий (рисунок). Несмотря на то, что возраст археологического изучения Афрасиаба превысил 90 лет, находка здания с полами, вымощенными глазурованным кирпичом, продолжает оставаться уникальной. Такой же характер имело и само здание, о необычайной роскоши декора которого говорят и сохранившиеся фрагменты.

У Мухаммада Ауфи (конец XII — начало XIII в.) имеется сообщение о том, что Тамгач хан Ибрахим ибн Хусейн в XII в. построил в Самарканде в квартале Гуржмин величественный дворец, который превзошел все бывшие до тех пор и настолько поражал воображение современников, что, по их мнению, он «должен был напоминать потомкам о славе хана, как Фаросский маяк, бывший монументом Александра Македонского, а дворец Таки-Кисра — Хосрова Ануширвана»[2]. Предположение об идентификации необычайно богато украшенного здания в цитадели с дворцом Ибрахима ибн Хуссейна кажется вполне правомерным. Правда, Ауфи называет местом расположения дворца квартал Гуржмин, но вполне возможно, что цитадель входила в этот квартал.

В комплекс находок фрагментов архитектурного декора, связанного созданием, которое автор предлагает идентифицировать с дворцом Ибрахима, входит и фрагмент терракотовой плиты с надписью الغ

Фрагментарность находки диктует необходимость соблюдения осторожности в толковании рассматриваемой надписи. Однако позволю себе привести ряд соображений по этому поводу:

1) الغ — слово тюркского происхождения и в состав коранической надписи входить не могло.

[1] «Туркестанские ведомости», 1875, № 27, стр. 106.

[2] W. Barthold. Turkestan Down to the Mongol Invasion. London, 1958, стр. 90, 135.

2) Слово الغ вряд ли могло быть применено в качестве эпитета к зданию, событию и т. д., ибо надписи на зданиях такого рода в XII в. выполнялись, как правило, на арабском языке или в исключительных случаях на таджикском. Так, таджикская надпись на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде, по определению А. Ю. Якубовского, является уникальной для XII в.[3] О существовании надписей на тюркском языке на сооружениях XII в. нам ничего не известно.

3) Вместе с тем мы имеем ряд примеров, когда отдельные тюркские слова и эпитеты входили в качестве титулатуры в торжественные арабоязычные надписи на монументальных зданиях конца XI и XII вв. «Алп Килыч Тунга Бильга Тюрк Тогрул Карахакан» — Узгендский мавзолей 1152 г.; «Тига Тегин» — надписи 1091—1095 гг. на штуке из мавзолея Хаким-и-Термези[4] и т. д. Поэтому и тюркское слово «улуг» скорее всего является составной частью титулатуры какого-то правителя.

4) В XII в. почетный эпитет الغ входил в титулатуру только одного правителя Самарканда — Ибрахима ибн Хуссейна, в одном из самых распространенных ее вариантов: الغ سلطان او السلاطين или الغ سلطان (Великий Султан или Великий Султан Султанов). Причем, по утверждению Е. А. Давидович, этот титул был принят Ибрахимом только в 80-х годах VI в. хиджры, т. е. не раньше 1184 г.[5]

5) Нам известны надписи с включением титулатуры правителей для дворцовых сооружений XII в. Во дворце термезских правителей в первой половине XII в. имелись алебастровые оконные решетки — панджара с разноцветными стеклянными штампованными медальонами, изображавшими сцены охоты. На некоторых медальонах была надпись: للسلطان الاعظم ابو المظفر بهرامشا — «для величайшего султана Абул-Музаффара Бахрамшаха»[6]. Таким образом, надпись, от которой сохранилась лишь часть титула, могла иметь подобный характер.

Итак, несмотря на фрагментарность находки, мы имеем достаточно оснований, чтобы высказать предположение о том, что она включала титулатуру Ибрахим ибн Хуссейна, и если это так, то мы можем датировать эту плиту временем не раньше 1184 г. Датировка плиты в свою очередь дает нам некоторое хронологическое обоснование для предположительной датировки дворца 80-ми годами XII в.

Изучение микрорельефа цитадели позволяет высказать предположение, что здание дворца могло быть расположено в юго-западной, возвышенной части цитадели, неподалеку от того места, где в предмонгольской кладке на стене цитадели было найдено множество фрагментов архитектурного декора, принадлежавшего зданию, которое мы предложили идентифицировать с дворцом Ибрахима ибн Хуссейна.

Тщательное изучение исторических и археологических данных позволяет нам также высказать предположение о дальнейшей судьбе дворца.

Сын и наследник Ибрахима ибн Хуссейна, Осман ибн Ибрахим вступил на престол в Самарканде между 1201 и 1204 гг. В 1201 г. ему было всего 14 или 15 лет[7]. Резиденцией Османа был пышный дворец отца. В то время в Средней Азии были две мощные враждующие силы: Мухаммад Хорезмшах и Каракитаи. Осман несколько раз переходил то на ту, то на другую сторону. Затем он вынужден был признать себя вассалом Мухаммада

[3] А. Ю. Якубовский. Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде. ЭВ, 1, М., 1947, стр. 29.

[4] М. Е. Массон. Надписи на штуке из архитектурного ансамбля у мавзолея Хаким-и-Термези. «Археология Средней Азии», Тр. ТашГУ; V. Ташкент, 1960, стр. 57.

[5] Е. А. Давидович. Нумизматические данные для хронологии и генеалогии среднеазиатских караханидов. НС, II, М., 1957, стр. 98.

[6] В. Д. Жуков. Археологическое обследование в 1937 г. дворца термезских правителей. Тр. ТАКЭ. II, Ташкент, 1945, стр. 156—157.

[7] W. Barthold. Ук. соч., стр. 353.

Хорезмшаха. Из-за политических соображений он женился на дочери Мухаммада, однако неприязнь его к хорезмийцам была велика и в 1212 г. по приказу Османа самаркандцы восстали. Все хорезмийцы, находившиеся в Самарканде, были уничтожены, причем ненависть самаркандских жителей к хорезмийцам была настолько сильна, что они, разрезав тела убитых, вывесили их на базарных площадях. С большим трудом Осман согласился пощадить дочь Хорезмшаха. Однако это не облегчило участи Османа и самаркандских жителей. Мухаммад с большой армией осадил и взял Самарканд. Осман был казнен по настоянию своей жены, а Самарканд был отдан войскам Хорезмшаха на три дня на разграбление. За эти три дня было перебито свыше 10 000 самаркандцев [8].

Дворец Ибрахима не избежал участи всего Самарканда — он был разграблен и разрушен. Археологические данные совершенно определенно говорят за то, что после 1212 г. он находился в руинах.

Случайно, или не случайно, мог возникнуть пожар, и здание погибло. Исторические данные также говорят за то, что караханидский дворец при Мухаммаде Хорезмшахе не обживался. Так, есть сведения, что Мухаммад начал в Самарканде постройку «величественного здания» — скорее всего дворца для себя [9].

После событий 1212 г. самаркандские жители сами довершили разрушение дворца. Руины дворца превратились в своего рода «каменоломню», откуда жители окрестных дворов добывали жженый кирпич, куски камня, остатки деревянных балок и колонн для своих хозяйственных нужд. Фрагменты декоративных плит, покрытые разноцветной поливой, могли прельстить неизбалованную игрушками самаркандскую детвору. Именно таким образом, очевидно, и попал голубой изразец с надписью الع на территорию раскопа. В 1219—1220 гг. остатки пахсовых стен дворца, кирпич и другие строительные материалы послужили отличным сырьем для ремонтных работ на укреплениях цитадели. Именно этим объясняется наличие множества фрагментов архитектурного декора в предмонгольских ремонтных кладках на крепостной стене цитадели в ее юго-западном углу.

В 1963 г. на расстоянии примерно 80—90 *м* к западу от цитадели было вскрыто ташнау, в стены которого были наполовину вмазаны две великолепные резные терракотовые плиты со сложным геометрическим орнаментом. Их размер 35,5 × 21 × 4,5 *см*. Обычно для этих целей употребляются кирпичи и на них устанавливается хум с пробитым дном. Нами было встречено множество ташнау, где хум и кирпичи хорошо сохранились. В данном случае перед нами вторичное использование керамических декоративных плит, служивших когда-то украшением караханидского дворца. Эти плиты были извлечены запасливым самаркандцем из руин дворца между 1212 и 1220 гг. и употреблены по хозяйству при постройке ташнау. Никакой речи о постройке ташнау после 1220 г. не может быть, так как ташнау перекрыто слоем разрушения, состоящим из золы, красноватой обожженной земли и мусора. Таким образом, ташнау перекрыто тем слоем, который образовался после разгрома Самарканда монголами. Так представляется нам в свете археологических и исторических данных судьба последнего караханидского дворца в Самарканде.

[8] W. Barthold. Ук. соч., стр. 366.
[9] Там же.

Г. В. ШТЫХОВ

ПЕЧАТЬ XII В. ИЗ ПОЛОЦКА

Вислые печати, связанные с историей Полоцка, известны в единичных экземплярах, но то, что мы знаем о них, характеризует эти памятники как замечательное явление древнерусской сфрагистики.

В. Л. Янин оценил печать полоцкого князя Изяслава Владимировича (умер в 1001 г.) как имеющую «исключительное значение не только для изучения русской сфрагистики, но и для изучения русской нумизматики древнейшего периода» [1]. Он высказал предположение о принадлежности полоцкому епископу Мину (правил с 1105 по 1116 г.) печати с надписью «Дьнѣ слово» [2]. Имеются сведения о двух неизданных экземплярах печати полоцкого епископа Дионисия (умер в 1183 г.) [3]. Любопытен случай скрепления договора Полоцка с Ригой 1330 г., составленного от имени горожан, именной княжеской печатью Глеба-Наримонта Гедиминовича [4].

Вызывает сожаление, что совершенно не сохранились надписи на вислой свинцовой печати диаметром 23—25 *мм*, найденной при раскопках 1962 г. в Полоцке на Верхнем замке в слое XIII в.

Вторая свинцовая печать хорошей сохранности обнаружена на уровне залегания пластов рубежа XII—XIII вв. Стратиграфические условия ее обнаружения не позволяют с уверенностью связывать находку с тем или иным надежно датируемым горизонтом. Сохранность дерева в нижней части культурного слоя Верхнего замка плохая, к тому же как раз в месте залегания печати на глубине 2,8 *м* от современной поверхности толща напластований не имела четкой стратиграфии. Метровый слой, в котором найдена печать, представлял собой однородную серую землю.

Печать оттиснута на круглой свинцовой пластинке диаметром 26—28 *мм*. С одного края толщина печати 3 *мм*, с противоположного — 1,5 *мм*. Через пластинку проходило сквозное отверстие для продевания шнура. Оно несколько смещено от центра в сторону, где печать тоньше и где она имеет следы от составления из двух тонких пластинок. Эти следы внешне в других местах не прослеживаются.

По стилю и манере исполнения описываемая находка близка к княжеским печатям XII в. [5]. Ее следует отнести к распространенному на Руси типу печатей с изображением на обеих сторонах святых, один из которых соименен владельцу печати. Печать является образцом тонкой художественной резьбы. Фигуры святых патронов изображены в рост, хорошо отработаны детали одежды и атрибуты. Сохранившиеся буквы четки и каллиграфически красивы. Изображения окружены по краю точечным ободком, нимбы святых тоже точечные.

Изображение архангела Михаила, которое мы видим на одной стороне печати (рисунок, *1*), представляет собой широко распространенный сюжет древнерусской сфрагистики. Внизу с правой стороны от изображения колончатая надпись х/а/$_{\text{л}}$. Популярность такого изображения на печатях из Новгорода В. Л. Янин объясняет частой встречаемостью христианского имени Михаил и отчества Михаилович среди новгородских князей [6]. Крестное имя Михаил носили в XII столетии два смоленских князя [7]. За полоцким князем Рогволодом Борисовичем была замужем племянница одного из них — Ростислава Мстиславича. В родословной полоцких князей XII в. имени Михаил мы не находим [8].

Для дальнейшего определения печати из Полоцка важно установить имя святого, изображенного на другой ее стороне (рисунок, *2*). Судя по одежде, это не мужчина, а женщина, но на изображении нет атрибуции,

[1] В. Л. Янин. Вислые печати из Новгородских раскопок. МИА, 55, 1956, стр. 158.

[2] В. Л. Янин. Печати с надписью «Дьнѣ слово». СА, 1952, 2, стр. 167.

[3] В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 207, примеч. 12.

[4] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, 1, Л., 1928, стр. 35—36.

[5] При изучении печати автор пользовался консультацией В. Л. Янина, за что приносит ему благодарность.

[6] В. Л. Янин. Вислые печати из Новгородских раскопок, стр. 154.

[7] П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895.

[8] В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896.

которая с достоверностью позволила бы определить ее имя. Сбоку имеется колончатая надпись, от которой сохранились три буквы в колонку ГІ/а.

Эта надпись с полным основанием может быть прочтена как «кагиа», т. е. святая. Такие колончатые надписи есть на пластинах знаменитого креста Евфросиньи Полоцкой (XII в.) возле изображений Софии и Евфросиньи [9]. Надпись на печати не оставляет сомнения в принадлежности ее

2

Вислая свинцовая печать из Полоцка (увеличена вдвое)

лицу женского пола. Данное обстоятельство ставит полоцкую находку в число примечательных памятников русской сфрагистики.

Печати, принадлежавшие женщинам, в древнерусской сфрагистике крайне редки. До недавнего времени исследователи насчитывали семь таких булл [10]. К этой группе относится экземпляр из собрания Н. П. Лихачева, на котором сочетаются мужское и женское имена — Георгий и София. Ввиду необычности такого сочетания Б. А. Рыбаков высказал предположение, что здесь мы имеем исключительный случай изготовления совместной печати горожан Киева и присягнувшего «на всей их воле» незадачливого князя Игоря Ольговича (Георгия Михайловича), княжившего в Киеве в 1146 г. на протяжении всего лишь 13 дней. Вряд ли это объяснение более приемлемо, чем другая альтернатива из рассуждений того же автора о принадлежности печати некоей Софье [11]. Свой окончательный вывод Б. А. Рыбаков мотивирует тем, что «ни у одного князя Георгия XII в. мы не знаем ни жены, ни дочери с именем Софии». В этой связи интересно отметить, что на лицевой стороне креста Евфросиньи Полоцкой помещено изображение святого Георгия — патрона отца заказчицы креста и Софии, вероятнее всего, ее матери [12].

Недавно стало известно о втором экземпляре печати с изображением св. Софии и св. Георгия. Найдена она на территории Латвии при раскопках древнего Кокнесе [13], находившегося в вассальной зависимости от Полоцка. Совершенно невозможно допустить, чтобы у Игоря Ольговича, по предположению Б. А. Рыбакова «усиленно рассылавшего грамоты к своим врагам и к вассалам», возникла необходимость обращаться в далекий Кокнес — город, даже не попавший на страницы древнерусских летописей и

[9] Л. В. Алексеев. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. СА, 1957, 3, рис. 4. *9, 11.*

[10] В. Л. Янин. Печати с надписью «Дьнѣ слово», стр. 168—169.

[11] Б. А. Рыбаков. Печать Георгия и Софии. КСИИМК, 29, 1949, стр. 106.

[12] Л. В. Алексеев. Ук. соч., стр. 229.

[13] А. Стубавс. Археологические раскопки в Кокнесе в 1962 г. Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1962 г. Рига, 1963, стр. 37; A. Stubavs. Jauni archeologiski dati par seno koknesi. «Dabas un vestures Kalendars 1964». Riga, 1963, стр. 162, рис. 3, *5.*

впервые упоминаемый в других источниках в начале XIII в. в связи с борьбой Полоцка против крестоносцев. С определенной долей вероятия можно считать, что оба упомянутых экземпляра печати с изображением Софии и Георгия связаны с Полоцком и принадлежали матери известной полоцкой княжны Евфросиньи.

О владетельнице новой печати, обнаруженной в Полоцке, можно говорить весьма предположительно. Печать принадлежала какой-то княгине или княжне, муж или отец которой носил крестное имя Михаил. Данная находка не только увеличивает пока еще короткий список вислых печатей Полоцка, но также пополняет очень небольшое число булл, принадлежавших женщинам княжеского звания, и делает закономерной постановку вопроса о существовании такой разновидности печатей в древней Руси.

В. П. ДАРКЕВИЧ

О СЕРЕБРЯНОЙ ЛОЖКЕ ИЗ НОВГОРОДА

В XIX в. в новгородском Антониевом монастыре хранилась серебряная ложка западноевропейской работы с гравированными изображениями и позолотой. В настоящее время ложка утеряна, и о ней можно судить только по рисункам в статье И. Д. Мансветова об этом «немецком» изделии [1]. В основном статья посвящена истории усвоения западного образа Троицы искусством Новгорода и Пскова (с XIII в.), а позднее Москвы (XVI в.) и изложению богословских споров о допустимости подобных новшеств в древнерусской христианской иконографии XV—XVI вв. Такие вопросы, как символика изображений в целом, место происхождения и назначение «лжицы», не были даже поставлены.

Судя по рисунку, видимо исполненному в натуральную величину, длина ложки 14,5 *см* (рис. 1). Шестигранная ручка заканчивается скульптурной фигуркой стоящей богоматери с младенцами Иисусом и Иоанном Крестителем на руках. Другой конец ручки образует голова чудовища, как бы держащего ложку в пасти. У него смотрящие в упор большие глаза, стилизованная в виде «елочки» грива и маленькие округлые уши.

На внутренней стороне ложки выгравирована вертикальная композиция Троицы. В центре фронтальная фигура бога-отца, сидящего на престоле. Пристальный взгляд широко раскрытых глаз устремлен вперед. Голова окружена лучистым нимбом. Перед собой Саваоф обеими руками держит четырехконечный крест с распятым Христом — символ искупительной жертвы. Голова Иисуса с закрытыми глазами бессильно поникла на правое плечо, ноги прибиты одним гвоздем — деталь, появляющаяся на Западе только с XIII в. [2] Между головой Саваофа и распятием помещен святой дух в виде голубя с распростертыми крыльями, сидящего на верхнем конце креста. Фон композиции заполнен клубком извивающихся лент с римскими цифрами I, II и III. Эта единая компактная композиция Троицы (Trône de Grâce), утверждавшая монотеизм христианской веры, впервые появляется во французском искусстве XII в. (медальон задуманного аббатом Сугерием символического витража в Сен-Денн, 1145 г.) [3], где распро-

---

[1] И. Д. Мансветов. Об изображении распятия на лжице, находящейся в Антониевом монастыре в Новгороде. Древности, 4, вып. 2, М., 1874; А. П. Новицкий. История русского искусства с древнейших времен, 1, М., 1903, рис. 74.

[2] L. Réau. Iconogoraphie de l'art chrétien, II, 2, Paris, 1957, стр. 480.

[3] É. Mâle. L'art religieux du XII-e siècle en France. Paris, 1922, стр. 182—183.

страняется с XIII в.[4] Отсюда этот вариант перешел в итальянское и немецкое искусство, просуществовав на Западе вплоть до XVII в.[5]. Не исключено, однако, что предпосылки для рассматриваемой композиции сложились уже в византийском искусстве.

На обратной стороне ложки помещены два, казалось бы, разнородных сюжета: мадонна с младенцем и св. Себастьян в момент казни. Св. Се-

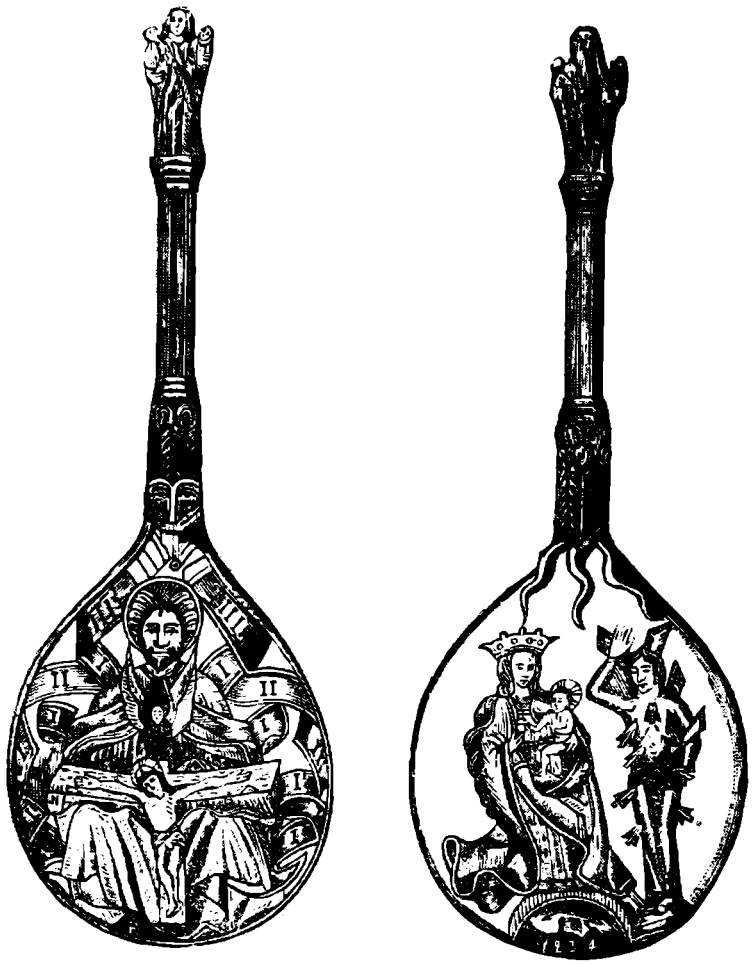


Рис. 1. Серебряная ложка из Новгорода

бастьян в образе безбородого юноши, в набедренной повязке, привязан к дереву с обрубленными ветвями[6]. Правая рука поднята над головой, левая привязана за спиной. В эту живую мишень вонзилось много стрел. Впрочем, святой не обнаруживает никаких признаков агонии: он стоит прямо, глаза открыты. В средние века, когда эпидемии чумы опустошали целые города и провинции, популярность этого мученика за христианскую веру, «телом» которого владело аббатство Сен-Медар де Суассон во Франции, определялась тем, что он считался защитником от «черной смерти». С глубокой древности народы представляли чуму как стрелы, посылаемые разгневанным богом (Аполлоном, Яхве или Христом). Стрелы, как орудие

[4] Ср. композицию Троицы во французской рукописи XII—XIII вв.: Л. А. Мацулевич. Хронология рельефов Дмитриевского собора во Владимире Залесском. Ежегодник Российского института истории искусств, I, 2, Птг.— М., 1922, рис. 2.

[5] L. Réau. Ук. соч., II, 1, 1956, стр. 25—26.

[6] Этот образ св. Себастьяна получает распространение главным образом с XV в., до этого его предпочитали изображать бородатым и пожилым: L. Réau. Ук. соч., III, 3, Paris, 1959, стр. 1192—1193.

мученичества Себастьяна, стали его постоянным атрибутом. Согласно распространенной легенде, изрешеченный ими, он не умер. Верили, что этот святой обладал иммунитетом от стрел, т. е. от чумы [7]. Например, в вотивной фреске Беноццо Гоццноли в церкви Сан-Джиминьяно в Тоскане испуганные жители укрываются под плащом св. Себастьяна [8].

Справа от Себастьяна на полукруглом возвышении с арабскими цифрами «1234» стоит богоматерь с младенцем Иисусом. Цифры выгравированы на темном фоне. Длинные вьющиеся волосы Марии струятся по плечам и спине; голову увенчивает зубчатая корона. Фигура задрапирована в плащ из тяжелой и плотной ткани, из-под которого видна подпоясанная грубой веревкой рубаха. На левой руке Мария держит младенца, играя с ним яблоком [9]. Этот образ был широко распространен в готическом искусстве XIII—XIV вв.

Однако от традиционного мотива богоматери, стоящей с младенцем на руках, трактовка отличается некоторыми существенными деталями. Если фигуры готических мадонн обычно даны в легком и грациозном повороте, то здесь фигура св. девы статична и почти фронтальна. Ее широкий плащ развевается внизу, как бы осеняя холм, на котором она стоит. Эти черты напоминают образ милосердной девы (Vièrge de Miséricorde), популярный в западноевропейском искусстве конца средневековья и особенно церковной живописи итальянского Кваттроченто (XV в.). Стоящая во весь рост милосердная дева, гигантская по сравнению с другими персонажами, всегда изображалась в фас, чтобы не скрывать своим плащом ищущих защиты. Она то простирает руки, развертывая свой плащ, то складывает их в мольбе, и тогда распахнутый плащ поддерживают ангелы или святые. Под плащом девы укрываются молящие ее о помощи: представители различных классов и сословий, а также определенные лица — донаторы.

Одни исследователи отмечают древность этого сюжета, указывая, что представление о плаще божества, как естественном символе защиты, присуще многим народам и цивилизациям [10]. Существует другое мнение, по которому образ св. девы, укрывающей плащом страждущих, был порожден видением, якобы посетившим цистерцианского монаха Кельнской епархии Цезарпя Гейстербахского. Он описал его в своих «Беседах о чудесах» (1221 г.) [11]. Во сне Цезарий был перенесен в рай, где видел множество монахов своего ордена, которые, как самые верные служители богоматери, нашли убежище под ее широким плащом. То же пророческое видение посетило в 1218 г. св. Доминика. Между различными монашескими орденами начинается соперничество за привилегированное место под щитом богоматери, что способствовало популярности этого сюжета. Вслед за тем со второй половины XIII в. под ее покровительство становятся светские братства кающихся, торгово-ремесленные корпорации и т. д., распространяя образ св. девы с плащом, который в XIV—XV вв. проникает во все художественные школы. Он помещался на печатях, процессиональных стягах, алтарях, тимпанах дверей [12].

Изображение на ложке из Новгорода является наиболее ранним вариантом этой темы в средневековом искусстве Запада. Соседство богоматери со св. Себастьяном не случайно: св. дева с плащом выполняла ту же роль защитницы от чумы, от плаща которой, как от щита, отскакивают

---

[7] L. Réau. Ук. соч., III, стр. 1191. Согласно другой гипотезе, эта роль Себастьяна как первого «противочумного» святого объясняется успехом его заступничества во время чумы 680 г. в Риме. Там же, стр. 1192.

[8] L. Réau. Ук. соч., II, 2, стр. 116.

[9] Намек на первородный грех, искупленный кровью Спасителя. Там же, стр. 100.

[10] L. Réau. Ук. соч., II, 2, стр. 113 сл.

[11] L. Silvy. L'origine de la «Vierge de Miséricorde». Gazette des beaux-arts, 34, Paris, 1905, стр. 401 сл.

[12] Там же, стр. 404—408; L. Réau. Ук. соч., II, 2, стр. 114—115.

1

2

Рис. 2. Образ св. девы с плащом в искусстве XIV—XV вв.
1 — церковь в Монтоне; *2* — печать аббатства Серка

стрелы божественного гнева. При массовых эпидемиях ее заступничество считалось наиболее действенным. Вотивная живопись, исполнявшаяся по заказу городов и братств во время чумы (pestbild), воплощает эту идею во всех подробностях. Широкое применение она нашла в искусстве итальянского Кваттроченто, особенно в Тоскане и Умбрии. Живописец Бенедетто Бонфильи написал св. деву, которая парит над Перуджией, укрывая население города своим плащом. Над ней поясная фигура Христа со стрелами в левой руке. Народ истребляется смертью — скелетом с крыльями летучей мыши (1464 г.) [13]. В живописи церкви в Монтоне (1482 г.) дева в окружении святых укрывает плащом город и коленопреклоненные толпы верующих (рис. 2, *1*). Справа от нее св. Себастьян. Над головой девы помещена поясная фигура Христа со стрелами в руках, которые он готовится метнуть [14]. Несомненно, это дериват разбираемой нами композиции, которая развивалась в течение двух с половиной веков.

На ложке из Антониева монастыря мы находим только зачатки классического типа девы с плащом. Ее руки еще заняты, и плащ развевается свободно, как от порывов ветра. Характерно, что на ранних изображениях девы с плащом она по традиции несет на левой руке младенца, который поддерживает полотнище ее плаща (цистерцианская печать аббатства Серка 1352 г.— рис. 2, *2*) [15]. Но присутствие младенца плохо вязалось с темой Оранты, руки которой должны были оставаться свободными для поддержки плаща, поэтому позднее его перестают изображать [16]. Напрашивается вывод, что тема св. девы с плащом первоначально сливалась с образом стоящей мадонны с младенцем. Оба сюжета окончательно разделились в XIV в.

---

[13] L. Réau. Ук. соч., II, 2, стр. 115—116.
[14] L. Silvy. Ук. соч., рис. на стр. 407.
[15] Там же, рис. на стр. 405.
[16] L. Réau. Ук. соч., II, 2, стр. 116.

Вернемся к исследуемой композиции. Вверху над головами мадонны и Себастьяна изображены три извивающихся языка пламени, равнозначного стрелам символа божественной кары. Полукруглое возвышение-пьедестал, которое богоматерь прикрывает своим развевающимся плащом, по-видимому, символическое изображение обороняемых земель. «Самая милосердная защитница» выступает здесь как посредница между грозным, карающим богом (изображен на другой стороне ложки) и людьми, нуждающимися в ее помощи [17]. Эту идею красноречиво выразил Бернар Клервосский (XII в.) — один из крупнейших мистиков средневековья: «Наш бог есть огнь пожирающий... Но с Марией, которая сама нежность, нам ничто не страшно. Она всем открывает объятия своего милосердия» [18].

Так, вместе с экономическим и политическим усилением городских слоев населения на Западе, постепенным переходом церковного строительства в руки мирян и т. д. отчетливее звучит тема покровительства божества и святых всем людям при непосредственном участии в их повседневных делах.

По-видимому, ложка является итальянским произведением [19]. Выгравированная на ней дата «1234» подтверждает нашу интерпретацию [20]. До 1234 г. Франция, Дания и Англия были охвачены эпидемией какой-то повальной болезни, может быть чумы. Зима этого года была столь холодна, что товары купцов доставлялись в Венецию по льду, а около Равенны вымерз еловый лес [21]. Как свидетельствует весь цикл сюжетов на серебряной ложке, сделанной в год «божьего гнева», она имела вотивное назначение, т. е. служила амулетом для предохранения ее владельца от болезни. Подобным образом «стрелы св. Себастьяна» употреблялись как обереги, которыми касались пищи при чумных эпидемиях [22].

[17] В одном из видений св. Доминика бог-отец, потрясая стрелами, угрожал греховному человечеству. L. S i l v y. Ук. соч., стр. 406.

[18] L. R é a u. Ук. соч., II, 2, стр. 111 Эту мысль находим у Данте:

«Есть в небе благодатная жена;
Скорбя о том, кто страждет так сурово,
Судью склонила к милости она».

(Ag, II, 94—96)

[19] В XIII в. десятичная позиционная система записи чисел индийскими («арабскими») цифрами распространилась среди итальянских купцов. В Сицилии индийские цифры на монетах появляются не позднее 1138 г. Сторонником новой системы счисления выступил Леонардо Пизанский в своем сочинении «Liber abaci» (1202 г.). Во Франции, Германии и Англии новая нумерация до второй половины XV в. почти не применялась (первые монеты с индийскими цифрами во Франции относятся к 1485 г., в Германии — к 1489 г.). «Энциклопедия элементарной математики», 1, М.— Л., 1951, стр. 54.

[20] Вплоть до XV в. формы записи одних и тех же индийских цифр были чрезвычайно разнообразны. В XIII в. цифры 1, 2 и 3 близки современному начертанию, хотя двойка дает и несхожие варианты. Цифра 4 в некоторых случаях приближается к начертанию на ложке. G. F. H i l l. The Development of Arabic Numerals in Europe. Oxford, 1915, табл. III—IV. По-видимому, художник, рисовавший «лжицу», несколько модернизировал форму цифр.

[21] F. S c h n u r r e r. Chronik der Seuchen, I, Tübingen, 1823, стр. 283; Ф. А. Д ё р б е к. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. СПб., 1905, стр. 10.

[22] L. R é a u. Ук. соч., III, 3, стр. 1192.

Л. С. МИЛЯЕВА

ПАМЯТНИК ГАЛИЦКОЙ ЖИВОПИСИ XIII В.

В истории древнерусского искусства исследователи неоднократно возвращаются к вопросу возникновения иконографии праздника «Покрова богоматери», происхождение которого связывается с русскими землями. В Киевском государственном музее украинского искусства ленинград-

Рис. 1. Икона «Покров» из Галиции. XIII в.

ским реставратором Н. В. Перцевым недавно была расчищена икона «Покров», которая, как нам кажется, дает основание снова обратиться к этой же теме (рис. 1).

«Покров» Киевского музея — памятник в некотором отношении исключительный. Это древний примитив, очень разрушенный временем. Расчистка иконы от трехслойной записи дала возможность восстановить первоначальное изображение, которое было подновлено в XV—XVI, XVIII, и XIX вв. Видимо, композиция памятника привлекла внимание известного украинского исследователя и собирателя Д. М. Щербаковского, который в 1920 г. доставил икону в Киевский музей. На обороте иконной доски он сделал надпись: «Покров пресв. Богородици, образ древнього типу анголи підіймають Влахернську ризу богоматери східна Галичина XIV вік» [1].

Рассматриваемый памятник имеет ряд специфических черт, которые отводят ему особое место в ряду «покровных» изображений. Главной его отличительной особенностью является изображение в центре фронтальной фигуры богоматери в рост типа «воплощение» — знамение с воздетыми молитвенно руками. На лоне у нее младенец, который правой рукой благословляет, а в левой держит свиток. Над богоматерью распростерт покров, поддерживаемый ангелами, в нижней части изображения — группы святителей, среди них Андрей Юродивый и Епифаний.

С подобной «покровной» композицией мы сталкиваемся впервые, и, если бы не надписи на фоне, более поздняя XV—XVI вв. «покровъ ПРТ҃Ѧ БЦ҃Я и ранняя XIII в., обнаруженная в ходе расчистки, «покровы СТ҃ѢБѦ можно было бы даже сомневаться при первом взгляде на икону — «Покров» ли это. Кроме композиции памятник имеет еще ряд своеобразных черт. Фигура богоматери, облаченная в темно-красный мафорий и в голубовато-зеленые нижние одежды, несколько укорочена. Контуры рисунка подушки, прослеживаемые на линии бедер, дают основание представлять ее сидящей на престоле, который в остальных своих деталях не просматривается.

Покров на иконе тоже необычен. Он имеет вид поднявшегося вверх полога или завесы с приспущенными концами. Покров прогнулся как бы под напором вздымающих его снизу сил; он бы повис в воздухе, если бы не усилия ангелов, усердно придерживающих его концы. После расчистки на покрове явственно проступили полоски — ткань, часто встречающаяся на vellum ах.

Фигура богоматери под покровом на багряном фоне вписана в голубое полукружие, удлиненное книзу. Предельно упрощенный рисунок иконы затрудняет расшифровку этой детали композиции. Трудно понять, означает ли она решенный крайне схематично киворий, или же таким образом мастер хотел передать углубление апсиды, в которой находилась богоматерь. Во всяком случае, создается определенное впечатление, что покров отделился от условной стены интерьера.

Нижняя часть иконы более всего пострадала от времени. Группа персонажей, расположенных у ног богоматери, разделена на две части: справа изображен седовласый Андрей Юродивый с протянутой рукой, Епифаний в круглой шапке с раскрытой книгой и далее мужская фигура в остроконечной шапке (певчий?), обнаруженная в результате расчистки. Слева два священнослужителя, один в крещатой ризе, вокруг его головы различим нимб, другой — в стихаре [2]. Фону в иконе отведено непропорционально много места, отчего композиция как бы вся несколько смещена вниз.

Как уже отмечалось, памятник очень изменился в колорите. Повсеместно утраченная живопись, сохранившаяся лишь частично в централь-

[1] Киевский музей украинского искусства. Старый инв. № 4136, новый № 14; размер 79,5 × 47,5 *см*.

[2] С XIV в. в «покровные» иконы вводится изображение Романа Сладкопевца. Его дьяконская одежда — стихарь. Это единственное основание считать Романом неизвестного святого.

ной части изображения, затрудняет даже иконографическое изучение произведения. Записанный в XV—XVI вв. аури-пигментом цвет после расчистки на фоне просматривается как серый. Серый цвет стал господствующим в нимбах, на тканях, на подушке престола, на крыльях ангелов. Мельчайший сетчатый кракелюр сплошь покрывает всю икону. Однако в некоторой мере представляется возможным реконструировать живопись произведения часто по точечным остаткам красочного слоя, раскрытым во время реставрации. Декоративный эффект произведения при этом превосходит ожидания. Восстанавливается теплый зеленый цвет подушки престола, хорошо контрастирующий с багряным фоном, лазоревый костюм персонажа в остроконечной шапке. Непонятно, была ли какая-либо система в изображении складок на тканях, ныне нигде не обнаруженная, были ли пробелы. Лишь остатки светло-голубой краски на сине-зеленом столе богоматери позволяют предположить исчезнувшие полностью в иконе объемы драпировок. Контурный рисунок в иконе играет большую роль. Черной линией прорисованы все глаза, носы, крылья ангелов, крещатая риза. Почти киноварный костюм Епифания прорисован темно-красным цветом; одежда стоящего рядом с ним персонажа — сине-зеленым. Каким был фон иконы — трудно представить. На нем не сохранилось даже точечного намека на былой цвет. Как видно, незатейливости слабого рисунка мастера сопутствовало довольно развитое декоративное ощущение, которое сообщало иконе напряженное колористическое звучание. Она ближе всего по колориту к Свенской богоматери, с которой описываемая икона одновременна.

Как известно, ни Галиция, ни Волынь не сохранили древних домонгольских икон. Не сохранил их и Киев. Стиль киевского наследия реконструируется по аналогии с монументальной живописью и миниатюрами, о галицко-волынском мы получаем некоторое представление по скудным миниатюрам и по не менее скудным памятникам XIV в., во многом, видимо, хранящим домонгольские традиции. Поэтому к исследованию галицкой иконы «покров» мы приступаем в какой-то степени безоружными.

Вопрос о датировке памятника обсуждался на научном совещании Государственного Русского музея. Н. В. Перцев, расчищавший икону под наблюдением реставрационного совета Государственного Русского музея, в акте реставрации пишет: «Привлечение и анализ признаков, определяющих и датирующих живописную технику памятника, в данном случае очень трудны. Эта трудность обусловлена двумя явными обстоятельствами, которые, как нам кажется, не вызывают сомнения:

1. Примитивность, даже сугубая примитивность исполнения. Автор произведения не имел высокой живописной культуры.

2. Памятник не является оригинальным произведением и был создан как своего рода вольная копия с другого: в нем допущено большое упрощение не только в изобразительных моментах, но и в технических и живописных приемах».

Все же в процессе реставрации Н. В. Перцеву удалось провести ряд наблюдений, которые послужили основанием для датировки памятника началом XIII в.: доска без врезных шпонок, со следами торцовых; пропорции доски; красно-коричневые багряные поля; черная кайма по лузге и, главное, что Н. В. Перцев считает самым существенным,— живописный прием в изображении лиц с применением охряной карнации, без покрывочной санкири. Это признаки, позволяющие относить икону к домонгольскому периоду. Данные палеографического анализа расчищенной древней надписи также не противоречат выводам реставратора [3].

Установить породу хвойного дерева точно не удалось. Вероятнее всего, это — смерека, одна из разновидностей южной сосны.

[3] Мы выражаем глубокую признательность палеографу Эрмитажа М. П. Скотниковой, которая согласилась произвести исследование надписи и ознакомила с результатами своей работы реставрационный совет Русского музея.

Таким образом, исходным для исследования памятника становится XIII век, когда формируется иконография «Покрова».

Как известно, праздник «Покрова» в основе своей имел византийскую легенду о явлении богоматери Андрею Юродивому во Влахернском храме Константинополя и, кроме того, связывался с так называемым «влахернским чудом» [4]. Однако, начиная с самых ранних изображений (например, клейма Суздальских врат конца XII — начала XIII в.), идеей праздника, установленного и полюбившегося на Руси, было утверждение права русских княжеств на покровительство богоматери.

В монографии, посвященной теме «Покров» в русском искусстве, Е. Медведева [5] отметила, что в XIII в. получают большое развитие местные культы праздника (Е. Медведева считает, что в определенной степени это объясняется благоприятной политической обстановкой, вызванной упадком византийского влияния после разгрома крестоносцами Константинополя в 1204 г.). С XIV в., по мере распространения праздника, кристаллизуется его иконография, которая принимает несколько отличные формы в каждом из княжеств, стремящихся мотивировать избранность своего государства и покровительства ему богоматери в годы борьбы за свою независимость.

Несмотря на связывающую изображения «Покрова» сюжетную нить, явление богоматери Андрею Юродивому наиболее полно было выражено в суздальско-московском иконографическом типе (рис. 2), а в новгородском преобладало «влахернское чудо» [6] (рис. 3).

До сих пор нам были известны лишь суздальско-московский и новгородский иконографические варианты композиции, которые прочно вошли в русскую и украинскую иконопись [7] и монументальную живопись. Сличение галицкой иконы со всеми известными изображениями этого сюжета дает право говорить о своеобразном одиночестве рассматриваемого произведения. Оно не похоже ни на домонгольское клеймо суздальских врат, ни на фреску Снетогорского монастыря [8], которые являются старейшими памятниками, ни на одно из изображений «Покрова» XIV—XVI вв.

Мы видим в нем все признаки неустоявшейся иконографии, которая, вероятно, в каждом из княжеств сначала шла своим путем, несмотря на общность сюжета и идеи. Нельзя не отметить, что при видимой исключительности композиции галицкий «Покров» из всех известных нам изображений сюжетно более всего близок к богородичному культу Влахернского храма, т. е. тому «явлению богоматери», при котором поднимался «божественным чудом» «покров», закрывавший обычно изображение Марии в храме Константинополя.

Образ богоматери в апсиде Влахернского храма погиб, и поэтому Н. П. Кондакову представлялось заманчивым восстановить его на основе более поздних изображений и средневековых письменных источников,

[4] Сергий. Святый Андрей Христа ради Юродивый и праздник Покрова пресвятые богородицы. Журн. «Странник», III, СПб., 1898; В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси. История русского искусства, I, М., 1953, стр. 480—481; R. Latoud. La thème iconografique, du «Pokrov» de la Vierge. L'Art bysantin chez les slaves. Paris, 1932, стр. 302—314; Н. Л. Кондаков. Иконография богоматери. II, СПб., 1915.

[5] Е. Медведева. Этюды о суздальских вратах. Рукопись библиотеки им. В. И. Ленина, II, стр. 260.

[6] Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 97—99; Е. Медведева. Ук. соч. стр. 260—315; Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси. XII—XV вв., I, М., 1961, стр. 122.

[7] В Галиции в XV—XVI вв. укоренился владимиро-суздальский иконографический тип «Покрова» («Покров» из Рыхвалда, из Дубровиц во Львовском музее украинского искусства). С XVII в. получают распространение на Украине иконы типа западной «La vierge de Misèricorde» под названием «Покров богоматери». Под влиянием последней подобные изображения возникли в Болгарии в XVIII в. Николай Дилевски. Едно ръдко изображение на «Покров на пресвета богородица» в Долно-Лозенския Монастырь св. Спаса. Журн. «Сердика», VII, 1—2, София, 1943, стр. 73

[8] В. Н. Лазарев. Снетогорские фрески. Сообщ. ИИИ АН СССР, 1957, 8, стр. 110.

Рис. 2. Икона «Покров» из Суздаля. XIV в.

Рис. 3. Икона «Покров» из Новгорода. XIV в.

посвященных храму. Несомненным представлялось, что богоматерь в алтаре была изображена молящейся (орантой) и прикрывалась алой завесой. Латинское стихотворение, цитируемое Дюканжем из кодекса Парижской библиотеки 1576 г., указывало, что «являвшаяся» перед всеми в храме богоматерь была с младенцем. Последнее очень смущало Н. П. Кондакова [9].

Как свидетельствуют источники, во Влахернском храме находилась и чудотворная икона богоматери с младенцем, которая в обычное время была закрыта драпировкой. В. П. Безобразов цитирует судебный протокол, списанный с флорентийской рукописи с детальным описанием этой влахернской иконы. «Там, на правой стороне иконостаса висела чудотворная икона божей матери, задрапированная куском материи, как до сих пор драпируются иконы в Греции. Драпировка вполне закрывала лик богородицы, а во время утрени, в субботу, драпировка поднималась кверху... ткань, находящаяся вокруг иконы, внезапно поднимается, как будто ее привел в движение какой-то дух...» [10].

В связи с этим хочется обратить внимание на то, что закрытое завесой изображение богоматери с младенцем на галицкой иконе близко к описаниям влахернских реликвий. Нам думается, что подобное совпадение не может быть случайным. Форма покрова и его место в иконе скорее напоминают утилитарную завесу, чем парящую ризу богоматери. Несмотря на присутствие в композиции Андрея Юродивого, икона иллюстрирует явление богоматери не по его житию, где богоматерь сама распростерла покров. Композиция воспроизводит влахернскую редакцию легенды более точно, чем новгородские иконы, в которых покров, поддерживаемый ангелами над фигурой богоматери, символичен. Он более отвлеченно несет идею покровительства, а не так буднично, как галицкий покров-завеса. Поневоле приходится думать об утраченном первоисточнике композиции, копией которого является рассматриваемая икона.

Откуда же стал известен в Галичине этот вариант композиции? Где искать его корни? Ответить на эти вопросы определенно не представляется возможным: нужны близкие или аналогичные памятники, которых пока нет. Но несомненным представляется то, что тип влахернской богоматери, положенный в основу композиции, мог быть широко известен в Киевской и Галицкой Руси. Его находим мы в вислых печатях, которые Н. Кондаков связывает с Влахернским храмом (в них также изображена сидящая богоматерь с младенцем на лоне). О популярности влахернской богоматери свидетельствует Киево-Печерский патерик и летописи.

Известно, что Киево-Печерский патерик относит возникновение Успенского собора Киево-Печерской Лавры к влахернским чудесам. Существовал в Киеве и храм Влахернской богоматери, основанный Стефаном игуменом Печерским на Клове в 1108 г. [11]. Для игумена Печерского, поссорившегося с монашеской братией, посвящение церкви Влахернской богоматери, видимо, имело особый смысл. Может быть, именно эту церковь считал П. Кондаков посвященной «Покрову», когда писал: «Известно появление церквей во имя Покрова божьей матери в Киеве и Владимире уже в XII веке...» [12].

Небезынтересно, что украинские легенды связывали с культом «Покрова» непосредственно Успенский собор Киево-Печерского монастыря. Рукописное учительное евангелие XVII в., происходящее из западно-украинских земель (1635 г., Высочаны), сообщает: «В Русской земли в Киеве також наихале Татарове на место Киев без жадной оповеди на нашу Русь. Обачивши тое киевляне, иж великое войско Татарское, не уфаючи на свою моць, теды припали на молитвы к господу богу и к святой бого-

[9] Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 59.
[10] П. В. Безобразов. Очерки византийской культуры, Птг., 1919, стр. 175—176.
[11] ПСРЛ, II, стб. 260.
[12] Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 93.

родице. Третий день указалася свята богородица на воздусе над церковью Печерского монастыря, покрывши церковь ризою своею святою. Татарове обернулся назад з великою стыдливостью и сами ся секли. И тое покрытие святои богородицы видев святый Андрей и Епифаний, которые показали народове христианскому ласку божию и святои богородицы» [13].

Евангелие из Галичины сохранило (или создало) легенду, которая не встречается в восточных источниках. Она отражает желание украинцев сделать праздник «Покров» национальным, связав его конкретно с киевскими историческими событиями. Нам кажется, что воссоединение культа «Покрова» с Успенским собором объясняется не только его легендарностью, но и тем, что он ассоциировался с влахернскими чудесами. Возможно распространение в Западной Руси пиетета перед влахернской богоматерью вместе с популярностью киевского Успенского собора (Успенские соборы существовали во Владимире-Волынском и Галиче). Неизвестно, какому богородичному празднику был посвящен храм в Холме, построенный Даниилом Галицким.

Не исключена возможность проникновения в Галич оригинала иконы непосредственно из Византии. Это могло быть не дошедшее до наших дней изображение чуда Влахернской богоматери. Ю. Н. Дмитриев [14] высказал предположение, что подобную икону, видимо, и видел дьяк Александр во Влахернском храме в 1391 г.: «Юж виде св. Андрей на воздусе за мир молящуюся» [15]. В. Н. Лазарев пишет: «Вполне возможно, что уже в Византии существовали иконы с изображением чуда во Влахернском храме» [16].

Нельзя при этом забывать о тесной связи Галича с Византией, особенно в XII — начале XIII в. «В наиболее близких отношениях с Византией находилось Галицкое княжество,— пишет М. В. Левченко,— которое уже вследствие своего географического положения легче, чем другие русские княжества, могло оказывать военную помощь Византии» [17]. Торговые и политические отношения между Галичем и Византией крепнут при Романе Галицком. Известно, что византийский император Алексей Ангел просил галицкого князя Романа о помощи против половцев, грабивших Фракию, и Роман помогал ему. Позже, когда тот же Алексей Ангел был изгнан крестоносцами из Константинополя, он нашел радушный прием у Романа [18].

Византийские памятники, проникшие в Галицию, могли дать толчок для развития самостоятельной иконографии «Покрова» богоматери, культ которого мог возникнуть при Романе. Развитию этой идеи в галицких землях должна была способствовать государственная политика дальновидного князя, который стремился ограничить права боярства и духовной знати, укрепить союз с городскими верхами «лепшими мужами», их-то он и «свободил бяшеть от всих обид» [19].

Во внешней политике он проводил энергичную линию защиты земель от посягательств татар, Польши и литовцев. Стремясь отразить натиск врагов и упрочить положение Галича как центра собирания земель древней Руси, «самодержец всея Руси» (как его именует Ипатьевская летопись) нуждался в мощной идеологической поддержке своих начинаний.

[13] Михайло Возняк. Історія української літератури, III, Львів, 1924, стр. 126—127.

[14] Ю. Н. Дмитриев принимал участие в заседании реставрационного совета Русского музея, на котором обсуждался вопрос исследования галицкого «Покрова».

[15] И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности, 6, СПб., 1899, стр. 70.

[16] В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.— Л., 1947, стр. 110.

[17] М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 489.

[18] Л. М. Андрияшев. Очерк по истории Владимирской земли до конца XIV ст. Киев, 1887, стр. 152; Н. Дашкевич. Княжение Даниила Галицкого, по русским и иностранным известиям. Киев, 1873, стр. 98 (ссылка на Dlugossi seu Longini canonici quondam Cracoviensis Historiae Polonicae, VI, стр. 584).

[19] ПСРЛ, II, стб. 920.

Праздник «Покрова» и иконы, ему посвященные, вполне подходили для его политических и государственных целей. Они были близки и широким народным массам, изнывавшим под тяжестью феодальных поборов и уповавших на «заступничество» богоматери. Они соответствовали представлению о богоматери как о покровительнице в военных походах. Поэтому в Галицко-Волынских землях так же остро, как и сначала во Владимиро-Суздальском княжестве, а затем в Новгороде, звучали слова службы, посвященной «Покрову», призывавшие к единству, к победе над внешними и внутренними врагами: «За ны грешный богу помолися. Твоего Покрова праздник в рустей земли прославльшим... Гордыню и шатания низложи и советы неправедных князей раззори, зачинающих рати погуби и благочестивому князю нашему род возвыси...» [20].

[20] Сергий. Святый Андрей Христа ради юродивый и праздник Покрова Пресвятые Богородицы. журн. «Странник», I, 1858, стр. 401.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

ПАМЯТНИК МУСУЛЬМАНСКОГО ЗОДЧЕСТВА В ХАРА-ХОТО

В 1908 г. П. К. Козлов осуществил одно из выдающихся своих открытий в Центральной Монголии, проникнув в глубь пустыни к мертвому городу Хара-хото. «Мысли о Хара-хото приковывали целиком наше внимание и наше воображение... Сколько мечталось о Хара-хото и его таинственных недрах!»,— писал он впоследствии в своем научном отчете. Он осуществил обследование городища, снял план, сделал ряд фотоснимков и провел первичные археологические раскопки, давшие богатый и разнообразный материал [1].

В 1962 г. путь П. К. Козлова повторил участник советско-китайской палеонтологической экспедиции А. К. Рождественский, который обследовал развалины Хара-хото и сделал ряд фотоснимков.

Среди любезно присланных нам А. К. Рождественским фотографий привлекает внимание купольная постройка, стоящая близ юго-западного угла вне городских стен. Здание это значительно отличается от прочих руин городища, крепостные стены и субурганы которого явно связаны с китайской архитектурной традицией. П. К. Козлов, опубликовавший фотографию и схематический рисунок «поперечного разреза» сооружения (рис. 1), упоминает его как «нечто вроде мусульманского молитвенного здания-мечети» [2]. Ряд конкретных деталей о памятнике был сообщен нам А. К. Рождественским.

Здание построено из кирпича и оштукатурено. Главная ось ориентирована с запада на восток, вход расположен с восточной стороны. Квадратная призма основного объема (около 10 *м* в стороне) фланкирована по углам с уровня цоколя сильными трехчетвертными столбами. Стволы их несколько сужаются вверх, завершены венцом из диагонально выложенных кирпичей и несут ступенчатый парапет. Боковые фасады как будто были обработаны лопатками. Купол приподнят на переходном восьмигранном объеме.

Главный фасад подчеркнут сильно выступающим порталом, где три П-образные рамы обрамляют стрельчатый свод невысокого подъема (рис. 2). Свод этот имеет форму конхи, причем переход от прямоугольного плана к полувосьмиграннику, а затем к полукуполу осуществлен с помощью консольно-ячеистых угловых парусов и расположенной над ними аркатуры. В торцовой стене — стрельчатая арка входа.

[1] П. К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. М.— Прг., 1923, стр. 101—112.

[2] Там же, стр. 104, рис. на стр. 106, 107.

Схематический разрез П. К. Козлова, несмотря на всю условность проекции, дает представление о системе конструктивных устройств интерьера. Над квадратным планом основного объема в углах выведены перспективно-уступчатые паруса (о пяти уступах), осуществляющие переход к восьмиграннику, объем которого выделен и снаружи. Здесь П. К. Козлов или условно располагает те сквозные арочные проемы, которые лежат на осях здания, или показывает осевые нишки (высота их на чертеже 1 аршин 11 вершков). Вышележащий ярус оформлен аркатурой из 16 стрельчатых арочек, между которыми выведены небольшие четырехъярусные консольно-ячеистые паруса, осуществляющие переход к окружности купола. В верхнем участке его кладки — декоративный пояс из 16 сегментовидных фестонов. Купол одинарный; его почти полусферическая, с некоторым сужением к замку, скуфья выведена вверху в один кирпич, утолщаясь к основанию.

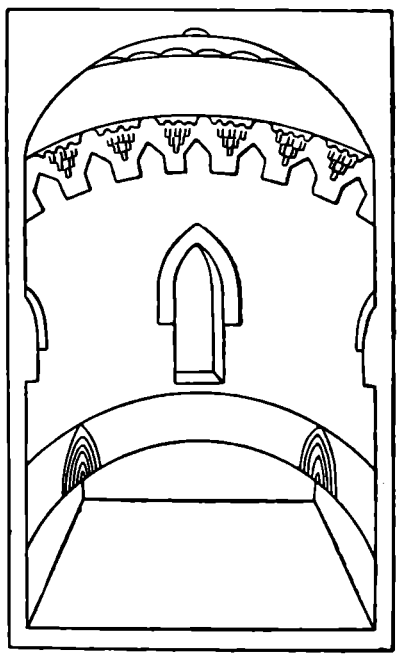


Рис. 1. Мазар Хара-хото. «Поперечный разрез». Чертеж П. К. Козлова

Вопрос о времени и обстоятельствах возведения постройки пока не уточнен. Судя по характеру архитектуры, не возникает сомнения, что здание связано с «мусульманской» строительной традицией. Но мечеть ли это? Такому истолкованию противоречит наличие сквозного проема с западной стороны (рис. 3). Если даже предположить, что первоначально он был частично заложен, образуя михрабную нишу, то и при этом ориентация оси следует не на кыблу, так как при строгой разбивке ось должна быть направлена на юго-запад. По типу здание скорее напоминает мусульманский мазар. Этому предположению отвечает и ориентация, которая в мусульманских мазарах обычно следует странам света, и общий характер архитектуры здания. Сейчас надгробия в нем не видно, но оно может быть скрыто под завалами, покрывающими пол. Кроме того, мазар мог быть возведен и как «кадам-джой» — «место следа» какого-то видного деятеля ислама.

Вопрос о датировке хара-хотского памятника определяется на основании конструктивных данных. Появление сырцовых перспективно-уступчатых парусов в архитектуре одной из самых высокоразвитых провинций Среднего Востока — в Хорасане отмечается еще в раннем средневековье; что же касается консольно-ячеистых парусов, то они возникают здесь лишь с XI в., получив распространение в конце XI—XII в. (мавзолей Астана-баба, караван-сарай Дая Хатын) [3]. Однако в северных и восточных районах Средней Азии эти конструктивные системы получают широкое применение лишь в конце XIII—XIV в. (в Хорезме — мазар Шейх-Мухтар-Вали начала XIV в.[4] и мавзолей Сеида Алауддина в Хиве начала XIV в.) [5], в Фергане — комплекс мавзолеев XIV в. Касане, из которых

---

[3] Г. А. Пугаченкова. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. ЮТАКЭ, VIII, Ашхабад, 1958, стр. 232—234, 248—250.

[4] И. И. Ноткин. Малоизвестные памятники хорезмского зодчества. «Искусство зодчих Узбекистана», I, Ташкент, 1962, стр. 150, рис. 2, *3*.

[5] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958, стр. 38, 164 рис. 22, *а*.

один имеет уточненную дату 1340—1341 г.[6]. Конструктивное сочетание перспективно-уступчатых угловых парусов и промежуточных консольно-ячеистых можно видеть в так называемом мавзолее Хазрети-Имам в Шахрисябзе, возведенном по распоряжению Тимура в 1379 г. хорезмскими мастерами, в соответствии с привычными для них традициями[7]. Отметим, что устройство подкупольных аркатур в интерьере присуще некоторым иранским памятникам XIV в.[8].

Однако конструкция консольно-ячеистых парусов, столь характерная для Средней Азии, нетипична для иранской архитектуры. По-видимому, в XIV в. распространение ее из Средней Азии шло на восток. Отсюда она проникает и в Индию, где появляется в целой группе мавзолейных построек с чисто среднеазиатским решением интерьеров (усыпальница Фирузшаха 1388 г., «Гробница в скалах», мавзолей в Мухаммедпуре и др.)[9].

Таким образом, судя по конструктивным данным, рассматриваемая постройка в Хара-хото была воздвигнута в XIV в. С этим вполне согласуется и историческая ситуация.

В XIII в., после грандиозной экспансии орд Чингисхана, области Средней Азии и Ирана вошли в состав улусов его сыновей Хулагухана, Джагатая, Джучи, наследственные права которых затем сохраняли их отпрыски. С конца XIII и в XIV в. здесь происходит процесс постепенной исламизации монголов. Начавшись в Иране при Газанхане, принявшем в 1296 г. ислам, этот процесс захватывает и Среднюю Азию, где уже хан Тармаширин (1322—1334) был ортодоксальным мусульманином, и затем постепенно распространяется на северо-восток.

Проникновение мусульман в Монголию протекало значительно раньше. Дело не столько в обращении в ислам монгольского населения, сколько в оседании здесь мусульманских колоний, по-видимому, купеческих. В этом отношении прямое указание содержится у В. Рубрука, который пишет, что в Каракоруме имелось два квартала: «...один Саррацинов, в котором бывает базар, и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов; другой квартал китаев, которые все ремесленники. Вне этих кварталов... двенадцать кумирен различных народов, две мечети, в которых провозглашают закон Магомета, и одна христианская церковь на краю города»[10]. Под сарацинами автор имеет в виду мусульман — представителей среднеазиатских народов.

Очевидно, подобные колонии мусульманских купцов, осуществлявших транзитную торговлю со странами Среднего и Ближнего Востока, располагались и в Хара-хото, где следует ожидать наличие остатков особого квартала. Они могли появиться здесь еще в дочингизидские времена. Но лишь в XIII—XIV вв., в пору мирового могущества монгольской державы, для их закрепления были созданы наиболее прочные предпосылки, так как если на Среднем Востоке жестокость монгольских завоеваний принесла развал общественной жизни, то торгово-ремесленным представителям различных вероисповеданий, концентрировавшимся в среде самих монголов, оказывалось некоторое покровительство.

В XIV в. ханы монгольских улусов, располагавшихся в областях Семиречья, уже принявшие ислам, но сохранявшие кочевнический уклад, нередко привлекали к строительству мавзолеев для членов своего рода опытных зодчих из городов. Таков, к примеру, мавзолей Кянизек-хатун,

[6] Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Ферганы. Сб.: «Искусство Средней Азии». М., 1930, стр. 63—66.

[7] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Ук. соч., рис. 107.

[8] Например, мавзолей Имамзаде Али 1359/60 г. в Куме. D. N. Wilber. The Architecture of Islamic Iran. Princeton, 1955, рис. 200.

[9] T. Wetzel. Islamische Grabbauten in Indien aus der Zeit der Soldatenkeiser 1320—1540. Leipzig, 1918, рис. 77—81, 86—96, 100—101.

[10] Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957, стр. 165.

Рис. 2. Мазар в Хара-хото. Восточный фасад

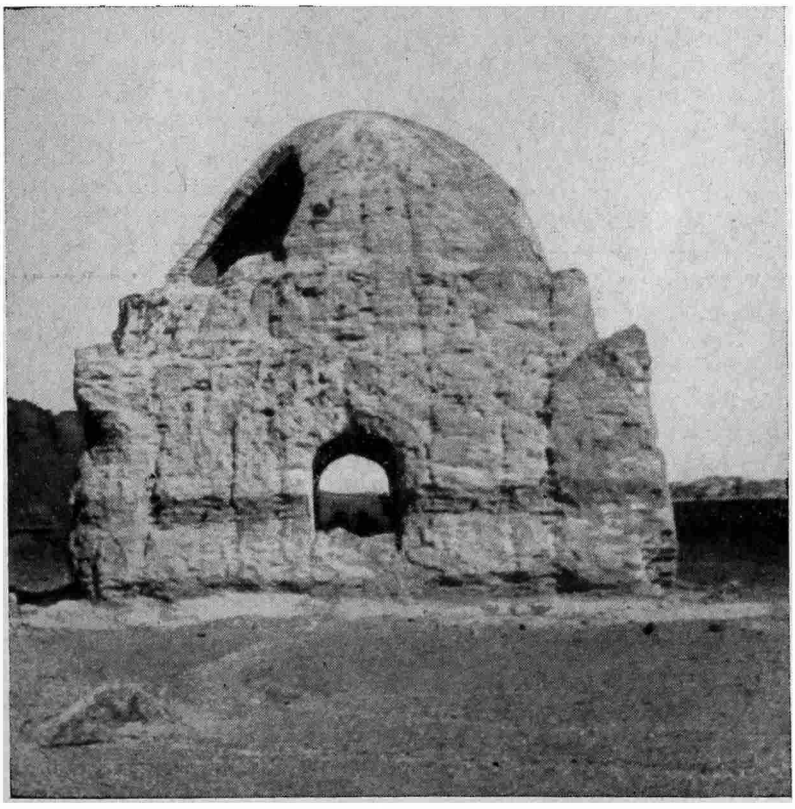


Рис. 3. Мазар в Хара-хото. Западный фасад

дочери эмира Бука (так называемый «Гумбез Манаса»), в Таласской долине, воздвигнутый в 1334 г.[11], в сооружении которого, очевидно, участвовали строители из Тараза или Ферганы. Таков мавзолей хана Туглук-Тимура на р. Хоргос[12], воздвигнутый около 1363 г., исключительная близость архитектурной композиции и великолепного изразцового декора которого к группе «ранних» мавзолеев Шахи-Зинды не оставляют сомнения в том, что в его строительстве принимали участие мастера самаркандской архитектурной школы XIV в.

В составе мусульманских колоний в городах Монголии были, очевидно, в это время не только купцы, о чем свидетельствует В. Рубрук, но и ремесленники. Во всяком случае несомненно, что руками среднеазиатских мастеров строительного дела было воздвигнуто в XIV в. здание мазара у стен Хара-хото, так как в нем запечатлены чисто среднеазиатские инженерно-строительные приемы и объемно-композиционные принципы.

[11] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950.

[12] Н. Пантусов. Город Алмалык и мазар Туглук-Тимур-хана. «Кауфманский сборник», М., 1910, стр. 161 сл.

М. В. СЕДОВА

КАМЕННЫЕ ИКОНКИ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

Иконки, вырезанные из камня, принадлежат к числу редких находок. До сих пор они встречены лишь в очень немногих, главным образом крупных, городах древней Руси. В отличие от произведений мелкой пластики, отлитых из цветных металлов, каждая маленькая иконка резалась мастером индивидуально, поэтому они никогда не повторяют друг друга. Вследствие этого каменные иконки не были предметами массового ремесленного производства. Каждая такая находка является своеобразным образцом древнерусского искусства и иконографии, а кроме того, иногда и палеографическим документом, так как среди немногочисленной коллекции каменных иконок есть экземпляры с надписями.

Новгородские каменные иконки издавались Д. В. Айналовым, В. К. Мясоедовым и А. В. Арциховским[1]. В 1951—1963 гг. в результате археологического изучения Новгорода коллекция каменных иконок пополнилась девятью новыми экземплярами, публикации которых посвящена настоящая статья. Встречены они в хронологически различных слоях (от XII до XV в. включительно) и отчасти поэтому весьма различны по технике изготовления, манере и мастерству исполнения.

Самой древней из новгородских находок является круглая иконка, вырезанная из светло-серого известняка (диаметром 4,5, толщиной 0,7 *см*). Найдена она в слое первой половины XII в. (ярус 20). На лицевой стороне иконки изображена поясная фигура Иоанна Предтечи в фас (рис. 1, *1*). В левой руке святого — крест, в правой — свиток. Нимб и вырез одежды орнаментированы. Резьба выполнена высоким рельефом. По сторонам фигуры святого сделана надпись, слева — «Иоан», справа — «Предтеча» (с лигатурой Д и Т). Вся композиция заключена в круг.

Данных для палеографической даты этой находки нет. Начертания букв надписи не противоречат стратиграфической дате. Правда, написание «Ч» в виде «палочки с расщепом наверху» характерно для памятников

[1] Д. В. Айналов. Две каменные новгородские иконки. Тр. Новгородского церковно-археологического общества, т. I, Новгород, 1914, стр. 67—72; В. К. Мясоедов. Каменный образок Новгородского Епархиального Древлехранилища. Там же, стр. 189—191; А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде, МИА, 11, 1949, стр. 141.

XIII—XV вв. В XI—XII вв. преобладает форма в виде «бокальчика». Изредка встречается начертание, аналогичное надписи на новгородском образке [2].

Эта находка безусловно принадлежит к изделиям новгородских мастеров. Ближайшей аналогией ей является каменная иконка с изображением

Рис. 1. Каменные иконки из Новгорода

сидящей фигуры Христа, найденная в Новгороде на Славенском холме [3]. Сходны и манера изображения, и принцип заключения композиции в круг, и рельефный бортик по краю. Исполнение фигуры Иоанна Предтечи на новгородской иконе очень близко к изображениям этого святого на новгородских печатях [4]. Описываемый образок не имеет никаких приспо-

[2] Я. И. Трусевич. Изборник 1905 г. Свод азбук с образцов кириллицы, 1—2, СПб., 1905, л. 2 (Псалтырь Евгениевская XI в.), л. 3 (Евангелие Мстиславово 1115 г.), л. 4 (Псалтырь Погодинская XII в. и Евангелие Волканово XII в.).

[3] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 141, рис. 15, *2*.

[4] В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. МИА, 55, 1956, стр. 154.

соблений для ношения. По-видимому, это была вставка в напрестольный крест.

К XII в. относятся еще три каменные иконки, найденные в пределах усадьбы «И» Неревского раскопа. Одна из них (яр. 17—18) сделана из светло-серого сланца в виде киотца (ее размеры 4,7 × 3,4 *см*, толщина 0,7 *см*). На лицевой стороне иконки вырезана композиция «Христос во гробе» (рис. 1, *3*). Фигура Христа обнаженная, поясная, в фас. Тело прислонено к кресту, голова склонена на правое плечо. На крестчатом нимбе и на кресте сохранились следы позолоты. Изображение сделано невысоким рельефом. Рисунок и резьба выполнены умелой рукой, свидетельствуя об опытном мастере.

Для русской иконографии до XIV в. сюжет «Христос во гробе» не характерен. Ближайшими аналогиями изображению на новгородской находке являются крест конца XIII в. из коллекции Третьяковской галереи, икона «Царь славы» конца XIV в., относимая к произведениям сербской школы[5], и роспись жертвенника в Волотовской церкви XIV в. в Новгороде[6]. Вероятно, новгородская иконка с изображением «Христа во гробе» является византийским произведением. По технике и манере исполнения она близка некоторым византийским образкам, хотя точных аналогий ей подыскать не удалось.

К изделиям византийского происхождения, по-видимому, принадлежит также прямоугольная иконка из темно-серого известняка, обломок которой был найден в слое, относящемся к 17—18 ярусам (размеры 1,8 × 1,9 × 0,4 *см*). На лицевой стороне иконки изображена голова святой в головном уборе в виде короны (рис. 1, *6*). Фигура выполнена четким рельефом. Более плоский нимб удлиненных очертаний орнаментирован косой насечкой. Справа вырезана греческая надпись ∞/ω/α.

Четвертая иконка (рис. 1, *2*) найдена в слое 16-го яруса. Прямоугольный образок сделан из светло-серой плотной массы неприродного происхождения (так называемый «литик»). На лицевой стороне иконки высоким рельефом изображен Христос Эммануил, с высоким выпуклым лбом, с четко разделанными волосами и без бороды. Слева и справа процарапано $\overline{\text{IC}}$, $\overline{\text{XC}}$. В оглавии помещен равноконечный крест. Резьба заглажена, рельефный бортик украшен зигзаговым узором, на котором видна позолота. Среди древнерусских изделий мелкой пластики этот образок не имеет аналогий.

Описанные выше три образка второй половины XII в. найдены в пределах усадьбы «И»[7], откуда происходят также церковный сосудик[8] и берестяные грамоты № 244, 317, 319, 323, 331, 359, 369 в тексте которых или упоминаются духовные лица или содержание текста имеет церковный характер[9]. Все это наталкивает на предположение, что данная усадьба некоторое время принадлежала церковному подворью.

Небольшой обломок серой шиферной иконки (рис. 1, *9*) происходит из слоя середины XIII в. Ильинского раскопа (его размеры: 1,3 × 3,9 × × 0,4 *см*). Это был нагрудный образок. На лицевой стороне обломка видна часть фигуры взнузданного коня и нога всадника. Скорей всего, на иконке изображен Георгий Победоносец. Фигура вырезана невысоким рельефом, сравнительно грубой техникой. В древней Руси иконки с изображением Георгия были весьма распространены. Образки с таким сюжетом того же

---

[5] В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи. 1, М., 1963, № 160, (рис. 113), 337 (рис. 256).

[6] В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М., 1947, табл. 66, *б*.

[7] П. И. Засурцев. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. МИА, 123, 1963, стр. 138—144.

[8] М. В. Седова. Серебряный сосуд XIII в. из Новгорода. СА, 1964, 1, стр. 334.

[9] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963.

времени известны из Княжей Горы на Киевщине [10] и из собрания Загорского музея [11].

Нагрудная иконка с изображением Василия Великого — святителя Кессарийского (рис. 1, *5*) найдена в слое первой половины XIV в. (ее размеры: 3 × 1,9 × 0,6 *см*; ярус 9—10). Изображение Василия поясное, в фас. Правая рука — благословляющая, в левой руке — евангелие. В оглавии образка помещен равноконечный крест архаических очертаний. Иконка резана невысоким рельефом, причем довольно грубо. На святом нет епископских крестчатых риз, но то, что здесь изображен именно Василий Кессарийский, не вызывает сомнений. В этом убеждает сравнение новгородской иконки с подписной иконкой из собрания Загорского музея [12]. Отметим сходство в трактовке лица и всей фигуры святых на обеих иконках. Т. В. Николаева относит загорский экземпляр к первой половине XV в., т. е. примерно на столетие позже новгородского.

Изображения Василия Кессарийского в мелкой пластике, например, на свинцовых печатях первой половины XV в. [13] свидетельствуют о довольно устойчивой иконографии этого святого.

Ко второй половине XIV в. относится обломок небольшой иконки, найденный невдалеке от ул. Великой на усадьбе «Д», принадлежавшей боярскому роду Мишиничей (ярус 6). Изготовлен образок из светло-серого «литика» (размеры обломка 2,9 × 2,2 × 0,6 *см*). На лицевой стороне его помещена поясная фигура святого в фас (рис. 1, *8*). Верхняя часть иконки с изображением головы обломана. На святом епископское облачение, правая рука благословляющая, в левой перед грудью — закрытое евангелие. Скорей всего — это Николай. Резьба исполнена невысоким рельефом. Рисунок очень тонкий и четкий, прекрасных пропорций. Очень тщательно проработаны детали одежды, ложащейся мелкими складками. В целом вся икона оставляет впечатление большого изящества и мастерства.

Очень близки друг к другу как по времени создания, так и по манере изображения две иконки, стратиграфически датируемые первой половиной XV в. Одна из них (размер 2,6 × 2,3 × 0,6 *см*) прямоугольной формы из светло-серого известняка найдена в слое 4 яруса. На лицевой стороне высоким рельефом вырезана поясная фигура Иоанна Богослова (рис. 1, *4*). Он изображен юным апостолом, подобно предстоящему из композиции распятия. Руки сложены на груди, голова слегка наклонена вправо. Очень четко показаны волосы, локонами спускающиеся на плечи. Пропорции несколько удлиненные, но резана иконка четко и мастерски, а все изображение отличается особой выразительностью. По-видимому, образок являлся вставкой в напрестольный крест и входил как составная часть в деисусную композицию. А. В. Арциховский, публикуя иконку [14], считал, что на ней изображена фигура богоматери. Но в деисусной композиции богородица всегда помещается слева, т. е. по правую руку от Христа. Кроме того, на древнерусских изображениях женщин никогда не показывались волосы.

К тому же времени относится обломок другой иконки, вырезанной из серого сланца (размеры: 4,9 × 2,5 × 0,8 *см*; ярус 3). На лицевой стороне нагрудного образка изображена композиция распятия (рис. 1, *7*). Сохранились части восьмиконечного креста и фигура Христа. Справа от нее изображена богоматерь со склоненной головой и протянутой к кресту рукой.

---

[10] Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, II, Киев, 1900, табл. XXVII.

[11] Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XV вв. в собрании Загорского музея. Загорск, 1960, стр. 134 (№ 27*а*), стр. 144 (№ 34).

[12] Там же, стр. 150 (№ 40 *б*).

[13] В. Л. Янин. Ук. соч., табл. IV, *25—26*.

[14] А. В. Арциховский. Раскопки 1951 г. в Новгороде. СА, XVIII, 1953, стр. 367.

В левом верхнем углу иконки вырезана в профиль голова в круге — олицетворение солнца. Изображение, олицетворяющее луну (в правом верхнем углу), и фигура предстоящего Иоанна Предтечи утрачены. Композиция резана невысоким рельефом очень четко и мастерски. Изображение богоматери по манере очень напоминает фигуру Иоанна на описанном выше образке. Тот же ракурс и плавный наклон головы, трактовка глаз и носа непрерывной линией, уплощенный нимб с дополнительной каймой, нарочито большие руки. Возможно, обе последние иконки резаны одним мастером.

Т. В. НИКОЛАЕВА

НАДГРОБИЕ НОВГОРОДСКОГО АРХИЕПИСКОПА СЕРГИЯ

В Троице-Сергиевой лавре найдено надгробие 1495 г. новгородского архиепископа Сергия (рисунок). На камне хорошо сохранились семь строк надписи и четкий геометрический орнамент. Находка представляет исключительный интерес, так как является лишь второй датированной плитой XV в. из всех ранее известных надгробных камней [1].

Надгробие было открыто в 1963 г. при нивелировке площади между Троицким собором (1422 г.) и Духовской церковью (1476 г.). Камень лежал на расстоянии 1,2 *м* к востоку от центральной апсиды Троицкого собора, на глубине 0,5 *м* от современной поверхности. Это почти прямая белокаменная доска с незначительным расширением к головной части. Нижний конец ее утрачен, сохранившаяся часть разбита в двух местах. Размеры: длина 1,19, ширина вверху 0,57, внизу 0,54 *м*, толщина 12 *см*.

Орнамент на надгробии наиболее архаический, имеющий ряд особенностей, отличающих его от традиционной схемы распределения орнамента, установившейся в XVI в. Посредине вверху высечен круг, заполненный плотной сеткой из равносторонних треугольников. По краям лицевую поверхность плиты обрамляет такая же полоса из двух рядов треугольников. На нижнем конце высечен, как и вверху, круг с треугольниками, образующими сетку. От этого круга вверх, расходясь к боковым сторонам, отходят две полоски, состоящие из двух рядов треугольников каждая. В верхней части плиты высечен дополнительно еще и третий внутренний ряд треугольников, опускающийся до боковых полос. Кроме того, в отличие от других надгробий, в верхней части плиты углы, образованные внутренней окантовкой и полосами из треугольников, соединены полукруглыми линиями также из двух рядов треугольников. Весь орнамент высечен четко, глубоко и хорошо распределен на поверхности камня.

Надпись плохим полууставом резана вглубь:

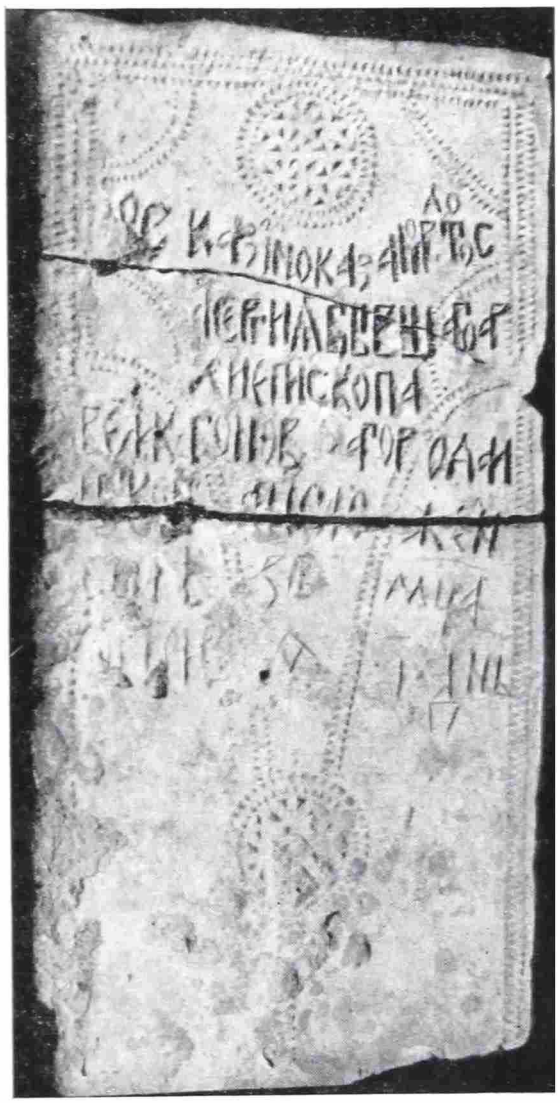
1. ДОСКА; ІНОКА; АМОРТОЛОС
2. А СЕРГИА БЫВШАГО АР
3. ХИЕПИСКОПА
4. ВЕЛИКАГО НОВАГОРОДА И
5. ПСКОВА ПОЛОЖЕН
6. В ЛѢ ЗГ М̃ЦА
7. АПРИЛ̃А І Д̃НЬ.

Имеются лигатуры: МР, АГ (трижды), АР, ПИ, ЛИК, АИ.

Распределение надписи на плите таково, что она нарушает композицию орнамента. Причем ясно, что орнамент нанесен раньше надписи. Первая строка огибает верхний круг. Остальные строки перерезают полосы, идущие от нижнего круга к боковым сторонам. Строки расположены не

[1] Первая плита 1494 г. была также найдена в лавре. Т. В. Николаева. О некоторых надгробиях XV—XVII вв. Загорского музея-заповедника. СА, 1958, 3.

по прямой линии и плохо распределены на поверхности камня. Совершенно очевидно, что орнамент наведен на плите хорошим мастером профессионалом, надпись же исполнена плохим «писцом». Это могло произойти лишь в том случае, если надпись и орнамент разновременны и исполнялись разными мастерами. По-видимому, в монастыре всегда был какой-то запас надгробных плит, на которых по мере необходимости высекали надписи [2]. Иногда плиты клали на могилы «не подписанными». Поэтому мастер белокаменщик часто наводил орнамент, либо совсем не рассчитывая на надпись, либо оставлял ей так мало места, что «писцы» вынуждены были надпись наводить по орнаменту.



Надгробие новгородского архиепископа Сергия

При внимательном рассмотрении надписи убеждаемся, что она сделана в два приема. Первые пять строк высечены глубоко, твердой рукой, с характерным одинаковым начертанием букв. Последние две строки едва нацарапаны на камне небрежным почерком. Как раз в этих строках и содержится указание года и дня погребения. Это дает основание предположить, что первые пять строк надписи были заготовлены заранее, еще при жизни погребенного, а последние две строки были дописаны после его смерти. Поэтому и содержание надписи в данном случае не типично для надгробий, так как начинается не с указания года, а с текста о том, кому принадлежит данная «доска». Все эти особенности плиты объясняются прежде всего необычной историей погребенного.

В надписи обращает на себя внимание слово «аморто́лоса». В данном случае употреблено греческое слово «ἁμαρτωλός» (грешный), поставленное по-русски в родительном падеже [3]. Бывший архиепископ Новгорода и Пскова скромно назван «грешным» иноком. По-видимому, печальная история инока, занимавшего высокий пост новгородского владыки, произвела большое впечатление на троицких монахов, которые отметили день его смерти не только записью на камне, но и в книге XV в. «Стихирарь»: «въ лето 7003 (1495) априля 9, в среду, 4 часъ нощи преставися прежебывший архиепископ

[2] Об этом можно судить, например, по надписям-граффити мастеров на оборотных сторонах досок. На одной доске «написано» число «26», т. е. по-видимому, 26-я плита, заготовленная мастером; на другой — год, в который сделана заготовка надгробия.

[3] Благодарю за чтение этого слова и его перевод Е. Э. Гранстрем.

Сергий Великаго Новагорода и Пскова, а положен в землю апреля 10, в четверток, у Троицы в Сергиеве монастыре» [4]. Тогда же он был вписан и в монастырский Синодик [5]. В списке погребенных архиепископ Сергий указан захороненным «в неизвестных местах лавры» [6].

Из иноков Троицкого монастыря часто выдвигали представителей высшего духовенства, которые нередко возвращались «на покой» к месту своего пострижения. И самый этот факт не представляет для истории монастыря ничего необычного. Но в данном случае история троицкого инока Сергия не имела прецедента. Впервые место новгородского владыки занимал не новгородец, а ставленник московского князя, бывший протопоп московского Успенского собора Симеон, постригшийся с именем Сергия в Троицком монастыре.

Этот важный для того времени факт отметили многие летописи [7]. Великий князь Иван III «обмыслил» свой поступок с сыном Иваном, митрополитом Геронтием и архиепископами ростовским, рязанским, коломенским и сарским. На престол московского Успенского собора были положены три жребия: архимандрита спасского Елисея, чудовского архимандрита Геннадия и троицкого старца Сергия. И после совершения литургии был вынут жребий Сергия. Нарушить многовековые традиции поставления новгородских святителей побудила князя все более обострявшаяся борьба Москвы с Новгородом.

Усмотрев в новгородских святителях наиболее опасных политических противников, Иван III заключил Феофила в Чудовом монастыре и отныне решил ставить на архиепископию в Новгород только московских представителей. Так впервые в Новгород с высоким саном архиепископа отправился инок Троице-Сергиева монастыря. Новгородцы с предвзятым недоброжелательным мнением ожидали московского пришельца, тем более, что архиепископ ехал в Новгород не один. Московский князь прислал с ним «своих москвич много множество... съ всею ратною приправою» [8]. Кроме того, за действиями архиепископа должны были смотреть присланные с ним московский боярин, дьяк и казначей [9]. Компрометирующий Сергия случай представился еще при подъезде к Новгороду, когда он завернул в Сковородский монастырь Архангела Михаила. После обычного поклонения чтимым местным иконам Сергий попросил открыть гробницу основателя монастыря архиепископа Моисея, находившуюся на паперти. Испуганный таким святотатством, священник сказал: «Подобает святителю святителя скрывати». «Архиепископ же Сергий рече с гордостию: кого сего смердовича и смотрити?». В другой редакции новгородский летописец подчеркнул явно политический оттенок в ответе архиепископа, который будто бы сказал: «Яко от Москвы прииде к гражданом яко плененным: кого сего смердовича и смотрити?» [10].

В поступке архиепископа усмотрели не только непочтение к новгородским святыням, но и отношение к новгородцам как победителя к пленным. «И бысть от того времени изумлен», т. е. лишен разума,— добавляет летописец. Иногда его видели в Евфимиевской паперти, сидящим в одной ряске, иногда в полдень его видели «у святей Софеи сидяща в одной ряске и без мантии» [11].

Псковская летопись странности архиепископа объясняет более определенно: «Того же лета в Новгороде владыце Сергию многажды начаша

---

[4] Леонид-архимандрит. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1884, II, № 408.

[5] Синодик 1680 г. Рукопись Загорского музея, л. 42 об.

[6] Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре, от основания оной до 1880 года. М., 1880, № 776.

[7] ПСРЛ, III, стр. 183; VI, стр. 36 и 235; VIII, стр. 215.

[8] ПСРЛ, V, стр. 42.

[9] ПСРЛ, VI, стр. 236.

[10] ПСРЛ, III, стр. 243—244.

[11] ПСРЛ, III, стр. 184.

являтися святители новгородстии, лежащии в дому святыа Софея, овогда во сне, овогда яве, обличающе яве безумное дерзнутие на поставление святительства ему...» [12]. Новгородские святители будто бы уличали Сергия в том, что он «поругал» каноны отцов, заняв новгородскую кафедру при живом архиепископе, не уличенному в ереси и не по праву изгнанному. Обличая московского ставленника, они «многия недуги вложиша его». За надуманной версией о наказании Сергия новгородскими святителями звучит более реальная причина неустойчивого положения архиепископа, столкнувшегося с явно враждебной средой новгородцев, маскировавших святительскими обличениями серьезные политические мотивы, «занеже не хотяху новгородци покоритися ему, что не по их мысли ходит» [13].

К радости новгородцев, Сергий стал страдать какими-то страшными недугами, «неведомою силою порази его о землю и еле жива остави его токмо дышаща и пребысть неколико не глаголя, но нем». Больной владыка оставил архиепископство и постригся в схиму в Хутынском монастыре. Но и там его не оставляли наказывать какие-то неведомые силы, до тех пор, пока он не отъехал «на Москву со всеми своими дворяны». И здесь новгородцы невольно объясняют причину своей радости его низвержением: «Тогда и московская застава ратная сила отъехаша на Москву, а стояли в Новгороде 17 недель» [14].

Архиепископ Сергий вернулся в Троице-Сергиев монастырь 27 июня 1484 г., пробыв в Новгороде 10 месяцев без 6 дней. Больной, и уже будучи схимником, он, несомненно, должен был позаботиться о месте своего «будущего упокоения». Именно это обстоятельство и могло послужить причиной того, что он заранее приобрел себе надгробную «доску», на которой при его жизни и были высечены пять начальных строк надписи. Назвать архиепископа просто «грешным иноком» было не совсем удобно, и поэтому на камне появилось ученое слово «амортолоса», более подходящее к высокому святительскому сану «прежде бывшего» владыки.

После возвращения из Новгорода схимник-архиепископ жил в Троицком монастыре почти 11 лет. В этот промежуток времени (1484—1495) и могла быть заказана надгробная плита и заранее высечена на ней надпись о ее принадлежности.

[12] ПСРЛ, V, стр. 42.
[13] ПСРЛ, VI, стр. 236.
[14] ПСРЛ, V, стр. 42.

О. Ю. КРУГ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИИ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ЧЕРНЯХОВСКОМ ПОСЕЛЕНИИ ЖУРАВКА

При решении важной археологической проблемы раскрытия технологии древнего керамического производства целесообразно применять петрографические методы исследования гончарного материала. Такие стороны технологии производства, как подбор сырья, приготовление керамического теста, условия обжига не могут быть раскрыты без петрографического исследования керамики. Микроскопический анализ позволяет точно определить все составляющие керамического теста, структуру глины и примеси естественные и искусственные, независимо от размера их зерен. Визуальное (макроскопическое) наблюдение над изломом черепка неточно и может привести к серьезным ошибкам.

Методика предложенного исследования керамического сырья и древней керамики может быть иллюстрирована на примере изучения черняховской керамики из поселения Журавка (Украинская ССР). С петрографи-

ческой точки зрения черняховская керамика ранее никем не изучалась. Подобное же замечание может быть сделано и относительно материала других культур, несмотря на то, что такое исследование позволило бы сделать обоснованные выводы о технологии керамического производства и его особенности. Материалом для исследования послужила керамика из раскопок Э. А. Сымоновича в 1960—1963 гг.

Петрографическому исследованию были подвергнуты 140 образцов керамики и 30 образцов глин. Образцы были изучены макроскопически, термическим анализом, и исследованы прозрачные шлифы, изготовленные из керамических материалов. Керамика взята из 11 построек, преимущественно с пола или из печек (рис. 1) и керамической мастерской. С каждого объекта брали образцы тонкой лощеной керамики разных цветов, грубогончарной круговой с шероховатой или заглаженной поверхностью и лепную керамику.

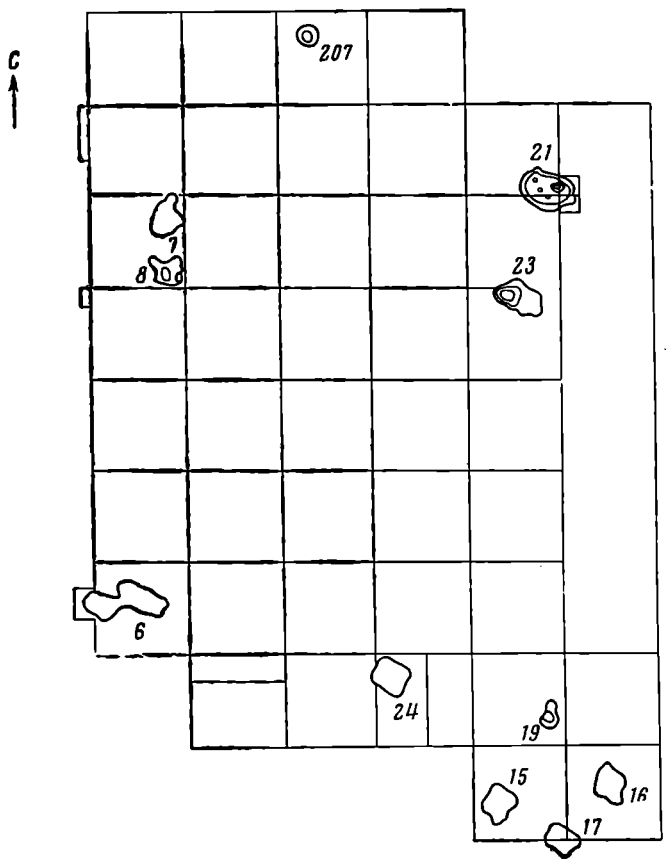


Рис. 1. План раскопок поселения Журавка. На план нанесены постройки, где взяты образцы керамики для петрографического исследования

Сырьевые материалы. Методически важно начать исследование керамического материала с использованного сырья и установить вероятное место добычи глин. Исследовались образцы глин, залегающих близ поселения. В окрестностях Журавки обнажаются два разных типа глин, пригодных для гончарного производства. Они имеют разное геологическое происхождение и различный петрографический состав.

Первый тип глин обнажается в обрыве левого берега бывшей речки-лога, рядом с основным раскопом поселения. Эта глина окрашена в желтовато-серый цвет. Ее возраст определяется как четвертичный. Она относится к комплексу украинских лессовидных отложений, широко развитых на большой территории страны. Под микроскопом хорошо видна ее равномерная, тонкозернистая структура. Глина имеет высокое содержание (45%) алевритовой примеси кварца. Тонкодисперсный материал глины обогащен гидрослюдами. Макроскопически эта глина выглядит однородной массой желтоватого цвета и не содержит никаких примесей.

Другой тип глины обнажается на противоположном берегу. Это позднетретичные отложения пестрых глин озерно-болотного происхождения. Пластичные глины разных цветов часто запесочены и отличаются структурой в разных районах Украины. Под микроскопом видна волокнисто-чешуйчатая ее основная масса, обуславливающая высокую пластичность глины, которая несколько снижается присутствием относительно крупной

окатанной примеси кварцевого песка. Кварцевая примесь составляет до 30% материала. Преобладающая фракция обломков имеет размеры 0,1—0,4 *мм*. Характерно также присутствие обломков карбоната неправильной формы размером до 2—3 *мм*.

В нашем распоряжении был также сырой гончарный материал из древней керамической мастерской. Он оказался очень интересным с точки зрения петрографического состава и помог раскрыть технологию приготовления керамического теста древними гончарами. В мастерской обнаружены три типа глин, которые присутствуют каждая в отдельности и в смеси друг с другом в разных соотношениях. Два типа уже знакомы нам по геологическим разрезам (местные гончарные глины), а третий тип, так называемый первичный каолин, не встречается в окрестностях Журавки (рис. 2). Ближайшее месторождение каолина расположено в 20 *км* на юго-запад в районе Звенигородки. Видимо, зная хорошо огнеупорные свойства каолина, гончары сознательно везли его издалека, чтобы использовать в качестве примеси к керамическому тесту для получения огнеупорной прочной и термостойкой посуды. Проделанный нами термический анализ подтвердил каолиновый состав данного материала (рис. 3).

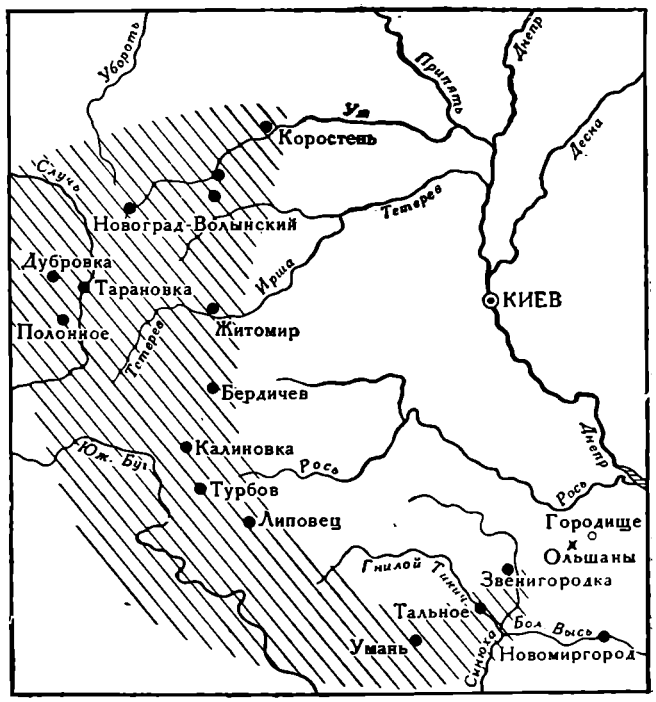


Рис. 2. Схематическая карта распространения украинских первичных каолинов
Заштрихована область распространения месторождений каолина. Точками указаны пункты каолиновых обнажений

Первичный каолин — белый, жирный на ощупь — является продуктом разрушения кристаллических пород. Развиваясь по полевошпатовым горным породам и ассоциируясь территориально с ними, каолин в своем составе содержит часто большой процент реликтовых обломков материнской породы. Эти обломки часто достигают размеров до нескольких миллиметров и видны глазом. Под микроскопом хорошо видны угловатые, неправильной формы обломки кварца, полевых шпатов и других минералов, нередко и обломки горных пород. Таким образом, при использовании каолина в качестве составляющей керамического теста гончар неминуемо вводит в него минералы изверженных пород, которые наблюдаются в изломе черепка лепной и грубой круговой керамики и часто принимаются за примесь песка или дресвы (рис. 4, *1*, *2*, *3*).

В северо-западном углу керамической мастерской обнаружена глина № 1, в северо-восточном углу у входа найден чистый каолин, в творильном ящике (в юго-восточном углу помещения) — смесь глины № 2 с каолином в соотношении 1 : 3. Образцы материала из плетеной корзины, а также с рабочего места возле круга имеют смешанный состав из трех компонентов (глины № 1, глины № 2 и каолина). Этот материал является высококачественным гончарным тестом, готовым к употреблению. Из это-

го теста должны получиться прочные и огнеупорные сосуды (рис. 4, *5*).

Из него производилась так называемая серая грубо-гончарная круговая посуда.

Петрографический состав древней керамики. В первую очередь была изучена тонкая лощеная керамика, произведенная на гончарном круге. Было исследовано 40 образцов разных форм и разного цвета. Образцы взяты с различных объектов: из мастерской, керамиче-

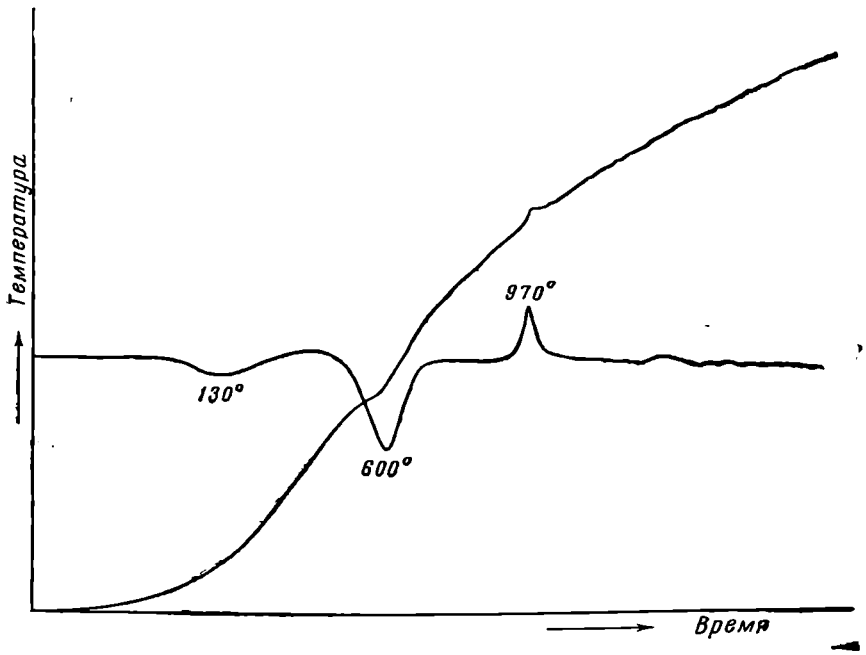


Рис. 3. Термограмма отмученного первичного каолина из керамической мастерской. Эндотермические эффекты при 130 и 600° и экзотермический эффект при 970° характерны для каолина

ского горна, построек и ям. Вся лощеная керамика однотипная по микроскопической структуре. Для нее характерно или полное отсутствие крупной обломочной примеси или присутствие ее в очень незначительных количествах (всегда менее 10%). Обломки представлены кварцем (97%), цветными минералами (2%), полевыми шпатами (1%). Основная масса мелкозерниста, ожелезнена, иногда карбонатизирована. Она составляет 92—98% всего образца. В проходящем свете она золотисто-желтого цвета, обладает тонкочешуйчатой структурой основной массы и содержит множество мелких остроугольных кварцевых зерен. Преобладающая фракция их имеет размеры 0,06—0,03 *мм*. Материал хорошо отсортирован. Среди обломков изредка встречаются зернышки плагиоклаза. Обнаружены также акцессорные минералы глины: циркон, турмалин, апатит, магнетит (рис. 4, *3*). Такие же точно состав и структуру имеют бракованные после сушки образцы керамики и найденные в плетеной корзине среди готового керамического теста. Аналогичный состав и структуру имеют образцы глины № 1 из мастерской и из геологического разреза.

На основании этих наблюдений можно утверждать, что лощеная керамика изготавливалась из теста, замешанного из глины № 1 без всяких примесей. Высокое содержание мельчайшей алевритовой естественной примеси угловатых обломочков кварца, составляющей 40—50% образца, обуславливает невысокую пластичность теста. Поэтому тесто не требует искусственной отощающей примеси, и в то же время эта примесь придает относительную прочность и звонкость тонкому изделию. Однородность материала и наличие тончайших частиц основной массы благопри-

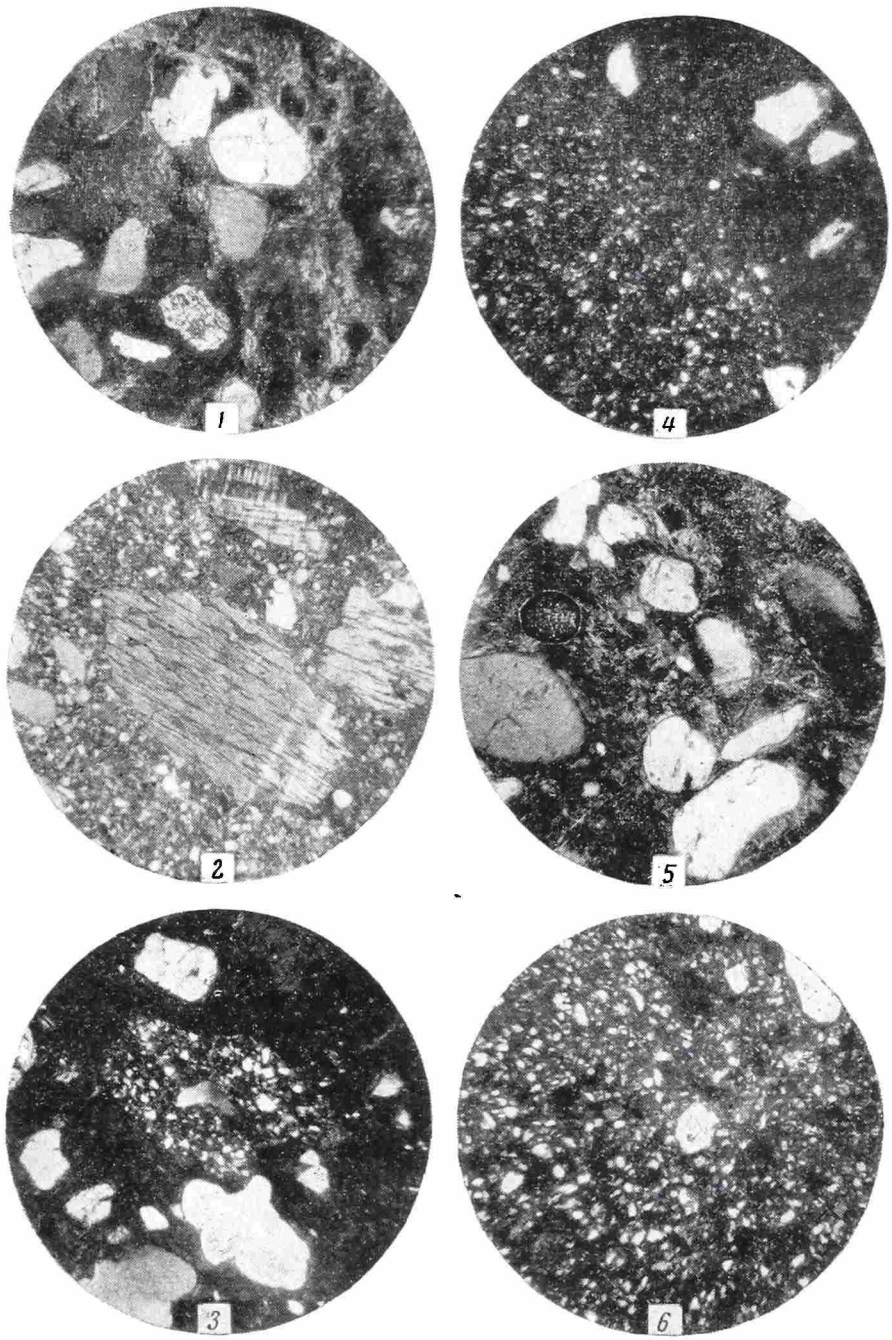


Рис. 4. Микроскопические структуры керамического материала из поселения Журавка. Увеличение 64 ×. Николи +

1 — глина № 1 из геологического разреза; однородная тонкозернистая структура с мельчайшей алевритовой примесью кварца; *2* — каолин из гончарной мастерской; крупный обломок калиевого полевого шпата; *3* — лощеная керамика из глины № 1; *4* — глина № 2 из геологического разреза; на фоне волокнистой основной глинистой массы выделяется полуокатанная кварцевая песчаная примесь; *5* — гончарное тесто; смесь глин № 1, № 2 и каолина; *6* — грубая круговая керамика из смеси трех составляющих

ятствует легкому лощению изделий. Важная операция лощения является не только украшением, но и необходимым условием получения посуды достаточной прочности, соответствующей назначению изделий, а также его водонепроницаемости.

Лощеная керамика произведена из одного сорта глины. Образцы ее, обладающие разной окраской, имеют одинаковый петрографический со-

став. Таким образом, цвет керамики зависит не от состава теста, а от технологии обжига, которой, видимо, прекрасно владели местные мастера. Для того чтобы получить разные цвета одной и той же керамики, нужно уметь строго регулировать режим процесса ее обжига.

Была также исследована грубогончарная круговая керамика. Образцы были взяты из заполнения мастерской, из керамического горна, из предгорновой ямы, а также из пяти построек на поселении. Это типичная черняховская серая грубая посуда с шероховатой, а иногда с заглаженной поверхностью. В изломе черенки имеют также серый цвет и видимые глазом угловатые обычно светлые, обломки минералов изверженных горных пород. Они достигают иногда значительных размеров, до нескольких миллиметров. Эта керамика дает прочный черепок.

Вся журавская керамика этого типа близка по своему составу, что легко устанавливается при помощи микроскопа. Основная масса ее тонкозернистая, неоднородная. Среди преобладающей темной, пропитанной окислами железа волокнистой основной массы видны участки, обогащенные мельчайшими кварцевыми зернышками. Здесь также присутствует и крупная обломочная примесь. Она представлена хорошо окатанными зернами кварцевого песка (его преобладающая фракция 0,3—0,5 *мм*), а также крупными угловатыми обломками разных минералов и горных пород. Из обломков присутствуют: единичные зерна кварца с волнистым погасанием; плагиоклаза № 26—36 (олигоклаз-андезин) с нечетким двойникованием; калиевого полевого шпата, замещенного в значительной части каолином; роговой обманки, которая представлена отдельными зернами со спайностью в одном направлении, с резким плеохроизмом: по Ng — зеленая и по Np — светло-зеленая. Из акцессорных минералов присутствуют циркон и магнетит (рис. 4, *6*).

Точно такой петрографический состав имеет описанное выше керамическое тесто, найденное в мастерской. Таким образом, неоднородность основной массы керамического материала и наличие крупных угловатых обломков обязаны неоднородному составу теста, замешанного из глины № 1, глины № 2 и каолина (глины № 1—1 часть, глины № 2—2 части и каолина — 1 часть). В керамике наблюдается некоторое колебание в содержании глины № 1. Кроме того, внутри этого типа керамики существуют небольшие различия в структуре основной массы, обусловленные разной тщательностью замешивания теста (рис. 5, *1*, *4*).

Лепная керамика. Грубая лепная керамика взята из десяти журавских построек с пола или из печек. Вся лепная посуда по своему петрографическому составу делится на две группы.

Первая группа произведена из теста, основу которой слагает журавская глина № 1. Неотъемлемой частью этого теста является каолиновая примесь, присутствие которой выдают многочисленные крупные обломки изверженных горных пород. Под микроскопом в структуре основной массы легко узнается однородная мелкозернистая карбонатизированная глина № 1. Здесь можно выделить мельчайшие зерна кварца, полевого шпата и значительное количество гидрослюд. Основная масса составляет 70—80%. Для материала характерно присутствие крупных обломков минералов и горных пород. Среди обломков выделяются:

1) Кварц в виде угловатых зерен с волнистым погасанием, достигающих 3 *мм*. Отдельные его зерна катаклазированы. В кварце встречаются тонкие иголочки апатита, иногда пересекающиеся под углом в 60°.

2) Плагиоклаз в виде угловатых зерен размером до 1 *мм*. В них видно четкое двойникование по альбитовому, карлсбадскому и другим законам. Состав плагиоклаза отвечает № 26—35 (олигоклаз-андезин).

3) Калиевый полевой шпат представлен зернами неправильной формы, размером 0,5—1,5 *мм*. Во многих зернах отчетливо видна микроклиновая решетка.

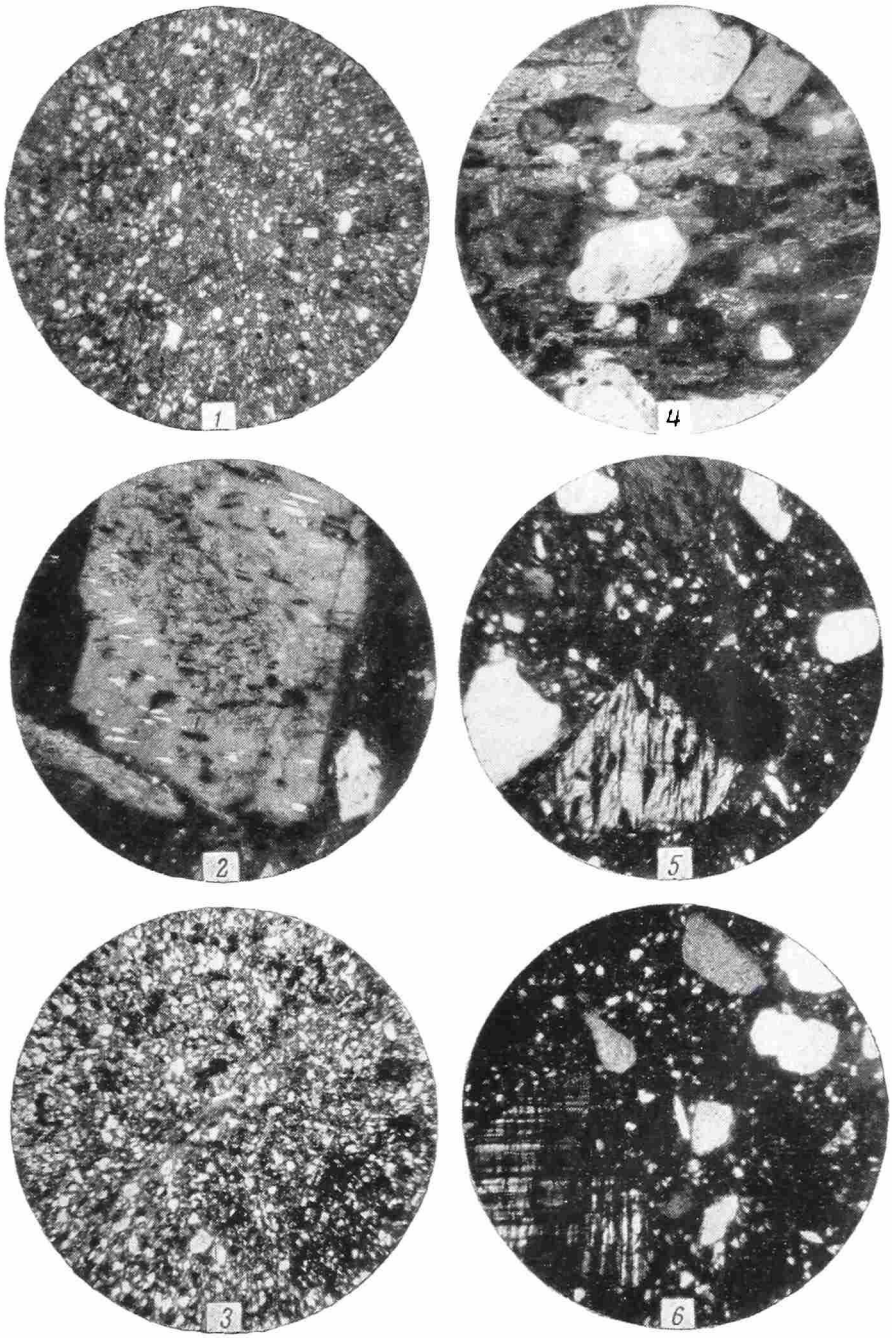


Рис. 5. Микроструктуры керамики из поселения Журавка. Увеличение 64 ×. Николи +

1, 4 — грубая круговая керамика из плохо промешанного теста; *2* — лепная керамика первой группы; основу ее составляет глина № 1; крупная примесь внесена с каолином; *3* — лепная керамика из глины № 2 с примесью глины № 1; *5* — лепная керамика из глины № 2 с примесью каолина; *6* — лепная керамика из глины № 1 с огнеупорной каолиновой поверхностью

4) Биотит в листочках неправильной формы величиной 0,7 *мм* с прямым погасанием, с плеохроизмом по Np — светло-коричневым и по Ng темно-коричневым.

5) Роговая обманка представлена зернами величиной до 0,7 *мм*. Они обладают хорошо выраженной спайностью в одном направлении и углом погасания 12—24°. Характеризуются зерна положительным удлинением и плеохроизмом по Ng — буровато-зеленым, а по Np — темно-зеленым.

6) Гиперстен образует бесцветные зерна неправильной формы величиной до 0,5 *мм* с прямым погасанием и положительным удлинением. Плеохроизм представлен слабо. Из акцессорных минералов присутствуют циркон, апатит, магнетит, кианит, турмалин, сфен, гранат (рис. 5, *2*). Процентное содержание обломков установлено на интеграционном столике: кварца — 65%, цветных минералов — 18%, полевых шпатов — 17%. Керамика этой группы имеет цвет серый, темно-серый, желто-серый. В изломе видна обломочная примесь.

В основе теста керамики второй группы лежит журавская глина № 2. Цвет керамики серый, часто имеет красные оттенки; иногда она красно-бурого цвета. В изломе черепка, как и в керамике первой группы, наблюдаются обломки минералов и пород, внесенные с каолином в основную массу керамического теста. Под микроскопом керамический материал второй группы отличается структурой глиняной основы. Красно-бурая основная масса содержит около 30% естественной окатанной обломочной примеси кварцевого песка. Преобладающая фракция обломков имеет размеры 0,5—0,7 *мм* (рис. 5, *5*).

Нужно отметить, что в некоторых постройках на поселении, например в 21 и 24, присутствует лепная керамика только одной первой группы, а в постройках 6, 17 и 16 явно преобладает керамика второй группы. В остальных пяти объектах встречаются образцы равно как первой, так и второй группы. Кроме того, существуют промежуточные по составу образцы, тесто которых, приготовленное в основном из глины № 1, имеет небольшую примесь глины № 2; и, наоборот, приготовленное из глины № 2 — примесь глины № 1 (рис. 5, *3*).

Керамика из урочища Горобинец. Кроме собственно журавской керамики изучались 15 образцов лепной посуды из траншей на противоположном берегу лога в урочище Горобинец. Здесь в результате исследования обнаружено четыре образца лепной посуды первой журавской группы и шесть образцов второй группы. В особую группу выделяется керамика с искусственно «зашершавленной» поверхностью. Эта керамика характерна для урочища и преобладает здесь над другими типами. Состав ее полностью соответствует составу глины № 1, т. е. ее материал аналогичен тесту лощеной керамики (рис. 5, *6*). Примеси каолина в тесте она не содержит. Зато поверхность ее обильно обмазана чистым каолином. Надо полагать, что эту операцию совершали не для красоты, что это не просто мода, а способ придания керамике огнеупорных свойств, хотя бы на ее поверхности. Возможно, этот технологический прием был первоначальной попыткой сделать такую кухонную посуду, которая не боится постоянного действия огня.

На основании проделанной работы можно сделать следующие выводы:

1) Близ поселения Журавка существуют выходы двух сортов глин, годных для керамического производства.

2) Черняховская керамика на поселении Журавка и урочище Горобинец получена из местного сырья.

3) Лощеная круговая керамика, независимо от форм и цвета, имеет одинаковый состав. Следовательно, ее тесто приготовлено из одного сорта глины. Состав ее соответствует глине № 1.

4) Развитие производства лощеной керамики идет не в сторону повышения качества теста, а путем совершенствования формовки изделия, обработки его поверхности и регулировки процесса обжига.

5) Так как лощеная керамика делалась не из огнеупорной глины, она пригодна лишь как парадная столовая посуда.

6) Грубогончарная круговая посуда изготавливается из теста, состоящего из смеси трех компонентов: двух типов глин местного происхождения и примеси каолина.

7) Огнеупорная примесь в тесте журавской керамики (первичный каолин) является привозным сырьем и используется местными гончара-

ми различно: как материал для обработки поверхности лепной керамики и в качестве составляющей керамического теста лепной и грубой круговой посуды.

8) Лепную керамику в Журавке делали из двух глин разного происхождения и разного состава с добавлением в обоих случаях огнеупорного каолина. Некоторые образцы лепной керамики имеют смешанный состав теста.

Результаты петрографического исследования позволяют предположить эволюционное развитие керамического производства в древнем поселении Журавки. Это развитие шло по следующим направлениям: во-первых, по линии совершенствования формовки, обработки поверхности и технологии обжига лощеной керамики; во-вторых, по линии использования огнеупорного материала, начиная с обработки им поверхности лепной керамики из Горобинца до более рационального использования его в качестве составляющей теста лепной и грубой круговой керамики. Кроме того, происходит переход от одного сырья (глины № 1) к другому (более пластичной глине № 2) при изготовлении лепной посуды. Переход к новому сырью (глине № 2) скорее всего связан с началом производства грубой круговой керамики. Для изготовления лепной посуды вполне подходящим сырьем была глина № 1. Формовать керамику на круге, по всей вероятности, невозможно было без добавления пластичной глины № 2. Начав использовать ее при изготовлении грубой круговой керамики, журавские гончары стали широко добывать глину № 2. После этого начался, по-видимому, постепенный переход на это сырье мастеров лепных сосудов.

И. Л. НОГИД, А. И. ПОЗДНЯК

КОНСЕРВАЦИЯ МОКРОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДРЕВЕСИНЫ

Химическая лаборатория Государственного Эрмитажа разрабатывает новый метод консервации мокрой археологической древесины. В основе предлагаемого метода лежит процесс полимеризации бутилового эфира метакриловой кислоты (бутилметакрилата) с превращением его в твердый полимер — полибутилметакрилат (ПБМА). Полимеризация мономера происходит непосредственно в самой древесине, предварительно пропитанной бутилметакрилатом.

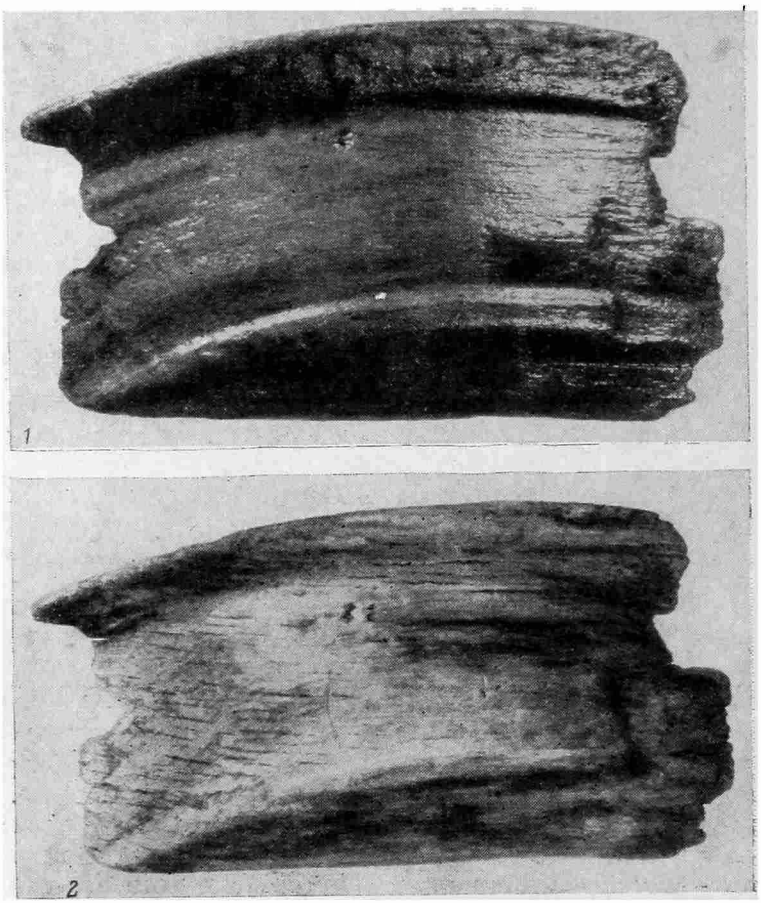
Как известно, мокрое археологическое дерево насыщено водой, которая не смешивается с бутилметакрилатом и не может быть замещена им непосредственно. Поэтому введение мономера в такую древесину осуществляется путем последовательного замещения воды ацетоном, а ацетона — бутилметакрилатом.

Деревянные предметы помещаются в плотно закрытый сосуд с ацетоном. Смена ацетона производится через каждые 3—6 суток, в зависимости от величины предметов и плотности обрабатываемой древесины. Затем предметы погружаются в ванну с бутилметакрилатом, который также сменяется через несколько дней. Бутилметакрилат содержит 0,3—1% инициатора полимеризации — перекиси бензоила. Процесс замещения воды контролируется взвешиванием предметов или определением плотностей ацетона и мономера в ваннах. Если объем ванны в 5—6 раз превышает объем обрабатываемой древесины, то для полного замещения воды мономером достаточно трех смен ацетона и трех смен бутилметакрилата.

Насыщенные мономером предметы помещаются в термостат и нагреваются в течение 8—9 часов. Температура полимеризации зависит от количества введенной в мономер перекиси бензоила и лежит в пределах 65—95° С. Процесс полимеризации мономера в порах древесины приводит

к образованию твердого внутреннего «каркаса». Предметы приобретают механическую прочность, сохраняют форму, следы обработки, цвет и фактуру древесины и почти не меняют объема.

При длительном нагревании в процессе полимеризации происходит частичное испарение мономера из поверхностного слоя древесины. Для уменьшения потерь мономера полимеризацию следует вести в закрытых



Фрагмент чаши до консервации (*1*) и после консервации (*2*)

сосудах. Поверхностный слой древесины дополнительно закрепляется раствором полибутилметакрилата в ксилоле или в смеси ксилола с ацетоном.

Описанная методика была проверена на 16 экспериментальных образцах сильно разрушенной мокрой древесины с содержанием воды 86—88%. Полученные результаты были одобрены реставрационной комиссией Эрмитажа. Это позволило перейти к консервации археологических экспонатов, обработка которых производилась авторами совместно со старшим реставратором К. Ф. Никитиной.

Консервации были подвергнуты две группы экспонатов простой и сложной формы, в большинстве своем сильно разрушенных (в ряде случаев древесина была настолько мягкой, что поддавалась легкому нажиму пальцев): 1) находки Торопецкой экспедиции Ленинградского отделения института археологии АН СССР 1961 г. (Малое Торопецкое городище, XII в.) — 16 предметов: фрагменты точеной чаши, ложка, стрелы, ручка кормового весла, шары, клин и ряд поделок неопределенного назначения; после извлечения из земли предметы в течение трех лет хранились в сосудах с водой; 2) находки Невельской экспедиции Государственного

Эрмитажа 1964 г. (торфяниковая стоянка Усвяты IV, неолит) — 15 предметов: фрагменты чаши, колотушки, ряд поделок. Вещи были упакованы в экспедиции в полиэтиленовые мешки и хранились в них до начала обработки.

После консервации все предметы сохранили первоначальную форму, некоторые из них совершенно не изменили объема, другие дали незначительную равномерную усадку (от 3 до 10%). Цвет и фактура древесины, а также следы обработки хорошо сохранились. Все экспонаты приобрели значительную механическую прочность (рисунок).

Для проверки устойчивости обработанной древесины к атмосферным воздействиям экспериментальные образцы были подвергнуты чередующимся резким колебаниям влажности и температуры. Первые четыре месяца такого искусственного старения показали, что обработанные образцы имеют значительно меньшую гигроскопичность, чем нормальная здоровая древесина, и поэтому значительно слабее и медленнее реагируют на изменения влажности и температуры окружающего воздуха. Испытания образцов продолжаются.

Что касается самого консервирующего материала (полибутилметакрилата), то его долговечность не вызывает сомнений. Являясь одним из наиболее стойких синтетических материалов [1], ПБМА в течение 15 лет широко применяется в реставрационной практике Государственного Эрмитажа для укрепления монументальной живописи на лессовой штукатурке, лессовой скульптуры, разрушающегося камня, сухого дерева, керамики и других материалов в виде растворов в различных органических растворителях [2].

Для консервации мокрой археологической древесины ПБМА используется в виде жидкого мономера с последующей полимеризацией в порах закрепляемого дерева. Такой способ введения безусловно перспективен и для других материалов.

Работа по усовершенствованию метода продолжается. Основное внимание обращено на снижение температуры полимеризации бутилметакрилата. Исследуется возможность замены бутилметакрилата метилметакрилатом (мономером полиметилметакрилата), который имеет более низкую температуру полимеризации. Кроме того, проверяется целесообразность применения описанного метода для консервации мокрой кости и других материалов. В ближайшее время новым способом будут консервированы еще 60 деревянных предметов из находок Торопецкой и Невельской экспедиций.

---

[1] Э. И. Барг. Технология синтетических пластических масс. Л., 1954.

[2] Е. Г. Шейнина. Применение синтетических смол в реставрации монументальной живописи и некоторых других музейных экспонатов. Сообщ. ВЦНИЛКР, М., 1960; П. И. Костров. Реставрация древней монументальной живописи на лессовой штукатурке и расписной лессовой скульптуры. Докл. на конференции комитетов ИКОМ по вопросам реставрации. Л., 1963.

П. Н. СМИРНОВ, Я. А. ШЕР

ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛИМЕРИЗАЦИОННЫХ ПЛАСТИКОВ ДЛЯ КОПИРОВАНИЯ НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ

В плане работы первого Правобережного отряда Красноярской археологической экспедиции в 1963 г. была предусмотрена разработка методики копирования наскальных рисунков на матрицы, изготовленные из пластмассы. Не найдя в советской и зарубежной археологической литературе

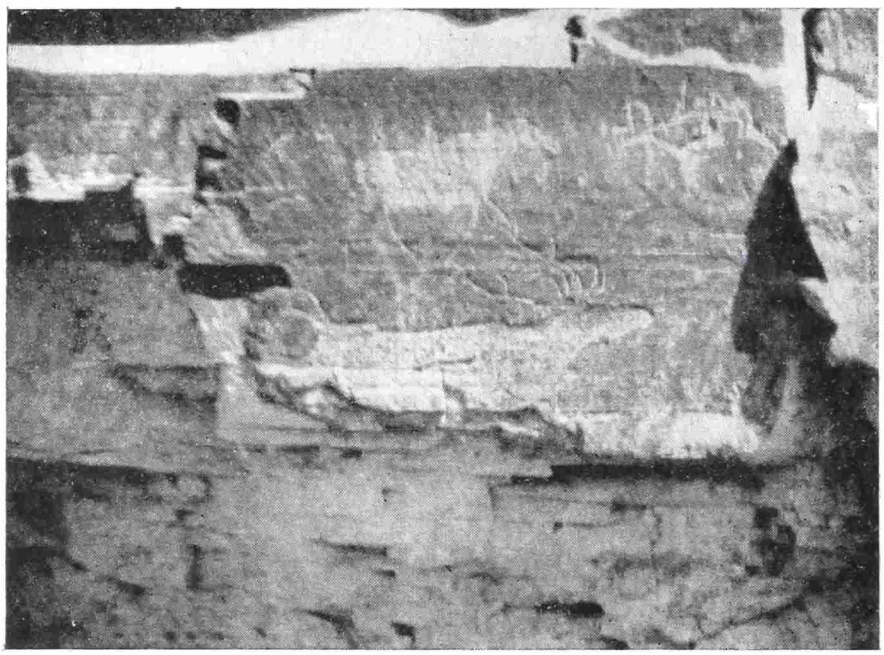


Рис. 1. Фотография рисунка на скале

сообщений по данному вопросу[1], авторы обратились за советом к химикам[2]. После консультаций для экспериментов были избраны пластики стиракрил и бутираль.

Стиракрил марки ТШ представляет собой пластик холодного отвердения. Он выпускается нашей промышленностью в виде порошка и жидкого растворителя. При смешении порошка и растворителя образуется однородная жидкотекучая масса, отвердевающая при нормальной температуре без давления в течение 30—70 мин.

Основные физико-механические и химические свойства пластика перечислены в инструкции по его употреблению, выпускаемой заводом-изготовителем. Пластик бутираль широко используется археологами.

Объектами экспериментов послужили комплексы наскальных рисунков в урочищах Каменка[3] и Черемушный лог[4], расположенные на правом берегу Енисея, между селами Байкалово и Усть-Сыда в зоне Красноярского водохранилища. В указанных комплексах представлены наскальные

---

[1] И. Б. Брашинский указал нам на работу, в которой описывается способ копирования надписей на камне при помощи синтетического каучука: A. G. Woodhead. The Study of Greek Inscriptions. Oxford, 1959.

[2] Авторы глубоко признательны за консультации И. В. Богдановой-Березовской и сотрудникам Института полимеризационных пластмасс.

[3] Комплекс открыт А. В. Адриановым в 1914 г., в 1961 г. обследован Л. П. Хлобыстиным и А. Н. Дальским, которые любезно указали на него авторам.

[4] Комплекс открыт в 1963 г. авторами этих строк.

рисунки разных эпох (эпохи ранней бронзы и тагарской культуры). Они выполнены разной техникой и отличаются различной степенью сохранности. В данном сообщении рассматривается только техническая сторона копирования рисунков.

Поверхность скалы с рисунком необходимо очистить от лишайников и грязи и тщательно промыть. Очистка производилась деревянными лопаточками, промывка — водой[5]. Высохшая плоскость рисунка покрывается

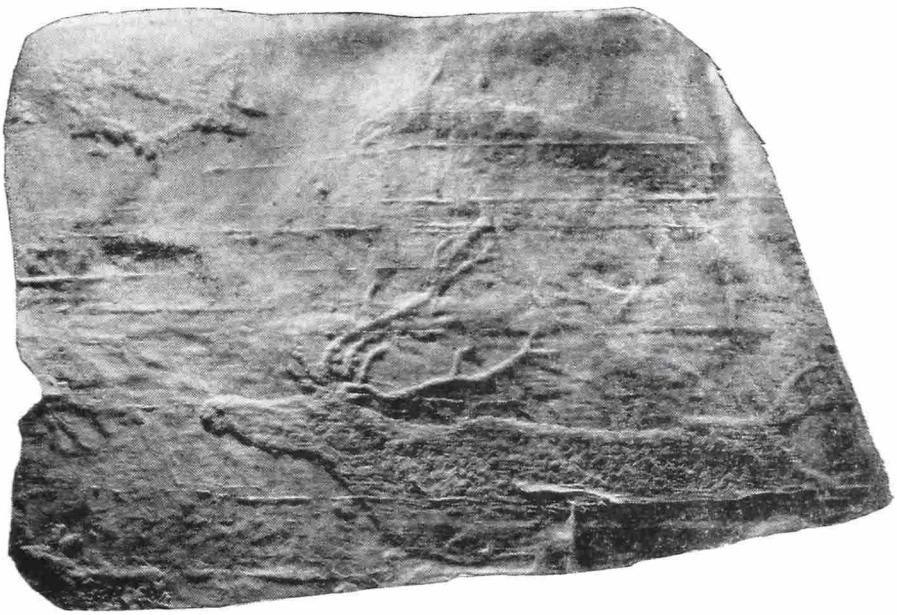


Рис. 2. Фотография рисунка с матрицы

мыльной или стеарино-керосиновой смазкой, с примесью трансформаторного масла, которая наносится тонким слоем обычной малярной кистью.

Пластик следует приготавливать непосредственно перед употреблением и в том количестве, которое потребуется для работы. Затвердевший пластик к дальнейшему использованию непригоден и вторично не растворяется. Для приготовления пластика нужно на 100 весовых частей порошка 100 весовых частей жидкости. Порошок засыпается в стеклянную, фарфоровую или металлическую посуду и заливается жидкостью. Смесь тщательно перемешивается палочкой круговым движением в одну сторону. Через 1—2 мин. смесь готова к употреблению. На поверхность скалы пластик наносится флейцевой кистью в два слоя. Толщина матрицы не должна превышать 0,15—0,2 *см*. Ее задняя поверхность тщательно заглаживается.

Для прочности матрица армируется. С этой целью между первым и вторым слоем пластика накладываются полоски марли. При копировании больших по площади композиций матрицу можно разрезать на ряд небольших листов, скрепленных между собой марлей, что позволяет складывать ее «гармошкой». После высыхания края матрицы аккуратно подрезаются и она легко отделяется от скалы. Смазка смывается водой, керосином или бензином.

Первые эксперименты показали, что матрицы из стиракрила значительно превосходят бумажные эстампажи как по своим физико-механическим и химическим свойствам, так и по качеству изображения (рис. 2) и практичности. Главными достоинствами пластиковой матрицы являются

[5] Подразумевается, что до очистки и после нее изображение фотографируется (рис. 1).

ее жесткость, позволяющая делать любое количество позитивных отпечатков из того же или любого другого пластического материала, в том числе и из гипса. Помимо этого пластиковая матрица достаточно эластична, легко транспортабельна, не подвержена воздействиям влаги и не требует особых условий хранения. В стиракрил легко вводятся красители, что позволяет матрицу или отпечаток тонировать под цвет скалы и получать максимально близкое к оригиналу изображение.

В ходе дальнейших, не законченных полностью экспериментов авторы убедились в полной осуществимости получения материала для матриц с заранее заданными свойствами. Матрица из стиракрила излишне хрупка, матрица из бутираля излишне мягка и прозрачна. Попытки получить матрицу из смеси бутираля со стиракрилом показали, что таким образом можно изготовить матрицу, которая будет так же жестка, как стиракрил, и в то же время настолько эластична (за счет включения бутираля), что ее можно будет сворачивать в трубку.

Дальнейшие эксперименты с пластиками дадут археологам новый материал для копирования наскальных рисунков, надписей и т. п., что позволит полностью исключить споры и сомнения в объективности копирования, возникающие в тех случаях, когда подобный памятник прорисовывается от руки на кальку или эстампируется на бумагу.

Критика и библиография

André Leroi-Gourhan. **Les religions de la préhistoire (Paléolithique).** «Mythes et religions», 51. Presses Universitaires de France, 1964.

Эта небольшая книжка — 154 страницы почти карманного формата — стóит иного многотомного труда. Автор ее — крупный французский археолог и этнограф — сумел дать сжатое, но насыщенное точными, строго проверенными фактами изложение всех существенных вопросов, касающихся первобытной религии. Фактическая основа книги — материал европейско-азиатского палеолита: за рамки его автор сознательно не выходит, воздерживаясь даже от приведения хотя бы сравнительных этнографических данных.

Казалось бы, в этом серьезный минус разбираемой книги: ведь уже давно стало традицией, не вызывающей никаких сомнений, интерпретировать скудные свидетельства археологических источников, касающихся религии, при помощи гораздо более обильного этнографического материала; религиозные верования эпохи палеолита восстанавливают, обычно широко привлекая все то, что известно о верованиях и обрядах современных австралийцев, папуасов, бушменов и других отсталых народов. Не делать этого — казалось бы, означает отнять у себя единственную возможность что-то понять в этих мертвых, немых и до крайности малочисленных археологических памятниках.

Но Леруа-Гуран держится обратного мнения. Он считает, что свободное привлечение сравнительно-этнографических данных для интерпретации памятников палеолита, какое столь часто встречается в литературе, открывает дорогу научной фантазии, «научному фольклору» и уводит исследователя в сторону от точных, проверенных фактов. Отсюда — те широкие, но малообоснованные построения, которые так часты в литературе по истории первобытной религии.

Сам автор пишет об этом со свойственной ему мягкой иронией. «Наши предшественники внесли порядок в археологический хаос, объясняя предметы и следы этнографическими примерами. Лишь только кусок оленьего рога с узорами превратился в «начальнический жезл» — все становится ясным, и из тумана поднимаются благородные старцы, возглавляющие охотничьи орды. Лишь только отпечатки нескольких детских ступней на глине в гроте стали свидетельством «посвятительного обряда» — можно начинать писать главу «инициации» и воскрешать испуганных юношей, внимающих звуку гуделок под влажными сводами, где рогатый колдун рисует беременных кобылиц, чтобы заставить размножаться стада. Но стоит лишь отказаться от этого удобного способа понять палеолит, и у нас остается всего только кусок оленьего рога и отпечатки ног, а перед нами — тысячи открытых путей для их истолкования, но все они отмечены запретительной белой полосой» (стр. 65).

Вся книга Андрэ Леруа-Гурана пронизана духом здорового научного скептицизма, критического недоверия к скороспелым построениям, не оправданным фактами. Не следует, говорит автор, навязывать людям палеолита верования и обряды, быть может, им совершенно неизвестные. «Самый тяжкий упрек,— пишет автор,— по адресу суммарного компаративизма (т. е. упрощенно-сравнительного метода.— *С. Т.*) состоит в том, что он парализовал научное воображение, то воображение, которое пытается не объяснять все при помощи аналогии, а изыскивать способы излагать и проверять факты» (стр. 4). «Если мы хотим,— говорит он в другом месте,— чтобы палеолитический человек заговорил, не нужно заставлять его говорить на искусственном жаргоне, составленном из слов австралийских, эскимосских и банту, произносимых на европейский лад. Если дать ему выражаться по-своему, он станет гораздо менее болтливым, но за то более понятным и — не нужно удивляться — более разумным» (стр. 76).

Может показаться, что такой не в меру строгий методологический аскетизм, отказ от пользования сравнительной методикой и от обращения к этнографическим аналогиям — должен обречь исследователя на чрезвычайную бедность выводов. Археологических фактов о религии палеолита мало,— это многократно подчеркивает сам Леруа-Гуран,— и если не дополнить и не оживить их этнографическими параллелями, то что можем мы узнать о религии этой эпохи? Но Леруа-Гуран сумел показать, что из скудного археологического материала можно, при добросовестной и тщательной его обработке, извлечь гораздо больше, чем это прежде казалось.

В небольшой вводной главе автор излагает свои мысли о методе изучения археологических свидетельств первобытной религии и характеризует источники. Последние, к сожалению, не только очень малочисленны, но чаще всего испорчены из-за плохой методики раскопок: даже лучшие из них — с огорчением замечает автор — проводятся без регистрирования всех деталей, «которые могли бы помочь интерпретации остатков» (стр. 7).

Далее следуют четыре основные главы, в которых автор самым критическим образом рассматривает фактический материал, служащий для традиционных научных построений в области первобытной религии.

Первая глава посвящена культу костей (Le culte des ossements). Здесь речь идет о тех скоплениях костей животных, которые нередко обнаруживаются в стоянках и гротах вместе с мустьерскими или верхнепалеолитическими орудиями и обычно рассматриваются как свидетельство о каких-то религиозных обрядах, культе животных и т. п. Автор считает такие выводы по большей части необоснованными: скопления черепов, рогов, зубов, позвонков, разбитых длинных костей и пр. могли сохраняться и независимо от каких-либо действий человека; а если они и оставлены человеческой рукой, то мотивы этого могли быть самые различные: кости могли быть остатками трапезы, запасами топлива, грузом для придавливания покрышки чума (как в Мальтинской стоянке) и пр. Многочисленные находки подвесок из просверленных зубов — по большей части лисьих и оленьих клыков — могли быть охотничьими трофеями, но имели ли они какое-то отношение к религии,— неизвестно (стр. 30 и др.).

Несколько особняком стоит вопрос о «культе медведя», который, как считают, бесспорно засвидетельствован скоплениями медвежьих костей и черепов в мустьерских пещерах. Леруа-Гуран, однако и на эти свидетельства смотрит недоверчиво: вслед за швейцарским археологом Ф. Коби он считает, что подобные скопления могли произойти и без участия человека; в частности, сами медведи на протяжении многих поколений бродили среди останков своих мертвых сородичей, толкали и сдвигали кости, устраивая себе гнездо на зимовку, заталкивали их постепенно в углы и щели пещер. К этому надо прибавить, что ко времени верхнего палеолита пещерный медведь почти повсеместно исчез; люди мадленской эпохи должны были находить в пещерах кости этого уже вымершего животного и могли как-то проявлять суеверное уважение к ним (но это был в таком случае культ медведя уже не мустьерской, а мадленской эпохи). Наконец, Леруа-Гуран не отрицает, что и сами мустьерцы могли питать суеверные чувства как к живым медведям, так и к их останкам — но считает, что до сих пор не представлено положительных доказательств этого (стр. 36 и др.)

Вторая глава касается остатков погребений. Как известно, вопрос о неандертальских захоронениях до сих пор остается спорным, и именно к этому вопросу — хоронили ли неандертальцы своих покойников и, если да, то по каким мотивам они это делали — в значительной мере свелся спор о времени происхождения религии. Наш автор трактует его в присущей ему манере здорового критицизма, окрашенного легкой иронией.

«Все относящееся к человеческому скелету производит глубокое впечатление на первобытного историка.— пишет он, и в этой-то области и мешается самым бесшабашным образом правда с ложью. Хороший скелет эпохи среднего палеолита приносит своему открывателю законную славу, и можно понять, что, заботясь обеспечить сохранение подобного документа (т. е. скелета.— *С. Т.*), человек обычно забывает обеспечить фиксацию тех условий, в каких он находился. Мы нанесли бы обиду великим историкам первобытности, жившим два поколения назад, если бы упрекнули их в недостатке хладнокровия и научной добросовестности; и тем не менее факт, что мы располагаем в отношении условий нахождения знаменитой плеяды людей (т. е. костяков.— *С. Т.*) четвертичной эпохи всего лишь несколькими неясными рисунками и редкими фотографиями, показывающими главным образом ту спешку, с какой старались извлечь из земли драгоценные останки» (стр. 37). Тем более, добавляет автор, что некоторые из знаменитых находок сделаны безвестными любителями или рабочими.

Каково значение находок отдельных нижних челюстей и отдельных черепов древнейшей эпохи? Количество таких находок составляет: для палеоантропа 51 нижняя челюсть, 33 черепа и всего 16 бедренных костей; для Homo sapiens верхнего палеолита соответствующие цифры составляют 116, 83 и 50 (стр. 38); черепов сохранилось значительно больше, чем длинных костей, а нижних челюстей еще больше. Но автор полагает, что тут действовали, вероятно, просто физические факторы: нижняя челюсть — самая прочная часть скелета. Приблизительно таков же процент находок нижних челюстей древнего волка, гиены и современной лисицы относительно всех находок костей этих животных (стр. 39). Черепная крышка тоже имеет по разным причинам больше шансов на сохранность, чем другие кости. Однако Леруа-Гуран признает, что есть факты, свидетельствующие о каких-то ритуальных действиях неандертальцев в отношении черепов и челюстей: таковы неандертальский череп из грота Гуаттари, женский череп из Мас д'Азиль с инкрустированными глазными орбитами, нижняя челюсть из пещеры «Трех братьев» с отверстием для подвешивания (стр. 45). В общей сложности спорный вопрос — хоронили ли неандертальцы умер-

ших — автор склонен все же решать положительно, опираясь главным образом на хорошую сохранность некоторых скелетов (стр. 59). В отношении верхнего палеолита вопрос о погребениях решается с гораздо большей уверенностью: из 27 хорошо изученных верхнепалеолитических костяков 17 окрашены охрой, 16 имеют при себе украшения, в 6 случаях налицо искусственно скорченные скелеты (стр. 61, 62).

«Общий итог положительных фактов,— так заключает автор главу,— очень скудный, но все же не нулевой». Некоторые факты трудно интерпретировать, «но они приоткрывают маленькое окошко на действия, быть может окрашенные религией» (стр. 63). От приведения этнографических параллелей автор вновь решительно отказывается, «ибо дело тут совсем не в том, чтобы заполнить целые страницы настоящим для окраски прошлого, а в том, чтобы остаться в плане археологических фактов; эта религия стала таким же скелетом как и ее приверженцы» (стр. 64).

В третьей, небольшой главе речь идет о «вещах и обрядах». Сопоставляя имеющиеся скудные факты (остатки охры и других красителей, раковины и разные подвески; памятники изобразительного искусства автор оставляет до особой главы), Леруа-Гуран приходит к скромному выводу: «В конце концов мы с удовлетворением узнали, что поведение неандертальского человека выходило за пределы того, чтобы только есть и пить: он нагромождал в кучу шары, собирал окаменелости и охру, хоронил некоторых умерших, может быть иных поедал. Знать это очень важно, если вспомнить, что тут дело идет не о нас, а о предшествовавшей нам человеческой форме» (стр. 75).

Четвертая глава — о «религиозном искусстве» самая обширная (она одна занимает почти половину книги) и самая содержательная. Здесь автор изложил свои наиболее интересные наблюдения и исследования (публиковавшиеся им, впрочем, в прежних специальных работах).

Он возражает прежде всего против попыток противопоставить чисто художественное значение памятников палеолитического искусства их религиозному значению: для мадленского художника это было одно и то же — как бы форма и содержание (стр. 78). Автор, изучивший до сотни пещер и гротов с тысячами наскальных рисунков, а также множество изображений на предметах, пытается их строго систематизировать. Он устанавливает их периодизацию, приурочивая отдельные «стили» изображений к археологическим периодам: стиль I — ориньякская эпоха, стиль II — граветтийская и раннесолютрейская, стиль III (архаический период) — позднесолютрейская и раннемадленская, стиль IV (классический период) — средне- и позднемадленская эпохи; в конце этой эпохи происходит довольно быстрый и резкий упадок палеолитического искусства (стр. 85—88).

Количественное распределение памятников искусства по этим «стилям», т. е. по эпохам, на основании подсчетов автора, приблизительно таково:

стенная живопись: стиль I — 0, стиль II — 15%, стиль III — 27%, стиль IV ранний — 54%, стиль IV поздний — 4%; иначе говоря, свыше 80% памятников наскальной живописи падает на позднее солютре, ранний и средний мадлен;

изображения на предметах и пластика: стили I, II и III — 20%, стиль IV — 80%; значит, огромное большинство их тоже относится к мадленской эпохе (стр. 88).

Интересно и топографическое распределение настенных изображений по периодам: рисунки стиля II обнаруживаются только у входа в пещеры; стиля III — тоже у входа и несколько глубже, куда достигает дневной свет; ранний стиль IV представлен рисунками на стенах пещер, начиная от входа и вплоть до глубины свыше километра, притом порой в труднодоступных пещерах; поздний стиль IV встречается опять только близ входа в пещеру. Таким образом, стенная живопись как бы проникает все глубже и глубже в пещеры, вплоть до эпохи среднего мадлена (стр. 89—90).

Самые важные наблюдения автора касаются сюжетов палеолитического искусства. Эти сюжеты группируются им в три категории: животные, люди, знаки. Автор подсчитал около 1800 случаев, считая при этом целую композицию за единицу,— следовательно, отдельных изображений гораздо больше. Подсчет показывает резкое преобладание среди сюжетов, прежде всего, двух животных — лошади (24%) и бизона (15%); значителен и процент «знаков» (15%). Автор считает нужным объединить вместе эти три величины (лошади — бизоны — знаки): они дают, таким образом, цифру 54%. Все остальные сюжеты (козел, олень, мужчина, женщина, птица, мамонт и пр.) дают гораздо меньшие цифры. Автор предполагает два возможных объяснения такого количественного соотношения сюжетов: либо лошадь и бизон составляли тогда преимущественный предмет охоты, либо они вместе со «знаками» занимали важное место в «мифологическом» мировоззрении палеолитического охотника; впрочем, эти оба объяснения не исключают друг друга (стр. 91).

Вопросу о «знаках» Леруа-Гуран уделяет особое внимание, и в трактовке их он пошел по совсем новому пути. Обычно истолковывают эти различного вида «знаки» по-разному: как изображения охотничьих ловушек, жилищ, оружия, даже «гербов» и пр. Леруа-Гуран считает их мужскими и женскими половыми символами. К этому выводу его приводит как статистико-топографические наблюдения, так и распределение «знаков» в сочетании с фигурами животных по эпохам. Мужские и женские символы встречаются часто рядом, но никогда не сливаются; по этому поводу автор замечает, что во всем палеолитическом искусстве вообще ни разу не изображена сце-

на спаривания (ни животных, ни людей) и что животные в большинстве случаев изображены бесполыми (стр. 92—95).

Далее автор тщательно исследует распределение сюжетов и их комбинаций по «ситуациям», понимая под последними отдельные места в пещерах (ближайшее ко входу сужение; поворот или последующие сужения; вход в нишу; глубина ниши; средняя часть стены; дальний конец пещеры и т. д.). Оказывается, что это распределение подчинено определенным закономерностям: Леруа-Гуран подсчитывает в процентах, исходя из общего количества 63 изученных им пещер, 985 «ситуаций» и 2260 изображений (стр. 95—97), частоту изображений отдельных животных, людей и «знаков» а затем и их относительную частоту по «стилям», т. е. по эпохам.

Наиболее устойчивые сочетания изображений приводят автора к выводу, что в палеолитическом искусстве животные и люди группировались в какие-то категории, которые автор обозначает как «группа А» и «группа В», и что эти группы имели какую-то связь с половыми символами (α и β) (стр. 98); из преобладающих изображений животных чаще всего бизон ассоциируется с женским символом, а лошадь — с мужским (стр. 106, 151). Но во многих композициях присутствует еще «третье животное», а иногда еще и четвертое и пятое; однако они по большей части изображены с краю или меньшими размерами (стр. 109—113).

Что собственно конкретно означают все эти комбинации, автор не берется судить, но в статистической достоверности своих наблюдений он уверен. «Реальность пещер,— говорит он,— далеко оставляет за собой все теории классической доистории, но это есть реальность цифр, без слов, и мы не можем показать ни одного мифа, не можем описать ни одного обряда. Мы видим только, что в гроте, например Ласко, зубры занимают середину зала вместе с лошадьми (А + В) и со знаками (α + β), и что это сочетание повторяется... (в таких-то частях грота.— *С. Т.*)... Мы видим также оленей и каменных козлов у входа и в глубине каждого из отрезков грота, львов или носорогов в глубине их. Мы видим, наконец, что пунктирные линии и ветвистые знаки преобладают вместе с группами А′ и А″. Вот все, что дают пещеры — это их общий язык. Если не всегда легко выделить его элементы, то синтаксис его виден, одинаковый по всей области распространения настенного искусства» (стр. 111—113).

Далее автор рассматривает частные вопросы, касающиеся палеолитического искусства: «редкие темы», «пластинки», «статуэтки», «предметы утилитарного обихода», «подвески» и пр. Здесь тоже много интересных наблюдений. Например, любопытно и даже, по мнению автора, «поразительно», что «женские знаки на предметах отсутствуют, тогда как на стенах пещер они преобладают,— а реалистические изображения (женщин.— *С. Т.*) находятся в обратном соотношении» (стр. 118).

По вопросу об обрядах, с которыми, как обычно считается, были связаны многие палеолитические изображения, Леруа-Гуран занимает свою привычную скептическую позицию. «Мы ничего не знаем о палеолитических обрядах» — пишет он (стр. 136). Даже известные изображения «танцующих колдунов в масках» он считает нужным «исключить из числа доказательств» существования обрядов, «ибо они занимают свое место в пещерных символических шествиях (dans le cortège symbolique des cavernes): их наклоненная вперед поза, вероятно, передает реальное положение тела, но она не свидетельствует о ритуальном действии» (стр. 138).

Пятая глава книги — заключительная, она озаглавлена «Религия в палеолите». Автор сжато формулирует в ней свои выводы. В отношении нижнего палеолита они чрезвычайно сдержанны. «Неандертальский человек,— говорит автор,— к концу своего жизненного пути оставил свидетельства захоронения своих мертвецов, один-два черепа, уложенные в гротах, немного охры, несколько окаменелостей, кучу сфероидов, несколько ямок, выдолбленных на каменных глыбах. Этого достаточно, чтобы допустить, что позади выступающих глазниц палеоантропа происходило что-то такое, что впоследствии должно было стать очень важным; но этого весьма недостаточно, чтобы сделать даже набросок религиозной деятельности (d'un comportement religieux). Тот факт, что необычное отчетливо воспринималось, свидетельствует в пользу восприятия сверхъестественного, но, вероятно, не в том смысле, как мы его воспринимаем вот уже сколько тысячелетий... Было бы злоупотреблением пытаться приложить архисветские результаты интеллектуалистического мышления образованного меньшинства людей к первоначальным людям (aux hommes d'nu début) и искать там жертвы, священнодействия, культы, при отсутствии непреложных документов. Напротив, было бы крайностью, если бы мы не могли вообразить себе начало того, что впоследствии стало всеобщим явлением; у нас есть достаточно проверенные факты, чтобы утверждать, что уже до Homo sapiens существовали действия, не ориентированные на технику материальной жизни; назовем их религиозными, потому что они свидетельствуют о поведении, выходящем за пределы растительной жизни, но подождем, пока специалисты по раннему и среднему палеолиту будут лучше копать, чтобы располагать более очевидным материалом» (стр. 142, 143).

Иное в отношении верхнего палеолита: «Здесь налицо факты, очень многочисленные, которые показывают, что, начиная с первых же моментов, Homo sapiens (или его непосредственный предшественник) ведет себя как современные люди». Это касается, говорит автор, не только религии, но и техники, материальной культуры. Создавалась та умственная среда, в которой мы сразу же узнаем сами себя». Появился графический символизм, а вместе с ним, очевидно, абстрактный язык. Искусство

людей верхнего палеолита «так близко к нам», что возникает искушение рассматривать его сквозь призму наших художественных понятий. Отсюда, полагает Леруа-Гуран, и происходит ошибка многих исследователей, проводящих поспешные аналогии с современными австралийцами, бушменами и другими народами (стр. 143—145).

Отклоняя, таким образом, еще раз этнографическую интерпретацию археологических фактов, Леруа-Гуран пытается далее проверить приложимость к палеолиту традиционных понятий истории религии. Существовала ли магия в палеолите? Автор не видит положительных доказательств этого. «Тогда как изображения сверхъестественных существ и системы мира неисчислимы,— материальные свидетельства о магии исключительно редки, потому что магические действия не оставляют следов». «Очень вероятно, что магия в палеолите существовала, но, как мы видели, ничто ее не доказывает: ни фигуры, ни их организация» (стр. 146).

Существовал ли тотемизм? «Если под ним понимать известную непрерывность (continuité) между животным миром и человеческим миром, то этим не бог весть сколько сказано (on ne démontrerait pas grand-chose); но чаще всего говорили о животных «тотемах» племен или родов, а это ничем материально не доказывается» (стр. 147).

Существовал ли шаманизм? Да, вероятно, были врачеватели, действовавшие при помощи духов-покровителей. «Но даже если бы мы были убеждены в этом, мы не знали бы, на какое свидетельство опереться, чтобы начать это доказывать» (стр. 147).

Словом, наиболее ходячие понятия религиоведения не находят себе, по мнению Леруа-Гурана, обоснованного приложения, когда мы имеем дело с эпохой палеолита. Зато собственные выводы, основанные на больших статистических подсчетах, автор считает достаточно надежными. «Мы знаем,— говорит он,— с достаточной достоверностью, что этот узор на стенах и вещах содержит в себе многочисленные мужские и женские фигуры (представленные в реалистической манере или через знаки), помещенные в центре композиции... К этим фигурам присоединяется чужеродная пара (un couple hétérogène), образованная статистически бизоном и лошадью, или точнее парой бизонов и парой лошадей, которые тоже, по-видимому, представляют две дополняющие друг друга половые группы». К ним добавляется с краю третье животное или пара животных. «Динамическая связь между ними от нас ускользает, но повторение одной и той же формулы почти 200 раз подтверждает существование очень солидного основного контекста» (стр. 150).

Мы можем воспринимать религию эпохи палеолита лишь в какой-то полутени. Но автор убежден, что мы можем с уверенностью говорить, во-первых, об «общем принципе дополнительности между фигурами различного полового значения», а во-вторых, о том, что «эти представления охватывают чрезвычайно сложную и богатую систему, гораздо более богатую и гораздо более сложную, чем мы до сих пор думали. Необычайное постоянство символического расположения (рисунков.— *С. Т.*) есть доказательство возникшей весьма рано мифологии, ибо уже в ориньякскую эпоху засвидетельствовано парное сочетание животных». И эта мифологическая система достигает своей вершины к концу солютре и вплоть до среднемадленской эпохи (стр. 151, 152).

Все это свидетельствуется, по мнению автора, весьма однородными памятниками на всем протяжении палеолитической культуры. Вероятно, верования и обряды были гораздо более разнообразны, но мы об этом разнообразии можем только догадываться. «То, что выявлено, есть лишь скелет; другие не преминут, может быть, одеть его плотью, но я со своей стороны,— говорит автор, заканчивая книгу,— побоялся бы, прибавив что-то к оставленному пещерным человеком свидетельству, совершить предательство по отношению к нему» (стр. 152).

Таково содержание книги, такова научная концепция автора. Интерес, новизна и ценность ее бесспорны. Что можно возразить против этой концепции?

Во-первых, отдавая должное научной осторожности Андрэ Леруа-Гурана, следует все же сказать, что в своем скептицизме он заходит слишком далеко. Одно дело — бороться против скороспелых истолкований археологических фактов, против их модернизации (вроде пресловутого «начальнического жезла», совершенно неуместного, конечно, в мадленскую эпоху), а другое дело — начисто отрекаться от сравнительного метода, отвергать всякие этнографические аналогии. Без этих аналогий сколько-нибудь надежные выводы из археологического материала вряд ли вообще возможны. Сам автор, проявляя некоторую непоследовательность, вынужден там и сям, для подкрепления своих предположений, ссылаться на религии известных нам народов, и даже на гораздо более поздние (стр. 150, 152 и др.). Высказанная им самим мысль, что умственный мир палеолитического человека уже очень близок к нашему собственному (хотя это, конечно, преувеличение), должна была бы настроить его менее скептически к этнографическим аналогиям.

Излишнее недоверие к этнографическому материалу привело автора и еще к одной непоследовательности. Трудно понять, почему он так уверенно видит в палеолитических изображениях животных (а также людей и «знаков») некие символы и мифологические фигуры, и столь же уверенно отрицает их связь с обрядами. Ведь «танцующие серны» из пещеры Тейжа, знаменитый «колдун» из пещеры «Трех братьев» настолько явно изображают замаскированных людей, что видеть в них изображения обрядовых плясок, конечно, гораздо правдоподобнее, чем связывать их

с неведомыми нам мифологическими представлениями; а загадочные «знаки» на теле животных во многих случаях легче интерпретируются как изображения магического охотничьего обряда, чем как «мужские» и «женские» символы.

И вот тут — второе существенное возражение автору. Отказываясь от поддержки своих выводов этнографическими аналогиями, он лишает себя важного критерия правдоподобия и сам же открывает ворота научной фантазии. Едва ли можно, например, признать бесспорным, и даже вероятным, толкование разнообразных «знаков» (сведенных автором в таблицу, стр. 92) как половых символов; многие из них лишь с натяжкой поддаются такому пониманию. Тем более это относится к сочетаниям знаков. Столь же мало убедительными представляются соображения автора о том, что в пещерном палеолитическом искусстве изображение раненого животного эквивалентно женскому половому символу (стр. 101, 102, 150, 151) или что сама пещера в сознании людей того времени как-то ассоциировалась с женским существом (стр. 150). И наконец — просто трудно понять автора, понять логику его рассуждений, когда он из факта частого сочетания лошади и бизона (плюс пресловутые «знаки») делает вывод, что лошадь символизировала мужское начало, а бизон — женское. Вот тут-то необходима была бы какая-то аналогия из известных нам живых верований. Не поддержанные такой аналогией, эти отождествления лошадь — мужчина, бизон — женщина, так же как и уравнения рана — женщина, пещера — женщина, не представляются убедительными. Подобные гипотезы скорее напоминают столь же априорно-голословные фрейдистские построения.

А если все это отпадет, то и более общий вывод автора о существовании в верхнем палеолите развитой и богатой мифологической системы остается малообоснованным. Одну из главных идей автора,— что мы-де ничего не знаем об обрядности палеолитических людей, но кое-что знаем о их богатой мифологии,— лучше бы, пожалуй, заменить как раз обратной: о магических обрядах эпохи палеолита мы можем судить с известной уверенностью, о мифологии же не знаем ровно ничего, и можно сомневаться даже в ее существовании, по крайней мере в развитой форме.

Эти критические замечания ни в какой мере не обесценивают, конечно, книгу Леруа-Гурана. Если в ней много спорного, то в целом она составляет — даже при своем небольшом объеме — существенный вклад в науку. Главных достоинств ее два: во-первых, перед нами критический пересмотр традиционных, зачастую плохо обоснованных взглядов (в особенности о «религии» эпохи нижнего палеолита); во-вторых, наибольший интерес и новизну представляет основанное на обширных наблюдениях и тщательной статистической обработке исследование памятников верхнепалеолитического искусства в его отношении к мировоззрению людей того времени. Хотя собственные выводы автора далеко не бесспорны, но проведенная им систематизация материала и чисто фактические сопоставления уже не смогут не приниматься во внимание будущими исследователями.

С. А. Токарев

S. Junghans, E. Sangmeister, M. Schröder. Metallanalysen Kupferzeitlicher und frühbronzezeitlicher Bodenfunde aus Europa. Verlag Gebr. Mann, Berlin, 1960, 210 стр., 10 табл. в тексте, 39 табл. рисунков и схем.

Основной задачей обширной работы трех немецких ученых было проследить, когда и в каких местах Западной Европы раньше всего появилась в быту медь, в каком направлении и как быстро распространялись навыки медного дела. Общий план исследования был таков: территория Западной Европы, за исключением пространств, где нет находок изделий из бронзы, поделена на 15 более или менее обособленных областей — от неолита до ранней бронзы включительно. Для каждой области были взяты надежные анализы металла древнейших предметов из меди и ее сплавов и установлено их взаимоотношение во времени с помощью типологических и, по возможности, стратиграфических признаков. Распределение поделок по относительной древности позволило отобрать самые ранние в данной области. Кроме того, нужно было установить, сделаны вещи на месте находки или их доставили из другой области: для суждения об этом недостаточно сопоставить поделки из разных областей по внешним признакам, а нужно знать количественный состав металла каждого предмета, чтобы сгруппировать их по сходству меди или ее сплавов. Распределение предметов по сортам на карте Западной Европы показывает место (или область) их скопления, а стало быть, и место возможного происхождения такого рода изделий. Наконец, сопоставление по внешним признакам одинаковых по сорту меди поделок с учетом относительной древности соответствующих им культур позволяет установить, в каких направлениях и когда однородные предметы распространялись по Западной Европе, а с ними, возможно, и навыки медного дела.

Как видно, вся работа опирается не только на изучение древних медных предметов обычными в археологии методами, но и на количественный состав металла в каждом из них. Понятно, такая работа стала возможной только с помощью быстрого количественного спектрального анализа, для которого достаточны пробы в 0,2—0,3 *г* металла. Новые методы микроанализа еще совершеннее по быстроте и точности и позволяют обойтись пробами, во сто раз меньшими.

Для исследования отобрали 2302 анализа, в их числе одна треть сделана авторами. Полезно напомнить, что для первой публикации Юнгханс и др. обработали только 410 анализов и накопили ко времени завершения рецензируемой книги еще 2700 анализов и 3000 подготовленных проб. Как и прежде, для группировки анализов по сортам меди применили статистический закон Гаусса о линейном возрастании логарифма сумм от последовательного сложения частот наблюдений по мере увеличения логарифма главного количественного признака их, в данном случае — содержания в пробах какой-либо примеси. Если на логарифмической диаграмме вместо прямой получается ломаная линия, то каждый излом отвечает содержанию примеси, с которого начинается иная статистическая группа анализов. Совмещение таких графиков для всех учитываемых примесей позволяет последовательным делением анализов выявить группы с линейными, т. е. без изломов, графиками по всем примесям-признакам. Трудоемкость такой обработки анализов стремительно растет с накоплением их и числом примесей-признаков. В первом исследовании число анализов было в 5.7 раз меньше и учли семь примесей — серебро, никель, мышьяк, сурьму, висмут, олово и свинец, а в рецензируемом труде — только пять первых. Если раньше определились только три явных сорта — A, B и C с остаточным D, то здесь при меньшем числе признаков оказалось 12 сортов, как видно на схеме на стр. 210 их книги.

Деление древней меди в изделиях на сорта должно быть прежде всего осмыслено металлургически. Отчасти это достигнуто выбором примесей из 14 спектральных определений, сделанных авторами сочинения, хотя спектральный анализ позволяет учесть больше составляющих элементов, особенно микропримесей. Даже последние примеси важны для выявления происхождения меди по рудоносным округам, при условии, что медь не обезличена от переплавки с ломом разного происхождения, что маловероятно для ранних поделок. Такую задачу авторы перед собой не ставили, чем оправдано ограничение определений. Все же учтенные ими примеси даже при малом содержании, например, висмута или никеля, отражают особенности исходных руд и потому могут быть хорошими признаками сорта меди. Что касается таких макропримесей, как мышьяк, сурьма, серебро, свинец, олово и, в редких случаях, золото, то содержание каждой примерно от 1%, а сочетание трех первых и никеля указывает на вероятность их нарочитой добавки. Три первые примеси или их сочетания авторы принимают за доказательство происхождения меди из блеклых руд, тогда как опытные плавки убеждают в большей вероятности выплавки такой меди из обычных руд с малыми присадками подходящих сернистых минералов, включая и блеклые. Примесь олова в меди в виде преднамеренной добавки появляется позже других, что оправдывает отчасти исключение олова, как примеси-признака. К тому же число оловянистых поделок указано в каждой группе, к сожалению, без выделения даже явных бронз. Макропримесь железа следовало бы учесть: она, особенно в сочетании с повышенной долей серы, которую, к сожалению, не определяют пока спектральным анализом, указывает на вероятность выплавки меди из сернистых руд и тем самым на ее позднейшее происхождение.

Осмысливанию статистического деления анализов авторы уделили мало внимания. Несколько помогают читателю таблицы (стр. 211) сопоставления их статистических групп с подразделениями анализов у Отто и Виттера по признаку выплавки из разных руд, включая самородки. Но соответствие весьма приближенное. Так, сорт меди E_{00} приравнен двум делениям по Отто и Виттеру — очень чистой и черновой 98%-ной меди; но к E_{00} отнесены поделки с долей серебра до 1,7%. Отто и Виттер серебристую медь с содержанием более 1,5% справедливо выделили особо; даже медь с 1% серебра должно признать нарочитым сплавом.

Нет удовлетворительного сходства между сортом E_{01} и 4—8%-ной мышьяковой бронзой у Отто и Виттера: к первому сорту отнесены пробы с содержанием мышьяка больше 0,1%. Среди 124 авторских анализов такой меди 75 указывают на долю мышьяка более 1%, а к мышьяковой бронзе по Отто и Виттеру можно причислить только 14 анализов. То же относится к сопоставлению сорта A и сплавов «из блеклых руд» по Отто и Виттеру (лучше сказать — с присадкой их). К меди *A* отнесены, например, пробы без мышьяка и пробы с долей его до 4,5%, притом только в 43 пробах из 129 содержание мышьяка больше 1%.

Примеры показывают, что 12 статистических сортов меди неудовлетворительны в металлургическом отношении, особенно важном, когда рассматривается становление медного дела. Очевидно, обработка тех же анализов с помощью современных счетно-аналитических машин при разном подходе к программированию помогли бы лучше осмыслить собранный авторами богатый материал. Металлургически оправдано было бы, например, такое деление древней меди на сорта: чистая медь из медных минералов или самородная; сорта с устойчивым сочетанием малых примесей; мышьяковая медь, обычная в древнейших поделках во многих областях; сорта меди с другими, вероятно, нарочитыми примесями сурьмы, серебра, свинца и олова порознь или

в устойчивых сочетаниях, выключая мышьяк; железистая медь, вероятно, происходящая из колчедановых руд.

При всех недостатках принятого деления авторам удалось, проследив распространение в Западной Европе изделий из каждого сорта меди, открыть важные закономерности и убедительно показать, как много можно ожидать для археологии и истории металлургии от массовых анализов древних изделий из меди. В этой работе резкая неравномерность числа находок с анализами из разных областей западной Европы затрудняла обработку и снижала достоверность выводов, особенно применительно к сортам меди, плохо представленных суммарно и еще хуже — по некоторым областям. Для лучшего сопоставления разных сортов меди с анализами по каждой области определен удельный вес (Riehtzahl), тем больший, чем их меньше против всех 2302 анализов. Так, для 23 анализов по Сардинии удельный вес равен 100; для 146 анализов по Испании — 15,8 (2302 : 146), для Средней Германии при 495 анализах удельный вес — 4,7 и т. д. Относительные доли по сортам и областям приведены в таблице на стр. 213 и отдельно для всех сортов на 12 картах. Наконец, в табл. 7—9 показано распределение анализов по каждому сорту между 23 культурными группами энеолита и ранней бронзы, а для кладов — по отдельным видам изделий, которые датированы по таким же поделкам из раскопок памятников.

Выявлению взаимосвязи между культурными группами и установлению их относительной хронологии отведена первая часть книги, а итоги суммированы по хронологической схеме. Во второй части, особенно интересной, опираясь на выводы первой, представлен подробный анализ данных, сведенных в таблицах и на картах. Рассмотрим здесь суждения авторов применительно к сортам меди.

Сорт E_{01} приурочен преимущественно к югу Испании, где сосредоточена почти вся доля полуострова — 26%, и к Югославии — с долей 12,5%, где, допускают авторы, выплавка такой меди могла возникнуть независимо. Очевидно, от Испании поделки из E_{01} расходились по Западному Средиземноморью, в частности в Сардинию (ее доля 10,8%), и на север, по берегам Атлантики в Бретань и на Британские острова. Полезно было бы проследить, как проникала туда вместе с тем же сортом мышьяковая медь, щедро представленная в испанской доле и обычная среди ранних находок в Бретани и на Британских островах. Поделки с Крайны (7%) и из восточной Приальпийской области, вероятно, югославского происхождения. В 300 анализах сорта E_{01} на группы энеолита приходится 77,4%, в том числе 29,1% — на плоские топоры, а 15,6% — на изделия испанской культуры колоколовидных кубков. Однако медь E_{01} в Испании древнее этой культуры. Среди металлических поделок памятников со шнуровой керамикой четыре сделаны из такой же меди. Отсюда вытекает вывод о бытовании керамики со шнуровым узором еще в энеолите вопреки мнению археологов о принадлежности культуры шнуровой керамики к ранней бронзе. Из Югославии и Испании происходит и большая часть плоских топоров из меди E_{01} (из всего 88). Они отлиты в открытую форму, а по этому признаку их нужно признать древнейшими.

Медь E_{00} встречается больше всего в Юго-Восточной Европе; 18,2% в Югославии и 15,4% в Венгрии. Допускается возможность (при малой вероятности) независимой выплавки меди E_{00} на юго-западе, где ее находили по северному европейскому средиземноморью, а также в соседних с Венгрией областях: в Чехии, Силезии и Австрии, на которые вместе приходится около 11%. Распространенность меди E_{00} указывает на ранние и далекие культурные связи. Но ее больше всего в тех областях, где сложились и куда продвинулись юго-восточные культуры энеолита, особенно баденская. К ней отнесены поделки, из которых на E_{00} приходится 81,9%; но их всего 9, или 2,8%. от общего числа 314. Вместе с баденскими находками на энеолит падает 71,1% всей меди E_{00}, которая тоже признана древнейшей.

Медь E_{10} сосредоточена в Сардинии (28,2%) и в южной Франции (27,7%) с примыкающей к ним Италией (9,9%). Поделок всего 28, в том числе плоских топоров 12, или 37%. К энеолиту отнесено 85,8% всех находок.

Медь C_3. Из 25 поделок четыре найдены в Испании, шесть — в Италии, пять — в Венгрии, шесть — в средней Германии. Допуская разное происхождение южных и северо-западных находок, Юнгханс поделил их на две группы, что при малой численности статистически несостоятельно, как признал и сам автор. В южной группе относительная доля Италии составляет 43,5%, а все шесть находок кинжалов принадлежат к ремеделльской культуре энеолита, как и прочие находки в Испании и даже в Словакии. Все они, вероятно, североитальянского происхождения. В северо-западной группе 63% находок падает на Венгрию со Словакией. Она ближе к ранней бронзе, так как половина поделок имеет унетицкий облик и большинство их может быть отнесено к слиткам. Даже плоские топоры частью содержат олово, и потому все они не могут быть признаны ранними. Если унетицкие гривны-кольца признать слитками, появляющимися в средней Европе в раннюю бронзовую эпоху в связи с развитием добычи руд и выплавкой меди, то к этому периоду нужно отнести и бытование там меди C_3. Кинжалы из такой меди, сходные с ирландскими, доказывают установившиеся к тому времени связи между средней Европой и Британскими островами.

Медь E_{11}. В Ирландии и Англии найдены 44 предмета из сотни их общего числа. Относительная доля Британских островов и Бретани — 46%; по 13% пришлось на южные области — Сардинию и Италию, кроме того, понемногу на прочие области.

Среди находок больше всего кинжальных клинков (27%) и плоских топоров (26%). Клинки, кроме семи, найдены в Ирландии и Англии; вероятно, оттуда они проникли в среднюю Германию (2), Италию (4) и Испанию (1). Такие же клинки, но из меди местных сортов бытовали в унетицкой культурной области, включающей среднюю Германию. Отсюда понятно, почему там мало привозных клинков из меди E_{11}. Находки поделок из E_{11} в богатой своей медью Испании среди памятников культуры Эль-Аргар, к сожалению, плохо представленной в анализах, указывают на вероятность местной выплавки этого сорта меди. Больше того, возможно допустить обильный ввоз на Британские острова такой меди и распространение ее оттуда на восток. Медь E_{11} появляется в Западной Европе на рубеже энеолита и ранней бронзы. В средней Европе она долго удерживается в единичных изделиях среди обилия предметов из местных сортов меди. На западе и юго-западе ее проявления существеннее.

Медь B_1 обнаруживается 43 анализами находок. Половина их относительных долей приходится на южную Францию и 9,1% — на Сардинию. Медь B_1 похожа на E_{10}, но в отличие от последней ее нет среди всех ранних культурных групп, и только с колоколовидными кубками нашли по одному кинжалу из меди B_1 на Сардинии и в южной Франции. Из южной Франции происходят 12 поделок (27,6%), в большинстве — бусы и шилья, которые признали за доказательство пережиточного энеолита (ранние бусы там отливали из меди E_{00}). Медные бусы, вероятно, обращались как малые слитки наряду с гривнами и слитками-кольцами. К ранней бронзе отнесены 34,6% поделок из B_1.

Из рассмотренных сортов медь E_{01}, E_{00} и отчасти C_3 преобладает в быту с первого появления металла в Западной Европе, что свидетельствует о развитом энеолите. Только кое-где упомянутые сорта доживают до ранней бронзы, например, в Эль-Аргаре. Медь E_{1c}, E_{11}, B_1 и частично C_3 появляется к концу энеолита и бытует в переходное время. Перечисленные сорта меди живут еще в начале ранней бронзы, когда сплавы даже с малыми или с чрезмерными примесями олова встречались редко. Автор и здесь упускает из виду, что в то время давно уже использовались хорошие сплавы меди с другими металлами, особенно с мышьяком. К таким сплавам сложного состава, происходящих по его мнению и в согласии с Г. Отто и В. Виттером, из «блеклых руд» отнесены сорта меди C_1, C_2, B_2 и A, признанные поздними.

Медь C_1. В Венгрии со Словакией ее доля — 16,9%, а в Чехии и Силезии — 15,5%, в Баварии — 12,6%, Австрии — 8,4%, северо-восточной Германии — 13,4% и в средней Германии всего 4,9%. Поздний энеолит в средней Германии дал 34,3% находок, из них к культурам ранней бронзы (унетицкой и штраубингской в Баварии) — относятся 48,9% и сверх того 3,9% приходится на кинжальные клинки из кладов. Медь C_1, как видно, поздняя, а происходит она из восточных областей, но проникает на запад и юг.

Медь C_2 явно баварская, потому что 22,7% вещей падает на Баварию, а 18,2% — соседнюю Австрию. Важное значение имел привоз меди C_2 в области унетицкой культуры, общая доля которой 48,2%. Деление единого прежде сорта C на C_1 и C_2 оправдано в основном большей примесью никеля и меньшей — сурьмы в C_2, что автор объясняет особенностями руд альпийской области. Между 230 поделками из C_2 нет бесспорно ранних, хотя к энеолиту только лишь по виду причислено 5,5% находок, в том числе восемь плоских топоров. Напротив, на первый период ранней бронзы, который для южной Германии автор по Рейнеке обозначает A_1, приходится 88,1% находок, а ко второму — или A_2 — ни одной. Примечательно различие между подделками из C_2 гривен-слитков (41,7%) и «ребер» (Rippen) (13,9%) из кладов, происходящих в большинстве случаев из южной Германии, т. е. примерно на месте выплавки и отливки меди. Пока неизвестны поздние поделки из нее, и если их нет вообще, то внезапное прекращение выплавки меди C_2 было следствием тех же событий, которые побуждали людей зарывать ее слитки в клады.

Медь B_2. Среди изделий из этой меди доля областей унетицкой культуры равна 55,9%, в том числе на Чехию и Силезию падает 20,9% и на среднюю Германию — 15,2%. Только 8% находок отнесены к энеолиту. Меди B_2 нет пока в культуре колоколовидных кубков, мегалитов и почти нет среди памятников шнуровой керамики. К первой ступени ранней бронзы принадлежат 77,5% находок, вместе с кинжальными клинками — 88,2%. Подобно меди C_2 в Баварии, в унетицких поселениях выплавка B_2 оборвалась к началу второй ступени ранней бронзы, к которой можно причислить только 2,6% находок. Из 33 явно унетицких клинков на области этой культуры пришлось только 11, а на Британские острова — 19. Связи средней Европы с ними прослеженные по ранним сортам меди, снова подтвердились. Если медь B_2 выплавлялась в унетицкой области, а немногие находки ее в южной Германии приурочены к первой ступени ранней бронзы, то тогда навстречу ввозу ее в Баварию, оттуда в среднюю Европу везли медь C_2. Этим можно объяснить совместное нахождение в кладах поделок из обоих сортов меди. Клады зарывали торговые люди, для которых выгодна была скупка у литейщиков и сбыт всякой меди; клады производителей меди были бы однородны по сорту металла.

Доля меди A в юго-западной Германии (Адлерберг и Зинген) равна 29,7%; на прочие части Германии пришлось 33,9%; в коренной унетицкой области — Чехии и Силезии — ее доля 5,9%. Поделки из меди A находили в Баварии и в Италии. Подобно двум предыдущим сортам она была в обиходе в основном только на первой сту-

пени ранней бронзы, а затем внезапно пропала. Все три сорта сменяет медь F, образующая два сорта.

Медь F_2 бедна серебром, но богата никелем. Примерно таков состав чернового слитка из Миттерберга в Австрии. Это дает право заключить, что сорт меди F_2 происходит из Австро-Баварских Альп. Однако доля Баварии в ней невелика — 11%, тогда как на безрудную северную Германию приходится 17,3%; в остальных частях Германии и областях унетицкой культуры, а также в Италии и Южной Франции ее немного. Как видно, медь расходилась широко и успешно и на месте ее оставалось немного. По времени медь F_2 относительно поздняя: 29,3% ее находок датированы второй ступенью ранней бронзы А-2 и даже позднее; а 38% — первой ступенью при А-1 и унетицким временем. Медь F_2 в южной Германии бытовала от начала до самого конца ступени А-1. Редкие находки меди F_2 в кладах времени А-1 показывают, что она была малодоступна для кладов. На все поделки из кладов пришлось только 6,8%, а 8,9% изделий, признанных унетицкими, типологически отнесены ко второй ступени ранней бронзы (топоры с утолщениями по краям и широким полукруглым лезвием и часть клинков, находимых в других местах с поздними поделками). Отсюда заключение: унетицкая культура сосуществовала с южногерманской ранней бронзой на ступени А-2, когда тамошние культуры времени А-1 уже угасли, и поглощала много меди F_2.

По обстоятельствам находок 20,6% изделий из меди F_2 ее следовало бы признать энеолитической. Подробный анализ приводит к признанию длительности существования соответствующих культурных групп, чем принималось раньше.

Медь F_1 при общем сходстве с F_2 представлена находками, которые по составу не подходят ко всем описанным сортам. Большинство их найдено за пределами рудоносных округов. Ко второй ступени периода А-2 и к унетицким отнесено 38,5% изделий. На позднее время указывает большая доля оловянистой меди среди F_2 — около 66%.

Обзор древней меди по сортам применительно к условиям находок показал, что впервые медь начали выплавлять примерно за 2300 лет до н. э. на юго-западе Европы и за 2000 лет до н. э.— на юго-востоке, причем на юго-востоке была только медь E_{00}, а на юго-западе — E_{01}.

Появление оловянной бронзы отнесено к XVII в. до н. э. Расцвет унетицкой культуры, видимо, правильно объяснять развитием выплавки меди и бронзы из собственных руд, но сомнительно утверждение, что оловянная бронза появилась там в итоге опытов с разными рудами своей области после того, как научились выплавлять мышьяковую медь (стр. 54, 91). Распространенность мышьяковой меди даже в раннем энеолите убеждает в том, что открытие способов выплавки ее и оловянной бронзы резко отличалось нет олько по времени, но также по исходным приемам плавки.

Медное дело по справедливости признано одним из важных обстоятельств, которые привели к расслоению общества.

Последняя часть книги отведена примерам приложения добытых новых данных к разрешению трех важных для энеолита и ранней бронзы вопросов — датировки кладов, времени становления и длительности культур шнуровой керамики и колоколовидных кубков. Раньше пытались датировать клады по соотношению в них гривенколец и «ребер» (Rippen), которые удерживались дольше в обращении, а гривны исчезали. Плодотворнее использовать для этого соотношение в кладах разных сортов меди, время бытования которых теперь установлено более или менее надежно. Однако из состава кладов опробованы были лишь немногие предметы, что снижает достоверность заключений. Все же каждый из сортов меди C_2, B_2 и F_1 удовлетворительно представлен в группах по 17—18 кладов, а сорта A и F_2 — в 7 и 8 кладах. Оба сорта F, в основном поздние, преобладали в кладах помоложе, что вытекает также из других признаков: появление лома, черновых слитков и др. Такие клады зарывали на второй ступени ранней бронзы. Клады с перевесом C_2 из Баварии целиком состоят из гривен и «ребер» (Rippen), а среднегерманские — из гривен и тяжелых наручных колец. В баварских и юго-западных германских кладах с медью B_2 больше топоров и «ребер» (Rippen), меньше гривен и во всех только одно тяжелое кольцо. Клады с медью A — все унетицкие или среднегерманские; в них больше всего колец. По кольцам их следует признать одновременными с кладами слитков в южной Германии. Сопоставление поделок из кладов по составу и по внешним признакам с находками из датированных могильников или поселений подтвердило высказанное раньше предположение о важных событиях во времена первой ступени ранней бронзы, побуждавших людей зарывать клады меди. Клады литейщиков появляются только на второй ступени.

Из 33 исследованных медных находок, принадлежащих к культуре шнуровой керамики, 6, или 18,2%, сделаны из меди B_1, распространенной в южной Франции, а 9, или 27,3%,— из баварской меди F_2. Эти предметы датируются первой ступенью ранней бронзы в южной Германии, когда большинство изделий там изготовлялось из меди сортов B_2, C_1, C_2 и A. Отсюда вытекает, что люди культуры шнуровой керамики, культуры неолитической по облику и сосуществовавшей с культурами ранней бронзы, пользовались не местными сортами меди, а южнофранцузской или баварской, что нам непонятно. Южнофранцузская медь распространялась, видимо, жителями поселений со шнуровой керамикой вплоть до Моравии. Вместе с тем справедливо отме-

чено, что в южной Германии первая ступень ранней бронзы по существу представляет развитый энеолит; даже современная ей унетицкая культура очень бедна бронзой. Автор, по-видимому, имеет в виду оловянную бронзу, вместо которой давно уже широко пользовались другими медными сплавами, особенно с мышьяком. Последние, как теперь хорошо известно, в некоторых отношениях были даже лучше оловянной бронзы.

Доказанная длительность существования культуры шнуровой керамики сужает разрыв между ней и курганной культурой и позволяет автору поставить вопрос о непосредственной связи первой со второй.

Рассмотрение в свете новых фактов распространения культуры колоколовидных кубков в Европе показывает, что из двух первоначальных очагов ее — чешского и испанского приморского, различающихся узорами на похожей по форме посуде, чешская достигает Рейна, встречая волну приморской распространявшейся вокруг Европы и проникшей позже далеко на восток. Как продвигались из Испании черты культуры колоколовидных кубков, показывают находки испанской меди E_{01}, например, в могилах Сардинии, относимых к поладской культуре.

В Испании многие поделки тогда изготовлялись из меди E_{01}, и обмен с Сардинией и западом Европы, хотя и скудный (на западе известно всего шесть находок), продолжался навстречу обратному потоку. Испанскую медь там оттеснили другие, поздние сорта — E_{11} и B_1. Поделки из них преобладают в южной Франции и в Сардинии. На острове в двух могилах нашли топорик с черепками от колоколовидного кубка и шило с узкой костяной защитной пластинкой; оба медных предмета сделаны из англо-ирландской меди E_{11}, проникшей, так далеко на юг неведомыми нам путями. В самой же Англии, где на юге сосредоточены следы культуры колоколовидных кубков, оказались только две поделки из E_{11}, против четырех — из меди сорта F. Отсюда видно, что тамошние носители культуры колоколовидных кубков происходят из средней Европы. Там эта культура появилась, как пришлая, внезапно и раньше всего в Чехии, а затем продвинулась в Венгрию, Австрию, Баварию, на Рейн до Голландии и позже — в среднюю Германию. К сожалению, для этого времени анализы меди были сделаны только в поделках из средней Германии и Баварии. Кроме двух поделок из E_{10} и C_1 в Баварии к культуре колоколовидных кубков отнесены еще шесть кинжалов с черешком из поздней меди F_2; все они надежно датированы периодом ранней бронзы А-1. Именно на этой ступени культура колоколовидных кубков обогатилась медью, а среди ранних проявлений ее неизвестны даже находки из меди F_{01}, которой больше, чем иных сортов, в ранних местных культурах. Примечательно, что среди находок, относимых к культуре колоколовидных кубков, в Баварии нет поделок из меди C_2, которых много было в ранних могилах Штраубинга. Из этой же меди сделаны многие баварские гривны-кольца. Подобно людям культуры шнуровой керамики, которые вместо меди A, обычной на Рейне в культуре Адлерберга, пользовались медью F_2, но предпочитали южнофранцузскую медь B_2, носители культуры колоколовидных кубков употребляли почти исключительно медь F_2, но не баварские C_2 или B_2. Отсюда заключение: медь F_2, вероятно, выплавляли и распространяли по поселениям культуры шнуровой керамики люди культуры колоколовидных кубков. Как на Рейне, так и в Баварии у соседствующих общин с разной культурой в обиходе была разная по составу медь, что можно объяснить разным жизненным укладом. Как предполагают, люди с колоколовидными кубками жили небольшими подвижными группами среди оседлого населения; они занимались медным делом и торговлей независимо от прочих жителей. И понятно тогда, почему мала доля находок из их меди F среди памятников со шнуровой керамикой.

Книга трех немецких авторов заслуживает основательного изучения. Она несомненно будет полезна советским ученым при обработке быстро накапливающихся анализов древних металлов с охватом несравненно больших пространств, на которых происходили события, сопровождавшие становление металлургии на древней земле нашей Родины.

В. А. Пазухин

* * *

Без колебаний следует признать, что рецензируемая книга трех немецких ученых представляет собой весьма значительное произведение по истории металлургии Западной Европы, появившееся в последние годы за рубежом. Причем ее основное достоинство не только в том, что авторы применили массовые анализы древнейшего металла. Работы З. Юнгханса и его коллег всегда отличало стремление наиболее полно использовать аналитические данные для решения важнейших археологических проблем. Вот и сейчас перед нами широкое историческое полотно взаимоотношений основных археологических культур Западной и Центральной Европы в III — первой половине II тысячелетия до н. э., написанное на основании изучения химического состава древнейших металлических изделий.

Эта книга является как бы логическим продолжением монографии Г. Отто и В. Виттера [1]. Однако, продолжая интенсивное накопление аналитических данных, немецкие ученые значительно модернизировали метод обработки анализов применением математической статистики. В связи с этим необходимо обратить внимание читателя на некоторые важнейшие методические посылки немецких ученых.

Авторы поставили себе задачу: можно ли, не прибегая к данным археологии и используя лишь одни возможности математической (статистической) обработки аналитических данных, установить истинные различия в происхождении металлического инвентаря древних культур. В самой книге, к сожалению, об этом говорится мало. Читатель же отсылается за пояснениями к статье Г. Клейна [2], в которой дается развернутое обоснование применяемого статистического метода на частоту признака. Посылка математика Г. Клейна ясна: если удастся доказать статистическое единство химического состава какой-либо группы металлических изделий, то тем самым мы получаем несомненные доказательства выплавки металла для этих изделий из единого рудного источника. И наоборот: статистическая неоднородность состава металла какого-либо количества изделий будет указывать нам на происхождение этого металла из различных рудных источников. Выдвигаемая посылка, исходя из теории вероятности, не может быть оспорена. Однако трудно принять намерение Г. Клейна и др. проводить подразделение металла по его химическому составу, прибегая лишь к его статистической обработке и намеренно закрывая глаза на данные, которыми обычно пользуются археологи, т. е. культурное, географическое и хронологическое положение того или иного предмета.

Рассуждая теоретически, такая проверка может дать чрезвычайно плодотворные результаты. Однако это будет справедливо лишь в том случае, если при этой проверке используется достаточное количество дополнительных данных (признаков). В конкретном случае признаком для нас является содержание в металле той или иной примеси. Чем больше мы берем таких признаков, тем более надежной будет проверка. На практике, однако оказывается, что таких признаков, полученных нами лишь с помощью спектрального анализа, часто бывает недостаточно для того, чтобы признать за такой проверкой право высшего контроля.

Немецкими учеными было проведено расчленение 2302 анализов на статистические совокупности при помощи только одного статистического анализа на частоту признака. За основу были взяты пять признаков (концентрации Bi, Sb, Ag, Ni, As) без привлечения каких-либо иных данных. Материал из Центральной и Западной Европы был разделен при помощи этого способа на 12 самостоятельных групп, изделия которых распределяются по различным зонам Европы. Значит, если исходить из посылки Г. Клейна, на которого З. Юнгханс и др. ссылаются в своей книге, древними обитателями этих зон Европы за тысячу лет было использовано всего 12 рудных источников.

Но не это вызывает недоуменный вопрос. При изучении распределения материала групп по различным культурам с этой территории Европы выясняется, что изделия многих из групп, как, например, E_{00}, E_{01}, F_1 и некоторых других, распространены по всем областям и зонам Европы и, кроме того, встречаются во всех важнейших культурах. Больше того, если мы обратимся к анализам древнейшей меди и бронз восточной Европы, выполненных советскими лабораториями и неизвестных З. Юнгхансу и его коллегам, то убедимся в еще более удивительном положении: подавляющее количество этого металла совпадает с группами немецких ученых. Так, ряд кавказских групп меди, которые без сомнения, выплавлены из руд, находящихся в Закавказье, найдут место в группах типа E_{01}. Изделия, происходящие из фатьяновской, абашевской, ямной, из поселений так называемой «турбинской», днепро-донецкой и позднетрипольской культур, войдут в группу E_{00}, хотя различия в рудных источниках для меди этих изделий несомненно доказываются различием в составе металла и т. д. Значит, либо следует признать, что эти 12 источников снабжали медью не только Западную, но и Восточную Европу, либо предпринять проверку истинной реальности выделенных групп, немецкими учеными каким-то иным методом. Первое предположение сразу же отпадает ввиду того, что для многих групп меди Восточной Европы местные источники устанавливаются достаточно надежно. Стало быть, необходимо объяснить: почему медь, которая была объединена по своему химическому составу в одну группу, тем не менее различается своими рудными источниками.

Попробуем произвольно расчленить одну из групп З. Юнгханса и проверить идентичны ли будут между собой эти более мелкие подразделения. Возьмем для примера группу E_{00}, как наиболее распространенную и одну из наиболее многочисленных в схеме немецких ученых. Проверим, идентичны ли будут между собой по химическому составу некоторые изделия группы E_{00}, объединенные нами по географическому признаку. С одной стороны, в сравнении участвуют 44 находки из области Испании, Португалии и южной Франции, а с другой — 76 находок с территории Юго-

[1] H. Otto, W. Witter. Handbuch der ältesten vorgeschichtlichen Metallurgie in Mitteleuropa. Leipzig, 1952.

[2] S. Junghans, H. Klein, E. Scheufele. Untersuchung zur Kupfer- und Frühbronzezeit Süddeutschlands. 34. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1951—1953. Berlin, 1954.

славии, Венгрии, Румынии, Чехословакии (зоны 1 и 2, 14 и 15 по З. Юнгхансу) [3]. Если утверждение о единстве этой группы верно, то эти две составляющие подгруппы E_{00} должны быть идентичными. Такой вывод основывается на одном из основных положений математической статистики, гласящем: если две совокупности взяты из одной генеральной, то они должны быть тождественны между собой по всем параметрам.

Мы провели такую проверку самым простым графическим методом, который в конкретном случае достаточно точен и нагляден и не требует даже специальных подсчетов (рис. 1). Из приведенного рисунка видно, что обозначенные подгруппы не

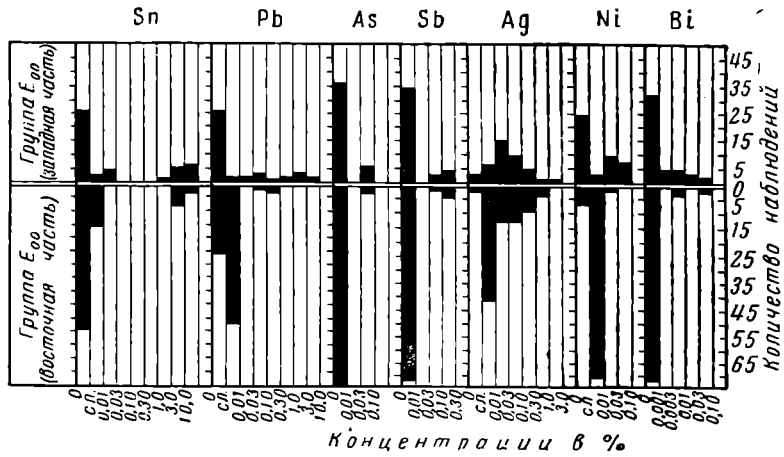


Рис. 1. Сравнение характеристик распределения некоторых основных примесей меди восточной и западной частей группы E_{00} (по З. Юнгхансу)

только не сходны между собой по характеру распределения свинца, серебра и никеля, но и не образуют часто внутреннего единства. Это означает прежде всего, что здесь были произвольно смешаны несколько групп, характеризующихся различными рудными источниками. Причем ссылка на якобы немногочисленный материал, участвовавший в проверке, не может быть принята, так как материала, конечно, достаточно и, кроме того, классы распределения были взяты достаточно широкими ($^1/_2$ математического порядка), чтобы не допустить влияний неучтенных случайностей.

Попытаемся объяснить причину такого явления. Несомненно, что общая генеральная совокупность в 2302 анализа, которую немецкие ученые разделили на группы, состоит из неопределенного и, вероятно, значительного числа разновеликих совокупностей, характеризующихся различными параметрами. Отдельные совокупности имеют между собой близкие параметры, и один лишь количественный статистический анализ при помощи всего лишь пяти признаков был неспособен достаточно надежно разделить их. Судя по работам, которые проводил автор настоящей рецензии в своей лаборатории, для такой массы разнообразнейших анализов недостаточно и 11—12 признаков, которые мы обычно получаем. Скорее всего от такого метода обработки следовало бы ожидать выделения ряда таких близких между собой совокупностей, образующих ложно-единые группы. Вероятный случай подобного перемешивания отдельных совокупностей представлен на рис. 2. При таком положении (а можно полагать, что оно было весьма близким к изображенному) расчленить эти совокупности обычным частотным методом без грубых ошибок невозможно. По-видимому, именно с такой ложно-единой группой E_{00} мы и столкнулись при проверке.

Скорее всего здесь не группы меди, как их называют З. Юнгханс и его сотрудники, а металлургические сорта меди, происходящие из геохимически близких, но географически часто удаленных друг от друга рудных источников. Еще в 1952 г. Г. Отто и В. Виттером для Западной и Центральной Европы были выделены семь таких сортов меди, в определенных деталях близких к группам З. Юнгханса. Если упомянутые сорта меди Г. Отто выделялись на основе не совсем ясного металлургического принципа, то здесь предпосылки выделения групп-сортов металла ясны. Хотя З. Юнгханс и его сотрудники исходят из принципов, выраженных Г. Клейном в 1954 г., их трактовка групп, определяемых таким методом, по-видимому, отличается от первоначальной. Авторы книги, по всей вероятности, молчаливо допускают наличие нескольких рудных источников для одной группы, хотя отчетливо эта мысль и не выражается.

Здесь, конечно, нет места для приведения развернутых рецептов по методам выделения групп метала. Об этом мне уже приходилось писать [4]. Невозможность

[3] Были использованы анализы, опубликованные в рецензируемой книге, а также в монографии Г. Отто и В. Виттера.

[4] Е. Н. Черных. Исследование состава медных и бронзовых предметов методом спектрального анализа. СА, 1963, № 3; его же. К истории металлургии Восточной Европы в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1963.

точного подразделения материала на группы при помощи лишь одних данных спектрального анализа заставляет нас искать дополнительные качественные признаки. Предварительная группировка материала по какому-либо важнейшему качественному признаку позволит нам количественно ограничить исследуемый материал. Наиболее удобным представляется такой признак, который бы ограничивал материал в культурно-хронологическом отношении. Археология представляет нам большие возможности для этого.

В качестве основы разумнее всего брать металл отдельной археологической культуры и обрабатывать его статистически с целью определения его составляющих. Этим приемом, мы, во-первых, ограничиваем материал не на основании случайных выборок, а на основании культурно-хронологического и географического факторов, и, во-вторых, в этом случае наиболее реально предполагать, что население каждой отдельной культуры, естественно, пользовалось металлом, заведомо происходящим из небольшого количества медных рудных источников. Это a priori позволит нам уменьшить риск возможной ошибки при группировке материала во много раз.

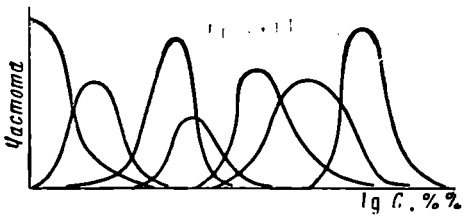


Рис. 2. Теоретически возможный случай наложений и совпадений концентраций примеси в рудах различных месторождений

После того как при помощи такой обработки будут выяснены группы металла каждой археологической культуры, их можно будет легко сравнивать между собой и объединять в одну группу истинно идентичные. Это даст исследователю возможность установить общие рудные источники для различных археологических культур. Такой прием называется в статистике качественной предварительной группировкой данных по какому-либо важнейшему признаку перед их количественной обработкой. Он широко используется в геохимии при сходных задачах [5].

Вызывает возражение и стремление авторов уточнить границы между группами до предельной, по их мнению, точности. Например, для некоторых групп показателем такой границы будет концентрация сурьмы 0,19%. Такие границы в большинстве случаев нереальны уже потому, что в действительности никогда не наблюдается подобных отчетливых границ между концентрациями того или иного элемента в различных месторождениях. Это тем более невероятно для таких больших групп, какие мы видим в рассматриваемой книге. Об этом мне уже приходилось писать в специальной статье [6].

Эта мысль отчетливо иллюстрируется и приводимым здесь рис. 2, где представлены всевозможные теоретические варианты наложений и совпадений концентраций одного и того же элемента в рудах различных месторождений. Примеры еще более разительных совпадений многих важных показателей состава руды в различных месторождениях приведены в советской геохимической литературе [7]. Все это приводит к выводу, что попытки определить границу между большими группами с предельной точностью в большинстве случаев вряд ли могут привести к действительному успеху.

В принципах установления для каждой из групп меди хотя бы исходного района ее производства авторы пользуются лишь методом картографирования находок каждой из групп. Затем выясняется удельный вес каждого из 15 районов, на которые немецкие ученые разделили всю территорию Западной и Центральной Европы, в общем количестве всех находок группы. Концентрация основной части инвентаря группы в одном или двух из этих районов обычно указывает исследователям на исходный район производства меди этого сорта. Авторы, по-видимому, весьма пессимистично оценивают возможность использования для их целей любых данных по геохимии рудных месторождений. В книге даже не ставится вопрос о конкретных месторождениях, использовавшихся в древности, хотя такие возможности безусловно имеются.

К сожалению, в очень интересной синхронистической таблице о появлении и использовании меди и сплавов в различных археологических культурах Европы авторы пользуются устаревшей ныне схемой В. Милойчича от 1949 г. Это затрудняет сравнения материалов Восточной Европы с материалами, опубликованными в рецензируемой книге, в связи с тем, что даты многих основных культур Восточной и юго-восточной Европы значительно удревнились.

---

[5] А. Н. Литвинович. Методика изучения редких и рассеянных элементов в полиметаллических рудах. Алма-Ата, 1961.

[6] Е. Н. Черных. Исследование состава медных и бронзовых предметов..., стр. 148, рис. 7.

[7] Д. А. Родионов. Задача сопоставления средних содержаний логнормального распределения компонентов в породах. Геохимия, 1962, 8.

Дискуссия по методическим вопросам не означает, конечно, отрицательного отношения к книге. Мы безусловно должны оценить этот труд как очень важный вклад в изучение древнейшей истории металлургии Европы. И хотя спектральный анализ применяется в археологии уже более 30 лет, методы обработки его данных непрерывно совершенствуются и развиваются. Поэтому обсуждение этих вопросов необычайно важно.

Е. Н. Черных

Perachora. The Sanctuaries of Hera Akraia and Limenia. Excavations of the British School of Archaeology at Athens. 1930—1933. II. Pottery, Ivories, Scarabs and Other Objects from the Votive Deposit of Hera Limenia, Excavated by Humfry Payne. Described by Students of the British School at Athens and Edited by T. J. Dunbabin, Oxford, at the Clarendon Press, 1962, 579 стр., 195 табл., 39 рис. в тексте.

Раскопки святилищ Перахоры, расположенных на мысу, вдающемся в Коринфский залив к северу от Истма, давно привлекают внимание археологов и историков архаической Греции. Это объясняется и бурной политической историей этого приморского района, из-за обладания которым боролись Мегары, Коринф и Аргос, и значением его как крупного культового центра древней Греции [1]. Интересными являются многочисленные посвящения, накопленные за несколько веков существования святилищ и найденные при раскопках. Они дают яркую картину многообразных торговых и культурных связей Коринфской области в IX—VI вв. до н. э. По образному выражению Эд. Вилля, Перахора — это зеркало, отражающее те экономические и культурные изменения, которые происходили в Коринфе в эпоху формирования рабовладельческого полиса на рубеже VIII—VII вв. до н. э. [2] В самом деле, в то время как в святилищах IX—VIII вв. до н. э. было найдено небольшое количество коринфской и аргосской геометрической керамики, несколько фибул и египетских скарабеев, экономические и художественные связи святилищ VII—VI вв. до н.э. представляются более широкими и многообразными [3]. Усиливаются связи с Востоком и Египтом, сыгравшие большую роль в сложении греческого архаического искусства; святилища Перахоры — это богатейшая сокровищница произведений восточного и испытывавшего его влияние греческого искусства — художественных бронз, изделий из слоновой кости, терракот и расписных ваз. По богатству и разнообразию материала эти святилища могут сравниться с Олимпией, Дельфами, Эфесом, Самосом. Находки в святилищах Перахоры свидетельствуют также о большой роли Коринфа в художественной жизни архаической Греции и его связях с различными греческими государствами. Этрусские вазы буккеро говорят о связях с Италией, существование которых подтверждается находками коринфской керамики в сицилийских и этрусских некрополях, так же как и исторической традицией [4]. Найденные в святилищах Геры Акрайи и Лимении глиняные модели апсидальных храмов геометрического периода и аналогичные модели из Гереона в Аргосе являются незаменимыми источниками для изучения ранней греческой архитектуры [5].

В 1940 г. появилась первая публикация материалов раскопок Перахоры, подготовленная коллективом ученых по результатам незаконченных полевых исследований (1930—1933 гг.) и запискам покойного Х. Пэйна, известного исследователя архаического греческого искусства [6]. В этот том вошли архитектурные терракоты, бронзы, надписи, небольшое количество керамики и терракоты из архаических слоев Перахоры. Однако бóльшая часть находок, особенно керамики, оставалась неопубликованной до 1962 г., когда на основе многолетнего коллективного исследования был создан второй том, завершивший публикацию архаических материалов из святилищ Геры Акрайи и Геры Лимении.

Основную часть второго тома составляют публикации расписной керамики из Коринфа и других центров (стр. 1—402). В первую часть книги, разделенную на 12 глав, входит подробное описание 4254 сосудов и фрагментов, сгруппированных по периодам, формам и центрам производства. Бóльшая часть коринфских ваз, составляющих основную массу находок, описана крупнейшими специалистами в области изучения истории и искусства Коринфа Т. Дж. Данбэбином и Р. Хоппером. Исключительно ценной является публикация протокоринфских ваз. Стиль росписей и формы

[1] N. G. L. Hammond. The Heraeum at Perachora and Corinthian Encroachment. BSA, 49, 1954, стр. 93; Perachora, I. Oxford, 1940, стр. 20 сл.

[2] E. Will. Korinthiaka. Paris, 1955, стр. 37.

[3] Perachora, I, стр. 32—34.

[4] Corinth VII, 1. Harvard Un. Press., 1943, стр. 71, табл. 37; E. Will. Ук. соч., стр. 46—48, 74—75.

[5] Perachora, I, стр. 34 сл.; S. D. Markman, Building Models and the Archietecture of Geometric Period, I. Sh. Louis, 1951, стр. 259—271.

[6] Perachora. The Sanctuaries of Hera Akraia and Limenia. Excavations of the British School of Archaeology at Athens, 1930—1933, I, Oxford, 1940.

их отличаются большим разнообразием, а многие не имеют подобных среди известных произведений, которые в большинстве своем найдены за пределами Коринфа (табл. 20, № 421 и др.). Интересно, что среди находок имеется много фрагментов, расписанных в субгеометрическом стиле, который продолжал существовать и в вазописи более позднего периода, в течение всего VI в., что говорит об устойчивости традиций геометрической живописи (табл. 4—6, 9—10, 24—29 и др.). Можно сказать, что протокоринфский материал Перахоры по объему и разнообразию едва ли не предвосходит известные до сего времени по публикациям коллекции. Многочисленные находки протокоринфских ваз в Коринфской области позволяют, как нам кажется, отмести все сомнения в отношении Коринфа, как центра производства протокоринфской керамики, сомнения, которые все еще проскальзывают в литературе [7].

Во II—V главах книги содержится подробное описание около 2000 ваз и фрагментов зрелого коринфского стиля (последняя четверть VII—VI в. до н.э.). Поскольку большая часть сосудов сохранилась в виде фрагментов, авторы публикации Р. Хоппер и Дж. Брок почти не дают определенных атрибуций, а ограничиваются приведением аналогий, которые подобраны довольно точно. Возможно, эта осторожность не лишена оснований, поскольку речь идет о фрагментах, но нам кажется, что авторы могли бы более основательно использовать вышедшие в 50-х годах работы Дж. Бенсона и Д. Эмикса [8]. Из-за недооценки новых работ встречаются неясности: например, некоторые фрагменты приписываются «мастеру Перахоры», который выявлен в 1951 г. Данбэбином. Однако в упомянутой книге Бенсона появился другой «мастер Перахоры», которому приписывается другая группа ваз более позднего времени. Часто встречающиеся ссылки на вазовых мастеров без указания имени порой не совсем понятны и требуют дальнейших уточнений (стр. 217, 538). Несколько ваз и фрагментов можно определенно приписать конкретным мастерам, но это должно быть темой специального исследования [9]. Нельзя согласиться с мнением Брока о том, что скифос № 2437 (табл. 98) выполнен тем же мастером, что и скифос из ГМИИ, расписанный в более архаичной манере [10].

В первой части книги опубликованы расписные пинаки и фрагменты терракотового алтаря, дополняющие наши сведения о коринфской живописи, а также фрагменты ваз с многофигурными композициями и надписями (стр. 234—238, 283—284). Очень ценной является публикация поздних коринфских ваз второй половины VI — начала V в. до н. э. и часто встречающихся среди храмовых посвящений миниатюрных ваз (стр. 271—313). Обе группы недостаточно изучены, и точная датировка их вызывает трудности. Хотя публикация поздних ваз из Перахоры не изменяет наших представлений об их датировке (стратиграфию Перахоры проследить очень трудно, так как последовательность слоев нарушена поздними постройками), исчерпывающий анализ их форм и стиля росписи окажет большую помощь при изучении коринфской керамики из Северного Причерноморья, многочисленные находки которой несомненно свидетельствуют о торговых связях Коринфа с Ольвией и Боспором с середины VI в. до н. э. [11] Исключительно важными являются также разделы, посвященные аттической керамике и коринфским имитациям, а также фрагментам родосских, ионийских, беотийских, аргосских и лаконских ваз и этрусских сосудов буккеро. Находки керамики из различных центров свидетельствуют о широких связях и «международном» значении святилищ Перахоры (стр. 368—392).

Две другие части книги включают публикации изделий из слоновой кости, резных камней, монет, египетских и подражающих им изделий из фаянса и др. Некоторые изделия из слоновой кости были опубликованы раньше [12]. Многие из этих произведений выполнены под влиянием искусства Сирии в своеобразном стиле (A2, A4, A6, A8), а некоторые можно сопоставить с фигурками из святилища Артемиды Орфии в Спарте, хотя центр их производства окончательно не выяснен (стр. 407 сл.). Уникальной находкой является опубликованная ранее Р. Барнетом и Т. Данбэбином

[7] S. Weinberg. What is Protocorinthian Geometric Ware? AJA, 1941, 45, I, стр. 43; его же. Рец. Perachora, II, AJA, 1963, 67, 4, стр. 425; Античное искусство. Каталог ГМИИ. М., 1963, стр. 17 сл.

[8] J. L. Benson. Die Geschichte der korinthischen Vasen. Basel, 1953; D. Amyx. A Corinthian Kotyle in Mainz. Jahrbuch d. Römisch-Germ. Zentralmuseums Mainz 6 Jahrgang, 1959, стр. 101—109; его же. The Geledakis Painter «Hesperia», 1956, 25, 1, стр. 73—77.

[9] Например, можно приписать «мастеру Додуэлла» (J. L. Benson. Ук. соч., стр. 45—47) фрагмент ойнохои № 2067 на табл. 75, «мастеру Королевской библиотеки» (D. Amyx. Ук. соч., стр. 104) фрагмент пиксиды № 2587 на табл. 95; «мастеру поединка» (D. Amyx. Ук. соч., стр. 107) фрагмент фиалы № 2560 на табл. 108.

[10] В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, М., 1953, стр. 92.

[11] Т. Н. Книпович. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. АГСП. М.— Л., 1955, стр. 361; Р. В. Шмидт. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, 25, 1952, стр. 236—239, 247; Н. А. Сидорова. Архаическая керамика из Пантикапея. МИА, 103, 1962, стр. 139—142; В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964, стр. 49.

[12] R. D. Barnett. Early Greek and Oriental Ivories. JHS, 68, 1948, стр. 6 сл., табл. 3*c*, 6*e*, 7; T. J. Dunbabin. The Greeks and their Eastern Neighbours. London, 1957, стр. 38—39, табл. XIII, *4*.

головка из слоновой кости сирийско-финикийской работы, возможно, выполненная сирийским мастером, жившим в Коринфе, или привезенная с Востока [13]. Издание художественных изделий из кости, в частности превосходных резных печатей, подобные которым найдены на о. Итака [14], значительно расширяет наши представления о раннеархаическом искусстве Греции.

Подготовленный Дж. Пендлбери и включенный в книгу каталог более 900 египетских изделий из камня и фаянса и многочисленных имитаций отличается полнотой и точностью. В отношении определения центров производства фигурок, сделанных в подражание египетским, скарабеев и сосудов из фаянса авторы придерживаются точки зрения В. Биссинга, но считают, что такие изделия могли производиться не только в Навкратисе и на Родосе, а также в городах Малоазийского побережья [15].

В двух приложениях к книге публикуются фрагменты керамического брака и остатки гончарных печей, что дает представление о производстве глиняных сосудов, вероятно, для нужд святилищ; публикуются также немногочисленные находки позднеэлладского периода III. Пять указателей, списки дополнений и исправлений к обоим томам, а также превосходные иллюстрации (таблицы с прорисовками росписей, схемы и рисунки разрезов форм и орнаментов) облегчают изучение обширного по объему материала.

Новая публикация материалов из святилищ Перахоры несомненно принесет огромную пользу исследователям культуры, искусства и внешних сношений архаической Греции. Книга отличается четкостью построения и исчерпывающей полнотой и точностью в описании находок и их интерпретации. Однако, как нам кажется, она бы значительно выиграла, если бы во вводной или заключительной статье было глубже проанализировано и обобщено значение богатого и разнообразного материала Перахоры для истории и археологии Греции с учетом новых археологических материалов из Италии и Сицилии, Северной Африки, материковой Греции и Малой Азии. Подобная статья была предпослана Пэйном к первому тому, однако это исследование более чем двадцатилетней давности нуждается в пересмотре и дополнении. Можно надеяться, что прекрасная публикация английских ученых явится стимулом к новым оригинальным исследованиям.

С. П. Борисковская

[13] T. J. Dunbabin. Ук. соч., стр. 37.

[14] M. Robertson. Excavations in Ithaca, V. BSA, 49, 1948, табл. 47, 48; S. Benton. Further Excavations at Aetos. BSA, 48, 1953, табл. 63.

[15] Perachora, II, стр. 477; J. Boardman. Greeks Overseas. Harmondsworth, 1964, стр. 144.

H. Humbach. Die Sogenannte sarmatische Schrift. «Die Welt der Slaven», VI, 3. Wiesbaden, 1961.

К числу трудных проблем, над которыми работают археологи, историки и лингвисты, принадлежат и так называемые «загадочные» или сарматские знаки Северного Причерноморья, известные на многих памятниках первых веков нашей эры: на плитах со строительными надписями, мраморных и известняковых надгробиях, металлических и глиняных сосудах, браслетах, фибулах, пряжках, зеркалах, на украшении конской сбруи, бронзовых котлах, свинцовых гирях, монетах, глиняных грузилах и даже детских игрушках. Каждая новая работа на эту тему привлекает большое внимание; она должна занять свое место в общих научных поисках, которые свыше ста лет ведутся учеными разных стран.

Кроме отдельных статей, посвященных сарматским знакам, в последние годы вышли две специальные работы, в которых привлечен значительный новый материал и высказан ряд суждений по поводу происхождения, ареала распространения, датировки и назначения знаков [1]. Несмотря на предположительный и спорный характер многих положений и выводов, сейчас большинство исследователей сходится, по крайней мере, на том, что эти знаки связаны с сарматами и не могут рассматриваться как сложившаяся система письма, а скорее носят дописьменный характер. Однако в рецензируемой статье Г. Гумбаха предложено совершенно иное решение вопроса.

Г. Гумбах начинает статью с критики взглядов Н. А. Константинова, пытавшегося «читать» причерноморские знаки как глаголическое славянское письмо. Эта точка зрения, бегло высказанная П. О. Бурачковым еще в 1875 г. [2] и вновь предложен-

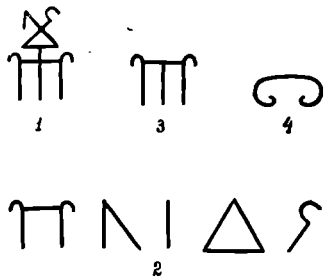
[1] H. Jänichen. Bildzeichen der königlishen Hoheit bie den iranischen Völkern. Bonn, 1956; Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

[2] П. О. Бурачков. О памятниках с руническими надписями, находящихся на юге России. ЗООИД, IX, 1875, стр. 198.

ная Н. А. Константиновым, не получила поддержки и была вскоре после появления его статей осуждена советскими специалистами как ошибочная [3].

Что же излагает автор в позитивной части своей статьи? Предполагая, что некоторые знаки, как, например, Н-образный знак и др., могли быть тамгами, он рассматривает главным образом сложные знаки, часто встречающиеся на боспорских плитах, пряжках и других изделиях, и пытается доказать, что они представляют собой не что иное, как греческие монограммы, т. е. явление совершенно иного порядка.

Вслед за Г. Енихеном Г. Гумбах знак № 1 (рисунок) называет основным и разлагает его для расшифровки на следующие элементы-буквы, следуя сверху вниз ΛΣΟΙΗ. Переставив эти буквы в другом порядке, он получает слово ΗΛΙΟΣ — «солнце». В таблице на стр. 228 для наглядности рядом со знаком № 2 (рисунок) изображены эти буквы.



На пряжках с двумя изображениями нижняя часть знака № 1 (рисунок) отличается от рассмотренного лишь тем, что имеет вид знака № 4 (рисунок), а не знака № 3 (рисунок): в средней части обоих вариантов помещаются треугольник или окружность. Аналогичным способом автор расшифровывает два знака на пряжках как ΗΛΙΟΣ — ΑΠΟΛΛΩΝ и ΗΛΙΟΣ — ΔΙΟΝΥΣΟΣ. Видя некоторую «трудность» в том, что те же знаки он один раз читает как «Аполлон», а другой раз как «Дионис», автор делает оговорку, что одинаковые изображения, видимо, имели разное значение.

Даже если бы мы ничего не знали о сарматских знаках и пытались оценить предложенное чтение только с точки зрения греческих монограмм, то и тогда оно представилось бы нам весьма искусственным и неубедительным.

По многочисленным монограммам на монетах, керамике и других памятниках видно, что при их создании соблюдались определенные принципы, которые в данном случае целиком нарушены [4]. Очертания букв в монограммах правильные; они соответствуют шрифту эпохи и в основном совпадают с формами букв надписи (если таковая имелась на данном памятнике). Как при этом расценить предложенные формы Η и Σ в слове ΗΛΙΟΣ с какими-то «ушками» и «хвостиками» и Ο в виде треугольника, никогда не встречавшиеся в греческой эпиграфике? Столь же невероятно отсутствие какой-либо последовательности чтения букв.

При расшифровке второго изображения на пряжках его нижний элемент (рис. 4) в одном случае рассматривается как омега (в слове ΑΠΟΛΛΩΝ), а в другом, произвольно разрезанный пополам, как два омикрона (в слове ΔΙΟΝΥΣΟΣ). Верхняя одинаковая часть знаков также один раз обозначает ΛΣ, а другой раз ΝΣ. Когда же для слова ΔΙΟΝΥΣΟΣ требуются еще буквы Υ и Ι, то и они с легкостью обнаруживаются в верхней части знака. Однако основное правило для всех лигатур и монограмм требует того, чтобы почти каждая входящая в них буква, соединяясь с другими, сохраняла какую-то самостоятельную часть, по которой ее можно обнаружить (ведь иначе, например, простое Π можно будет представить в виде лигатуры из ΠΙΓ и т. п.). Наконец, следует отметить, что в монограммах и кратких надписях на монетах и др. имена, названия и магистратуры обычно давали в сокращении, лишь иногда помещая для пояснения знак абревиатуры.

Поскольку мы не согласны с чтением Г. Гумбаха, то не будем касаться и его рассуждений об именах указанных богов на различных памятниках Северного Причерноморья. Обратим внимание лишь на одну аналогию, использованную автором. Он предполагает, что к Гелиосу как богу пиршества (Gott des Rauschtrankes), возможно, относятся херсонесские сосуды с надписями ΕΙΛΕΟΣ ΜΟΙΟ(?)ΘΕΟΣ и ΠΕΙΝΕ ΕΥΦΡΑΙΝΟΥ [5]. Но ведь при любых изменениях греческого языка в позднеантичный период невозможно в слове ΕΙΛΕΟΣ усмотреть имя солнечного бога. В дей-

---

[3] Б. А. Рыбаков. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований (тезисы доклада). Крымиздат, 1952, стр. 14 сл.; его же. Русская эпиграфика X—XIV вв. (состояние, возможности, задачи). Сб. «История, фольклор, искусство славянских народов». М., 1963, стр. 34, прим. 3; Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 31 сл.; В. А. Истрин. Развитие письма, М., 1961, стр. 291.

[4] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 91; И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.— Л., 1953, № 28, 85, 131, 226.

Мы не касаемся здесь магических текстов, в которых перемешаны греческие буквы, непонятные знаки и искаженные монограммы, а также различных причудливых монограмм на христианских и других поздних памятниках.

[5] ОАК за 1896 г., стр. 186 сл.

ствительности это выражение читается как Εἵλεός μοι ὁ θεός (будь милостив ко мне, бог) и не имеет никакого отношения к Гелиосу [6].

Теперь вернемся к сарматским знакам. На таблицах, приведенных Г. Енихеном и нами, показаны многочисленные варианты одних и тех же знаков, которые отражают их развитие и изменение, присущие всякой системе знаков. На плитах с надписями боспорских царей Савромата II и его сына Рискупорида III сложные трехчленные знаки отличаются лишь усечением правого рога на втором из них, видимо, свидетельствуя о преемственности этих династических символов [7].

Многочисленные знаки (в том числе и элементы знаков, рассмотренных Г. Гумбахом) встречаются при раскопках в сарматских комплексах на вещах местного, негреческого происхождения, причем по мере продвижения сарматов с востока на запад мы находим эти знаки в различных районах Европы. Все сказанное также противоречит попытке рассматривать эти изображения как греческие монограммы.

Сложным и не до конца ясным остается вопрос о генезисе сарматских знаков. Ряд причин не позволяет безоговорочно принять точку зрения Г. Енихена об их иранском происхождении. Укажем, например, что одним из решающих аргументов он считает принцип построения сложных знаков с неизменной верхней и изменяющейся нижней частью. Однако большой новый материал, оставшийся недоступным Г. Енихену, не всегда подтверждает это положение [8].

В то же время обращает на себя внимание несомненное сходство некоторых сарматских знаков со знаками на монетах Хорезма и Согда [9], керамике и других памятниках Средней Азии [10], свидетельствующее об их связях и заимствованиях.

Г. Гумбах также обратил внимание на это сходство, но сделал отсюда вывод, что два знака в последней строке надписи из Бактрии, найденной в 1957 г.,— это тоже греческие монограммы с именем бога Митры (вся надпись выполнена греческими буквами на иранском языке) [11].

В заключение, чтобы не слыть противником всяких монограмм, мы хотим привести один пример, когда изображения, принимавшиеся за знаки, мы решили отнести к числу монограмм. Речь идет об ольвийской плите, найденной в 1870 г. и впервые опубликованной Ф. Струве [12]. Из-за неточных копий два изображения в нижней части плиты были приняты за восточные знаки, хотя, по нашему мнению, несмотря на грубость исполнения и некоторые нарушения норм, они расшифровываются как основные имена, содержащиеся в надписи [13].

Среди трудно дифференцируемого материала знаков могут оказаться и монограммы [14], но для их выделения нужны достаточно твердые основания. Многочисленные же натяжки, которые порой не убеждают самого автора, доказывают ошибочность его выводов и могут лишь толкнуть на неверный путь в дальнейшей работе по изучению сарматских знаков.

Несмотря на несогласие со взглядами Г. Гумбаха, нельзя не приветствовать возрастающий интерес различных ученых к этим своеобразным памятникам, который явится залогом решения еще одной сложной и важной научной проблемы.

Э. И. Соломоник

---

[6] О надписях на херсонесских сосудах и их культовом значении, не имеющих отношения к данной теме, мы будем говорить в другом месте.

[7] Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 24, 59 сл.

[8] См. общую таблицу знаков в нашей книге, а также статью «Нові памъятки з сарматськими знаками». АП, XI, 1962, стр. 165 сл.

[9] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 184 сл.; О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента. МИА, 66, 1958, стр. 259 сл.

[10] Б. Ставиский. Хионитская гемма-печать. СГЭ, XX, 1961, стр. 54—56; С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории южного Согда в III—VI веках. СА, 1963, 1, стр. 223, 226, рис. 3 и 4.

[11] Расшифровка этих знаков, предложенная Г. Гумбахом (H. Humbach. Die Kaniska-Inschrift von Surkh-Kotal. Wiesbaden, 1960, стр. 12), представляется нам также весьма сомнительной. Фото плиты с надписью из Бактрии: A. Maricq. La grande inscription de Kaniska et l'étéo-tokharien. JA, CCXLVI, 4, Paris, 1958, табл. I. Не обоснована Г. Гумбахом и датировка надписи II в., но решающее слово о всех связанных с нею вопросах принадлежит иранистам.

[12] Th. Struve. Pontische Briefe. Rheinisches Museum für Philologie, 25, 1870, стр. 359 сл.; IOSPE, I², 205.

[13] Э. И. Соломоник. О двух загадочных знаках на стеле из Ольвии. КСИА, 6, 1956, стр. 50—54, рис. 1—3; Ср. легко расшифрованные греческие монограммы на плитах из Пантикапея (В. Шкорпил, ИАК, 54, СПб., 1914; J. Stoian. Tomitana. Bucureşti, 1962, стр. 163 сл., табл. XLII, *1*).

[14] Е. М. Штаерман. О «загадочных знаках» Северного Причерноморья. ВДИ, 1950, 1, стр. 112—115. В качестве знаков могли также использовать ряд устойчивых греческих лигатур, встречающихся на памятниках Северного Причерноморья. Б. И. Наделъ. Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз., XIV, 2, 1955, стр. 191.

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ Л. Р. КЫЗЛАСОВА

В журнале «Советская археология» № 1, 1964, была опубликована рецензия Л. Р. Кызласова на мою книгу «Древнетюркские изваяния Тувы (по материалам исследований 1953—1960 гг.)». Содержание рецензии побуждает меня выступить с настоящим ответом.

Уже в течение ряда лет между Л. Р. Кызласовым и мною существуют очень значительные расхождения по некоторым узловым вопросам археологии Тувы. Расхождения эти применительно к истории поздних кочевников касаются таких проблем, как периодизация древнетюркских памятников, определение древнетюркского времени и, наконец, вопросы, связанные с изучением древнетюркских каменных изваяний.

Главное расхождение между Л. Р. Кызласовым и мною в области изучения изваяний — их семантика, т. е. вопрос о том, кого изображали изваяния — самих тюрок или побежденных ими врагов. Указанные научные разногласия нашли неоднократное отражение в имеющейся археологической литературе по Туве — как в работах Л. Р. Кызласова, так и в моих работах. Критические замечания в адрес ряда положений, высказанных Л. Р. Кызласовым, содержались и в книге, о которой он опубликовал свой отзыв.

Излагая концепции, существующие по вопросу о том, кого изображали древнетюркские изваяния, и приводя изложение точки зрения Л. А. Евтюховой, рецензент пишет, что Л. А. Евтюхова полагает, что изваяния — это «скульптуры умерших сородичей» (стр. 349) и что «А. Д. Грач использовал не только приемы, но и аналогии, приведенные Л. А. Евтюховой, но сделал шаг назад, примкнув к старой концепции Н. И. Веселовского» [1]. Точка зрения Л. А. Евтюховой приведена Л. Р. Кызласовым неточно: Л. А. Евтюхова никогда не придерживалась той крайней точки зрения, которую ей хочет приписать Л. Р. Кызласов. Она никогда и нигде не утверждала, что все каменные изваяния являются изображениями самих тюркских воинов. Действительная точка зрения Л. А. Евтюховой была изложена ею следующим образом: «Суммируя данные о погребальном обряде орхонских тюрок, можно сказать, что все каменные изваяния подразделяются на две группы: изображения самого умершего, его близких и, обычно, гораздо грубее сделанные изваяния или просто камни, стоящие в вереницах, обозначающие сраженных врагов покойного» [2]. Таким образом, Л. А. Евтюхова признает наряду с изваяниями, изображающими самих умерших, существование и второй группы памятников, которые изображали убитых врагов.

Необходимо привести еще один пример неточного изложения Л. Р. Кызласовым точек зрения, отраженных в опубликованной литературе. Автор отзыва обходит стороной тот факт, что в числе сторонников концепции, объясняющей древнетюркские изваяния, как изображения врагов, был не кто иной, как акад. В. В. Бартольд. Л. Р. Кызласов пишет в сноске, что якобы В. В. Бартольд «... опираясь на Н. И. Веселовского, назначение изваяний не разбирал» (стр. 349). А между тем, В. В. Бартольд в широко известной работе о погребальных обрядах тюрко-монгольских народов совершенно ясно сформулировал свое мнение следующим образом: «После открытия орхонских памятников мы знаем, что эти статуи, в надписях названные «балбалами», ставились тюрками в память умершего, первоначально для изображения убитых им врагов, впоследствии, вероятно, с иной целью, так как рядом с мужскими статуями встречаются и женские, возможно, в некоторых случаях они изображали самого покойника» [3]. И далее: «Установлено, что каменные бабы ставились турками и изображали убитых покойником врагов». Здесь же В. В. Бартольд ясно определяет хронологию обеих групп памятников: первая группа — изображения врагов — древнетюркская, с VI в., вторая группа — кыпчакская, современная В. Рубруку [4].

Как уже указывалось одним из предметов давних разногласий между Л. Р. Кызласовым и мною является проблема периодизации древнетюркских памятников Тувы.

В своем отзыве, так же как и ранее в некоторых своих работах, Л. Р. Кызласов полностью обходит молчанием те серии хорошо датирующихся предметов, которые

---

[1] Я при всем желании не мог «примкнуть» к концепции Н. И. Веселовского и тем более объявить себя его последователем, потому что никакой особой концепции Н. И. Веселовского не существует, а существует точка зрения, отстаиваемая рядом авторов. Вообще Л. Р. Кызласов в своей рецензии весьма небрежен в цитировании,— даже ссылаясь на мои работы, т. е. на работы того автора, которого он решил подвергнуть столь суровой критике, Л. Р. Кызласов ни в одном случае не дал правильной и полной библиографической ссылки, а уж здесь рецензенту следовало быть хотя бы минимально аккуратным.

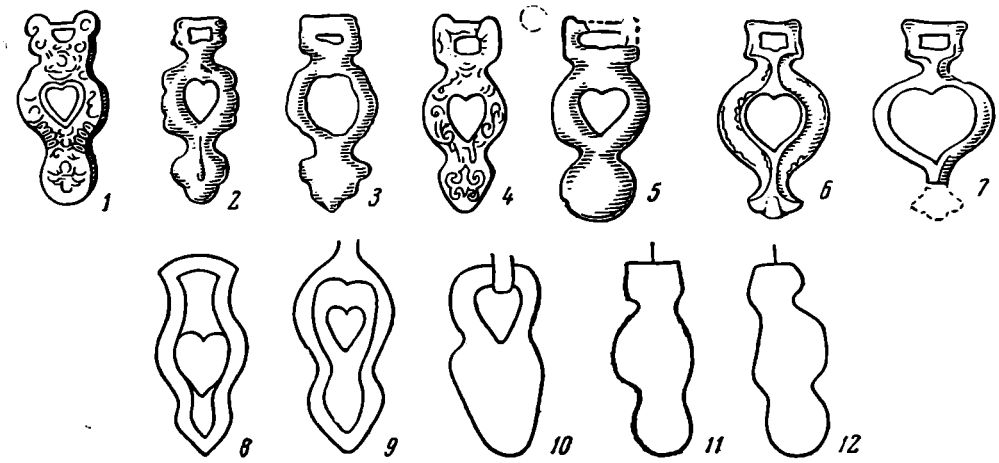
[2] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952, стр. 116.

[3] В. Бартольд. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. ЗВОРАО, 1921, XXV, стр. 1. сл. Кстати сказать, рецензенту, видимо, осталось неизвестным, что В. В. Бартольд задолго до Н. И. Веселовского писал о том, что изваяния не изображали самих умерших тюрок. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. ЗИАН, СПб., 1897, стр. 19 сл. Отд. оттиск.

[4] В. Бартольд. К вопросу о погребальных обрядах..., стр. 2.

найдены в погребениях поздней группы — плоские стрелы, китайские шелковые и шерстяные ткани, зеркала — и упоминает только так называемые лировидные бляхи (рисунок). В отношении противоречивых суждений Л. Р. Кызласова по поводу этих предметов в моей книге были высказаны некоторые критические замечания, которые сводились к тому, что Л. Р. Кызласов, признавая, с одной стороны, что лировидные бляхи изображены на поздних изваяниях VIII—IX вв., в то же время относит к ранней группе — к VII — VIII вв.— те погребения, в которых эти предметы найдены.

Автор рецензии попытался отвести критические замечания в свой адрес, обнаруженные им в моей книге, начав с утверждения, что «Здесь следует положить конец



Сравнительная таблица

1 — Хойцегорский могильник (Забайкалье; по Л. А. Евтюховой, 1952); *2* — Хендерге (Тува; по С. И. Вайнштейну, 1954); *3* — Саглы (Тува; А. Д. Грач, 1960); *4* — Семиречье (по А. Н. Бернштаму, 1952); *5* — Ак-Бешим (Киргизия; по Л. Р. Кызласову, 1959); *6* — Курай (Алтай; по С. В. Киселеву, 1950); *7* — Монгун-Тайга (Тува; А. Д. Грач, 1960); *8—9* — изваяния, серия Л. А. Евтюховой; *10—12* — изваяния, серия А. Д. Грача

путанице, имеющейся в работах А. Д. Грача, по вопросу о встречающихся на поздних изваяниях уйгурского периода фигурных подвесных блях с сердцевидными прорезями» (стр. 351 и сл.). Далее, Л. Р. Кызласов, ссылаясь на тот общеизвестный факт, что эти изделия имеют ряд вариантов, пишет, что он имел в виду, лишь тот тип блях, который был привлечен для датировки поздних изваяний и который в Туве якобы не встречен. При этом Л. Р. Кызласов в числе прочих материалов ссылается на бляхи, обнаруженные раскопками С. И. Вайнштейна в Улуг-Хемском районе Тувы [5], т. е. именно на те предметы, которые, по словам рецензента, якобы не встречены в Туве. Но эти материалы отлично известны каждому, кто занимается древнетюркской археологией. Сравнение этих лировидных блях, найденных в Туве в погребениях поздней группы, с теми аналогиями, которые привлекались Л. А. Евтюховой [6] (действительно правильно указавшей, что это изделия IX в.) и мною, наконец, сравнение этих предметов с теми, которые изображены на каменных фигурах, показывает, что все это — одни и те же предметы, хотя одни из них найдены в Забайкалье, другие — в Семиречье, Киргизии, на Алтае и в Туве. Пользуюсь выражением рецензента: «это станет ясным каждому археологу при их сравнении», тем более, что сам же Л. Р. Кызласов согласен с тем, что этот тип блях — поздний. Наличие второго варианта подобных блях, найденных на Алтае и на юго-западе Тувы, также не спасает концепцию Л. Р. Кызласова — и там и тут они опять-таки найдены в поздних погребениях с северной ориентировкой погребенных (варианты — С, СВ, СЗ), в погребениях, датирующихся, вопреки Л. Р. Кызласову, VIII—IX вв. Изложенное показывает, что никакой «путаницы» в моих работах допущено по этому поводу не было, а Л. Р. Кызласову следовало бы более самокритично проанализировать действительно допущенные им противоречия.

Расхождения между Л. Р. Кызласовым и мною по вопросу об определении древнетюркского времени также велики. Под древнетюркским временем Л. Р. Кызласов понимает только период, охватываемый эпохой существования каганатов орхоно-алтайских тюрок, иными словами — время от возникновения так называемого первого тюркского каганата до 745 г., т. е. до образования уйгурского каганата. С моей точки зрения, понятие древнетюркского времени значительно шире и охватывает период во всяком случае до IX в. Древнетюркское время характерно возникновени-

[5] С. И. Вайнштейн. Археологические раскопки в Туве в 1953 году. УЗТНИИЯЛИ, II, Кызыл, 1954, стр. 150, табл. VIII, *9*.

[6] Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. 109, рис. 65, *4*, *5*.

ем и бытованием на очень широких территориях и у разных народов тюркской языковой семьи общих черт, проявляющихся очень наглядно в материальной культуре — формы оружия, конской сбруи, украшений, сосудов и т. д., а также в наиболее существенных чертах погребального обряда (погребения с конем). Долгое бытование этих черт объясняется прежде всего тем, что, вне зависимости от возникновения тех или иных политических объединений кочевников, на многих территориях в течение столетий продолжало обитать то же в этническом отношении население. К числу этих территорий несомненно относилась и Тува.

Непонятно, зачем понадобилось Л. Р. Кызласову вновь отстаивать точку зрения, рассматривающую историю этнической карты Центральной Азии как некий временной калейдоскоп, мгновенно менявшийся в зависимости от переворотов политического характера, тем более, что сам же Л. Р. Кызласов совсем недавно так писал об эпохе уйгурского каганата: «В этот период времени, несмотря на то, что вся власть в Туве принадлежала уйгурам, преобладающим в численном отношении населением Тувы были местные племена» [8].

Критикуя мое понятие древнетюркского времени, Л. Р. Кызласов указывает, что существование уйгурского периода я был вынужден признать под его влиянием (стр. 351). Подобное суждение представляется по меньшей мере странным, так как существование уйгурского каганата было зафиксировано в письменных трудах задолго до Л. Р. Кызласова — уже более тысячи лет тому назад — и является с тех пор фактом азбучного порядка, а потому вовсе не требовалось вынуждать меня, так же как и любого другого специалиста, занимающегося археологией и историей Центральной Азии, признавать это. Суть дела состоит в том, что не следует намеренно смешивать (в зависимости от той или иной полемической ситуации) два совершенно разных понятия — политическую историю и историю этническую, отраженную в данном случае в двух конкретных и генетически приемственных (чего не отрицает и Л. Р. Кызласов) периодах истории древнетюркского населения Тувы.

Л. Р. Кызласов подробно излагает в рецензии свою систематизацию древнетюркских оградок (стр. 350). Эта систематизация не выдерживает критики прежде всего потому, что именно она отражает подход некомплексный. В том-то и дело, что древнетюркские ограды рассматриваемого круга в абсолютном своем большинстве конструктивно совпадают на самых разных территориях Центральной Азии, вне зависимости от того, установлена при них «полная фигура человека», антропоморфная стела или стела без каких-либо изображений и преднамеренно приданной формы. Ограды и изваяния надо рассматривать именно в целом, а не производя классификацию по какому-то одному признаку (в данном случае по типу изваяния).

Серьезные сомнения вызывает и приводимая автором рецензии статистика наличия или отсутствия рядов простых камней-балбалов — Л. Р. Кызласов явно не хочет учитывать того непреложного факта, что многие из этих рядов (так же, кстати, как и многие изваяния) не сохранились. Систематизация Л. Р. Кызласова содержит ряд прямых фактических ошибок: ориентировка шести из семи фигур публикуемой мною в книге серии приведена им не точно — изваяния, показанные на рис. 5, 16, 21, 48, 49, были обращены не на восток, а на юго-восток, изваяние на рис. 45 — на северо-восток (соответственно ориентированы и ритуальные сооружения). Ошибки эти весьма досадны, так как ориентировка является одним из весьма существенных признаков.

В отношении оград без дополнительных сооружений необходимо заметить, что отнесение всех их к древнетюркскому времени до сих пор невозможно, так как пока неизвестны какие-либо датирующие данные.

Л. Р. Кызласов выдвигает тезис о том, что фотография не в состоянии воспроизвести «тех полуистершихся от времени черт, которые видит глаз при непосредственном осмотре натуры» (стр. 349). Нет никаких оснований для того, чтобы признать это высказывание рецензента правильным. Главным исследовательским документом была и остается фотография — объективный регистратор факта. Прорисовка же является хотя и крайне важным исследовательским методом, но после фотографии она несомненно занимает второе место. Опыт полевого фотографирования показывает, что при наличии надлежащих навыков (прежде всего, выбор угла освещения) в абсолютном большинстве случаев можно получить фото, которое будет в деталях отражать исследуемый объект.

Памятники, о которых идет речь в книге, простояли под открытым небом более 1000 лет. Л. Р. Кызласову, как археологу, конечно, понятно, что за это время многие фигуры не могли не претерпеть известного ущерба. В этой связи недоумение вызывает замечание Л. Р. Кызласова о том, что на 22 изваяниях «плохо различимы такие детали, как уши, пояса, части костюма и т. п. (рис. 3, 4, 11, 14, 18, 27, 40, 43 и др.). На целом ряде фотографий невозможно различить ни черт лица, ни даже вообще каких-либо черт (рис. 16, 21, 31, 33, 35, 36, 39, 43, 44, 51, 63, 65, 89, 90)» (стр. 349).

Если мы обратимся к указанным Л. Р. Кызласовым изваяниям, то оказывается, что на 21 из 22 приведенных автором отзыва примеров детали по степени их сохранности, видны так же, как и в натуре. Что касается изваяния, изображенного на стр. 14, то это был единственный случай, когда фактура камня не позволила хорошо сфотографировать в поле и потому фотография снабжена дополнительными прорисовками.

К сказанному добавим, что у ряда изваяний, в отношении которых Л. Р. Кызласов требует, например, чтобы на фотографиях были видны черты лица и уши, вообще не сохранились головы (рис. 4, 31), а у изваяния, изображенного на рис. 27, полностью сбито лицо — разве можно требовать в подобных случаях, чтобы на фотографиях были видны черты лица и уши?

Л. Р. Кызласов пишет по поводу того, что в прорисях отсутствуют некоторые детали, о которых приводятся данные в описаниях (кисть левой руки изваяния № 8, глаза и нос изваяния № 18, пояс и кисть левой руки изваяния № 23 (стр. 349). По этому поводу я могу лишь еще раз напомнить рецензенту, что прорисовки представляют собой материал, в котором следует показывать то, что с достаточной степенью отчетливости видно в натуре. Детали, о которых речь идет в отзыве, сохранились на изваяниях, но сохранились настолько неразличимо, что я намеренно не счел возможным делать их прорисовки.

Л. Р. Кызласов считает возможным позволить себе сделать заключение, что «...прорисям доверять нельзя, потому что создается впечатление, что делались они с фотографий (и то не точно), а не с натуры» (стр. 349). Вопреки этому заявлению Л. Р. Кызласова, я могут лишь сказать, что прориси делались, естественно, с натуры,— во-первых, потому, что это единственно правильный метод, во-вторых, потому, что это было хотя бы минимальной, но страховкой от возможной неудачи фотографирования.

Л. Р. Кызласов напрасно выражает недовольство по поводу того, что в публикационной части книги только в шести случаях указана длина простых камней-балбалов. Длина рядов была указана мною лишь в тех случаях, когда имелись сохранившиеся их окончания, т. е. в тех случаях, когда длина каждого ряда могла быть определена достоверно.

Л. Р. Кызласов указывает также, что «в книге ни разу не приведено ни одного полного плана комплексов», делая из этого весьма решительный вывод о том, что комплексы вообще не изучались. Генеральные планы в книге не публиковались потому, что наиболее характерные из них были не так давно опубликованы нами — издавать их повторно не было никакого смысла, и в книге мы ограничились соответствующими ссылками (стр. 18—20, 23, 28, 36 и сл.) [7]. То же можно сказать и по поводу оградок с балбалами и главными стелами, не имевшими антропоморфных изображений (т. е. по поводу тех памятников, которые по словам Л. Р. Кызласова, полностью выпали из нашего поля зрения, стр. 350) — данные об этих памятниках также были опубликованы в общих отчетах и других работах.

Допустить, что эти генеральные планы и данные в соответствующих памятниках не известны автору отзыва, невозможно по той простой причине, что сам же Л. Р. Кызласов опубликовал обстоятельную рецензию [8] на то самое издание, где содержались все эти материалы, и потому надо думать, что мои общие отчеты о работах 1957—1958 гг., оценка которых заняла в его рецензии достаточное место, были им все же просмотрены.

Завершая свои ответы на замечания Л. Р. Кызласова по поводу публикационных разделов книги, я должен заметить, что материалы, опубликованные в книге, рассмотрены автором рецензии под каким-то совершенно особым углом зрения. Так, Л. Р. Кызласов пишет: «На имеющихся планах поминальных сооружений часто не показаны стоявшие при них каменные изваяния (рис. 13, 46, 59 и др.)» (стр. 350). Это заключение, так же как и многие другие факты, приводимые в отзыве, совершенно не соответствуют действительности — на всех трех планах изваяния промечены, а на рис. 13 план к тому же сопровождается и профилем, на котором тоже нанесено изваяние.

Сказанное, разумеется, вовсе не исключает того, что описания фигур лишены недостатков и недочетов — рецензент, например, отметил правильно четыре явные ошибки в тексте (изваяния 8, 23, 42, 52 — левая рука названа в тексте правой).

Если подвести итог замечаниям Л. Р. Кызласова относительно публикационной части книги, то получается, что, с его точки зрения, дефектно опубликованы по меньшей мере 22 изваяния и имеется еще множество ошибок в тексте и таблицах. Между тем могут быть приняты лишь четыре замечания рецензента, касающиеся действительно досадных ошибок в тексте.

Не будучи в состоянии начисто отрицать наличие в тувинском эпосе фактов, свидетельствующих о том, что изваяния — это побежденные враги, и позволяющих реконструировать ряд моментов древнего ритуала, связанного с изваяниями, Л. Р. Кызласов пытается «преодолеть» эти факты путем переосмысления в угодном ему духе терминов кθжээ и кижи-кθжээ «Для тувинца любой далеко стоящий в степи камень — кθжээ,— пишет Л. Р. Кызласов,— но при близком рассмотрении он сра-

---

[7] А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и рекогносцировочные исследования в центральной Туве (Полевой сезон 1957 г.). Тр. ТКАЭ, I, М.— Л., 1960 (генеральные планы МТ-58-Б, Г и описания к ним); его же. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.). Там же (генеральные планы КХ-59-А, Б и описания к ним).

[8] Л. Р. Кызласов. Рецензия. СЭ, 1961, 4.

зу отличает «анаа-кθжээ» (обыкновенное кθжээ) от «кижилиг кθжээ» (человеческое кθжээ)» (стр. 354). Иными словами, по Л. Р. Кызласову получается, что, глядя на памятник издали, тувинец называет его одним термином, а подойдя поближе — называет его иначе. Могу заметить по этому поводу, что подобного рода словообразований нет не только в тувинском, но, вероятно, и ни в каком другом языке.

То, что приводится в книге в разделе терминологии и, в частности, по поводу терминов кθжээ и кижи-кθжээ,— это факты, специально проверенные специалистом по тувинскому фольклору и языку Л. В. Гребневым, специалистами-лингвистами проф. И. А. Батмановым и З. Б. Арагачи и мною в различных районах западной, южной и центральной Тувы.

В связи с вопросом об этих терминах Л. Р. Кызласов пишет: «Любопытно, что в более ранней статье А. Д. Грач горячо и правильно ратовал за различение терминов кижи-кθжээ (каменное изваяние) и кθжээ (каменная стела)»[9] (стр. 354). Должен заметить, что, обратившись к тексту старой работы, на которую ссылается автор отзыва, я не обнаружил там оснований для того, чтобы столь резко противопоставлять то, что опубликовано в книге, и то, что было сказано в цитированной моей статье. В статье действительно подчеркивается момент дифференциации терминов — этого я не отрицаю и сейчас. В то же время я должен отметить, что в статье наряду с этим, был неправомерно не подчеркнут мною и другой не менее важный момент — наряду с дифференцированным и обобщенное понимание. Со времени подготовки и публикации этой статьи прошло немало лет, в течение которых, как указывалось выше, я имел возможность, специально занимаясь сбором и проверкой этого материала в поле, убедиться в известной односторонности своей трактовки и в книге поэтому дал уточненное понимание терминологии. Рецензент настолько увлекся, что даже отказался от разделявшейся им точки зрения, заявив, что в тувинско-русском словаре «правильно дано первое значение — „надмогильная плита"...», забыв тем самым, что четырьмя страницами раньше он правильно именовал оградки сооружениями поминальными (стр. 350).

В отношении вопроса о прическе тугю следует заметить, что рецензент в своем стремлении непременно связать изваяния рассматриваемого круга с изображениями самих тюрок и стремясь «преодолеть» тот факт, что на изваяниях показаны косы, напрасно принял реконструкцию китайского текста, приводимую Лю Мао-цаем. С точки зрения советских китаеведов, эта реконструкция совершенно неприемлема потому, что Лю Мао-цай предлагает заменить в тексте один иероглиф другим (бэйфа «распущенные волосы» на бянь-фа «косички»)[10].

В отношении манеры ношения одежды у древних тюрок (запахивание полы слева направо) я продолжаю оставаться на той же точке зрения, которая изложена в книге и основана на свидетельствах источников. Должен сказать, что имеющаяся в книге на стр. 60 явная и весьма досадная ошибка, замеченная Л. Р. Кызласовым, не дает ему права столь решительно заявить об искажении фактов потому, что здесь же совершенно точно приводится текст источника («... левую полу наверху носят...»)[11], подтверждающий, отстаиваемую в книге концепцию. Мною было неоднократно подчеркнуто, что запахивание одежды справа налево, в ряде случаев показанное на изваяниях,— не тюркская черта. Если бы я действительно отстаивал совершенно невероятный факт ношения у тюрков правой полы наверху, получилось бы, что я выступаю против самого себя, против той концепции, которую отстаиваю.

Ознакомление с рецензией Л. Р. Кызласова не позволяет мне считать этот отзыв обоснованным. Конечно, моя книга, так же как и всякая другая работа, нуждается в критике. Мне было бы особенно интересно получить объективное суждение о всех недостатках моей работы со стороны Л. Р. Кызласова — одного из коллег по тематике. К сожалению, содержание рецензии Л. Р. Кызласова показывает, что он предпочел раз и навсегда ликвидировать своим отзывом имеющиеся между нами разногласия.

Л. Р. Кызласов в конце своей рецензии пишет: «Книга А. Д. Грача способна ввести в заблуждение читателей, не знакомых с первоисточниками. Она усиливает разнобой в археологической литературе по вопросу о назначении каменных изваяний» (стр. 355). Надеюсь, что в моем ответе вполне ясно показано, что в заблуждение вводит читателя лишь тот, кто в ходе критики игнорирует или неверно излагает действительные факты. Что же касается научной дискуссии, которую Л. Р. Кызласов с такой досадой называет «разнобоем», то дискуссия будет продолжаться вне зависимости от того, хочется этого Л. Р. Кызласову или нет.

А. Д. Грач

---

[9] Здесь автор рецензии имеет в виду статью: А. Д. Грач. Каменные изваяния Западной Тувы (К вопросу о погребальном ритуале тугю). Сб.: МАЭ, XVI, 1955, стр. 422.

[10] Liu Mau-tšai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-Küe), II, Wiesbaden, 1958, стр. 495 сл. Ранее подобную точку зрения развивал также К. Ширатори. Исчерпывающую справку по данному вопросу дал мне китаевед А. М. Решетов (Институт этнографии АН СССР).

[11] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I, М.— Л., 1950, стр. 229. Это же место приводится в нашей книге и в главе о семантике (стр. 78).

Хроника

Археологические открытия на Кипре в 1959—1961 гг.

Провозглашение независимости Кипра в 1959 г., прекращение военных действий создали нормальные условия для работы археологов. В 1959—1961 гг. раскопки и разведки велись Департаментом древностей Кипра, Кипрским музеем в Никозии, местными музеями, а также иностранными экспедициями: французской, австралийской, шведской.

Неолит, ранний и средний периоды бронзового века

Археологические разведки в горах Кирении (северная часть острова) позволили нанести на карту 182 поселения, главным образом неолитических, раннего и среднего периодов эпохи бронзы. В некрополе Кафкалла, у с. Дения впервые в одном из погребений была найдена расписная ранненеолитическая керамика. Погребения периода ранней бронзы с красной лощеной посудой были открыты на юге острова, около Лимассола. Гробницы с керамикой того же типа, высеченные в скале, обнаружены у дер. Калавассо (на юге острова). Экспедиция Мельбурнского университета под руководством Дж. Стюарта исследовала два некрополя периода ранней и средней бронзы у с. Карми (в районе Кирении) — в Лапатсе. В одном из погребений в Палаилоне находились критские вазы стиля «Камарес» (1800—1750 гг. до н. э.), свидетельствующие о ранних крито-кипрских связях. На стене дромоса другого погребения было высечено рельефное изображение женской фигуры [1]. В Калопсиде (на северо-востоке Кипра) П. Астром (Шведский институт в Афинах) проводил разведочные раскопки поселения конца среднего — начала позднего периода эпохи бронзы. В Таматиосе (у Ридзокарпасо) была открыта камерная гробница периода средней бронзы.

В связи с новой датировкой ранних слоев поселения в Хирокитии (установленной радиоуглеродным методом) — VI тысячелетием вместо IV тысячелетия до н. э.— П. Дикэйос поставил вопрос о необходимости пересмотра хронологии неолитических и энеолитических памятников Кипра.

Период поздней бронзы

В 1959 г. Кл. Шеффер возобновил раскопки в Энкоми — одном из крупных центров второй половины II тысячелетия до н. э. Исследовались постройки XIV—XIII вв. до н. э. вдоль главной улицы города, идущей с севера на юг. В домах были найдены орудия труда, оружие [2], гири, украшения; в слое XII в. до н. э. обнаружена бронзовая статуэтка сидящего бога с чашей в поднятой руке. Погребения обычного типа, находившиеся в городе, у домов, дали гематитовые цилиндры с изображениями: 1) Баала, 2) военного вождя перед крылатым гением, 3) богини Πότνια θηρῶν и 3) колесничной охоты. В 1959 г. расчистили площадку из превосходных каменных плит, связанную с крупным зданием, частично открытым в 1960 г. Кл. Шеффер надеется в связи с этим на открытие царского дворца Алашиа (название Кипра в египетских и хеттских документах).

Раскопки северной части города в 1961 г. дали остатки мастерских металлургов. Район был оборудован канализационной системой из терракотовых труб с фильтрами. В некоторых местах под слоем XIV—XIII вв. до н. э. обнаружены остатки построек и металлургического производства XVIII—XVII вв. до н. э., говорящие о существовании более раннего поселения на месте Энкоми. Раскопки освещают также жизнь города в период нашествия морских народов в конце XIII—XII вв. до н. э. и в

---

[1] P. Dikaios. Archaeology in Cyprus. 1959—1961. Archaeological Reports for 1961—1962. Published by the Council of the Society for the Promotion of the Hellenic Studies. 1961, стр. 33.

[2] V. Karageorghis. Chronique de fouilles à Chypre. BCH, 84, 1960-I, стр. 281; BCH, 1962-I, стр. 395.

последующее время, вплоть до середины XI в. до н. э. Несмотря на изменение характера культуры в XII—XI вв. до н. э. (грубая керамика местного производства вытесняет микенскую; появляется глиптика примитивного стиля), об упадке экономики говорить нельзя: металлургическое производство сохраняет высокий уровень, появляется железо, развивается мореплавание [3]. Следует отметить исследования святилищ, особенно в южной части города. Внутренний дворик одного из них, где нашли превосходную микенскую керамику close style, был покрыт толстым слоем золы от пожара, связанного с нашествием народов моря. Среди находок в святилищах интересны терракотовые фигурки быков, людей, расписные терракотовые маски, по-видимому, надевавшиеся жрецами, каменные печати, скарабеи, орудия труда и оружие. В верхних слоях одного из святилищ (XII—XI вв. до н. э.) обнаружили терракотовые шары с кипроминойскими знаками. Неподалеку от святилищ находились ювелирные мастерские XII—XI вв. до н. э.

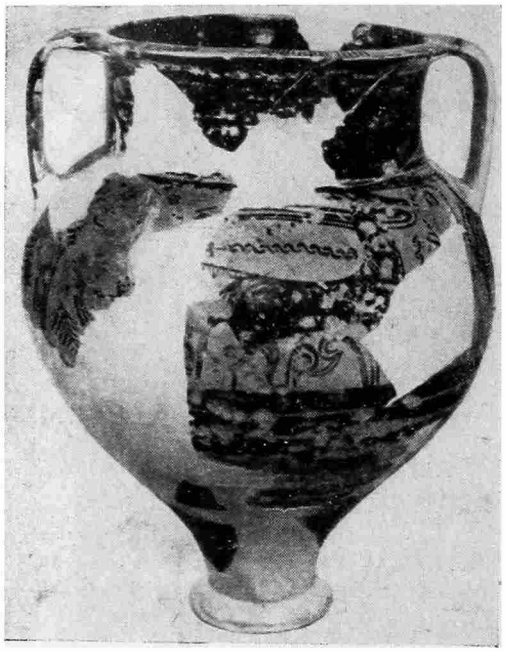


Рис. 1. Кратер с изображением колесницы из раскопок Китиона

Важны первые результаты раскопок Китиона [4] — мало исследованного древнего города, основанного, по преданию, финикийцами в начале I тысячелетия до н. э. В погребениях XIV—XIII вв. до н. э. найдены микенские сосуды, в том числе кратер с изображением колесницы (рис. 1), золотые и серебряные украшения; в захоронении XII в. до н. э.— предметы из слоновой кости и превосходные алебастровые сосуды [5]. По-видимому, погребения располагались между постройками, так же как в Энкоми; на это указывают остатки строений и колодцы, содержащие позднемикенскую керамику типа «granary» [6], обнаруженные рядом с погребениями. Видимо, Китион, был крупным центром типа Энкоми. Значительную часть его населения с XIV в. до н. э. составляли ахейцы, прибывавшие сюда и позднее, во время нашествия дорийцев. Следовательно, его основание нельзя связывать с финикийцами. В отличие от Энкоми, город, несмотря на разрушение около середины XI в. до н. э., продолжал существовать. В связи с этим раскопки Китиона имеют особое значение для характеристики культуры начала I тысячелетия до н. э., освещения вопросов о взаимоотношениях местного населения с греками-ахейцами и финикийцами.

В районе Никозии, близ Пендайи, были открыты гробницы начала периода поздней бронзы с коллективными захоронениями (22 и 12 костяков), относящимися к двум периодам [7]. Керамика с белой облицовкой, раннего типа, найденная здесь («white-slip»), которой иногда приписывается иноземное происхождение, несомненно, связана по происхождению с кипрской керамикой средней бронзы.

В Куклии (на юго-западе острова) был исследован колодец с 70 микенскими вазами типа L. Мус III B (1450—1425 гг. до н. э.). Такие же колодцы открыты в Эврети. Микенскую керамику этого же типа, наряду с местной, содержали погребения в Ахере и Парадиси (район Никозии), исследованные П. Дикэйосом. Среди приобретений музея Никозии нужно отметить часть бронзовой чаши с кипро-минойской надписью [8] и золотое кольцо с выгравированным изображением сидящей фигуры, вероятно, из Энкоми [9].

Геометрический, архаический, классический периоды

В погребениях некрополя древних Сол (северо-западное побережье) в 1960 г. были найдены кикладские кубки [10]. Разновременные архаические и классические погребения с кипрской, восточногреческой и сирийской керамикой раскопаны в Палиокастро, недалеко от Агиа-Ирини (северная часть острова). Погребения конца эпохи бронзы и архаического времени были открыты в Полис-тис-Хрисохус (древний Марион — на северо-западе острова). Здесь было открыто захоронение конца III тыся-

[3] BCH, 86, 1961-I, стр. 396.
[4] V. Karageorghis. Fouilles de Kition. 1959. BCH, 84, 1960-II.
[5] BCH, 84, 1960-II, стр. 550, рис. 58—60.
[6] BCH, 84, 1960—II, стр. 570, рис. 126—128.
[7] P. Dikaois. Ук. соч., стр. 34.
[8] P. Dikaios. Ук. соч., стр. 35, рис. 2.
[9] P. Dikaios. Ук. соч., стр. 36, рис. *6а*.
[10] BCH, 85, 1961-I, рис. 28а.

челетия до н. э. Столь древние памятники в этом районе до сих пор не были известны. В одном из архаических погребений нашли амфору с изображением рыб [11].

В Куклии (Палеопафос — на юго-западе острова) в погребении III геометрического периода (850—700 гг. до н. э.) найдена фрагментированная амфора с изображением колесницы (рис. 2). При раскопках в Аматусе (на юге острова) в развалинах здания найдено много греческой керамики, в том числе стиля Фикеллура, родосско-ионийской, аттической чернофигурной [12]. Местная посуда сделана под влиянием греческой, особенно навкратийской, с которой она имеет поразительное сходство. Новые данные опровергают существующую в литературе точку зрения о негреческом характере культуры города и основании его финикийцами. В. Карагеоргис считает, что связи населения Аматуса с греческим миром были в архаическое время более прочными, чем у других кипрских городов [13]. В окрестностях Аматуса, в Анемосе, при раскопках скальных гробниц II и III геометрических периодов (950—700 гг. до н. э.) кроме кипрских сосудов также найдены греческие: восточногреческие скифосы и протокоринфский арибалл [14]. В районе Лимассола, кроме того, раскапывались в разных местах погребения архаического и классического времени.

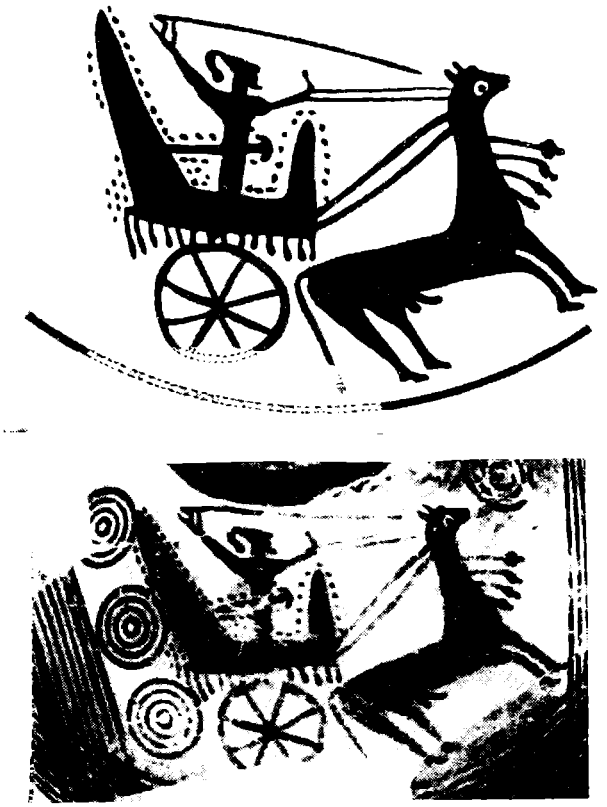


Рис. 2. Фрагмент амфоры с изображением колесницы из погребения III геометрического периода в Куклии

В районе Ларнаки в разных местах (Турабби-Тэке, Кофину, Кампии) открыты погребения геометрического, архаического и классического времени. В Турабби-Тэке, в гробнице, использовавшейся в течение 200 лет (600—400 гг. до н. э.), найден краснофигурный лекиф 440/30 гг. до н. э. с изображениями Эдипа и сфинкса [15].

Из новых поступлений в музей Кипра (Никозия) следует отметить две амфоры с изображениями животных и птиц, свастик и концентрических кругов, выполненными черной и красной красками по белому фону (группа Bichrome IV — 700—600 гг. до н. э.) [16]. В этой же технике расписан сосуд для процеживания с необычно расположенной сбоку от носика ручкой [17]. На горле сосуда — рельефное изображение женской фигуры в прямоугольном обрамлении (на кипрских архаических сосудах пластические украшения редки, они характерны для классического времени). Жертвенное каменное блюдо, поддерживаемое фигурами сфинксов, имеет ближайшие аналогии в Палестине (рис. 3). Среди новых приобретений интересны также терракотовый штамп с крылатым божеством, побеждающим быка (рис. 4), фрагменты серебряной чаши с недешифрованной силлабической надписью [18].

Эллинистический и римский периоды

В Саламине в 1959 г. В. Карагеоргисом были возобновлены исследования гимнасия и начаты раскопки театра [19] первых веков нашей эры (рис. 5). Театр принадле-

[11] P. Dikaios. Ук. соч., стр. 39, рис. 12.
[12] BCH, 85, 1961-I, табл. X.
[13] BCH, 85, 1961-I, стр. 313.
[14] BCH, 86, 1962-I, стр. 408, рис. 102.
[15] P. Dikaios. Ук. соч., стр. 37, рис. 8.
[16] P. Dikaios. Ук. соч., стр. 39, рис. 14; стр. 40, рис. 16.
[17] BCH, 86, 1962-I, стр. 334, рис. 9.
[18] P. Dikaios. Ук. соч., стр. 42, рис. 21.
[19] BCH, 84, 1960-I, стр. 286-288; BCH, 85, 1961-I, стр. 302—306.

Рис. 3. Каменное блюдо с фигурами сфинксов (из новых поступлений в музей Кипра)

Рис. 4. Терракотовый штамп с изображением крылатого божества, побеждающего быка (из новых приобретений в Кипрский музей)

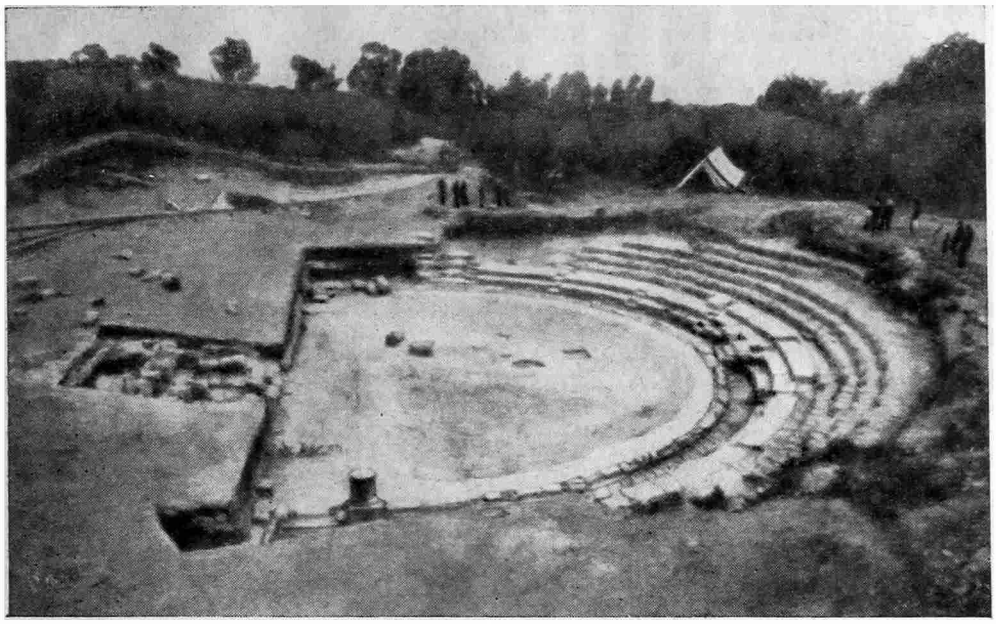


Рис. 5. Общий вид театра в Саламине

Рис. 6. Фрагментированная статуя императора Траяна или Андриана, найденная при раскопках театра в Саламине

жит к числу самых крупных сооружений этого рода. Диаметр его полукруглой орхестры 27,5 *м*. Театр, от которого сохранилось восемь нижних рядов, был расположен на искусственной насыпи. Размеры ступеней (ширина 60 и высота 40 *см*) и расстояние от края орхестры до подпорной стены, поддерживавшей насыпь (40 *м*), дали возможность вычислить количество рядов. (Всего в театре было 55—60 рядов). Театр был разделен проходами на девять секций. В пятом ряду, на уровне скенэ, располагались почетные места (θρόνοι). В центре орхестры находилось углубление для фимелы. Первоначальный «цементный» пол впоследствии был покрыт мозаичным, в связи с чем уровень орхестры поднялся на 10 *см*. Позднее мозаика была разобрана и использована при ремонте соседнего гимнасия. Скенэ представляет собой массивную стену длиной около 40 *м*[20]. Перед нею в 5 *м* находился проскений: пространство между ними соединялось балками, на которые настилался помост. Проскений был украшен фресками. Свинцовые трубы, укрепленные в нем на определенном расстоянии друг от друга, вероятно, являются остатками фонтанов (такое устройство известно в театрах римского времени). На краях орхестры были найдены два круглых мраморных пьедестала с греческими и латинскими надписями на каждом.

Рис. 7. Фрагмент статуи мужчины, найденный при раскопках театра в Саламине

Посвятительная надпись II в до н. э. на одном из них первоначально послужила основой для предположения о существовании на месте этого театра более раннего. Другие надписи более поздние: две — посвящения Коммоду на греческом языке[21]. Латинские надписи являются посвящениями Константию и Максимиану Антистия Сабина, крупного должностного лица. В посвящениях Траяну и Адриану, найденных при исследовании скенэ и проскения, упоминается имя Сервия Сульпиция Панкла, называемого агонофетом, εἰς αἰῶνα γυμνασίαρχος и верховным жрецом. О Панкле известно было уже ранее из нескольких надписей. Отметим некоторые мраморные скульптуры, найденные в основном в районе скенэ и проскения: 1) статую Клавдия (?); 2) изображения Траяна или Адриана (сохранился лишь корпус в панцыре с рельефным изображением рис. 6); 3) статую Геракла-младенца со змеей; 4) скульптуры Аполлона-Мусагета в хитоне, Мельпомены, Мнемосины[22], вероятно, украшавшие frons scaenae; 5) фрагментированную обнаженную мужскую фигуру (рис. 7).

Контрольные зондажи под скенэ и проскением не подтвердили предположения о более раннем театре.

Выяснено, что постройка сооружения относится к концу I в. до н. э. Как видно из одной новой надписи, театр пострадал от землетрясения в 76—77 гг., но вместе с гимнасием и соседним (παρακείμενον) театром был восстановлен Панклом. После нового землетрясения в середине IV в. театр был заброшен и использовался только в V—VI вв. для представлений мимов, популярных в Византии. После арабского завоевания он долгое время служил каменоломней. Сейчас театр и гимнасий восстанавливаются. При земляных работах в Морфу — Мирту были открыты остатки богатого здания с алтарем из песчаника и фрагментированной статуей Афродиты[23]. Возможно, это часть храма Афродиты, подобного храму в Солах. В Кофину (в районе Ларнаки) раскапывались погребения эллинистического времени. В Куклии (Палеопафос) в стене одного из домов обнаружили надпись — клятву верности кипрского народа Тиберию[24].

---

[20] BCH, 86, 1961-I, стр. 403, рис. 95.
[21] BCH, 85, 1961-I, стр. 304, рис. 56.
[22] BCH, 85, 1961-I, табл. IX.
[23] BCH, 85, 1961-I, стр. 315, рис. 68.
[24] BCH, 84, 1960-I, стр. 274, рис. 53.

Раннехристианский период и средневековье

В Саламине продолжались исследования базилики св. Эпифания[25]. Раскапывались в основном пристройки и сооружения вокруг базилики. К древнейшему строительному периоду относятся частично открытый нартекс, баня, отапливаемый крестообразный баптистерий. Открыта часть городской оборонительной стены, построенной в середине XII в. во время арабского нашествия. В Курионе производились раскопки одной из самых больших кипрских базилик. Базилика была построена в V в. Она имела три нефа; пол и часть стен были покрыты мозаикой; найдены обломки орнаментального мраморного фриза. Снаружи открыты вспомогательные помещения.

Во время реставрационных работ в церкви Панагия Ангелоктистос в Китионе (X в.) было установлено, что мозаика с изображением богоматери, по стилю близкая к памятникам VII в. до н. э., относится к более раннему сооружению, включенному впоследствии, при перестройке, в новую церковь[26].

В Новом Пафосе продолжались раскопки византийского замка VII в.[27], раскопана значительная часть центрального донжона, открыта внешняя оборонительная стена. В центральном дворе обнаружены нижняя часть лестницы и баня. Около Нового Пафоса раскапывалась одноабсидная базилика. В скальном святилище около горы Тумбал исследовано три северных помещения[28].

Ю. А. Савельев

---

[25] ВСН, 84, 1960-I, стр. 288.
[26] ВСН, 84, 1960-I, стр. 295, рис. 74.
[27] ВСН, 84, 1960-I, стр. 292.
[28] P. Dikaios. Ук. соч., стр. 45.

С. М. МАРКОВ

После непродолжительной, но тяжелой болезни 15 июля 1964 г. скончался заместитель директора Ростовского краеведческого музея Семен Маркович Марков.

Семен Маркович родился 20 августа 1901 г. в г. Луганске. В 1940 г. окончил историческое отделение историко-филологического факультета Ростовского педагогического института, участвовал в Великой Отечественной войне, имел правительственные награды.

Работая долгое время инспектором по охране памятников Ростовского областного управления культуры, а с 1955 г.— в Ростовском музее краеведения, С. М. Марков много сделал для изучения археологических памятников Нижнего Дона и Приазовья. При его непосредственном участии многочисленные археологические экспедиции в течение последнего десятилетия систематически работали над исследованием таких крупных памятников, как Кобяковское, Елизаветовское, Гниловское, Недвиговское и Подазовское городища, а также большого числа курганов и могильников эпохи бронзы и раннего железа.

Горячо влюбленный в археологию, С. М. Марков был страстным пропагандистом результатов археологических исследований, автором многочисленных статей в местной печати, инициатором издания археологических сборников Ростовского музея краеведения. В последнем из них, вышедшем в 1962 г., в обстоятельной статье С. М. Марковым подведены итоги интенсивных археологических раскопок на Дону в послевоенный период. По его инициативе была проведена также широкая научная конференция по изучению археологических памятников бассейна Нижнего Дона, в которой приняли участие как местные, так и ведущие археологи страны.

Большой заслугой С. М. Маркова является создание Недвиговского археологического заповедника и музея на месте древнего города Танаиса под Ростовом, широко посещаемого советскими и иностранными туристами и археологами.

Не меньшей его заслугой была забота о сохранении для науки археологических памятников при строительстве промышленных предприятий и жилых массивов. Так, благодаря С. М. Маркову были приняты своевременные меры к выделению средств на археологические раскопки Саркела и Кобяковского городища, ряда крупных курганов под Новочеркасском и в других районах области.

Придавая большое значение археологии, С. М. Марков не отрывал ее от общих задач краеведческой работы, рассматривая археологию как одно из важных звеньев изучения истории родного края. В его лекциях находили место интересные рассказы о древнем населении Дона, о славных подвигах донского казачества, о революционной борьбе ростовского пролетариата и о трудовых подвигах наших современников.

Труд и жизнь С. М. Маркова могут служить примером преданности и самоотверженности на большом и благородном поприще краеведения.

Работавшие с С. М. Марковым сотрудники музея и археологи Москвы и Ленинграда навсегда сохранят в своей памяти светлый образ скромного и непритязательного труженика науки.

К. А. Величко, С. И. Капошина, В. П. Шилов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП — Сб. «Античные города Северного Причерноморья»
АИР — Сб. «Археологические исследования в РСФСР»
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
БКИЧПЕ — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода Европы
ВАН КазССР — Вестник Академии наук Казахской ССР
ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР
ВДИ — Вестник древней истории
ВИМК — Вестник истории мировой культуры
ВЛГУ — Вестник Ленинградского гос. университета
ВМГУ — Вестник Московского гос. университета
ВСОРГО — Восточно-сибирское отделение Русского географического общества
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИКМ МССР — Гос. историко-краеведческий музей Молдавской ССР
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств
ГПлНМ — Годишник на народния археологически музей. Пловдив
ДАН — Доклады Академии наук
ДАЭ — Дагестанская археологическая экспедиция
ЗВОРАО — Записки Восточного Отделения Русского археологического общества
ЗЖ — Зоологический журнал
ЗИАН — Записки Академии наук (СПб.)
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСАРАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии АН СССР
ИА ИИ МГУ — Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при Моск. гос. ун-те
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИВСОРГО — Известия Восточно-сибирского отделения Русского географического общества
ИГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры
ИКДР — Сб. «История культуры древней Руси»
ИМ — Историк-марксист
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИЭ — Институт этнографии
ИЭМ — Историко-этнографический музей АН Литовской ССР
Карач-ЧеркесНИЯЛИ — Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Украинской ССР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛГУ — Ленинградский гос. университет
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ — Сб. «Музей антропологии и этнографии»
МВХПУ — Московское высшее художественно-промышленное училище
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКА — Материальная культура Азербайджана
НВОК — Труды Нижне-волжского областного научного общества краеведения
НИИК — Карельский научно-исследовательский Институт культуры

НС — Нумизматический сборник
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОИФ — Отделение истории и философии АН СССР
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАЖ — Русский антропологический журнал
РФИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского ФАН СССР
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
Сообщ. ВЦНИЛКР — Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных и художественных ценностей
Сообщ. ИИИ — Сообщения Института истории искусств
СЭ — Советская этнография
ТИЭ — Труды Института этнографии
ТОАМ — Труды отдела античного мира Эрмитажа
ТОИПКГЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Эрмитажа
ТСА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов обществ. наук
Тр. АбхазИЯЛИ — Труды Абхазского Института языка, литературы, истории
Тр. ГИМ — Труды Гос. исторического музея
Тр ИГН — Труды Института геологических наук
Тр. ИИАЭ КазССР — Труды Института истории, археологии, этнографии Казахской ССР
Тр. ОУАК — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
Тр. СухумГПИ — Труды Сухумского педагогического института
Тр. ТАКЭ — Труды Ташкентской археологической комплексной экспедиции
Тр. ТашГУ — Труды Ташкентского гос. университета
Тр. ТКАЭ — Труды Тувинской комплексной археологической экспедиции
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уз. ДГУ — Ученые записки Дагестанского гос. университета
Уз. ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского ФАН СССР
Уз. СГУ — Ученые записки Саратовского гос. университета
Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории
Уч. зап. КабНИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института
Уч. зап. ХНИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории
ЭВ — Эпиграфика Востока
ЭОЛЕАЭ — Этнографическое отделение Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
AAB — Acta archaeologica Budapesta
AAKb — Acta archaeologica. København
AJA — American Journal of Archaeology
Arch. Anz — Archäologischer Anzeiger
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
BGA — Bibliotheca geographicorum arabicorum
BSA — Annual of British School at Athens
BSNR — Buletinul societătu numismatice Române
Clara Rhodos — Studi e Materiali pubblicati dall'Istituto storico-archeologico di Rodi (1928)
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
IG — Inscriptiones Greaecarum
IosPE — Inscriptiones antiquae graecae et latinae, orae septentrionalis Ponti Euxini
JA — Journal Asiatique
JHS — Journal of Hellenic Studies
Liddell — Scott — H. G. Liddell and R. Scott. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1925—1936
PPS — Proceedings of the Prehistoric Saciety (Cambridge).
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche
SEHHW — M. Rostovtzeff. The Social and Economic History of the Hellenistic World
WA — Wiadomości archeologiczne
ZE — Zeitschrift für Etnologie
ZFA — Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

В. Г. Котович (Махачкала). О хозяйстве населения горного Дагестана в древности 5
А. К. Амброз (Москва). Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») 14
Т. В. Блаватская (Москва). Аспург и Боспор в 15 г. н. э. 28
Л. Р. Кызласов (Москва). О датировке памятников енисейской письменности 38
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). О датировке типов вещей по погребальным комплексам 50
Л. Л. Полевой (Кишинев). Археологические материалы к истории Молдавии XIV в. 66
К 80-летию А. Я. Брюсова 81
К 60-летию Э. Д. Шноре 87
К 60-летию В. Ф. Гайдукевича 89

Публикации

И. И. Коробков (Ленинград). Новые палеолитические находки на Яштухе (По результатам работ 1961 г.) 91
Г. И. Андреев, Ю. М. Фомин, П. П. Пашкин (Москва). Неолитические поселения Подкаменной Тунгуски 100
А. П. Деревянко (Новосибирск). Новопетровская культура (культура пластин) на Среднем Амуре 114
М. А. Дэвлет (Москва). Большая Боярская писаница 124
И. П. Берхин-Засецкая, Л. Я. Маловицкая (Ленинград). Богатое савроматское погребение в Астраханской области 143
Дж. А. Халилов (Баку). Археологические памятники I тысячелетия у с. Худжбала в Азербайджанской ССР 154
М. М. Михельбертас (Вильнюс). Римские металлические предметы в Литве 163
А. М. Белсницкий (Ленинград). Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента 178
А. Н. Кирпичников (Ленинград). Древнейший русский подписной меч 197
А. В. Арциховский (Москва). Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. 202

Заметки

М. Н. Клапчук (Караганда). Археологические находки в Карагандинской области в 1962 году 212
С. А. Семенов (Ленинград). Керамический серп из древнего поселения Эриду в Ираке 217
А. П. Рунич (Пятигорск). О почти исчезнувшем бытовом предмете . . . 220
Л. И. Лавров (Ленинград). О пути вторжения киммерийцев в Переднюю Азию 223
И. Б. Брашинский (Ленинград). Клазоменская гидрия из Ольвии . . . 225
С. А. Есаян (Ереван). Погребения VI—V вв. до н. э. в горах Шамшадина (Армения) 229
Н. А. Богданова (Бахчисарай). Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника 233
Г. Д. Белов (Ленинград). Стеклоделие в Херсонесе 237
М. Н. Федоров (Ташкент). К вопросу о последнем караханидском дворце на Афрасиабе 239
Г. В. Штыхов (Минск). Печать XII в. из Полоцка 242
В. П. Даркевич (Москва). О серебряной ложке из Новгорода 245
Л. С. Миляева (Киев). Памятник галицкой живописи XIII в. 249
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Памятник мусульманского зодчества в Хара-Хото 258
М. В. Седова (Москва). Каменные иконки древнего Новгорода 262
Т. В. Николаева (Загорск). Надгробие Новгородского архиепископа Сергия 266
О. Ю. Круг (Москва). Некоторые особенности технологии керамического производства на черняховском поселении Журавка 269
И. Л. Ногид, А. И. Поздняк (Ленинград). Консервация мокрой археологической древесины 277
П. Н. Смирнов, Я. А. Шер (Ленинград). Применение полимеризационных пластиков для копирования наскальных рисунков 279

Критика и библиография

С. А. Токарев (Москва). André Leroi-Gourhan. Les religions de la préhistoire (Paléolithique). Paris, 1964 283
В. А. Пазухин, Е. Н. Черных (Москва). S. Junghans, E. Sangmeister, M. Schröder. Metallanalysen Kupferzeitlicher und frühbronzezeitlicher Bodenfunde aus Europa. Berlin, 1960 288
С. П. Борисковская (Ленинград). Perachora. The sanctuaries of Hora Akraia and Limenia. Excavations of the British School of Archeology at Afhens, 1930—1933. II. Oxford, 1962 297
Э. И. Соломоник (Симферополь). H. Humbach. Die Sogenannte sarmatische Schrift. «Die Welt der Slaven», VI, 3. Wiesbaden, 1961 299
А. Д. Грач (Ленинград). По поводу рецензии Л. Р. Кызласова 302

Хроника

Ю. А. Савельев (Москва). Археологические открытия на Кипре в 1959—1961 гг. 307
С. М. Марков 314

SOMMAIRE

Articles

V. Kotovitch (Makhatchkala). Sur l'étude de l'économie des habitants des régions montagneuses du Daghestan dans l'Antiquité 5
A. Ambros (Moscou). Le symbole du culte des premiers agriculteurs (le rhomboïde avec des crochets) 14
T. Blavatskaïa (Moscou). Le roi Aspourgue et le Bosphore en l'an 15. de n. ère 28
L. Kyzlasov (Moscou). Sur la date des monuments écrits de l'Iénissei . . . 38
G. Fedorov-Davydov (Moscou). Comment dater les différents types d'objets d'après l'ensemble des trouvailles faites dans les tombeaux 50
L. Polevoï (Kichenev). Matériaux archéologiques sur l'histoire de la Moldavie du XIV s. 66
Pour le quatre-vingtième anniversaire de A. Brussov 81
Pour le soixantième anniversaire de E. Chnoré 87
Pour le soixantième anniversaire de V. Gaïdoukevitch 89

Publications

I. Korobkov (Léningrad). Les nouvelles trouvailles paléolithiques proche du mont lachtouha (Les resultats des fouilles de 1961) 91
G. Andreev, J. Fomin, P. Pachkin (Moscou). Les établissements néolithiques de Podkamennaïa Toungouska 100
A. Derevianko (Novosibirsk). La culture Novopetrovskaïa (culture «des plaques») sur le cours moyen d'Amour 114
M. Davlet (Moscou). La «Grande pisanitza» du mont Boïarskaïa (dessins rupestres) 124
I. Berkhin-Zasetskaïa, L. Malovitskaïa (Léningrad). La riche sépulture de la région d'Astrakhan 143
J. Khalilov (Bakou). Les monuments archéologiques du Ier millénaire près du village Khoudjabala en République Socialiste Soviétique d'Azerbaïdjan . . 154
M. Mikhelbertas (Vilnus). Les objets romains en métal en Lituanie 163
A. Belenitsky (Léningrad). Les résultats des fouilles de l'ancien Piandjikent au cours de ces dernières années 178
A. Kirpitchnikov (Léningrad). Le plus ancien glaive russe signé 197
A. Artsikhovsky (Moscou). Les documents écrits sur écorce de bouleau provenant des fouilles de 1962—1964 202

Notes

M. Klaptchouk (Karaganda). Trouvailles archéologiques dans la région de Karaganda de 1962 212
S. Semenov (Léningrad). La faucille céramique de l'établissement ancienne Eridu en Irak 217
A. Rounitch (Piatigorsk). Sur un objet usuel dont l'emploi est presque disparu 220
L. Lavrov (Léningrad). Sur la voie de l'invasion des Cimmériens en Proche-Orient 223
I. Brachinsky (Léningrad). Une hydrie de Klasomène trouvée à Olbia . . . 225
S. Esaïan (Erevan). Les sépultures des VIe — Ve ss. av. n. ère. dans les montagnes de Chamchadina (République Socialiste Soviétique d'Arménie) . . . 229
N. Bogdanova (Bakhtchisarai). Les stèles scyte et sarmate de la nécropole de Zavetnoie 233
G. Belov (Léningrad). La verrerie à Chersonèse 237
M. Fedorov (Tachkent). Sur la palais des Karakhanides à Aphraciabe . . . 239
G. Chtykhov (Minsk). Un sceau du XIIe s. provenant de Polotsk 242
V. Darkevitch (Moscou). Sur la cuiller d'argent de Novgorod 245
L. Milaëva (Kiev). Une peinture de Galitch datant du XIIIe s. 249
G. Pougatchenkova (Tachkent). Monument de l'architecture musulmane à Khara-Khoto 258
M. Sedova (Moscou). Les icônes de pierre de l'ancien Novgorod 262
T. Nikolaéva (Zagorsk). L'épitaphe de Serge l'archevêque de Novgorod . . . 266
O. Kroug (Moscou). Quelques particularités technologiques de l'industrie céramique dans l'établissement de Jourovka, attribué à la culture de Tcherniakhovo 269
I. Noguid, A. Posdniak (Léningrad). La conservation du bois humide provenant des fouilles archéologiques 277
P. Smirnov, I. Cher (Léningrad). Application du plastique pour copier les dessins rupestres 279

Critique et bibliographie

S. Tokarev (Moscou). André Leroi-Gourhan. Les religions de la préhistoire (Paléolithique), Paris, 1964 283

V. A. Pazoukhine, E. N. Tchernykh (Moscou). S. Junghans, E. Sangmeister, M. Schröder. Metallanalysen Kupferzeitlicher und frühbronzezeitlicher Bodenfunde aus Europa. Berlin, 1960 288
S. Boriskovskaïa (Léningrad). Perachora. The sanctuaries of Hora Akraia and Limenia. Excavations of the British School of Archeology at Athens, 1930—1933. II. Oxford, 1962 297
E. Solomonik (Simféropol). H. Humbach. Die Sogenannte sarmatische Schrift. «Die Welt der Slaven», VI, 3. Wiesbaden, 1961 299
A. Gratch (Léningrad). A propos de la critique de L. Kyzlasov 302

Chronique

J. Savéliev (Moscou). Découvertes archéologiques à Chypre en 1959—1961 . . 307
S. Markov 314

ПОПРАВКИ К СА, 1965, 2

В статье Т. В. Блаватской «Рескрипты царя Аспурга» следует читать: на стр. 198, в строке 23 сверху — [Βασιλεὺς Ασ]πούργος; на стр. 199, в строке 30 сверху — ὅπως.

В статье А. В. Гадло «Новый памятник тмутороканского времени из Приазовья» на стр. 224, в строке 26 сверху следует читать:... ὁ ἅγιος.